

СОЮЗНИКИ В ВОЙНЕ

1941-1945

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

СОЮЗНИКИ В ВОЙНЕ 1941-1945

Ответственные редакторы:

А. О. ЧУБАРЬЯН, У. Ф. КИМБОЛЛ, Д. РЕЙНОЛДС

К 50-летию Победы

МОСКВА
"НАУКА"
1995

ББК 63.3(0)62
С 70

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
согласно проекту № 93-06-10603

Рецензенты:

доктор исторических наук В.Л. МАЛЬКОВ
доктор исторических наук А.С. ОРЛОВ

С70 **Союзники в войне. 1941–1945** – М.: Наука, 1995.— 452 с.
ISBN 5-02-009601-6

Коллективный труд, совместно подготовленный известными историками России, США и Великобритании, освещает недолговременный, но в целом успешный опыт сотрудничества главных государств антигитлеровской коалиции в период Великой Отечественной войны. Наряду с показом военного и экономического вклада союзников в достижение победы над фашистским блоком, раскрываются структура антигитлеровской коалиции, взаимодействие вооруженных сил, значение ее опыта. На английском языке книга опубликована в 1994 г. в Нью-Йорке издательством "Сен Мартин прес".

Для широкого круга читателей.

С $\frac{0500000000-008}{042(02)-95}$ 18-95, I полугодие

ББК 63.3(0)62

ISBN 5-02-009601-6

© Коллектив авторов, 1995
© Российская академия наук,
1995

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию.....	5
<i>А.О. Чубарьян</i>	
Предисловие к американскому изданию.....	17
<i>Д.Рейнолдс, У.Ф.Кимболл, А.О. Чубарьян</i>	
Введение	22
<i>Д.Рейнолдс</i>	
Часть I. СТРАТЕГИЯ	
1. Великобритания: Стратегия не прямых действий.....	36
<i>А. Данчев</i>	
2. Советский Союз: Стратегия прямого противоборства.....	60
<i>О.А.Ржешевский</i>	
3. Соединенные Штаты: Глобальная стратегия.....	85
<i>М. А. Столер</i>	
4. Коалиция: Структура, стратегия, руководство.....	109
<i>Т. А. Уилсон и другие</i>	
Часть II. ЭКОНОМИКА	
5. Великобритания: Циклопы.....	140
<i>Р. Дж. Овери</i>	
6. Советский Союз: Феникс.....	173
<i>Л. В. Поздеева</i>	
7. Соединенные Штаты: Левиафан.....	197
<i>Т. А. Уилсон</i>	
8. Сотрудничество: Торговля, помощь, технология.....	225
<i>Р. Дж. Овери и другие</i>	
Часть III. ТЫЛ	
9. Великобритания: Народная война?.....	254
<i>Ж. Харрис</i>	
10. Советский Союз: Великая Отечественная война.....	279
<i>М.М. Наринский</i>	
11. Соединенные Штаты: Хорошая ли это была война для Америки?.....	303
<i>Ч.С. Александер</i>	
12. Взаимные представления: Имиджи, идеалы, иллюзии.....	326
<i>М.М.Наринский, Л.В.Поздеева и другие</i>	

Часть IV. **ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА**

13. Великобритания: Имперская дипломатия.....	348
<i>Д.Рейнолдс</i>	
14. Советский Союз: Геополитическая дипломатия.....	368
<i>Л.В.Поздеева</i>	
15. Соединенные Штаты: Демократическая дипломатия.....	394
<i>Л.С.Гарднер, У.Ф.Кимболл</i>	
16. Наследие: Союзники, противники, потомки	422
<i>Д.Рейнолдс и другие</i>	
Об авторах	445
Указатель имен	448

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Подготовка и публикация на русском языке написанной совместно историками России, Великобритании и США книги об антигитлеровской коалиции (на английском языке книга издана в США — *Allies at War*. N.Y.: St.Martin's Press, 1994) станет заметным явлением в мировой историографии. Этот труд напрямую связан с окончанием холодной войны, периода жесткой конфронтации не только в политике, но и в идеологии и историографии. Многолетняя традиция, когда советская историография обвиняла во всех «смертных грехах» западных ученых и когда в США и в других странах преобладал обличительный в отношении советской историографии тон, не могла не сказаться и на историографии второй мировой войны.

Эта традиция, надеюсь, ушла в прошлое, что открыло перед учеными возможность честно и объективно проанализировать причины, ход и итоги второй мировой войны. На многих международных встречах, на подготовке трудов, в том числе и нашего, уже сказались благотворно перемены в политике и историографии.

Новые подходы к изучению истории в российской историографии, отход от прежних штампов и стереотипов проявились и в данном труде, хотя многие вопросы еще ждут своего раскрытия и анализа в будущем.

Следующей важной особенностью современной историографии второй мировой войны стало открытие ранее недоступных российских архивов. Но, к сожалению, процесс их использования только начался, и читатель не сможет еще увидеть в этой книге большие массивы новых документов, особенно относящихся к процессу принятия решений в высшем советском руководстве.

И все же в труде и российские, и американские, и английские историки ввели в научный оборот значительное число интересных материалов.

Книга историков трех стран, главных участниц антигитлеровской коалиции, позволяет поставить множество важных проблем истории второй мировой войны как общетеоретического, так и конкретно-исторического характера. Часть этих проблем поставлена и решается в книге, часть — лишь обозначена, а некоторые — возникают в результате последних достижений и изысканий историков различных стран.

Прежде всего, укажем на сам феномен антигитлеровской коалиции и его место в истории XX столетия.

Какие факторы обусловили создание коалиции и каковы были основные цели ее участников, приведшие их к единству и к тесному военно-

политическому союзу? В обширной литературе этот вопрос, кажется, уже был достаточно раскрыт и проанализирован. И все же отметим один чрезвычайно важный, на наш взгляд, аспект. Речь идет об общечеловеческом и общедемократическом факторах. В документах антигитлеровской коалиции на протяжении всей войны этот фактор проявлялся весьма часто и с нарастающей степенью интенсивности. Лишь обозначенный в Атлантической хартии, он фигурировал в ряде двусторонних договоров и соглашений, в Декларации об Освобожденной Европе, в итоговых документах встреч глав трех великих держав и с особой силой — в материалах, относящихся к созданию Организации Объединенных Наций.

При этом мы имеем в виду не только и не столько положения о глобальных системах безопасности, а общедемократические принципы и установления.

Трудно даже предположить, что Сталин мог бы поставить в 30-е годы свою подпись под документами, в которых шла речь о правах человека, о защите тех самых принципов демократии, которые клеймились в Советском Союзе как буржуазные и классово неприемлемые для страны победившего социализма. Включение их в согласованные и общие документы государств — участников антигитлеровской коалиции отражало весьма существенный элемент, связанный с целями и задачами коалиции. Сама логика развития, механизмы функционирования коалиции заставили ее участников отбросить и забыть прошлые идеологические разногласия и взаимные обвинения и найти общие формулы, еще недавно казавшиеся немыслимыми для документов государств и личностей со столь противоположными воззрениями и идеологическими установками.

Применительно к Советскому Союзу можно вспомнить жесткую риторику его лидеров в 30-е годы, директивные установки хотя бы последнего (предвоенного) XVIII съезда партии, где разоблачались буржуазный либерализм и пацифизм, где деятельность Лиги наций осуждалась не только за ее бессилие и беспомощность, но и за базовые установки, где клеймились “ложные буржуазные трактовки” демократии и человеческих свобод.

А всего лишь спустя пять-семь лет под Уставом ООН, в котором эти самые свободы обозначены как наиболее важные и существенные, стояла подпись представителя страны, которая каких-то несколько лет назад, следуя марксистско-ленинской традиции, не признавала буржуазную трактовку этих понятий.

Можно сказать и о том, что на протяжении всей войны лидеры Советского Союза резко осуждали нацизм не только за его агрессию, но и за его расовые теории, и за преступления перед человечеством.

Применительно к Западу следует также вспомнить о многочисленных заявлениях его лидеров о невозможности широких соглашений с репрессивным советским режимом. А затем в ходе войны они демонстрировали готовность договариваться с советскими лидерами не только по прагматическим соображениям, но и по основным демократическим принципам.

Общечеловеческим и общедемократическим тенденциям в деятельности коалиции способствовало и то, что антигуманная, расистская и человеконенавистническая сущность нацизма вызывала неприятие и осуждение миллионов людей и мировой общественности.

Всё это означало, что логика развития в экстремальной ситуации XX в. заставляла политических лидеров считаться с общечеловеческими и общедемократическими интересами и потребностями миллионов людей. И хотя в целом исторический период согласия и союза оказался недолговечным, сам факт его создания достаточно примечателен. В этом плане заслуживают внимания высказывания некоторых современных историков, политиков и общественных деятелей, что идеи “великого союза” в годы войны в чем-то предопределили сдвиги в развитии международных отношений периода разрядки и глобальных перемен в международных отношениях (Великий, или Большой, союз — Grand Alliance — название 3-го тома мемуаров У.Черчилля о второй мировой войне. В нашем труде употребляются оба эти названия).

Дихотомия, выразившаяся в противопоставлении фашизма и демократии, отодвинула в годы войны на второй план противоречия демократии и сталинской системы. Этому способствовало и то обстоятельство, что многие тысячи советских офицеров и солдат, оказавшихся на заключительном этапе войны и после победы за рубежами Советского Союза, увидели своими глазами реальную жизнь и практику Запада, почувствовали значение и преимущества союза с западными демократиями, а не борьбы с ними. Именно это обстоятельство и страх перед подобными настроениями в большой мере повлияли на решение Сталина и советского руководства вскоре после войны развернуть антизападную кампанию и усилить противоборство с Западом, с государствами — бывшими союзниками по коалиции.

В равной мере и многие западные деятели и «простые» офицеры и солдаты узнали реальных людей из Советского Союза, почувствовали к ним симпатию, поняли не только возможность, но и явную пользу общения и добрососедских отношений.

Следующая проблема связана с внутренней противоречивостью коалиции. Когда мы говорим и думаем о причинах резких перемен в мировом развитии после второй мировой войны и в переходе от союза к жесткой конфронтации, то следует иметь в виду и сам характер Великого союза и обстоятельства его создания.

Глубокое и острое противостояние Советского Союза и его будущих союзников по коалиции в 20-30-е годы, отошедшее в сторону в годы войны, не могло исчезнуть и не исчезло. В его основе лежали и столкновение разных систем ценностей и различные национальные интересы.

И, как это уже бывало неоднократно в истории, противоречия и различия нарастали по мере приближения победы. Единство целей, связанных с необходимостью разгрома общего врага, по мере их реализации теряло свое прежнее значение как главного фактора, скрепляющего коалицию.

В деятельности коалиции постоянно ощущалась некая согласованность национальных и универсалистских тенденций. Их противоречие

проступало часто, но до определенного момента они не действовали как взаимоисключающие факторы. По мере приближения победы и обсуждения проблем послевоенного устройства мира это противоречие не только нарастало, но и принимало все более острые и порой непримиримые формы. Стало также очевидным, что международные союзы и коалиции, объединяющие столь противоположные идеологические системы, не могут быть прочными и постоянными. Когда идеология и национальные интересы, часто принимающие форму имперских устремлений, соединялись вместе, они оказывали сильное эрозирующее влияние на деятельность коалиции и в итоге вскоре после победы привели ее к фактическому развалу.

В этом плане некоторые соглашения заключительного этапа войны усиливали будущие центробежные тенденции. Такими стали, например, известные ялтинские и последующие договоренности о фактическом разделе послевоенных сфер влияния и интересов (хотя об этом прямо и не говорилось).

Создавая внешне основу для глобального соглашения, ялтинские формулы одновременно закладывали условия для будущего соперничества на мировом и региональном уровнях, усиливавшегося по мере роста идеологических и имперских противоречий, прежде всего между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки.

Антигитлеровская коалиция, и это показано в книге, представляла собой комплекс политических, дипломатических, военных и экономических отношений. В советской историографии главное внимание уделялось, как правило, политической и дипломатической стороне. Между тем чрезвычайно интересен экономический аспект. И читатель сможет найти много данных об экономических связях союзных государств и об экономической помощи, оказанной США Советскому Союзу в рамках ленд-лиза, того фактического материала, который ранее был мало доступен. Официальная советская пропаганда стремилась всячески преуменьшить размеры и значение этой помощи и в целом роль США в достижении победы, усматривая в этом принижение роли СССР в войне. Но факт роли советского фронта в разгроме нацистской Германии совершенно очевиден, и правдивая информация о вкладе союзников, в частности в экономической области, не могла, естественно, повлиять на освещение роли Советского Союза.

Для российского читателя представят большой интерес и данные об американской экономической помощи Великобритании, что также было малоизвестно широкой публике.

При знакомстве с политическими и дипломатическими отношениями российский читатель может опираться на многочисленную литературу, изданную ранее в Советском Союзе, в том числе и на документальные публикации. Важное место среди них занимают документы о советско-американских, советско-английских и советско-французских отношениях в период войны, а также материалы о конференциях в Москве, Тегеране, Думбартон-Оксе, Ялте, Сан-Франциско и Потсдаме, опубликованные в свое время в Советском Союзе.

Некоторая часть этих документов проанализирована в представляемом труде, но по-прежнему ощущается потребность в документах высшего советского руководства, которые могли бы показать, как на этом уровне шла подготовка к важнейшим международным встречам и какие в связи с этим решения принимались.

В СССР была издана переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем, но нашему читателю практически не известна аналогичная переписка между главами США и Великобритании, подробно и в деталях, с комментариями опубликованная на Западе. Упоминания об этой переписке, ссылки на ее содержание будут чрезвычайно полезны и интересны для широкого читателя в России.

Вообще подготовка новых трудов, непредвзятых и объективных, об отношениях между участниками коалиции позволит подробно проанализировать этапы ее складывания, эволюцию, успехи, трудности и противоречия. В частности, важно уловить, когда, на каком этапе, по каким вопросам и в каких формах проявлялись и нарастали противоречия между союзниками. Особый интерес в этой связи представляет обсуждение в руководящих кругах союзников будущего послевоенного устройства мира, выявление того, насколько влияли на эти обсуждения устойчивые представления предвоенных лет и идеологические стереотипы правящих элит в СССР, США и Великобритании.

Можно будет поставить и более общие вопросы о взаимосвязи политики и идеологии, а также о сущности и границах международных компромиссов.

Как известно, в течение длительного времени в дипломатическую практику XX в. внедрялось такое толкование компромисса, при котором он служил лишь средством получения односторонних преимуществ. Такой подход лишал компромиссы жизненности и длительной перспективы, не стимулируя доверия между участниками различных блоков и соглашений.

Естественно, что в основе многочисленных коалиций и блоков в истории лежали, прежде всего, национальные интересы различных государств. Особенность большинства таких коалиций состояла в том, что они были непрочными, их участники легко переходили из одного лагеря в другой, а соответственно и степень доверия между ними была минимальной.

Обращаясь к антигитлеровской коалиции, можно констатировать, что ее глобальный характер, наличие в ее целях общедемократических и общечеловеческих аспектов делали ее с самого начала неординарным феноменом. Ее широкая основа, поддержка ее целей десятками миллионов людей придавали коалиции (часто, может быть, помимо воли ее отдельных участников) устойчивость, способствовали созданию климата сотрудничества и решимости довести до успешного конца реализацию главной задачи — разгрома фашизма и нацизма.

В основе антигитлеровской коалиции лежали не только взаимоотношения и взаимодействия высших руководящих и правящих элит. Коалиция имела и широкую массовую базу. Ее содержанием были действия вооруженных сил государств, движение Сопротивления на оккупирован-

ных территориях, героические усилия людей, работавших в сфере экономики, сотрудничество многочисленных политических и общественных организаций и деятелей, представителей науки, культуры и искусства, различных религиозных конфессий.

Подобная массовая база и столь широкий размах коалиции порождали энтузиазм и готовность к самопожертвованию, способствовали тому, что, например, в движении Сопротивления объединялись люди самых различных партий и групп, еще недавно остро соперничавших друг с другом. Это привело к тому, что и спустя много лет после того, как союз сменился конфронтацией, идеи коалиции (понимаемой в самом широком смысле слова), дух, память и наследие Сопротивления и по сей день продолжают существовать как пример массового объединения людей в экстремальных условиях.

В этой связи перед историками встает еще одна важная задача — исследовать то, что определяется словом *перцепции*, или взаимные представления стран и народов друг о друге.

Вообще эта тема сейчас весьма популярна в мировой историографии. На одном из последних всемирных конгрессов историков обсуждалась специальная тема — “Образ других”. Издано значительное число трудов, в которых анализируются представления одних народов о других.

Обращаясь к нашей теме об антигитлеровской коалиции, необходимо признать, что в ходе войны существенно изменились представления о русских на Западе, а о США и Англии — в Советском Союзе.

В течение многих лет на Западе сложился устойчивый образ «русского» человека, несущего угрозу западному миру. В глазах широкой общественности Западе в 30-е годы Советский Союз представал как репрессивное государство, преследовавшее граждан в невероятных размерах, а Сталин — как жестокий диктатор.

И вот теперь в годы войны «русские парни» оказывались симпатичными людьми, с которыми можно было сотрудничать и на полях войны, и в сферах общественной жизни. Газеты и радио США и Великобритании были наполнены благожелательными статьями и материалами о Советском Союзе, о русских союзниках в общей борьбе. О самом диктаторе писали часто весьма примирительно и даже сусально, нарекая его именем «дядюшка Джо».

Изменились и представления об американцах и англичанах в Советском Союзе. На протяжении всей советской эпохи 20—30-х годов официальная пропаганда всячески внедряла в сознание образы «дядюшки Сэма» — этакого капиталистического «денежного мешка», наживавшегося за счет простого народа, и «британского льва», угнетающего трудящихся метрополии и колоний. Но в годы войны подобные пропагандистские клише сменились благожелательными статьями, а антиимпериалистическая риторика была явно приглушена.

При этом имелись свои нюансы. В глазах советских людей американцы выглядели явно более симпатичными, чем их британские союзники. Видимо, объяснялось это тем, что в довоенное время критика Великобритании, ее политики, образа жизни и институтов была более ост-

рой, чем других капиталистических государств. Сталинское неприятие либерализма и буржуазной демократии в значительной мере было обращено против Великобритании. С Англией в советской политике и пропаганде связывали антисоветскую интервенцию и враждебные действия конца 20-х годов. Против Англии направлялось главное острие атак и критики в связи с мюнхенской политикой; наконец, поворот в начале 1939 г. в сторону Германии сопровождался жесткими разоблачительными статьями и заявлениями против Англии. В то же время критические материалы в отношении Соединенных Штатов Америки были значительно более спокойными (как известно, ситуация изменилась в противоположную сторону по окончании второй мировой войны).

Проблема взаимных представлений и их эволюции получила освещение в данной книге, но в целом она еще ждет пристального внимания историков и представителей других научных дисциплин — психологов, социологов, политиков.

Нужны новые методики для выявления эволюции общественного мнения и массовых представлений народов, правительств, политических партий и социальных групп одних стран о других. И тогда можно будет понять и вскрыть причины поворота к благожелательным взаимным образам во время войны и новых изменений к враждебности и тотальной конфронтации вскоре после войны.

Наконец, значительный интерес представляет и проблема различия в ментальности лидеров и политических элит в странах антигитлеровской коалиции. И хотя можно выявить эти различия между британским и американским истеблишментом, они, разумеется, гораздо менее значительны, чем между западными державами и Советским Союзом. Эти особенности ментальности, политической культуры, стиля и методов ведения переговоров оказывали существенное воздействие на деятельность коалиции. Изучение этой проблемы в целом представляет новое направление в историографии (особенно в России), а развертывание исследований в этой области представляется весьма важным и полезным не только для изучения истории антигитлеровской коалиции, но и в более общем плане для исследования истории международных отношений в целом.

Одна из особенностей данного труда состоит в органической взаимосвязи общих проблем и национальных историй стран-участниц антигитлеровской коалиции. В книге имеется немало документальных материалов о социальных, экономических и политических процессах в Советском Союзе, Великобритании и Соединенных Штатах Америки в годы войны. Но несомненно интерес к материалам такого рода выходит за рамки периода войны. Многие особенности внутреннего развития этих государств являются продолжением довоенной истории, и многое из того, что происходило в годы войны, важно для понимания последующих периодов их истории.

Для российского читателя было бы важно и интересно понять, почему на самом пике своего несомненного успеха британские консерваторы

во главе с У. Черчиллем проиграли на парламентских выборах в июле 1945 г.

Видимо, после разгрома врага внутренние проблемы все более выходили на первый план, а внешнеполитические и военные успехи уже не так волновали миллионы избирателей. Кроме того, общее полевение настроений в Европе в результате победы, что с наибольшей полнотой проявилось через год-два после нее, раньше всего сказалось на Британских островах. Английские избиратели голосовали за новые социальные ориентации и за перемены в экономике (национализация ее ведущих отраслей). В результате лейбористы одержали шумную победу на выборах 1945 г., а Уинстон Черчилль не смог в полной мере воспользоваться плодами победы над Германией на встрече глав правительств в Потсдаме.

И очень скоро бывший британский премьер, один из лидеров антигитлеровской коалиции, стал ведущей фигурой в резко развивавшемся конфронтационном процессе Запада с Советским Союзом. Но если внимательно анализировать деятельность коалиции, то многое из того, что случилось позднее, не было столь уж случайным и неожиданным. И в этом смысле конфликт (реальный и подспудный) между Черчиллем и Сталиным нарастал. Вспомним в этой связи известное англо-советское противостояние на Балканах, острые разногласия по германскому вопросу и т.п.

История Великобритании периода войны дает нам интересные свидетельства и о будущей позиции этой страны в отношении проектов строительства Европы.

Британские лидеры на протяжении всего XX столетия демонстрировали весьма специфическое понимание планов пан-Европы. Эта специфика ярко проявилась в первые послевоенные годы, но и в период войны британские консерваторы, лейбористы и либералы все активнее втягивались в дискуссии о будущем Европы, о ее единстве и о реальных программах создания единой малой Европы.

Соединенные Штаты Америки в годы войны значительно укрепили свою экономическую мощь и политическое влияние. Представляет значительный интерес вопрос о том, насколько предвоенный Новый курс и глубокие структурные перемены в американской экономике воздействовали на усиление мощи США в годы войны и в послевоенный период. Огромные военные заказы, роль американской военной и экономической помощи оживили экономику страны, позволили ей, накопив мощный потенциал, создать предпосылки для нового качественного рывка американской техники, науки и технологии в послевоенные годы.

Именно в период войны американские ученые, военно-технические специалисты и американская промышленность осуществили создание атомного оружия.

В годы войны были в большой мере смягчены многие социальные противоречия и конфликты в американском обществе, которое в целом очень чутко и заинтересованно реагировало на ход мировых событий. Америка пережила национальное потрясение и унижение от трагедии Пёрл-Харбора.

Америка преодолела синдром изоляционизма и активно включилась в решение мировых проблем. И, как это часто бывало в истории государств, народов и в обыденной жизни, комплекс изоляционизма сменился чувством исключительности и превосходства, ощущением своей особой миссии, базировавшимися на реальной военной и экономической мощи. Столкнувшись в итоге войны с ситуацией, когда основные великие державы утратили свою силу и бывшее величие, оказались истощенными войной или оккупацией, американцы довольно быстро уверовали в собственную миссию спасения, а затем и руководства миром. И именно США в первые послевоенные годы стали главной силой, объединившей западное общество в конфронтации с Советским Союзом и коммунистическим миром.

История антигитлеровской коалиции неразрывно связана и с историей Советского Союза. В многочисленных трудах советских историков содержалось немало материала о жизни страны, о ее экономике, о работе промышленности в тылу и т.п.

Внутриполитическая ситуация в Советском Союзе получила освещение и в представляемой книге.

Новые веяния в российской историографии уже привели к тому, что историками поставлены некоторые важные проблемы, относящиеся к истории великой войны. Многие из них в прошлом находились в тени или под запретом. И все же необходимо активизировать новые исследования и новые подходы.

В общественно-политическом плане важно изучить состояние советского общества, факторы его стабильности, внешние проявления и внутренние глубокие явления. В частности, представляет интерес анализ влияния репрессий 30-х годов на настроения людей, на их отношение к режиму и к власти. Мы много говорим сейчас о массовых гонениях крестьянства, но именно крестьяне составляли значительную часть Красной Армии, т.е. тех солдат, которые готовы были отдать жизнь за страну, за социализм.

В равной мере важно изучение феномена советской интеллигенции в годы войны. Разумеется, в советской официальной пропаганде во время войны значительное место заняло обращение к национальным традициям, а классовый элемент был явно приглушен, что в немалой степени было связано и с существованием антигитлеровской коалиции. Но, видимо, здесь играл роль не только фактор внешний. Власти учитывали и настроения людей внутри страны.

Апелляция к историческим событиям прошлого России, боровшейся с захватчиками, и возвращение армии дореволюционной атрибутики (погоны и форма одежды) должны были усилить национально-патриотические тенденции и настроения. Во внешнеполитическом плане важное значение имел роспуск Коминтерна, что должно было показать союзникам перемены в приоритетах режима.

Архивы высшего руководства помогут понять, что в этих переменах было чисто декоративным, что было явно обращено к союзникам, а что все-таки отражало сдвиги в самом советском обществе и в настроениях его руководства.

Исследование всех этих проблем поможет лучше уяснить резкий поворот во внешней политике и внутри страны вскоре после победы. Видимо, Сталин почувствовал опасность широкого распространения прозападных симпатий, особенно среди офицерства, прошедшего войну, оказавшегося в Европе и соприкоснувшегося с людьми и образом жизни других государств. Несомненно, эти контакты могли породить сомнения в правдивости советской пропаганды, клеймившей капитализм и его представителей.

После стольких лет опустошительной и страшной войны советские люди ожидали перемен (часто спонтанно и неосознанно) — восстановления промышленности, изменения ситуации в деревне; интеллигенция, уставшая от чисток и напряжения предвоенных лет, явно надеялась на либерализацию и, по крайней мере, на отказ от крайностей довоенного времени.

Но всем этим ожиданиям не суждено было сбыться. Экономические потребности страны обусловили новое напряжение сил, и лозунги быстрого восстановления страны находили поддержку в самых широких слоях населения. Одновременно началось резкое ужесточение режима по всем направлениям. Патриотическая риторика военного времени постепенно модифицировалась; снова усиливались классовые и идеологические аспекты, развернулась массовая кампания против космополитизма и низкопоклонства перед Западом, возобновились репрессии (против тех, кто оказался в плену во время войны, против недовольной интеллигенции).

Совершенно естественно, что такой поворот был бы невозможен при сохранении коалиции с союзниками. Он был органически связан с началом холодной войны и жесткой конфронтации с Западом. И именно тогда в СССР были подвергнуты сомнению истинные размеры союзнической помощи в годы войны, искренность союзников и их реальный вклад в победу.

Следует сказать, что этот поворот не был односторонним. Тогда же в США была развернута антикоммунистическая и антисоветская кампания, активно насаждался образ «русских», представлявших главную угрозу западным ценностям и человечеству.

Говоря о внутренних национальных особенностях Советского Союза, важно обратить внимание еще на один аспект. Речь идет о функционировании советской экономики. Основанная на централизованных плановых принципах, советская экономическая система во время войны значительно усилила эти принципы. Фактически централизация достигла своего апогея. И следует признать, что подобная централизация в экстремальной военной ситуации оправдала себя; именно благодаря ей удалось перебазировать промышленность на восток страны, подчинить всю экономическую жизнь потребностям обороны.

Но подобные методы, полезные в годы войны, явно нуждались в корректировке в мирное время, что в целом не было понято и осуществлено советскими лидерами и что в итоге стало тормозом для развития экономики.

К тому же правящая советская элита переоценила возможности терпения народа, готового на любые жертвы ради защиты страны, но ждавшего облегчения своей жизни после победы. Поэтому в стране в 1945-1953 гг. явно нарастало (хотя, может быть, и неосознанно) внутреннее напряжение, вышедшее на поверхность после 1953-1956 гг. Смерть Сталина послужила тем толчком, который заставил власти понять необходимость перемен и некоторой либерализации режима.

Историография второй мировой войны и антигитлеровской коалиции претерпела большую эволюцию. Под влиянием появления новых документов и в зависимости от политической конъюнктуры менялись многие оценки и даже общий взгляд на роль и место антигитлеровской коалиции. За прошедшие годы появилось много литературных произведений и кинофильмов об истории Великого союза, в результате сложилась не только документальная, но и художественно-публицистическая история войны, родилась и укрепилась своя методология изучения антигитлеровской коалиции.

И теперь, спустя почти 50 лет после победы над нацизмом, в условиях кардинальных перемен в мировом развитии перед историками открываются большие возможности бросить новый свежий взгляд на историю войны и антигитлеровской коалиции. Что-то удалось уже в представляемой книге, но многое еще предстоит сделать в ближайшем будущем.

Яснее становится и проблема уроков коалиции для современности в тот момент, когда Россия формирует свои новые отношения с Западом. В значительной мере эти отношения строятся на новой основе, лишенной идеологических принципов и социальных противоположностей. И в этой ситуации чрезвычайно важен и полезен опыт мировой истории, в частности опыт того союза, который соединил в годы второй мировой войны страны антигитлеровской коалиции. Перед Россией встала и задача построения отношений с так называемым ближним зарубежьем.

При этом представляет интерес не только сам феномен коалиции и обстоятельства ее рождения и эволюции, но и те демократические элементы, которые были заложены в некоторых документах коалиции. В этой связи стоит поразмышлять о том, в какой мере эти демократические принципы и установления, выраженные в Уставе Организации Объединенных Наций и в документах о ее создании, а также в некоторых совместных заявлениях и документах коалиции, выдержали испытания временем и сохраняют свое значение в наши дни.

В настоящее время, когда принципы демократии уже не разделяют народы, государства и общества Запада и Востока и когда идеологические противоречия и различия уже не влияют столь сильно на внешнюю политику, также уместно обратиться к любым историческим аналогиям и параллелям.

За последние годы существенно изменились представления о русских в США, Великобритании и других странах и об американцах и англичанах — в России. Интересно понять, сколь устойчивы нынешние пред-

ставления и имеют ли они корни в прошлом, в частности в опыте минувшей войны.

Перед человечеством на исходе XX столетия стоит множество проблем, с которыми не сможет справиться каждая страна в отдельности. Жизнь настойчиво требует новых форм и методов объединения стран и народов; можно было бы сказать, что одна из самых примечательных особенностей нашего времени состоит в поисках нового синтеза и нового единства человечества. В этом трудном, сложном и противоречивом процессе необходим учет самых различных факторов, в том числе опыта мировой истории, в котором важное место принадлежит истории второй мировой войны и великой коалиции, которая тогда объединила миллионы людей на всех континентах.

Александр О. Чубарьян
Москва, Россия

ПРЕДИСЛОВИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ

Идея данного проекта принадлежит России. Член-корреспондент РАН А.О.Чубарьян, директор Института всеобщей истории Академии наук в Москве, и профессор О.А.Ржешевский в 1989 г. предложили написать совместную историю Большой тройки — историю союзных государств периода второй мировой войны. Они начали переговоры с Уорреном Ф. Кимболлом и Дэвидом Рейнолдсом, хорошо известными в Москве по установленным в эпоху гласности научным контактам. Задачами проекта они сообща определили изучение стратегии, экономики, положения в тылу и внешней политики — как каждого государства в отдельности, так и в качестве участников коалиции. Для написания глав каждый из редакторов подобрал группу историков. В числе российских авторов — ведущие ученые из Института всеобщей истории, среди американских и английских — профессора различных университетов. В ходе проекта были проведены три рабочие конференции — в университете Ратгерса (штат Нью-Джерси) в октябре 1990 г., в Крайст-колледже (Кембриджский университет) в июле 1991 г. и в Ялте (Крым) в апреле 1992 г. Проекты глав рассылались заранее, они критически обсуждались на конференциях и затем дорабатывались для дальнейших дискуссий. Подготовленная книга издается на английском и русском языках. Российские авторы представили текст на английском языке, он был отредактирован Дэвидом Рейнолдсом и Уорреном Ф.Кимболлом при активном участии Чарльза Александра и Марка Столера. Хотя при работе над переводом мы проявили величайшую осторожность, необходимо помнить, что в случае расхождения между двумя изданиями, оригиналом следует считать вариант главы, написанный автором на своем родном языке.

У этого проекта есть две важные отличительные особенности. Во-первых, он выходит за рамки обычных субкультур классической истории. За последние 50 лет наша профессия стала гораздо более специализированной. Экономическая история выработала свой собственный тайный язык, усложненный теорией, уравнениями и статистикой, что сделало её непонятной для непосвященных. Социальная история, отброшенная на задворки науки и в течение ряда лет служившая лишь источником пикантных анекдотов о высшем обществе, выказала теперь тенденцию к резкому отрицанию всех других форм истории. Такие проявления научного империализма вызвали у авторов военной и дипломатической истории, работающих в более традиционных областях науки, ощущение оторванности и ненужности. Однако эта книга соединя-

ет воедино историю экономики, общества, войны и дипломатии, как это и должно быть.

Во-вторых, этот проект — усилия историков трех различных стран. Учитывая огромные архивные материалы по истории XX в., ученым трудно надеяться на полное освоение хотя бы собственных источников по военному периоду. Так, например, по оценкам Государственного архива в Лондоне, правительственные документы о войне занимают полки протяженностью около 11 км. В Соединенных Штатах официальная история только армии США во второй мировой войне насчитывает 80 томов. Следовательно, международное сотрудничество представляется существенно необходимым. Западные историки уже приобрели опыт совместной работы, однако только наступление эры гласности сделало возможным конструктивное сотрудничество с российскими учеными. Кроме того, сами российские ученые лишь в последнее время начали получать доступ к собственным архивам. Главы российских авторов в данной книге — это лишь первые плоды, и можно надеяться, что новые сведения посыпятся как из рога изобилия.

Совместная деятельность над проектом обогатила наш опыт. Условия работы наших конференций научили нас сочувствию участникам Большой тройки. Мы смогли оценить влияние утомительных переездов, различия часовых поясов и питания на способность разумно мыслить. Мы осознали важность выбора вопросов, подлежащих обсуждению, записей выступлений и своевременных перерывов в дискуссиях для принятия международных решений. Поездки по ухабистым дорогам гористого Крыма, в тысячах миль от дома, позволили нам, американцам и англичанам, по-новому осмыслить, насколько и почему было важно для Рузвельта и Черчилля преодолеть огромные расстояния и вынести такие трудности, чтобы достичь взаимопонимания с Иосифом Сталиным.

Иногда действительно бывали моменты, когда наши дискуссии становились почти зеркальным отражением споров знаменитых предков. По временам каждая делегация вела себя в соответствии со сложившимися стереотипами — англичане были сдержанны, американцы — нахальны, а русские — непроницаемы. Тосты за торжественными столами были такими же щедрыми и многословными, как в Москве или в Тегеране в 1943 г. Планирование и материальное обеспечение нашей конференции в Ялте было сопряжено с такими же трудностями, как встреча руководителей трех держав в 1945 г. Самую большую трудность представляла связь. Поддержание связи с Москвой, как и в военное время, стало сплошным кошмаром. Эта проблема решилась только после установки телефакса и переподготовки персонала, проводившего вечернюю уборку в помещении и привыкшего выключать на ночь все электроприборы. Но даже после этого разница во времени и технологическая несовместимость оставались столь велики, что российско-американский обмен информацией зачастую осуществлялся через Великобританию, позволив ей играть роль “честного брокера” между двумя великими державами, к которой она стремилась во время второй мировой войны. В процессе совместных встреч нашим рабочим языком являлся

английский, отражая одновременно шовинизм англоязычных участников и отличное владение этим языком российскими учеными. Однако, подобно Черчиллю и Рузвельту, английские и американские историки не смогли договориться о какой-либо форме “бейсик инглиш” с тем, чтобы согласовать национальные различия этого языка. Пользуясь благосклонностью редакторов, авторы глав сохранили свойственный им стиль и замысел. Однако независимо от написания, честь (honour) остается честью (honorable).

Разумеется, история никогда точно не повторяется. Военный альянс, несмотря на все его достижения, имел серьезные изъяны. Ему не доставало взаимного доверия, и отношения даже между американцами и англичанами резко ухудшились с наступлением военной победы. На наших встречах нам тоже не удалось избежать некоторой напряженности и споров, однако главный итог был воплощен в научном компромиссе, преодолении национальных барьеров. Расхождения во взглядах чаще возникали *внутри* национальных групп, чем *между* ними. Руководитель американской команды ученых заметил по поводу одного из таких споров, ссылаясь на высказывания генерала Джона Р. Дина, главы американской военной миссии и яростного критика русских: «Я не могу понять генерала Дина. Мне совсем нетрудно иметь дело с русскими. Это с американцами у меня возникают затруднения». Каковы бы ни были разногласия, все участники проекта неизменно проявляли взаимное уважение и пользовались преимуществами своих знаний.

Однако результат ни в коем смысле нельзя считать «общей точкой зрения». Согласовав общий план, каждый из авторов оставил за собой право расставлять свои акценты в соответствии со взглядами и дискуссиями, которыми располагают их страны. Каждая глава написана одним автором, но одновременно она апробирована коллективной мудростью всех членов группы, особенно специалистов. Этот процесс фильтрации был особенно уместен для заключительной главы каждой части, в которой анализировался совместный опыт участников Большой тройки, хотя и в этом случае преобладал замысел автора первоначального варианта. Кроме того, эти главы ни в коей мере нельзя считать исчерпывающими. Главное, что предлагается читателю, это — современный взгляд авторов книги на союз трех стран применительно к столь необходимому и затянувшемуся освоению международного опыта второй мировой войны.

Выражение признательности — одна из самых приятных обязанностей. И не только потому, что говорить людям спасибо всегда доставляет удовольствие, но и потому, что это свидетельствует об окончании проекта. Редакторы и авторы выражают свою благодарность университету Ратгерса — государственному университету штата Нью-Джерси, Крайст-колледжу (Кембридж) и Институту всеобщей истории Российской Академии наук (Москва), которые предоставили места встречи и оказали щедрую поддержку участникам подготовки труда. Нам особенно хотелось бы отметить важную роль академика РАН Г.Н. Севостьянова, который еще до наступления гласности способствовал диалогу между советскими и американскими специалистами по истории второй

мировой войны. Копии документов, хранящиеся в Государственном архиве Великобритании, цитируются с разрешения инспектора Канцелярии Ее Величества. Мы благодарны Совету по международным исследованиям и обмену (IREX) за поддержку проекта на самом раннем этапе.

Ряд американских авторов выражают признательность за помощь следующим лицам и организациям: в университете Ратгерса — Научно-исследовательскому центру, декану факультета искусства и наук Дэвиду Хосфорду, вице-президенту университета Александру Понду и — с благодарностью и улыбкой — Тишвану Брауну и Лачону Маккензи; в Вермонтском университете — колледжу гуманитарных наук, отделению истории; в университете Огайо — колледжу гуманитарных наук; в Канзасском университете — семинару по социальной и экономической истории и Холл-центру по гуманитарным наукам. Ограниченное финансирование совместных заседаний авторов труда осуществлялось через IREX, куда поступали средства от Фонда Эндрю Меллона, Национального фонда пожертвований на гуманитарные науки и от Государственного департамента США.

Дэвид Рейнолдс от группы английских ученых выражает благодарность за щедрую поддержку Совету по экономическим и социальным исследованиям Великобритании (который финансировал визит в Россию и пребывание в Крыму, а также значительную часть заседания в Кембридже) и Британскому Совету, который оплатил поездку на конференцию в университет Ратгерса. Кроме того, мы должны поблагодарить руководителей Научно-исследовательского фонда Крайст-колледжа, главу и членов Совета Архивного центра Черчилля (Кембридж), Британскую академию и Центр международных исследований в Кембридже (руководитель Ричард Лэнгхорн) за дополнительную поддержку Кембриджской конференции. Миссис Фрэнсис Баркер, миссис Сьюзен Клементс, д-р Ричард Олдос, д-р Саймон Болл и д-р Филип Хемминг оказали неоценимую помощь в проведении Кембриджской конференции. Миссис Фрэнсис Баркер и д-р Эндрю Клифф помогли справиться с трудностями, вызванными проблемой совместимости различных компьютерных систем. Дэвид Рейнолдс выражает личную благодарность Фонду Ливерульма за стипендию, позволившую ему целиком посвятить себя окончательному редактированию книги.

Российский редактор и авторы выражают глубокую признательность Российскому фонду фундаментальных исследований за финансовую поддержку подготовки и издания русского варианта труда, руководителю Отделения истории Российской Академии наук И.Д.Ковальченко, который оказал помощь, необходимую для проведения исследований и написания глав. Российские участники благодарят за поддержку: И.В.Лебедева, начальника Историко-документального департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации; К.М.Андерсона, директора Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, а также Институт научной информации по общественным наукам РАН; Российскую Государственную библиотеку и Государственную публичную историческую библиотеку, которые обеспечивали

авторов необходимыми периодическими изданиями, литературой и другими материалами по истории второй мировой войны. Мы чрезвычайно признательны работникам Государственного архива Великобритании (Кью), Архивного центра Черчилля (Кембридж), Архива “Мэсс-обсервейшн” — организации по изучению общественного мнения (директор Дороти Шеридан) при библиотеке Сассекского университета, которые предоставили возможность изучения неопубликованных материалов по периоду второй мировой войны. Наша особая благодарность О.Свириденко, директору Дома актеров в Ялте, который устроил столь щедрый прием американским, английским и российским ученым, собравшимся на конференцию, а также М.В.Кузьминой за помощь в печатании материалов и решении организационных вопросов.

Дэвид Рейнолдс
Кембридж, Англия

Уоррен Ф. Кимболл
Сомерсет, Нью-Джерси, США

Александр О. Чубарьян
Москва, Россия

ВВЕДЕНИЕ

Д. Рейнолдс

Победа — эгоистическое чувство как для государства, так и для отдельной личности. В 1941-1945 гг. Соединенные Штаты, Великобритания и Советский Союз объединились в не имеющую прецедента коалицию, чтобы совместными усилиями одолеть страны оси “Берлин — Рим — Токио”. После победы, однако, каждая из трех великих держав отмечала свои достижения и оплакивала утраты в гордом одиночестве, почти не думая о том, что пришлось пережить ее партнерам. Для каждой из них война заняла центральное место в мифологии о национальной исключительности, нашедшей отражение в таких обобщающих понятиях, как битва над Англией, американское производственное чудо и Великая Отечественная война советского народа. Более того, вторую мировую войну быстро отодвинула в тень холодная война. Еще не успели потушить погребальный костер Гитлера в развалинах Берлина, как под напором подозрительности и соперничества начал разрушаться и сам альянс. И вот уже история второй мировой войны писалась с оглядкой на холодную войну — прошлое стало оружием текущего момента.

Такое сочетание патриотических легенд и политической идеологии не позволяло полно и объективно рассказать о коалиции военного времени. Запад всячески принижал и даже подчас полностью игнорировал достижения Советского Союза в борьбе с гитлеровской Германией. В Америке и Великобритании уделяли значительно больше внимания таким событиям, как сражение на о-ве Гуадалканал и у Эль-Аламейна, чем героической битве за Сталинград, хотя последняя была несравненно более кровопролитной и имела куда большее значение. Но и в издававшихся в СССР книгах о второй мировой войне зачастую преуменьшались военные усилия Соединенных Штатов и Великобритании, редко упоминалась их существенная экономическая и техническая помощь Советскому Союзу, недостаточно высоко оценивалась война, которую они вели против Японии. Каждая страна особо подчеркивала жертвы, которые пришлось принести ее гражданскому населению, но почти ничего не говорила о жизни в тылу своих союзников.

Но прошло время, и стало возможным более полно и непредвзято изложить факты. Отчасти потому, что главные действующие лица тех событий уже покинули историческую сцену, и работы на данную тему стали выходить за примитивные рамки простых восхвалений, упреков и самооправданий. Кроме того, теперь стали широко доступными архивные материалы США и Великобритании, что позволило на основе подлинных документов оценить справедливость взаимных претензий и об-

винений, содержащихся в многочисленных мемуарах и биографиях. Но самое главное, с окончанием холодной войны были устранены идеологические барьеры, налажены плодотворные контакты между учеными различных стран и впервые начали приоткрывать свои двери российские архивы. Наконец-то появилась реальная возможность проанализировать и сопоставить сведения о действиях во время войны всех трех союзников. Предлагаемая читателю книга — первая попытка сделать это на основе систематического и научного подхода.

Исследуются четыре главные сферы деятельности: стратегия (часть I), экономика (часть II), тыл (часть III), внешняя политика (часть IV). Первые три главы каждой части посвящены, соответственно, Великобритании, Советскому Союзу и Соединенным Штатам. (Здесь они рассматриваются в том порядке, в каком вступали в войну против Германии.) Сочетая исследования прошлых лет с синтетическим анализом современных работ, авторы дают общий обзор событий национальной истории по всем четырем направлениям. Содержание этих глав наглядно подтверждает различие в том, как война отразилась на жизни американцев, англичан и советских людей, — различие, обусловленное резким несходством государственного устройства, социальных и экономических структур, а также степенью пережитого в результате фашистской агрессии.

Между тем чисто национальный подход является все же односторонним и не может считаться достаточным. Как наглядно показывает последняя глава каждой части, опыт трех стран во время войны необходимо анализировать во взаимосвязи. Мы знаем, что возникла, хотя и не идеальная, но все же военная коалиция (глава 4), подкрепленная экономическим сотрудничеством (глава 8), которая на общенародном уровне продемонстрировала понимание наличия общих целей и совместных интересов (глава 12). Более того, последствия успехов и неудач коалиции в вопросах согласования внешней политики не только оказали существенное влияние на развитие холодной войны, но ясно ощущаются и в сегодняшнем мире (глава 16). Поэтому данная книга — первая попытка взглянуть на коалицию как на часть не только национальной, но и всемирной истории.

Авторы *Введения* не ставят целью дать сжатое изложение содержания отдельных глав, а предлагают лишь обзор основных затронутых в сборнике тем. Сперва упоминаются различия в степени и характере участия трех государств в войне, затем указываются элементы, способствовавшие их объединению. Тема различий и единства подробно рассматривается в заключительном очерке, который завершает и часть о внешней политике, и всю книгу.

Соединенные Штаты и Советский Союз представляли тогда собой огромные, занимавшие большую часть континентов государства, в то время как Великобритания являлась небольшим островом, отделенным проливом от континента Европа. В 1940 г. Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии занимало площадь в 92 тыс. квадратных миль, на которых проживало 42 млн человек. А в 48 шта-

тах США 132 млн американцев занимали территорию в 3 млн квадратных миль. Еще более внушительным по своим размерам был Союз Советских Социалистических Республик, в который в годы войны входило 16 союзных республик с населением около 200 млн человек и общей площадью в 8,6 млн квадратных миль. Таким образом, Советский Союз почти в сто раз превосходил Соединенное Королевство, и даже 48 штатов США уступали СССР, имея всего одну треть от его площади и около двух третей от численности его населения. С колоссальными размерами связаны крайности в климатических условиях и в образе жизни, наблюдавшиеся на территории обоих государств-гигантов, — от жестоких холодов Мурманска и Миннесоты до пустынь Средней Азии и Нью-Мексико. Эти фундаментальные различия между двумя великими континентальными державами и небольшим островным государством в какой-то мере затушевывались наличием обширной Британской империи. Исторический пестрый набор владений, аккумулированных с помощью торговли или прямого захвата в течение столетий и связанных с Лондоном разнообразными по крепости нитями, в 1930-е годы все еще включал примерно четверть населения земного шара и занимал такую же часть его поверхности. Ядром империи являлась Индия — страна, богатая людскими и природными ресурсами. Вместе с тем в так называемых “белых доминионах” — Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке — проживало внушительное число недавних британских переселенцев, сохранивших тесную связь с родиной. В любом аспекте второй мировой войны — будь то стратегия, экономика или дипломатия — Великобритания вела себя в силу необходимости по-империалистически, потому что именно империя сделала ее великой. И все-таки это величие было менее значительным и прочным, чем у двух будущих сверхдержав, чья мощь сосредоточивалась в пределах собственных континентальных границ, а не лежала где-то за морями и океанами. По-своему, США и СССР также представляли собой империи. Советское государство являлось преемником прежней Российской империи династии Романовых, которая почти раскололась на части в ходе гражданской войны, разгоревшейся после большевистской революции 1917 г., но упрочилась усилиями Ленина и Сталина, чтобы в конце концов прекратить свое существование в 1991 г. Даже Соединенным Штатам были присущи определенные признаки имперского государства, поскольку они явились творением европейского колониализма, а затем американской экспансии за счет коренного населения, экономика американского Юга вплоть до XX столетия зависела от трудовых отношений, унаследованных от времен рабства. Кроме того, Гавайские о-ва, территории Карибского бассейна и Филиппины — живые свидетели кратковременной вспышки колониальных поползновений Америки в конце XIX в. Однако, учитывая характер источников могущества и проблемы нравственного порядка, можно сказать, что Британская империя была наиболее типичной и понесла в этом смысле самые большие потери.

Мало общего было у трех держав-союзниц и в политическом плане. Прежде всего, резительный контраст представляли собой коммунисти-

ческая диктатура СССР и капиталистическая демократия Соединенных Штатов. При Сталине большевистская партийная бюрократия, проведя невиданные репрессии против руководителей и членов партии и инакомыслящих военных, укрепила свой контроль над всеми сферами жизни. Экономикой и обществом строго управляла многочисленная армия партийных функционеров под пристальным взором и единоличным руководством главного бюрократа — самого Сталина. Дмитрий Волкогонов очень удачно назвал эту систему “тотальной бюрократией”¹. Бесконечный террор постоянно оправдывали необходимостью превратить отсталую аграрную страну в передовую промышленную державу, прежде чем силы капитализма — а позднее фашизма — задушат революцию. Однако в конце концов террор превратился в обыкновенное средство, с помощью которого Сталин стремился одержать верх в беспощадной борьбе за власть.

В Соединенных Штатах, напротив, мандат на власть теоретически — в известной степени и на практике — исходил снизу. Экономика организовывалась на основе сложения усилий несметного числа частных предпринимателей — крупных и мелких — при незначительном государственном регулировании; управление страной строилось на принципе: один человек — один голос. Так было с 30-х годов XIX в., хотя женщины и цветные американцы получили право голоса несколько позднее. Федеральное правительство в Вашингтоне по-прежнему располагало лишь ограниченной властью в штатах, городах, поселках и округах, несмотря на центристские тенденции Нового курса. Демократия в том виде, как ее представлял Авраам Линкольн (“Правительство народа, избранное народом и для народа”), — возможно, всего лишь идеал, но идеал, оказавший мощное воздействие на умы людей. На самом же деле это означало популистское местничество — глубоко укоренившееся убеждение, что люди, живущие на местах, лучше, чем кто-либо другой, знают, как управлять своими делами. Это убеждение — душа американизма, суть которого отражена в девизе штата Нью-Гэмпшир (“жить свободным или умереть”), одним из наиболее независимых американских штатов.

Великобритания находится где-то посредине этого политического спектра. Ее либеральные традиции в политике и экономике оказали решающее влияние на английские колонии в Америке. Начиная с XVII в. британский парламент постоянно расширял права законодательной власти за счет исполнительной структуры, пока монарх из руководителя правительства не превратился в главу государства. И все-таки Великобритания не представляла собой демократию в американском понимании. По размерам она едва ли превышала какой-нибудь крупный штат США, например Айдахо или Юту, и являлась более централизованной, чем Соединенные Штаты, а Лондон играл главную роль в политической, экономической и социальной жизни страны. Традиции государственного патернализма начали складываться еще в самом начале XIX в., т.е. почти за четверть века до рузвельтовского Нового курса, с образованием государства всеобщего благосостояния. Демократическое избирательное право было введено в Англии значительно позднее, чем в

США, а принцип избрания, который распространяется на все уровни американских органов управления, в Великобритании до сих пор сочетается с практикой назначения профессиональных чиновников на государственные должности. Кроме того, монарх и аристократия, даже и лишившись всей полноты власти, оставались главными обладателями богатств и социального статуса. Страну буквально пронизывало глубокое и тонко ощущавшееся понимание различий в общественном положении — британская одержимость “классовой” принадлежностью. Последнее помогает разобраться в сути дискуссий относительно того, сделала ли война Великобританию более сплоченной и эгалитарной (см. главу 9).

Между тем, когда мы говорим о второй мировой войне, то возникает представление еще об одном случайном союзе, как это можно видеть из глав 1-й, 2-й и 3-й. Прежде всего, обращает на себя внимание временной фактор. Великобритания объявила войну Германии 3 сентября 1939 г. после вторжения Гитлера в Польшу. Политика умиротворения, проводившаяся премьер-министром Невиллом Чемберленом, доказала свою неэффективность, и вместо того, чтобы позволить Германии безраздельно господствовать на континенте, англичане весной того года объявили о гарантиях Польше и другим государствам Восточной Европы. На этом этапе Соединенные Штаты оставались нейтральными, хотя их симпатии были на стороне Великобритании и Франции, а Советский Союз подписал с Гитлером пакт о ненападении. Будучи не в состоянии создать альянс с недоверчивыми англичанами, Сталин на какой-то момент откупился от Гитлера, даже оказав Германии в 1940-1941 гг. значительную экономическую помощь.

Поражение Франции в июне 1940 г. в корне изменило международную ситуацию. Великобритания осталась в одиночестве перед лицом возможного германского вторжения; ей пришлось бороться за сохранение Египта и ближневосточных колоний с итальянцами, а позднее и с немецкими войсками. Более того, разгромив Францию, Гитлер смог, казалось без особого труда, повернуть на восток против своего настоящего врага, и внезапное нападение 22 июня 1941 г. (план “Барбаросса”) заставило Советский Союз вступить в войну. Хотя США после поражения Франции увеличили материальную помощь Великобритании согласно закону о ленд-лизе и усилили патрулирование в водах Атлантического океана, к участию в войне их вынудила только атака японцев 7 декабря 1941 г. на американский флот в Пёрл-Харборе. То была кульминация постоянно углублявшегося кризиса в Тихоокеанском регионе, где усилия США по сдерживанию Японии дали прямо обратные результаты. Когда Гитлер объявил войну Соединенным Штатам, Конгресс 10 декабря отреагировал соответствующим образом.

Итак, для Великобритании война началась в 1939 г., для России и Америки — в 1941 г. Кроме того у каждой из этих стран была своя главная задача. К 1942 г. Великобритания находилась в состоянии войны с Германией, Италией и Японией, однако на практике она сократила свое присутствие на Дальнем Востоке, сосредоточилась на защите Британских островов от германского вторжения, а также на обороне Се-

верной Африки и Средиземного моря в целях обеспечения безопасности имперских морских коммуникаций и создания угрозы Италии — наиболее слабому участнику фашистского блока. Для Советского Союза реальным врагом всегда оставалась Германия. До 1943 г. победа СССР еще не представлялась такой уж безусловной. В этих условиях Сталин соблюдал договор о нейтралитете с Японией и объявил ей войну только после поражения Германии. В то же время для многих американцев подлинным противником оставалась Япония. Унижения Пёрл-Харбора и Батаана требовали отмщения. Правда, армии и армейским военно-воздушным силам при поддержке Рузвельта удалось сохранить верность военной стратегии, выдвигавшей в качестве первоочередной задачи борьбу с Германией. Однако размах японских успехов к весне 1942 г., создавших угрозу Австралии и Индии, а также настоячивые требования командования военно-морских сил США заставили их направлять значительные усилия на сдерживание японского продвижения. К концу 1942 г. в бассейне Тихого океана находилось американских войск больше, чем на Атлантическом театре войны².

Но трем союзническим государствам не только пришлось в разное время воевать с разными по силе противниками, несопоставимы были и те страдания, которые выпали на долю гражданского населения этих стран (главы 9-11). Ни одну войну нельзя назвать “хорошей”, но для американцев вторая мировая война не могла быть лучше. Континентальные Соединенные Штаты не пережили ни вторжения, ни оккупации, и лишь несколько случайных японских бомб и снарядов упали на территорию Северной Америки. Правда, некоторые из подвластных территорий — Филиппины, Гавайские и Алеутские о-ва — узнали опустошительные последствия военных действий. Всякая смерть достойна скорби, и все-таки нужно констатировать, что потери американцев были ничтожны в сравнении с общим числом жителей (0,25%). Великобритания пострадала сильнее. Непрерывные воздушные налеты в 1940-1941 гг. и возобновившиеся в 1944 г. бомбардировки с использованием управляемых ракет дальнего действия (“Фау-1” и “Фау-2”) унесли 60 тыс. жизней и причинили обширные разрушения, особенно Лондону. В соответствии с правительственными планами эвакуации населения из городов было вывезено около 4 млн. человек, а 2 млн. городских жителей, опасаясь истребления вражеской авиацией, выехало по собственной инициативе в 1939 г., когда началась война. Хотя традиционное утверждение относительно того, что война стимулировала радикальные перемены в Британии, и оспаривается в 9-й главе, едва ли можно сомневаться, что потрясения 1940 г. объединили людей, высоко подняли британский престиж как за рубежом, так и внутри страны. Как отмечал американский журналист, тогдашний лондонский корреспондент “Скотти” Рестон, “дело дошло до того, что совершенно незнакомые люди заговаривают друг с другом на улице — совершенно неслыханная прежде для англичанина вещь”³.

Однако страдания населения Великобритании не шли ни в какое сравнение с тем, что выпало на долю советского народа. В течение нескольких лет война бушевала на огромной территории, миллионы лю-

дей стали жертвами оккупации, концентрационных лагерей и нацистских карательных экспедиций. Пожалуй, погибла седьмая часть предвоенного населения СССР, и советскому сельскому хозяйству в особенности потребовались годы на восстановление. Эти колоссальные потери и разрушения были, с одной стороны, следствием осуществлявшегося гитлеровскими войсками геноцида, а с другой — результатом того простого факта, что в течение трех лет Красная Армия сражалась практически против основной массы германских вооруженных сил, поскольку англичане и американцы вели свои собственные войны где-то в других местах. Между июнем 1941 г. и июнем 1944 г., т.е. за период от нападения Гитлера на Россию до англо-американского вторжения во Францию, 93% от общих военных потерь немцы понесли в боях с советскими войсками⁴.

Советский тыл являлся по сути настоящим полем битвы. Это важное отличие имеет решающее значение для понимания функционирования советской экономики в период войны. Проблема вовсе не сводилась лишь к простому переводу промышленности на выпуск военной продукции. Как отмечается в 6-й главе, это означало перебазирование значительной части советских промышленных предприятий на большие расстояния на восток. Сталин вовсе не предполагал, что придется вести оборонительные бои в центре промышленной России. Чтобы уберечь необходимые производственные мощности от продвигавшихся в 1941 г. в глубь советской территории нацистских войск, советское руководство организовало массовую эвакуацию и передислокацию своей промышленности за Урал, что потребовало от населения гигантских усилий, приведших в изумление как союзников, так и противников. В 1944 г. выпуск промышленной продукции уже превысил довоенный уровень. И тем не менее, как указывается в 6-й главе, победа Советского Союза была не только результатом превосходства в людских и материальных ресурсах, то было возрождение “феникса” из пепла катастрофы 1941 г.

Технологически СССР оказался в состоянии на равных состязаться с Германией в производстве основных видов вооружения; к ним следует отнести танки “Т-34” и наводившие на противника ужас ракетные установки (“Катюши”). До сих пор не получил ясного ответа важный вопрос о том, в какой мере сталинская жестокая индустриальная революция 20-х — начала 30-х годов — при всех ее огромных жертвах — создала базу для побед 1941-1945 гг. И конечно же триумф коммунистического государства над “капиталистическим” агрессором во многом объясняет возросший после 1945 г. международный престиж Советского Союза и его идеологии.

Еще более очевидным является тот факт, что война способствовала расцвету американской экономики (глава 7). Быстрый подъем производства — сперва для удовлетворения нужд Великобритании и Франции, а затем и самих США — сделал то, что не удалось Новому курсу, т.е. вытащил страну из затяжного кризиса 30-х годов. Единственные среди всех воюющих государств, США изготовляли в невиданных количествах не только пушки, но и масло. При внимательном анализе можно обнаружить достаточно промахов в управлении и случаях нерешительнос-

ти, но также и свершения буквально фантастических масштабов. Достаточно вспомнить гигантский завод по выпуску бомбардировщиков в Уиллоу-Ран или транспортные суда серии “Либерти” Генри Кайзера, чтобы наглядно представить объемы американского массового производства во время войны. Эту колоссальную продукцию можно было бы направить только на автономную войну США в бассейне Тихого океана, но на президента Рузвельта постоянно оказывалось сильное политическое давление в этом смысле, однако он не уступал.⁴ Значительная доля американской продукции передавалась союзникам. Как наглядно показано в 8-й главе, то была исключительно дальновидная военная политика. Американская промышленность стала не только арсеналом США, но, следуя пророческим словам Рузвельта, произнесенным в 1940 г., “арсеналом демократии”. В 1944 г. США уже производили около 60% от общего объема выпускаемой союзниками боевой техники и снаряжения⁵.

И опять хозяйственный опыт Великобритании в период войны лежит где-то посередине (глава 5). Рано вступив в войну и располагая централизованной административной системой, ее правительство уже в 1942 г. смогло установить всеохватывающий контроль над экономикой, которой управляло достаточно разумно и умело. В отличие от Америки, страну вырвала из мирного существования катастрофа 1940 г., которая поставила Британию перед необходимостью ради собственного спасения сосредоточить внимание на руководстве военным производством. Правда, психологическая травма, причиненная этой катастрофой, не шла ни в какое сравнение с тем, что пришлось пережить русским в 1941 г.⁶ Зависимая от своих имперских владений, Великобритания была вынуждена экономить собственные ресурсы и защищать морские коммуникации в таких масштабах, которых не знали США, не говоря уже о Советском Союзе. Консолидация стерлинговой зоны и наличие системы имперских преференций в торговле создали серьезные дипломатические проблемы в отношениях с США. Однако физические размеры Великобритании и ее островное положение оказались решающими факторами.⁶ Собственных ресурсов, а также ресурсов заметно усеченной империи явно не хватало для обеспечения усилий в глобальной войне, и страна зависела от американских кредитов для покрытия более чем половины платежного дефицита. Таким образом, британская мощь оказалась, хотя и немалой, но все же ограниченной — это был одноглазый великан (циклоп) в сравнении с американским левиафаном.

Каждый из союзников вел собственную войну, не похожую на остальные две, и, с точки зрения Гитлера, все три руководителя не имели между собой почти ничего общего.

Иосиф Виссарионович Джугашвили (1879-1953) был истинным пролетарием. Сын грузинского сапожника и бывшей крепостной, прежде чем стать марксистом, он пять лет обучался в православной семинарии и затем в течение двух десятилетий являлся революционным функционером. В 1914 г. он взял псевдоним “Сталин” (“стальной человек”). В большевистской революции он играл ограниченную роль, но после смерти Ленина в 1924 г. использовал свой пост генерального секретаря

партии — по сути административную должность — в качестве беспрецедентного источника покровительства и влияния. Никогда не чувствуя себя в полной безопасности, о чем свидетельствуют организованные им жестокие и параноидные репрессии, он, тем не менее, в течение четверти столетия оставался абсолютным правителем своей страны. Только во время репрессий 1937-1938 гг. было арестовано около 8 млн человек, из которых 1 млн расстреляли, а еще 2 млн умерло в лагерях. Руководитель этих репрессий, коварный и жестокий карлик Николай Ежов впоследствии сам стал жертвой сталинского террора. На короткий период он в 1939 г. занял пост народного комиссара водного транспорта, однако редко посещал заседания. Появляясь, он обычно отмалчивался и проводил время, складывая и бросая в воздух бумажных голубей, а затем ползал под стульями, собирая их. Когда сотрудники НКВД в конце концов пришли его арестовывать, Ежов встал, положил пистолет на стол и заявил: “Я уже давно вас жду!”⁶. Таковым был сталинский террор — не только физическим, но и психологическим.

Франклин Делано Рузвельт (1882-1945) был человеком совсем иного склада — великолепным политиком, умело использовавшим административную бюрократию. Аристократического происхождения, он являлся выходцем из семьи крупного землевладельца с угодьями в Гудзоновой долине, к северу от Нью-Йорка, одним из пяти кузенов президента Теодора Рузвельта, в 1913-1921 гг. помощником военно-морского министра в администрации Вудро Вильсона. Рузвельт был единственным нежно любимым и любящим сыном, но закалил свой характер в семилетней борьбе с полиомиелитом, которым заболел в 1921 г. Затем он вновь с головой окунулся в политическую деятельность Демократической партии, приобрел широкую известность как губернатор штата Нью-Йорк (1929-1933), прежде чем быть четырежды избранным (уникальный случай!) президентом США. При этом не следует забывать, что все годы пребывания в Белом доме (март 1933 — апрель 1945 г.) он оставался полуинвалидом, неспособным самостоятельно, без посторонней помощи передвигаться, часто страдавшим от приступов сильной боли. Ни одному из его главных военных протагонистов не пришлось преодолевать подобные трудности.

По характеру скрытный, склонный к длительному обдумыванию, из-за болезни вынужденный больше полагаться на свои духовные ресурсы, Рузвельт мастерски превратил эти особенности своей природы в политический инструмент. “Вы не желаете говорить откровенно даже с преданными вам людьми, — пожаловался как-то министр внутренних дел Гарольд Икес. — Вы не раскрываете всех карт, никогда не кладете их открыто на стол”⁷. И в самом деле он мало кому доверял полностью свои тайны. Во время войны исключение составлял Гарри Гопкинс, но и влияние Гопкинса заметно уменьшилось, когда он заболел в начале 1944 г. Говорить кому-то одно, а другому совсем иное; делить полномочия таким образом, чтобы никто не доминировал в любой сфере политики, принимать решения, только будучи уверенным в том, что достигнут консенсус между лидерами Конгресса и среди влиятельных лиц, формирующих общественное мнение, — таковы были рузвельтовские

способы удержания власти в собственных руках. Однако подобный метод руководства был неверным, порождал ошибки и зависел от личного влияния Рузвельта, которое в последний год войны пошло на убыль. И тем не менее он позволял Рузвельту в течение достопримечательных 12 лет сохранять контроль над самой неуправляемой политической системой, которой не знала ни одна великая держава.

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль (1874-1965), как и Сталин, испытывал страсть к деталям, вникая во все тонкости дипломатических ходов и стратегического планирования. Как и Рузвельт, Черчилль происходил из аристократических кругов. Он был сыном влиятельного члена кабинета министров и кузеном герцога Мальборо и жил в относительной роскоши на деньги, зарабатываемые главным образом писательским трудом. Но Черчиллю не доставало той сноровки, которой обладали Сталин и Рузвельт в обращении с бюрократией. Черчилль был фактически политическим одиночкой, инстинктивно и в силу привычки дважды менявший свою партийную принадлежность. Прослужив в 1924-1929 гг. в правительстве тори в качестве министра финансов, он затем провел десять лет в политических “джунглях”, и не только из-за постоянной критики правительственной политики по отношению к нацистской Германии, но еще из-за своей донкихотской поддержки короля Эдуарда VIII во время “дворцового кризиса” 1936 г. и собственной репутации человека, плохо приспособленного к коллективным действиям и известного своими неожиданными озарениями. В 20-е годы один из политических деятелей Консервативной партии заметил, что Черчилль принадлежит к тем людям, которые лучше всего подходят для того, чтобы сдвинуть гору, но с которыми не стоит потом советоваться, “если вы захотите узнать, куда ее поместить”⁸. Поэтому в 30-е годы у Черчилля была лишь небольшая кучка последователей; в тот период большинство оппозиционно настроенных к премьер-министру Невиллу Чемберлену консерваторов группировалось вокруг Антони Идена. Только разразившаяся война и неудачи правительства Чемберлена предоставили Черчиллю желанный шанс. В мае 1940 г. он стал премьер-министром, и кризис 1940-1942 гг. в Великобритании создал идеальные условия для проявления его задиристости, решительности и энергии. Но в этих обстоятельствах он вел сугубо личную войну, опираясь на небольшую команду приверженцев, концентрируя внимание на внешней и военной политике, предоставив другим сферу управления экономикой и внутренней политикой. За это он поплатился поражением на выборах 1945 года.

И Черчилль, и Рузвельт в совершенстве владели ораторским искусством. Риторика Черчилля отдавала XIX столетием, напоминала выступления Питта и Гладстона, что могло показаться в 1930-е годы несколько старомодным, но в мрачные военные годы особенно хорошо воспринималась внутри страны и за рубежом. По словам американского радиокomentатора Эдварда Р.Мэрроу, “он мобилизовал английский язык и послал его сражаться”⁹. Рузвельта же, напротив, отличала нарочитая интимность. Великий мастер бесед “у камелька”, он употреблял простонародные, но яркие выражения, чтобы вызвать у слушателей

нужные эмоции (ленд-лиз, сказал, например, он — это то же самое, что дать вашему соседу взаимы пожарный шланг для быстрого тушения огня, который угрожает и его, и вашему дому). Оба лидера использовали свое красноречие как инструмент дипломатии. Черчилль отстаивал свои планы, извергая — устно и письменно — непрерывно потоки тщательно подобранных слов, стремясь утопить в них оппозицию. Рузвельт — приветливый, разговорчивый, преднамеренно туманный — постепенно и исподволь опутывал своих собеседников паутиной молчаливого согласия. Начальник штаба армии США генерал Джордж Маршалл впервые решил посетить дом президента в Гайд-парке (штат Нью-Йорк) только в день его похорон, потому что, как заявил Маршалл, “я обнаружил, что неофициальная беседа с президентом всегда чревата неприятностью. Он начнет говорить о чем-то просто так, за обедом, и вы не в состоянии возразить, не создавая неловкости”¹⁰.

Сталин меньше подходил для международной дипломатии. Ему не доставало красноречия Черчилля и Рузвельта, их утонченного образования, приобретенного в частых зарубежных поездках и путем глубокого изучения истории и географии. Сталин же начал свою карьеру, афишируя себя как выходца из гущи народа, непохожего на “космополитических” партийных коллег, и он за два межвоенных десятилетия ни разу не пересек границ Советского Союза. И тем не менее советский руководитель проявил себя ловким дипломатом. Немногословный, но находчивый на переговорах, обладая феноменальной памятью, он вынуждал более говорливых Рузвельта и Черчилля идти на уступки, брать на себя обязательства. Для человека, которого его же товарищи-революционеры считали неделикатным и неотесанным, которого даже Ленин назвал “грубым”, было большим достижением суметь создать на Западе представление о себе как о “дяде Джо”, уютно попыхивающем трубочкой и добродушно ухмыляющемся в объектив киноаппарата¹¹.

Как можно их сравнить в качестве военных руководителей? Сталин, подобно Черчиллю, придерживался сугубо практического подхода, досконально вникал во все тонкости стратегии и военных операций, а Рузвельт обычно предоставлял своему Комитету начальников штабов отрабатывать детали, хотя, как свидетельствует решение о вторжении в Северную Африку в 1942 г., мог воспользоваться своей властью главнокомандующего — если считал это нужным с политической точки зрения, — чтобы настоять на своем и преодолеть сопротивление начальников штабов. Из двух сторонников “вмешательства” Сталин, интуитивно и по необходимости, действовал более открыто (см. главу 2). В отличие от Рузвельта, которому приходилось бороться с прямо противоположными требованиями политического и стратегического характера в войне с двумя врагами — Германией и Японией, — у Сталина был только один враг — Германия, от которого сперва нужно было обороняться и против которого в 1943 г. развернулось широкомасштабное наступление. В тактическом плане его подход был таким же прямолинейным: людские ресурсы расточительно расходовались в лобовых атаках на противника, особенно в период до Сталинграда. Итак, для Сталина, как для военного руководителя, “первый год с небольшим войны

был годом обучения, за которое Красная Армия и советский народ заплатили ужасную цену”¹².

Черчилль же предпочитал “косвенную” стратегию. Сберегая жизни англичан и отгрызая по кусочку от европейской цитадели Гитлера, он надеялся на чудо и полагал, что воздушные бомбардировки подготовят почву для завершающего удара. Как доказывается в 1-й главе, такой подход следует тем не менее считать более существенным вкладом в победу союзников, чем утверждается в отдельных исследованиях. Кроме того, в 1-й и 2-й главах достаточно ясно показано, что различия в стратегии Черчилля и Сталина обуславливались не только особенностями характера. Они отражали коренное отличие государства с гигантскими людскими ресурсами под авторитарным управлением от небольшой страны с населением, высказывающим открыто свое мнение и сохранившим в памяти кровавую бойню 1914-1918 гг.

Каждый их трех руководителей воспринимал войну с чисто националистических позиций. Патриотизм Черчилля проявлялся наиболее ярко и страстно (13-я глава). “Я не для того стал первым министром его величества короля, — заявил он в ноябре 1942 г., — чтобы председательствовать при ликвидации Британской империи”¹³. Национализм Рузвельта имел скорее идеологическое содержание. Этот “настойчивый проповедник американизма”¹⁴ стремился распространить американский экономический и политический либерализм, и во много раз возросшая к 1944 г. военная мощь Соединенных Штатов дала ему в руки действенный рычаг для этого (15-я глава). А вот Сталин был и националистом и ревностным поборником своей идеологии. Марксизм-ленинизм по-прежнему являлся теми очками, сквозь которые он взирал на мир; во время войны в фокусе его внимания находились конкретные территориальные приобретения (14-я глава). Сталин стремился восстановить исторические границы империи Романовых и обезопасить себя от Германии и ее союзников.

Различные государства, противоположные общественные системы, очень своеобразные лидеры, каждый ведущий свою войну. Подобная характеристика, по-видимому, подтверждает справедливость распространенного в период холодной войны представления о военном союзе Америки, Великобритании и России, как о “вынужденном браке, навязанном событиями второй мировой войны”¹⁵. И все-таки, несмотря на столь разительные различия, определенное единство существовало.

В 4-й главе наглядно показано, что возникла подлинная коалиция. На англо-американской стороне треугольника она была теснее; схожесть в культуре и языке облегчала контакты, хотя не всегда это способствовало консенсусу. С Советским Союзом взаимодействие налаживалось медленнее: взаимное недоверие давало себя знать. Отчасти это было результатом того, что до июня 1944 г. англичане и американцы почти не участвовали в борьбе с Германией. В последний год войны, однако, уже наблюдалось растущее стратегическое и даже тактическое сотрудничество, нечто похожее на настоящий военный альянс. Данному периоду, который часто рассматривается лишь как преамбула к холодной войне, в книге уделяется особое внимание.

Последние исследования проливают новый свет на масштабы экономического сотрудничества союзников (главы 6 и 8). Давно получили признание англо-американские связи; пример тому — американский ленд-лиз и британская взаимопомощь. Теперь прояснился вопрос о важной роли западной материальной помощи Советскому Союзу, не столько в оборонительной фазе войны (1941-1943), когда русские отразили наступление немцев почти в одиночку, но в ее наступательный период, когда Красная Армия быстро продвигалась к Берлину. Однако и в 1941-1942 гг. помощь союзников благоприятно влияла на моральный дух сражавшихся в изоляции советских людей, для которых победа еще не казалась безусловной.

В 12-й главе анализируются мнения и представления, которые у населения каждой страны сложились о других союзниках. Провал планов вторжения на Британские о-ва способствовал формированию в Америке нового воззрения на английский героизм, хотя сомнения относительно действительности военных усилий Великобритании все-таки полностью не исчезли. Увлеченность англичан американской народной культурой, которая перед войной передавалась через музыку и киноискусство, получила новый импульс с пребыванием в стране миллионов американских солдат. В обеих странах наблюдалось всеобщее неподдельное восхищение героизмом советских людей, причем в Америке возникли даже экстравагантные идеи о конвергенции двух культур. Пожалуй, наиболее эксцентричным выглядело утверждение журнала “Лайф”, который в марте 1943 г. писал: русские — “великолепные парни... которые во многом выглядят как американцы, одеваются как американцы и мыслят как американцы”; НКВД — “это такая же полиция, как ФБР”¹⁶. Что же касается русских, то они с бóльшей симпатией относились к американцам, чем к англичанам, но советские средства массовой информации в одинаковой степени с похвалой отзывались об обеих странах. Американские товары приветствовались в качестве символа тесного сотрудничества, но, как шутили многие русские, открытие банки с американской тушенкой не может заменить открытие второго фронта.

Военное, экономическое и культурное сотрудничество не было свободно от многих недостатков и изъянов, и оно драматически прервалось после победы. Но его истинное значение можно измерить только с позиций исторических реальностей, а не абстрактных представлений о международной кооперации. На самом деле это партнерство (глава 16) было более тесным, чем альянс Германии и Японии, которые воевали совершенно независимо друг от друга, не поддерживая почти никакого контакта между собой. У них не наблюдалось ничего сравнимого с серией конференций периода войны, проведенных Большой тройкой. Слов нет, выиграв войну, Соединенные Штаты, Великобритания и Советский Союз не сумели договориться о мире, и холодная война явилась отчасти результатом этой неудачи (главы 13-15). И тем не менее с окончанием холодной войны мы теперь можем шире взглянуть на наследие союза военного времени и распознать его позитивные достижения, которые сохранились и по сей день. Прежде всего это относится к таким институтам, как Организация Объединенных Наций и Междуна

родный валютный фонд. Поначалу союз, возможно, действительно был вынужденным, но он сделал свое дело. Через 50 лет его достижения и неудачи заслуживают новой глубокой оценки.

- ¹ *Volkogonov D.* Stalin: Triumph and Tragedy. L., 1991. P. 557.
- ² *Leighton R.M., Coakley R.W.* Global Logistics and Strategy, 1940-1943. Wash., 1955. P. 662.
- ³ New York Times. 1940 21 Sept. По вопросу о бомбардировках см.: *Collier B.* The Defence of the United Kingdom. L., 1957. P. 528; об эвакуации см.: *Titmuss R.M.* Problems of Social Policy. L., 1950. P. 355-356.
- ⁴ *Adelman J.R.* Prelude to the Cold War: The Tsarist, Soviet, and U.S. Armies in the Two World Wars. Boulder (Colo.), 1988. P. 128. Цифры общих потерь СССР см. в главе 16, примеч. 36.
- ⁵ *Milward A.S.* War, Economy and Society, 1939-1945. Berkley, 1979. P. 70.
- ⁶ *Bullock A.* Hitler and Stalin: Parallel Lives. L., 1991. P. 558-560.
- ⁷ *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932-1945. N.Y., 1979. P. vii.
- ⁸ *Davidson J.C.C.* (1926) // *Gilbert M.* Winston S. Churchill, 1922-1939. L., 1976. P. 173.
- ⁹ Search of Light: The Broadcasts of Edward R. Murrow / Ed. Bliss E. L., 1968. P. 237.
- ¹⁰ *Pogue F.C.* George C. Marshall (Vol. I: Education of a General). L., 1964. P. 341.
- ¹¹ По поводу этого добродушного представления американцев см.: *Александр Ч.С.* "Дядя Джо": образ Сталина в период наивысшего развития антигитлеровской коалиции// Американский ежегодник: 1989. М., 1990. С. 30-34.
- ¹² *McNeal R.Y.* Stalin: Man and Ruler. L., 1988. P. 242.
- ¹³ *Gilbert M.* Winston S. Churchill: Road to Victory, 1941-1945 L., 1986. P. 254.
- ¹⁴ *Kimball W.F.* The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991. Ch. 9.
- ¹⁵ *LaFeber W.* America, Russia, and the Cold War, 1945-1980. 4th ed. N.Y., 1980. P. 7.
- ¹⁶ *Gaddis J.L.* The United States and the Origins of the Cold War, 1941-1947. N.Y., 1972. P. 38.

1. Великобритания: СТРАТЕГИЯ НЕПРЯМЫХ ДЕЙСТВИЙ

А. Данчев

Каким образом мы сможем выиграть войну? Такой риторический вопрос поставил перед комитетом обороны военного кабинета в октябре 1940 г. премьер-министр Уинстон Черчилль¹. После блицкрига Германия стала полным властелином Европы. Немецкие войска безнаказанно передвигались, куда им заблагорассудится, за исключением самих Британских островов. Очевидно, Гитлер уступил в битве за Англию, но больше ни в чем. Пять безжалостных месяцев после вступления Черчилля на пост премьер-министра, казалось, доказали, что Британия по крайней мере выжила — ослабленная, но выстоявшая, тощий цыпленок, упорно вытягивающий шею. Как утверждал Черчилль, англичане действительно могли бы “продолжать войну бесконечно”, но истощенная армия и неподготовленная экономика едва ли позволяли рассчитывать в 1940 г. на большее. Черчилль надеялся, что пика производства удастся достичь не на четвертый, а на третий год войны, т.е. не в 1942, а в 1941 г. Это зависело бы от помощи Соединенных Штатов, которая пока не ощущалась. Тогда, и только тогда “мы сможем нанести противнику тяжелые удары на заморских театрах военных действий”, — оптимистично утверждал премьер-министр. Между тем речь шла о выносливости нации, и термин времен первой мировой войны *война на истощение* во время второй приобрел значение *оказания сопротивления*. А пока были “кровь, тяжелый труд, слезы и пот”².

А главное сводилось к тому, что изначально в основу стратегии были заложены планы длительной борьбы. После падения Франции в июне 1940 г. Англии не оставалось иного выбора. Говоря словами Броделя, концепция *продолжительной войны* лежала в основе опыта Великобритании и, что столь же примечательно, отражала ее взгляды на вторую мировую войну³.

Как мы должны оценивать идею долгой, долгой войны? Определяя свое отношение к ней, мы пользуемся понятиями по собственному выбору. В данном случае западный мир оказывается в плену утонченного словотворчества Уинстона Черчилля. “Битва за Францию”, “битва за Англию”, “битва за Атлантику” — все эти тропы не что иное, как вымыслы или заимствования Черчилля. Не было никаких битв — были

лишь более или менее продолжительные кампании⁴. Даже сам Великий союз являлся в определенном смысле продуктом его героического воображения⁵. Кроме того, Черчилль был ярким пропагандистом теории “особых отношений” между англоязычными народами и создателем тщательно культивируемого им мифа об отношениях “бывшего военного моряка” с президентом Рузвельтом, этим загадочным арбитром англо-американской стратегии⁶.

Черчилль достиг вершин ораторского искусства: “Вы страшиваете, какова наша политика? Я вам отвечаю: война на море, на суше и в воздухе, не щадя сил, которые Господь нам пошлет для ведения войны против самой чудовищной тирании, превзошедшей все известные человечеству преступления. Такова наша политика. Вы спрашиваете, какова наша цель? Я могу ответить одним словом — победа, победа любой ценой, несмотря на весь ужас, победа, каким бы длинным и тяжелым ни был путь, поскольку без победы мы не сможем выжить”⁷.

Ораторское искусство и ретроспектива победы мешают нам сейчас определить глубоко оборонительный характер британской стратегии. Как показал Клаузевиц, “в войне все просто, однако простейшее — самое трудное”⁸. До операции “Торч” в Северной Африке в ноябре 1942 г., а, может быть, даже до успешного завершения в мае 1943 г. атлантической кампании на море, которая долгое время шла ни шатко ни валко, британская стратегия действительно была очень простой — *не проиграть войну*. “Победа” откладывалась на неопределенный срок. Черчилль не лукавил, когда в июле 1940 г. сказал советскому послу, что в тот момент его главной стратегией было “продержаться ближайшие три месяца”. Эту же философию выражал его любимый афоризм — “мы просто должны держаться”⁹.

Ближайшим и главным приоритетом стратегии являлось выживание страны. В реальной жизни это означало защиту Британских островов, поддержание присутствия в Средиземноморье, сохранение некоторых позиций на Ближнем и Среднем Востоке и остатков влияния Великобритании в Юго-Восточной Азии. На Дальнем Востоке она вначале сыграла позорную роль, а позднее никак не влияла на события в этом регионе. За исключением Бирмы, из всех театров боевых действий Англия выбирала западный. Необходимо было не только мобилизовать армию, но и поднять боевой дух страны. Черчилль считал важнейшей задачей своих выступлений воздействовать на общественное мнение как в Британии, так и в Соединенных Штатах. “Он призвал к оружию английский язык и послал его в бой”. Требовалось умиротворить неумолимого Сталина поставками и обещаниями, однако положение владельца ключа к американскому стратегическому арсеналу нужно было завоевать. Если бы удалось заставить США, по словам Черчилля, “увязнуть по шею и бороться до смертельного исхода” в этой войне, то конечная победа была бы обеспечена¹⁰. Он не видел другого выхода.

К моменту первой встречи Черчилля и Рузвельта в качестве руководителей совместно воюющих держав на конференции “Аркадия” в Вашингтоне в декабре 1941 г. США находились в состоянии войны ровно две недели. Британия же вела войну более двух лет, а в течение не-

скольких месяцев во второй половине 1940 г. ей угрожала смертельная опасность вторжения немецких войск; она продолжала борьбу, хотя в прямом смысле слова не являлась одинокой. В течение целого года у неё не было серьезных союзников, пока в июне 1941 г. Германия не приступила к осуществлению рокового плана “Барбаросса” и не вторглась в Советский Союз.

Стратегические последствия приобретенного под влиянием этих событий опыта были огромны. Они отягощались сознанием мучительного неравенства в положении Англии и США. Иногда эти последствия отражались на организационных вопросах, а иногда — на отношениях между союзниками. Одни казались более положительными, чем другие. Но одно из последствий оставалось неизменным: на каком бы театре военных действий ни сталкивались британская и германская армии — англичане всегда терпели поражение. Британским вооруженным силам не удалось сохранить за собой ни пяди земли на Европейском континенте. Они были последовательно изгнаны из Дюнкерка в мае 1940 г., из Нарвика — в июне 1940 г. и из Греции — в апреле 1941 г., не говоря уже об острове Крит в июне 1941 г. и повлекшем огромные жертвы рейде на Дьепп в августе 1942 г. Умело организованное отступление к Дюнкерку и удивительно успешная эвакуация обеспечили временную передышку и послужили призывом к дальнейшей борьбе, но этим едва ли удалось замаскировать горький привкус быстрого и крупного поражения. Кроме того, такое положение не являлось временным. В июне 1942 г., имея двухлетний опыт боевых действий в пустыне, располагая обширной постоянной разведывательной информацией, англичане сдали за один день свой талисман — цитадель Тобрук в Северной Африке с гарнизоном численностью около 35 тыс. человек и запасами, необходимыми Роммелю для продолжения операций. Если сдача Сингапура японцам в феврале 1942 г. вошла в историю как величайшее поражение британского оружия, то потеря Тобрука мало чем ему уступала.

В то время Черчилль снова находился в Вашингтоне, где вел переговоры по вопросам англо-американской стратегии. Сообщение о падении Тобрука он получил в Белом доме во время совещания с президентом Америки. Это событие весьма проницательно прокомментировал Джеймс Гульд Коззенс: “Гримасничая, господин Черчилль должен вкушать горечь поражения. Великолепные фразы и отточенные слова могут выдать за достижение гибель наших флотов и безуспешные высадки на побережье и в дюнах. Однако именно эти события помешали ему занять ведущее положение”. Впервые утратив возможность прибегнуть к возвышенной фразеологии, Черчилль сам приоткрыл рану. “Это был горький момент. Одно дело поражение, и совсем другое — позор”¹¹.

Нет ничего удивительного, что британское верховное командование очень сдержанно оценивало возможности собственных солдат по сравнению с немецкими и особенно качество военного руководства. Свидетельства этого носят фрагментарный характер и изобилуют анекдотами, причем они накапливаются. Это подтверждают кошмарные сны “о водах Ла-Манша, окрашенных кровью союзников”, о чем в порыве от-

кровенности Черчилль поведал Эйзенхауэру в преддверии операции “Оверлорд”¹². Об этом же свидетельствуют недопустимые сомнения в возможности форсирования Ла-Манша, которые время от времени поверял своему апологетическому дневнику начальник имперского генерального штаба генерал сэр Алан Брук¹³. Нежелание столь различных по темпераменту генералов, как Окинлек и Монтгомери, начинать операции без максимально возможной концентрации огневой мощи и поддержки с воздуха, “пока все не будет как следует увязано”, как сказал бы Монтгомери, также представляется проявлением терзавшей их неуверенности. В 1942-1944 гг. умы британцев угнетали не только унижительные воспоминания о поражении под Пашенделем и на Сомме. Был и более недавний опыт под Нарвиком, Дюнкерком и в Западной пустыне.

Лишь в конце 1942 г. появилась возможность убедительно опровергнуть лаконичное замечание Невилла Чемберлена, обращенное к Антони Идену, тогдашнему военному министру, в страшные дни 1940 г.: “Я сожалею, Антони, что все наши генералы оказались такими плохими”¹⁴. В документе, подготовленном начальниками штабов в октябре 1942 г., содержалась следующая откровенная оценка: “Сегодня русская армия является единственной силой, способной победить немецкую армию или реально сдержать ее”. Черчилль на своей копии документа написал: “Я надеюсь, Сталин этого не узнает”. Однако он не оспорил высказанного мнения¹⁵. Не менее показательна его собственная реакция на победу Монтгомери над Роммелем под Эль-Аламейном в ноябре 1942 г. Он пришел в состояние восторга. Выступая в Лондоне в резиденции лорд-мэра перед восторженной аудиторией, он произнес свою самую замечательную речь: “У нас появился новый опыт. Мы познали вкус победы. Армия Роммеля потерпела поражение. Разбита наголову. В основном она перестала существовать как боевая сила”. Это была не просто победа *Британии*, а победа британской *армии* над противником во главе с Германией. Через несколько дней, полностью убедившись в одержанной победе, Великобритания звонила в колокола в честь национального праздника. Наступил опьяняющий момент. Король записал в своем дневнике: “Наконец-то победа! Как хорошо это успокаивает нервы”¹⁶. Победа под Эль-Аламейном была последней большой победой, одержанной на Западе самостоятельно силами Великобритании или Британского Содружества Наций во второй мировой войне. Все последующие победы будут неизбежно англо-американскими.

Второе следствие событий, происшедших в период так называемой “странной” войны 1939-1940 гг., в некотором смысле является антитезой душераздирающих сомнений относительно способности вести боевые действия. Речь идет о глубоко укоренившемся убеждении в том, что, несмотря ни на что, англичанам с самого начала все было известно лучше, чем другим. Такое отношение было менее заметным, когда речь шла о квазинезависимой войне, которую вел Советский Союз и о которой англичане знали поразительно мало, чем когда дело касалось англо-американской войны, к которой у них имелись заранее определенные требования и ожидания. Очень легко может сложиться впечат-

ление, что им все было заранее известно и о самих американцах. Британские офицеры проявляли “некоторую снисходительность к иностранцам”, как утверждали многие американцы, имевшие с ними дело¹⁷.

Такое отношение нашло своё типичное отражение в переговорах по выработке стратегии союзников. Одно из самых удивительных утверждений в дневнике Брука (которое он несколько смягчил в своих послевоенных воспоминаниях) касается идиотизма в вопросах стратегии американцев вообще и начальника штаба армии США в частности. “С первого взгляда Маршалл мне понравился, — писал Брук о первом знакомстве с ним в апреле 1942 г., — с ним легко и приятно иметь дело, хотя он и преисполнен чувством собственной важности”. Несколько дней спустя он пишет: “Мне кажется, он хороший генерал, когда речь идет о мобилизации армии, обеспечении необходимого связующего звена между военными и политиками, но как стратег он не произвел на меня никакого впечатления”. Наступательный план Маршалла с целью форсирования Ла-Манша — это “всего лишь план высадки на отдаленном морском побережье. Предстоит ли нам играть в *баккара* или в *железку* в Ле Туке...это никак не оговорено”. Этот план не что иное, как “воздушные замки”.

Вспоминая о событиях мая 1943 г., Брук жаловался (эти слова не включены в опубликованный текст дневника): “Маршалл был абсолютно не способен понять сущность нашей [британской] стратегии”, т.е. то, что “мы готовимся вернуться во Францию через боевые действия в Средиземноморье”. Почему же американцы не могли видеть того, что для самого Брука “становилось яснее день ото дня”? И уже в августе 1943 г. он пишет: “Мне совершенно не удалось объяснить Маршаллу связь между форсированием Ла-Манша и операциями в Италии и взаимное влияние этих событий. С ним абсолютно невозможно спорить, поскольку он просто не способен понять стратегическую проблему”. Для Брука Маршалл был идеалистом в вопросах стратегии. У него не было тех знаний, и не могло их быть, которыми располагал Брук. В конечном итоге Маршалл стал “большим человеком и очень большим джентльменом”, но как стратега его не следовало принимать всерьез¹⁸.

К счастью, в этой незадачливой склонности англичан “относиться к американцам свысока”, как удачно выразился Кристофер Торн, встречались счастливые исключения, хотя в армии несколько реже, чем в других видах вооруженных сил¹⁹. Таким замечательным исключением был фельдмаршал сэр Джон Дилл, который с декабря 1941 г. до своей смерти в ноябре 1944 г. оставался другом и исповедником и Брука и Маршалла. Занимая выгодное положение главы миссии британского Комитета начальников штабов в Вашингтоне, Дилл мог легко оценить вред позиции англичан, усложнявшей главную трудность ведения коалиционной войны, т.е. эффективное урегулирование разногласий в вопросах национальной стратегии. В октябре 1942 г. Брук жаловался Диллу: “Мы все понимаем необходимость взаимных уступок, но я не могу отделаться от чувства, что именно мы все время уступаем нашим друзьям”. Это не было обычным раздражением начальника имперского генерального штаба, а скорее являлось аксиомой британского стратеги-

ческого мышления. Дилл понимал, что в самом разгаре войны и американцев одолевали такие же или прямо противоположные опасения. Его ответ был справедливым, хотя и неожиданным: “Мы фактически навязали американцам свою стратегию, и они относятся к этому очень болезненно”²⁰.

В подтверждение мнения Дилла 1942-1943 гг. были названы “годами гегемонии британской стратегии”²¹. Если это утверждение соответствует истине, то его можно отчасти объяснить организационными последствиями “странной” войны. Наводящая ужас комбинация Гитлера и Черчилля (один олицетворял угрозу, а другой служил стимулятором) послужила причиной того, что Великобритания быстрее и лучше подготовилась к глобальной войне, чем ее основные союзники и даже главные противники. Это касалось всех аспектов военных усилий. Сейчас мы, например, знаем о приказе Черчилля, который он отдал в октябре 1941 г. Речь шла об “абсолютном приоритете” нужд обитателей казарм № 6 и № 8 в Блетчли-Парк, где размещались криптоаналитики, раскрывшие главный германский код “Энигма”. Это дало возможность получить беспрецедентный объем разведывательной информации (секрет “Ультра”²² — системы дешифровки немецких кодов). Но что еще важнее, удалось найти наилучший способ объединить усилия “штатских” и “военных” — политиков и генералов — в области общего руководства войной, что наложило отпечаток на принятие стратегических решений и в Лондоне, и в Вашингтоне. Речь идет о противоречивом партнерстве между Черчиллем в качестве премьер-министра и министра обороны и Комитетом начальников штабов трех видов вооруженных сил.

Формально конечная ответственность за ведение войны возлагалась на военный кабинет, только его члены “обладали почетным правом сложить голову на плахе в Тауэре, если мы не выиграем войну”. Однако в 1940-1941 гг. кабинет все больше терял контроль над выработкой стратегии, который постепенно и добровольно переходил в руки тандема — Черчилля и профессионалов-советников. Вопросы стратегии решались на штабных конференциях — чисто черчиллевском механизме руководства войной. По словам официального историка, кабинет стал “последней юридической инстанцией”. Эрнст Бевин, в то время занимавший пост министра труда, со свойственной ему сварливостью так охарактеризовал положение кабинета: “Он [Бевин] заявил, что сам ничего не понимает в войне и что едва ли стоит выслушивать мнение других членов кабинета, которые назначили его на этот пост (как он заявил Черчиллю), чтобы выиграть войну. Если доверие к нему будет утрачено, он будет снят. Но до тех пор, пока он не потеряет доверия, Черчилль может действовать самостоятельно, не спрашивая мнения кабинета по вопросам, о которых тому ничего не известно и которые слишком серьезны, чтобы их решали стратеги-любители”²³.

Будучи крепки задним умом и опираясь на мнение упрямого Бевина, мы можем легко недооценить опасную ситуацию, которая сложилась в то время. Манеры и стиль руководства нового премьер-министра вызывали глубокое беспокойство. Его управление военными делами было сугубо индивидуальным. Его инквизиторский подход означал, что успех

эксперимента зависел в равной степени от характера и компетентности его соратников. Режим работы был изматывающим, темперамент — бешеным, выпады — оскорбительными, а требования — бесчеловечными. Но именно это и требовалось. Однако позволить Черчиллю действовать беспрепятственно, как выразился Дилл, было бы стратегической катастрофой. Жизненно необходимо было запрячь его в одну упряжку с начальниками штабов, которые, хотя и разделяли его взгляды, но смело критиковали. В известной степени гениальность Черчилля состояла в том, что он понимал и признавал необходимость такого сотрудничества²⁴.

Комитет начальников штабов, организованный в 1924 г., на который возлагалась личная и коллективная ответственность за политику обороны в целом, никогда прежде не работал в военное время с премьер-министром и военным министром, тем более с Черчиллем. Комитет, который Черчилль унаследовал в мае 1940 г., был абсолютно не пригоден для решения стоявших перед ним задач. Практически сразу же тогдашний начальник имперского генерального штаба генерал сэр Эдмунд Айронсайд был заменен Диллом, которого в свою очередь в декабре 1941 г. отправили “в отставку” и назначили в Вашингтон. Его место занял Брук. Это был отличный выбор — Брук продержался всю войну. В октябре 1940 г. многолетний начальник штаба ВВС маршал авиации сэр Сирил Ньюолл был заменен главным маршалом авиации сэром Чарльзом Порталом, который стал самым удачным начальником штаба ВВС военного времени и любимцем премьер-министра. Портал также продержался на этой должности всю войну, что само по себе было большим достижением.

Начальником штаба ВМС с июня 1939 г. до его кончины в октябре 1943 г. был “истинный друг” Черчилля — адмирал сэр Дадли Паунд. После его смерти эту должность занял адмирал сэр Эндрю Каннингхэм, великолепный боевой адмирал в стиле адмирала Нельсона, упорно поддававшийся чарам Черчилля, но не диалектик. Артур Мардер и Стивен Роскилл, два известнейших современных исследователя истории британских ВМС, в течение многих лет спорят по поводу деловых отношений между Паундом и “бывшим военным моряком”. Мардер утверждает, что “Паунд не боялся ни Бога, ни человека, ни Уинстона Черчилля”, а Роскилл — что “в Паунде Черчилль нашел послушный, иногда слишком послушный рупор для своих идей”. Этот человек остается загадкой. Точно о нем известны только две вещи. Что, во-первых, в отличие от Дилла, Брука или Каннингхэма, но подобно Порталу, он разделял взгляды Черчилля. Паунд и Черчилль частенько встречались рано утром в комнате карт адмиралтейства, чтобы пропустить стаканчик виски от бессоницы. Едва ли можно представить себе более удобный случай для укрепления дружеских отношений с Черчиллем. Известно, во-вторых, что независимо от того, был ли Паунд послушен воле Черчилля, он строго ограничивал свою деятельность делами морского ведомства. Во время совещаний Паунд зачастую дремал, что однажды побудило Брука сравнить его со зверьком под названием “соня”. Достаточно было произнести заветные слова *корабль* или *море*, чтобы пробу-

дуть его внимание. Ни Паунд, ни Каннингхэм не имели привычки спорить с Черчиллем по вопросам большой стратегии. Из всех на это решились лишь трое — Дилл, Брук и в меньшей степени — Портал.

Дилл проиграл в 18-месячном состязании с Черчиллем и совсем не потому, как многие считают, что он был недостаточно энергичным деятелем. Просто сложившиеся в тот момент обстоятельства не позволяли надеяться на быстрый успех. Однако кроме ужасной обстановки в мире существовала другая причина — сам премьер-министр еще не привык выслушивать профессиональные советы. Осмотрительность Дилла напоминала своего рода лекарство: премьер-министр знал, что должен его принять, но вкус лекарства вызывал отвращение.

Черчилль был безнадёжно нетерпеливым стратегом. Иен Джекоб, большой поклонник Черчилля, но очень тонкий наблюдатель, писал о нем: “Он не являлся *спокойным* мыслителем, предметом естественного внимания которого была бы большая стратегия, он не проявлял академического интереса к изучению военных кампаний, подобно Лидделу Гарту или Клаузевицу. Он не был холодным, равнодушным стратегом, ему необходимо было решать какие-то конкретные проблемы. Он изучал битвы и инстинктивно был склонен смотреть на жизнь как на бег с препятствиями, которые нужно преодолевать, и борьбу с оппозицией, которую нужно подавлять. Он ненавидел те неизбежные моменты в войне, когда операция заканчивалась, наступала передышка для планирования и подготовки, перегруппировки сил и реорганизации. Его мозг рвался в бой, и он всегда хватался за любой проект, самый незначительный или несущественный для основной задачи, в надежде, что это заполнит моменты ожидания. Его неоднократные попытки заставить Комитет начальников штабов и планирующие штабы разработать план операции в Норвегии диктовались желанием освободить не столько эту страну или закрыть Германии выход к океанам, сколько развернуть какие-либо действия до начала следующей главной операции. Одна из его любимых фраз — необходимо заставить противника “истекать кровью и гореть в огне везде и всегда...”²⁵.

Это врожденное стремление Черчилля что-нибудь делать, необходимая для него уверенность в том, что все видят, как он действует и что действует он успешно, могли бы оказать огромное влияние на англо-американскую стратегию в 1942 г. Однако в 1940-1941 гг. что-либо делать было очень трудно. То, что предлагал Черчилль, было рискованно, и именно Дилл взял на себя бремя сказать ему об этом. Без победных боевых действий (а успешные операции генерала О’Коннора против итальянских войск в Северной Африке в декабре 1940 г. были быстро и незаслуженно забыты) поддерживать отношения становилось трудно²⁶. Таким образом, Дилл уступил свое место Бруку, но снова вышел на политическую арену за океаном. В стенах военного кабинета Дилл никогда не одобрял несдержанные манеры и несговорчивый характер Черчилля, однако, будучи в должности начальника имперского генерального штаба, он сделал больше, чем кто-нибудь другой, для установления правил конструктивного сотрудничества с премьер-министром. Его перевод в Вашингтон оказался совершенно случайным. До

Пёрл-Харбора Черчилль планировал послать Дилла губернатором Бомбея — “почетное положение, телохранители с пиками”. По сути же это была синекура.

Вопреки всем ожиданиям присутствие Дилла в американской столице и удивительное взаимопонимание между ним и Маршаллом послужили причиной того, что сомнительная идея Объединенного комитета начальников штабов США и Великобритании сразу же успешно заработала на базе противоречивой модели Лондона. В Вашингтоне эта модель была доработана и позволила англо-американскому комитету начальников штабов привлечь внимание и премьер-министра Великобритании, и президента США. Сам этот орган и созданная в его рамках причудливая сеть англо-американских комитетов образцово обслуживалась секретариатом, сформированным на базе и по образцу секретариата военного кабинета. В свое время английский секретариат был создан обаятельным генералом Вивьеном Дайксом, которому удалось установить тесное взаимодействие со своим влиятельным американским коллегой бригадным генералом Уолтером Бедделлом Смитом²⁷. Характерный метод “комбинированного” принятия стратегических решений стал возможен благодаря британскому опыту, полученному в 1940-1941 гг. Его ценность для Большого союза едва ли можно переоценить. Способ выработки стратегии оказывал решающее влияние на выбор направления и времени операций, особенно в неопределенный период 1942-1944 гг. В определенном смысле процесс принятия решений в комитете, облегчавшийся неофициально тесными личными отношениями, стал важнейшим вкладом Великобритании в военную стратегию Запада²⁸.

Если присутствие Дилла было необходимо, но недостаточно для того, чтобы сделать комитет работоспособным, то присутствие Брука было более чем достаточным. Новый начальник имперского генерального штаба являл собой довольно грозное зрелище. Писатель Антони Пауэлл блестяще уловил влияние, которое Брук оказывал на окружающих, “совершенно удивительное и осязаемое воздействие его личности... ту странную наэлектризованную атмосферу его присутствия, ощущаемую даже кончиками пальцев и вызывающую чувство подъема... утешительную мысль, что человек такого масштаба находится на вершине власти”²⁹. Брук рядился в тогу неприступности и сдержанности, скрывая переполнявшие его чувства, о существовании которых его коллеги в то время пребывали в счастливом неведении. Его военные дневники, полные сарказма и зачастую перегруженные деталями, опубликованные в конце 50-х годов, явились полной неожиданностью³⁰. Дайкс придумал ему довольно подходящее прозвище — полковник Шрапнель. В тех случаях, когда Черчилль допускал капризы, Брук проявлял железную волю. Его характерной реакцией в спорах было мрачное отрицание типа “я абсолютно не согласен”, сопровождаемое звуком ломаемого карандаша. Грозный адвокат, прирожденный защитник интересов Британии на международных стратегических переговорах, он являлся опытным председателем Комитета начальников штабов Великобритании. Другими словами, это был достойный противник с одной стороны Черчилля, а с другой — Маршалла.

В то же время он был склонен к сомнениям, по природе консервативен по отношению к людям и событиям. Поэтому очевидно, что организация англо-американского Объединенного комитета начальников штабов в Вашингтоне всегда вызывала у него серьезные подозрения, а в своих взглядах на стратегию он был чрезвычайно осторожен. Его биограф удачно назвал Брука человеком “аналитического ума”. Он слыл сторонником точного расчета, исчерпывающей информации, всесторонней оценки. По чисто техническим знаниям его никто не мог превзойти. Что касается большой стратегии, то он был осторожен, логичен и заметно лишен воображения³¹.

Каким образом эти люди рассчитывали одержать победу в войне? Как сказал Достоевский, нет ничего труднее, чем предложить идею, и ничего легче, чем рубить головы. У англичан (и у американцев) было невероятно мало стратегических идей. Несмотря на богатое воображение Черчилля выбор вариантов стратегических операций был поразительно невелик. Президент США настаивал на крупной англо-американской операции на Европейском театре войны в 1942 г., однако была избрана операция вторжения в Северо-Западную Африку (“Торч”). Единственно серьезными альтернативами являлись операция “Следжхэммер” по захвату плацдарма в Северо-Западной Франции или операция неопределенного характера в Северной Норвегии (“Юпитер”). Первая из них, которой добивалось высшее военное командование США, по общему признанию была операцией опасной и очень незначительной по масштабам (предполагалось участие примерно 6 дивизий, в то время как Германия дислоцировала на Западе около 27 дивизий, не говоря уже о приблизительно 180 дивизиях русских на Востоке)³². Британские начальники штабов наложили вето на операцию “Следжхэммер”, поскольку именно Великобритании предстояло выделить основные воинские контингенты.

В качестве второй альтернативы рассматривался проект, являвшийся любимым детищем премьер-министра. В начале 1942 г. он писал: “Наши возможности оказать эффективную помощь русским в этом году зависят от того, удастся ли нам изгнать самолеты противника с северных аэродромов в Норвегии”. Это была поразительно нереальная стратегическая догма. Да, операция “Юпитер” — это была идея, но плохая. К счастью, ни один из начальников штабов обеих стран не отнесся к ней серьезно. “Лучше бы мы поместили объявления в газетах”, — горько пошутил Черчилль несколько дней спустя³³.

Нетрудно было относиться с пренебрежением к стратегическому мышлению премьер-министра. Это становилось своего рода хобби. Британские штабные офицеры разбирали его оценки “по параграфам, делая ставки как в матчах по боксу (Уинстон Черчилль против Реальных фактов)”. Черчилль выигрывал по очкам, но к двенадцатому раунду был близок к нокауту. Тем не менее, как бы вопреки придиркам профессионалов, “Черчиллю иногда являлись видения, и иногда они оказывались пророческими”³⁴. Самое противоречивое из его видений было порождено отчаянием и имело вид рептилии. Впервые оно явилось ему во время первой, очень короткой встречи со Сталиным в Москве в ав-

густе 1942 г. Черчилль взял на себя незавидную задачу сказать “ядюшке Джо”³⁵, что в конечном итоге второго фронта не будет в том виде, в котором его ожидал Сталин, т.е. крупномасштабная высадка англо-американских войск во Франции в 1942 г. не состоится. Черчилль остро осознавал необходимость одновременно смягчить гнев Сталина и произвести на него впечатление; кроме того, его беспокоило отсутствие ясности. Колоссальные победы, одержанные русскими на Восточном фронте, в отличие от других побед в отдаленных районах не задерживались в его памяти. Однажды он возбужденно сказал Антони Идену: “Не забывайте, что у меня на груди медали за Дарданеллы, Антверпен, Дакар и Грецию”. Все это были десантные операции на море (и все неудачные). Море, именно море будоражило его воображение. Для Черчилля Москва была бесконечно далеко. Ему не довелось пройти дорогу до Орла. Сталин, разгневанный и непредсказуемый, был “великаном-людоедом в своем логове”³⁶.

Эти обстоятельства привели к тому, что атмосфера встречи была угнетающей. После длительного неловкого подшучивания и в целом безрезультатных дискуссий Черчилль решил, что настал момент раскрыть Сталину англо-американское решение о проведении операции “Торч”. Он изложил в общих чертах ее план. Он говорил о “настоящем” втором фронте. Он разглагольствовал о многочисленных преимуществах операции и, наконец, заявил: “Если бы мы могли завершить этот год захватом Северной Африки, то смогли бы угрожать брюху гитлеровской Европы”. Затем спонтанным выразительным жестом он изобразил крокодила, объяснив, что союзники “намерены нанести удар по мягкому подбрюшью крокодила, подобный тому, который русские нанесли по его морде”. Едва ли демонстрация притягательности высказанной идеи могла быть более выразительной.

В следующем месяце в письме Рузвельту Черчилль размышлял о возможности “нанесения удара по подбрюшью оси” через Сардинию, Сицилию или материковую часть Италии сразу после взятия союзниками Северной Африки. По-прежнему полный надежд, он в октябре добавляет к этому списку Французскую Ривьеру, “а с помощью Турции, возможно, даже и Балканы”. В ноябре он снова побуждает президента США определить, как лучше использовать базы на побережье Северной Африки “для эффективного, скорейшего удара по подбрюшью оси”³⁷. Следовательно, в конце 1942 г. эта идея вызревала. Она дорабатывалась в течение 1943 г., по-разному переоценивалась в 1944 г. и в последующие годы непрерывно по-новому интерпретировалась. Вскоре идея превзошла свое стратегическое значение. По правде говоря, стратегия удара по “мягкому подбрюшью” оказалась пустышкой. Как указывал Майкл Говард, она не играла никакой роли при принятии решения об операции “Торч” в 1942 г.; оно уже было принято по другим соображениям. Объяснение Черчилля было вдохновенным, но по сути вводило в заблуждение³⁸.

И не видение “мягкого подбрюшья” побуждало англичан, а с ними и американцев вступить в 1943 г. “на тропу, ведущую в Средиземноморский сад”³⁹. В январе 1943 г. на конференции в Касабланке было приня-

то решение, что по использовании стратегических преимуществ высадки десанта в операции “Торч” необходимо организовать вторжение в Сицилию (операция “Хаски”). Однако освобождение побережья Северной Африки удалось завершить только в мае, как раз перед следующей конференцией союзников в Вашингтоне. Американские и британские начальники штабов, оказавшись в несколько затруднительном положении, пригласили генерала Эйзенхауэра высказать свое мнение о том, куда им следует нанести удар после Сицилии. Однако до начала операции “Хаски” в июле 1943 г. решение не могло быть принято. Только через неделю после ее начала Эйзенхауэр решительно высказался в пользу вторжения на материковую часть Италии. Но лишь месяц спустя после освобождения Сицилии Эйзенхауэр определил, каким образом это будет осуществляться. В сентябре 1943 г. 5-я американская армия как бы невзначай высадилась в Салерно, к Югу от Неаполя (операция “Эвеланш”). За несколько дней до этого 8-я британская армия пересекла Мессинский пролив и высадилась в Калабрии (операция “Бейтаун”), начав медленное продвижение вверх по итальянскому сапогу⁴⁰. По решению Квебекской конференции, состоявшейся в августе, в качестве основных задач выдвигались вывод Италии из войны и организация авиабаз в районе Рима. Вопрос о дальнейшем продвижении на север преднамеренно был оставлен открытым.

В день начала операции “Бейтаун” и непосредственно перед операцией “Эвеланш” Италия капитулировала, вызвав некоторое замешательство союзников. Тем не менее кампания в Италии продолжала развиваться дальше. На Тегеранской конференции в ноябре 1943 г. американцы наконец-то согласились с тем, что следующей целью должно стать наступление по линии Пиза – Римини, далеко на север от Рима. Совершенно очевидно, что такая последовательность событий абсолютно не совместима с методичной реализацией стратегического плана. Это скорее простая смесь оппортунизма и импровизации. Ни у кого не было уверенности, что им удастся достичь главного “подбрюшья” Италии; никто четко не представлял, куда и какими темпами им следует идти. Зачастую стратегическое мышление только в ретроспективе приобретает цельность. Майкл Говард заметил: “Британская (и союзническая) стратегии развивались по частям, причем военное руководство, как правило, просто делало то, что оно могло, там, где это было возможно, используя силы, которые были в их распоряжении”⁴¹.

По-прежнему чрезвычайно трудно оценить англо-американскую кампанию в Италии 1943-1945 гг. Даже среди англичан, ее первых тогдашних защитников, до сих пор отсутствует единство взглядов по самым важнейшим проблемам.

Удалось ли решить задачи, поставленные перед этой кампанией? Внесла ли она вклад и какой именно в победу союзников на Западе, а в связи с этим и на Востоке? Проблема еще больше усложняется из-за наличия целого ряда вопросов, которые возникали еще во время развития операции в Италии и которые до сих пор остаются предметом споров. Те, кто благосклонно относятся к этим операциям, естественно задаются вопросами, могли ли союзники достичь лучших результатов? Их

предположение, разумеется, положительное. С другой стороны, критики кампании задают совсем другой вопрос: была ли она вообще нужна? Их оценка — отрицательная. Кампания в том виде, в каком она проводилась, напоминала футбол — мяч посылался то туда, то сюда, в зависимости от склонностей (а часто — национальной принадлежности) игроков.

По замыслу англо-американского Объединенного комитета начальников штабов стратегия итальянской кампании состояла в том, чтобы обеспечить “наилучший способ выведения Италии из войны и сдерживания максимального числа германских сил”. Между тем первая из этих задач была достигнута в результате капитуляции Италии почти перед началом кампании. Вторая задача была одновременно прозаичной и неопределенной. Скорее она служила точкой отсчета. “Сдерживание” германских сил можно более точно назвать их “связыванием”. Сама по себе итальянская кампания не имела решающего значения. Никто этого и не ждал, разве что в конце 1944 г. фельдмаршал сэр Гарольд Александер испытал легкий трепет. По некоторым показателям эта кампания даже не была очень важной. Абсолютное число задействованных боевых дивизий, например, составляло лишь незначительную часть дивизий, участвующих в боевых действиях на Восточном фронте.

Тем не менее в течение всего 1944 г. от 19 до 23 германских боевых дивизий (15% от общего числа) находились в Италии. Это означало, что они не могли использоваться на других театрах военных действий, в частности в Нормандии. В июне-июле 1944 г. даже небольшой мобильный стратегический резерв мог бы очень серьезно усложнить задачу союзников по высадке войск. В конце июня 1944 г. в Италии находились семь отборных немецких танковых и гренадерских дивизий. Вполне возможно, что война продолжалась бы еще несколько месяцев, если бы Германия смогла своевременно и быстро перебросить их во Францию. Более того, итальянская кампания (и Средиземноморская в целом) связывала не только сухопутные войска. В 1943 г. одна треть всех потерь люфтваффе приходилась на Средиземноморский театр войны. Если первой задачей итальянской кампании было связать германские вооруженные силы, то ее второй задачей — нанести ущерб противнику.

Как хорошо известно, все это касалось обеих воюющих сторон. В данном случае война на уничтожение была явно в пользу союзников. К маю 1945 г. потери немцев в результате итальянской кампании ранеными и убитыми составили 536 тыс. человек (по сравнению с 312 тыс. человек союзников). Войну на сдерживание труднее оценить, однако нет сомнений, что общая численность войск под командованием Александера значительно превосходила численность немецких войск под командованием Кессельринга (по одной оценке — в три раза). Кроме того, снабжение немецких войск непосредственно из Германии обходилось дешевле, чем союзнических через Средиземное море. Так кто же кого связывал? Сдерживал ли Александер Кессельринга или Кессельринг Александера? Постепенно стратегическая инициатива во второй мировой войне перешла к союзникам. Но имелась ли у них какая-нибудь

реальная альтернатива? До 1944 г. Британия решительно ответила бы “нет”.

Вначале у Черчилля действительно было более грандиозное видение войны, классически сформулированное им в декабре 1941 г. и сводившееся к одной фразе Уинстона — замыкание кольца. Во время пятидневного пребывания на борту линкора “Принс оф Йорк”, направлявшегося в Вашингтон сразу же после Пёрл-Харбора, премьер-министр продиктовал великолепный конспект “военной политики 1942 и 1943 г. в четырех частях” в том виде, в котором он рассчитывал и надеялся она будет развиваться на всех театрах войны. Первая часть документа касалась проблем Атлантического фронта, как он его называл; вторая — Тихоокеанского фронта; третья была посвящена планам на 1943 г. и четвертая вновь возвращалась к Тихоокеанскому фронту⁴². В целом это был один из конструктивных стратегических документов времен войны. Документ был адресован начальникам штабов, но составлен в расчете на президента США, самого Черчилля и, возможно, подсознательно на будущие поколения. Он представляет собой намеренную смесь страстных призывов к единению, планов и прогнозов⁴³. В первой части документа рассматривалась операция “Джимнаст” (позднее — “Торч”) во Французской Северной Африке, которая в то время задумывалась как оккупация по просьбе Франции. В выводах четко формулировались стратегические цели этой операции. “Основные наступательные усилия в войне на Западе в 1942 г. будут включать оккупацию и контроль со стороны Великобритании и Соединенных Штатов Америки над всеми французскими владениями в Северной и Западной Африке, а также контроль Британии над всем североафриканским побережьем от Туниса до Египта, что обеспечит, если ситуация на море это позволит, свободный проход через Средиземное море к Леванту и Суэцкому каналу.” Несмотря на некоторые отклонения в сроках, это оказалось точный прогноз⁴⁴.

Третья, наиболее важная часть документа (о планах на 1943 г.) продолжала тот же ход мысли. В ней рассматривалась ситуация, в которой “Турция, хотя и не обязательно участвуя в войне, включится в американо-британский фронт” и “позиции русских будут усилены”. В этом случае “мы, вероятно, получим точку опоры в Сицилии и Италии, что может вызвать весьма благоприятную реакцию в самой Италии”. Далее Черчилль рассмотрел необходимость такого варианта событий. “Всего этого могло бы стать недостаточным для доведения войны до конца. Мы не можем завершить войну, прогнав японцев обратно к их собственным границам и нанеся удар по их вооруженным силам на заморских ТВД. Мы сможем закончить войну, только разгромив германские войска в Европе...” Эта формулировка перекликалась с часто цитируемым высказыванием Дугласа Хейга, сделанным во время первой мировой войны: “Мы не можем надеяться на победу, если не разгромим германскую армию”⁴⁵.

В декабре 1941 г., однако, Черчилль цеплялся за малейшую возможность найти альтернативный путь к победе, надеялся на внутренний крах в Германии, вызванный “неблагоприятным для немцев ходом

войны, экономическими трудностями и наступательными операциями бомбардировочной авиации союзников”. Вполне возможно, что британское высшее командование никогда полностью не теряло надежд на такой исход, но сам Черчилль в силу своего темперамента и интеллекта не мог на это полагаться. В подготовленном им документе рассмотрены возможные стратегические последствия. “Следовательно, мы должны подготовиться к освобождению оккупированных стран Западной и Южной Европы путем последовательной или одновременной высадки в удобных пунктах группировок британских и американских войск, достаточно сильных, чтобы помочь поработенным народам поднять восстание. Сами они никогда не смогут этого сделать в силу безжалостных репрессий, которые непременно последуют. Однако если высадить достаточные по численности и соответствующим образом вооруженные подразделения в нескольких странах, а именно: в Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, на Французском побережье Ла-Манша и на Атлантическом побережье Франции, а также в Италии и, может быть, на Балканах, то у немецких гарнизонов не хватит сил, чтобы одновременно справиться с мощью освободительных сил и гневом восставших народов”.

Черчилль предвидел возможность использования в составе англо-американских освободительных сил летом 1943 г. порядка 40 дивизий, “из которых Великобритания попытается поставить почти половину”. Важнейшими предварительными условиями такой операции было обеспечение “господства на море” (т.е. победа в битве за Атлантику) и в воздухе. И то, и другое в то время, когда Черчилль излагал свою стратегию, казалось пустыми мечтаниями. Но премьер-министр был полон оптимизма. “Если мы сейчас поставим перед собой такие задачи... то можно надеяться, если даже в Германии до этого не произойдет крах, выиграть войну в конце 1943 или в 1944 г.”⁴⁶

В первой части документа Черчилля содержалось лишь беглое упоминание о “кольце, которое сжимается” вокруг немцев. На конференции с участием начальников штабов он кратко изложил свою знаменитую концепцию трех этапов войны: 1) сжатие кольца; 2) освобождение народов; 3) нанесение решающего удара по германской цитадели⁴⁷.

Подготовленная одновременно специалистами планирования для начальников штабов оценка включала формулировку “постепенное стягивание кольца вокруг Европы, контролируемой державами оси”⁴⁸. Соответственно в британском документе, подготовленном для конференции “Аркадия”, в качестве одной из главных задач большой стратегии союзников выдвигалось “замыкание и стягивание кольца вокруг Германии”. По определению начальников штабов, это кольцо представляло собой линию, начинающуюся от советского порта Архангельск, далее по часовой стрелке к Черному морю, на юг через Анатолию, на запад вдоль северного побережья Средиземного моря, затем вокруг западного побережья Европейского материка. Артур Брайант без лишних слов, но допуская некоторую географическую вольность, назвал его “кольцом из морской воды и песка пустыни”⁴⁹. В документе была провозглашена задача укрепить это кольцо, заполнить в нем пробелы путем

“поддержки русского фронта, вооружения Турции и оказания ей помощи, наращивания сил на Среднем Востоке и захвата всего североафриканского побережья”. Приводимые аргументы имеют важнейшее значение, поскольку именно этот документ, подготовленный Великобританией, явился моделью соглашения, принятого на конференции “Аркадия” и нашедшего свое выражение в “Американской и британской стратегии”. Англичане дали ему обозначение WW1 и в процессе дальнейших англо-американских разногласий на него ссылались, как на Библию⁵⁰.

Отражая стратегическую ортодоксальность Великобритании, WW1 исключал возможность каких-либо крупномасштабных англо-американских операций на Европейском континенте в 1942 г. С другой стороны, что касается 1943 г., то в осторожных выражениях признавалась возможность “возврата на континент через Средиземноморье, из Турции через Балканы или путем высадки десанта в Западной Европе”. Последовательность альтернативных операций установил Черчилль, хотя его фантастичное предположение о нанесении нескольких *одновременных* ударов не выдерживало профессиональной оценки⁵¹. А пока нужно было продолжать неумолимо истощать силы противника, а может быть даже активизировать действия. Предполагалось, что “изматывание противника” в этой войне будет происходить не в столкновениях с ним на стационарном фронте, а как бы “по доверенности” — с помощью знаменитой триады: “бомбардировки, блокада и подрывная деятельность”. Легко понять тенденцию излишне полагаться на каждое из этих средств для достижения целей, если вспомнить те трагичные обстоятельства, в которых Британия оказалась в 1940-1941 гг. Вероятно, ее утешала возможность забыть о том, что это — средства для достижения целей. Что касается стратегических бомбардировок, то вера в них англичан стала граничить с фанатизмом. Джозеф Хеллер высказал мысль, что для тех, на кого была возложена эта миссия, такая вера являлась психологической необходимостью⁵². Сейчас мы знаем, что эти фанатики трагически ошибались. Зима 1943-1944 гг. жестоко продемонстрировала, что совместные стратегические бомбардировки не нанесли и не могли нанести непоправимого урона Берлину, не говоря уже о третьем рейхе⁵³.

В целом WW1 удивительно точно отражал точку зрения Черчилля на способ ведения войны. Можно сказать, что трехэтапная стратегическая концепция, а также надежды и страхи, которые за ней стояли, отрицали взгляды Клаузевица на войну и сближали Черчилля с Фабием. Римский государственный деятель Квинт Фабий Максим, получивший прозвище Кунктатор (Медлитель), в ходе второй Пунической войны 219-202 гг. до н.э. срывал планы блестящего карфагенского генерала Ганнибала, мастерски применяя “стратегию бездействия”, т.е. осторожного и преднамеренного уклонения от любых прямых крупномасштабных столкновений, за исключением тех случаев, когда он сам принимал такое решение. Фабий считал, что римляне должны “основательно поговещаться” прежде, чем смогут рассчитывать добиться своих целей. Естественно, его обвинили в политике оттяжек (мы видим немало ана-

логий в современной жизни), хотя уместно вспомнить, что преждевременный отказ от этой стратегии привел римлян к катастрофическому поражению в великой битве при Каннах (216 г. до н.э.). Приводимые ниже положения “тактики Фабия” воскрешают в памяти британские стратегические предпочтения во второй мировой войне: “Никогда не принимать бой, навязываемый противником; никогда не вступать в бой на равных условиях; никогда не атаковать противника в его собственном лагере, но уничтожать его армию обстоятельно, когда это позволяют время и место; энергично защищать все территории, оставшиеся верными Риму; попытаться силой или обманом вернуть территории, захваченные Ганнибалом, используя численное превосходство римлян и неспособность Ганнибала контролировать оба театра войны”⁵⁴.

Главным сторонником этой стратегии с декабря 1941 г. являлся начальник имперского генерального штаба генерал Брук. Его вариант стратегии бездействия формулировался в виде “ничего не оставляй на волю случая”⁵⁵. Часто забывают, что Брук предпочел бы не проводить операцию “Торч” (в своем дневнике он относил эту операцию вместе с высадкой в Северной Норвегии к “неосуществимым”), а также другие военно-морские операции Великобритании и США в 1942 г. В этом его мнение неожиданно совпало с мнением Объединенного комитета начальников штабов США⁵⁶. Вместо этого он предпочел бы сконцентрировать силы на Британских островах (операция “Болеро”) в соответствии с сомнительным обещанием последующего форсирования Ла-Манша, возможно в мае 1943 г., в ходе операции “Раундап”. Если бы операцию “Раундап” пришлось отложить — тем лучше: для Брука вывод Италии из войны представлялся и более соблазнительным, и более реалистичным. Он действительно высказывался за освобождение от германских войск побережья Северной Африки, но считал лучше это сделать, воспользовавшись плодами британского наступления в Ливии. Его главной заботой были морские коммуникации.

После войны, размышляя над некоторыми страницами своего дневника за декабрь 1942 г., Брук сделал несколько характерных записей, которые послужили руководством для Артура Брайанта: “Сам я отчетливо сознавал, что момент открытия западного фронта еще не настал и едва ли настанет в течение 1943 г. Я считал, что мы должны придерживаться моего первоначального плана ведения войны, от которого я никогда не отказывался, а именно — приступить к завоеванию Северной Африки с тем, чтобы вновь открыть Средиземное море, восстановить путь доставки миллионов тонн грузов, минуя Мыс Доброй Надежды; затем вывести Италию из войны и вовлечь в нее Турцию, создать угрозу Южной Европе и потом освободить Францию. Разумеется, этот план зависел от того, удастся ли России выстоять. Хотя на ранних этапах войны я в этом серьезно сомневался, к концу 1942 г. я уже не считал возможным такой исход [т.е. падение Советского Союза]”⁵⁷.

Брук был по природе категоричен, однако чрезвычайно четкое видение проблемы было с годами несколько преувеличено, а позднее его приукрасил и Брайант при издании дневника Брука “Перелом”. Тем не менее перечень стратегических задач, предложенный Бруком, говорит

о многом. До наступления решающего мгновения предстояло столько сделать, так далеко пройти *"и затем освободить Францию"*. Но когда? Нет сомнения, что "Брук больше всего опасался преждевременного и неудачного возвращения на Европейский континент"⁵⁸. Был ли он прав, выступая против немедленного открытия второго фронта? Отрицал ли он полностью форсирование Ла-Манша?

Истинный второй фронт всегда основывался только на одном сценарии — крупномасштабный штурм Ла-Манша; создание плацдарма высадки морского десанта в северо-западной Франции; концентрированный прорыв и рывок на восток в направлении Парижа, а в конечном итоге Берлина. Располагая опытом прошлого, мы видим, что этот сценарий воспроизводит операцию "Оверлорд". Эта операция предусматривала высадку 6 июня 1944 г. в день "D" пяти пехотных и трех воздушно-десантных дивизий, а также трех бронетанковых бригад. Исходя из возможностей транспортно-десантных средств, это количество являлось максимальным. К концу первого месяца число дивизий планировалось увеличить до 24, а к концу второго месяца — еще на 30. В истории войн это должна была быть самая крупная операция такого рода, но и она не обеспечивала значительного превосходства. В непосредственной близости от плацдарма высадки находились 6 германских пехотных и 1 танковая дивизия, на расстоянии 200 миль (320 км) — еще 17 пехотных и 2 танковые дивизии. Можно было ожидать, что при прочих равных условиях немцам удастся в любой момент сконцентрировать превосходящие силы в районе плацдарма высадки союзных войск в течение первой недели операции. На самом деле к 1944 г. многие прочие условия не были равными. Достаточно упомянуть наиболее важное: союзники располагали бесценным преимуществом полного господства в воздухе. Как заявил на брифинге по поводу дня "D" Эйзенхауэр, "если вы увидите над головой истребители, это будут наши самолеты". Подобные гарантии в 1942 или 1943 гг. отсутствовали.

Таковы, следовательно, были масштабы проблемы. В декабре 1942 г. на Западе находилось 36 германских боеготовых дивизий; в июне 1943 г. — 42. В операции "Следжхэммер", планируемой на ноябрь 1942 г., которая, к счастью, так и не была предпринята, должны были участвовать максимум шесть британских и американских дивизий; в операции "Раундап", планируемой на май 1943 г., — 48. Даже в численном отношении эти силы были абсолютно недостаточны для выполнения поставленной задачи, даже если предположить, что союзники располагали необходимыми транспортно-десантными средствами или торговыми судами для их снабжения, авиацией для их прикрытия с воздуха и разведывательной информацией для управления боевыми действиями. Но именно всего этого у них не имелось.

Сейчас никто всерьез не отстаивает необходимость открытия второго фронта в 1942 г. Однако иногда высказывается мнение, что в 1943 г. было бы возможно сосредоточить ресурсы для операции "Оверлорд", так сказать, ускорить второй фронт. Эта абсолютно нереальная концепция не нашла поддержки в то время и не стала более заслуживающей доверия теперь. Она не учитывала два рода трудностей. Во-пер-

вых, оперативные трудности беспрецедентной высадки полномасштабного морского десанта союзников при участии еще не обстрелянных в боевых действиях войск, а затем обеспечения прорыва фронта грозного противника, еще не знавшего поражений. Во-вторых, существовала и политическая проблема — союзники в течение 18 месяцев не предпринимали каких-либо серьезных боевых действий, в то время как Советский Союз был вовлечен в непрерывную, безжалостную, невиданную по размаху войну на уничтожение, исход которой был не ясен, а жертвы превосходили любое воображение. Стратегические бомбардировки не были приемлемым или действенным вторым фронтом. Накапливать силы для 1943 г. было политически невозможно. В 1942 г. существовала слишком большая потребность *что-то* делать — что-то заметное, осязаемое, успешное, чтобы можно было бы выдать Сталину и американским и британским избирателям за эффективную военную операцию. Отсюда идея операции “Торч”. Без десантных действий в операции “Торч” и последующей кампании в Северной Африке высадка союзных войск в Нормандии носила бы совсем другой характер. В сражениях от Эль-Аламейна до Марета произошло становление британской 8-й армии. У американских войск в 1942 г. вообще отсутствовал боевой опыт; битва под Кассерином дала уроки, которые быстро усвоились, но она имела место лишь в середине февраля 1943 г. Северная Африка была окончательно освобождена только в мае 1943 г. Преследование противника и использование в своих интересах результатов операций не являлось сильной стороной союзников. Вывод относительно возможности открытия *bona fide* (настоящего) второго фронта абсолютно ясен. Англичане были правы: решение подождать представлялось не только мудрым, но и существенно важным.

Что же оставалось делать американским и британским войскам в промежуточный период? Брук публично заявил, что фабианская тактика в зоне Средиземноморья не только дополняла, но и являлась неотъемлемой частью планируемого успешного форсирования Ла-Манша и нанесения удара, поскольку без максимального замыкания и сжатия кольца окончательный удар несомненно потерпит крах. В частных беседах он зачастую высказывал аналогичное мнение, но иногда принимался за старое. В конце 1942 г. он начал понимать, что операция “Раундап” в запланированном масштабе просто не могла состояться до 1944 г.⁵⁹ Облегчение, им испытанное, являлось лишь временным. В течение следующего года его регулярно одолевали демоны сомнений. На конференции начальников штабов в октябре 1943 г., например, он сказал: “Мы получили записку премьер-министра, который хочет отказаться от стратегии форсирования Ла-Манша в пользу операций в Средиземноморье. Во многих отношениях я с ним полностью согласен, но, Бог знает, куда это нас заведет в наших спорах с американцами”. И спустя несколько дней: “Наращивание наших войск в Италии идет гораздо медленнее, чем германских, и намного медленнее, чем я ожидал. Нам следовало устроить огромный скандал американцам, которые настаивают на отказе от операций в Средиземноморье ради весьма проблематичных операций в районе Ла-Манша, так как по их вине мы ока-

зались в этой ситуации. Теперь мы начинаем понимать всю красоту стратегии Маршалла! Сердце сжимается от боли, когда мы видим, каких результатов мы могли бы добиться в этом году, если бы американцы не исказили нашей стратегии”. Спустя месяц он заявил: “Глядя на Средиземноморье, я слишком хорошо понимаю, что потерпел поражение. Война сейчас была бы совсем другой, если бы мне хватило силы воли переубедить американских начальников штабов и заставить их увидеть истину. Тогда бы уже сейчас запыхали огни восстания на Балканах, и война могла быть закончена в 1943 г.” По-видимому, к ноябрю 1943 г. протоптанная тропинка вела к Средиземноморскому саду, в котором созревали плоды. “Теперь нам следует потрясти фруктовые деревья и собрать яблоки”⁶⁰.

Имелись и другие моменты, подобные этим, и отнюдь не всегда их можно объяснить эмоциональными вспышками. Несомненно, эти моменты важны, но их значительность требует тщательной интерпретации⁶¹. Они не означают, вероятно, что Брук абсолютно отрицал необходимость форсирования Ла-Манша — просто он всеми силами противился этой идее. Будучи сильным стратегом, он не мог не признавать, что в конечном итоге морской десант на северо-западном побережье Европы станет не только необходимым, но и желательным. В то же время он стремился как можно дольше оттягивать этот момент (как выразился Майкл Говард, до “греческих календ”), надеясь, что благоприятное решение можно будет найти иным способом. Прибегая к вышедшей из моды американской фразеологии, можно сказать, что он мечтал об окончательном уничтожении противника, но ограничивался действиями в рамках силовой игры⁶². Этот удивительный образец выдавания желаемого за действительное — “мы могли бы закончить войну еще в 1943 г.” — на самом деле был лишь выражением его личных сожалений. Он написал эти слова накануне трехсторонней Тегеранской конференции, и Брук начал осознавать, что надежды могут не оправдаться. Брук-Кункатор всегда особенно опасался, что слово “Оверлорд” (англ. — верховный правитель) будет восприниматься как “Тиран”⁶³. Если говорить о потерях в этой войне, то фабианство Брука вполне оправдало себя. В ходе второй мировой войны англичане потеряли порядка 485 тыс. человек. С исторической точки зрения это высокая цифра, но по масштабам гигантской войны — сравнительно небольшая.

После Пёрл-Харбора и вступления США в войну, с точки зрения Британии, наступила новая эра. Поворотными моментами в “старой” войне были июнь 1940 г., октябрь 1940 г. и июнь 1941 г. В июне 1940 г. державный остров вдруг утратил свою неуязвимость. В октябре 1940 г. опасность вторжения миновала. В июне 1941 г. вопреки желаниям СССР был открыт Восточный фронт. “Старая” война в буквальном смысле была войной за выживание. “Руководимая... мастером риторики, Британия... стала жертвой собственного ораторского искусства. Она наивно вообразила, что выиграла войну. Она ее не выиграла. Победителем в этой войне стали Америка и Россия. В свой звездный час Британия ее лишь не проиграла”⁶⁴. После Дюнкерка наступил стран-

ный спад. Как сказал Дж.Б.Пристли, поэты ушли, и их место снова заняли политики.

Новая война представила собой совсем иной тип борьбы за национальное освобождение. Поворотными моментами в ней стали ноябрь 1942 г., май 1943 г. и ноябрь 1943 г. В ноябре 1942 г. состоялась самая крупная с начала войны и тактически чрезвычайно успешная операция по высадке десанта в Северной Африке. Монтгомери Аламейнский начал свое триумфальное шествие через Европейский театр войны, которое победно завершилось в мае 1943 г. в Люнебурге и имело огромное психологическое значение для британцев. С меньшим восторгом премьер-министр признал себя подвластным президенту США в совместной операции “Торч”. Ликуя он заявил: “Мы намерены сохранить своё положение”⁶⁵. В этом он, к сожалению, ошибся. В мае 1943 г. были достигнуты долгожданные результаты — Северная Африка была окончательно очищена от немецких войск. Что еще важнее, наступил наконец благоприятный исход многолетней битвы за Атлантику.

В ноябре 1943 г. за столом переговоров в Тегеране бедный маленький английский ослик, оказавшись зажатым между огромным русским медведем и американским бизоном, вынужден был взять на себя нежелательные обязательства и назвать точную дату операции “Оверлорд”⁶⁶. Премьер-министр резко возразил, «что он не может ни при каких обстоятельствах пожертвовать военными операциями в Средиземноморье, в которых участвуют 20 британских и контролируемых Британией дивизий, только для того, чтобы начать операцию “Оверлорд” точно 1 мая». Его протест полностью проигнорировали⁶⁷. На последующем этапе новой войны Черчиллю все-таки удавалось добиваться уступок, например в вопросе о переносе операции “Оверлорд” на один месяц, но он уже больше не мог оказывать влияния на военные кампании. Прекрасные фразы не могли заменить бронетанковые дивизии, но сыграли все же свою роль. Итальянская кампания принесла плоды. Неожиданно для Черчилля и к счастью для нас благоприятным итогом этого болезненного процесса стало “нанесение решающего удара по германской цитадели”.

¹ DO(40)39, 31 Oct. 1940, CAB 69/8, Public Record Office (далее — PRO). L.; *Gilbert M. Winston S. Churchill: Finest Hour*. L., 1983. P. 879-881.

² *Преодоление сопротивления или истощение* — эти термины четко определены в документах, подготовленных для конференций в Вашингтоне (1941 г.) и Касабланке (1943 г.). См.: *Gwyer J.M.A., Howard M. Grand Strategy*. L., 1964, 1972. Vols. 3 and 4. P. 345-348, 602-607.

³ По поводу падения Франции как “средства достижения цели” см.: *Reynolds D. “1940”//International Affairs*. 1990. № 6. P. 325-350.

⁴ О битве за Францию (термин генерала Вейгана) и битве за Британию см. выступление Черчилля в палате общин 18 июня 1940 г. (*Churchill Speaks/Ed. R.R.James*. L., 1981. P. 714-720), которое пространно цитируется в кн.: *Gilbert M. Finest Hour*. P. 570-571. Битва за Атлантику — название директивы Черчилля от 6 марта 1941 г. (*Churchill W.S. The Second World War*. Vol. 1-6. L., 1948-1954. Vol. 3. P. 107-109.

⁵ *The Grand Alliance* — это, как уже отмечалось выше, название 3-го тома мемуаров Черчилля о второй мировой войне.

⁶ Классическое определение “особых отношений” содержится в речи Черчилля, с которой он выступил 5 марта 1946 г. в Фултоне (штат Миссури). Взаимоотношения Черчилля и Рузвельта детально освещены Кимболлом (Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence/Ed. W.F.Kimball. Princeton, 1984. Vol.1-3)..

⁷ Выступление Черчилля в палате общин 13 мая 1940 г. (Churchill Speaks. P. 703-705). Интересный комментарий его собственного ораторского искусства см.: *Churchill W.S. Op.cit.* Vol. 2. P. 199.

⁸ *On War*/Ed. M.Howard, P.Paret. Princeton, 1976. P. 119.

⁹ *Maisky I* Memoirs of a Soviet Ambassador. L., 1967. P. 100; Peck to Seal, 11 Dec. 1941 (см.: *Gilbert M.* *Finest Hour.* P. 1273).

¹⁰ *Murrow E.R.* (цит. по: *Blood, Toil, Tears and Sweat*/Ed. D.Cannadine. L., 1989 P. 11); *Churchill W.S. Op.cit.* Vol. 3. P. 539.

¹¹ *Cozzens J.G.* *Guard of Honour* L., 1949. P. 394; *Churchill W.S. Op.cit.* Vol. 4. P. 344. Коззэнс взял цитату из звучной поэмы Киплинга “Recessional”, написанной по случаю юбилея королевы Виктории в 1897 г.

¹² *Eisenhower to Ismay.* 3 December 1960//*Eisenhower Presidential Papers, Eisenhower Library* [DDEL], Abilene, Kans.

¹³ *Brooke diary,* 19 and 26 Oct. 1943, 1 Nov. 1943, 5 June 1944. Цит по: *Bryant A. Triumph in the West. 1943-1946.* L., 1959 (далее: *Bryant*, 2). P. 55, 56, 59, 205-206.

¹⁴ *Lord Avon. The Eden Memoirs.* L., 1965. Vol. 2 P. 129.

¹⁵ COS(42)345(0)(Final), “American-British Strategy”, 30 Oct. 1942, PREM 3/499/6, PRO.

¹⁶ Выступление Черчилля в резиденции лорд-мэра 10 ноября 1942 г. (Churchill Speaks. P. 198-203; *George VI diary,* 4 Nov. 1942 (цит. по: *Gilbert M. Second World War.* L., 1990, P. 375).

¹⁷ Фраза принадлежит Лоуэллу (*Lowell J.R.* *On a Certain Condescension in Foreigners* (1869), перепечатана в кн.: *Britain Through American Eyes*/Ed. H.S.Commager. L., 1974. P. 426-443.

¹⁸ *Brooke diary,* 9 and 15 Apr. 1942, 18 May 1943, 15 Aug. 1943. Цит. по: *Bryant A. The Turn of the Tide. 1939-1943.* L., 1957 (далее: *Bryant*, 1). P. 354, 358, 619-620, 706; “Notes for my Memoirs,” *Alanbrooke Papers,* 3A/VIII/693, Liddell Hart Centre for Military Archives, King’s College L. (далее — KCL).

¹⁹ *Thorne Ch. Allies of a Kind.* L., 1978. P. 97.

²⁰ *Brooke to Dill, and Dill to Brooke,* 2 and 4 Oct. 1942, WO193/334, PRO. О Дилле в Вашингтоне см.: *Danchev A. Very Special Relationship.* L., 1986.

²¹ *Higgins T. The Anglo-American Historians’ War in the Mediterranean/Military Affairs.* 1970, № 34. P. 86.

²² Приказ и необычная просьба, его вызвавшая, см.: *Hinsley F.H. et al. British Intelligence in the Second World War. Vols. 1-4.* L., 1979-1990. Vol. 2. P. 655-657.

²³ *Churchill W.S. Op.cit.* Vol. 2. P. 12; *Ehrman J. Grand Strategy.* L., 1956. Vol. 6. P. 324; *Bullock A. Ernest Bevin.* L., 1967. Vol. 2. P. 108.

²⁴ *Dill to Brooke.* 26 Aug. 1943, *Alanbrooke Papers,* 7/2/3, KCL. Глубокое исследование этой темы см.: *Danchev A. The Central Direction of War, 1940-1941 //Sword and Mace*/Ed. J.Sweetman. L., 1986. P. 57-58); *Dilly-Dally, or Having the Last Word*//*Journal of Contemporary History.* 1987. № 22. P. 21-44.

²⁵ *Jacob to Marder,* n.d. [1966], *Roskill Papers,* 7/219, *Churchill College, Cambridge.* Интересный анализ см. также: *Lewin R. Churchill as Warlord.* L., 1973; *Liddell Hart B. The Military Strategist/Churchill: Four Faces and the Man.* L., 1969. P. 155-202.

²⁶ Обычные англосаксонские высказывания по поводу итальянцев нуждаются в пересмотре. См.: *Ceva L. The North African Campaign*//*Journal of Strategic Studies.* 1990. № 13. P. 84-104; *Sadkovich J.J. Understanding Defeat*//*Journal of Contemporary History.* 1989. № 24. P. 27-61.

²⁷ Дневник Дайкса за этот период опубликован в кн.: *Establishing the Anglo-American Alliance*/Ed. A.Danchev. L., 1990.

²⁸ *Danchev A. Being Friends: the Combined Chiefs of Staff and the Making of Allied Strategy in the Second World War*//*War, Strategy and International Politics*/Ed. L.Freedman et al. Oxford, 1992.

- ²⁹ Powell A. *The Military Philosophers*. L., 1968. P. 53-54, 183. Об англо-американских, постледствиях см.: Danchev A. *Very Special Relationship*. P. 38-47, 122-24.
- ³⁰ Bryant, 1, 2. См. также заключение Брайанта к кн.: Fraser D. *Alanbrooke*. L., 1982. P. 540-563.
- ³¹ Там же, особенно беспристрастные выводы (Fraser D. *Alanbrooke*. P. 525-539). Другие оценки см.: Liddell Hart B. *Western War Strategy*//*RUSI Journal*. 1960. CV. P. 52-61; Bond B. *Alanbrooke and Britain's Mediterranean Strategy*//*War, Strategy and International Politics*.
- ³² В литературе приводятся различные цифры. Автор полагался на расчеты, содержащиеся в полном статистическом приложении к кн.: Ellis J. *Brute Force*. L., 1990. Tabl. 35, 36. "Следжхэммер" ставила своей целью не изгнание немцев из Франции, а лишь отвлечение части германских войск с русского фронта, где силы держав "оси" угрожали прорывом.
- ³³ Записка Черчилля от 5 июля 1942 г. (Gilbert M. *Winston S. Churchill: Road to Victory, 1941-1945*. L., 1986. P. 143); *Diaries of Sir Alexander Cadogan*/Ed. D. Dilks. N.Y., 1972, 8 July 1942 P. 461.
- ³⁴ Dykes diary, 11 Jan. 1942 (цит. по: *Establishing the Anglo-American Alliance*. P. 88); Fraser D. *Alanbrooke*. P. 534).
- ³⁵ Британскую запись см.: PREM 3/76A/12, распространенную как WP(42)373, 23 Aug. 1942, CAB 66/28, PRO; перефразирована в кн.: Churchill W.S. *Op.cit.* Vol. 4. P. 430-436; широко цитируется в кн.: Gilbert M. *Winston S. Churchill. Road to Victory*. P. 174-182. Черчилль и Рузвельт обычно называли в переписке Сталина "дядюшка Джо" ("Uncle Joe" или UJ).
- ³⁶ Churchill to Eden, 5 July 1941 (Keegan J. *The Second World War*. L., 1990. P. 312; Gilbert M. *Winston S. Churchill. Road to Victory*. P. 173).
- ³⁷ Churchill to Roosevelt, 22 Sep. and 18 Nov. 1942 (Kimball W.F. *Churchill & Roosevelt*. Vol. 1. P. 602-604; Vol. 2. P. 10-15; WP(42)483, *Policy for the Conduct of the War*. 24 Oct. 1942, CAB 66/30, PRO).
- ³⁸ Howard M. *The Mediterranean Strategy in the Second World War*. Kew, 1968. P. 34. См. также: *The Mediterranean in British Strategy in the Second World War* (1969), перепечатано в кн.: Howard M. *Studies in War and Peace*. L., 1970. P. 122-140.
- ³⁹ Dill to Wavell, 25 Nov. 1942 (Wavell papers, privately held).
- ⁴⁰ "Почему мы должны ползти как клопы по ноге кверху от щиколотки? Давайте сразу ударим по колену." Записка Черчилля от 13 июля 1943 г. (цит. по: Gilbert M. *Winston S. Churchill. Road to Victory*. P. 442).
- ⁴¹ Howard M. *The Mediterranean Strategy*. P. 2.
- ⁴² Kimball W.F. *Churchill & Roosevelt*. Vol. 1. P. 294-308. Ответ Комитета начальников штабов "Замечания по поводу последовательности развития наступления против Германии" (от 20 декабря) и вдохновенный ответ премьер-министра см.: PREM 3/499/2, PRO. См. также: Gilbert M. *Winston S. Churchill. Road to Victory*. P. 9-13, 20-22.
- ⁴³ Churchill W.S. *Op.cit.* Vol. 3. P. 572-574. По поводу формулировок Черчилля "для книги" см.: Mason Ph. *A Shaft of Sunlight*. L., 1978. P. 171.
- ⁴⁴ "The Atlantic Front", para. 12//Kimball W.F. *Churchill & Roosevelt*. Vol. 1. P. 298.
- ⁴⁵ Haig diary, 28 Mar. 1915, упомянутый в: Terraine J. *Douglas Haig*. L., 1963. P. 67, 135, 482. Комментарий к интерпретации этого высказывания см.: Danchev A. *Haig Revisited*//*RUSI Journal*. 1990. № 135. P. 71-74.
- ⁴⁶ "1943", paras. 1-3, 5, 7, 9 в кн.: Kimball W.F. *Churchill & Roosevelt*. Vol. 1. P. 301-304.
- ⁴⁷ "The Atlantic Front," para. 4. в кн.: Kimball W.F. *Churchill & Roosevelt*. Vol. 1. P. 295; CR 8, Запись заседания начальников штабов, 18 дек. 1941 г., PREM 3/458/2, PRO. "Сжатие кольца" — это также название 5-го тома мемуаров Черчилля о второй мировой войне.
- ⁴⁸ *Grand Strategy*. Vol. 3. P. 343. Документ, по-видимому, подготовили бригадир Дайкс и капитан Чарльз Лэмб (ВМС). См.: Dykes diary, 16 and 19 Dec. 1941 (в кн.: *Establishing the Anglo-American Alliance*. P. 74-75).
- ⁴⁹ Bryant, 1. P. 28.

50 Оба документа опубликованы в кн.: *Grand Strategy*. Vol. 3. P. 345-348, 669-672; текстуальное сравнение сделано на стр. 358. См. разделы 12, и 13 соответственно. Американское обозначение для *WW1* — ABC-4/CS1. Выражение “Библия” принадлежит Диллу (*JSM* 342, *Dill to COS*, 8 Aug. 1942, *CAB* 105/39); *Dill to Marshall*, 8 Aug. 1942. *AIR* 8/1075, PRO.

51 *Churchill to COS*, 21 Dec. 1941, *PREM* 3/499/2, PRO; “1943,” para. 3; *British paper*, para. 16; *WW1*, para. 17.

52 *Heller J. Catch-22*. L., 1964.

53 Необычайно объективную официальную историю см.: *Webster Ch., Frankland N. The Strategic Air Offensive against Germany*. L., 1961. Vol. 1-4. См. также скрупулезное новое исследование в кн.: *Ellis J. Op.cit.* P. 165-226; *Middlebrook M. The Berlin Raids*. L., 1990.

54 “Hannibal”//*Encyclopaedia Britannica*. L., 1950. Vol. 11. P. 155. Об этом же см.: *Bagnell N. The Punic Wars*. L., 1990.

55 Выражение лорда Брукбарафа, его племянника, см.: *Fraser D. Alanbrooke*. P. 538.

56 *Brooke diary*, 20 June 1942 (*Bryant*, 1. P. 403); *Dykes diary*, 20 June 1942 (*Establishing the Anglo-American Alliance*. P. 158-159); *Fraser D. Alanbrooke*. P. 257-260.

57 Примечания Аланбрука (*Bryant*, 1. P. 530). Ср. *The Diary* 30 Nov., 11 Dec. 1942 (*Ibid.* P. 528-529, 534-535).

58 *Fraser D. Alanbrooke*. P. 268.

59 *Brook to Dill* (неотправленный проект письма), 16 Dec. 1942, *WO* 193/146, PRO.

60 *Brook diary*, 19 and 25 Oct., 1 Nov. 1943 (*Bryant*, 2. P. 55, 56, 59; notes, 3A/X/828, *Alanbrooke Papers*, KCL).

61 Брайант всю старается оправдать Брука (*Bryant*, 1. P. 361, 429, 537-38, 551, 636. Более бесстрастен, хотя и несколько неопределен, Фрейзер (*Fraser D. Alanbrooke*. P. 240-270, 258).

62 *Howard M. The Mediterranean Strategy*. P. 54. Терминология Кента Роберта Гринфилда. См. *Leighton R.M. “Overlord” Revisited*//*American Historical Review*. 1963. LXVIII. P. 919-937.

63 *Brooke diary*, 24 Nov. 1943, (*Bryant*, 2. P. 82). Название “Оверлорд” заменило собой раннее кодовое обозначение “Раундап” — операции вторжения в Северо-западную Европу.

64 *Annan N. Our Age*. L., 1990. P. 358.

65 Выступление Черчилля в резиденции лорд-мэра 10 ноября 1942 г. (*Churchill Speaks*. P. 809-811).

66 Сравнение с осликом встречается в нескольких вариантах. Первоначально, по-видимому, к нему прибег Черчилль в беседе с леди Асквит. См. ее интервью с Кеннетом Харрисом (*The Listener*, 17 Aug. 1967).

67 См. выступление Черчилля на 1-м пленарном заседании 28 ноября. 1943 (*CAB* 99/25, PRO).

2. Советский Союз: СТРАТЕГИЯ ПРЯМОГО ПРОТИВОБОРСТВА

О.А.Ржешевский

Советская стратегия во второй мировой войне формировалась под прямым воздействием тех угроз, которые нарастали в 30-е годы прежде всего со стороны Германии и Японии.

Разработанные Генеральным штабом РККА и утвержденные 14 октября 1940 г. правительством “Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940-1941 годы” реалистично оценивали сложившуюся обстановку. В Соображениях делался следующий вывод о противниках СССР: “Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на Востоке против Японии, как открытого противника или противника, занимающего позиции вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение”¹.

Важнейшей задачей политической и военной стратегии в этих условиях являлось укрепление обороны страны и ее Вооруженных Сил. В то же время советское руководство стремилось дипломатическими и другими средствами на максимально возможный срок предотвратить вовлечение страны в войну, найти союзников и разобщить противников.

Но на международной арене антагонизм между двумя государственными системами — западных демократий и социалистической России воспрепятствовал в 30-е годы созданию коалиции, способной предотвратить войну, сдержать агрессоров. Необоснованные массовые репрессии внутри страны ослабляли настойчивые усилия, которые предпринимались для укрепления ее обороны. Еще не подготовленный к войне Советский Союз вынужден был в июне 1941 г. противостоять мощнейшему противнику в лице Германии, силы которой резко возросли в результате уже достигнутых завоеваний и созданного в 1940 г. военного блока агрессоров.

В сложившихся условиях возможности советской стратегии существенно отличались от возможностей США и Великобритании, были крайне ограничены. С началом германской агрессии существовал лишь один выбор — жесткое сопротивление в обороне, а затем контрнаступление, последовательные удары по главным группировкам противника и их уничтожение. Стратегия прямого сопротивления в конечном итоге привела армию и страну к победе, но цена ее оказалась неизмеримо высокой.

В 30-е годы Советское правительство проводило политику создания системы коллективной безопасности на основе региональных соглаше-

ний о взаимной защите от агрессии со стороны Германии и Японии. Крупным достижением явились договоры о взаимопомощи с Францией и Чехословакией, активные действия СССР в Лиге наций и многое другое. Уверенно работала советская разведка. Однако очевидно и то, что были использованы не все возможности предотвращения кризиса, возникшего в 1939 г. Так, в 1936 г. не получила развития инициатива премьер-министра Франции Л.Блюма о его поездке в СССР и встрече со Сталиным.

Внешняя политика СССР в период событий в Чехословакии летом 1938 г. и мюнхенского соглашения между Англией, Францией, Германией и Италией (сентябрь 1938 г.) претерпевала существенную эволюцию в связи с изменением расстановки сил, прежде всего по причине отказа Франции от выполнения обязательств по защите Чехословакии.

Оценивая причины, в результате которых произошел мюнхенский сговор и безрезультатно закончились московские переговоры между СССР, Англией и Францией (март-август 1939 г.), необходимо учитывать такие разнодействующие факторы, как политика умиротворения агрессоров, стремление западных демократий отвести военную угрозу от своих стран и направить ее против СССР, сталинские репрессии, боязнь правительств Англии и Франции левой альтернативы в своих странах, особенно в связи с советской помощью республиканской Испании, подозрения, порождаемые двойственностью советской политики (курс Коминтерна на мировую революцию и концепция коллективной безопасности). Как свидетельствуют документы, западных лидеров не покидали и опасения вероятности советско-германского сближения. Непосредственной причиной неудач московских переговоров явились взаимное недоверие, невозможность, как и в случае с Чехословакией, решить вопрос о пропуске советских войск на территорию Польши и Румынии для отражения немецкой агрессии в случае нападения на эти страны Германии.

В кратком отчете о работе совещания военных миссий, подготовленном советской делегацией 26 августа 1939 г., в частности, говорилось: "Советская миссия снова подчеркивает, что пропуск вооруженных сил СССР через территорию Польши и Румынии является военной аксиомой. И если французы и англичане превращали этот вопрос в большую проблему, требующую длительного изучения, то есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному военному сотрудничеству с СССР. Вот почему ответственность за перерыв переговоров целиком падает на французскую и английскую сторону"².

Таким образом, летом 1939 г. не удалось создать антигитлеровскую коалицию, а следовательно, и предотвратить вторую мировую войну.

23 августа 1939 г., за несколько дней до нападения Германии на Польшу, был заключен советско-германский договор о ненападении.

Можно констатировать, что Советское правительство, заключая этот пакт, учитывало последствия неизбежного разгрома Польши, считало необходимым при таком развитии событий любой ценой отодвинуть свои западные границы, предотвратить выход вермахта на подступы к жизненно важным центрам страны.

Договор с Германией, предоставляя СССР временные гарантии безопасности и нейтралитета в надвигающейся войне, сопровождался в то же время такими последствиями компромисса с разбойным гитлеровским режимом, как демонстрация “дружбы” с Германией, многими противоправными действиями советского руководства, — они вытекали из раздела “сфер интересов”, предусмотренного в секретном дополнительном протоколе к договору, содержание которого и сам факт его подписания стали известны только спустя много лет после войны. После нападения Германии на Польшу и начала второй мировой войны СССР, используя советско-германские договоренности, ввел войска в восточные районы Польши, Литву, Латвию, Эстонию, Бессарабию и Северную Буковину, ранее (кроме Северной Буковины) принадлежавшие России, и при поддержке значительной части их населения включил эти страны и территории в состав СССР³. Цель укрепления северо-западной границы, обороны Ленинграда и Мурманска была достигнута силой в ходе “зимней войны” с Финляндией (декабрь 1939 - март 1940 г.).

Рассуждения о том, кто в стратегической перспективе больше выиграл от германо-советских договоренностей, гипотетичны. Германия создала к июню 1941 г. наиболее благоприятные условия для своего нападения на СССР. Советский Союз получил почти два года для укрепления собственной обороны, заключив также договор о нейтралитете с Японией, что имело большое значение в первый, тяжелейший период Великой Отечественной войны. К ее началу приоритет в военных планах Японии приобрело южное направление агрессии, подготовка к захвату тихоокеанских владений США и других западных государств. Отправка частей и соединений с Дальнего Востока на советско-германский фронт началась с первых дней войны.

Сегодня можно осуждать пропагандистские демарши из Москвы по поводу “побед германского оружия” и оскорбительные высказывания в адрес Англии, которая после разгрома Франции, лишившись союзников, более года стойко противостояла гитлеровской агрессии, и многое другое. Однако, несмотря на взаимные “дружеские жесты”, общее состояние советско-германских отношений характеризовалось нарастанием неразрешимых противоречий, вызванных подготовкой Германии к нападению на СССР.

Германская агрессия против Советского Союза начала готовиться еще в середине 30-х годов. Война против Польши, а затем кампании в Северной и Западной Европе временно переключили немецкую штабную мысль на другие проблемы. Но и тогда подготовка войны против СССР оставалась в поле зрения гитлеровцев. Она активизировалась после разгрома Франции, когда, по мнению фашистского руководства, был обеспечен тыл будущей войны и в распоряжении Германии оказалось достаточно ресурсов для ее ведения.

18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву № 21 под условным наименованием “Барбаросса”, содержащую общий замысел ведения войны против СССР.

Стратегической основой плана являлась теория блицкрига — молниеносной войны. Предусматривался разгром Советского Союза в ходе

быстротечной кампании максимум в течение пяти месяцев, еще до того, как будет закончена война против Великобритании. Главными стратегическими объектами были признаны Ленинград, Москва, Центральный промышленный район и Донецкий угольный бассейн.

Для ведения войны против СССР была создана агрессивная военная коалиция, основой которой стал Тройственный пакт, заключенный в 1940 г. между Германией, Италией и Японией. К активному участию в агрессии были привлечены Румыния, Финляндия, Венгрия. Гитлеровцам оказывали помощь правящие круги Болгарии, а также “независимых” государств Словакии и Хорватии. С фашистской Германией сотрудничали Испания, вишистская Франция, Португалия, Турция. Гитлеровцы интенсивно использовали экономические и людские ресурсы захваченных и оккупированных стран, их интересам во многом была подчинена экономика и таких нейтральных государств как Швеция и Швейцария.

К этому времени агрессоры захватили 12 стран Европы: Австрию, Чехословакию, Албанию, Польшу, Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Люксембург, Францию, Югославию, Грецию. Вермахт находился в зените зловещих побед.

Германское руководство было настолько уверено в успехе плана “Барбаросса”, что примерно с весны 1941 г. приступило к детальной разработке дальнейших замыслов завоевания мирового господства. В специальных штабных поездах вычерчивались направления ударов фашистских армий, опоясавшие земной шар. В служебном дневнике Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) за 17 февраля 1941 г. изложено указание Гитлера о том, что после окончания восточной кампании необходимо предусмотреть захват Афганистана и организацию наступления на Индию. Исходя из этих указаний, штаб ОКВ начал планирование операций вермахта на будущее. Эти операции намечалось провести поздней осенью 1941 г. и зимой 1941/42 г. Замысел их был изложен в проекте директивы № 32 от 11 июня 1941 г. “Подготовка к периоду после осуществления плана “Барбароса”», разосланном командованию сухопутных войск (ОКХ), военно-воздушных сил (ОКЛ) и военно-морских сил (ОКМ)⁴.

Планировалось уже осенью 1941 г. приступить к завоеванию Ирана, Ирака, Египта, района Суэцкого канала, а затем и Индии, где намечалось соединение с японскими войсками. Немецкое руководство рассчитывало, используя Испанию и Португалию, быстро захватить Гибралтар, отрезать Великобританию от ее сырьевых источников и предпринять осаду Британских островов.

Разработка директивы № 32 и других документов свидетельствует о том, что после разгрома СССР и решения “английской проблемы” гитлеровцы намеревались в союзе с Японией вторгнуться на Американский континент.

Ключевые позиции для порабощения мира, как представлялось агрессорам, давал “молниеносный” поход против СССР. Относительно его исхода у них не возникало сомнений. Гитлеровский генерал Г. Блюментрит писал в докладе, подготовленном к совещанию высшего руководства сухопутных войск 9 мая 1941 г.: “История всех войн с участием

русских показывает, что русский боец стоек, невосприимчив к плохой погоде, очень нетребователен, не боится ни крови, ни потерь. Поэтому все сражения от Фридриха Великого до мировой войны были кровопролитными. Несмотря на эти качества войск, русская империя никогда не добивалась победы. В настоящее время мы располагаем большим численным превосходством... Наши войска превосходят русских по боевому опыту... Нам предстоят упорные бои в течение 8-14 дней, а затем успех не заставит себя ждать, и мы победим"⁵. Предостережения во внимание не принимались.

Было ли для Советского Союза внезапным нападение Германии и ее союзников? В условиях нарастающей угрозы войны страна, армия, народ в целом настойчиво готовились к защите. Интенсивный рост промышленного производства за годы пятилеток создавал необходимые основы для развития опережающими темпами военной экономики. Материальное обеспечение армии и флота, удовлетворение их потребностей в оружии и боеприпасах осуществлялись не только оборонными предприятиями, но и постепенным включением к концу 30-х годов в военное производство гражданских отраслей, созданием дублирующих предприятий оборонной отрасли на востоке страны. Отставание в технической оснащенности Советских Вооруженных Сил было наиболее трудноразрешимой проблемой, что связано с общим превосходством экономического потенциала Германии, включая качественную структуру станочного парка, преимущество в использовании сырьевых ресурсов и по многим другим показателям. Так, по выплавке стали, чугуна, добыче угля, производству электроэнергии и цемента Германия вместе с оккупированными ею странами превосходила СССР примерно в два и более раза.

Производство военной продукции постоянно находилось в центре внимания партии и Советского правительства. Ценой исключительного трудового напряжения всего народа по количественному производству основных видов оружия и военной техники (самолетов, танков, орудий и минометов) СССР постепенно достиг, а затем, в 1940 — первой половине 1941 г., превзошел Германию. Ряд образцов военной техники превосходил технику противника и оказался лучшим на протяжении всей войны. Однако в целом разрыв в уровне развития науки и техники, качестве вооружения преодолеть не удалось, несмотря на усилия ученых, конструкторов и их неоспоримые достижения во многих отраслях. Как следствие — значительная часть вооружения по своим тактико-техническим данным уступала немецкому (по самолетам на 75-80%). Отставало развитие стрелкового оружия (автоматов), зенитной артиллерии и особенно радиосвязи. Флот испытывал острый недостаток в тральщиках, охотниках за подводными лодками, не имел контактных мин и т.д.

Несомненно, наша страна прилагала большие усилия для перестройки экономики применительно к требованиям надвигавшейся войны, материального обеспечения вооруженных сил, совершенствования их боевой подготовки. Численность Красной Армии и Военно-Морского Флота значительно возросла (с 1,9 млн человек в 1939 г. до 4,9 млн человек на 1 июня 1941 г.). Однако быстрый рост новых формирований происходил

без должного учета реальных возможностей в снабжении их вооружением, боеприпасами, средствами связи, автотранспортом. Это в особенности касалось танковых частей и средств ПВО. Так, к началу войны для укомплектования новых танковых и мехсоединений не хватало 12,5 тыс. средних и тяжелых танков, 43 тыс. тракторов, 300 тыс. автомобилей⁶. По этой же причине весьма низкой оставалась боеспособность механизированных корпусов западных военных округов, принявших на себя главный удар противника.

Если в экономике военное производство, в том числе новейших конструкций танков, самолетов, артиллерии, постепенно набирало темпы, то общее состояние вооруженных сил определялось незавершенностью работы как по их техническому оснащению, развертыванию, организационному совершенствованию, так и обучению. Это в той или иной степени касалось всех видов вооруженных сил и родов войск.

Политическое и военное руководство не сумело выработать реалистический план ведения войны. Следует ли наносить упреждающий удар по противнику? Каковы будут рубежи обороны и действия войск в случае внезапного нападения и наступления противника в глубь территории страны?

Эти кардинальные вопросы большой стратегии, от которых зависели эффективность отпора агрессору, судьбы миллионов советских людей, остались, по существу, нерешенными. Вероятность отступления далее ослабленной линии укреплений на старой границе, вопрос о последующих рубежах обороны, насколько об этом можно судить по доступным к настоящему времени документам, только начали разрабатываться. Выводы по итогам превентивной войны с Финляндией, обнажившей провалы стратегического и политического характера, крупные недостатки в боевой подготовке и материальном обеспечении войск, реализовывались медленно.

В сложившейся обстановке разгром вермахтом летом 1940 г. в 44-дневной кампании французской армии, а фактически всех сил англо-французской коалиции на Европейском континенте явился фактором стратегической внезапности. Расчеты на затяжную для Германии войну на Западе рухнули. Соотношение сил резко изменилось в пользу агрессоров. Время подготовки страны к обороне оказалось сжатым до предела. Массированное применение противником танков и авиации требовало коренного пересмотра многих устоявшихся положений стратегии, оперативного искусства и тактики, обеспечения войск новыми видами боевой техники, транспортом, материальной и морально-психологической подготовки личного состава к ведению войны в несравненно более сложных условиях, нежели в Монголии⁷ и Финляндии. Трудно объяснить в этой связи заявление наркома обороны С.К.Тимошенко на совещании высшего руководящего состава РККА (21-30 декабря 1940 г.) о том, что “в смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового”⁸. Ни с одной из возникших задач политическое руководство страны, не располагая необходимым временем и ресурсами, отягощенное грузом просчетов и беззаконий, в должной мере не справилось. Начиная с весны 1941 г. в действиях Сталина и его

окружения очевидны нарастающие признаки смятения и неопределенности. Так, в мае 1941 г. в Генеральном штабе был разработан вариант нанесения силами первого стратегического эшелона упреждающего удара по германской группировке, сконцентрированной на границах СССР, ее разгрома, овладения Польшей и Восточной Пруссией. В июне Политбюро приняло постановление иного характера — о дислокации войск второго стратегического эшелона (“второй линии”) в основном на р.Днепр, отражавшее растущую неуверенность в способности нанести агрессору мощный ответный удар и перенести боевые действия на его территорию, как это предусматривалось доктринальными взглядами и расположением выдвигавшихся к западным границам советских войск. Иными словами, новые стратегические решения только прояснились, когда до войны оставались считанные часы.

Суммируя, можно выделить следующие факторы, характеризующие создавшееся положение, осложнявшие и затруднявшие организацию обороны страны:

— во-первых, Германия перевела свою экономику на производство новейшей боевой техники значительно раньше Советского Союза, кроме того, она захватила вооружение более 200 дивизий разгромленных или капитулировавших армий капиталистических стран Европы (так, только во Франции агрессор захватил 4930 танков и бронетранспортеров, 3000 самолетов и гитлеровское командование оснастило французским автотранспортом 92 дивизии), к тому же вермахт имел двухлетний опыт войны и превосходил Красную Армию по профессиональной подготовке;

— во-вторых, необоснованные репрессии руководящих кадров Советских Вооруженных Сил, народного хозяйства и военной экономики значительно ослабили усилия, направленные на укрепление обороны страны, привели к кадровой неразберихе, особенно в высшем эшелоне военного руководства;

— в-третьих, грубые просчеты в сроках вероятного начала войны, оперативном построении первого стратегического эшелона войск, направления главного удара противника;

— в-четвертых, отсутствие у командного и рядового состава Советских Вооруженных Сил необходимого боевого опыта, их ориентация на стремительное контрнаступление и разгром противника на его территории.

“Сейчас уже не секрет, — отмечает в своих ранее не публиковавшихся воспоминаниях Адмирал Флота Советского Союза Н.Г.Кузнецов, хорошо знавший обстановку того времени, — что, разбирая первые дни и часы войны, мы видим, как, кроме ошибок со стороны главы правительства, ошибок прежде всего политического порядка, были также крупные ошибки со стороны нас, военных”⁹.

Далеко идущие негативные последствия имели и завышенные оценки возможностей своих войск и недооценка противника. 28 декабря 1940 г. командующий Западным особым военным округом генерал армии Д.Г.Павлов, войска которого противостояли вермахту на направлении главного удара, утверждал, что советский танковый корпус спосо-

бен решить задачу уничтожения одной-двух танковых или четырех-пяти пехотных дивизий противника. 13 января 1941 г. на совещании в Кремле с участием высшего командного и политического состава Вооруженных Сил СССР начальник Генерального штаба генерал армии К.А.Мерецков сделал следующее заявление: “При разработке Устава мы исходили из того, что наша дивизия значительно сильнее дивизии немецко-фашистской армии и что во встречном бою она, безусловно, разобьет немецкую дивизию. В обороне же одна наша дивизия отразит удар двух-трех дивизий противника. В наступлении полторы дивизии преодолеют оборону дивизии противника”¹⁰.

В этих условиях запоздалое развертывание и приведение в боевую готовность войск прикрытия, вынужденный переход к неподготовленной стратегической обороне и морально-психологическая внезапность мощнейшего удара вермахта заведомо ставили действующую армию в критическое положение.

Моральный потенциал советского народа и армии, несмотря на материальные трудности жизни (а нередко и нищету), был в целом высоким. Большинство советских людей, воинов Красной Армии гордились своей страной, не ведали о необоснованных репрессиях и концлагерях, были верны партии и убеждены в неминуемом разгроме врага “малой кровью, могучим ударом”. В предвоенные годы эта тема стала главной в большинстве произведений литературы и искусства, доминировала в пропаганде. Основой морального потенциала народа и армии являлись патриотизм, дружба народов и вера в превосходство социализма как экономической и политической системы устройства общества. Существенную роль в поддержании этого потенциала играла и жесткая государственная, идеологическая и воинская дисциплина.

То, что вооруженная схватка неизбежна, понимали все. Тем не менее для армии и народа война оказалась во многом неожиданной. Войска западных округов не были своевременно приведены в боевую готовность. Надеялись, что Германия еще будет соблюдать договор о ненападении, полагая, что война на два фронта для нее невысказана. Расчеты советского политического руководства на то, что до 1942 г. удастся воспрепятствовать вовлечению СССР в войну, оказались несостоятельными¹¹.

Но очевидно и то, что к началу войны расстановка сил в мире сложилась таким образом, что возникла реальная перспектива союза СССР с Великобританией и США в борьбе против блока агрессоров. Интенсивные британо-советские и советско-американские переговоры велись с осени 1939 г., и хотя к июню 1941 г. достигнутый прогресс был незначителен, они безусловно способствовали созданию союза великих держав после нападения Германии на СССР¹².

Ранним утром в воскресенье 22 июня 1941 г. фашистская Германия и ее союзники обрушили на нашу страну удар невиданной в истории армии вторжения: 190 дивизий, более 4 тыс. танков, 47 тыс. орудий и минометов, около 4,5 тыс. самолетов, до 200 кораблей (в первом эшелоне действовали 103 дивизии противника). На решающих направлениях

своего наступления агрессор имел значительное превосходство в силах. Началась Великая Отечественная война против немецко-фашистских захватчиков. Она длилась 1418 дней и ночей¹³. Развернулись гигантские сражения, в которых с обеих сторон участвовало до 10 и более миллионов человек, использовались сотни миллионов единиц вооружения и боевой техники.

Война фашистской Германии и ее союзников против СССР носила особый характер. Германский нацизм стремился не только захватить территорию СССР, но и повергнуть советский общественный строй.

Советский Союз должен был быть расчленен и ликвидирован. На его территории предполагалось образовать четыре рейхскомиссариата — германские провинции. Москву, Ленинград, Киев и ряд других городов намеревались взорвать, затопить и полностью стереть с лица земли. Нацистское руководство требовало беспощадного уничтожения не только воинов Красной Армии, но и гражданского населения. Преследовалась цель массового истребления целых народов, объявленных нацистами “недочеловеками”. А.Буллок справедливо пишет: “В любой войне таких масштабов и такой напряженности, как в России, неизбежны жестокости с обеих сторон, но если и это принять во внимание, то масштабы бесчеловечности с немецкой стороны очевидны и они прямо проистекают из расистских убеждений Гитлера... Он считал, что немцы не только превосходят народы Восточной Европы, но что пропасть, разделяющая их со славянами и особенно с евреями, не только результат различий в культуре и историческом наследии, но и в биологическом несоответствии. Это существа иного порядка, не принадлежащие к человеческой расе”¹⁴. Расистские догмы и захватнические цели нацистов слились воедино в стратегии, политике и методах ведения войны.

Планом “Барбаросса” предусматривалось внезапное нанесение нескольких мощных ударов крупными силами танковых, механизированных войск и авиации с целью разобщить, окружить и уничтожить главные силы Красной Армии, находившиеся в западной части СССР, последующее стремительное продвижение в глубь страны и выход на линию Архангельск—Куйбышев—Астрахань.

Группа армий “Север” (командующий — генерал-фельдмаршал В.Лееб) в составе 16-й и 18-й полевых армий и 4-й танковой группы (всего 29 дивизий), развернутая в Восточной Пруссии при поддержке 1-го воздушного флота, получила задачу разгромить советские войска в Прибалтике и захватом портов на Балтийском море, включая Ленинград и Кронштадт, лишить советский флот опорных баз.

Группа армий “Центр” (командующий — генерал-фельдмаршал Ф.Бок), сосредоточенная на главном, московском направлении, в составе 4-й и 9-й полевых армий, 2-й и 3-й танковых групп (всего 50 дивизий и 2 бригады) при поддержке 2-го воздушного флота должна была расчлнить фронт советской обороны, окружить и уничтожить войска Красной Армии в Белоруссии и развивать наступление на Москву.

На киевском направлении была развернута группа армий “Юг” (командующий — генерал-фельдмаршал Г.Рундштедт), состоявшая из 6-й, 17-й, 11-й полевых немецких, 3-й и 4-й румынских армий, 1-й танковой

группы и венгерского корпуса (всего 57 дивизий и 13 бригад). Она имела задачу при поддержке 4-го воздушного флота и румынской авиации уничтожить советские войска на Правобережной Украине, выйти на Днепр и развивать наступление на восток.

На территории Норвегии и в Финляндии были развернуты немецкая армия “Норвегия” и 2 финские армии — всего 21 дивизия и 3 бригады, поддерживаемые 5-м немецким воздушным флотом и финской авиацией. Армия “Норвегия” должна была овладеть Мурманском и Полярным, а финские войска — содействовать группе армий “Север” в захвате Ленинграда.

Им противостояли на территории западных приграничных военных округов (Прибалтийского, Западного и Киевского Особых, Ленинградского и Одесского) 170 дивизий (103 стрелковых, 40 танковых, 20 моторизованных, 7 кавалерийских) и 2 бригады. Эта группировка советских войск насчитывала 2680 тыс. человек, 37,5 тыс. орудий и минометов (без 50-мм), 1475 танков новых типов (КВ и Т-34), 1540 боевых самолетов новых типов, при общем превосходстве в количестве танков и самолетов над противником.

Первые месяцы войны были наиболее тяжелыми и трагическими для Красной Армии, всей страны. Западные границы прикрывали войска следующих фронтов, преобразованных 22-25 июня 1941 г. из военных округов: Северного (командующий — генерал-лейтенант М.М. Попов), Северо-Западного (командующий — генерал-полковник Ф.И. Кузнецов), Западного (командующий — генерал армии Д.Г. Павлов), Юго-Западного (командующий — генерал-полковник М.П. Кирпонос) и Южного (командующий — генерал армии И.В. Тюленев). Морские границы прикрывали флоты: Северный (командующий — контр-адмирал А.Г. Головкин), Балтийский (командующий — вице-адмирал В.Ф. Трибуц), Черноморский (командующий — вице-адмирал Ф.С. Октябрьский).

22 июня 1941 г. первые приняли на себя удары противника советские пограничники и передовые части войск прикрытия, ПВО армии и флота¹⁵. Отражая превосходящие силы врага, личный состав многих пограничных застав полностью погиб. Войска прикрытия, которые с ходу вводились в сражения, несли большие потери. Многие авиационные части были уничтожены или выведены из строя на своих аэродромах, что позволило противнику захватить господство в воздухе. Контрудары на шауляйском и гродненском направлениях успеха не принесли. 23-29 июня контрудар Юго-Западного фронта и развернувшееся танковое сражение воспрепятствовали попыткам противника с ходу прорваться к Киеву. Однако в целом войска прикрытия, несмотря на героическое сопротивление, не смогли сдержать наступление противника в приграничной зоне на всех трех направлениях. 11 дивизий Западного фронта были окружены между Белостоком и Минском, где вели бои до 8 июля. Тяжелое положение, сложившееся на Западном фронте, объяснялось еще и тем, что, по предвоенной оценке, наиболее опасным считалось юго-западное (южнее Полесья) направление. Фактически противник нанес главный удар на Смоленск и Москву, что создало ему возможность глубокого охвата советских войск в районах Львова и Белостока.

В результате неблагоприятного для Советского Союза исхода приграничных сражений немецко-фашистские войска в короткие сроки продвинулись в северо-западном направлении на 400-450 км, в западном — на 450-600 км, в юго-западном — на 300-350 км, захватили территорию Латвии, Литвы, часть Эстонии, Украины, почти всю Белоруссию и Молдавию, вторглись на территорию РСФСР, вышли на дальние подступы к Ленинграду, угрожали Смоленску и Киеву. Над страной нависла смертельная опасность.

Со стратегической точки зрения по существу повторилось то, что удалось осуществить вермахту в 1940 г. в Западной Европе, а затем, в конце 1941 - начале 1942 г. — японским войскам на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии, однако территория Соединенных Штатов оставалась вне досягаемости противника.

Прилагался максимум усилий для организации отпора захватчикам. Программу чрезвычайных мер содержала Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. “Все для фронта, все для победы” — такова была ее главная идея, изложенная затем в выступлении И.В.Сталина по радио 3 июля. В нем выражалась уверенность, что справедливая борьба советского народа за свободу своего Отечества завершится разгромом агрессоров, “сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы”¹⁶.

23 июня была образована Ставка Главного Командования (с 10 июля — Ставка Верховного Командования, с 8 августа — Ставка Верховного Главнокомандования) — высший орган стратегического руководства Вооруженными Силами. Вся полнота власти в стране сосредоточивалась в руках образованного 30 июня Государственного Комитета Обороны (ГКО). Председателем ГКО, а затем и Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР (с 8 августа) был назначен И.В.Сталин.

Красная Армия отступала. 10 июля началась битва за Ленинград, которая сковала крупные силы немецко-фашистских войск и финскую армию. В Смоленском сражении (10 июля — 10 сентября 1941 г.), развернувшемся на фронте до 650 км и в глубину до 250 км, наступление противника на Москву было приостановлено, но лишь временно. Войска Юго-Западного и Южного фронтов с боями оставили Киев, Одессу, а затем западные районы Донбасса. Противник прорвался в Крым, подошел вплотную к Севастополю, в ноябре достиг Ростова-на-Дону.

Потери советских войск были огромны. Ориентировочно уже в первый месяц войны безвозвратные потери составили 1 млн человек, из них 700 тыс. пленными. В сентябре на Левобережной Украине только пленными потери составили 650 тыс. человек и еще 600 тыс. позднее в боях под Брянском и Вязьмой. С июня по декабрь 1941 г. Красная Армия и Военно-Морской Флот потеряли убитыми, умершими от ран, оказавшимися в плену и пропавшими без вести 3 млн 138 тыс. человек; ранеными, контуженными, заболевшими 1 млн 336 тыс. человек; лишлись более 6 млн единиц стрелкового оружия, 20 тыс. танков и САУ, 100 тыс. орудий и минометов, 10 тыс. самолетов. Территория СССР,

занятая вермахтом, превысила 1,5 млн кв. км, перед войной на ней проживало 74,5 млн человек¹⁷.

Ставка ВГК, командование фронтов, военачальники и командиры разных степеней учились искусству ведения войны в крайне сложной обстановке, допуская порой почти неизбежные ошибки. Стойкая оборона Бреста, Лиепайи, Таллинна, Могилева, Ленинграда, Киева, Одессы, Севастополя, Смоленска и другие сражения способствовали срыву гитлеровского плана молниеносной войны. Но в начале октября 1941 г. стратегический фронт на главном, московском, направлении оказался прорванным. 20 октября Москва и прилегающие к городу районы были объявлены на осадном положении. Обстановка достигла критического рубежа, когда противник форсировал канал Москва-Волга и прорвался к Химкам (ныне — в городской черте Москвы).

Однако постепенно в развернувшейся до крайнего ожесточения борьбе все большее значение приобретали твердость духа советского народа и его самоотверженность на фронте и в тылу, превосходящие материальные возможности страны. Сотни тысяч участвовали в развернувшейся партизанской и подпольной борьбе, организованной в оккупированных врагом районах. Только в Подмоскowie в 1941 г. действовали 41 партизанский отряд и 377 диверсионных групп.

С каждым месяцем сопротивление советских войск усиливалось, совершенствовалось искусство организации оборонительных действий. Это лишало врага возможности вести наступление в запланированных им темпах. Если первые три недели войны фашистские войска продвигались в среднем по 20-30 км в сутки, то с середины июля по 7 августа этот темп снизился до 3,5-8,5 км. В период с 8 августа до середины сентября продвижение врага стало еще более медленным. Во время наступления на Москву в октябре-ноябре войска противника продвигались в среднем по 2,5-3 км в сутки. Еще в сентябре враг был остановлен у стен Ленинграда, в ноябре — у Ростова-на-Дону, а в начале декабря — под Москвой.

В ходе стратегической обороны Советские Вооруженные Силы нанесли врагу огромный урон. Только сухопутные войска вермахта с июня по ноябрь 1941 г. потеряли на советско-германском фронте убитыми, ранеными и пропавшими без вести свыше 750 тыс. человек. Потери немецкой авиации с 22 июня по 10 ноября составили около 5180 самолетов. План гитлеровцев завершить войну до наступления зимы был сорван.

В начале декабря войска Красной Армии перешли под Москвой в стратегическое контрнаступление, кардинально изменившее обстановку на советско-германском фронте и оказавшее большое влияние на военно-политическое положение в целом. Американцы и англичане убеждались, что поддержка Советскому Союзу необходима и оправданна. "Я хочу еще раз сообщить Вам, — писал Ф.Рузвельт в адрес И.Сталина 16 декабря 1941 г., — о всеобщем энтузиазме в Соединенных Штатах по поводу успехов Ваших армий в защите Вашей великой нации"¹⁸.

В битве под Москвой с обеих сторон участвовало более 3 млн человек, до 3 тыс. танков, более 2 тыс. самолетов, свыше 22 тыс. орудий и

минометов. Соотношение сил было в пользу противника. Вермахт к началу советского контрнаступления (5 декабря 1941 г.) имел превосходство в живой силе в 1,5 раза, в артиллерии — в 1,4 и танках — в 1,6 раза. По авиации Красная Армия в 1,6 раза превосходила противника. Упорную борьбу с немецкой авиацией вели войска ПВО¹⁹.

Ставка ВГК и Генштаб скрыто сосредоточили резервы, организовали взаимодействие между фронтами и стратегическими направлениями. В ходе контрнаступления под Москвой группе армий “Центр” был нанесен сокрушительный удар. 38 гитлеровских дивизий потерпели поражение. Особенно большие потери понесли танковые соединения врага, которым отводилась решающая роль в войне. К концу марта 1942 г. в 16 танковых дивизиях, находившихся на Восточном фронте, осталось всего 140 боеспособных машин. Потери личного состава группы армий “Центр”, действовавшей на московском направлении, составили, по немецким данным, 796 тыс. человек²⁰.

Оценив обстановку, Ставка приняла в начале января решение о переходе советских войск в общее наступление под Ленинградом на западном и юго-западном направлениях. Перед войсками западного направления ставилась задача окружить и разгромить группу армий “Центр”. Ее выполнению должно было способствовать наступление под Тихвином и Ростовом-на-Дону. Но принятое решение не обеспечивалось необходимыми силами, особенно подвижными соединениями, что привело при больших потерях лишь к частичному успеху. В целом войска Западного (командующий — генерал армии Г.К.Жуков), Калининского (командующий — генерал-полковник И.С.Конев) и Брянского (командующий — генерал-полковник Я.Т.Черевиченко) фронтов отбросили противника от Москвы на расстояние до 350 км, освободили Московскую и ряд других областей, ликвидировали опасность окружения и захвата Тулы. К концу апреля 1942 г. общие потери сухопутных войск вермахта на Советско-германском фронте убитыми, ранеными и пропавшими без вести превысили 1,5 млн человек. Он лишился 4 тыс. танков и штурмовых орудий, около 7 тыс. самолетов (до конца 1942 г.). Это почти в пять раз превышало потери гитлеровцев в Польше, Северо-Западной и Западной Европе и на Балканах. Для усиления своих группировок германскому командованию пришлось перебросить на Восток 30 новых дивизий.

Исторически сложилось так, что с первых дней войны — в приграничных сражениях трагическим летом 1941 г., в битве под Москвой, на всем тысячекилометровом фронте от Балтики до Черного моря — Советские Вооруженные Силы вели смертельную схватку с фашизмом за свободу не только своей страны, но и всего человечества. Ф.Рузвельт это видел и понимал необходимость англо-американского военного вклада. “Ваш народ и мой требуют создания фронта, который ослабил бы давление на русских, — писал он У.Черчиллю 3 апреля 1942 г. — и эти народы достаточно мудры, чтобы понимать, что русские убивают сегодня больше немцев и уничтожают больше снаряжения, чем Вы и я вместе взятые. Даже если полного успеха не будет, крупная цель будет достигнута”²¹.

Срыв блицкрига, разгром немецко-фашистских войск в битве под Москвой положили начало коренному перелому в войне. Однако стратегическая инициатива была вырвана у вермахта лишь временно. Летом 1942 г. противник, сосредоточив основные усилия на южном крыле фронта (свыше 90 дивизий), предпринял новое стратегическое наступление с целью захватить районы Кавказа, Дона, Кубани, Нижней Волги, чтобы обеспечить себя таким образом нефтью и продовольствием, разгромить противостоящие силы Красной Армии и затем нанести завершающий удар в направлении Москвы.

Три важнейших фактора способствовали первоначальному успеху нового наступления вермахта: просчеты советского Верховного Командования в определении главного направления вероятного наступления вермахта (таковым считалось московское) и в общей оценке ударных возможностей противника; неудачный для советских войск исход операций в мае 1942 г. в Крыму и в районе Харькова, падение 4 июля после восьмимесячной обороны Севастополя; отсутствие второго фронта в Европе, несмотря на заявление Ф.Рузвельта 3 апреля о его значении.

К середине июля 1942 г. ударные силы вермахта прорвались в большую излучину Дона и его нижнее течение. Развернулась великая Сталинградская битва (17 июля 1942 — 2 февраля 1943 г.). Одновременно началась битва за Кавказ (25 июля 1942 г. — 9 октября 1943 г.).

Сталинградская битва, в которой с обеих сторон в середине ноября 1942 г. участвовало более 2 млн человек, охватила территорию площадью в 100 тыс. кв. км и продолжалась 200 дней и ночей. Противник вел наступление силами 6-й полевой и 4-й танковой армий при участии румынских, венгерских и итальянских войск и вскоре достиг окраин Сталинграда. В битве за Кавказ немецко-фашистские войска первоначально также добились крупного успеха. Силы Северо-Кавказского командующий — Маршал Советского Союза С.М.Буденный) и Закавказского (командующий — генерал армии И.В.Тюленев) фронтов, значительно уступая немецкой группе армий “А” (командующий — генерал-фельдмаршал В.Лист) в численности войск и технике, особенно в танках (более чем в 9 раз) и в авиации (почти в 8 раз), отступили к предгорьям Главного Кавказского хребта, но в ожесточенных боях сумели к концу 1942 г. остановить врага. С моря их поддерживал Черноморский флот, Азовская и Каспийская военные флотилии.

В период летнего отступления Красной Армии возросла военная угроза для нашей страны на южных и дальневосточных границах²².

28 июля 1942 г. Сталиным был подписан приказ № 227, известный под названием приказа “Ни шагу назад”, что соответствовало его содержанию. Первый такой приказ № 270 был подписан 16 августа 1941 г. также во время летнего отступления Красной Армии и имел целью пресечь проявления трусости и дезертирства среди командиров и политработников. Приказ, в частности, гласил: “Командиров и политработников, срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и продавших свою Родину дезертиров”. Приказом № 227 предусматривалось созда-

ние штрафных батальонов и рот для проявивших трусость командиров, политработников и рядовых, а также заградотрядов, которые подлежало поставить в “непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов...”. Оба приказа сегодня расцениваются нередко как бесчеловечные и даже преступные. Нельзя не согласиться, что преследование семей в любых случаях заслуживает самого сурового осуждения. Репрессивные по своей сути меры были направлены на то, чтобы остановить отступление, которое нередко превращалось в бегство с поля боя и могло привести к непоправимой катастрофе²³.

Штурм Сталинграда превратился для гитлеровцев во всепожирающий фокус. В августе развернулись бои непосредственно в городе. Пружина битвы сжалась до отказа. Твердой уверенности в том, что удастся удержать город, не было. К середине ноября только безвозвратные потери советских войск в этой битве превысили 300 тыс. человек.

Маршал Советского Союза А.М.Василевский, который координировал действия фронтов и находился в Сталинграде, рассказывал автору этой главы о наиболее запомнившихся днях битвы: “Первый день — 23 августа 1942 г. Город полыхал гигантским пожаром от ожесточенных воздушных атак противника. На одном из участков его части провалились к берегу Волги. Трудно было в этой обстановке сохранить душевное равновесие. Все мы ясно понимали, какую смертельную опасность несет стране падение Сталинграда. Направили на северную окраину города все имеющиеся резервы. Обратились к населению с воззванием. Это был день наибольшего напряжения. Второй незабываемый день — 23 ноября 1942 г., спустя три месяца после прорыва фашистов к Волге. В этот день войска Сталинградского и Юго-Западного фронтов соединились у хутора Советский и замкнули кольцо, окружив 330-тысячную группировку врага”.

Подчеркнем, что к этому времени на советско-германском фронте были сосредоточены максимальные за всю войну силы противника. Они насчитывали 266 дивизий (свыше 6,2 млн человек), около 52 тыс. орудий и минометов, свыше 5 тыс. танков и штурмовых орудий, 3,5 тыс. боевых самолетов.

В контрнаступлении под Сталинградом, которое началось 19 ноября, войска Юго-Западного (командующий — генерал-лейтенант Н.Ф.Ватутин), Сталинградского (командующий — генерал-полковник А.И.Еременко) и Донского (командующий — генерал-лейтенант К.К.Рокоссовский) фронтов, отразив попытку немецкой группы армий “Дон” (командующий — генерал-фельдмаршал Манштейн) деблокировать окруженные в Сталинграде войска, нанесли противнику сокрушительное поражение. Остатки 6-й немецкой армии (91 тыс. человек) во главе с командующим генерал-фельдмаршалом Ф.Паулюсом 2 февраля 1943 г. сдались в плен. Общие потери Красной Армии (убитыми, ранеными, пропавшими без вести) превысили 1,1 млн человек, противника — 800 тыс. Победа Красной Армии внесла решающий вклад в развитие коренного перелома в войне, воспрепятствовала расчетам

Германии на выступление против СССР Турции и Японии, оказала большое влияние на общее изменение военно-политического положения в мире в пользу антигитлеровской коалиции, явилась мощным стимулом роста движения Сопротивления захватчикам в Европе и Азии. Победа под Сталинградом, пишет известный английский историк Д.Эриксон, “работая, как мощный реактор, воздействовала на все последующие события и на Восточном фронте и в целом”²⁴.

Вступила в свою завершающую фазу битва за Кавказ. Наступление в январе 1943 г. развернули силы вновь созданных Южного (командующий — генерал-полковник А.И.Еременко) и Северо-Кавказского (командующий — генерал-лейтенант И.И.Масленников) фронтов, Черноморской группы войск Закавказского фронта (командующий — генерал-лейтенант И.Е.Петров) при поддержке авиации 8-й, 4-й и 5-й воздушных армий и содействии Черноморского флота. Освободив Северный Кавказ, советские войска в начале мая вышли к Таманскому полуострову. На “голубой линии”, проходившей от Азовского моря до Новороссийска, они встретили упорное сопротивление противника и перешли к обороне.

На севере в январе 1943 г. был осуществлен частичный прорыв блокады Ленинграда (на узкой полосе вдоль южного берега Ладожского озера). Успешные операции на центральном участке фронта создали условия для последующего наступления на харьковском и курском направлениях.

Советская авиация выиграла в апреле-июне воздушные сражения на Кубани, обеспечила к лету 1943 г. стратегическое господство в воздухе практически на всем советско-германском фронте.

Ставка ВГК с марта 1943 г. работала над планом стратегического наступления, задача которого состояла в том, чтобы разгромить основные силы группы армий “Юг” и “Центр”, сокрушить вражескую оборону на фронте от Смоленска до Черного моря. Предполагалось, что советские войска первыми перейдут в наступление. Однако в середине апреля на основании данных разведки о том, что командование вермахта планирует провести наступление под Курском, было принято решение обескровить немецкие войска мощной обороной, а затем перейти в контрнаступление. Владея стратегической инициативой, сильнейшая сторона преднамеренно начинала боевые действия не наступлением, а обороной. Развитие событий показало, что этот замысел был правильным, хотя и весьма рискованным.

Надо сказать, что, несмотря на данные разведки, достаточной уверенности, что противник первым начнет наступление, в войсках не было. Начальник тыла Центрального фронта генерал Г.Антипенко рассказывал об обстановке на командном пункте фронта: “Тыл был организован не по наступательному, а оборонительному варианту. И я, откровенно говоря, сильно нервничал, ожидая начала наступления немцев. Безмолвие на той стороне казалось вечным”²⁵.

Для проведения операции под Курском, получившей название “Цитадель”, противником были сосредоточены крупные силы и назначены наиболее опытные военачальники: 50 дивизий, в том числе 16 танко-

вых, группы армий “Центр” (командующий — генерал-фельдмаршал Г.Клюге) и группы армий “Юг” (командующий — генерал-фельдмаршал Э.Манштейн). Всего в составе ударных группировок противника находилось свыше 900 тыс. человек, около 10 тыс. орудий и минометов, до 2700 танков и штурмовых орудий и более 2 тыс. самолетов. Важное место в замысле противника отводилось массированному применению новой боевой техники — танков “Тигр” и “Пантера”, штурмовых орудий “Фердинанд”, а также новых самолетов (истребителей “Фокке-Вульф-190А” и бомбардировщиков “Хейнкель”.

Начавшемуся 5 июля 1943 г. наступлению немецко-фашистских войск против северного и южного фасов Курского выступа советское командование противопоставило прочную оборону. Противник, нанеся удар на Курск с севера, был остановлен через четыре дня. Ему удалось вклиниться в оборону советских войск на 10-12 км. Группировка, наступавшая на Курск с юга, продвинулась на 35 км.

12 июля советские войска, в значительной мере обескровив противника, перешли в контрнаступление. В этот день в районе железнодорожной станции Прохоровка произошло самое крупное встречное танковое сражение второй мировой войны (до 1200 танков и самоходных орудий с обеих сторон). Развивая наступление, советские сухопутные войска, поддержанные с воздуха массированными ударами сил 2-й и 17-й воздушных армий, а также авиации дальнего действия, к 23 августа отбросили противника на запад на 140-150 км, освободив Орел, Белгород и Харьков.

Вермахт потерял в Курской битве 30 отборных дивизий, в том числе 7 танковых, около 500 тыс. солдат и офицеров, 1,5 тыс. танков, более 3,7 тыс. самолетов, 3 тыс. орудий. Еще большими были потери советских войск: 860 тыс. человек, свыше 6 тыс. танков и САУ, 5 тыс. орудий и минометов, 1,5 тыс. самолетов. Тем не менее соотношение сил на фронте резко изменилось в пользу Красной Армии. “Великое советское наступление, которое началось летом 1943 г. под Курском и Орлом, — говорилось в “Краткой истории второй мировой войны”, изданной военным министерством США в 1945 г., — продолжалось непрерывно до следующей весны, когда немецкие захватчики были полностью изгнаны из Южной России”²⁶.

Победы под Курском и затем в битве за Днепр завершили коренной перелом в Великой Отечественной войне. Изгнание итало-немецких войск из Северной Африки (май 1943 г.), стабилизация обстановки на Атлантическом и Тихом океанах, в Юго-Восточной Азии, где японские войска были остановлены у границ Индии, свидетельствовали о том, что происходит коренной перелом и во второй мировой войне в целом. Определяющим фактором в этом процессе являлись события на советско-германском фронте — главном фронте вооруженной борьбы против Германии и ее союзников в Европе.

Наступательная стратегия вермахта потерпела окончательный крах. Осенью 1943 г. возобновилось продвижение наших войск на Таманском полуострове, которое 9 октября завершило его освобождение.

Противник перешел к жесткой позиционной обороне, и еще требовались огромные усилия и жертвы для его разгрома.

К началу 1944 г. перед Красной Армией стояла стратегическая задача завершить изгнание оккупантов с советской земли, оказать помощь народам Европы в освобождении от фашистского ига, нанести окончательное поражение захватчикам. В результате наступления, развернувшегося в декабре 1943 г. — апреле 1944 г. на Правобережной Украине на фронте до 1300-1400 км, Красная Армия разгромила противостоящую группировку войск противника, достигла государственной границы СССР в предгорьях Карпат.

Летом 1944 г. завершилась битва под Ленинградом (10 июля 1941 г. — 9 августа 1944 г.) — самая длительная и наиболее тяжелая по потерям битва войны. От голода в результате 900-дневной вражеской блокады и бомбардировок только среди гражданского населения погибло не менее 800 тыс. человек. Развивая наступление, войска Ленинградского (командующий — генерал армии Л.А. Говоров), Волховского (командующий — генерал армии К.А. Мерецков) и 2-го Прибалтийского (командующий — генерал армии М.М. Попов) фронтов при участии Военно-Морских Сил и партизан нанесли решительное поражение противнику, полностью ликвидировали блокаду Ленинграда, освободили почти всю Ленинградскую и частично Калининскую области, вышли на подступы к границе Латвийской ССР.

Постепенно наступление в 1944 г. приобрело новые политические и стратегические черты. Во-первых, Красная Армия пересекла западную границу СССР (27 марта 1944 г. с Румынией и 20 июля 1944 г. с Польшей), вступила на территорию стран Восточной Европы. Во-вторых, операции Красной Армии начали координироваться с действиями западных союзников, готовившихся к открытию второго фронта в Европе.

Удары Красной Армии в зимне-весеннюю кампанию 1944 г. вынудили германское командование перебросить на восток 40 новых дивизий. Ко времени высадки союзников в Нормандии (6 июня 1944 г.) на советско-германском фронте находилось примерно $\frac{2}{3}$ наиболее боеспособных дивизий вермахта.

10 июня 1944 г. Красная Армия, выполняя обязательство о поддержке обретавшего реальное значение второго фронта, развернула наступление на севере против финско-немецких войск. 23 июня началась одна из крупнейших операций второй мировой войны — Белорусская. Наступление, предпринятое в полосе более 500 км, завершилось на фронте свыше 1100 км. С обеих сторон в сражениях участвовало свыше 4 млн человек, около 62 тыс. орудий и минометов, более 7500 танков и самоходных артиллерийских установок, свыше 7100 самолетов. К концу августа советские войска полностью разгромили группу армий “Центр”, в составе которой поражение потерпели силы, дополнительно переброшенные из Германии, Норвегии, Италии. Красная Армия освободила Белоруссию, часть Литвы и Латвии, вступила на территорию Польши, подошла к границам Восточной Пруссии, форсировала реки Нарев и Висла.

Большое значение для советско-германского фронта, успеха высадок союзников в Нормандии и их последующих боевых действий имели проведенные Красной Армией летом и осенью 1944 г. Львовско-Сандомирская, Яско-Кишиневская и Прибалтийская операции. Наступление советских войск расширилось от Балтики до Карпат. Осенью 1944 г. враг был почти полностью изгнан с нашей земли, советские войска вступили на территорию Болгарии, Югославии, Чехословакии, Венгрии и Норвегии.

Эффективность координации стратегических ударов по Германии, зажатой в тисках двух фронтов, возросла зимой 1944/45 г. Когда в результате наступления немецко-фашистских войск в Арденнах союзники оказались в трудном положении, Красная Армия перешла в январе 1945 г. в наступление по всему фронту ранее намеченного срока, что способствовало срыву англо-американскими войсками наступления вермахта²⁷. Война против Германии и ее союзников в Европе вступила в завершающий этап.

К середине апреля 1945 г. на советско-германском фронте были разгромлены главные группировки немецко-фашистских войск, освобождены почти вся Польша, Венгрия, восточная часть Чехословакии и Австрия с ее столицей Веной. Предстояла последняя решающая битва — за Берлин. Фашистский рейх находился в полной международной изоляции. Единственный выход из создавшегося положения Гитлер и его клика все еще видели в заключении сепаратного мира с США и Англией. Выдвинув провокационный лозунг “лучше сдать Берлин англосаксам, чем пустить в него русских”, они решили любой ценой удержать на какое-то время оборону на Восточном фронте и попытаться внести раскол в антигитлеровскую коалицию, надежды на который в Берлине возросли в связи с безвременной кончиной Ф.Рузвельта (12 апреля 1945 г.).

Сталин еще 1 апреля вызвал маршалов Г.К.Жукова и И.С.Конева, которые командовали, соответственно, 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами, и задал им вопрос: “Так кто же будет брать Берлин, мы или союзники?”²⁸ В тот же день Черчилль направил послание Рузвельту, в котором высказал беспокойство по тому же вопросу: “Русские армии несомненно захватят всю Австрию и вступят в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создается ли у них преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу, и не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток и что в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения”²⁹. Политические устремления брали верх над стратегической целесообразностью.

Германское командование сосредоточило на берлинском направлении 1 млн человек, 10,4 тыс. орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов. Организационно они входили в

группы армий “Висла” (командующий — генерал-полковник Г.Хейнрици) и “Центр” (командующий — генерал-фельдмаршал Ф.Шёрнер).

Ставка ВГК привлекла для проведения операции по взятию Берлина войска трех фронтов: 1-го Белорусского (командующий — Маршал Советского Союза Г.К.Жуков), 1-го Украинского (командующий — Маршал Советского Союза И.С.Конеv) и 2-го Белорусского (командующий — Маршал Советского Союза К.К.Рокоссовский), четыре воздушные армии, часть сил Балтийского флота, дальней авиации, войск ПВО, Днепровскую военную флотилию. В операции также участвовали 1-я (командующий — генерал З.Берлинг) и 2-я (командующий — генерал К.Сверчевский) армии Войска Польского. 25 апреля войска советских фронтов соединились в районе Потсдама и окружили группировку противника (около 300 тыс. человек), укрепившуюся в самом Берлине. Создав и внешнее кольцо окружения Берлина, советские войска частью сил продвинулись к Эльбе. 25 апреля в районе Торгау войска 5-й гвардейской армии генерала А.С.Жданова встретились с 1-й американской армией генерала К.Ходжеса. Остатки гитлеровских армий в Северной и Южной Германии были рассечены и изолированы.

Ранним утром 1 мая 1945 г. советские солдаты водрузили над рейхстагом Знамя Победы. 2 мая немецкий гарнизон Берлина капитулировал. 9 мая советские войска освободили восставшую против оккупантов Прагу — столицу Чехословакии. Война в Европе закончилась.

Поздним вечером 8 мая в специально подготовленном зале военнo-инженерного училища в Карлсхорсте, украшенном государственными флагами Советского Союза, США, Великобритании и Франции, собрались представители верховных командований союзных стран, советские маршалы, войска которых штурмовали Берлин, журналисты. За столом заняли места заместитель Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР Маршал Советского Союза Г.К.Жуков, заместитель Главнокомандующего экспедиционными силами союзников Главный маршал авиации Великобритании А.Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США генерал К.Спаатс, главнокомандующий французской армией генерал Ж.-М.Г. де Латр де Тассиньи.

Вскоре в зал были доставлены представители германского верховного командования. Первый пункт подписанного ими “Акта о военной капитуляции” гласил: “Мы, нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, — Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному Командованию Союзных экспедиционных сил”³⁰.

Преступный фашистский режим и созданное им нацистское государство были окончательно повержены.

Выполняя союзнические обязательства, взятые перед США и Великобританией, а также в целях обеспечения безопасности своих дальне-

восточных границ, СССР в ночь на 9 августа 1945 г. вступил в войну против милитаристской Японии.

В листовке-обращении, выпущенной политуправлением 1-го Дальневосточного фронта, говорилось: “Товарищ боец! Воин Страны Советов! Ты вступил на землю Маньчжурии с великой благородной целью — разгромить войска японских агрессоров и ликвидировать второй очаг мировой войны, чтобы ускорить восстановление мира во всем мире и обеспечить безопасность наших дальневосточных границ. Ты пришел также сюда, чтобы помочь китайскому народу освободиться от японского порабощения. Будь достоин великой освободительной миссии, которую возложила на тебя Родина, высоко держи честь советского воина!”³¹

Совместными ударами войск Забайкальского (командующий — Маршал Советского Союза Р.Я.Малиновский), 1-го Дальневосточного (командующий — Маршал Советского Союза К.А.Мерецков) и 2-го Дальневосточного (командующий — генерал армии М.А.Пуркаев) фронтов, Монгольской народно-освободительной армии (командующий — Маршал МНР Х.Чойбалсан) во взаимодействии с Тихоокеанским флотом (командующий — адмирал И.С.Юмашев) и Амурской военной флотилией японская Квантунская армия к 14 августа была разгромлена. Продвинувшись на глубину 600-800 км, Красная Армия освободила Северо-Восточный Китай, Северную Корею, а также Южный Сахалин и Курильские острова. Общее руководство боевыми действиями осуществляло Главное командование советских войск на Дальнем Востоке (Маршал Советского Союза А.М.Василевский).

Длительное время эти события на Дальнем Востоке оставались в тени у западных историков. Одним из первых их обстоятельно исследовал полковник Д.Глэнтц из Командно-штабного колледжа армии США. “Наше невнимание к советским операциям в годы второй мировой войны в целом, и особенно в Маньчжурии, — писал он, — свидетельствует не только об апатии по отношению к истории и прошлому вообще, но и о незнании советского опыта. Эта слепота, основанная на предвзятости, с которой мы изучаем вторую мировую войну, — опасное явление. Как можно приобретать знания, если мы не научились видеть уроки прошлого в интересах будущего?”³²

Наступление Красной Армии явилось важнейшим фактором, который вынудил японское правительство признать окончательное поражение. 2 сентября 1945 г. подписанием на американском линкоре “Миссури” Акта о капитуляции Японии завершилась вторая мировая война.

Война продемонстрировала крупные достижения советского военного искусства, военной науки, организаторский талант и мастерство советских командиров и военачальников. Всему миру стали известны имена выдающихся советских полководцев Г.К.Жукова, А.М.Василевского, К.К.Рокоссовского, И.С.Конева и др. Генерал Д.Макартур, командовавший в годы войны войсками США на Дальнем Востоке, дал в 1942 г. следующую оценку боевым действиям Советских Вооруженных Сил после битвы под Москвой: “В своей жизни я участвовал в ряде

войн, другие наблюдал, детально изучал кампании выдающихся военачальников прошлого. Но нигде я не видел такого эффективного сопротивления сильнейшим ударам до того времени победоносного противника, за которым последовало контрнаступление, отбрасывающее противника назад, к его собственной территории. Размах и блеск этого усилия делают его величайшим военным достижением во всей истории»³³.

Тяжелейшие поражения и одержанные большой ценой победы первых двух лет войны многому научили войска и Верховное Командование. С достижением коренного перелома в войне Ставка ВГК действовала все более уверенно. В 1943-1944 гг. крупные стратегические наступательные операции проводились одновременно или последовательно на различных участках советско-германского фронта, в 1945 г. — одновременно на всем фронте. Это требовало многосторонней координации действий фронтов и армий, организации их материально-технического снабжения. Тем более что глубина и темпы наступательных операций постоянно возрастали. Если зимой 1941/42 г. фронты наступали на глубину 70-100 км, то через год под Сталинградом глубина наступления фронтов возросла до 140-160 км. В 1945 г. в ходе Висло-Одерской операции фронты действовали в наступлении на глубину до 500 км. Накопленный опыт, возросшее мастерство значительно повысили эффективность боевых действий сухопутных войск, авиации и флота. Так, если на каждую нашу погибшую подводную лодку в 1941 г. приходился 1 уничтоженный вражеский корабль, то в 1945 г. — 30.

Можно считать необоснованными утверждения тех западных историков, которые пытаются расценить операции Красной Армии 1945 г. как однозначное решение задачи добить “обессиленного противника”. Приведем такой пример. Весной 1945 г. командованию 3-го Украинского фронта стало известно о намерении немцев предпринять наступление с далеко идущими целями. Начальник штаба фронта генерал армии С.П.Иванов вспоминает: «Когда об этом было доложено в Генеральный штаб, то там к этому сообщению отнеслись весьма недоверчиво. Даже начальник Генерального штаба генерал армии А.И.Антонов, разговаривая по телефону с командующим фронтом Ф.И.Толбухиным, недоуменно спросил: “Кто вам может поверить, что Гитлер снял 6-ю танковую армию СС с Запада и направил против 3-го Украинского фронта, а не под Берлин, где готовится последняя операция по разгрому фашистских войск?”». 6 марта 1945 г. противник развернул на южном крыле советско-германского фронта крупное наступление. Десять дней шли тяжелые бои, прежде чем немецкие войска потерпели поражение.

Вплоть до последних часов войны обстановка на советско-германском фронте характеризовалась крайней ожесточенностью сражений, быстротечностью изменений обстановки, что требовало от советского командования умения в максимально короткие сроки принимать оптимальные решения. Генеральный штаб, этот “мозг армии”, где разрабатывались и осуществлялись стратегические планы, возглавляли выдающиеся военачальники, люди разных характеров и судеб: решительный и бескомпромиссный Г.К.Жуков (1941 г.), сын крестьянина, с августа

1942 г. — заместитель Верховного Главнокомандующего; крупный теоретик, в прошлом полковник императорского генерального штаба, дисциплинированный и исполнительный Б.М.Шапошников (1941-1942); сын священника, дальновидный и уравновешенный А.М.Василевский (1942-1945); выходец из потомственной офицерской семьи интеллигентный и требовательный А.И.Антонов (1945 г.). Общее стратегическое руководство войной осуществлял И.В.Сталин.

Историкам еще предстоит дать всестороннюю оценку действиям командования и штабов, учитывая при этом потери не только противника, но и наших войск, в том числе на завершающем этапе войны. Требуется пояснения, к примеру, вопрос о том, насколько целесообразны были прямые таранные удары против сильно укрепленной обороны противника, которые вели к неоправданно высоким потерям войск, как это было при наступлении 1-го Белорусского фронта на участке Зелловских высот в апреле 1945 г. В Берлинской операции, о которой идет речь, ежедневно выбывало из строя 70-90 танков, 90-210 орудий и минометов, 25-40 самолетов. Потери наших войск в личном составе превысили 350 тыс. человек. Из них безвозвратные — 101 961 человек. Такие примеры как в наступательных, так и в оборонительных стратегических операциях Великой Отечественной войны не единичны. Общие безвозвратные потери советских войск (убитые на поле боя, умершие от ран на этапах ранней эвакуации, пропавшие без вести и оказавшиеся в плену) составили 11,4 млн человек; немецкой армии и ее союзников — 8,6 млн, или на 30% меньше. С учетом возвратившихся из плена — 8,66 млн человек (советские потери), 6,9 млн человек (потери Германии и ее союзников в Европе)³⁴.

Изучение Великой Отечественной войны, включая изучение стратегии этого периода, ведется ныне в нашей стране на расширенной документальной основе. Некоторые оценки не выдержали испытания временем и требуют пересмотра. Нет сомнения в том, что в результате этой работы достижения и недостатки советского военного искусства в минувших сражениях будут служить надежной исторической опорой современных военных знаний.

¹ Новая и новейшая история • 1993. № 3. С. 32.

² Документы внешней политики. 1939 год. М., 1992. Т. 2. С. 668-669.

³ См.: Полпреды сообщают... Сб. документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией, август 1939 г. — август 1940 г. М., 1990.

⁴ Hitlers Weisungen für die Kriegführung, 1939-1945. Frankfurt a/M, 1962. S. 129-133.

⁵ Reinhardt K. Die Wende vor Moskau: Das Scheitern der Strategie Hitlers in Moskau Winter 1941/1942. Stuttgart, 1972. S. 21.

⁶ Волкогонов Д. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В.Сталина: В 2-х кн. М., 1989. Кн. 2, ч. 1. С. 75.

⁷ В июле-сентябре 1939 г. советско-монгольские войска в ходе ожесточенных боев нанесли поражение 6-й японской армии (около 75 тыс. человек, 500 орудий, 182 танка. более 500 самолетов), вторгшейся на территорию МНР в районе р.Халхин-Гол.

⁸ Русский архив. Великая Отечественная. Накануне войны. М., 1993. Т. 12 (1). С. 339.

⁹ Правда. 1991. 20 июля.

¹⁰ Военно-исторический журнал. 1988. № 4. С. 46.

11 В результате обсуждения конкретных мер, вызванных нарастающей угрозой немецкого нападения, — от необходимости нанесения упреждающего удара до уверенности в том, что Германии удастся удержать на какое-то время от войны дипломатическими акциями, — активно реализовывались последние. Такого рода решения, как подписание с Германией секретного протокола о продаже Советскому Союзу участка территории в районе Сувалок за 7 млн золотых долл. (10 января 1941 г.), известное заявление ТАСС о беспочвенности слухов о возможной войне между СССР и Германией (14 июня 1941 г.), согласие правительства СССР на поставку Германии зерна через Румынию (21 июня 1941 г.), планов Германии не изменили. В то же время неадекватные оценки сведений разведки, прогнозов, в том числе ошибочных, поступавших из посольств, затрудняли анализ и без того сложной обстановки, препятствовали раскрытию главной цели дезинформационной деятельности нацистских спецслужб — достигнуть внезапно первого удара вермахта.

12 Между советским послом в США К. Уманским и заместителем государственного секретаря США С. Уэллесом состоялось более 30 встреч в 1940 — первой половине 1941 г. В Москве в переговорах принимал участие американский посол Л. Штейнгарт. Важным их результатом явилось открытие в начале 1941 г. американского консульства во Владивостоке и заметное расширение торговли, по объему которой США заняли второе место после Германии. Документы, относящиеся к этим переговорам, см.: *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1940. Wash., 1862-. Vol. 3. P. 244-441; FRUS. 1941. Vol. 1. P. 667-768; Архив Президента Российской Федерации. Ф. 66. Оп. 2. П. 23. Д. 293.* В Лондоне переговоры с советским послом И. Майским вел в основном парламентский заместитель министра иностранных дел Р. Батлер. С И. Майским встречались также У. Черчилль, Э. Галифакс, А. Иден. В Москве переговоры с советскими руководителями вел британский посол С. Криппс. В ходе переговоров английская сторона неоднократно заявляла о необходимости объединить усилия Великобритании, США и СССР для отпора агрессорам. См.: *Новая и новейшая история. 1994. № 2; Трухановский В. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. 1939-1945. М., 1965; Gorodetsky G Stafford Cripps' Mission to Moscow 1940-1942. Cambridge, 1984.*

13 Без учета боевых действий против Японии (9 августа — 2 сентября 1945 г.).

14 *Bullock A. Hitler and Stalin: Parallel Lives. L., 1991. P. 821.*

15 На границе с Финляндией военные действия начались 29 июня, на границе с Румынией — 1 июля 1941 г.

16 *Сталин И. О Великой Отечественной войне. М., 1947. С. 16.*

17 *История второй мировой войны 1939-1945: В 12 т. М., 1973-1982. Т. 5. С. 129.*

18 Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Труменом (август 1941 г. — декабрь 1945 г.). М., 1986. С. 10.

19 В октябре-ноябре 1941 г. из более чем 4 тыс. немецких самолетов, принимавших участие в налетах на Москву, к городу прорвалось около 100, остальные были рассеяны или сбиты.

20 *Reinhardt K Die Wende vor Moskau. S. 381; Barbarossa: The Axis and the Allies/Ed. J. Erickson, D. Dilks. Edinburgh, 1994. P. 217.*

21 *Kimball W.F Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol. 1-3. L., 1984. Vol. 1. P. 441.*

22 *История второй мировой войны. 1939-1945. Т. 5. С. 103, 105.*

23 Текст приказа см.: *Великая Отечественная война. События. Люди. Документы. Краткий исторический справочник. М., 1990. С. 435, 436.*

24 *Erickson J. The Road to Stalingrad. Boulder, Colorado, 1983. P. 43.*

25 Из выступления генерал-полковника Г. Антипенко на бывшем командном пункте Центрального фронта 12 июля 1983 г.

26 *The World at War. 1939-1944: A Brief History of World War II. Wash., 1945. P. 244.*

27 *Переписка... Т. 1. С. 348-350.*

28 *Конов И Записки командующего фронтом. М., 1991. С. 373.*

²⁹ *Kimball W.F. Churchill & Roosevelt. Vol. 3. P. 605.*

³⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945: В 6-ти т. М., 1963. Т. 5. С. 351.

³¹ Центральный архив Министерства обороны. Ф. 66. Оп. 3191. Д. 12. Л. 44.

³² *Glantz D. August Storm: The Soviet 1945 Strategic Offensive in Manchuria. //Leavenworth Papers. N 7, Febr. 1983. P. XV.*

³³ *Shuman F. Soviet Politics at Home and Abroad. N. Y., 1947. P. 432, 433.*

³⁴ Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование/Под общей редакцией генерал-полковника Г.Ф.Кривошеева. М., 1993. С. 130, 131, 337, 391, 392 и др.

3. Соединенные Штаты: ГЛОБАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ

М.А.Столер

В начале второй мировой войны Соединенные Штаты не имели ни средств, ни желания стать главным ее участником. Армия США, насчитывавшая менее 200 тыс. человек личного состава, занимала по своей численности в 1939 г. среди других армий мира 18-е место, а экономика еще не оправилась от последствий Великой депрессии и совсем не была приспособлена к выпуску военной продукции. Законы о нейтралитете 1935-1937 гг. оставались в силе, а опрос общественного мнения выявил настойчивое желание держаться подальше от войны.

Всё это круто изменилось в последующие шесть лет после того, как Соединенные Штаты стали воюющей стороной, провели невиданную до тех пор военную мобилизацию и во многом оказали решающее влияние на исход войны. К 1945 г. американские вооруженные силы разрослись почти до 12 млн человек — мужчин и женщин, — чьи военные свершения столь обширны, что для их описания не хватило и 100 томов официальной истории¹. Сухопутные войска численностью 8,2 млн человек были крупнейшими за всю историю США; именно они нанесли поражение армиям стран "оси" в Северной Африке, Италии, Западной Европе и в Тихоокеанском регионе. В их составе действовали самые мощные в мире военно-воздушные силы — 2,3 млн человек и 159 тыс. самолетов, — которые разрушили многие города противника и стали единоличными обладателями ужасной атомной бомбы. Крупнейшие и сильнейшие военно-морские силы, включавшие 3,4 млн человек личного состава (в том числе 484 тыс. морских пехотинцев), 1200 боевых кораблей, 50 тыс. судов поддержки и десантных плавучих средств, уничтожили военную мощь стран "оси" на море и провели серию решающих десантных операций в различных районах земного шара. А дома полностью восстановленная и перестроившаяся промышленность почти удвоила объем производства, более чем в два раза превысив выпуск продукции стран "оси" вместе взятых, что позволило США обеспечить и союзников, и собственные вооруженные силы огромным количеством военного материала; к концу войны в это число вошло 86 тыс. танков, 120 тыс. артиллерийских установок, 14 млн единиц стрелкового оружия, 2,4 млн грузовых автомобилей и джипов, 207 тыс. самолетов, 82 тыс. десантных плавсредств и кораблей, 3300 торговых судов и танкеров².

Все эти успехи достались дорогой ценой. Погибло свыше 400 тыс. американцев (292 тыс. в сражениях), т.е. больше, чем в любом другом военном конфликте США, за исключением Гражданской войны 1861-1865 гг., и правительственные расходы превысили все предшествовавшие за все время существования республики вместе взятые. И все-таки Соединенные Штаты окончили войну с меньшими людскими потерями, чем любой другой ее главный участник, им не пришлось вести боевых

действий на собственной территории или даже вблизи нее, и США стали единственной державой, экономика которой оказалась к концу войны сильнее, чем в ее начале. Почти с любой точки зрения военные усилия американцев были исключительно успешными и масштабными и сделали Соединенные Штаты величайшей мировой державой.

Между тем именно эти усилия подверглись интенсивной критике после войны за якобы связанную с ними чрезмерную расточительность, высокие людские потери, неоправданное затягивание, ошибочную стратегию и политическую наивность. Большая часть этой критики была направлена в адрес американского высшего командования, прежде всего президента Франклина Д. Рузвельта, его главных военных советников и военачальников. Перефразируя Уинстона Черчилля, можно сказать, что еще никогда не бросали столько обвинений столь немногим, сделавшим так много.

Чтобы правильно оценить, насколько справедлива данная критика, необходимо сперва уяснить цели военных операций США, стратегические средства, использовавшиеся для достижения этих целей, и причины, побудившие избрать именно такие средства.

Главная цель американских военных усилий состояла в том, чтобы нанести полное военное поражение странам “оси”, которые, как считалось, представляли смертельную угрозу безопасности американской нации, ее ценностям и интересам. Основным стратегическим средством достижения поставленной цели явилась беспрецедентная мобилизация материальных и людских ресурсов, что позволило Соединенным Штатам передать союзникам большое количество военной техники и снаряжения и одновременно создать значительные собственные военно-воздушные и военно-морские силы и сухопутные войска для ведения боевых действий на заморских территориях. Стратегия США кроме того предусматривала использование этих воинских формирований совместно с союзническими силами и их концентрацию на Атлантическо-Европейском театре военных действий, чтобы сначала нанести поражение Германии, а затем, перегруппировав войска, одержать победу над Японией. Повсюду им следовало в самые короткие сроки уничтожать военный потенциал противника, подавлять его волю к сопротивлению.

Сформулированная в основных чертах военным руководством еще до формального вступления США в войну, эта глобальная стратегия никогда не реализовывалась в полном объеме, претерпевая изменения с течением времени. Более того, вопреки мнению ряда критиков, на нее оказывали влияние многие факторы политического и военного характера. Важнейшими из них являлись стратегические доктрины отдельных видов вооруженных сил и соперничество между ними, уникальное географическое положение Америки, отношения гражданских и военных лидеров США, взаимоотношения между союзниками и требования коалиционной войны, а также различные события военного времени.

После официального вступления Соединенных Штатов в войну в конце 1941 г. указанные факторы обусловили ряд существенных поправок, внесенных в принятую ранее американскую стратегию; важнейшая из них определяла в качестве первоочередной задачи победу над

Германией. Однако и эта стратегия, хотя официально многократно подтверждавшаяся в течение 1942-1945 гг., после Пёрл-Харбора была решением США радикально изменена с целью выделения значительных ресурсов для войны с Японией.

Своими корнями стратегия США уходит в период между двумя мировыми войнами, когда вооруженные силы сперва разработали различные варианты ведения войны под названием “Колор” (“Цветные книги”) на случай военного столкновения с отдельными государствами. Затем, когда международные события сделали эти схемы непригодными, в 1938-1939 гг. была подготовлена серия военных планов под общим кодовым названием “Рейнбоу”, которые предполагали одновременные боевые действия против Германии, Италии и Японии вместо прежней стратегии войны с каждой страной в отдельности. Обе серии планов строились на ключевых предпосылках и заключениях, которые легли в основу американской стратегии во второй мировой войне. При этом важно то, что фактически все они предусматривали военные операции за пределами собственной территории Соединенных Штатов, иллюстрируя таким образом весьма существенную, хотя и редко высказываемую, аксиому американского военного мышления: благодаря своему уникальному географическому положению Соединенные Штаты могут и должны сражаться на чужой, а не на собственной земле. А это потребует не только транспортировки воинских частей на значительные расстояния за рубежом, но и высадки морских десантов против вражеских сил — сложной и в высшей степени опасной операции, которую морские пехотинцы начали осваивать еще в предвоенные годы и которая стала одной из самых характерных реалий военных усилий США во время второй мировой войны.

Не менее важен разработанный ранее сценарий глобальных военных действий сразу на нескольких фронтах против азиатско-европейской коалиции — план войны (“Редориндж”) против Японии, находившейся в союзе с Англией, — который предусматривал оборонительную тактику в районе Тихого океана и сосредоточение сил в первую очередь в Карибско-Атлантическом регионе против более мощного и опасного европейского врага, к тому же географически более близкого. Подобная концентрация с целью обороны на восточных и южных рубежах Америки в сочетании с желанием и способностью избежать боевых столкновений на собственной территории в конце концов логически подвела к мысли о необходимости наступательных операций на Атлантическом театре войны. Все эти идеи нашли отражение в более поздних военных планах (“Рейнбоу-5”), в которых шла речь об оборонительной тактике в бассейне Тихого океана и о наступательных действиях против Германии в том случае, если Соединенные Штаты решат заключить союз с Англией и Францией против стран “оси”. В рамках этих соображений и возникла в период войны американская стратегия, которая на первый план выдвинула задачу борьбы с Германией³.

Прежде в течение многих лет политические и военные факторы препятствовали разработке этой стратегии. Сценарий “Редориндж” поч-

ти не имел практического значения и привлек к себе мало внимания, а план "Рейнбоу-5", сформулированный в 1939 г. и последний в этой серии, исходил, по мнению ведавших военным планированием экспертов, из наименее вероятной ситуации, с которой пришлось бы столкнуться. Не могли они и прийти к единому мнению относительно надлежащей реакции на другие варианты развития событий. Учитывая растущую агрессивность стран "оси" повсюду в мире и огромное несоответствие между провозглашенными целями своей политики и чрезвычайно ограниченными военными средствами, для которых Конгресс изъявил готовность выделить необходимые ассигнования, некоторые армейские планировщики межвоенных лет объявили план ведения войны против Японии ("Ориндж") не обеспечивающим победу и настойчиво советовали отказаться от принятия заморских обязательств и вернуться к традиционной тактике континентальной обороны. Но с ними категорически не согласились планировщики военно-морских сил, которые исходили из концепций Альфреда Тайера Мэхена времен 1890-х годов о национальном величии, а также из традиционной нацеленности на заморские операции. Они предложили наступательную стратегию и политику в западной части Тихого океана и высказались за переговоры с Великобританией по вопросу о возможности образования объединенного фронта против Японии⁴.

Конфликт между этими видами вооруженных сил сопровождался борьбой внутри военного ведомства и военно-морского министерства и появлением среди персонала армейского авиационного корпуса, стремившегося к независимому статусу и самостоятельным задачам, новой доктрины о стратегических военно-воздушных силах. Возглавляемые энергичным полковником Уильямом (Биллом) Митчеллом, сторонники новой доктрины доказывали, что самостоятельно действующая бомбардировочная авиация вполне в состоянии заменить военно-морские силы и сухопутные войска, обеспечить Соединенным Штатам эффективную защиту и выполнить роль устрашающей наступательной ударной силы. Подобные притязания привели в ярость адмиралов и генералов и еще больше усилили разногласия в вооруженных силах в предвоенный период.

Поначалу президент Рузвельт почти ничего не предпринимал, чтобы уладить эти споры. Занятый проблемами Великой депрессии и программой Нового курса, а также не желая бросать вызов изоляционистам в Конгрессе, он мало уделял внимания вооруженным силам, не оказывая им достаточной поддержки. Так продолжалось до 1937-1938 гг., когда обострившийся мировой кризис вынудил его одобрить англо-американские штабные переговоры, санкционировать увеличение военно-морских и военно-воздушных сил и поручить разработать серию планов ведения войны под общим названием "Рейнбоу". Затем в 1939 г. он назначил начальником штаба армии генерала Дж.Маршалла, а начальником главного морского штаба адмирала Гарольда Старка и приступил вместе с ними к перевооружению США. Но подобные ограниченные шаги не позволили добиться необходимого уровня координации действий по-

литического и военного руководства страны и урегулировать споры между отдельными видами вооруженных сил.

Это сделали ошеломляющие победы Гитлера в Западной Европе в 1940 г. После того как Франция была разгромлена, а Великобритания оказалась на грани поражения, логика военной ситуации подсказывала Соединенным Штатам, что нужно готовиться к односторонней континентальной обороне и обороне Западного полушария против Гитлера, как то было предусмотрено в планах “Рейнбоу-1” и “Рейнбоу-4” и поддержано армейскими планировщиками. Дополнительный импульс этой логике придал страх перед проникновением нацистов в Латинскую Америку. Даже для таких ограниченных военных действий, не говоря уж о возможных заморских операциях когда-нибудь в будущем, потребовалось бы сосредоточить огромную военную мощь, и встревоженный Конгресс впервые в истории США принял в мирное время закон о воинской повинности, выделив средства на беспрецедентное увеличение вооруженных сил. Однако для подобного наращивания военного потенциала нужно было время, и это обстоятельство только укрепило желание пока избегать всяких обязательств за пределами США.

Но Рузвельт придерживался иного мнения. По-видимому, осознавший ранее своих военных советников, что спасение Великобритании и возможно и исключительно важно для безопасности США, он настаивал на оказании немедленной военной помощи англичанам, даже если это и тормозило развитие собственных вооруженных сил, и заставил своих не испытывавших особого энтузиазма советников согласиться с таким решением. Летом 1940 г. президент заменил военного и военно-морского министров, назначив на эти должности соответственно Генри Л.Стимсона и Фрэнка Нокса, двух членов оппозиционной Республиканской партии, которые, однако, разделяли его взгляды. Одновременно он одобрил продажу военного снаряжения Великобритании. В сентябре Рузвельт передал ей 50 старых эсминцев в обмен на 99-летнюю аренду баз на принадлежащих Великобритании островах в Западном полушарии. В декабре он предложил Конгрессу сделать Соединенные Штаты “арсеналом демократии”, предоставив президенту право на передачу займы или в аренду военного материала любому государству, оборону которого он сочтет жизненно важной для безопасности США. В то же время президент приказал оставить тихоокеанский флот в Пёрл-Харборе на Гавайях, куда корабли по его распоряжению прибыли первоначально весной 1940 г. лишь на короткий срок, в надежде, что эта мера удержит Японию от расширения агрессии⁵.

Боязнь последствий такого глобального рассредоточения сил и взятых на себя чрезмерных обязательств побудили осенью 1940 г. начальника штаба ВМС адмирала Старка изложить в письменном виде перечень приоритетов США, где впервые была четко сформулирована американская глобальная стратегия на случай войны. Старк прямо заявил, что Великобритания — это первая линия обороны США и поэтому должна и дальше получать материальную помощь, что Лондон в одиночку не в состоянии нанести поражение Германии и, следовательно, Соединенным Штатам, возможно, придется вступить в войну. Исследуя

стратегические альтернативы при подобном сценарии, адмирал отверг прежние концепции, связанные с Западным полушарием или Тихим океаном, а также идею, которая сводилась к тому, чтобы ограничиться лишь оказанием максимальной материальной помощи странам — союзникам по борьбе с “осью”, и высказался в пользу четвертого варианта. Обозначенный как план “D”, или “Дог” (на морском жаргоне), этот альтернативный вариант предполагал при необходимости совместные с Британией сухопутные наступательные операции против Германии на Атлантическо-Европейском театре в сочетании с оборонительной тактикой в Тихоокеанском регионе. Предлагалось немедленно вступить в штабные переговоры с Великобританией и начать действовать на основе полученных выводов⁶.

Рузвельт план одобрил, и пока в Конгрессе в начале 1941 г. шли дебаты по проекту закона о ленд-лизе, в Вашингтоне в обстановке строгой секретности собрались английские и американские военные планировщики для выработки общей стратегии на случай вступления США в войну. В результате на свет появился документ “ABC-1” (сокращенно от American-British Conversations — *Ред.*), в котором подтверждался принцип глобальной стратегии “Германия вначале”. Соответственно претерпел изменение и “Рейнбоу-5”, который стал основным планом ведения войны США⁷. Не менее важное значение имели такие события, как одобрение Конгрессом в марте помощи Великобритании в соответствии с законом о ленд-лизе, распространение Рузвельтом его действия в мае — на Китай, а осенью того же года — на Советский Союз, увеличение атлантической “зоны безопасности” с высадкой американских военных частей в апреле в Гренландии, а в июле — в Исландии, расширение в августе действия закона о всеобщей воинской повинности в мирное время.

Таким образом, к середине 1941 г., за несколько месяцев до официального вступления в войну, политические и военные факторы побудили Соединенные Штаты сформулировать следующие, наиболее существенные компоненты своей глобальной военной стратегии: материальная помощь любому государству, воюющему со странами “оси”, одновременная мобилизация значительных сил для ведения военных кампаний за рубежом, концентрация этих сил на Атлантическо-Европейском театре войны для возможных наступательных операций против Германии, оборонительная тактика против Японии в Тихоокеанском регионе до разрешения европейского конфликта. В августе американские начальники штабов обсудили возможности осуществления этой стратегии со своими британскими коллегами во время первой встречи Черчилля и Рузвельта недалеко от побережья Ньюфаундленда. В сентябрьской “программе победы” военные планировщики определили потребность в живой силе и материалах, необходимых для успешного выполнения стратегических замыслов⁸.

Эти приготовления явились огромным достижением и радикальным отступлением от сложившихся традиций. Во всех прежних войнах США, по словам одного историка, руководствовались принципом: “сперва объявить, а потом готовиться”⁹. Теперь же, впервые за всю исто-

рию, Соединенные Штаты еще до начала фактических военных действий создали путем мобилизации крупные вооруженные силы, совместно с потенциальным союзником разработали генеральный стратегический план, скалькулировали потребности в людских и материальных ресурсах. Однако США не удалось полностью закончить мобилизацию в 1941 г., и, по любым меркам других воюющих государств, они были совсем не подготовлены к войне. Кроме того, достигнутые в 1941 г. соглашения по стратегическим вопросам маскировали глубокие противоречия между англичанами и американцами, а также между командованием отдельных видов вооруженных сил, между гражданскими и военными кругами США — противоречия, которые дали о себе знать в последующие месяцы и годы.

С американской точки зрения просьба Великобритании о том, чтобы ВМС США помогли ей в Сингапуре, шла вразрез с согласованной стратегией, по которой первоочередной задачей определялась борьба с Германией, и была похожа на попытку манипулировать вооруженными силами США и заставить их защищать британские послевоенные имперские интересы. Точно так же расценивалась и лондонская концепция стратегии непрямых действий на Европейском театре войны, которая включала морскую блокаду, воздушные бомбардировки, ограниченные операции в бассейне Средиземного моря и в Северной Африке. “Мы не можем себе позволить, — предупреждали военные планировщики США весной 1941 г., — и нам нет необходимости верить будущее нашего государства британскому руководству... Великобритания никогда не переставала думать о своих послевоенных интересах”¹⁰.

Специалисты США критиковали британскую стратегию еще и потому, что она противоречила важному военному принципу концентрации сил. Ссылаясь на “почти непреложное правило”, согласно которому “только сухопутные армии могут в конце концов выиграть войну”, они подтвердили свою приверженность “прямому” стратегическому подходу, который являлся отличительным признаком американской армии со времен Гражданской войны, и доказывали, что победить Германию можно, только вторгнувшись на Европейский континент и преодолев сопротивление вермахта. Для решения этой задачи военные специалисты предложили “программу победы”, которая имела в виду создание сухопутных войск в составе 215 дивизий общей численностью в 8 млн 750 тыс. человек и военно-воздушных сил, включающих 195 авиационных групп (2 млн человек). Массированная высадка на континенте намечалась на лето 1943 г.¹¹

Рузвельт не согласился с такой программой по соображениям как политического, так и военного характера. Как он заявил Стимсону 25 сентября, любое предложение о том, что “мы должны вторгнуться и разгромить Германию”, вызовет “негативную реакцию” в обществе, все еще испытывающем сильное нежелание впутываться в войну¹². Кроме того президент благожелательно воспринял британскую концепцию “косвенной” стратегии и, по-видимому, в то время верил, что крупномасштабных действий военно-воздушных и военно-морских сил США будет вполне достаточно, чтобы способствовать разгрому Германии.

Все эти проблемы остались неразрешенными к тому моменту, когда Соединенные Штаты вступили в войну — сперва неофициально в ходе столкновения в Атлантике с германскими подводными лодками, а затем по всей форме, после того как японцы 7 декабря напали на американский флот в Пёрл-Харборе, нанеся ему существенный урон. После формального объявления военных действий местные очаги войны — в Европе и на Дальнем Востоке — слились в единый всемирный военный конфликт, в котором Соединенным Штатам пришлось участвовать в поистине глобальных масштабах.

Это стало очевидным уже через несколько недель после Пёрл-Харбора на англо-американской конференции (“Аркадия”) в Вашингтоне. Несмотря на то, что официально война для Соединенных Штатов началась сокрушительной внезапной атакой японцев в Тихом океане, Рузвельт и его советники поспешили подтвердить свои обязательства, касающиеся первоочередной задачи — борьбы с Германией, помощи союзным государствам по ленд-лизу и военного сотрудничества с Великобританией. В целях содействия такому сотрудничеству они согласились образовать англо-американский Объединенный комитет начальников штабов и единое командование на всех театрах войны, определить в рамках стратегии, нацеленной в первую очередь на Европу, глобальные и локальные приоритеты и организовать в 1942 г. совместное наступление в Северной Африке. Важное значение имело подтверждение прецедента, созданного встречей Рузвельта и Черчилля, а также их военных руководителей в августе 1942 г., на которой обе стороны договорились определить общую стратегию¹³.

Эти решения имели далеко идущие последствия для военных усилий США. Единое командование на каждом театре войны свело вместе не только англичан и американцев, но также сухопутные войска и военноморские силы США, что заставило прекратить между ними — правда, лишь отчасти — острое межведомственное соперничество и сильную неприязнь, которыми отмечена военная история Соединенных Штатов. Результатом конференции “Аркадия” явилось также учреждение нового и очень важного военного органа — Объединенного комитета начальников штабов США (КНШ). В середине 1942 г. в него вошли начальник штаба армии генерал Маршалл, новый начальник главного морского штаба адмирал Эрнст Кинг, начальник штаба армейской авиации генерал Генри Арнольд и начальник штаба при президенте адмирал Уильям Д. Леги. КНШ был организован так, чтобы позволить командующим видами вооруженных сил встречаться со своими британскими коллегами в рамках англо-американского Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) на равной и одинаковой основе. На протяжении всей войны эти четыре человека оставались высшим военным руководством США и главными военными советниками президента. Их деятельность оказалась столь плодотворной, что после войны КНШ сохранили, и он стал сердцевиной вооруженных сил США¹⁴.

Большое значение для военных усилий Соединенных Штатов имела также проведенная в марте 1942 г. коренная реорганизация армии и флота. Тогда же адмирал Кинг сменил Старка на посту начальника

главного морского штаба, сохранив за собой должность главнокомандующего военно-морскими силами США, что позволило впервые сосредоточить в одних руках оперативное управление флотом. Одновременно генерал Маршалл, которого позднее Черчилль назовет “организатором победы”, радикально перестроил армейский главный штаб с тем, чтобы он мог эффективно поддержать военные усилия в глобальных масштабах, и продолжил начатый в 1940-1941 гг. процесс резкого увеличения численности армейских частей и их подготовки к сражениям за рубежом. Крайне важной составной частью этого процесса стали организация и обучение миллионов новобранцев под руководством генерала Лесли Макнейра и повальная замена старых армейских командиров более молодыми и, по мнению Маршалла, более способными к самостоятельным действиям в наступательной и маневренной войне. Многие из новых генералов обучались и служили под началом Маршалла еще в межвоенные годы, особенно когда он в 1927-1932 гг. пребывал в должности заместителя начальника армейского пехотного училища в Форт-Беннинг (Джорджия). Их свершения во время войны превзошли все, что было известно до тех пор из военной истории США¹⁵.

Наряду со всеми этими преобразованиями были четко определены общие обязанности КНШ — в марте 1942 г. Рузвельт и Черчилль договорились о том, что Соединенные Штаты будут самостоятельно руководить боевыми операциями в Тихоокеанском регионе, а Великобритания — на Ближнем и Среднем Востоке и в Индии, а Атлантическо-Европейский театр войны станет районом совместной и равной ответственности. Данное решение облекло в законную форму и подтвердило право КНШ единолично руководить и направлять военные действия Японии, хотя в этом конфликте участвовало еще 12 союзных государств. Война с Германией по-прежнему велась под объединенным командованием¹⁶. Учитывалось и особое отношение США к войне в бассейне Тихого океана. Несмотря на официальное подтверждение стратегии “Германия вначале” трагедия Пёрл-Харбора и последующие японские завоевания заставили серьезным образом модифицировать стратегию США и уделить гораздо больше внимания, чем первоначально предполагалось, войне с Японией. В итоге КНШ направил все имеющиеся резервы на Дальний Восток, стремясь сдерживать наступательный порыв японцев.

В марте 1942 г. стало ясно, что эти усилия не только не дали желаемых результатов, но еще больше распылили наличные американские силы. Желая положить конец подобному распылению, воспрепятствовать планам военно-морских сил и британского командования, направленным на дальнейшее рассредоточение боевых частей в Тихоокеанском регионе и в Северной Африке, а также оказать попавшему в тяжелое положение Советскому Союзу необходимую помощь, о которой он настоятельно просил, начальник оперативного управления штаба армии генерал Дуайт Д. Эйзенхауэр предложил в том же месяце строго оборонительную тактику на всех театрах военных действий, кроме Атлантического, чтобы как можно скорее сконцентрировать американские и британские войска на территории Великобритании для вторжения че-

рез Ла-Манш в Европу. С одобрения сперва Маршалла, а затем и Рузвельта предстояло немедленно начать сосредоточение всех имеющихся в наличии англо-американских воинских формирований в Англии (операция “Болеро”) для переброски весной 1943 г. через Ла-Манш 48 дивизий (операция “Раундап”) или для проведения более ограниченной десантной операции силами 5-10 дивизий уже осенью 1942 г. в случае, если бы немцы серьезно ослабили или если бы очень важный Советский фронт оказался бы под угрозой или на грани развала (операция “Следжхэмер”)¹⁷.

В начале апреля 1942 г. Лондон согласился с этими планами. В мае нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов обсудил их с Черчиллем и Рузвельтом, а 10 июня в официальном советско-американском коммюнике указывалось, что “была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году”¹⁸. В действительности никакой договоренности достигнуто не было. Великобритания согласилась с американскими планами главным образом, чтобы воспрепятствовать дальнейшей переброске воинских контингентов в район Тихого океана, и уже в июле отвергла операцию “Следжхэмер” на том основании, что в 1942 г. никакой десант не сможет удержаться на континенте или отвлечь германские боевые части с Восточного фронта. В качестве альтернативы Лондон предложил вернуться к планам вторжения в 1942 г. во французскую Северную Африку в сочетании с новым британским наступлением из Египта на этом же театре против итало-немецких войск.

КНШ категорически высказался против подобной смены стратегии, доказывая, что это не поможет Советскому Союзу и настолько распылит союзные силы, что вторжение через Ла-Манш придется отложить по меньшей мере на два года. Одновременно он пригрозил отказаться от стратегии борьбы с Германией в первую очередь и немедленно начать наступательные операции против Японии, если Великобритания будет сопротивляться реализации плана “Следжхэмер”. В этом отразились требования смены приоритетов, исходившие от американских командующих на Тихоокеанском театре войны, от органов планирования ВМС и от общественности, жаждущих немедленного отмщения за Пёрл-Харбор, а также от перепуганных союзников Америки в Азиатском и Тихоокеанском регионах. Однако рассерженный Рузвельт наложил вето на подобные планы, расценив их как очевидный и к тому же безнравственный блеф. Полный решимости сохранить стратегию “Германия вначале” и уже в 1942 г. провести наступательные операции на Европейском театре войны, прежде всего исходя из политических соображений (чтобы успокоить и приободрить Советы и американское общественное мнение, особенно в свете своих недавних переговоров с Молотовым, критического положения на Восточном фронте и предстоявших осенью выборов в Конгресс), президент заставил своих сопротивлявшихся членов КНШ согласиться на вторжение в Северную Африку (операция “Торч”)¹⁹.

Ни по какому другому вопросу на протяжении всей войны Рузвельт и его военные советники не расходились настолько во мнениях, и ни в

каком другом случае президент не использовал так откровенно свою власть верховного главнокомандующего. В результате его настойчивости англо-американские войска под общим командованием Эйзенхауэра 8 ноября 1942 г. успешно высадились во французской Северной Африке. Но это произошло слишком поздно, чтобы повлиять на выборы в Конгресс, и союзные войска продвигались слишком медленно, чтобы достичь Туниса раньше, чем там оказались воинские формирования стран "оси", отходившие после поражения у Эль-Аламейна. Таким образом конец 1942 г. ознаменовался уменьшением большинства, на которое Рузвельт опирался в Конгрессе, и окружением англо-американскими войсками усиленной немецкой группировки во французском Тунисе.

Несмотря на то, что операцией "Торч" Рузвельт еще раз недвусмысленно подтвердил свою приверженность стратегии "Германия вначале", в 1942 г. американцы в основном сражались с японцами. Это явилось следствием не только прежних стремлений сдерживать продвижение Японии, но и принятого в США в середине 1942 г. решения относительно ограниченного контрнаступления с учетом военной обстановки на Тихоокеанском театре и стратегических планов, разработанных для Европейского театра войны.

Примерно в течение 100 дней после Пёрл-Харбора Япония почти не встречала сколько-нибудь эффективного сопротивления и достигла всех поставленных перед собой целей в южной части Тихого океана, включая оккупацию Филиппин, где генерал Дуглас Макартур в безнадежном положении вел оборонительные бои на Батаанском полуострове, пока в феврале не получил приказ оставить свой пост и направиться в Австралию, чтобы возглавить союзнические войска на данном театре военных действий. Оставшиеся в крепости Коррегидор (Манильская бухта) американские части сдались 6 мая; этим завершился полный захват Японией американских, британских и голландских владений в южной части Тихого океана. К этому времени японцы вторглись также в Новую Гвинею и на Соломоновы острова, стремясь изолировать Австралию.

Однако уже через месяц военно-морским силам США удалось остановить наступление и нанести непоправимый урон японской морской авиации в двух решающих сражениях: 3-8 мая в Коралловом море, сдержавшем дальнейшее продвижение японского флота в южном направлении, и 4-6 июня у острова Мидуэй, где потерпела неудачу попытка японцев втянуть сохранившиеся американские корабли с целью их уничтожения в решающую битву. Морская авиация США, используя сведения, полученные в результате расшифровки японских кодов, в ходе внезапной атаки потопила четыре японских авианосца.

Военно-морские силы США и генерал Макартур, намереваясь извлечь выгоду из этих успехов, предложили немедленно провести контрнаступление. Их в полной мере поддержала общественность, жаждавшая реванша за Пёрл-Харбор, а также правительства Австралии, Новой Зеландии и Китая. Учитывая, что в этот момент англичане высказались против операции "Следжхэмер", КНШ счел возможным санкционировать такое ограниченное контрнаступление в начале июля. В итоге объединенные силы американского флота и морской пехоты 8 августа

та освободили остров Гуадалканал, входящий в состав Соломоновых островов, а через месяц американско-австралийские войска под командованием Макарута начали наступление вдоль северо-восточного побережья Новой Гвинеи. Японцы оказали яростное сопротивление, и обе эти затяжные, изнурительные кампании закончились лишь весной 1943 г. Американцы одержали убедительные победы, однако в обоих случаях потребовалось задействовать больше воинских частей, чем первоначально предполагалось. Даже операция "Торч" не смогла компенсировать этот перекокс в сторону Тихоокеанского театра войны.

И получилось так, что в конце 1942 г. США использовали против Японии больше войск, чем против Германии²⁰. И хотя предпринятого контрнаступления как в Северной Африке, так и в бассейне Тихого океана увенчались успехом и помогли сдержать стремительное продвижение стран "оси" в 1942 г., американские войска продолжали оставаться разбросанными на большом пространстве и действовали в нарушение объявленных стратегических приоритетов.

Ситуация несколько улучшилась в 1943 г., когда американские и британские войска провели ряд совместных операций на Атлантическо-Европейском театре войны. Однако они носили второстепенный характер, бросок через Ла-Манш отложили еще на один год. И хотя на конференции в Касабланке в январе 1943 г. американцы настаивали на немедленном возвращении к планам "Болеро" и "Раундап", более подготовленным к переговорам британцам удалось переубедить их и настоять на необходимости развивать инициативу по-прежнему в бассейне Средиземного моря и перед вторжением через Ла-Манш продолжать серьезно ослаблять военную мощь Германии операциями на периферии. "Мы пришли, выслушали и сдались", — с горечью заметил один из американских специалистов военного планирования²¹.

Британские аргументы подкреплялись и присутствием немцев в Тунисе, и постоянной угрозой союзническому превосходству на море со стороны германских подводных лодок, и тем фактом, что вторжение через Ла-Манш в 1943 г. заставит свернуть осуществляемые военные операции в районе Тихого океана и Средиземного моря, причем именно тогда, когда политическая обстановка настоятельно требовала успешных наступательных операций, способных успокоить Советы и общественное мнение. В итоге американцы согласились в Касабланке с косвенной стратегией на 1943 г., проводимой с целью нанесения немцам поражения в Атлантике, в Средиземноморском регионе и в Тунисе, захвата Сицилии (операция "Хаски") и начала совместных стратегических бомбардировок Германии (операция "Пойнтблэнк").

Наиболее важной, но реже всех упоминаемой явилась кампания против немецких подводных лодок. Эффективно используя множество технических новшеств, авиацию, сугубо секретную информацию, полученную в результате раскрытия германского военного шифра, а также огромные судостроительные мощности США, англо-американские силы к середине 1943 г. выиграли "битву за Атлантику". В то же самое время 8-я воздушная армия США приступила к стратегическим бомбардировкам промышленных объектов на территории Германии, а американские

сухопутные войска в Северной Африке начали наступление в восточном направлении против армии противника в Тунисе, поддержанные британскими силами, продвигавшимися с юга. Еще в феврале 1943 г. немцы, контратаковав у Кассеринского горного прохода, обескровили и наголову разбили необстрелянные американские части, но уже в мае того же года англо-американские войска под общим командованием Эйзенхауэра наконец прорвали линию обороны стран "оси" и взяли 240 тыс. пленных.

В июле, опять же под началом Эйзенхауэра, они удачно высадились в Сицилии, что ускорило свержение Муссолини, капитуляцию Италии и принятие решения о вторжении на континент. 9 сентября 5-я армия США под командованием генерала Марка Кларка высадилась у Салерно (операция "Эвеланш") и объединилась с британскими войсками, которые вышли на берег южнее, для совместного похода на Рим. Гитлер послал подкрепления, вывез Муссолини, и к октябрю ему удалось задержать союзнические части южнее Рима, нанеся им значительные потери.

Стратегические бомбардировки с территории Великобритании привели в 1943 г. к несколько сомнительным результатам, поскольку потребности в самолетах для операций в Северной Африке и в Средиземном море не позволили сосредоточить достаточно сил на английской земле. Кроме того, американцам пришлось познать то, что англичане уже давно знали из собственного горького опыта: "прицельное" бомбометание оказалось вовсе не таким уж и точным, а бомбардировщики без прикрытия — легкой добычей немецких истребителей. В ходе неэффективных налетов на Германию летом и весной 1943 г. США понесли ощутимые потери. Но если англичане после аналогичных неудач переключились на ночное бомбометание по площади, то американцы продолжали летать днем и бомбить конкретные цели, стремясь увеличить точность попадания и безопасность самолетов с помощью всевозможных технических ухищрений, тактических новшеств, дополнительного задействования большого числа истребителей дальнего действия и повышения активности 15-й воздушной армии в Италии, что вынудило немцев отбиваться сразу от двух армий бомбардировщиков, проникавших с противоположных направлений. Зримые результаты были достигнуты только в 1944 г., когда бомбардировочная авиация временно сосредоточила свои действия с целью изоляции прибрежного плацдарма в Нормандии.

В 1943 г. американские усилия на Атлантическо-Европейском театре войны оставались ограниченными не только из-за постоянного перенесения сроков вторжения через Ла-Манш ради этих периферийных операций, но и в силу непрерывно усиливавшейся военной кампании против Японии. Хотя в сражениях на территории островов Тихого океана участвовали небольшие, по европейским меркам, формирования, однако из-за их своеобразия и значительной удаленности от Соединенных Штатов для материально-технического обеспечения пришлось выделить весьма крупные военно-морские силы. Более того, затяжной характер боев и большие потери требовали непрерывной переброски под-

креплений, причем в масштабах и в течение столь длительного времени, которые первоначально вовсе не предполагались. Например, обе летние кампании 1942 г. — на остров Гуадалканал и в Новой Гвинее — замышлялись как весьма ограниченные операции, которые, однако, затем приобрели широкий размах и продолжались еще и в 1943 г.

Усиливались также требования общественности и представителей военно-морских сил относительно дальнейших наступательных действий против Японии. После Пёрл-Харбора и те и другие рассматривали тихоокеанскую войну как личную кампанию возмездия, заслуживавшую большего внимания. Как говорил Стимсон в середине года Черчиллю, “только в результате интеллектуальных усилий” удалось убедить американский народ в том, что “Германия — его самый опасный враг, с которым следует раздаться в первую очередь... а враг, которого американский народ по-настоящему ненавидит, насколько он вообще способен кого-то ненавидеть, — это Япония, которая нанесла предательский удар”²².

Просьба китайцев о поставках материально-технических средств и о проведении наступательных операций с целью открытия дороги на Бирму придала войне с Японией дополнительный импульс. И хотя Китай в перечне приоритетов занимал скромное место, уступая Европейскому и Тихоокеанскому театрам войны, его нельзя было игнорировать, поскольку существовала опасность, что он потерпит полное поражение или заключит сепаратный мир с Японией, возможные последствия которого изрядно беспокоили. Несмотря на слабость в военном отношении и отсутствие крупных сражений на его территории, участие Чан Кайши в боевых действиях связывало более половины японских армейских дивизий и не позволило Токио превратить войну в антиколониальную и расовую борьбу азиатов с англо-американцами. Помимо этого, Китай рассматривался как великолепная база для организации воздушных налетов на Японию. Поэтому Рузвельт и его советники договорились провести в 1942-1943 гг. ряд крупных политических и военных мероприятий, призванных успокоить Чан Кайши и укрепить его вооруженные силы. В 1942 г. они направили генерала Джозефа Стилуэлла, одного из наиболее талантливых военачальников генерала Маршалла, в качестве командующего американскими силами на Китайско-Бирмано-Индийском театре войны, руководителя программы ленд-лиза и начальника штаба армии Чан Кайши. Одновременно китайскому лидеру предоставили займы и материальные средства по ленд-лизу, что привело к постоянному расходованию значительных ресурсов США. Пришлось, кроме того, создать в 1943 г. новое командование для Юго-Восточной Азии во главе с британским генералом и пообещать начать скоординированное наступление на Бирму²³.

Развертыванию дополнительных сил против Японии способствовало американское решение создать в Тихоокеанском регионе два отдельных театра войны и командования. И опять же в основе лежали сообщения не военного, а политического характера, обусловленные наличием конфликта между отдельными личностями и между видами вооруженных сил. Учитывая чин и служебное положение генерала Макарту-

ра, его нельзя было подчинить никакому командиру ВМС. Однако зная его как эгоцентричную личность, помня о его недавнем поражении на Филиппинах и сознавая, что в тихоокеанском конфликте главная роль принадлежит военно-морскому флоту, руководство ВМС отказалось верить ему судьбу своих боевых кораблей и своей стратегии. Чтобы выйти из этого тупика, на Тихом океане создали два отдельных театра войны: юго-западный под командованием Макартура и центральный под командованием адмирала Честера Нимица. В 1942 г. ВМС взяли на себя главную ответственность за начало операции на острове Гуадалканал, а Макартур отвечал за дальнейшие боевые действия в Новой Гвинее и за наступление на главную японскую базу Рабаул на острове Новая Британия (операция “Картуил”); ему было придано оперативное соединение кораблей для поддержки в случае необходимости. Этот компромисс хорошо себя зарекомендовал. К концу 1943 г. японские войска были окружены на Соломоновом архипелаге в результате боевых операций, проведенных адмиралом Уильямом Ф.Хэлси на островах Нью-Джорджия, Бугенвиль и Гуадалканал, и заперты в Рабауле в ходе военной кампании, осуществленной Макартомуром в Новой Гвинее, на острове Новая Британия, а также на островах Адмиралтейства.

Но еще задолго до этого Макартур и Нимиц начали спорить относительно характера дальнейших действий. Нимиц высказался за реализацию прежней концепции “Ориндж”, т.е. за постепенное продвижение от Гавайских островов в западном направлении через расположенные в центре Тихого океана острова, а Макартур в свою очередь выдвинул план военной кампании, которая, используя Австралию в качестве опорной базы и развиваясь через Новую Гвинею в западном и северном направлениях, завершилась бы на Филиппинах. Но именно Филиппины руководство ВМС хотело обойти, предпочитая двигаться на Формозу. Однако против этого категорически возражал Макартур, руководствуясь соображениями политического, военного и личного порядка: необходимо было взять реванш за унижительное поражение 1942 г., восстановить на Дальнем Востоке собственный престиж и репутацию США. Вместо того чтобы решить спор, приняв один из предложенных вариантов, КНШ пошел на компромисс и одобрил оба плана; такое решение объяснялось военными успехами американцев, готовностью и способностью выделить дополнительные силы для этих театров войны. Вероятно, немаловажную роль сыграло и появившееся к тому времени разочарование боевыми качествами армий Чан Кайши и неверие в то, что потенциал Китайского театра в полной мере может быть использован в войне против Японии²⁴.

В оставшиеся месяцы 1943 г. войска Макартура выполнили возложенную на них двойную задачу операций на Новой Гвинее и изоляции Рабаула. Закончив военные действия на Соломоновых островах, Нимиц в ноябре начал движение через центральную часть Тихого океана и провел успешные операции с высадкой десантов на атоллах Макин и Тарава, входящих в состав островов Гилберта. Такое же, если не более важное, значение имел тот факт, что атаки подводных лодок США на японские суда не позволили Токио воспользоваться ресурсами своей

вновь завоеванной обширной империи, в то время как объемы выпуска военной продукции США уже заметно превосходили достижения азиатского противника в этой области.

Широкомасштабное наступление в Тихом океане по двум направлениям — успешное в военном и политическом отношении, — а также необходимость поддерживать эти операции соответствующими материально-техническими средствами требовали постоянного расходования и распыления тех самых ресурсов, которые иначе должны были бы быть направлены на Европейский театр войны. Ситуация в Китае только усложнила эту проблему. Несмотря на военные действия в Северной Африке, Сицилии и Италии, в конце 1943 г. против Германии воевало столько же американцев, сколько и против Японии, что делало стратегию “Германия вначале” скорее гипотетической, чем реальной²⁵.

С точки зрения американских специалистов военного планирования, все операции 1943 г. представляли собой сплошной отход от того, чему следовало быть центром стратегии США; речь идет о вторжении через Ла-Манш и прямом столкновении с немецкими армиями в Северо-Западной Европе, т.е. там, где можно было бы задействовать крупные американские силы, оказать помощь Советскому Союзу и навязать Германии войну на два фронта. На протяжении всего 1943 г. эти специалисты настаивали на резком ограничении боевых операций в районе Средиземного моря с тем, чтобы подготовиться к переправе через Ла-Манш в 1944 г. Британское руководство, однако, утверждало, что, наоборот, необходимо провести ряд дополнительных военных акций, которые еще больше растянули бы немецкую оборону и обеспечили бы успех вторжению через Ла-Манш, и что обе серии операций вполне можно осуществить, если только уделять меньше внимания второстепенному и отвлекающему силы от главной задачи Тихоокеанскому театру войны. Американцы со своей стороны возразили, указывая, что операции в Средиземноморском бассейне в такой же мере отвлекали от основной задачи войны с Германией, как и тихоокеанские военные кампании, кроме того они были недостаточно обоснованными в военном отношении и политически мотивированными.

После многодневных споров на конференциях “Трайидент” в Вашингтоне в мае и “Квадрант” в Квебеке в августе 1943 г. Объединенный комитет начальников штабов наконец пошел на компромисс: наметили выделить достаточно воинских частей, чтобы занять Италию и вывести ее из войны, а также сохранить стратегическую инициативу в Тихоокеанском регионе, но в ограниченных масштабах, позволяющих организовать переброску 29 дивизий через Ла-Манш в 1944 г. (операция “Оверлорд”)²⁶.

Перед конференцией в Каире (“Секстант”), состоявшейся в ноябре, и на самой конференции Черчилль пытался скорректировать принятые решения и отложить план “Оверлорд”, чтобы вместо этого приступить к военным действиям в районе Эгейского моря и покончить с тупиковым противостоянием в Италии. Однако на последующей встрече руководителей трех союзных держав в Тегеране (“Эврика”) Рузвельт и Сталин настояли на том, чтобы наступление через Ла-Манш состоялось в

установленный срок и чтобы часть воинских формирований, действующих в Средиземноморском регионе, была использована для поддержки вторжения в Южную Францию (операция “Энвил”).

Впервые британское руководство оказалось в меньшинстве и отнесенным в сторону своими более мощными союзниками — США и Советским Союзом, которые по существу заключили сделку в пользу глобальной стратегии за счет “косвенной” стратегии Лондона. По условиям этой сделки Рузвельт должен был весной 1944 г. открыть давно обещанный, но постоянно откладывавшийся второй фронт во Франции. Сталин же в ответ обязался одновременно начать наступление на Восточном фронте и помочь реализации плана “Оверлорд”, а также открыть свой “второй фронт” путем вступления в войну на Дальнем Востоке после поражения Германии, что позволило бы ограничить масштабы усилий США в районе Тихого океана. Таким путем выработанная в 1941 г. стратегия, в которой разгром Германии определялся в качестве первоочередной задачи, наконец-то могла стать реальностью²⁷.

Все это не означало отказа от военных акций в Тихоокеанском регионе или в Средиземном море. В 1942-1943 гг. совместные англо-американские военные операции проходили по британскому стратегическому сценарию и просто прекратить их было невозможно и нежелательно. Европейская стратегическая концепция являлась компромиссной: боевые действия Средиземноморья растягивали и ослабляли немецкую оборону как в преддверии операции “Оверлорд”, так и после ее начала. Кроме того, к 1944 г. Соединенные Штаты слишком увязли на Тихоокеанском театре войны, чтобы иметь возможность сосредоточить всю свою энергию на Европейском континенте. Если графически изобразить на карте участие США в мировой войне, то картина напомнила бы гигантского спрута. Голова — это континентальные Соединенные Штаты, от которых через мировые океаны во все стороны протянулось множество щупальцев в виде нескончаемых потоков людских и материальных ресурсов, оканчивающихся на многочисленных полях сражений и в союзнических гаванях. В 1944 г. государство было уже достаточно отмобилизовано и в военном отношении сбалансировано, чтобы поддерживать все существующие потоки-щупальцы, продолжать наступление в Тихом океане и в районе Средиземного моря и одновременно предпринять с территории Англии самую крупную в истории десантную операцию, при условии, конечно, что Большой союз сохранится.

Непременное участие Советского Союза в войне всегда имело важное значение для успешного претворения в жизнь глобальной стратегии США. Армейские специалисты планирования еще в 1943 г. пришли к заключению, что, учитывая нынешние тенденции развития на решающем Восточном фронте, потребности в рабочей силе, необходимой для выполнения обязательств по ленд-лизу перед союзниками, а также колоссальное количество материально-технических средств для обеспечения собственных военных кампаний за рубежом, Соединенные Штаты могут и должны выставить не более 90 дивизий для всех запланированных и уже проводимых наступательных операций²⁸.

В первые пять месяцев 1944 г. в Англии были сосредоточены значительные англо-американские воинские формирования; 6 июня они успешно пересекли Ла-Манш. Общее руководство операцией осуществлял Эйзенхауэр, сухопутными войсками командовал британский генерал Бернارد Монтгомери. К июлю положение в Нормандии укрепились настолько, что появилась возможность сформировать отдельную американскую 12-ю группу армий под руководством Омара Н.Брэдли, действовавшую в западном секторе; Монтгомери сохранил за собой командование британо-канадской 21-й группой армий, оперировавшей далее к востоку. В конце июля войска Брэдли, выступив из Нормандии, прошли по центральному и южным районам Франции и 25 августа освободили Париж. В это время Монтгомери развил наступление в северном направлении.

Не бездействовали и англо-американские войска в Италии. В январе 1944 г. десантные соединения США осуществили удачную высадку в тылу у немцев у города Анцио, расположенного немного южнее Рима, но они не сумели использовать фактор внезапности и чуть было вообще не лишились плацдарма. Тяжелые бои с большими потерями продолжались вплоть до мая, когда союзническим войскам под началом генерала Кларка удалось прорвать германскую оборону, объединиться с отрядами, сражавшимися на плацдарме, и 4 июня занять Рим. Затем они сделали передышку, чтобы подготовиться к вступлению в Южную Францию, которое было согласовано еще на конференции в Тегеране, но временно отложено из-за задержки со взятием Рима и возросших потребностей в ресурсах для обеспечения операции “Оверлорд”, а также в связи с появившимся у англичан желанием заменить эту операцию наступлением на расположенную на Балканах Люблян и на Вену. Американцы решительно отвергли как еще одно в корне ошибочное это предложение, которое могло бы привести к военной катастрофе и к опасному конфликту с Советским Союзом; кроме того, это оставило бы Эйзенхауэра без столь нужного ему порта в Южной Франции, без надобности затянуло бы его кампанию и даже поставило бы ее под угрозу.

Достигнутое к данному моменту превосходство США в людских и материальных ресурсах вынудило англичан против воли пойти если не на соглашение, то на уступку. Не случайно Черчилль присвоил операции название “Драгун”, намекая на то, что его силой вынудили дать согласие. Успешно высадившись 15 августа, союзные войска быстро продвинулись вверх по долине Роны, чтобы объединиться с идущими навстречу главными англо-американскими силами. В сентябре, однако, продвижение замедлилось: союзные войска стали испытывать нехватку в материальных средствах, кроме того с приближением к Рейну усилилось сопротивление немцев²⁹.

Независимо от блистательных успехов, вся европейская кампания 1944 г. была омрачена постоянными спорами и столкновениями британских и американских генералов, каждый из которых заявлял, что сможет переправиться через Рейн и закончить войну в 1944 г., если получит в свое распоряжение все наличные ресурсы. Однако неспособность

Монтгомери сделать это в сентябре под Арнемом охладила пыл Эйзенхауэра и укрепила его желание следовать более консервативной практике “широкого фронта” в качестве политико-военного компромисса, несмотря на бурные протесты своих подчиненных. В декабре немцы неожиданно перешли в контрнаступление в Арденнах, которое хотя и закончилось для них плачевно, тем не менее заставило США до предела напрячь все силы и отложить форсирование Рейна на 1945 г.

Аналогичная картина больших военных успехов, горячих споров среди руководства по вопросам стратегии и ужесточения сопротивления противника, оттянувшего окончательную победу, наблюдалась в 1944 г. и в войне с Японией. В феврале войсками Нимица был взят атолл Кваджалейн (Маршалловы острова), а Макартур продолжал двигаться вдоль северного побережья Новой Гвинеи и по близлежащим островам, блокируя основные японские базы Рабаул и Трук и подготавливая плацдарм для дальнейшего двойного наступления на Тихом океане. В течение лета силы Нимица захватили острова Сайпан, Тиниан и Гуам (Марианские острова) и фактически уничтожили остатки японской морской авиации во время битвы в Филиппинском море. В октябре КНШ окончательно решил пока оставить Формозу в стороне, а заняться Филиппинами. В результате войска Макартура в конце этого месяца высадились в заливе Лейте. Попытка японского флота помешать десанту вылилась в крупнейшее за всю историю и последнее на Тихом океане морское сражение, в котором японский флот был уничтожен. К этому времени, однако, Япония начала использовать для нападения на американские корабли с воздуха самолеты, которыми управляли летчики-смертники (“камикадзе”). Не изменив принципиально ход войны, они тем не менее увеличили продолжительность отдельных сражений и число американских потерь, помогли отодвинуть окончание войны до 1945 г. и подготовили условия для кровавых схваток на островах Иводзима и Окинава.

Военные неудачи и политический кавардак в Китае в 1944 г. также стали причиной затягивания сроков окончательной победы. В этом же году массированные воздушные налеты, за которые решительно ратовали американский генерал ВВС Клэр Ченнолт и Чан Кайши и которым противился Стилуэлл, завершились стремительным наступлением японских сухопутных войск в Китае; в результате ими были захвачены военно-воздушные базы и возник серьезный дипломатический и военный кризис. Хотя в ноябре Чан Кайши удалось добиться отзыва Стилуэлла (к тому времени он утратил всякую веру в Чан Кайши и хотел предпринять попытку сотрудничества с китайскими коммунистами), военные неудачи, имевшие место в Китае в 1944 г., побудили КНШ к меньшим усилиям на этом театре войны и к оказанию большего внимания Тихоокеанскому региону и проблеме скорейшего вступления Советского Союза в войну на Дальнем Востоке; это удалось в феврале 1945 г. на конференции руководителей трех союзных держав в Ялте, где Сталин обещал, что СССР вступит в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе³⁰.

Несмотря на упорное сопротивление стран “оси”, 1945 год ознаменовался быстрыми победами на всех театрах военных действий. В марте американские войска сумели захватить неповрежденный мост через Рейн у города Ремаген. Используя благоприятную возможность, Эйзенхауэр изменил первоначальные планы, которые предусматривали наступление Монтгомери в северном направлении, и вместо этого предоставил возможность американским войскам продвинуться дальше к югу. Когда Монтгомери через две недели переправился через Рейн, англо-американские войска смогли взять в плен 350 тыс. немецких солдат в Рурской области, и их передовые отряды уже пересекали центральные провинции Германии. После еще одних жарких дебатов с Британией Эйзенхауэр вместо британских планов наступления на Берлин ограничил продвижение американских войск на юго-восток, к реке Эльбе, предоставив Красной Армии брать немецкую столицу. При этом он исходил из соображений как политического, так и военного характера. По его мнению, город уже не имел стратегического значения и не стоил больших американских потерь в живой силе и технике, тем более что Соединенные Штаты уже закрепили за собой на Ялтинской конференции конкретную оккупационную зону. Кроме того, он хотел предотвратить возможное и потенциальное катастрофическое столкновение с наступающими частями Красной Армии, а также помешать вероятному отступлению Гитлера в Баварские Альпы, которое было бы чревато неприятными последствиями. Американские и советские войска встретились в Торгау на Эльбе 25 апреля. Через две недели Германия капитулировала³¹.

Конец войны на Тихом океане наступил почти так же быстро. В то время как Макартур вновь занял Филиппины в ходе кампании, в которой участвовало 250 тыс. человек, Нимиц со своими войсками продвинулся на север, приблизившись к Японским островам на расстояние полета бомбардировочной авиации. В феврале американцы понесли самые тяжелые потери за все время боев в войне на Тихом океане. При взятии острова Иводзима 25 тыс. засевших в траншеях японских солдат убили 8 тыс. и ранили 20 тыс. наступающих американцев и сражались буквально до последнего человека. Вторжение на Окинаву в июне 1945 г. было сопряжено с еще большими жертвами. В сражении с более чем 100 тыс. японских солдат и сотнями камикадзе американцы потеряли 12,5 тыс. человек убитыми; кроме того был потоплен 21 и повреждены 67 кораблей. И всё-таки в обоих случаях США одержали убедительную победу, и с марта по июль, используя в качестве опорных пунктов вновь захваченные на Тихом океане острова, совершали массированные воздушные налеты на японские города, не встречая сопротивления и убивая сотни тысяч мирных жителей.

6 августа 1945 г. была сброшена первая атомная бомба на Хиросиму, которая унесла жизни 135 тыс. гражданских лиц. Эта акция имела целью потрясти не только японцев, но и советских руководителей, трения с которыми все усиливались. Через два дня Советский Союз объявил войну Японии, а 9 августа американцы сбросили вторую атомную бомбу на Нагасаки. Уже в течение нескольких месяцев военное поло-

жение Японии являлось безнадежным. Августовские события наглядно показали, насколько оно в самом деле безнадежно, и 14 августа, через 5 дней после вступления СССР в войну на Дальнем Востоке, Япония приняла американские условия капитуляции³².

Несмотря на успехи американских военных усилий, направленных на достижение победы над державами “оси”, стратегия США и после 1945 г. в течение многих лет оставалась объектом интенсивной критики и споров. Многие явились простым продолжением тех разногласий, которые существовали еще во время войны. Англо-американские дебаты по поводу европейской стратегии возобновлялись в послевоенные годы на страницах мемуаров многих бывших непосредственных участников событий, нашли отражение в сочинениях их биографов, в трудах историков этих стран³³. По сей день идут жаркие дискуссии о преимуществах “прямого” подхода США по сравнению с “косвенным” подходом Великобритании, а также о том, можно ли было осуществить вторжение через Ла-Манш в 1942 или 1943 г. и почему эта операция откладывалась до 1944 г., имели ли какое-то серьезное значение военные кампании в Северной Африке и в Италии, нужно ли было союзникам высаживаться в Южной Франции, насколько правильной оказалась концепция “широкого фронта” Эйзенхауэра и его решение обойти стороной Берлин. Сторонники британской стратегии доказывают, что американский подход был слишком расточительным и не учитывал важные политические цели, а защитники стратегии США утверждают, что подход англичан не обеспечивал победы, угрожал развалить столь необходимый союз и удовлетворял прежде всего английские, а не американские политические интересы.

Аналогичные споры продолжались после войны и относительно военных операций в Тихоокеанском регионе. В выпадах Макартура против руководства ВМС, касающихся исторических заслуг и правильности изложения фактов, отразились схватки военного периода за верховенство и материально-технические средства. Для сторонников Макартура его военная кампания — это образец того, что можно сделать, искусно маневрируя небольшими силами, а действия военно-морских сил в центральной части Тихого океана достойны осуждения за их прямоту и очевидность для противника, что привело к тяжелым потерям. Те же, кто поддерживает ВМС, заявляют, что военные операции Нимица решили исход войны, а осуществлявшиеся Макартуром не имели значения. Успехи обеих кампаний и тот факт, что наступление по двум направлениям постоянно ставило японцев в тупик относительно следующих ходов США, несколько смягчали остроту полемики, однако многие историки по-прежнему критикуют какую-нибудь одну или сразу обе стороны двойной наступательной кампании, считают ее ненужной, поскольку, мол, она лишь отвлекала ресурсы от войны с Германией³⁴.

Подобные же и еще более ожесточенные споры ведутся в связи со стратегическими бомбардировками Германии и Японии. Защитники этих мер напоминают, что таким образом удалось оттянуть с фронта и уничтожить немецкую авиацию, разрушить нефтяную промышленность Германии и ускорить капитуляцию Японии. Их оппоненты указы-

вают на увеличение выпуска военной продукции в Германии в период войны, на высокий уровень морали гражданского населения, несмотря на бомбежки и расходование огромных ресурсов США на операции второстепенного значения, несмотря на очень высокие потери среди летного состава во время рейдов над Германией и на то, что безнравственно уничтожать мирных людей с помощью зажигательных или атомных бомб³⁵.

Не умолкают критика и споры, связанные со стратегией США военного периода по отношению к Китаю. Крайне негативная реакция внутри страны на победу в 1949 г. в китайской гражданской войне коммунистических сил под руководством Мао Цзэдуна вылилась в яростные нападки на военную и внешнюю политику США во время второй мировой войны, приведшую к "потере" Китая. С нормализацией в 70-е годы американо-китайских отношений подобных упреков стало меньше, их заменила теперь критика в адрес американских политических деятелей за отказ от сотрудничества с Мао Цзэдуном во время и после войны³⁶.

Атаки 50-х годов на китайскую политику США по существу были частью более широкого, характерного для периода холодной войны осуждения всей американской стратегии, политической линии и взаимоотношений между гражданскими и военными ведомствами в годы второй мировой войны. В поисках причин советско-американских конфликтов в тот же период и множества поражений и неудач, которые пришлось пережить Соединенным Штатам в холодной войне, многие критики склонны возлагать вину на Рузвельта, на КНШ, на таких военачальников, как Эйзенхауэр и Стилуэлл, которые якобы разрабатывали стратегию, исходя из "чисто военных" соображений, без учета необходимости блокировать советскую экспансию в послевоенном мире. Забвение положения Клаузевица о том, что война есть продолжение политики, говорили они, имело для США в послевоенную эру крайне негативные последствия³⁷.

Мы попытались показать, что стратегия США редко формулировалась в политическом вакууме или на основании "чисто военных" соображений. И президент, и американское военное руководство никогда не упускали из виду политические факторы и постоянно учитывали их при военном планировании. Более того, они часто играли решающую роль при определении стратегии США. Однако политические факторы времен второй мировой войны значительно отличались от тех, которые возникли после успешного ее завершения. Если иметь в виду наиболее важные из них, которые существовали во время войны, а именно необходимость в получении общественной поддержки и в обеспечении сотрудничества между отдельными видами вооруженных сил и между участниками Большого союза, то нужно сказать, что глобальная стратегия США оказалась на редкость успешной, она помогла добиться максимальных результатов при минимальных людских потерях, хотя такой итог совсем не совпадал с расчетами 1940-1941 гг.

¹ Наиболее полное и детальное описание см. в серии официальной истории: United States Army in World War II. Wash., D.C., 1947-1985. Vol. 1-79. См. также: *Morison S.E.* History of United States Naval Operations in World War II. Boston, 1947-1962. Vol. 1-15; Army Air Forces in World War II/Eds. W.F.Craven, J.L. Cate. Chicago, 1948-1958. Vol.1-7; History of U.S. Marine Corps Operations in World War II. Wash., D.C., 1958-1971. Vol. 1-5. Большая часть обширной документации, положенной в основу этих трудов, находится в Национальном архиве США в Вашингтоне.

² *Millet A.R., Maslowski P.* For the Common Defense: A Military History of the United States of America. N.Y., 1984. P. 408-412; The United States Armed Forces in the Second World War//Military Effectiveness/Eds. A.R.Millet, W.Murray. Vol. 1-3. Boston, 1988. Vol. 3. P. 47-52.

³ *Morton L.* War Plan "Orange": The Evolution of a Strategy// World Politics. № 11. 1950. Jan. P. 221-250; Germany First: The Basic Concept of Allied Strategy in World War II//Command Decisions/Ed. K.R.Greenfield. Wash., D.C., 1960. P. 11-25; The War in the Pacific: Strategy and Command. The First Two Years//U.S. Army in World War II. P. 21-44, 67-72. Новейшее исследование см.: *Miller E.S.* War Plan ORANGE. Annapolis, 1991.

⁴ См. сноску 3; JB 305 with JPC Development File, Serial 573, RG 225, NA; *Greene F.* The Military View of American National Policy, 1904-1940//American Historical Review. № 66. 1961. Jan. P. 366-376; *Weigley R.F.* The Role of the War Department and the Army//Pearl Harbor as History: Japanese-American Relations. 1931-1941/Eds. D.Borg, Sh.Okamoto. N.Y., 1973. P. 172-175; *Heinrichs W.H., Jr.* The Role of the United States Navy//Ibid. P. 201-203.

⁵ *Emerson W.* Franklin D. Roosevelt as Commander-in-Chief During World War II//Military Affairs. № 22. Winter. 1958/59. P. 183-188; *Watson M.S.* Chief of Staff: Prewar Plans and Preparations//U.S.Army in World War II. P. 105-118; *Haglund D.G.* George C.Marshall and the Question of Military Aid to England, May-June, 1940//Journal of Contemporary History. № 15. 1980. Oct. P. 745-760; *Brune L.H.* The Origins of American National Security Policy: Sea Power, Air Power and Foreign Policy, 1900-1941. Manhattan, Kans., 1981. P. 62-63, 106-16; *Dallek R.* Franklin D.Roosevelt and American Foreign Policy, 1932-1945. N.Y., 1979. P. 212-58; *Morton L.* Strategy and Command. P. 74-80.

⁶ *Morton L.* Germany First. P. 34-38; *Idem.* Strategy and Command. P. 81-83; *Lowenthal M.M.* The Stark Memorandum and American National Security Process, 1940//Changing Interpretations and New Sources in Naval History/Ed. R.W.Love, Jr. N.Y., 1980. P. 352-361; Roosevelt and the Coming of the War: the Search for United States Policy, 1937-1942//The Second World War: Essays in Military and Political History/Ed. W.Laqueur. L., 1982. P. 60-62; Leadership and Indecision: American War Planning and Policy Process, 1937-1942. N.Y., 1988. P. 386-475.

⁷ *Morton L.* Strategy and Command. P. 84-91; *Matloff M., Snell E.M.* Strategic Planning for Coalition Warfare, 1941-1942//U.S.Army in World War II. P. 32-48.

⁸ JB 355, Serial 707, RG 225, NA; *Sherwood R.* Roosevelt and Hopkins: An Intimate History. Rev. ed. N.Y., 1950. P. 410-418; *Watson M.S.* Chief of Staff. P. 331-366; Army Air Forces in World War II. Vol. 1. P. 131-132, 146-147.

⁹ *Matloff M.* Allied Strategy in Europe, 1939-1945//Makers of Modern Strategy: From Machiavelli to the Nuclear Age/Ed. P.Paret. Princeton, N.J., 1986. P. 679.

¹⁰ *Matloff M., Snell E.M.* Strategic Planning, 1941-1942. P. 29-30.

¹¹ *Sherwood R.* Roosevelt and Hopkins. P. 415; *Watson M.S.* Chief of Staff. P. 331-366; *Kirkpatrick Ch.E.* An Unknown Future and a Doubtful Present: Writing the Victory Plan of 1941. Wash., D.C., 1990. P. 125-138; *Weigley R.F.* The American Way of War: A History of United States Military Strategy and Policy. N.Y., 1973. P. 316-317.

¹² Henry L.Stimson Diary, 25-26 Sept. 1941//Stimson Papers, Yale University, New Haven, Conn.

¹³ См. главу 4 и: Foreign Relations of the United States (далее —FRUS). Wash., D.C., 1862—: The Conferences at Washington and Casablanca.

¹⁴ *Davis V.E.* The History of the Joint Chiefs of Staff During World War II: Organizational Development. Vols. 1-2; RG 218, NA; *Hayes G.P.* The History of the Joint Chiefs of Staff in World War II: The War Against Japan. Annapolis, 1953, 1982.

- ¹⁵ *Pogue F.C.* George C. Marshall. N.Y., 1966. Vol. 1. P. 248-59; Vol. 2. P. 82-83, 289-298; Vol. 3. P. 585.
- ¹⁶ *James D.C.* American and Japanese Strategies in the Pacific War//Makers of Modern Strategy. P. 722-723.
- ¹⁷ *Chandler A.D., Jr.* The Papers of Dwight David Eisenhower: The War Years. Vols. 1-5. Baltimore, 1970. Vol. 1. P. 149-155, 205-208; *Matloff M., Snell E.M.* Strategic Planning... 1941-1942. P. 177-187, 383.
- ¹⁸ FRUS, 1942. Vol. 3. P. 594. См. также гл. 15.
- ¹⁹ *Stoler M.A.* The "Pacific-First" Alternative in American World War II Strategy//The International History Review. № 2. 1980. July. P. 432-442; *Steele R.W.* The First Offensive, 1942; Roosevelt, Marshall and the Making of American Strategy. Bloomington, 1973.
- ²⁰ *Matloff M., Snell E.M.* Strategic Planning... 1941-1942. P. 389-390.
- ²¹ *Matloff M.* Strategic Planning for Coalition Warfare, 1943-1944 P. 106//U.S. Army in World War II.
- ²² *Stimson H.L., Bundy McG.* On Active Service in Peace and War. N.Y., 1948. P. 429-430.
- ²³ *Tuchman B.* Stilwell and the American Experience in China. 1911-1945. N.Y., 1971. P. 256-414; *Schaller M.* The U.S. Crusade in China. 1938-1945. N.Y., 1979. P. 87-145.
- ²⁴ *Hayes G.P.* History of the Joint Chiefs... P. 88-507; *James D.C.* The Years of MacArthur. Vols. 1-3. Boston, 1975. Vol. 2. P. 157-374.
- ²⁵ *Millett A.R., Maslowski P.* For the Common Defense... P. 433.
- ²⁶ FRUS: Washington and Quebec; *Matloff M.* Strategic Planning... 1943-1944. P. 1-76, 106-184, 211-269; *Beitzell R.* The Uneasy Alliance: America, Britain, and Russia, 1941-1943. N.Y., 1972. P. 76-123; *Stoler M.A.* The Politics of the Second Front: American Military Planning and Diplomacy in Coalition Warfare, 1941-1943. Westport, Conn., 1977. P. 74-85, 92-116.
- ²⁷ См. источники в прим. 26 и FRUS: Cairo and Tehran.
- ²⁸ *Matloff M.* The 90-Division Gamble//Command Decisions. P. 365-381.
- ²⁹ *Blumenson M.* General Lucas at Anzio//Command Decisions; *Matloff M.* The Anvil Decision//Ibid. P. 323-350, 383-400.
- ³⁰ *Tuchman B.* Stilwell... P. 455-509; *Schaller M.* U.S. Crusade... P. 147-230; *Spector R.* Eagle Against the Sun. The American War With Japan. N.Y., 1984. P. 365-381; *Hayes G.P.* The History of the Joint Chiefs. P. 645-652, 668-685.
- ³¹ *Ambrose St.* Eisenhower and Berlin: The Decision to Halt at the Elbe. N.Y., 1967.
- ³² *Spector R.* Eagle Against the Sun. P. 487-561; *Sherwin M.* A World Destroyed The Atomic Bomb and the Grand Alliance. N.Y., 1975.
- ³³ *Higgins T.* The Anglo-American Historians' War in the Mediterranean, 1942-1945//Military Affairs № 34. 1970. Oct. P. 84-88.
- ³⁴ *Spector R.* Eagle Against the Sun, vs. Calvoceossi P., Wint G., Pritchard J. Total War: The Causes and Courses of the Second World War. Vols. 1-2. N.Y., 1989. Vol. 2. P. 1073-1087.
- ³⁵ Army Air Forces... Vol. 2 P. 3; *MacIsaac D.* Strategic Bombing in World War II: The Story of the United States Strategic Bombing Survey. N.Y., 1976; *Schaffer R.* Wings of Judgement: American Bombing in World War II. N.Y., 1985; *Sherry M.S.* The Rise of American Airpower: The Creation of Armageddon. N.H., Conn., 1987. P. 116-300.
- ³⁶ Сравним, например, книги Кубека и Шаллера: *Kubek A.* How the Far East Was Lost: American Policy and the Creation of Communist China, 1941-1949. Chicago, 1963; *Schaller R.* U.S. Crusade in China.
- ³⁷ *Baldwin H.W.* Great Mistakes of the War. N.Y., 1949; *Huntington S.P.* The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relationships N.Y., 1957. P. 315-344.

4. Коалиция:

СТРУКТУРА, СТРАТЕГИЯ, РУКОВОДСТВО

Т.А. Уилсон и другие

С британских плакатов второй мировой войны смотрел Черчилль с упрямо выдвинутой вперед нижней челюстью на фоне вереницы танков “Матильда”, над головой истребителя “Спитфайр”, на горизонте — силуэты боевых кораблей; надпись гласила: “Пойдем вперед вместе”. Часто принимаемое за призыв к сомнительному единению английского народа, это изречение Черчилля отражало и идеал союзнической солидарности в эпохальной битве со странами “оси”. Реальная деятельность коалиции времен второй мировой войны, в которую входили Британская империя, Соединенные Штаты и Советский Союз, была значительно менее волнующей. Она состояла из поделенных среди главных участников неравными долями высокопарной риторики и неискренних или невыполнимых обещаний, нередко из очень скупого обмена информацией и боевой техникой. И тем не менее с огромными жертвами и с трудом осуществляемой, но все же весьма примечательной координацией военных усилий этому странному триумвиату удалось сокрушить главного врага — нацистскую Германию, а затем в ожесточенной схватке и других участников “оси”.

Союзническая коалиция, вызванная к жизни недальновидными акциями противников, преследовала в основном негативные цели и функционировала по необходимости, сохраняя хорошую мину. Одновременно давление обстоятельств побудило заключить целый ряд соглашений, чтобы поддержать и укрепить взаимодействие между тремя союзниками. Создалось даже впечатление, что такие зародышевые многонациональные организации, как Штаб союзных сил в Северной Африке, Объединенный совет по военным заказам и распределению военной продукции, как Объединенный разведывательный комитет, со временем преобразуются в полностью интегрированные службы с наднациональным оформлением. Разумеется, склонность к сотрудничеству и “союзнический менталитет” не заразили всех членов коалиции в равной степени. Координация между Великобританией и Соединенными Штатами была значительно более широкой и интенсивной, чем между этими обоими государствами и СССР.

Неправильные представления, сложившиеся в тот период, когда каждая из трех стран шла своим путем, полная недоверия и даже откровенно враждебная к своим будущим партнерам, сильно тормозили эффективное сотрудничество. История союзнической коалиции — это рассказ о расчлененных действиях и неожиданных результатах. Относительный вклад каждого партнера в дело сперва обороны, а затем и победы, определялся той ситуацией, в которой он находился в момент вхождения в коалицию. Постепенно возникла асимметричная связь под влиянием обстоятельств, а также преднамеренно в рамках администра-

тивной структуры, созданной для содействия межсоюзническим отношениям и дискуссиям в коалиционных комитетах по вопросам стратегии, для совершенствования искусства управления и оказания помощи открытым и тайным военным операциям, которые осуществлялись партнерами этого Большого союза. Думать об англо-советско-американских отношениях в период войны как об альянсе равных не имеет смысла вплоть до весны 1944 г., когда начался непрерывный ряд внушительных побед. С этого момента и до конца войны уже преобладали определенная симметрия и подлинное сотрудничество. Ничего похожего не наблюдалось между тремя союзниками во время кратковременного участия СССР в войне против Японии.

Период от начала войны и до вступления в нее СССР и Соединенных Штатов был отмечен большими потрясениями, странными поворотами судьбы и неожиданными перегруппировками сил. Оглядываясь назад на эти бурные два года, невольно задаешься интригующим вопросом: а что, если бы антигитлеровская коалиция была создана до возникновения войны в Европе? Насколько по-другому могли бы сложиться союзническое взаимодействие и общая программа ведения войны¹? Кардинальное значение имел выбор времени. Если бы вторая мировая война началась с объявления состояния войны между странами "оси" и государствами, которые в конце концов образовали союзническую коалицию, возможно, последние более разумно с практической точки зрения распределили бы свои усилия: Россия обеспечила бы основную массу военной силы; Великобритания оказала бы поддержку военноморскими и военно-воздушными силами, своими судостроительными и судоремонтными мощностями, вооружением и солидным наращиванием наземных армий; Соединенные Штаты снабжали бы своих союзников военным снаряжением и техникой, направляя на театры войны в основном боевые самолеты и корабли, и только в Тихоокеанском регионе были бы задействованы значительные сухопутные войска. Но случилось так, что процесс образования коалиции затянулся и шел хаотично, а предположения, которые, как позднее обнаружилось, были неуместными или ошибочными, еще долго продолжали оказывать свое влияние.

Но даже если бы одержавшая победу коалиция уже существовала к началу войны, едва ли антагонизм предшествовавших двух десятилетий мог бы быть сразу преодолен. Ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не испытывали желания способствовать созданию военного гиганта, Красной Армии, не имея существенного мощного противовеса, а Сталин вряд ли согласился бы полностью полагаться на западные демократии в таком важном деле, как материально-техническое обеспечение своих вооруженных сил. Объективные географические и политические факторы неизбежно делали любое объединение ресурсов и координацию стратегий ограниченными, эпизодическими и обусловленными национальными представлениями о сравнительных преимуществах.

В 1940 г., потерпев неудачу в попытках сдержать германские амбиции, Великобритания оказалась в одиночестве и перед необходимостью предпринять военные усилия, для которых у ее руководства не было ни

энтузиазма, ни способностей. Можно было либо, экономя быстро уменьшавшиеся ресурсы, вести ограниченную войну, которая, по всей вероятности, завершилась бы соглашением о мире с нацистской Германией, либо использовать те же самые ресурсы в полной мере, стараясь продержаться до того момента, когда Соединенные Штаты вступят в войну; и Черчилль поставил на американскую карту. Это намерение ясно видно, если очистить от риторики известную речь Черчилля, произнесенную 4 июня 1940 г. (“Новый свет... придет на помощь и освободит Старый Свет”²). Год спустя он добавил к перечню спасителей и СССР, хотя свои истинные чувства на этот счёт он, узнав о нападении Германии на Советский Союз, выразил следующим образом: “Если бы Гитлер вторгся в ад, он (Черчилль — *Ред.*) по меньшей мере помянул бы добрым словом дьявола”³.

В течение 18 месяцев (между Дюнкерком и Пёрл-Харбором) Великобритания поставила на карту свое будущее как великой державы, заключила неофициальный союз с Соединенными Штатами и обнаружила, что ее спасение зависит от непредсказуемой стойкости России. Главная цель, к которой стремился Черчилль, — побудить Америку вступить в войну в качестве верного союзника Великобритании. Он полагал, что между ним и Франклином Делано Рузвельтом установились единственные в своем роде личные отношения; важно отметить, что англо-американский аспект союзнической коалиции представлял собой стремление институционализировать личную связь между двумя лидерами. И Черчилль, и Рузвельт считали личную дипломатию весьма плодотворной. Многие принципиальные решения были приняты в ходе прямого обмена мнениями между президентом и бывшим военным моряком (титул, который присвоил себе Черчилль, став премьер-министром Великобритании)⁴.

С этого момента (май 1940 г.) обмен мнениями между ними сделался необходимым каналом связи двух правительств. Правда, их диалог не выходил за рамки определенных, хотя официально и не обозначенных, границ, а интенсивность обменов зависела от политических условий. Несмотря на то, что Черчилль любил подчеркивать наличие между ним и Рузвельтом “особых отношений”, они никогда не были столь близкими, как уверял английский премьер, и президент никогда не был ревностным англофилом, каким его пытался представить Черчилль⁵. И если оба западных лидера не установили с Иосифом Сталиным таких же непринужденных отношений, то все же после 1943 г. три лидера достигли сравнительной уравновешенности в контактах. Большинство историков полагают, что взаимная расположенность Рузвельта и Черчилля достигла наивысшей точки на конференции в Касабланке. Можно оспаривать высказываемое подчас мнение, что они максимально сблизились уже на первой встрече в августе 1941 г., т.е. еще до того как вступление Америки в войну принесло в данное уравнение новые элементы⁶.

Второй причиной, обусловившей ту самую организационную структуру, которая в дальнейшем определила характер англо-американского сотрудничества, явились различные деловые переговоры между англичанами и американцами, проведенные в 1940-1941 гг. с целью подкреп-

ления американских инициатив в деле оказания помощи Великобритании. Но и здесь, вероятно, можно обнаружить корни различий во взглядах на “сотрудничество”, характерных для коалиции. Необычайно быстро принятый Рузвельтовский закон о ленд-лизе гарантировал союзникам приобретение в нужном количестве оружия, военных материалов и услуг. Однако закон о ленд-лизе не смог полностью устранить тот ущерб, который понесла Великобритания, когда сражалась в одиночку. Англичане длительное время поддерживали идею “пула”, что в теоретическом плане означало объединение всех наличных ресурсов каждого государства в общий котел; на их взгляд, это позволило бы создать наиболее эффективный механизм для ведения войны⁷. Американцы же не проявили заметного стремления отказаться от существования контроля над компонентами военной политики — будь то создание вооружений, определение структуры вооруженных сил и приоритетов в тылу и на фронтах или порядка подчинения лиц командного состава.

Началом координации англо-американских усилий следует считать не переговоры между представителями военно-морских сил и эпизодические высказывания о желательности более широкого обмена технологиями, а прежде всего события лихорадочных недель, последовавших за падением Франции⁸. Британская закупочная комиссия взяла под свой контроль все заказы на вооружение и другие военные материалы, размещенные в Северной Америке, и, как следствие, из Лондона посыпались требования о предоставлении информации, касавшейся производственного процесса, технических спецификаций американских вооружений, а однажды даже прямой заказ на строевой устав армии США. В течение следующего года значительное число британских служащих, занимавшихся закупками, сбором информации и “рекламой” в ее открытой и скрытой форме, основали в Вашингтоне и Нью-Йорке свои конторы. Действуя за кулисами, они из всех сил старались укрепить связи и военное сотрудничество с официальными представителями государства, всё еще уютно пребывавшего в мире⁹.

Британское правительство также настаивало на секретных переговорах штабов, имея в виду координацию стратегии и что-то вроде межгосударственного административного аппарата на случай вступления США в войну. Эти усилия увенчались отправкой в августе 1940 г. в Великобританию миссии Эммонса—Стронга и одновременно назначением адмирала Роберта Л.Гормли “специальным военно-морским наблюдателем” при американском посольстве в Лондоне¹⁰.

Исподволь США приступили к пересмотру своей стратегии, начав с подготовки начальником главного морского штаба Гарольдом Р. Старком плана “Дог”, составления меморандума о секретных переговорах с англичанами “АВС-1” весной 1941 г., а также плана “Рейнбоу-5”, которые предусматривали оборонительную тактику против Японии и концентрацию боевых сил на Атлантическо-Европейском театре войны с целью нанесения поражения Германии¹¹.

Соглашение “АВС-1” стало основным документом, определившим англо-американскую стратегию. Но оно не разрешило главные противоречия, касавшиеся целей и замыслов. Планы Великобритании предус-

матривали ведущую роль США в области финансирования войны и производства военного снаряжения и техники, участие американского военно-морского флота, а также “косвенную” стратегию: путем воздушных бомбардировок, блокады и ограниченных боевых операций в Северной Африке и в бассейне Средиземного моря “сжимать кольцо” вокруг нацистской Германии¹².

Стратегия Великобритании обуславливалась ее исторической приверженностью методу не прямых действий, ограниченными людскими и материальными ресурсами, необходимостью защищать раскинувшуюся по всему земному шару империю, а также стремлением избежать катастрофических потерь от окопной войны, подобных понесенным в 1914–1918 гг. Все эти факторы персонафицировались в деятельности человека, которому предстояло отстаивать британскую стратегическую концепцию на протяжении всей войны; здесь мы имеем в виду премьер-министра Уинстона С. Черчилля¹³.

В 1941 г., а также в продолжение по меньшей мере еще двух лет почти все британские предложения и стратегические концепции наталкивались на возражения американцев. Будучи ревностным сторонником теории Мэхена, с недавних пор поверившим в необходимость мощной стратегической авиации, сам Рузвельт нашел стратегию “косвенного” воздействия на противника и ограниченной войны весьма привлекательной¹⁴. Однако его военные советники воспротивились; они назвали подход Великобритании неразумным с военной точки зрения — попирается главный принцип, согласно которому войну выигрывают путем уничтожения вражеских вооруженных сил, — и политически мотивированным. В пользу их доводов говорила давняя военная традиция США, в которой делался упор на подавляющее превосходство в живой силе и технике, на прямой подход, на уничтожение, а не на изматывание противника. Важную роль сыграло и сильное подозрение относительно истинных намерений Великобритании¹⁵.

Британская решимость преодолеть американское местничество составляла главный элемент усилий по выработке в 1941 г. “скоординированной программы”, в которой определялись объем американской военной продукции — текущей и будущей — и порядок ее распределения. Итогом британского давления стали попытки организации межведомственного сотрудничества, которые привели к созданию Объединенного комитета начальников штабов США (КНШ) и главного органа, координировавшего англо-американские военные действия, — Объединенного комитета начальников штабов США и Великобритании (ОКНШ)¹⁶.

Рамки деятельности ОКНШ были установлены в ходе дискуссий при подготовке соглашения “АВС-1”. Американские участники переговоров в отличие от “более разумно организованной” британской делегации на подготовительных заседаниях появлялись по отдельности и высказывались только как представители своего вида вооруженных сил¹⁷. Члены делегации США упорно отрицали необходимость общего англо-американского руководства. Достаточно, мол, простого сотрудничества и ограниченной координации, а идея “единого централизованного командования” неприемлема¹⁸.

Англичане же, напротив, “воспитанные на примерах своего отлично организованного и интегрированного Комитета начальников штабов и организации военного кабинета” выступали за “наиболее тесное взаимодействие на всех уровнях... между Соединенными Штатами и Соединенным Королевством”. Предложенная ими административная схема предусматривала создание каждой стороной в столице другого участника коалиции военно-политической миссии, уполномоченной говорить от имени своего правительства. Англичанам также виделось что-то вроде “Верховного военного совета”, который направлял бы политические и военные усилия союзников¹⁹. В этих предложениях отразилось абсолютное непонимание американской управленческой структуры и, возможно, преувеличенное представление об американской исключительной приспособляемости к чрезвычайным условиям войны. Во всяком случае подобные предложения не вошли в окончательный документ “ABC-1”²⁰.

Правда, “Верховный военный совет” в нем упоминался, но ничего не было сказано о механизме его функционирования, обеспечивающем непрерывное взаимодействие. Вне всякого сомнения, сказались воспоминания об опыте генерала Першинга в первую мировую войну и американский законодательный шовинизм²¹. Тем не менее в “ABC-1” подтверждалось, что два государства будут вместе осуществлять “согласованную” большую стратегию. Постепенно, в ходе практической реализации договоренностей военные руководители США мало-помалу усвоили британскую терминологию (“объединенный”, “совместный”) и до известной степени стиль британской штабной работы. На протяжении всей войны шли споры о том, в какой мере, если вообще следует, принести в жертву национальную самостоятельность ради успешного решения коалиционных задач.

Во время дискуссии вокруг “ABC-1” отчетливо проявилось отсутствие всякой согласованности между видами вооруженных сил США. Поэтому исподволь развернулась ожесточенная борьба во имя создания эффективного механизма сотрудничества между армией (а с июня 1941 г. и армейской авиацией) и военно-морскими силами²². Выработанное в конце концов бюрократическое временное соглашение продержалось всю войну и обеспечивало представителям образованной 9 июля 1941 г. Британской объединенной военной миссии возможность прямых контактов с начальником главного морского штаба и начальником штаба сухопутных войск США, а впоследствии и с начальником штаба армейских военно-воздушных сил генералом Генри Арнольдом²³. Этим договоренностям придала дополнительный вес Атлантическая конференция, состоявшаяся в августе 1941 г., которая впервые свела за одним столом армейское и военно-морское руководство обоих государств. И хотя по вопросам стратегических приоритетов возникли острые разногласия, американские и британские руководители получили отличную возможность познакомиться со своими коллегами и оценить их достоинства²⁴.

Меры, принимавшиеся британским правительством по реорганизации и укреплению своего представительства в Вашингтоне, совпадали с такими же усилиями военных представителей США (официально име-

новавшимися “специальными наблюдателями”) в Великобритании. И хотя главы армейской и военно-морской миссий действовали раздельно и почти не соприкасались с американскими уполномоченными в Лондоне по осуществлению закона о ленд-лизе, не было сомнений в том, что группа специальных наблюдателей США выполняла те же самые функции, что и Британская объединенная военная миссия, и представляла собой ядро американской штаб-квартиры на театре войны²⁵.

Когда нацистская агрессия вынудила Советский Союз вступить в войну, то британских и американских должностных лиц уже объединяла сложная структура личных и организационных связей. В англо-американо-советских отношениях не было ничего похожего. Никто не думал о влиянии плана “Барбаросса” на коалиционную схему, ибо первоначальные пессимистические оценки способности Советского Союза выстоять против всеокрушающей мощи Германии помешали Лондону и Вашингтону увидеть в СССР полноправного партнера антигитлеровской коалиции²⁶. Премьер-министр Черчилль быстро одобрил назначение военной миссии в Советский Союз, и первые ее члены вместе с главой миссии генерал-лейтенантом Н. Месон-Макфарланом, бывшим военным атташе в Берлине, прибыли в Москву уже 27 июня 1941 г. Эта британская миссия не смогла выполнить своих главных задач — передать Советскому Союзу опыт, накопленный в ходе боев с немецкими войсками, и собрать информацию о действительном положении на Восточном фронте. Миссия была почти полностью отстранена от политических вопросов и оценки потребностей СССР в помощи²⁷.

В начале июля СССР направил в Лондон свою официальную миссию, которую возглавил генерал Ф. И. Голиков; его заместителем был адмирал Николай Харламов. Вскоре по прибытии на место Голикова вновь отозвали в Москву для инструктажа перед поездкой в Соединенные Штаты со списком советских заказов на вооружение и остро необходимые материалы²⁸. Под давлением Белого дома военное министерство стремилось организовать совместную работу с советскими представителями и даже запланировало показ им новых видов вооружений. Но разделяя широко распространенное мнение, что Красная Армия неминуемо потерпит поражение буквально через несколько месяцев, если не недель, министерство на деле предпочитало получать информацию от военного атташе США в Москве и от британских разведывательных служб.

Администрация Рузвельта с самого начала решила подходить к Советскому Союзу с особой меркой²⁹. В конце июля Гарри Гопкинс, доверенное лицо президента, вылетел в СССР для консультаций со Сталиным, и оптимистический доклад Гопкинса побудил Рузвельта и Черчилля согласиться на проведение в Москве трехсторонней конференции по вопросам материальной помощи. В первых числах августа советские, английские и американские официальные лица изучали предложение советского посла о создании “трехстороннего комитета” для координации распределения производимой тремя государствами военной продукции. Однако Великобритания в лице Жана Моннэ, заместителя руководителя Британской закупочной комиссии, заблокировала “конкретные пере-

говоры” и настояла на том, чтобы любое трехстороннее агентство ограничивалось бы только консультативными функциями³⁰. Делегация Бивербрука—Гарримана в октябре 1941 г. подтвердила, что к Советскому Союзу следует относиться как к особому объекту англо-американского внимания, а не рассматривать его в качестве партнера, с которым следует вести дела на равной основе.

Усилия, направленные на расширение связей между Москвой и Вашингтоном, постигла такая же участь. Трагическая гибель подполковника Таундсенда Гриффиса, посланного в СССР в ноябре 1941 г. для переговоров о маршрутах доставки американских самолетов в Советский Союз, еще раз подчеркнула трудности сотрудничества с союзником, столь удаленным не только географически, но и по другим параметрам³¹. Долгое время откладываясь, да так и не удавшаяся попытка учредить военную миссию США лишь усилила мнение военного министерства об изолированном положении их советского “союзника”.

Эти обстоятельства подготовили условия для еще одной асимметричной связи. В отличие от своих партнеров по коалиции, Соединенные Штаты так и не удосужились направить в Великобританию официальную военную миссию, а в Москве подобная американская миссия была аккредитована лишь в ноябре 1943 г.³². По мере того как война приобретала все более широкий размах, британские и американские должностные лица были вынуждены признать, что усилия по претворению в жизнь их различных вариантов “военных миссий как контрольных механизмов” не увенчались успехом. Только СССР в продолжение всей войны осуществлял свои коалиционные дела главным образом через военные миссии, которые дополнялись различными закупочными службами в Лондоне и Вашингтоне.

Трагедия Пёрл-Харбора не только придала официальный статус антититлеровской коалиции и многим уже налаженным межведомственным контактам, но и привела к неожиданному изменению конфигурации англо-американской координации в вопросах стратегии и материально-технического обеспечения. Логика подсказывала необходимость подтвердить и расширить существующие соглашения об использовании военных миссий в качестве основных каналов связи между Великобританией и США, а также координации действий Вашингтона, Лондона и Москвы. Между тем Черчилль, стремясь не допустить, чтобы США после внезапного нападения Японии отказались от своих обязательств в отношении Европы (и Великобритании), стал настаивать на немедленной встрече с президентом Рузвельтом, а также на встрече британского и американского начальников штабов.

На конференции “Аркадия” в Вашингтоне были приняты важные решения, касающиеся большой стратегии. Была подтверждена стратегия “Европа прежде всего”. На конференции имели место споры вокруг вопроса о “руководстве военными действиями” — глобальной структуре, которая должна была бы соответствовать региональным объединенным командованиям, обусловленным соглашением “АВС-1”. На какое-то время роли поменялись: Рузвельт упорно отстаивал идею пред-

лагаемого верховного военного командования — Объединенного комитета начальников штабов США и Британии³³.

Его совершенно не привлекло предложение обменяться представителями начальников штабов, направив их соответственно в Вашингтон и Лондон. Явно уступая общественному мнению и давлению специалистов планирования из государственного департамента, высказывавшихся за учреждение верховного военного совета наподобие того, который функционировал в годы первой мировой войны, президент предложил обосноваться Объединенному комитету начальников штабов в Вашингтоне, куда командующие различных театров войны направляли бы все свои запросы для последующей передачи “национальным” организациям союзников: британскому Комитету начальников штабов, Объединенному комитету начальников штабов США и генеральным штабам других союзников³⁴. Членами верховного военного совета могли бы стать США, Британская империя, Россия (она участвовала бы только в обсуждениях, касавшихся войны с Германией, так как имела с Японией договор о нейтралитете), Китай и, быть может, Нидерланды³⁵.

Великобритания воспротивилась этой наспех созданной схеме. Одной из причин были соображения шовинистического толка: “требование к командующим театрами военных действий докладывать только в Вашингтон означало бы, что повседневными операциями будут руководить оттуда”. Эта проблема затрагивала и налаживавшиеся между Великобританией и США “особые отношения”. Черчилль согласился лишь после того, как убедил президента в том, что контроль за текущими делами, осуществляемый “в интересах Соединенных Штатов” с помощью межсоюзнического совета, в который войдут по меньшей мере британские, американские, советские, китайские и, возможно, нидерландские представители, а также представители различных доминионов, может столкнуться с непреодолимыми трудностями. Вне всякого сомнения, Великобритания стремилась обеспечить англо-американский контроль за ходом войны. Это, доказывали англичане, в точности отражало бы объективные условия, т.е. тот факт, что Соединенное Королевство и США были единственными крупными державами, которые сражались со всем блоком стран “оси”, что их свобода действий и геополитическое положение выгодно отличались от “географически изолированных” СССР и Китая; кроме того, следовало учитывать важную роль США как поставщика военных материалов. Рузвельт уступил в данном вопросе 31 декабря, за день до подписания Декларации 26 государств (Декларации Объединенных Наций). Таким образом, независимо от того, желал ли Сталин иметь своего представителя в ОКНШ или нет, с ним все равно не посоветовались³⁶.

Еще одним решением, повлиявшим на структуру управления, стал недолговечный эксперимент с единым командованием в Юго-Западной части Тихого океана, так называемым командованием АВДА (по начальным буквам слов American-British-Dutch-Australian — *Ред.*). И снова англичане сперва высказались против данной концепции, но потом согласились, когда уяснили глубину американских интересов и когда командующим всех союзнических войск в этом регионе был назначен ге-

нерал сэр Арчибальд Уэйвелл. К сожалению, порядок подчинения не определили достаточно четко, и главный военный руководитель США на театре войны генерал Дуглас Макартур действовал так, будто Уэйвелла вовсе не существовало, и по все вопросам обращался непосредственно в Вашингтон (точно так же он поступал и с ОКНШ); победы японцев скоро сделали АБДА и вовсе ненужным.

В итоге ОКНШ поделил весь земной шар на отдельные оперативные регионы, которые Маршалл назвал “театрами” войны. Поскольку театры в бассейне Тихого океана были “преимущественно американскими”, ОКНШ постановил, чтобы распоряжения направлялись через Комитет начальников штабов США. Точно так же, поскольку силы в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке были “главным образом британскими”, то сообщения в ОКНШ должны были идти через британский Комитет начальников штабов. Следовательно, “только на Европейском театре войны старшие военачальники докладывали прямо в Объединенный комитет начальников штабов”³⁷. Подобная разумная практика продолжалась без всяких исключений в течение всей войны.

Изменившиеся условия сказались и на американском военном представительстве в Лондоне. Запланированная в качестве ядра будущей штаб-квартиры американских экспедиционных сил в Великобритании, американская миссия включала всего лишь генерала Чейни и с десяток офицеров, вооруженных весьма туманными инструкциями и зависимых во всем, в том числе и в средствах связи, от своих британских коллег. Думая о создании объединенных органов управления, Маршалл попросил начальника Оперативного управления штаба армии генерала Дуайта Д.Эйзенхауэра подготовить директиву для руководства будущим Европейским театром военных действий. Через несколько недель, в июне 1942 г., Эйзенхауэр сменил генерала Чейни и был назначен “командующим американскими войсками на Европейском театре военных действий”³⁸. Разработанную им организационную структуру следовало лишь с незначительными изменениями приспособить также для союзного командования на Североафриканском, Средиземноморском и Европейском театрах войны.

Альфред Д.Чандлер позднее заметил: «Из всех полевых командиров — союзнических или стран “оси” — Эйзенхауэру пришлось иметь дело с наиболее сложным объединенным и союзным командованием... На первом этапе войны только ему выпало руководить сведенными вместе воинскими частями различных союзных государств и разных видов вооруженных сил. Соединить вместе армейские и флотские боевые подразделения — достаточно сложное мероприятие для любого военачальника... Свести вместе три несовместимых элемента из разных государств в единое боеспособное целое — труднейшая задача, требующая новаторских решений и творческого воображения». Оппозиция идее “единого” командования оказалась довольно сильной, ибо англичане всегда предпочитали руководить военными кампаниями посредством комитета, в который входили представители всех видов вооруженных сил и родов войск. Американцы соглашались с таким подходом лишь в теории и в тот момент только в применении к “оперативно-тактическим

группам”, создаваемым для решения конкретных боевых задач³⁹. Неизбежно должен был возникнуть вопрос и о том, кому в первую очередь сохраняет верность офицер, работающий в составе такого многонационального органа военного руководства.

Дух подлинного сотрудничества, который царил в штаб-квартире Эйзенхауэра в Северной Африке и в несколько меньшей степени в бассейне Средиземного моря и в штабе Верховного Главнокомандования объединенными силами на Европейском театре войны, свидетельствовал о прочности коалиционных связей. Можно не сомневаться, что если бы осуществились первоначальные планы (например, планы отправки войск в Петсамо или на Кавказ), в соответствии с которыми британские и американские части были бы подчинены советскому оперативному командованию, то возникло бы множество сложных проблем для всех трех участников коалиции. Но получилось так, что объединенное командование почти до конца войны оставалось англо-американской проблемой.

Конференция “Аркадия” подтвердила англо-американское господство на всех уровнях коалиционных отношений, определила Вашингтон в качестве штаб-квартиры практически всех аспектов ведения войны и сделала Франклина Д.Рузвельта де-факто первым среди равных. Влияние и власть стекались через Атлантику в западном направлении. Политические и бюрократические силы каждого государства воздействовали на характер сотрудничества трех держав, однако с весны 1942 г. споры и дискуссии проходили уже во многом на американской почве, и в них находили отражение и соперничество Вашингтона, и национальные приоритеты.

Исходя из сложившихся реальностей, Великобритания продолжала увеличивать свое представительство в США. В разгар войны в британском армейском штабе работало более 400 офицеров и 500 других чинов, а общее число занятых в 45 пунктах, расположившихся по всей территории Северной Америки, превышало 1500 человек. Этот штаб образовался в результате слияния самостоятельных военных миссий, посланных в США в 1940-1941 гг. Первой в июле 1940 г. была так называемая “Танковая миссия Дьюара”, в которую вошли представители военного министерства и министерства снабжения; за ней в августе последовала миссия “Пакнем Уолш”, которой предстояло договориться о перевооружении британской армии после Дюнкерка. В январе 1941 г. военное министерство реорганизовало две эти группы в “военную миссию — 200”, которой поручило консультировать Британскую закупочную комиссию и поддерживать связь с военным министерством “по проблемам использования американского вооружения, необходимого британским войскам”.

В июле 1941 г. в США прибыли еще две военные миссии: “№ 29” (по вопросам разведки, под руководством генерал-лейтенанта сэра Колвилла Уимисса) и “№ 208” (из отдела Северной Америки управления главного квартирмейстера, под началом бригадного генерала Г.Р.Керра). Вскоре все три миссии объединили в Британский армейский штаб

(Вашингтон), в который вошло около 40 сотрудников миссии Уимисса. В последующие 9 месяцев «функции Британского армейского штаба существенно расширились и охватили практически все сферы взаимодействия между военным министерством Великобритании и министерством обороны США», а в июне 1942 г., когда руководство штабом перешло к генерал-лейтенанту Д.Н.Макриди, число работавших в нем сотрудников увеличилось до 150 человек. Он выполнял следующие функции: во-первых, обеспечивал британское военное представительство в ОКНШ и в различных объединенных комитетах и подкомитетах; во-вторых, поддерживал связь между военным министерством и министерством обороны США в вопросах, связанных с военной организацией, обучением личного состава, с исследованиями; в-третьих, оказывал повседневную практическую помощь Британской закупочной комиссии при формировании заказов на военное оборудование и получении разрядок от Объединенного совета по военным заказам и распределению продукции и от Канадского комитета по военным заказам; в-четвертых, заботился об отправке и техническом обслуживании канадской и американской техники и материалов, используемых британскими войсками на фронте. На первых порах Британский армейский штаб был организован как «обыкновенная штаб-квартира», однако в конце 1942 г. «дублирование и параллелизм» в деятельности Британской закупочной миссии и Британского армейского штаба в сфере приобретения, распределения и приемки оборудования побудили свести филиалы обеих организаций, занимающихся одними и теми же военными материалами, под единым военным руководством⁴⁰.

Англичанам все время приходилось преодолевать трудности, вызванные постоянными изменениями прав и обязанностей между штабом объединенных миссий и его главными филиалами, что объяснялось частыми перестановками личного состава и переменами в самих организациях. Существовала и извечная проблема координации. Например, 28 декабря 1942 г. Британский армейский штаб писал в военный кабинет: «Мы отмечаем, что вы обращаетесь непосредственно к Эйзенхауэру по вопросам, которые могут иметь для нас последствия». И поскольку Дилл настаивал перед военным министерством «на обеспечении обратной связи, касающейся политических проблем, то мы также просим доводить до нашего сведения ваши соображения»⁴¹. Разумеется, запутанные линии взаимных связей не в меньшей степени раздражали и американцев и русских.

Военные усилия русских до Сталинградской битвы были целиком сконцентрированы на том, чтобы выжить, и поэтому все их заботы касались ближайших потребностей. Вполне понятно, что внимание СССР к политическим проблемам коалиции заострилось с подписанием протоколов о поставках. В начале 1942 г. в Вашингтоне обосновалась советская Закупочная комиссия. Она поддерживала связь с различными ведомствами правительства США, имевшими отношение к ленд-лизу, и осуществляла общий контроль за порядком выполнения контрактов по поставкам и транспортировке грузов из Соединенных Штатов в СССР. Вопросами, связанными с британской программой военного снабжения,

занимались советская военно-морская миссия и советская экономическая миссия в Лондоне. К середине 1942 г. советские приемщики действовали на предприятиях, судоверфях и в портах по всей территории Северной Америки и в Великобритании.

Фактически в начале 1942 г. военное сотрудничество с Советским Союзом сводилось к закупкам и поставке товаров, приобретенных в соответствии с законом о ленд-лизе, к эпизодическим обменам разведывательной информацией и к переписке Черчилля, Рузвельта и Сталина, содержащей все более настойчивые советские требования об открытии второго фронта.

Пройдет не менее двух лет, прежде чем трем союзникам удастся выработать согласованную стратегию. Чрезвычайно успешное наступление держав "оси" весной—летом 1942 г. довело стратегический котел до высшей точки кипения. Продвигаясь в юго-восточном направлении, германские войска быстро вышли к Сталинграду на Волге и создали угрозу жизненно важным нефтяным промыслам на Кавказе. Одновременно немецкие и итальянские силы в Ливии, отразив британское наступление, перешли в контратаку, которая закончилась сдачей Тобрука и вывела германский Африканский корпус на ближайшие подступы к Суэцкому каналу. Бороздя воды западной Атлантики и Карибского моря, германские подводные лодки наносили огромный ущерб союзному флоту, создавая серьезную опасность англо-американским морским коммуникациям, имевшим жизненно важное значение для снабжения военными материалами союзников. В бассейне Тихого океана и в Юго-Восточной Азии японцы громили западные гарнизоны и создавали собственную империю. В условиях, когда Советский Союз и Китай находились на грани катастрофы, когда Индия, Австралия, Новая Зеландия и Гавайи оказались в пределах досягаемости японских вооруженных сил, объединение немецких и японских войск в Иране или Индии представлялось вполне возможным.

В этой критической ситуации американцы предложили прекратить паническую посылку войсковых частей в Тихоокеанский регион и сосредоточить усилия на Германии, как и предусматривалось документом "АВС-1". Специалисты по вопросам стратегии США категорически отвергли британскую концепцию не прямых действий и концентрации усилий в районе Средиземного моря. Вместо этого они настаивали на немедленном сосредоточении англо-американских войск в Великобритании (операция "Болеро") для последующего броска через Ла-Манш, что заставило бы Гитлера вести войну на два фронта и помогло бы испытывавшей сильнейшее давление Красной Армии. Предлагались два варианта вторжения: осуществить его весной 1943 г. силами 48 дивизий (операция "Раундап"), или, если Советскому Союзу будет угрожать разгром, предпринять осенью 1942 г. наступление значительно меньшими силами (операция "Следжхэмер") с целью отвлечения немецких войск и создания плацдарма для высадки в 1943 г.⁴²

Согласованная стратегия была выработана во время встреч на высоком уровне между военным руководством Великобритании и США, а также в ходе переговоров политических лидеров коалиции. Президент

Рузвельт одобрил американский сценарий в конце марта 1942 г., вскоре его скрепили своими подписями премьер-министр Черчилль и его начальники штабов. В мае 1942 г. в Лондон и Вашингтон приезжал Вячеслав Молотов, чтобы проконсультироваться по поводу предлагаемых операций⁴³. 29 мая Рузвельт попросил советского посла передать Сталину: "...мы надеемся открыть второй фронт уже в этом году", и в совместном коммюнике заявлялось, что достигнута "полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году"⁴⁴.

В действительности никакой "договоренности" не существовало, и по-прежнему преобладал сугубо национальный подход. Англичане согласились с американским планом только для того, чтобы отвлечь их внимание от тихоокеанской войны и через операцию "Болеро" связать Вашингтон со стратегией "Европа прежде всего". Лондон по-прежнему находился в оппозиции к операции "Следжхэмер" (и по многим признакам также и к операции "Раундап"), ибо любое вторжение через Ла-Манш пришлось бы осуществлять войскам Великобритании и ее доминионов — в высшей степени сомнительное предприятие без надежного прикрытия с воздуха и подавляющего перевеса в сухопутных войсках. Оно, по мнению англичан, не отвлекло бы с Восточного фронта ни одного немецкого солдата.

В тот самый день 10 июня, когда в Вашингтоне было опубликовано коммюнике, Черчилль в частной беседе заявил Молотову, что не может "обещать" открыть второй фронт в 1942 году⁴⁵.

Отбиваясь от надвигавшихся нацистских армий, Советский Союз нуждался в срочной помощи. Неудивительно, что явное затягивание англо-американскими союзниками сроков вторжения через Ла-Манш в ожидании идеальных условий вынуждало советское руководство думать, что их партнеры по альянсу намереваются добиться победы с наименьшими для себя потерями, заставляя истекать кровью Красную Армию. Рузвельт также желал немедленных действий в Европе, хотя его побудительные мотивы в первую очередь отражали ближайшие политические расчеты и долгосрочные дипломатические цели, а не отчаянное положение Москвы. Американская публика жаждала контрнаступления в войне с Японией, поэтому без смелого выпада против нацистской Германии президент мог лишиться поддержки для своей стратегии "Европа прежде всего" и проиграть выборы в Конгресс, которые должны были состояться в ноябре 1942 г. Кроме того, в обмен на обещание второго фронта он получил согласие Москвы пока не настаивать на договоре о послевоенном территориальном урегулировании.

Когда англичане отказались участвовать в операции "Следжхэмер", Рузвельт решительно вмешался. Отвергнув политику бездействия (операции "Болеро" и "Раундап") и предложенный Маршаллом и адмиралом Эрнстом Кингом сценарий, в котором на первое место выдвигался Тихоокеанский театр войны, президент вернулся к операции "Джимнаст" (теперь ее называли "Торч"), т.е. к плану 1941 г. вторжения в Северную Африку⁴⁶.

В августе 1942 г. Черчилль специально отправился в Москву, чтобы лично разъяснить эти англо-американские стратегические решения. Оправдывая перед возмущенным Сталиным концентрацию внимания поначалу на Средиземноморском театре войны примером с крокодилом, которому необходимо сперва нанести удар по наиболее “уязвимо месту”, т.е. в подбрюшье, Черчилль поклялся, что западные союзники атакуют рептилию в лоб через Ла-Манш уже в 1943 г.⁴⁷

Преодолеть тупик относительно стратегических приоритетов союзникам помогли победы советских, британских и американских войск. В мае и июне 1942 г. военно-морским силам США в битвах в Коралловом море и возле о-ва Мидуэй удалось остановить продвижение японцев в юго-западной и центральной части Тихого океана и нанести сокрушительный удар базировавшейся на авианосцах авиации. Затем американские и австралийские войска в сражениях на Соломоновых островах и на Новой Гвинее перехватили стратегическую инициативу. На Ближнем Востоке британские силы одержали важную победу у Эль-Аламейна над Африканским корпусом Роммеля и оттеснили немцев назад к Тунису. 6 ноября в ходе реализации операции “Торч” на побережье Марокко и Алжира высадились совместные десанты, открывшие дорогу для освобождения всей Северной Африки.

Через две недели, выстояв под непрерывными атаками немецкого вермахта, продвигавшегося к Волге и по Северному Кавказу с намерением захватить Ставрополь и нефтяные промыслы Майкопа, Красная Армия перешла в мощное контрнаступление. Части Сталинградского, Донского и Юго-Западного фронтов окружили в Сталинграде 6-ю немецкую армию и одержали самую решающую победу второй мировой войны. После непродолжительного сопротивления остатки армии вместе с фельдмаршалом Фридрихом фон Паулюсом капитулировали.

Эти успехи союзников предотвратили поражение, но еще сами по себе не обеспечили окончательной победы. К концу года страны “оси” всё еще владели всей Европой, западной Россией, Тунисом, прибрежными районами Китая, Юго-Восточной Азией и необъятными просторами западной части Тихого океана. Германские подводные лодки угрожали союзническим морским коммуникациям и осенью 1942 г. временно нарушили движение конвоев по арктическому маршруту, по которому доставлялись грузы в СССР. Широко разрекламированные воздушные бомбардировки промышленных и густонаселенных центров стран “оси” не дали ощутимого эффекта. За исключением, пожалуй, операции “Торч”, все победы 1942 г. представляли собой национальные успехи, а не точно скоординированные совместные предприятия, которые, по общему мнению, были необходимы, чтобы сокрушить всё еще очень сильного противника. Кроме того, потребовавшиеся усилия истощили резервы союзников, привели к распылению людских и материальных ресурсов. Как некоторые и предупреждали, в 1942 г. британские и американские войска оказались привязанными к двум второстепенным театрам войны и не смогли использовать все преимущества, которые дала грандиозная победа СССР под Сталинградом. Сосредоточить достаточно сил для вторжения через Ла-Манш в 1943 г. было чрезвычайно труд-

но без дополнительных отвлечений войск, а отсутствие консенсуса по важным стратегическим вопросам говорило о том, что споры и разногласия и в дальнейшем будут иметь место.

Поздней осенью 1942 г. образовалась система связи и консультаций между союзниками, которой было суждено просуществовать до конца войны. В течение следующего года, когда руководителям государств коалиции пришлось совершать вояжи из Северной Африки в Москву, затем в Вашингтон, Квебек и Тегеран, низлежащие административные звенья наделялись все новыми и новыми функциями. Усовершенствовались линии межсоюзнической связи, устранялись разрывы и небрежно соединенные узлы, которые порой вызывали замыкания, когда по ним неслись “горячие” сообщения между Лондоном, Москвой и Вашингтоном. Ярким примером могли бы служить недоразумения и непонимания на встрече Рузвельта и Черчилля в январе 1943 г. (кодовое название “Символ”), где шла речь о перенесении на более позднее время сроков открытия второго фронта, о конкретных обещаниях относительно возмещения Великобритании потерь от резкого сокращения импорта, а также о местах размещения десантных плавсредств⁴⁸. На этой встрече обозначились границы существующих возможностей для трехстороннего сотрудничества и стало очевидным, сколь узко — даже на двустороннем уровне — американцы и англичане оценивают потребности друг друга.

Преимущества и пределы такого сотрудничества со всей очевидностью проявились во время дискуссии Рузвельта и Черчилля, а также их советников в Касабланке. По удачному выражению Уоррена Кимболла, на встрече присутствовал “призрак” Сталина, отказавшегося участвовать в этих переговорах. Интригующий вопрос: привело ли бы его присутствие к выработке твердых и незыблемых обязательств вторгнуться в 1943 г. не на Сицилию, а в Северо-Западную Европу?

Великобритания, во всяком случае, была представлена в нужном составе, полная решимости ограничить наземные боевые действия бассейном Средиземного моря. Англичане буквально подавили плохо подготовленную и не имевшую крепкой поддержки американскую делегацию. “Мы пришли, выслушали и сдались”, — признался один из американских участников⁴⁹. Когда остыл пыл, ОКНШ поставил в качестве первоочередной задачи ликвидацию угрозы со стороны германского подводного флота и обеспечение безопасной доставки грузов Советскому Союзу. Затем на повестку дня выдвигались следующие задачи: очистить Северную Африку от войск держав “оси”, высадить десант на Сицилии (операция “Хаски”), организовать совместные бомбардировки с воздуха Германии (операция “Пойнтблэнк”). Согласовали также модифицированный план “Болеро” и вопрос о создании объединенного штаба планирования вторжения в 1943 г. через Ла-Манш. Однако Маршалл заявил, что осуществление плана “Хаски” делает подобную операцию чрезвычайно “трудной, если не невозможной”. Участники конференции договорились сообщить премьеру Сталину, что союзники России пересекут Ла-Манш “как только это станет практически возможным”.

Кремль совершенно справедливо нашел эти объяснения не стоящими, и на горизонте замаячил кризис⁵⁰.

На встрече английского и американского лидеров в мае 1943 г. (“Трайидент”) ОКНШ доложил о нехватке в живой силе и в материально-техническом снабжении и исключил возможность вторжения в Северо-Западную Европу в 1943 г. Кумулятивный эффект распыления усилий и просчеты предварительного планирования военных действий свели на нет преимущества, полученные в результате успешных военных операций. Но даже и этот шок не способствовал выработке единой стратегии. Британские начальники штабов настаивали на расширении военных действий в Средиземноморском регионе и возражали против любого существенного выделения дополнительных войск и техники для Тихоокеанского театра войны. Как и следовало ожидать, американские начальники штабов заняли прямо противоположную позицию. В итоге длительных многодневных дискуссий был достигнут компромисс: договорились выделить достаточно войск, чтобы вывести Италию из войны, сохранить за собой инициативу в бассейне Тихого океана и сформировать ударную группу из 29 дивизий для вторжения через Ла-Манш весной 1944 г.⁵¹.

Успехи на фронте, казалось, соотносились в обратной пропорции духом сотрудничества. После Сталинграда Максим Литвинов, проповедник советского сближения с Западом, был отозван с поста посла в Вашингтоне. В тот же самый период Великобритания ужесточила правила обмена разведывательной информацией. Знаменитая вспышка раздражения американского посла в СССР Уильяма Г. Стэндли, который на импровизированной пресс-конференции 8 марта 1943 г. обвинил Кремль в сознательном замалчивании размеров помощи по ленд-лизу, на какое-то время нарушила советско-американскую гармонию. Тот факт, что западные союзники не сдержали слова и не открыли второго фронта, внесло раздор в коалицию. В июне 1943 г. Сталин выразил резкий протест Рузвельту и Черчиллю по поводу тяжелых последствий, связанных с нарушением обязательств относительно дальнейшего ведения войны и принятых без участия советского правительства решений. Поползли слухи о возможности заключения сепаратного мира⁵².

Как неоднократно заявлял Маршалл, только благодаря тому, что вопреки всем ожиданиям СССР устоял, а западные участники союзнической коалиции вели оборонительные операции, они были в состоянии вести войну, не имея “четкого плана борьбы с державами оси”. Размеры советского вклада, задокументированного с помощью “Ультра” (системы дешифровки англичанами немецких кодов. — *Ред.*), все в большей степени оказывали влияние на планирование США и Великобритании и на распределение ценных ресурсов. Летом 1943 г. Кент Робертс Гринфилд после беседы с начальником штаба сухопутных войск генералом Джеймсом Кристиансенем записал: “Я заметил, что, как мне казалось ... принятое решение заморозить численность армии на уровне 7 млн 700 тыс. человек, из которых самых лучших 3 млн 200 тыс. направить в авиацию, было, пожалуй, роковым. При этом, по-видимому, исходили из предположения, что война в воздухе в сочетании с усили-

ми русских может помочь добиться окончательной победы. Этим, на мой взгляд, мы ставим на карту будущее нашей нации... Генерал К[ристиансен] сказал, что, по его мнению, это соответствует действительности"⁵³. 8 ноября 1943 г. генерал Джон Р. Дин телеграфировал из Москвы: "Здесь распространено мнение, что форсирование Пролива связано с такими же проблемами, что и форсирование обыкновенной реки. Советы действительно считают, что преодолеть Ла-Манш не труднее, чем преодолеть Днепр"⁵⁴. Неспособность понять трудности другой стороны была обоюдной.

Осознание своей зависимости от действий Красной Армии и, видимо, возросшая политическая и стратегическая зрелость заставили предпринять конкретные шаги по выработке согласованной стратегии. В августе на конференции в Квебеке (кодовое название "Квадрант") представители ОКНШ и их политические руководители определили в качестве первоочередной задачи на 1944 год вторжение через Ла-Манш. Получивший соответствующие заверения Сталин согласился на встречу в Москве в октябре министров иностранных дел трех держав, а также на участие в трехсторонней конференции на высшем уровне в Тегеране в ноябре.

Лето и осень 1943 г. стали свидетелями победы в войне с подводными лодками, вторжения в Италию и ее капитуляции в сентябре, разгрома вермахта Красной Армией в ходе операции "Цитадель" (гигантских танковых сражений на Курской дуге). К концу года в результате крупных наступательных операций немцев изгнали с огромной части советской территории. В Тегеране стало ясно, насколько успехи на полях сражений и во много раз возросшая советская и американская военная мощь изменили отношения между тремя партнерами. Когда в Каире британцы предложили отложить переброску воинских контингентов и десантных судов из Средиземного моря и отодвинуть срок операции "Оверлорд", Рузвельт отказался обсуждать данную тему в отсутствие Сталина⁵⁵.

В Тегеране впервые советские представители играли одну из ключевых ролей в определении общей стратегии. Настаивая на обязательном соблюдении принятых сроков для операции "Оверлорд", Сталин прямо высказался против перемещения центра тяжести военных действий в Средиземноморье и потребовал, чтобы англо-американские войска в Италии поддержали "Оверлорд" вторжением в Южную Францию (операция "Энвил"), как это и предлагали прежде специалисты планирования ОКНШ. Одновременно Сталин пообещал начать крупномасштабное наступление, с тем чтобы не дать немцам возможности снять часть своих сил с Восточного фронта. Он также подтвердил взятое на Московской конференции министров иностранных дел обязательство объявить войну Японии после поражения Германии⁵⁶.

Черчилль протестовал, но остался в меньшинстве: против него проголосовали Рузвельт и Сталин. И хотя британская стратегия не прямых действий была в целом отвергнута на самом высшем уровне, она в действительности продолжала осуществляться, ибо было практически невозможно вывести союзные воинские части из бесчисленных пунктов их

дислокации на периферии огромной территории, которую всё еще контролировали страны "оси". Оттягивали ли эти бесконечные дискуссии по вопросам стратегии окончательную победу, продолжает оставаться темой жарких споров⁵⁷.

Англо-советско-американские отношения отличало отсутствие глубокого понимания проблем друг друга и самой основной информации. Признав в Тегеране наличие подобной проблемы (а также необходимость планирования и обстоятельных дискуссий на более низких уровнях), три государства увеличили свои военные миссии. В определенном смысле наиболее важной "военной миссией" и символом союзнического сотрудничества являлся командующий операцией "Оверлорд". После Тегерана на этот пост назначили генерала Дуайта Д.Эйзенхауэра в качестве Верховного главнокомандующего экспедиционными войсками союзников. Работа через военные миссии порождала большие и малые проблемы. Например, существовали по формальным признакам серьезные трудности с включением советских требований в число вопросов, обсуждавшихся в Объединенном совете по транспорту, что негативно сказывалось на протяжении всей войны⁵⁸. Военные миссии выступали в роли посредников при обмене некоторой технической и разведывательной информацией. Между августом и декабрем 1943 г. советские представители 52 раза посещали английские учреждения, учебные центры и базы, в большинстве случаев за пределами Лондона. Они осмотрели завод по производству торпед, присутствовали при демонстрации методов дегазации, наблюдали за подготовкой к вылету на боевое задание тяжелых бомбардировщиков королевской авиации из Окингтона⁵⁹. Подобная открытость была типичной для англичан и американцев по отношению к гостям.

Умеренный прогресс был достигнут в обмене информацией по таким вопросам, как боевой состав и дислокация войск противника. Более широкий англо-советский и советско-американский обмен сведениями касался расшифрованных телеграмм стран "оси" и технических данных на образцы вооружений, но все это не шло ни в какое сравнение с уровнем англо-американского сотрудничества в области разведки. Рузвельт и Черчилль постоянно категорически отвергали саму идею о том, чтобы познакомить русских с фактом работы над атомной бомбой или какими-либо техническими сведениями, касающимися ее создания. По иронии судьбы, советский шпионаж времен войны сделал бы эти усилия бесполезными⁶⁰.

Готовность раскрыть информацию о собственных вооруженных силах, размещении отдельных частей, вооружении и потерях зависит от обстоятельств и национальной чувствительности. На протяжении всего 1942 г. и большей части 1943 г. американские и британские представители горько сетовали на нежелание советских властей представлять полные свежие данные по отдельным участкам фронта и открыты доступ к ним. В быстро улучшающейся ситуации после Сталинграда русские сделались более уступчивыми. Посещение генерал-лейтенантом Гиффордом Мартемом в мае 1943 г. Юго-Западного фронта и длитель-

ная поездка по фронту его преемника явились свидетельствами новой открытости⁶¹.

Попытки утаить информацию, чтобы заставить пойти на уступки, все же продолжали иметь место. И хотя англичане традиционно были более замкнутыми, тем не менее и американская, и британская военные миссии снабжали довольно широким спектром сведений и друг друга и своих русских партнеров⁶². И здесь вновь больше открытости проявлялось в англо-американских отношениях. В одной из работ о войне говорилось: “К 1944 г. британские офицеры работали во всех важных американских научных учреждениях и учебных центрах, британские студенты посещали американские институты, и в обоих направлениях шли потоки неограниченной информации”⁶³. Параллельной попыткой получить данные о советской военной технологии стали переговоры о заключении “Соглашения об обмене технической информацией” и организация поездки британской военной миссии во главе с сэром Генри Тизардом в феврале 1943 г. в Москву. Из-за болезни Тизарда сроки временно перенесли, а затем по настоянию военного кабинета и вовсе отложили на неопределенное время. Это был, вероятно, зенит советского сотрудничества с Западом в неполитической сфере.

Период от весны 1944 г. и до конца войны стал свидетелем и полного расцвета коалиционных гибридов, посаженных в мрачные 1941-1942 гг., и их сжатия под холодными порывами вновь возрождавшегося шовинизма. В месяцы, предшествовавшие высадке союзных войск в Европе, сотрудничество союзников в военной области развивалось по многим уровням. С баз в Великобритании англо-американская авиация усиливала бомбардировки Германии (операция “Пойнтблэнк”). Одновременно Соединенные Штаты начали так называемые “челночные бомбежки” с использованием итальянских и советских аэродромов (операция “Франтик”). Споры загубили обе программы. Британские и американские стратеги постоянно полемизировали по поводу выбора целей и тактик для “Пойнтблэнк”. О потенциальных преимуществах бомбардировок объектов стран “оси” с территории СССР шел разговор еще с начала войны, и американцы вместе с русскими в конце концов весной 1944 г. разработали программы для трех аэродромов (Полтава, Миргород, Пирятин). По мнению одного ученого, эти планы преследовали политические цели⁶⁴. Однако операция “Франтик” не дала желаемых результатов и лишь вызвала разочарование. Американские летчики столкнулись с трудностями языкового и культурного порядка, с различиями в методах работы, с общей гнетущей атмосферой. Кроме того, проблемы снабжения и технического обеспечения, связанные с огромными расстояниями, сделали “Франтик” предметом последующего изучения трудностей совместных операций⁶⁵.

По мере подготовки операции “Оверлорд” в рамках ОКНШ развернулись деликатные дебаты о том, в каком объеме и когда следует сообщить Советскому Союзу о намеченном конкретном плане. Чтобы опровергнуть утверждение русских о якобы сосредоточенных в Великобритании огромных союзных воинских контингентах, Антони Иден предложил сказать послу Майскому, сколько в тот момент в Соединенном Ко-

ролевстве было дислоцировано дивизий. Комитет начальников штабов Великобритании с неохотой согласился, признав, что “к решению по “Оверлорду” русские проявляют особый интерес”⁶⁶. В конце октября 1943 г. военная миссия США в Москве стала ежедневно проводить информативные совещания по операции “Оверлорд”. Однако против этого возразили начальники штабов Великобритании, заявив, что, поскольку за эту операцию “англичане и американцы отвечают вместе, то из принципиальных соображений необходимо, чтобы всякая выдаваемая русским информация исходила бы от ОКНШ”. В конце концов пришли к компромиссу: сообщать сведения “самого общего характера”⁶⁷.

Тесное взаимодействие союзников — самая замечательная черта вторжения через Ла-Манш 6 июня 1944 г. Перечень успехов открывало превращение штаба Верховного главнокомандующего экспедиционными войсками союзников в Лондоне по существу в единый многонациональный штаб. Как в период подготовки, так и во время вторжения в Нормандию — да и впоследствии — столкновения военных лидеров, взрывы неприязни к лицам другой национальности, разногласия по вопросам тактики постоянно испытывали на прочность англо-американскую связь. Однако сдерживаемые дружбой и обоюдным уважением на более низких уровнях единого штаба эти негативные явления никогда серьезно не угрожали лидерству Эйзенхауэра⁶⁸. Несмотря на растущие потери и утрату надежды на немедленную капитуляцию Германии, широкая поддержка идеи коалиции оставалась по-прежнему твердой.

И если операцию “Оверлорд” откладывали, чтобы увеличить ударную мощь вторжения, ситуация на советско-германском фронте совершенно определенно также влияла на англо-американский график. В третью годовщину с начала осуществления плана “Барбаросса” Красная Армия развернула обещанное большое наступление в Белоруссии. В операции “Багратион” участвовало 118 пехотных дивизий, поддержанных танками и массированным артиллерийским огнем; им противостояли соединения вермахта, уже сильно потрепанные в непрерывных советских атаках на севере. Менее чем за две недели уцелели лишь жалкие остатки восьми дивизий группы армий “Центр”, а Красная Армия освободила Белоруссию и пробила в немецкой обороне брешь шириной в 250 миль. Была открыта дорога на Польшу и далее. Операция “Багратион” гарантировала, что переброски воинских частей с востока для усиления сопротивления англо-американским силам вторжения, продвигавшимся из Нормандии, не будет. Разрушив германскую оборонительную систему на ключевом участке, операция “Багратион”, видимо, стала наиболее эффективным военным триумфом всей войны⁶⁹.

Качество консультаций среди союзников, за некоторыми важными исключениями, продолжало улучшаться. В июле 1944 г. по Нормандии совершил поездку адмирал Харламов. Как только операция “Оверлорд” завершилась, согласованные акции советских, английских и американских руководителей на оперативном уровне расширились почти до полного взаимодействия. В сентябре 1944 г. союзники приготoвились к окончательному броску на территорию самой Германии. Однако неужи-

данно усилившееся сопротивление нацистской военной машины в сочетании с трудностями в материально-техническом обеспечении — шедшие быстрыми темпами механизированные колонны оторвались от баз снабжения горючим и боеприпасами — замедлили продвижение союзников. Советские войска остановились на Висле, наблюдая, как вспыхнуло и погасло варшавское восстание, и центр тяжести боев на востоке переместился в южном направлении, где Красная Армия организовала мощное наступление на Балканы и в Венгрию. Британские и американские армии были остановлены к западу от Рейна. В Италии около 26 немецких дивизий всё еще противостояли армиям союзников, и труднопреодолимая местность дека на нет значительный перевес сил 15-й группы армий. В середине декабря немцы внезапно перешли в контрнаступление в Арденнах. Гитлер использовал свои последние резервы в отчаянной попытке расколоть Большой союз.

Битва за Арденны еще раз продемонстрировала, насколько крепки были узы, связывавшие союзников. Не обращая внимания на взаимные обвинения, последовавшие в сентябре за операцией “Маркет Гарден” (план Монтгомери форсировать Рейн), Эйзенхауэр поручил Монтгомери командовать американскими войсками, расположенными к северу от немецкого прорыва. Поддержанные с улучшением погоды англо-американской тактической авиацией, а также используя тот факт, что на центральном участке Восточного фронта началось гигантское советское наступление (ответ Сталина на страстную просьбу Черчилля), британские войска с севера и 3-я армия Паттона с юга ликвидировали Арденнский выступ. Игнорируя шумные требования позволить Монтгомери сделать рывок на Берлин, Эйзенхауэр в начале марта вернулся к прежней стратегии продвижения широким фронтом. В этом решении отразилось стремление обеспечить достаточное оперативное пространство между британскими, американскими и советскими боевыми порядками.

Генеральный штаб Красной Армии и Народный комиссариат обороны СССР старались координировать военные операции на Восточном фронте с наступающими войсками западных союзников. Связь по-прежнему осуществлялась преимущественно через британскую и американскую военные миссии. Еще одной сферой сотрудничества на заключительных этапах войны стали совместные обсуждения вопросов “стратегической дезинформации”. Особенно важными представлялись дискуссии относительно “рубежей бомбометания”, имеющие целью не допустить, чтобы стратегические бомбардировщики, совершающие воздушные налеты на Балканах — да и в других местах Восточной Европы — ненароком атаковали наступающие колонны Красной Армии. Эти усилия обрели особую остроту, когда в ноябре 1944 г. американские бомбардировщики Р-38 “Лайтнинг” нанесли удар по советской пехотной части, убив генерал-лейтенанта и еще пятерых солдат⁷⁰.

Подписанное 6 февраля 1945 г. соглашение между советскими, британскими и американскими авиационными штабами устанавливало демаркационную линию для воздушных налетов. Соглашением также предусматривался обмен между авиационными соединениями трех стран

информацией об осуществляемых и намечаемых операциях. Месяц спустя было достигнуто соглашение о совместных действиях для прикрытия с воздуха наступающих частей союзников.

С приближением конца войны взаимодействие на оперативном уровне стало еще более широким. С запада подразделения британских и канадских войск под командованием фельдмаршала Бернарда Монтгомери, а также 1-й и 3-й американских армий подходили к предопределенным для них "конечным" рубежам. С советской стороны наступление на германскую территорию вели 1-й Белорусский, 1-й Украинский, 2-й Белорусский, 3-й и 4-й Украинский фронты. Здесь имел место ряд личных встреч и радиоконтактов между командирами отдельных частей и подразделений. Ввиду предстоящего соприкосновения союзных войск произошел двусторонний обмен мнениями главнокомандующего экспедиционными войсками союзников Эйзенхауэра и Монтгомери с советским Маршалом Георгием К. Жуковым. (Это вызвало в Вашингтоне настоящую бюрократическую бурю, потому что, по заявлению ОКНШ, только он был уполномочен вести любые переговоры между союзниками.) В ходе контактов договорились о временных разделяющих границах, о порядке осуществления связи, об организации артиллерийского огня и воздушных налетах. Определили опознавательные знаки и предупредительные огни для советских, американских и британских войсковых подразделений⁷¹. Этих импровизированных специальных мер оказалось вполне достаточно вплоть до исторической встречи американских и советских частей у Торгау на Эльбе. Германскую капитуляцию 7 мая 1945 г. в Реймсе приняли представители коалиции.

Растущая в последние месяцы войны политическая напряженность как-то затушевала вполне реально существовавшее сотрудничество союзников на оперативном и стратегическом уровнях. На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. союзники договорились продолжать координировать воздушные и наземные операции, осуществлять позональную оккупацию Германии в соответствии с предполагаемыми окончательными позициями отдельных армий и реализовать план оккупации Германии и Берлина тремя державами. Подтверждение Советским Союзом в Ялте его обязательства объявить войну Японии и связать внушительные японские силы, всё еще находящиеся в Китае, также успокоили американское военное руководство, которое в то время подсчитывало затраты на операцию "Даунфолл", предусматривавшую вторжение на собственно Японские острова. Разумеется, Хиросима сделала ненужной спланированную для Советов роль в снижении американских потерь и приближении победоносного окончания тихоокеанской войны⁷².

Любая оценка задним числом относительного вклада в дело достижения победы всегда проблематична. Оказанная Советскому Союзу помощь Соединенными Штатами и Великобританией, несмотря на сложности, связанные с определением приоритетов, на перебранки из-за спецификаций и проблем с доставкой грузов, явилась важным дополнением к советским военным усилиям. И наоборот, достижения советских войск, сумевших сперва сковать, а затем уничтожить большую часть

германской военной машины, имели первостепенное значение для обеспечения западным союзникам свободы выбора стратегии. Однако всякие попытки установить точно, насколько решающим был вклад каждого из партнеров и насколько он сократил путь к окончательному триумфу, завели бы нас вновь на зыбкую почву бесконечных “а что если”. Тем не менее некоторые аспекты стоит рассмотреть.

Широко известен вклад оперативной и стратегической разведок, хотя это и невозможно наглядно доказать. Для примера можно упомянуть: британскую систему “Ультра”, систему дешифровки американцами японских кодов (“Мэджик”), шпионаж, фоторазведку и анализ документов. Британское и американское сотрудничество в области разведки — яркое свидетельство межсоюзнического единства. Основным компонентом являлись сверхсекреты “Ультра”, которыми англичане свободно делились с Соединенными Штатами и эпизодически — с СССР⁷³. Они явились частью успешных усилий по преодолению угрозы со стороны германских подводных лодок и, по мнению некоторых историков, спасли Великобританию и сократили войну на целых два года. Они также помогли удержать Египет и, следовательно, добиться победы в Северной Африке и сделать Средиземное море свободным для судоходства не в 1944, а уже в 1943 г. В сочетании с расшифрованными телеграммами японского посла в Берлине адмирала Осима Хироши, переданными с помощью кода “Мэджик”, “Ультра” раскрыла состояние немецкой обороны и взгляды нацистских руководителей накануне операции “Оверлорд”⁷⁴.

Двойственная роль “Ультра” в операциях на Восточном фронте хорошо документирована. Как заметил Ф.Г.Хинсли, британские разведданные, в большинстве полученные в результате дешифровки перехваченных переговоров летчиков люфтваффе, позволили Уайтхоллу “отслеживать ежедневно очень подробно ход сражений на Восточном фронте”. И если стремление сохранить в тайне наличие “Ультра” и недовольство отказом Советов регулярно передавать подробную информацию о Красной Армии и расположении германских воинских частей ограничивали объем сообщаемой русским особо ценной информации, англичане тем не менее до лета 1942 г. в отдельных случаях своевременно предупреждали о немецких приготовлениях и возможностях.

Позднее всякая пересылка особо ценной разведывательной информации прекратилась, за исключением оперативных разведывательных сведений в один из критических периодов битвы за Сталинград и регулярных оценок “основных намерений” Берлина. Дело в том, что англичане настаивали на взаимности, а русские устраивали обструкцию. Не делились они и важной информацией, поступавшей от группы Рихарда Зорге в Токио или от “Красной капеллы”. Несмотря на недавние утверждения о том, что советские специалисты могли сами раскрыть шифры “Энигмы”, именно “Ультра” помогала советским войскам сосредоточиться на ключевых позициях для отражения немецких атак. Это, однако, вовсе не означало, что Сталин полностью доверял или мудро использовал западную разведывательную информацию⁷⁵.

Часто забывают о таком важном, но редко упоминаемом виде разведывательной деятельности, как стратегическая и оперативная дезинформация. Ее цель — скрыть собственный боевой состав и дислокацию войск, а также общие замыслы и одновременно, как писал Майкл Говард, “повлиять на действия противника”; дезинформация играет важную роль в современной войне. Вторая мировая война знает множество примеров успешных дезинформационных операций союзников; так, в свое время удалось убедить немцев в наличии в Западной Сахаре (на самом деле несуществовавших) британских бронетанковых дивизий и удачно использовать перевербованных немецких агентов для передачи в Берлин ложной информации. Можно упомянуть и операции “Фортитюд” и “Бодигард”, имевшие целью ввести в заблуждение немецкое верховное главнокомандование относительно планов союзников, касавшихся вторжения через Ла-Манш, состава экспедиционных сил (специально изобрели американскую 1-ю армейскую группу под командованием Паттона), места и сроков высадки⁷⁶.

Советы, считавшие дезинформацию и маскировку основными принципами ведения войны, применили их в Сталинграде и перед операцией “Багратион”, и им удалось обмануть Берлин относительно реальной и потенциальной мощи Красной Армии⁷⁷. Все эти факты имели и косвенное благотворное влияние на коалицию. Бесспорным достижением следует считать тот факт, что ни один стратегический замысел или оперативный план конкретных действий, затрагивавший другого союзника, не был выдан — случайно или преднамеренно — ни одним участником коалиции.

Степень подлинного воздействия англо-американских бомбовых рейдов на положение Восточного фронта продолжает вызывать споры. В течение многих лет преувеличенные оценки эффективности военно-воздушных сил приводили к тому, что советские и некоторые западные историки вообще отрицали какой бы то ни было вклад авиации союзников в окончательную победу. Сегодня, опять-таки благодаря во многом авторитетным исследованиям деятельности разведывательных служб, выполненным Ф.Г.Хинсли, стало ясно, что, какими бы расточительными и плохо скоординированными ни были совместные бомбовые рейды, они вынудили Гитлера перебросить значительное число самолетов с Восточного фронта и вместо бомбардировщиков, танков и самоходной артиллерии, которых и так не хватало на востоке, выпускать в основном истребители-перехватчики. По мнению британской разведки, количественное уменьшение немецкой авиации в России объяснялось тем, что “на первое место ставилась защита самого рейха и борьба на других западных театрах войны... Истребителей, снятых с Восточного фронта осенью 1943 г. для усиления обороны рейха, так и не заменили”⁷⁸. Если к этому добавить затраты на возмещение людских и промышленных потерь от союзных бомбардировок, то перемещение немецких ресурсов с полей сражений окажется довольно внушительным. Фанатики военной авиации сочтут, пожалуй, недостойным во многом негативный вывод, что все эти “В-17” и “Ланкастеры” имели главной целью оттянуть на себя немецкую боевую авиацию; однако советские части, форсиро-

вавшие Вислу, и американские, британские и канадские солдаты, спешившие выйти на берег Нормандии, были благодарны им за это⁷⁹.

Примечательно, что порожденное холодной войной стремление переписать историю быстро предало забвению подобные случаи взаимной помощи. Вскоре после Дня победы Эйзенхауэр, беседуя со своим помощником капитаном Гарри К.Бачером о вероятности дальнейшего сотрудничества с СССР, заметил, что англо-американо-советские отношения находились “на том же самом этапе взаимной почтительности, которая была характерна для первоначальных англо-американских контактов в 1940 г.”. Однако, как и в случае с англичанами и американцами, которые сделались “союзниками и по духу и по документу”, энергичные усилия сохранить и укрепить связь с русскими, полагаясь на “прямые и честные” отношения, дадут аналогичные результаты⁸⁰. Но этого не произошло.

Говоря о наполеоновской эре, но, возможно, думая при этом о кончине коалиции второй мировой войны, Генри А.Киссинджер однажды заметил: “До тех пор пока противник сильнее каждого участника коалиции в отдельности, необходимость единения перевешивает все остальные соображения относительно получения индивидуальных преимуществ. Тогда миротворческие силы могут настаивать на определении целей войны, которые при всех условиях связаны с ограничениями. Но когда противник становится настолько слабым, что каждый союзник в состоянии достичь своих целей в одиночку, судьба коалиции уже зависит от воли ее наиболее решительного участника”⁸¹.

Для первых двух лет союзной коалиции характерны откровенный обмен мнениями, создание механизма координации между Лондоном и Вашингтоном, но также весьма ограниченное военное сотрудничество, острые и, казалось, бесконечные разногласия по вопросам стратегии, разнообразные военные неудачи и почти распад союза. 1943 год принес целую серию побед на самых различных театрах войны и выработку глобальной (хотя едва ли единой) стратегии, но вместе с тем и продолжающиеся неверные восприятия и паранойи. В последний год войны, когда каждый партнер обрел подлинную способность следовать своим собственным курсом, в самом деле можно наблюдать ослабление между лидерами коалиции политических и психологических связей, которые ранее сохранялись в силу необходимости. Вместе с тем последние месяцы — с весны 1944 г. и до конца войны — стали свидетелями углубления структурных и эмоциональных контактов между работниками межсоюзнических органов, солдатами, моряками, гражданским населением стран коалиции.

Державы “оси” “всегда строили свои планы в расчете на раскол союзников, — заметил генерал Маршалл после Ялты. — Они никогда не думали, что союзники смогут длительное время осуществлять совместные операции совершенно согласованно и абсолютно честно”⁸². Сохранение Большого союза тем более примечательно, что в него входили народы с противоположными идеологиями и сильно отличающимися культурными традициями.

Сегодня бросается в глаза, что все эти проблемы довольно редко становились предметом обсуждения между Вашингтоном, Лондоном и Москвой. Это особенно заметно, если сравнивать нечастые структурные связи между западными союзниками и Советским Союзом, с одной стороны, с самыми разнообразными и многочисленными контактами между англичанами и американцами, — с другой. Исключение Москвы из Объединенного комитета начальников штабов и “протокольный” подход к выделению военных материалов привели к такой ситуации, когда, образно говоря, Советы просили звезды, а Запад обещал луну, — что создавало достаточно оснований для взаимного недовольства. Такими же нечеткими (правда, по другим причинам) были договоренности и об обмене разведывательной информацией в более или менее широком объеме. Наряду с весьма схематичной процедурой передачи разведывательных данных из районов боевых действий были подписаны соглашения, нацеленные на улучшение процесса обмена сведениями о технологических новшествах, которые могли бы иметь значение для военных усилий коалиции. Эти соглашения явились первыми жертвами напряженности, которая возрастала между Россией и ее западными партнерами по мере приближения победы. Не многим лучше показали себя в этих вопросах и англичане с американцами.

Если сравнивать с известными фактами прошлого, то нужно признать, что союзная коалиция второй мировой войны представляется все-таки замечательным достижением. Какими бы мотивами ни руководствовались партнеры, их практическая деятельность была в значительной мере скоординирована и отмечена нередкими случаями великодушной взаимной поддержки. Только если сопоставлять ее с идеалом единства и главный упор сделать на ту торопливость, с какой узы, связывавшие англичан, русских и американцев, были разорваны вскоре после окончания войны, — только в этом случае свершения коалиции можно оценить менее высоко. Нынешняя ситуация, когда обе сложные компактные послевоенные системы разрушились и когда даже такой символ союза, как НАТО, как будто готовится отправиться на свалку истории, лишний раз подчеркивает тот факт, насколько труден процесс создания и поддержания военно-политической коалиции. Воспоминания о совместных усилиях могут оказаться мощным связывающим звеном, выкованным во время второй мировой войны.

¹ Подробное исследование европейской дипломатии в период до начала войны см.: *Watt D C. How the War Came: The Immediate Origins of the Second World War, 1938-1939.* N.Y., 1989.

² *Churchill W.S. History of the Second World War. Vols.1-6.* Boston, 1948-1953. Vol. 3. P. 118.

³ Цит. по: *Gilbert M. Winston S.Churchill: Finest Hour, 1939-1941.* Boston, 1983. P. 1118-1119, 1121.

⁴ Обмены посланиями см.: *Kimball W F. Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence Vols. 1-3.* Princeton, 1984. Vol. 1. P. 24, pass.

⁵ *Ibid.* Vol. 1. P. 3-20; *Callahan R.A. Churchill: Retreat from Empire.* Wilmington (Del.), 1984; *Reynolds D. Roosevelt, Churchill, and the Wartime Anglo-American Alliance, 1939-1945:*

- Towards a New Synthesis//The Special Relationship: Anglo-American Relationship: Anglo-American Relations Since 1945/Eds. W.R.Louis, H.Bull. N.Y., 1986.
- ⁶ *Wilson T.A.* The First Summit: Roosevelt and Churchill at Placentia Bay, 1941. Lawrence (Kans), 1991. P. 225-226; *Kimball W.F.* Churchill & Roosevelt. Vol. 1. P. 227-228; *Idem.* The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991. P. 64-81.
- ⁷ *Hall H.D.* North American Supply. L., 1955. P. 298-333.
- ⁸ О довоенных контактах военно-морских флотов см.: *Kittredge T.B.* United States - British Naval Cooperation, 1939-1947 (неопубликованная монография; 5 частей, Naval Historical Center Archives, Wash. (D.C.), n.d.); *Leutze J.R.* Bargaining for Supremacy: Anglo-American Naval Relations, 1937-1941. Chapel Hill (N.C.), 1977.
- ⁹ *Leighton R.M., Coakley R.W.* Global Logistics and Strategy, 1940-1943. Wash., 1955; *Watson M.S.* Chief of Staff: Prewar Plans and Preparations. Wash., 1950; *Hancock W.K., Gowing M.M.* British War Economy. L., 1949; *Hall H.D.* North American Supply. L., 1955; *Davis V.E.* The History of the Joint Chiefs of Staff in World War II: Organizational Development. Vols. 1-2. Wash., 1972. Vol. 1.
- ¹⁰ *Davis V.E.* History of JCS: Organizational Development. V. 1. P. 112-114.
- ¹¹ *Matloff M., Snell E.M.* Strategic Planning for Coalition Warfare, 1941-1942. Wash., 1953, P. 32-48.
- ¹² *Ibid.* P. 21-25, 53-55; *Wilson T.A.* The First Summit. P. 93-96, 111-134; *Grand Strategy/Ed. J.R.M. Butler. L., 1957. Vol. 2. P. 424-427, 547-551.*
- ¹³ См.: *Howard M.* The Mediterranean Strategy in the Second World War. L., 1968. P. 1-18; 1-ю главу — “Великобритания: стратегия непрямых действий”.
- ¹⁴ *Wilson T.A.* The First Summit, 116-18; *Sherry M.* The Rise of American Air Power: The Creation of Armageddon. New Haven (Conn.), 1987. P. 97.
- ¹⁵ *Matloff M., Snell E.M.* Strategic Planning for Coalition Warfare, 1941-42, 29-30; *Weigley R.F.* The American Way of War: A History of United States Military Strategy and Policy. N.Y., 1973, особенно гл. 14.
- ¹⁶ См.: *Hall H.D.* North American Supply; *Leighton R.M., Coakley R.W.* Global Logistics and Strategy, 1940-1943.
- ¹⁷ *Davis V.E.* History of JCS: Organizational Development. Vol. 1. P. 111.
- ¹⁸ Testimony of General Leonard T. Gerow, U.S. Congress, Pearl Harbor Attack, Pt 3. P. 991 (цит. по: *Davis V.E.* The History of JCS: Organizational Development. Vol. 1. P. 112).
- ¹⁹ USA: Staff Conversations file, WO 191/345, PRO.
- ²⁰ USA: Staff Conversations file, 10 Aug. 1940, WO 191/345, PRO.
- ²¹ *Davis V.E.* The History of JCS: Organizational Development. Vol. 1. P. 114-120.
- ²² *Watson M.S.* Chief of Staff: Prewar Plans and Preparations. Wash., 1950. P. 319. По вопросу о создании Объединенного комитета начальников штабов см.: *Davis V.E.* The History of JCS: Organizational Development. Vol. 1. P. 56-59, 221-239.
- ²³ U.S. Secretary for Collaboration to Secretary, British Military Mission, Subject: “Methods of Collaboration between the United States Army and Navy and the British Military Mission in Washington,” 3 June 1941, WPD 4402-29, RG 165, NARA; см. также: *Davis V.E.* The History of JCS: Organizational Development. Vol. 1 P. 126-128.
- ²⁴ Атлантическая конференция объявила о существовании объединения против держав “оси” и обозначила границы его деятельности. Наиболее подробно об Атлантической конференции см.: *Wilson T.A.* The First Summit.
- ²⁵ Chief of Staff to Chaney, Subject: “Letter of Instructions,” 26 Apr. 1941, WPD 4402-89, RG 165, NA. Летом и осенью 1941 г. Чейни и Гормли регулярно встречались с британскими начальниками штабов и выполняли роль посредников между Маршаллом, Старком, Арнольдом и военным министерством Великобритании. Англичане сперва рассматривали группу специальных наблюдателей как эквивалент военной миссии США, но вскоре осознали ограниченный характер её функций (Annex to Note by Joint Planning Staff, “Establishment of Missions in Washington and London,” J.P. (41) 425, 2 June 41. The Americas: U.S.A.-Intercommunication, 17 Dec 1940-1947, Nov. 1943, and Note on C.O.S. (41) 470, 2 Aug. 1941, WO 193/317, PRO).
- ²⁶ 19 июня 1941 г. Объединенный штаб планирования рассмотрел выгоды и недостатки, связанные с возможным направлением в СССР военной миссии после

ожидаемого немецкого нападения. Специалисты штаба пришли к выводу, что длительное сопротивление русских сделает присутствие англичан в Москве необходимым. Если русские потерпят поражение, то миссия сможет действовать "на той территории, которая останется свободной от немецкой оккупации". Документацию см.: Russia: British Liaison Mission, 1941-1945//WO 193/645, PRO.

²⁷ По данным вопросам см. переписку Мейсон-Макфарлана с военным министерством (LTG Mason-Macfarlane, Personal Correspondence with CIGS, 24 June 1941-23 Apr 1942, WO 216/124). См. также: *Beaumont J.* Comrades in Arms: British Aid to Russia, 1941-1945. L., 1980; *Gorodetsky G.* Stafford Cripps' Mission to Moscow, 1940-1942. Cambridge, 1984.

²⁸ *Харламов Н.* Трудная миссия. М., 1983. С. 32-34, 43-44.

²⁹ *Herring G.C.* Aid to Russia, 1941-1945: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. N.Y., 1973. P. 13-17; *Wilson T.A.* In Aid of America's Interests: The Provision of Lend-Lease to the Soviet Union. 1941-1942//Soviet-U.S. Relations 1933-1942/Eds. G.N. Sevost'ianov, W.F. Kimball. Moscow, 1989. P. 126-127, 132; *Leighton R.M., Coakley R.W.* Global Logistics and Strategy. 1940-1943. P. 97-104.

³⁰ *Stettinius E.R., Jr.* Lend-Lease: Weapon for Victory. N.Y., 1944. P. 124-125.

³¹ Гриффис находился в Москве с середины ноября 1941 г. до середины февраля 1942 г. Он достиг лишь ограниченного прогресса на переговорах относительно воздушных маршрутов прежде чем его отозвали. Погиб, когда самолет, на котором он возвращался в Великобританию, был сбит истребителем польских ВВС недалеко от южного побережья, близ Плимута. См.: *Griffiss T.* 201 File//U.S. Air Force Historical Center, Maxwell AFB, Montgomery, Ala.

³² *Herring G.C.* Aid to Russia. P. 41-42, 103.

³³ Дебаты осложнились из-за присутствия фельдмаршала сэра Джона Дилла, которого Черчилль "выслал" в Вашингтон. См. главу 1.

³⁴ *Hull C.* Memoirs. Vols. 1-2. N.Y., 1948. P. 1116-1119. См. также документацию в докладах Адольфа Берла (Berle A. FDRL); *Davis V.E.* Origin of the Joint and Combined Chiefs of Staff. Vol. 1 P. 35-36.

³⁵ Hull to FDR, 22 Dec. 1941, ABCD folder, PSF "Safe Files", Box 1, FDRL. Одновременно Управление военно-оперативного планирования рекомендовало, чтобы Верховный военный совет "включал глав правительств каждого из государств-союзников или их представителей" и имел исполнительный секретариат, в который вошли бы по два представителя армии, ВМС, ВВС и промышленности каждого члена коалиции. См.: WPD, "Notes on Agenda proposed in British Message of 18 December 1941//ARCADIA Files, WPD 4402-136, RG 165, NA.

³⁶ "CCS" folder, PSF "Safe Files," Box 10, FDRL.

³⁷ The Papers of Dwight D. Eisenhower: The War Years/Ed. A.I.D. Chandler, Jr. Vols. 1-5. Baltimore, MD., 1970. Vol. 1. P. xx.

³⁸ Относительно эволюции ЕТО и полномочий его командующего см.: *Ibid.* P. 331-335. Желание Чейни работать в тесной взаимосвязи с англичанами и его мнение о том, что командующий армейской авиацией должен руководить объединенными силами, не совпадало с намерениями генерала Арнольда, выступавшего за самостоятельную штаб-квартиру для армейских ВВС. См.: Interview Transcripts, 34, 64, Box 6, Charles L. Bolte Papers, MHI.

³⁹ The Papers of Dwight D. Eisenhower: The War Years. Vol. 1. P. xx-xxi.

⁴⁰ *Macready G.N.* Report on Work of British Joint Staff Mission to North America, 1940-1945//[17 Jan. 1946], WO 32/12178, PRO.

⁴¹ JSM (Dill) to War Office, 22 Dec. 1942, WO 106/3318. The offending document was C.C.S. (42), 100th Meeting, Item 2.

⁴² *Matloff M., Snell E.M.* Strategic Planning for Coalition Warfare, 1941-1942. Wash., 1953. P. 174-186; см. также: *Howard M.* Grand Strategy. L., 1972. Vol. 4. P. 225-285.

⁴³ *Kimball W.F.* Churchill & Roosevelt. Vol. 1. P. 437-466; Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В 2-х т. М., 1957. Т. 2. С. 22-25.

⁴⁴ U.S. Department of State, Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). Wash., 1862-, 1942. Vol. 3. P. 577, 594.

- ⁴⁵ Gwyer J.M.A. *Grand Strategy*. L., 1964. Vol. 3. P. 596-597, 682-683.
- ⁴⁶ См.: Stoler M.A. George C.Marshall: Soldier-Statesman of the American Century. Boston, 1989. P. 98-102.
- ⁴⁷ Churchill W.S. *The Second World War*. Vol. 4. P. 472-502.
- ⁴⁸ Эти проблемы рассматриваются в кн.: Stoler M.A. *The Politics of the Second Front: Military Planning and Diplomacy in Coalition Warfare, 1941-1943*. Westport, Conn., 1977; Kimball W.F. *The Juggler*; Leighton R.M., Coakley R.W. *Global Logistics and Strategy, 1940-1943*. P. 661-686; Leighton R.M. *U.S. Merchant Shipping and the British Import Crisis//Command Decisions*/Ed. K.R.Greenfield. Wash., 1960; Browder R.P., Smith T.G. *Independent: A Biography of Lewis W.Douglas*. N.Y., 1986.
- ⁴⁹ Matloff M. *Strategic Planning for Coalition Warfare, 1943-1944*. Wash., 1959. P. 106.
- ⁵⁰ U.S. Department of State, FRUS: *The Conferences at Washington, 1941-42, and Casablanca*. 1943. Wash., 1968. P. 627-637, 760-761, 791-798, 803-807.
- ⁵¹ Matloff M. *Strategic Planning for Coalition Warfare, 1943-1944*. P. 126-145; FRUS: *The Conferences at Washington and Quebec*. 1943. P. 364-371.
- ⁵² Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 1. С. 131-141, Т. 2. P. 75-76; см. также: Mastny V. *Russia's Road to the Cold War: Diplomacy, Warfare, and the Politics of Communism*. 1941-1945. N.Y., 1979. P. 73-85.
- ⁵³ Interview with BG James G.Christiansen, 12 May 1944, Box 19, RG 319, Records of the General Staff: OCMH Files, NA.
- ⁵⁴ Moscow to AGWAR, for Colonel Nelson from General John R.Deane, 8 Nov. 1943, Folder: "Mil. Trng. ASF-1: Radiograms." Box 19, Arthur Trudeau Papers, MHI.
- ⁵⁵ Matloff M. *Strategic Planning for Coalition Warfare, 1943-1944*. P. 244-269, 347-360; Department of State, FRUS: *The Conferences at Cairo and Tehran*. 1943. Wash., 1961. P. 487-508.
- ⁵⁶ FRUS: *The Conferences at Cairo and Tehran*. 1943. P. 489, 499-500.
- ⁵⁷ См., например, Greenfield K.R. *American Strategy in World War II: A Reconsideration*. Baltimore, 1963; Dunn W.S. *Second Front Now*. Tuscaloosa (Ala.), 1980; Grigg J. 1943: *The Victory that Never Was*. N.Y., 1980; Higgins T. *The Anglo-American Historians' War in the Mediterranean*. 1942-1945//*Military Affairs* № 34. Oct. 1970.
- ⁵⁸ Memorandum for the Head of Army Section, 30 Military Mission, [Aug. 1943], WO 202/911. В книге Н.Харламова изложена советская точка зрения относительно неэффективности и бюрократических отговорок, с которыми пришлось столкнуться представителям СССР, а также мнение о том, что за всем этим кроются коварные замыслы (Харламов Н. *Трудная миссия*. С. 110-115).
- ⁵⁹ List of visits made by Soviet Military Mission members//Status of Items shipped to Russia, etc., WO 202/911. См. также архивные дела (WO 202/914) русской группы связи, отменные в монографии (окт. 1945 г.).
- ⁶⁰ См.: Smith B.F. *Sharing Ultra in World War II//International Journal of Intelligence and Counterintelligence*. 1988. Spring. № 2; *Idem*. *Soviet-American Intelligence and Technical Cooperation in World War II – неопубликованный доклад на 4-м советско-американском коллоквиуме по истории второй мировой войны в университете Ратгерса в октябре 1990 г.*; Hinsley F.H. et al. *British Intelligence in the Second World War: Its Influence on Strategy and Operations*. Vols. 1-4. L., 1979-1990. Vol.2. P. 41-66; Sherwin M. *A World Destroyed: The Atomic Bomb and the Grand Alliance*. N.Y., 1975.
- ⁶¹ Report of Visit by LTG Martel to Russian South West Front, 11-19 May 1943//British Military Mission in Russia files, WO 232/4, PRO.
- ⁶² См., например, информация о британских потерях, указанных отдельно по каждому театру войны и переданных советскому правительству в мае 1943 г. (*British Casualties: Information Provided to the Russian General Staff*. 12 May 1943, WO 202/912).
- ⁶³ Report on Work of British Joint Staff Mission to North America, 1940-1945," [Jan., 1946], WO 32/12178, PRO.
- ⁶⁴ Sherry M. *Rise of American Air Power*. P. 265.
- ⁶⁵ Lukas R.C. *Eagles East: The Army Air Forces and the Soviet Union, 1941-1945* Tallahassee (Fla.), 1970. P. 192-201.

- ⁶⁶ Information for the Russians and Moscow Conf.-Oct. 43//Box 0301/1, WO 106/4161; Kerr to F.O., 22 Oct. 1943//Ibid.
- ⁶⁷ После безуспешного сопротивления британское руководство согласилось периодически сообщать детали подготовки операции "Оверлорд". 6 декабря 1943 г. ОКНШ поручил "специалистам по дезинформации" выехать в Москву для координации планов с советским Генеральным штабом. См.: J.S.M. Washington (Dill) to W.C.O.L. (COS), 29 Oct. 1943, 79 misc/1368(14540) WO 32.
- ⁶⁸ Подробнее эти вопросы рассматриваются в кн.: *Ambrose S.E.* Eisenhower. N.Y., 1983; *Hamilton N. Monty: Master of the Battlefield.* 1942-1944. L., 1983; *Bradley O A General's Life.* N.Y., 1983; *Lamb R.. Montgomery in Europe. 1943-1945: Success or Failure?* L., 1983; *D'Este C.* Decision in Normandy. L., 1983.
- ⁶⁹ *Erickson J.* The Road to Berlin.Boulder (Colo.), 1983), P. 224-230.
- ⁷⁰ *Lukas R.S.* Eagles East. P. 183-84.
- ⁷¹ См.: *Eisenhower D* Eisenhower At War. 1943-1945. N.Y., 1986. P. 754-759.
- ⁷² *Morton L* Soviet Intervention in the War with Japan//Foreign Affairs. 1962. July. № 40. P. 653-662; *Bernstein B.J* Writing, Righting, and Wronging the Historical Record: President Truman's Letter on his Atomic Bomb Decision//Diplomatic History. 1992. Winter. Vol. 1 P.163-173; последние дебаты по вопросу об участии СССР в войне на Дальнем Востоке хорошо представлены в кн.: *Sigal L.* Fighting to a Finish: The Politics of War Termination in the United States and Japan. 1945. Ithaca (N.Y.), 1988.
- ⁷³ См., например: *Smith B.* The Ultra-Magic Deals: And the Most Secret Special Relationship. 1940-1946. Novato (Calif.), 1992.
- ⁷⁴ *Hinsley F.H* British Intelligence in the Second World War// Intelligence and International Relations. 1900-1954/Eds. Ch.Andrew, J.Noakes. (Exeter Studies in History Number 15, Exeter, 1987). P. 209-218; *Hinsley F.H. et al.* British Intelligence in World War II. Vol. 3 P. 2, 41-102; об Осима и "Мэджик" см.: *Boyd C* Significance of Magic and the Japanese Ambassador to Berlin: (V) News of Hitler's Defense Preparations for Allied Invasion of Western Europe//Intelligence and National Security. 1989. July. № 4. Vol. 3. P. 461-79.
- ⁷⁵ *Hinsley F.H. et al* British Intelligence in the Second World War. Vol. 3. P. 19-20; Vol. 2. P. 60-62. О последних оценках роли "Ультра" см. цитированные выше работы Джеффри Смита; *Jukes G.* The Soviets and Ultra//Intelligence and National Security. 1988. April. № 2; *Milner-Barry P.S* The Soviets and Ultra: A Comment on Jukes' Hypothesis//Ibid.; *Mulligan T.* Spies, Ciphers and Zitadelle: Intelligence and the Battle of Kursk//Journal of Contemporary History. 1987. № 22; *Andrew Ch., Gordievsky O.* KGB: The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. N.Y., 1990.
- ⁷⁶ *Howard M.* British Intelligence in the Second World War: Strategic Deception, 5. N.Y., 1990, P. ix.
- ⁷⁷ См.: *Glantz D.M.* Soviet Military Deception in the Second World War. L., 1989; *Idem* The Role of Intelligence in Soviet Military Strategy in World War II. Novato (Calif.), 1990.
- ⁷⁸ *Hinsley F H* British Intelligence in the Second World War. Vol. 3. P. 21.
- ⁷⁹ См.: *Overy R.J.* The Air War, 1939-1945. N.Y., 1980. P. 132-162; *Sherry M.* The Rise of American Air Power. P. 152-166; *Messenger Ch* «Bomber» Harris and the Strategic Bombing Offensive, 1939-1945. N.Y., 1984.
- ⁸⁰ *Butcher H C.* My Three Years With Eisenhower. N.Y., 1946. P. 855.
- ⁸¹ *Kissinger H A.* A World Restored New Ed. N.Y., 1964. P. 109.
- ⁸² *Stoler M A* George C.Marshall: Soldier-Statesman of the American Century. Boston, 1989. P. 127.

5. Великобритания: ЦИКЛОПЫ

Р.Дж.Овери

В период между двумя мировыми войнами Великобритания оставалась одной из крупнейших и процветающих держав мира. Очень важно вспомнить, учитывая сравнительный экономический спад в Великобритании с 1945 г., что в канун второй мировой войны она по-прежнему играла ведущую роль в международной экономике, осуществляя инвестиции и торговые операции за границей, которые по своим масштабам не идут в сравнение ни с одним другим европейским государством. По объему производства Великобритания уступала только Соединенным Штатам. Уровень жизни британского населения был одним из самых высоких в мире. В значительной степени процветание страны зависело от торговли, причем в немалой степени от торговли с подвластными ей рынками Британской империи. Кроме того, Британия традиционно считалась центром мирового капитализма, осуществлявшим финансирование, перевозки и услуги, что поддерживало успешное развитие мировой экономики. В 1939 г., когда разразилась война, английская экономика рассматривалась союзниками как основной источник силы для борьбы во имя общего дела.

Тем не менее в период между войнами британская экономика столкнулась с целым рядом трудностей, которые отчасти явились последствием войны 1914-1918 гг. Английская торговля под натиском растущей зарубежной конкуренции уже не смогла достичь стремительных темпов 1913 г. В результате Великой депрессии мировая торговля наполовину уменьшилась, что заставило Великобританию отказаться от принципа свободы торговли и перейти к покровительственным тарифам. Большую часть межвоенного периода Британия сохраняла верность таким старомодным отраслям промышленности, как угольная, судостроительная и текстильная, медленно адаптируясь к новым видам производства. В результате такой политики в стране отмечался высокий уровень безработицы в течение всего периода между войнами, а также серьезный региональный дисбаланс в экономическом развитии. Английские капиталисты очень медленно и неоднозначно реагировали на эти рыночные факторы. Чтобы сохранить экономический рост и проводить техническую модернизацию, правительству все чаще приходи-

лось прибегать к государственному регулированию и контролю. К концу 1930-х годов в результате государственного вмешательства была создана своего рода “управляемая экономика” — капиталистическая система, эффективное функционирование которой зависело от государственного руководства и больших государственных капиталовложений.

Ухудшавшаяся международная обстановка в 30-е годы как нельзя более стимулировала правительственное вмешательство. К 1934 г. Англия начала серьезно задумываться над проблемами перевооружения для новой войны. Опыт предыдущей мировой войны окрашивал ее мышление. Британское правительство решило начать с полномасштабной мобилизации экономических ресурсов страны. По мнению английского руководства, сила и выносливость экономики являются такими же важными факторами, как и военная мощь. В действительности военные усилия очень сильно зависят от сохранения стабильной и производительной экономики¹.

Таким образом, в основе военных приготовлений Великобритании до 1939 г. имелись два фактора — подготовка к крупномасштабной мобилизации экономики и поддержание ее стабильности. Стратегическое планирование Великобритании и Франции в 1939 г. базировалось на убеждении, что финансовая и промышленная мощь западных стран в войне на истощение позволит победить Германию. В период перевооружения правительство сконцентрировало свои усилия на наращивании производственных мощностей, переквалификации рабочей силы, накоплении дефицитных ресурсов и поощрении производства стратегически важных военных материалов и оборудования. Перевооружение повышало уровень занятости и поощряло новые инвестиции. Начиная с 1937 г. правительственные заказы на товары и услуги стали искажать картину торговли и капиталовложений. Хотя иногда бизнесменов раздражало растущее государственное вмешательство, сопровождавшее военные приготовления, в целом британский капитализм понимал важность сотрудничества с правительством в деле наращивания военной мощи и обеспечения безопасности Великобритании.

К 1939 г. экономика страны была целиком занята подготовкой к войне. Расчеты установили, что солдат образца 1939 г. нуждался в экономическом обеспечении, в 3 раза превышающем обеспечение его собрата в 1914 г.² Финансирование перевооружения являлось самым высоким за всю историю Великобритании. Военные обязательства страны дома и за рубежом были столь велики, что еще до начала войны стали заметны серьезные экономические трудности. Военные приготовления такого масштаба вызвали целый ряд бросающихся в глаза уязвимых мест в британской экономике, которые необходимо было устранить для эффективного использования экономической мощи Великобритании.

Во-первых, расширение военного производства подчеркнуло высокую зависимость от внешних источников снабжения. В 30-е годы больше половины продуктов питания ввозилось из-за границы. Импортировались почти все стратегические материалы (нефть, алюминий, олово, каучук, марганец и т.д.). На протяжении всей войны самой приоритетной задачей оставалось поддержание безопасных линий коммуникаций с

внешним миром. Англия могла бы выдержать блокаду в течение нескольких месяцев, но нет сомнения, что без доступа к мировым рынкам военная экономика не смогла бы функционировать. Руководство Великобритании понимало, что экономика страны не может полагаться на собственные ресурсы, поэтому еще до начала войны использовало поток товаров первой необходимости из своих колоний и доминионов и из Соединенных Штатов для пополнения собственных запасов. В течение всего периода войны остальные страны свободного мира поддерживали британскую экономику. Проблема закупки и транспортировки этих товаров оставалась важнейшей задачей.

Во-вторых, существовала проблема денег. В конце весны 1939 г. канцлер казначейства (министр финансов) предупредил правительство, что оно не сможет сохранять существующий уровень военных расходов без риска финансового краха. В течение 1939 г. в Англии наблюдался высокий дефицит торгового баланса и значительный дефицит государственного бюджета. Тем не менее правительство по-прежнему придерживалось взятых обязательств с целью сохранения финансовой стабильности: «Поддержание финансового и экономического фронта так же важно для наших военных усилий, как... и ведение боевых действий», — писал канцлер казначейства в 1941 г.³ Правительство стремилось всеми силами избежать высокой инфляции, сопровождавшей предыдущую войну, вызвавшей социальные беспорядки и неоправданно увеличившей военные расходы. Эту проблему удалось решить с помощью осторожного финансового планирования и жесткого государственного контроля за рынком капитала и внутренним спросом. Однако и в этом случае Великобритания нуждалась в щедрости своих союзников, которые бесплатно предоставляли товары в тех случаях, когда британское правительство не имело больше средств, или соглашались продлить кредит до момента, когда его финансовое положение укрепитя.

И, наконец, последняя проблема была связана с производством оружия. К 1939 г. возрастало соперничество за влияние на экономику между военными и гражданскими. Правительство нуждалось в вооружении, но не в меньшей степени оно стремилось к умиротворению населения и молчаливому согласию деловых кругов. Волей-неволей государство вынуждено было взять на себя ответственность за конверсию гражданской промышленности и нормированное распределение ресурсов между различными претендентами. Великобритания располагала преимуществом очень мощной производственной базы и небольшим сельскохозяйственным сектором. Для организации военного производства не требовалось осуществлять какие-либо структурные изменения. Тем не менее практически не имелось альтернативы стратегии конверсии гражданского производства в военное. Англия не могла закупать боеприпасы в большом количестве за рубежом; к 1939 г. в стране оставалось лишь ограниченное число безработных. Государство приняло решение контролировать производство товаров, чтобы, с одной стороны, обеспечить достаточно высокие темпы выпуска оружия хорошего качества, а с другой — сохранить приемлемый уровень жизни населения страны. Государственные чиновники, работая в тесном сотрудничестве с пред-

ставителями деловых кругов, постепенно превратили английскую промышленность в одного большого правительственного подрядчика, работающего, по словам Черчилля, “под полным контролем правительства”⁴. Это не привело к созданию коллективистской экономики, но действительно потребовало высокой степени согласия между правительством, бизнесом и рабочими, чтобы осуществить экономические цели правительства.

Эти три проблемы — сохранение поставок с заморских территорий, финансирование военных приготовлений и контроль за производством товаров — в одинаковой мере зависели от политических и экономических факторов. Для их решения необходимо было тщательное планирование и административный контроль, а это, в свою очередь, зависело от готовности политического руководства распространять свое влияние на рыночную экономику. Успех военной экономики зависел от готовности бизнесменов и рабочего класса принять те жертвы, которые это за собой повлечет, и отказаться от свободы маневра. История экономики Великобритании в военное время является отражением глубокого убеждения ее населения в том, что политическое и военное выживание стоило временной потери экономической свободы.

Переход на полную экономическую мобилизацию означал, что у государства практически не оставалось иного выбора, как принять на себя общее руководство экономикой. То же случилось и во время первой мировой войны, только после длительного периода неразберихи и неопределенности. Правительственное вмешательство в экономику в конце 30-х годов было значительнее и глубже, чем в 1914 г. (правительственные расходы примерно удвоились по сравнению с довоенным уровнем), а переход на государственный контроль или управление произошел более открыто и не вызвал серьезной политической оппозиции. Еще до начала войны был создан аппарат государственного контроля, правда ее первые месяцы выявили его недостатки, и он был реконструирован и расширен. Проведенная в ходе войны реорганизация поставила под государственный контроль практически все аспекты экономической жизни Великобритании. К 1944 г. экономика страны больше, чем когда-либо ранее, приблизилась к командной.

Первые рычаги управления зародились в самой парламентской системе. Окончательная ответственность за экономику всегда лежала на премьер-министре и его кабинете, однако большая часть рутинной работы и исполнительная власть являлись прерогативой отдельных государственных департаментов или специальных комитетов кабинета министров. В случае острой необходимости создавались новые министерства, например министерство координации обороны в 1936 г., министерство снабжения в 1939 г., министерство авиационного производства в 1940 г. и т.д., хотя в течение почти всего военного периода вопросы повседневной жизни страны решались такими традиционными органами, как министерства финансов, торговли и труда. Дополнительно для решения экономических вопросов создавались специальные комитеты, которые по большей части являлись временными, и в их задачи входило

решение конкретных проблем, например организованные в 1939 г. комитеты по капиталовложениям и накоплениям, иностранной валюте и экспорту.

Система комитетов имела глубокие корни в британской конституционной практике. Она представляла собой гибкий инструмент, позволявший ликвидировать пробелы и улаживать конфликты, собирать информацию, устанавливать приоритеты, вырабатывать рекомендации для кабинета министров. Эта система обладала рядом недостатков, не позволяя обычно принимать быстрые, решительные действия, но у нее были и огромные преимущества — полное, всестороннее и взвешенное изучение проблем. В отличие от государств с диктаторским режимом британская система оставалась открытой для критики, по словам Черчилля, “для честного расхождения во мнениях”⁵, что позволяло принимать решения обоснованные, а не интуитивные, взвешенные, а не импульсивные. Кроме того, британская структура не исключала возможности в случае необходимости принимать чрезвычайные решения. Для формирования комитета и принятия им первых решений требовалось всего лишь две недели.

Эффективная координация действий оставалась основной проблемой военной администрации. По мере роста экономической мобилизации и бюрократического аппарата, управляющего этим процессом, возникла насущная потребность связать воедино различные элементы экономической машины, предотвратить дублирование сфер полномочий, конкурентную борьбу за ресурсы и отсутствие приоритетов. Черчилль настаивал на упорядочении всей структуры комитетов и их полномочий, когда он пришел к власти в мае 1940 г. после отставки Чемберлена. В результате были сформированы пять основных координационных комитетов — по производству, экономической, продовольственной и внутренней политике, по гражданской обороне. Все окончательные решения принимались военным кабинетом⁶. Одновременно Черчилль поощрял общую рационализацию административных процедур и изменение бюрократического протокола. Некоторым министрам, особенно лорду Вултону в министерстве продовольствия, удалось этого добиться, отчасти потому, что все это были люди со стороны. Так, Вултон пришел из промышленности, лорд Бивербрук, министр авиационного производства, — из прессы, Хью Долтон, министр экономики, — из академических кругов.

Но все же в целом система 1940 г. была ненамного лучше той импровизированной структуры, которую она заменила. В начале 1941 г. под давлением растущей критики в прессе и парламенте за отсутствие четкого планирования и первоочередности задач в экономике Черчилль снова пересмотрел всю систему. Он сократил число комитетов, ответственных за экономику, до трех: первый, возглавляемый лордом-председателем Совета (один из членов кабинета. — *Ред.*), по осуществлению контроля за экономикой страны и выработке общей экономической стратегии; второй — исполнительный комитет по промышленному производству, возглавляемый энергичным министром труда Эрнстом Бевином; третий — исполнительный комитет по импорту, который нес от-

ответственность за оплату расходов по импорту и доставку грузов в Великобританию. На заседаниях исполнительного комитета по промышленному производству встречались ведущие министры, ответственные за экономическую политику, для принятия согласованных решений по вопросам, которые не могли приниматься только одним министерством. В свою очередь этот исполнительный комитет формировал региональные исполнительные советы по промышленному производству для координации действий на местном уровне. Отсутствие таких советов являлось серьезной ошибкой старой структуры. Однако реальная сила двух основных комитетов определялась не только их рациональной структурой, но и личностями их председателей. Сэру Джону Андерсону в качестве лорда-председателя Совета и Эрнсту Бевину как председателю исполнительного комитета по промышленному производству отлично удавалось собирать всех министров воедино и заставлять их действовать. Бевин был идеальной кандидатурой, поскольку, являясь министром труда и национальной повинности, он одновременно заседал в военном кабинете и отвечал за людские ресурсы, в которых британская экономика больше всего нуждалась. На практике это означало, что прогресс экономики в целом зависел от поставок рабочей силы, а это делало Бевина главной фигурой в экономическом планировании.

Самым серьезным недостатком новой системы являлась трудность установления линии раздела между функциями исполнительного комитета по промышленному производству и департаментами военных поставок. Очень часто от этого комитета требовалось принятие детальных решений по вопросам вооружений, которые должны были передаваться вниз по административной цепочке. Исполнительный комитет по промышленному производству не смог проявлять в таких обстоятельствах собственную инициативу и вместо этого полагался на решения, предложенные другими министерствами. В течение 1941 г. его заседания проводились все реже и реже⁷. Важнейшие решения принимались комитетом обороны Черчилля или комитетом лорда-председателя Андерсона. В начале 1942 г. Черчилль решил заменить исполнительный комитет по промышленному производству министерством производства для координации программ и производства в интересах вооруженных сил. Сначала новое министерство возглавлял лорд Бивербрук, а затем Оливер Литтлтон, который хорошо зарекомендовал себя во время работы в министерстве торговли в начале войны. Черчиллю необходим был человек, который смог бы отстаивать интересы британского производства в Объединенных комитетах, создаваемых в то время совместно с Соединенными Штатами, и министр производства отлично подходил для этой роли. На практике многие решения по военному производству по-прежнему принимались кабинетом министров, поэтому роль Литтлтона свелась к общему контролю и координации военного производства.

К 1942 г. структура правительства стала намного более централизованной. Это было неизбежно. Принимаемые во время войны решения и отдаваемые распоряжения не должны были вызывать замешательства или споров. Поскольку это было под силу только военному кабинету.

то административная система, естественно, стала полагаться на центральную власть. Одновременно органы на местах разрастались, а армия служащих все больше бросалась в глаза. Число правительственных служащих возросло с 1,38 млн в 1939 г. до 1,9 млн человек в 1944 г.⁸ Реорганизация 1942 г. была рассчитана на укрепление позиций местных органов с помощью региональных производственных советов и инспекторов министерства труда, которые должны были обеспечить эффективное исполнение директив из центра на местах.

Организация военной экономики оказалась достаточно гибкой и прочной, что позволило избежать каких-либо серьезных ограничений на военное производство. Важным преимуществом организации военной экономики стала возможность использовать помощь экспертов, которые разделяли цели и взгляды своих коллег из гражданского сектора. На работу были призваны ученые в области экономики, социальных наук и статистики, чтобы помочь в организации информации и выработать экономическую стратегию; для работы в правительстве пригласили промышленников, чтобы использовать их технический и организационный опыт.

Все эти события не всегда шли гладко. В стране с укоренившейся традицией невмешательства оставалось глубокое недоверие к государственной власти. Британскую общественность отличали заметное недоверие к компетентности государственных служащих и распространенная враждебность к волоките и ползучей бюрократизации. Тем не менее альтернативы государственному контролю практически не имелось, и в ходе войны тревога общественности уступила место растущей уверенности в способности государства справиться с экономическими трудностями. В 1944 г. американский посол Джон Вайнант писал Корделлу Хэлли в Вашингтон по поводу заметного успеха Великобритании в управлении экономикой военного времени: «Наиболее важный фактор в Великобритании, который не обязательно будет таким же эффективным во всех других странах, состоит в том, что методы и рычаги управления военного времени использовались с высокой отдачей как в гражданском секторе военной экономики, так и в военном, в результате чего общее недоверие к способности правительства решать экономические проблемы сократилось...»⁹

Военные усилия в гражданском секторе направлялись административной элитой, которая оказалась однородной и готовой к сотрудничеству. Важнее всего, что огромное усиление государственной власти не привело, с одной стороны, к появлению недееспособной диктатуры, а с другой — к разрушительному политическому конфликту. Трудно вообразить, чтобы добровольная система могла бы добиться большего успеха. Характер конфликта потребовал увеличения роли государства, но именно благодаря характеру британской политической системы это вмешательство государства удалось удержать в приемлемых границах.

Военная экономика Великобритании исходила из предпосылки, что поставки из-за границы не прервутся. Для поддержания достаточного уровня жизни населения и требуемых темпов производства оружия не-

обходимы были продовольствие и сырье. Перед началом войны предпринимались некоторые попытки накопить дефицитные ресурсы, однако государство вынуждено было признать, что таким образом ему никогда не удастся удовлетворить запросы. Основным оружием в экономическом арсенале Великобритании оставался ее мощный флот и широко разветвленная коммерческая сеть. Они должны были бы гарантировать поступление поставок. Не последовало серьезных усилий по принятию стратегии автаркии или замене импорта, чему отдавалось предпочтение в Германии и Японии.

Почти полная зависимость от заокеанских поставок после 1939 г. рассматривалась как проблема не военная, а экономическая. Перевооружение и военное производство не только увеличили потребности в импорте товаров, но также понизили возможности английских фабрик производить на экспорт для оплаты импорта. Одновременно удовлетворить военные и экспортные запросы было совершенно невозможно. Однако в случае падения экспорта Великобританию ожидало резкое ухудшение баланса платежей и значительный рост задолженности по заморским поставкам. После 1939 г. перед британской военной экономикой встала важнейшая задача — найти способ оплачивать требуемый импорт без необходимости ответных экспортных поставок.

Вначале правительство надеялось решить эту задачу, просто сократив импорт товаров, без которых можно было обойтись, и содействуя развитию экспорта британских товаров. Отрасли промышленности, работавшие на экспорт, получали в первую очередь дефицитные материалы и, пользуясь нехваткой товаров на мировом рынке, вздували цены. В течение первой половины 1940 г. к британским фирмам перешли экспортные заказы, которые германские фирмы уже не могли выполнять из-за блокады. Однако целый ряд факторов помешал решению этой задачи. По мере ухудшения военного положения союзников падал курс фунта стерлингов. В ответ на чрезвычайные обстоятельства военного времени неуклонно росли цены на сырье и продукты питания. В результате резко возросли расходы на импорт и практически свели к нулю любые доходы от высоких экспортных цен. В 1940 г. дефицит торгового баланса вдвое превышал уровень 1939 г. Вступление Италии в войну в июне 1940 г. и капитуляция Франции отрезали другие регионы снабжения и торговли, а начало войны с Японией в декабре 1941 г. лишило Великобританию источников поставок в Восточной Азии и способствовало дальнейшему росту мировых цен. Тот размах военного производства, которое считалось необходимым для стратегических планов Великобритании, исключал возможность поддержания существующих уровней экспорта: к 1941 г. экспорт составил менее $\frac{2}{3}$ уровня 1938 г., а к 1943 г. — всего лишь $\frac{1}{3}$. Импорт в 3 раза превышал экспорт. К 1941 г. запас золота и иностранной валюты для оплаты поставок по импорту был практически израсходован, и Англия оказалась перед мрачной перспективой международного банкротства или краха военной экономики.

Чтобы предотвратить кризис, правительство приняло ряд срочных мер. Оно нашло способ ограничения импорта самым необходимым. Ли-

цензии на импорт выдавались на сырье, а вся остальная торговля была приостановлена. В период 1940-1944 гг. объем импортируемых материалов сократился с 22 млн до примерно 12 млн т. Чтобы снизить потребность в импорте продовольственных товаров, правительство пыталось выращивать все возможные продовольственные культуры на территории Британии. Было освоено много новых земель, парки и сады превратились в овощные огороды. Введено нормирование продуктов питания, а из магазинов исчезли предметы роскоши. В 1939 г. Великобритания импортировала 29 млн т продовольствия, а в 1944 г. — только 10 млн. Правительство установило полный контроль над покупкой и распределением жизненно важных материалов, которые могли быть приобретены только за рубежом. Чтобы гарантировать необходимое поступление алюминия для авиационной промышленности, Великобритания предприняла широкое инвестирование в промышленность Канады. После захвата Японией британских источников поступления каучука на Дальнем Востоке правительство стало вкладывать капитал в развитие производства каучука в других регионах. Эти инициативы гарантировали непрерывный приток жизненно важных товаров, значительно сократив общий уровень импорта. В Великобритании были созданы большие запасы продуктов и сырья — примерно 9-месячный запас на случай, если события примут непредвиденный оборот¹⁰.

Но избежать катастрофы не удалось. К концу 1940 г. Великобритания практически исчерпала свой долларовый запас и у нее не было средств для оплаты поставок из Северной и Латинской Америки. Платежи в стерлинговой зоне можно было бы поддерживать, только заморозив стерлинговые авуары, накопленные имперскими поставщиками в Лондоне.

К концу войны долги Англии стерлинговой зоне составляли 3,355 млрд ф. ст. Канада предоставляла щедрые подарки и займы, общая стоимость которых в течение военного периода составила почти 3,5 млрд долл.¹¹ Бельгийское правительство в эмиграции одолжило золото на сумму 300 млн долл. Великобритания имела значительные иностранные капиталовложения, оцениваемые в 4 млрд ф.ст. Половина была распродана, чтобы компенсировать дефицит торговли. Однако в декабре 1940 г., несмотря на все эти временные меры, настал час, когда Великобритания больше не могла оплачивать товары по контрактам с Соединенными Штатами. 7 декабря 1940 г. Черчилль предупредил Рузвельта о том, что “приближается момент, когда мы будем не в состоянии платить наличными за поставки грузов”, и он отдал военные усилия Великобритании на милость Соединенных Штатов¹².

Американское правительство подозревало, что за этим призывом о помощи стояли какие-то соображения, кроме экономических. Черчилль хотел заставить Рузвельта взять на себя более широкие и определенные обязательства перед союзниками. Однако не вызывало сомнений, что Великобритания в одиночку не сможет нанести поражение Германии. Уильям Лейтон, редактор журнала “Экономист”, выступая в октябре 1940 г. перед собранием американских промышленников, заявил: “Существует один, и только один путь компенсировать соотношение в

выпуске стали 3:1 в пользу Германии — это поставки 50-60 млн т слитков стали в год из Соединенных Штатов”¹³. Не вызывала также сомнений угроза банкротства Великобритании. Хотя Рузвельт не совсем доверял заверениям англичан, что у них в казне не осталось наличности, приведенные доводы на него подействовали. В конце декабря он заявил, что Соединенные Штаты станут “арсеналом демократии”, обеспечивая Британскую империю всем необходимым для продолжения борьбы. В январе 1941 г. он представил Конгрессу законопроект о предоставлении материалов и оборудования врагам нацизма с длительной рассрочкой (билль о ленд-лизе). Пока законопроект обсуждался в палатах Конгресса, корпорация “Реконстракшн файненс” предоставила Великобритании срочный заем на сумму 425 млн долл. в целях оплаты важнейших неотложных контрактов и предотвращения банкротства. 11 марта 1941 г. этот законопроект приобрел силу закона и военные усилия Великобритании были спасены. “Без этой помощи, — сказал Черчилль в частной беседе, — нельзя было надеяться на победу над гитлеризмом”¹⁴.

На приведение в действие этого закона требовалось время. Большая часть оружия и техники, закупленных до Пёрл-Харбора, по-прежнему оплачивалась наличными. Только 100 из 2400 самолетов в 1941 г. были присланы по ленд-лизу. 60% сырьевых материалов, импортированных в том же году из Соединенных Штатов, были оплачены наличными. Хотя четкие соглашения о возмещении долгов не были приняты, американцы хотели бы получить какую-то компенсацию, и они получили ее в виде довольно неопределенного обещания Великобритании снизить тарифы и ввести после войны либеральный режим торговли¹⁵. Однако начиная с середины 1941 г., с ростом темпов производства американского вооружения и техники, их поставки в Британию и империю резко возросли. К 1943-1944 гг. около 25% всего военного оборудования поступали из Соединенных Штатов. В 1942-1944 гг. почти весь экспорт сырья в Великобританию осуществлялся по ленд-лизу. На протяжении военных лет Соединенные Штаты Америки оказали Великобритании помощь на 21 млрд долл., из них 14 млрд долл. в виде военных поставок и 7 млрд долл. — в виде сырья и нефти. Общая сумма задолженности долларовой зоне достигла в ходе войны 25 млрд долл., что равнялось валовому национальному продукту Великобритании за целый год¹⁶.

Не вызывает сомнений, что решение Соединенных Штатов предоставить Великобритании безоговорочную помощь явилось важнейшим поворотным пунктом в войне. Оглядываясь на прошлое, можно доказывать, что такое решение едва ли должно вызывать удивление. Рузвельт был явно на стороне Англии, и начиная с 1939 г. находил способы осуществлять поставки по закупкам в Соединенных Штатах. Но в то время решение Рузвельта нельзя было считать само собой разумеющимся. Ему по-прежнему приходилось бороться с изоляционистскими настроениями в американском обществе, поскольку даже те, кто считал необходимым оказывать помощь союзникам, помнили о неоплаченных долгах после первой мировой войны. Победила точка зрения Рузвельта,

что война Великобритании против темных сил зла — это и война Америки. За этот акт доброй воли Англия агитировала 6 месяцев.

Великобритания расплатилась за этот акт, несмотря на его кажущееся “бескорыстие”. Оплата американских поставок наличными обеспечила начальные капиталовложения на собственное перевооружение Соединенных Штатов и сэкономила средства американских налогоплательщиков. Крах британской торговли дал стимул невиданному росту экспорта США во время войны. В конце концов это привело к тому, что Великобритания утратила контроль над военными усилиями. Экономическая зависимость от Америки изменила соотношение сил между двумя государствами. В середине 1941 г. они приступили к совместному планированию военного производства и добычи полезных ископаемых, а в 1942 г. они сформировали Объединенные советы для контроля за военным производством. Начиная с того момента любая кризисная ситуация в снабжении Великобритании в действительности становилась проблемой американской внешней политики¹⁷.

А таких критических ситуаций было множество. Американская помощь не могла автоматически решить экономические проблемы Великобритании. Отнюдь нет, поскольку Соединенные Штаты всегда настаивали на том, что Англия должна максимально разрешать собственные экономические трудности. Самым наглядным примером является кризис в доставке грузов. Английская экономика подверглась самым суровым испытаниям в 1941 г. и снова в конце 1942 - начале 1943 г., когда немецкие подводные лодки начали наносить удары. Сохранение морского транспорта было жизненно важным для Великобритании, поскольку без него нельзя было обеспечить удовлетворительное снабжение населения продовольствием и пришлось бы резко сократить производство вооружения, особенно самолетов, которое зависело от заморских поставок алюминия. Черчилль писал Рузвельту в декабре 1940 г.: “Именно от погрузки и отправки грузов и возможности транспортировать их через океаны...будет в 1941 г. зависеть ход войны”¹⁸. В течение 1940 г. Великобритания потеряла 1 млн т грузов — из первоначально запланированных 42 млн т поставок по импорту на 1941 г. Из-за недостатка транспортных средств эти цифры были пересмотрены, и к апрелю 1941 г. стало очевидно, что если не удастся обеспечить дополнительные транспортные средства, то поставки продуктов питания и оружия упадут до опасного уровня.

У Черчилля не было реального выбора. Он настаивал на приоритете продуктов питания: “Ничто не должно мешать поставкам, необходимым для поддержания жизнестойкости и решимости народа Великобритании”¹⁹. Чтобы обеспечить более рациональное использование транспортных средств, было сформировано новое министерство — военного транспорта. Была упорядочена система конвоирования судов. Сэр Артур Солтер возглавил специальную миссию в Вашингтон по вопросам грузоперевозок с целью убедить Соединенные Штаты в необходимости предоставить транспортные средства грузоподъемностью 2 млн т и спланировать программу перевозок на 1942 г. в объеме 8 млн т. Рузвельт согласился с последним предложением, поскольку Соединенные

Штаты сами нуждались в большом количестве торговых судов, а заодно согласился и на первое предложение, предоставив незафрахтованные американские суда и часть реквизированных судов держав "оси" в североамериканских и латиноамериканских портах²⁰. В результате в течение 1941 г. общий тоннаж торговых судов под британским флагом или зафрахтованных Великобританией оставался более или менее постоянным на уровне 21 млн т и на практике превзошел все ожидания. Однако в течение 1942 г. ситуация изменилась к худшему. Великобритания потеряла 3963 торговых судна, а увеличила свой торговый флот только на 2600. Объем импорта упал до 22 млн т, а запасы продовольствия и материалов в стране были израсходованы. В конце 1942 г. и вновь весной 1943 г. британские миссии отправлялись за океан, чтобы молить о помощи. И каждый раз американцы обещали свою помощь; в 1943 г. они предложили суда грузоподъемностью 7 млн т, чтобы поднять общий объем импорта до 26 млн т. Это был спасательный круг, который позволил Великобритании продолжать свои производственные программы в полном объеме²¹.

В конечном итоге разрешить эту кризисную ситуацию удалось с помощью боевых действий против германских подводных лодок, предпринятых силами военно-морского флота и авиации в 1943 г. В боях на море погибли $\frac{1}{3}$ моряков британского торгового флота, и были потоплены 13 млн т грузов, находившихся в трюмах судов, плавающих под британским флагом. В результате серьезных экономических усилий британской судостроительной промышленности удалось наладить выпуск судов, обеспечивших доставку 5,5 млн т грузов. Жизненно необходимым условием выживания Великобритании в войне было сохранение адекватных экономических связей с внешним миром. Когда мы оглядываемся на прошлое, это представляется нам довольно простым процессом контроля и организации, планирования и финансирования, но в жизни это было совсем не так. Перед правительством Великобритании постоянно возникали все новые проблемы поиска источников сырья, доставки его в страну и финансирования закупок на заморских территориях. Это требовало значительных дипломатических усилий и изобретательности во время переговоров о предоставлении кредитов или особых привилегий, большого организационного и коммерческого таланта для поиска источников снабжения и доставки грузов. Кроме того, это означало зависимость от доброй воли как кредиторов, так и союзников Великобритании.

Когда Великобритания вступила в войну с Германией, она знала, что война скорее всего будет долгой и несомненно дорогостоящей. По словам Кейнса, оплата военных усилий стала "центральной проблемой внутренней экономической политики"²². С самого начала правительство решило резко сократить расходы на общественное потребление и перенацелить ресурсы на нужды войны. Такая стратегия таила в себе множество трудностей. Необходимо было убедить гражданское население в оправданности и неизбежности экономических жертв — увеличении налогов, введении нормирования и тому подобное. Поскольку и гражд-

данские, и военные начали погоню за исчезающими товарами, нужно было найти какой-то способ избежать инфляции. Правительство всеми средствами пыталось уйти от любых мер, которые могли бы подорвать моральный дух нации, привести к неравным жертвам или вызвать общественные беспорядки. Хитрость состояла в том, чтобы найти необходимые средства для ведения войны внутри страны, сохранив одновременно стабильные цены и в известной степени умиротворив рабочий класс.

На ранних этапах войны правительство надеялось решить эти задачи, просто подняв налоги. В августе 1939 г. казначейство разработало “Военный план”, в котором рекомендовало увеличить налоги на потребителей, в промышленности — на сверхприбыль, а также установить государственный контроль над капиталовложениями и сбережениями²³. Правительство ввело налог на сверхприбыль, встреченный деловыми кругами крайне враждебно, отчасти для того, чтобы избежать обвинений прессы, что промышленность наживается на войне, а отчасти с целью добиться поддержки профсоюзов. Правительство не забывало о тех проблемах, которые возникли во время войны 1914-1918 гг., и потому пыталось продемонстрировать свое явное стремление более справедливо распределить бремя войны. В 1938 г. в стране насчитывалось 19 тыс. налогоплательщиков с чистым доходом выше 4 тыс. ф.ст.; к 1942 г. их осталось только 1250²⁴. Все принимаемые правительством меры ставили своей задачей поднять государственные доходы в 1940 г. более чем на 40%. Однако эскалация военных расходов превзошла все ожидания. Накануне битвы за Францию начальники штабов высказались за то, что “финансовые соображения не должны встать на пути” формирования вооруженных сил, необходимых для разгрома Германии²⁵. В 1940 г. правительственные расходы достигли 3,97 млрд ф.ст., однако государственные доходы принесли в казну только 1,495 млрд ф.ст. Великобритании необходимо было восполнить эту “брешь в бюджете” — разницу между приходом и расходом, — если она хотела продолжать полномасштабные боевые действия.

Восполнить этот пробел в бюджете можно было главным образом за счет увеличения государственного долга. Однако получить такие огромные займы удалось бы только в том случае, если бы население больше экономило и меньше потребляло. Добиться этого без принуждения (а оно отвергалось по политическим соображениям) представлялось довольно деликатной задачей. Население будет делать сбережения, если в магазинах будет меньше товаров, а правительству оно отдаст свои сбережения в заем только в том случае, если будет уверено в их сохранности или разумном использовании. Первую проблему правительство решило, сократив поставки потребительских товаров, поощряя тем самым население делать сбережения. По всей стране была развернута пропагандистская кампания, восхвалявшая патриотизм тех, кто нес свои сбережения в банки. Когда в банках имелись деньги, правительство поощряло частных брать займы у государства. Таким образом, обычный владелец денежного вклада испытывал удовлетворение, полагая, что его деньги не имеют отношения к войне, не понимая,

что эти деньги, подобно налоговым сборам, используются для военных целей. Эта стратегия была настолько успешной для восполнения бюджетного дефицита на протяжении всей войны, что никаких дополнительных жестких мер финансового принуждения не потребовалось²⁶.

Увеличивающиеся сбережения и налоги не могли полностью разрешить проблему инфляционного давления. Цены на дефицитные продукты в 1939 и 1940 гг. быстро возросли. За первые три месяца войны общий индекс цен возрос на 12%. В конце 1940 г. уровень стоимости жизни был на треть выше, чем в предыдущем году²⁷. Этот рост постоянно стимулировал требования о повышении зарплаты. Особенно значительно доходы работающих возросли на предприятиях военной промышленности. В июле 1940 г. зарплата рабочих и служащих на металлургических и машиностроительных заводах возросла на 42% по сравнению с аналогичным периодом 1938 г., а в целом по промышленности — на 30%²⁸. Правительство не решалось устанавливать полный контроль за ценами и доходами, поскольку считалось, что такие меры вызовут недовольство рабочих. По замечанию Кейнса, инфляция должна развиваться “таким путем, чтобы удовлетворить чувство социальной справедливости у общественности”²⁹.

Контроль за зарплатой и ценами осуществлялся не путем прямого жесткого административного регулирования, а косвенно, путем развития сотрудничества между предпринимателями и рабочими. В августе 1940 г. кабинет принял решение о выделении субсидий на производство важнейших продуктов питания с тем, чтобы цены на эти продукты оставались стабильными. Контроль за продуктами питания на протяжении всей войны оставался важнейшим инструментом контроля за ценами в целом³⁰. Утверждая бюджет на 1941 год, правительство избрало стабилизацию цен в качестве важнейшей цели. Уровень арендной платы и цен на горючее поддерживался искусственно.

Производство большинства видов продуктов питания субсидировалось. Кроме того, принимались меры по концентрации их производства с тем, чтобы сбить цены на ненормированные предметы потребления. Правительство разработало также механизм улаживания споров с тред-юнионами с целью недопущения роста заработной платы и заставило их твердо придерживаться взятых на себя обязательств. Правительственные контракты подвергались тщательному предварительному обсчету, чтобы избежать чрезмерных затрат на оплату рабочей силы. Наконец, было установлено пристальное наблюдение за передвижениями рабочих по различным регионам и отраслям промышленности с тем, чтобы не допустить повышения цен на региональном уровне. В результате рост почасовой оплаты труда в 1941 г. происходил медленнее, чем рост прожиточного минимума. Волнение среди рабочих удалось преодолеть только путем премиальных, различных прибавок к зарплате и выплат за сверхурочную работу.

В конечном счете контроль за заработной платой зависел от доброй воли рабочих и тред-юнионов, которые согласились придерживаться линии, выдвинутой правительством — “сократить до минимума требования о повышении зарплаты”³¹, — до тех пор, пока правительство про-

водит ответственную политику в области ценообразования и стандартов прожиточного минимума. Без такого сотрудничества пришлось бы прибегнуть к правовому принуждению (именно за такие меры выступали некоторые члены кабинета несколько позже, когда инфляционное давление вновь возросло). А это, в свою очередь, привело бы к социальной напряженности и политической конфронтации, чего правительство стремилось всеми силами избежать³².

Бюджет 1941 года стал поворотным пунктом. Действуя в соответствии с подсказками экономистов, представляющих академические круги, министерство финансов согласилось на увеличение прямого налогообложения, чтобы уменьшить избыточную покупательную способность, добиться стабильных цен, а также значительно повысить общую сумму налоговых поступлений. Доходы от налогов в 1942 г. были вдвое выше, чем в 1940 г., причем цены оставались на стабильном уровне до конца войны. Бевин бдительным оком следил за тем, чтобы не были нарушены ограничения на рост заработной платы. Денежных сбережений оказалось достаточно для покрытия правительственного бюджетного дефицита. Жесткий контроль за потреблением и рынками капитала помешал избыточной покупательной способности существенно подстегнуть инфляцию, а обязательства правительства по поддержанию равенства жертв позволили избежать засилья “черного рынка” и социального недоброжелательства, получивших широкое распространение в 1914-1918 гг.

Проблема ограничения потребностей потребления оказалась более легкой, чем можно было ожидать. Люди удовлетворялись минимальными потребностями и с готовностью шли на жертвы, поскольку им четко объяснили необходимость равного участия в этом всех граждан. Созданные запасы продовольствия и контроль за импортом гарантировали, что магазины всегда будут обеспечены достаточным количеством самых необходимых продуктов, поэтому рационирование коснулось немногих продуктов, да и то лишь в первые годы войны³³. До 1942 г. в Великобритании не существовало всеобъемлющей системы рационирования, напоминающей введенную в Германии в сентябре 1939 г.

В годы войны было отмечено снижение расходов на потребление (примерно на 20% в пересчете на постоянные цены). При этом показатель общественного уровня потребления снизился до отметки конца 20-х годов. Однако это происходило на фоне выравнивания потребительских возможностей различных социальных групп и слоев и не было связано с резким ростом безработицы и бедности, как в предвоенные годы. В начальный период войны падение было довольно умеренным — примерно на 10%. Уменьшение уровня потребления ощутилось только в 1941 г.³⁴. Товарами ограниченного пользования стали мебель, одежда, предметы домашнего обихода. Потребление основных видов продуктов практически осталось на прежнем уровне, однако поставки по импорту — фрукты, сахар, мясо — сократились, между тем как потребление основных продуктов питания — картофель, хлеб, сыр, маргарин, молоко — в военный период даже возросло. В течение всей войны не было серьезного кризиса, связанного с обеспечением населения продуктами

питания. С 1944 г. общий уровень потребления стал постепенно повышаться.

Согласованная стратегия денежных сбережений и ограничения потребления позволила избежать возникновения проблем, характерных для первой мировой войны. Такая стратегия осуществлялась поэтапно по мере интенсификации войны и нарастания требований, связанных с распределением ресурсов. Политика стабилизации цен и зарплаты приобрела более важное значение, когда возникла проблема растущей инфляции и неудовлетворенного покупательского спроса. Однако на макроэкономическом уровне осуществлялись достаточно эффективные меры для сдерживания инфляции, обеспечения займов и налоговых поступлений и неприменения правового принуждения. Успех этой стратегии предопределил те параметры, в рамках которых правительство могло осуществлять переориентацию промышленных предприятий на выпуск военной продукции.

Уровень импорта стратегических материалов и финансовых возможностей для ведения войны определял условия, в которых происходила конверсия британской промышленности на военный лад. Единственным ограничением при осуществлении такой конверсии было связано с необходимостью сохранить минимальный выпуск потребительских товаров, а также предельно возможный объем экспорта. В ответ на требования об увеличении числа рабочих для производства военного снаряжения председатель Комитета по трудовым ресурсам отметил в конце 1941 г.: “Социальная жизнь населения должна продолжаться”. Нельзя было пойти на дальнейшее сокращение товаров и услуг без того, чтобы “поставить под сомнение поддержание высокого духовного настроения народа”³⁵. Тем не менее по мере расширения военных действий усилили Британии по выпуску военной продукции также постепенно нарастали.

Один из чиновников впоследствии вспоминал, что в 1943 г. министерство производства боролось “буквально за каждый грамм выпуска жизненно важной продукции”³⁶. В 1944 г. только 2% рабочих были заняты в экспортных отраслях; 33% рабочей силы трудились на военных предприятиях, 22% — находились в вооруженных силах. Такой расклад свидетельствовал о почти полном включении Великобритании в “тотальную войну”.

Существовали два дополнительных этапа мобилизации промышленности на выпуск военной продукции. Первый был связан с планированием того, что следовало производить; второй — с обеспечением своевременности, достаточного количества продукции при эффективном использовании ресурсов. Ни один из этих элементов не срабатывал должным образом. И плановикам, и производителям продукции пришлось многому научиться прежде, чем дело пошло на лад. Правительство всегда стремилось получить больше военной продукции по максимально низкой цене; производители редко когда были довольны работой плановиков. Планирование оказалось самой сложной стороной в этом уравнении. Критерий планирования в Британии был связан не с тем вопросом, “что может выпускать промышленность”, а с тем — “какие услуги не-

обходимы для того, чтобы обеспечить требования большой стратегии". Эти требования никогда не были постоянными, и в ходе войны обнаружилась растущая брешь между запросами вооруженных сил и реальными возможностями британской промышленности. Возникшая брешь заполнялась за счет поставок из американских источников.

Когда началась война, планирование в Великобритании только-только начало развиваться. Из научных и промышленных кругов на государственную службу привлекли специалистов с тем, чтобы обеспечить составление планов и проведение статистической экспертизы. К концу первого года войны постепенно вырисовалась картина того, в чем нуждаются войска для разгрома Гитлера и какую продукцию реально может поставлять британская промышленность. Программы различных служб были синхронизированы, чтобы изменить такой порядок, когда все вынуждены были вступать в схватку для захвата "трофеев" (т.е. части продукции). Рабочая сила рассматривалась в качестве важнейшего ресурса, и в 1941 г. ее финансирование стало главным инструментом при распределении заводских мощностей и осуществлении будущих программ. На этом этапе перспективное планирование уже осуществлялось на достаточно хорошем уровне, а всеобъемлющие статистические выкладки позволяли перебрасывать дефицитные ресурсы в случае необходимости от одной программы к другой с гораздо меньшим ущербом для деятельности промышленных предприятий, чем раньше. Тем не менее планирование во время войны в силу самих особых обстоятельств так никогда и не избавилось от проблем дублирования и неправильного распределения³⁷.

Планирование выпуска военной продукции требовало планового распределения сырья и оборудования, а также соответствующего распределения рабочей силы и производственных мощностей. Производственная база для военной промышленности развивалась с 1936 г. Основу финансирования таких проектов составили правительственные программы, включая проект создания "теневого фабрики" (т.е. завода, находящегося на консервации) для выпуска самолетов, а также значительного увеличения выпуска вооружения и химических веществ. Некоторые из новых заводов управлялись лицами, непосредственно назначаемыми правительством, однако большинство предприятий находилось в ведении уже существующих фирм. Финансирование этих фирм осуществлялось государством, и их работа велась под наблюдением государственных чиновников. Капитальные затраты "Империал кэмикл индастриз" (ИКИ) в период перевооружения и войны составили 78 млн ф.ст., из них 58 млн были инвестированы за счет государства. Корпорация ИКИ действовала как правительственный подрядчик. Она создала целую сеть заводов-филиалов, управляемых из ее центра и субсидируемых из государственной казны³⁸. Такая система была довольно широко распространена. В 1942 г. правительство поддерживало 170 "фирм-агентов" в авиационной, химической промышленности и в промышленности по производству взрывчатых веществ. Были созданы новые государственные заводы, предназначенные для массового выпуска военной продукции. К декабрю 1939 г. действовало 10 новых королевских артиллерийских за-

водов, на которых было занято 54 тыс. рабочих и служащих. К марту 1942 г. функционировало уже 40 заводов, на которых трудилось 311 тыс. человек.

Строительство королевских кораблестроительных верфей тоже расширялось, однако необходимость спуска на воду новых военных кораблей и торговых судов была столь острой, что правительство оказалось вынужденным размещать часть заказов среди частных фирм. Кроме того, оно выкупало некоторые частные верфи. К 1944 г. занятость на королевских верфях составила 37 тыс. человек, на частных — 233 тыс.³⁹

Преимущество новых программ капитальных вложений состояло в том, что они были направлены на строительство современных предприятий, оборудованных новейшей техникой. Правительство заключило соглашения с частными фирмами, представляющими наиболее динамичные секторы экономики — автомобилестроение, химическую и электротехническую промышленность. Эти фирмы владели современными заводами, выпускавшими продукцию в массовом масштабе. Их управленческий и технический опыт был необходим для реализации крупных комплексных программ. В авиационной промышленности, например, 80% рабочих трудились на предприятиях с общим числом занятых 1000 человек и более⁴⁰. Были построены королевские артиллерийские заводы, которые начали выпускать все больший объем продукции; в 1942 г. он достиг таких размеров, что рост производства пришлось искусственно притормаживать, поскольку были превышены запросы армии.

В течение войны правительство инвестировало в промышленность свыше 1 млрд долл. Половина денег из этой суммы пошла на поддержку существовавших частных фирм, четверть — на финансирование “фирм-агентов”, а оставшаяся сумма — на содержание государственных предприятий. Доля частных инвестиций сократилась до 14 млн долл. В течение военных лет на рынке капиталов доминировало государство. Нормы инвестиций и прибыли устанавливались государственными чиновниками. Деятельность свободного капиталистического рынка была приостановлена; на смену пришли государственные программы инвестирования и выпуска продукции⁴¹.

Программы инвестирования, сколь бы интенсивными они ни были, не могли удовлетворить все запросы промышленности военного времени. Дополнительные мощности образовывались путем перевода гражданского производства на военные рельсы. Планы по трансформации мирных предприятий в военные существовали еще до войны. Так, заводы по выпуску автомобилей и локомотивов должны были перепрофилироваться в предприятия по выпуску танков и военного транспорта. К 1943 г. автомобильные заводы производили 20% общего числа танков, а вагоностроительные заводы — около 47%. Конверсия других заводов и фабрик осуществлялась постепенно на протяжении 1940-1941 гг. Один из чиновников министерства финансов как-то вспоминал, что частным фирмам предлагали на выбор “специализироваться в выпуске экспортной продукции, переоборудовать свои предприятия для производства вооружения или прекратить существование”⁴².

В 1940 г. очень большое количество фирм, не имевших важного значения, столкнулось с острой нехваткой сырья и рабочих рук, поскольку служба контроля за сырьевыми ресурсами направляла все сырье военным предприятиям, а рабочие переходили туда, где больше платили. Столкнувшись с подобными проблемами, частные фирмы в большинстве своем соглашались выполнять любые государственные заказы, чтобы выжить.

В сентябре 1940 г. министерство торговли ввело ежемесячную перепись в 24 отраслях промышленности для того, чтобы выявлять не используемые возможности фабрик и рабочей силы, а также намечать закрытие “несущественного” производства. Крупные производители и “фирмы-агенты” использовали услуги мелких и средних фирм как субподрядчиков для производства отдельных узлов и различных компонентов военных изделий. В 1943 г., например, завод по выпуску бомбардировщиков типа “Ланкастер” поддерживал контрактные отношения со 135 фирмами, разбросанными по всей стране⁴³. В результате к лету 1941 г. 50% государственных рабочих и служащих были задействованы на выполнении правительственных заказов.

В распоряжении правительства имелось несколько инструментов, с помощью которых оно ограничивало выпуск гражданской продукции и поощряло военное производство. Фирмы, нуждавшиеся в станках и оборудовании, должны были для их получения обращаться к контролеру по станкам. Львиная доля нового оборудования поступала на заводы, производящие вооружение. Фирмам, которые с военной точки зрения не имели важного значения, приходилось работать на старом оборудовании, в результате они приходили в упадок. Контролеры за распределением сырья не только могли организовать закупку тех или иных материалов за рубежом и контролировать их запасы, но и обладали последним словом при их распределении. Приоритет, безусловно, отдавался военным программам, экспортным заказам и, наконец, производителям важнейших товаров для населения. В 1940 г. 64% общего количества выплавленной стали, составившего 10 млн т, было направлено военным предприятиям. В 1943 г. военные заводы поглотили уже 89% стали. К 1943 г. 99% поставок алюминия направлялось на военные предприятия. Многие мелкие мастерские, производящие, к примеру, предметы роскоши или другие “несущественные” для населения товары, буквально задыхались от нехватки сырья и были вынуждены закрываться.

Еще одним важным видом ресурсов можно назвать рабочую силу. В начальный период войны в Британии все еще существовал высокий уровень безработицы. Летом 1940 г. в стране насчитывался 1 млн безработных, а летом следующего года их число составило 200 тыс. Однако армия безработных состояла в основном из неквалифицированных или малоквалифицированных рабочих и служащих, которые не отвечали даже скромным требованиям промышленников. Уже в начале 1940 г. ощущалась острая нехватка квалифицированных специалистов в области металлургической и машиностроительной промышленности. В начале войны не существовало четких критериев набора рабочих и служащих, и вооруженные силы стремились, естественно, набирать на подве-

домственные им предприятия самых квалифицированных специалистов. Некоторые фирмы переманивали умельцев, предлагая им более высокую зарплату и лучшие условия труда. Другие просто старались набрать побольше хороших специалистов в надежде, что война вскоре закончится и потребуется резко увеличить выпуск гражданской продукции.

Враждебность, которую лидеры рабочего движения испытывали к Чемберлену, не давала возможности достижения соглашения с тред-юнионами об улучшении положения на рынке рабочей силы. Однако после того, как Черчилль сменил Чемберлена в мае 1940 г., такие связи установились. Назначение Черчиллем Эрнста Бевина, секретаря Союза транспортных и неквалифицированных рабочих, на пост министра труда и национальной повинности способствовало установлению тесных взаимоотношений между правительством и тред-юнионами, которые продолжались в течение всего военного периода, хотя трудовые конфликты полностью все же не исчезли. В общих интересах борьбы против фашизма тред-юнионы взяли на себя обязательство поддерживать ограничения роста зарплаты и не препятствовать осуществлению государственного контроля за рынком труда.

Бевин был противником того, чтобы нехватку кадров восполнять путем трудовой повинности, поскольку полагал, что такая практика может привести к “серьезной оппозиции рабочих”⁴⁴. Но он соглашался с необходимостью осуществлять перевод рабочих в сферу военного производства и вооруженных сил. По существу такие перемещения были равнозначны трудовой повинности. Были выработаны определенные правила, в соответствии с которыми осуществлялись эти перемещения, причем Бевин, по его признанию, получил полномочия, “не имевшие прецедента в истории страны”. Но на практике он отнюдь не в полной мере пользовался данной ему властью. Как правило, фирмы сами договаривались о том, каким образом распределить рабочую силу, и тред-юнионы редко выступали с возражениями. За первый год было осуществлено менее тысячи целевых переводов рабочих и служащих. Полномочий Бевина все же не хватало для того, чтобы обеспечить все требования, связанные с перераспределением рабочей силы. Летом 1940 г. Бевин принял на службу ряд лиц с высшим техническим и инженерным образованием, чтобы они инспектировали заводы и фабрики и проверяли, как используется рабочая сила, а также подсказывали, что надо сделать для улучшения эффективности ее использования. Правительство открыло ряд центров по массовой переподготовке рабочих. Профсоюзы и работодателей обязали принимать женщин на квалифицированную работу. К концу войны около 420 тыс. рабочих и служащих прошли через центры переподготовки с целью направления их на работу на военные предприятия.

Все вышеуказанные меры были направлены на то, чтобы способствовать переброске рабочей силы на те участки, где она была особенно необходима, и использовать ее самым эффективным образом. Однако расследование практики использования трудовых ресурсов, проведенное в ноябре 1940 г. под руководством сэра Уильяма Бевериджа, пока-

зало, что в 1941 г. потребуется дополнительно призвать 1,7 млн человек в вооруженные силы и 1,5 млн — в военную промышленность. Процесс концентрации и перераспределения рабочей силы осуществлялся медленнее, чем предполагалось. В прессе широко распространились публикации, содержащие жалобы на неэффективность работы тех или иных участков производства и простоя рабочей силы. Правительство отреагировало на это усилением полномочий Бевина в области найма и распределения рабочей силы, а также политикой “концентрации” промышленности, заключавшейся в закрытии всех “несущественных” и ненужных фирм и сосредоточении усилий в целях наиболее эффективного военного и гражданского производства.

Программа концентрации усилий в области производства, объявленная в марте 1941 г., дала возможность правительству провести чистку, закрыть неэффективные фирмы и перераспределить ресурсы. Эта программа охватила 29 отраслей промышленности и 28% рабочей силы страны. В каждой отрасли была обозначена группа предприятий, которые должны были продолжать выпуск важной продукции. Остальным была отведена роль субподрядчиков или их закрывали либо перепрофилировали. К 1943 г. под военное производство было отдано почти 70 млн квадратных метров производственных площадей, кроме того на военные предприятия перевели 257 тыс. рабочих. Цель состояла в том, чтобы производство работало на полную мощность, чтобы усилия были сконцентрированы на главных направлениях с тем, чтобы обеспечить максимальную производительность труда и добиться снижения цен⁴⁵.

Дополнительные полномочия были предоставлены министерству труда. Приказ о “существенных” видах производства давал Бевину право освобождать рабочих от призыва в армию и распределять ресурсы преимущественно среди военных предприятий. К концу 1941 г. 30 тыс. фирм находились под протекцией упомянутого министерства, 6 млн рабочих получили бронь и были освобождены от военной службы. Бевин ввел также реестр занятости, который позволял проследить все перемещения рабочих, что было важно для их более рационального трудоустройства⁴⁶. В долгосрочном плане это привело к сокращению числа квалифицированных рабочих-мужчин и замене их женщинами, подростками, т.е. менее квалифицированными работниками. Такой процесс не был прямым и простым, поскольку квалифицированные рабочие стремились сохранить свои привилегии, привычки и высокую зарплату. В некоторых отраслях тред-юнионы выступили против такого “разжижения” рабочей силы, что влекло за собой сохранение слишком обширного слоя квалифицированных рабочих. В судостроительной промышленности, например, в 1943 г. только 7% рабочей силы было обеспечено за счет “разжижения”⁴⁷.

Однако в тех отраслях промышленности, где в массе своей могли использоваться женские руки, уровень менее квалифицированных специалистов был значительно выше. Это относится, в частности, к авиационной и радиотехнической промышленности. В 1943 г. на моторостроительных и авиационных заводах женщины составляли 36% от общего числа рабочей силы. В целом за военные годы число занятых на произ-

водстве женщин увеличилось с 5 до 7 млн, что составляло почти половину того числа, которое требовалось для замены мужчин, призванных в армию.

Начиная с 1941 г. важнейшие вопросы, связанные с мобилизацией промышленности, сводились к повышению уровня производительности труда и восполнению нехватки рабочей силы. После того как были исчерпаны возможности привлечения новых рабочих и расширения производственных площадей, потребовались энергичные усилия в области использования уже имеющихся ресурсов. В определенной мере производительность труда росла по мере совершенствования экономического механизма, а также благодаря концентрации производства на лучших предприятиях с более передовой технологией.

Существовала огромная разница в экономических показателях преуспевающих и отстающих фирм. Государственные инспекторы подказывали администрации отстающих предприятий способы совершенствования работы и повышения производительности труда. Однако добиться идеального уровня эффективности никогда не удавалось, отчасти потому, что изменения в программе или модификации проекта прерывали планы выпуска массовой продукции, а отчасти вследствие нежелания менеджеров и рабочих внезапно менять устоявшиеся навыки работы⁴⁸.

К середине войны только самые закоснелые или изощренные руководители фирм могли укрыться от преследования за неэффективность. Большинство крупных фирм функционировало на достаточно хорошем уровне. По крайней мере они использовали сырье и трудовые ресурсы гораздо эффективнее, чем в начале войны. Требования, связанные с постоянным выпуском большого количества продукции, способствовали выработке наиболее рациональных технологических процессов с адекватным использованием сырья и рабочей силы. Все это вместе взятое привело к повышению производительности труда. Наглядным примером этого могут служить данные, связанные с выпуском бомбардировщика "Галифакс", осуществившимся фирмой "Инглиш электрик". В апреле 1942 г. для изготовления одного бомбардировщика требовалось 487 рабочих, в апреле 1943 г. подобную работу могли осуществить 220 рабочих⁴⁹.

На британских предприятиях так и не удалось приблизиться к уровню производительности, достигнутому на американских предприятиях. Однако производительность в английской промышленности почти равнялась уровню производительности в Германии, а в некоторых отраслях превосходила его. В период между 1939 и 1943 гг. авиационная промышленность Германии использовала вдвое больше алюминия и больше рабочих рук, чем британская, но все же произвела меньше самолетов. Хотя Германия выплавляла почти в три раза больше стали, чем Великобритания, по выпуску оружия основных классов она уступала англичанам практически на протяжении всей войны⁵⁰.

О выпуске основной продукции Великобритании можно судить по табл. 1.

Результаты перевода мирной промышленности на военные рельсы нельзя назвать полностью успешными. В авиационной промышленности

Таблица 1
Производство вооружения в Великобритании в 1939-1944 годах (%)
(октябрь-декабрь 1939 г. = 100)

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Боевые корабли	569	1160	1550	2690	2300
Пушки, стрелковое оружие	177	321	677	752	428
Снаряды	197	506	963	719	538
Артиллерийское снаряжение	316	827	2662	4478	4606
Танки, бронетранспортеры	265	892	1699	1671	данных нет
Колесный транспорт	303	305	345	336	312
Самолеты	189	269	298	330	333

наблюдались периоды кризисов, связанных с борьбой за увеличение выпуска готовой продукции в 1940 г. или с необходимостью наращивания выпуска бомбардировщиков в 1941-1942 гг. В течение всей войны наблюдалось отставание в производстве танков, поэтому Великобритания в более значительной степени была вынуждена опираться на поставки бронетехники из Соединенных Штатов. К 1944 г. массовое поступление вооружений из США позволяло Великобритании несколько снизить выпуск военной продукции и начать постепенную реконверсию предприятий.

Достижения Британии в области выпуска вооружений до сих пор вызывают споры. В настоящее время совершенно очевидно, что Великобритании удалось мобилизовать свою экономику на производство военной продукции в меньшей степени, чем Советскому Союзу или Германии, где отчаянные условия, связанные с вторжением врага и необходимостью его разгрома, потребовали гораздо больших жертв⁵¹. Все же, учитывая слабости и характерные особенности британской экономики, — ее зависимость от заморских поставок, наличие большой численности консервативно настроенных мелкотоварных фирм, существование значительного слоя высококвалифицированных рабочих, ревностно относящихся к своему мастерству, — можно утверждать, что промышленное производство Великобритании в военные годы поддерживалось на уровне, близком к оптимальному. Без сомнения, можно было добиться и более высоких показателей, но в результате под угрозой оказались бы обязательства правительства поддерживать необходимый уровень жизни, сотрудничества с рабочим классом, а также лояльности деловых кругов. А до тех пор, пока такие обязательства продолжали сохраняться в качестве главной особенности британской политики, было трудно добиться более высокого уровня самопожертвования. “Командная экономика” работала в конечном счете потому, что правительство использовало механизм новой власти, который, по словам Бевина, применялся “очень осторожно”⁵².

На протяжении всей войны экономические усилия Британии основывались на тщательно выверенном балансе интересов государства, с одной стороны, предпринимателей и трудящихся масс — с другой. По мнению Бевина, государственная власть не срабатывает, когда она “не

получает поддержки общественного мнения”. Ее непродуманное использование “легко может нанести ущерб общественной морали и привести к широкомасштабным беспорядкам”⁵³. Политики и чиновники были объединены одним желанием — обеспечить нормальный уровень удовлетворенности рабочих и не допустить такого развития событий, при котором война стала бы “трамплином” для развязывания социальной революции. Равным образом они очень осторожно относились к интересам бизнесменов, стремясь не ущемить и не подавить их, поскольку сотрудничество с предпринимателями рассматривалось как задача первостепенной важности. Один из чиновников министерства финансов отмечал: “Стремиться к тому, чтобы невозможно было извлекать выгоду из условий военного времени, — непрактичная цель в стране, которая придает большое значение стабильности существующих институтов (включая нормальную структуру торговли)”⁵⁴. Система оставалась капиталистической, несмотря на навязчивое распространение государственного вмешательства.

Британские капиталисты никогда не стали бы подрывать военные усилия страны. И все же с самого начала программы перевооружения бизнесмены считали, что производство вооружений означало бы большее вмешательство государства, и не скрывали своего недоверия. Лидеры бизнеса хотели бы взять на себя ответственность за функционирование военного производства в той степени, на какую было бы согласно правительство. Вплоть до 1939 г. представители бизнеса активно участвовали в дискуссиях, а торговые ассоциации на местах играли важную роль в подготовке перевода промышленности на военные рельсы. Совет консультантов, состоявший преимущественно из представителей деловых кругов, оказывал важные экспертные услуги правительству Чемберлена.

Во время войны правительство стремилось смягчить наиболее суровые ограничения, например налог на избыточную прибыль, и шло на разнообразные уступки. Прибыли промышленников за годы войны почти удвоились, однако налогообложение “срезало” доходы до 14%. Тем не менее фирмы имели возможность наращивать объем средств производства за государственный счет. Кроме того, они получали щедрые пособия на амортизацию оборудования и пополнение запасов сырья⁵⁵. Были предприняты определенные усилия для того, чтобы фирмы, закрытые во время войны, не оказались в неблагоприятном положении в мирное время после восстановления нормальных условий торговли. В хлопчатобумажной промышленности фирмы, продолжавшие работать, выплачивали по одному пенсу за каждую меру пряжи в фонд компенсации, образованный для покрытия расходов закрывшихся фирм. Бизнесмены были вовлечены в повседневную работу военно-контрольной администрации, а также в разработку послевоенных планов демобилизации и реконструкции предприятий.

В ходе войны представители деловых кругов принимали самое деятельное участие в организации военного производства как на местном, так и на общенациональном уровне. И хотя Черчилль подозрительно относился к вовлечению бизнесменов в политику (он говорил: “Каждый

раз, когда человек, получивший подготовку в сфере бизнеса, оказывается в правительстве, это приводит к катастрофическим последствиям⁵⁶), не возникало никаких сомнений насчет того, что участие бизнесменов в организации различных ведомств и комитетов совершенно необходимо. Контролером в сталелитейной промышленности, к примеру, был Эндрю Данкен, председатель Британской федерации железорудной и сталелитейной промышленности Великобритании. В самый разгар войны компания “Империал кэмикл индастриз” имела двух директоров и пять председателей комитетов, в обязанность которых входило руководство государственными предприятиями⁵⁷. Происходил активный обмен кадрами и существовали самые тесные взаимоотношения между государственными чиновниками и бизнесменами. Среди инженеров, технологов и ученых, обслуживающих фирмы, также шел обмен кадрами. Очевидные преимущества британской экономики в годы войны состояли в способности различных групп работать вместе при допустимом уровне трений между ними. В противоположность Германии, где военные взяли на себя широкий круг обязанностей, лежавших ранее на гражданских лицах, британские технические эксперты привлекались, как правило, к работе гражданского истеблишмента и получали сравнительную свободу при конструировании различных систем оружия, оказании консультативных услуг или распределении ресурсов.

Проблема отношений с тред-юнионами была более деликатной. Правительственная элита помнила о конфликтах в промышленности в период первой мировой войны и в последующие годы и опасалась роста левого радикализма, который наблюдался в 30-е годы. Чемберлен не мог отделаться от чувства враждебности к тред-юнионам, поэтому отношения правительственна с ними в первые месяцы войны были плохими. Однако после назначения Бевина на министерский пост в мае 1940 г. положение изменилось. Британский конгресс тред-юнионов был привлечен к доверительным консультациям с правительством. Многие деятели лейбористской партии заняли важные министерские посты. Министерство труда стремилось к тому, чтобы “главные организации рабочих могли выступать в защиту своих прав”⁵⁸. В июле 1940 г. для разрешения промышленных споров был учрежден Национальный арбитражный трибунал. В период с 1940 по 1942 г. этот трибунал урегулировал 358 из 999 трудовых конфликтов, приведших к остановке производственного процесса. Остальные споры были улажены без обращения к арбитражу⁵⁹.

Бевин утверждал: если хотят, чтобы рабочие согласились на увеличение трудового дня, ограничение заработной платы и на сотрудничество с правительством, то это может произойти только в обмен на лучшие условия и принятие большей ответственности. На второй встрече управляющих промышленными предприятиями он заявил: “Принудительные меры должны сочетаться с защитой прав рабочих”⁶⁰. Уступки со стороны администрации выразились в более мягком обращении с рабочими. Увеличилось число рабочих столовых — с 2 тыс. в 1939 г. до 18 тыс. в 1944 г.⁶¹ Расширение транспортных услуг и сети детских яслей позволило привлечь к работе женщин. Многие фирмы и предприя-

тия с пониманием относились к деятельности профсоюзов, причем даже те, которые прежде категорически отвергали их, например предприятия автомобильной промышленности. Для дальнейшего расширения сотрудничества в 1941 г. были учреждены Объединенные производственные советы, в рамках которых представители рабочих могли обсуждать со служащими и административно-управленческим персоналом вопросы выпуска продукции. Хотя эти Советы были значительно менее эффективными, чем утверждала пропаганда (они проводили свои заседания нерегулярно и не имели реальной власти), их деятельность повсеместно расценивалась как важный вклад в предоставление слова рабочим⁶².

Было бы ошибкой утверждать, что при Бевине забастовки рабочих совсем прекратились. Забастовочное движение в корне отличалось от того, которое развивалось в период первой мировой войны, тем не менее рабочие выступления периодически имели место, особенно в угледобывающей промышленности. С 1915 по 1918 г. в результате локаутов терялось 4,2 млн рабочих дней ежегодно. Средние ежегодные потери в период с 1940 по 1945 г. составили 1,8 млн рабочих дней⁶³. Забастовки в ходе второй мировой войны обычно продолжались в течение недели. Как правило, в них принимало участие незначительное число людей. В самом тяжелом 1940 г. в забастовках приняли участие 821 тыс. человек, при этом было потеряно 3,7 млн рабочих часов. На протяжении всей войны Бевин регулярно получал еженедельный бюллетень, в котором отражалось состояние трудовых споров. Статистические данные свидетельствуют, что большинство забастовок обуславливалось требованием о повышении зарплаты, разделении доходов и разграничении обязанностей. Многие локауты возникали в связи с увеличением приема на работу женщин, и очень многие забастовки проводились в качестве протеста учеников против низкой оплаты труда. Некоторые забастовки оказались связанными с тривиальными жалобами на “диктаторские замашки мастеров-женщин”, другие объяснялись “нежеланием работать рядом с ирландцами”. Однако большая часть протестов была обусловлена опасениями, что работа на военном производстве приведет к деквалификации специалистов высокого класса и смешению уровней зарплаты квалифицированных и неквалифицированных рабочих⁶⁴. Однако обещания тред-юнионов сохранять ограничения на заработную плату и улаживать трудовые споры путем обращения в арбитраж неукоснительно выполнялись.

Как правило, забастовки начинались только после предварительного согласия профсоюзных лидеров. Наиболее показательным барометром недовольства рабочих являлись прогулы, различного рода нарушения трудовой дисциплины и частые переходы с одного производства на другое. Настроения масс подогревало также то обстоятельство, что война против фашизма была в определенном смысле “классовой войной”. Вступление Советского Союза в битву, как показали опросы общественного мнения, вызвало волну энтузиазма в рабочих массах, между тем как наиболее серьезные трения с рабочими были вызваны разочарованием общественности по поводу отсрочки открытия второго фронта в конце 1943 - начале 1944 г. для оказания помощи России⁶⁵.

Рабочие также весьма недоброжелательно относились к неэффективной работе многих управляющих и их сосредоточенности на личных интересах. В 1942 г. Объединенный профсоюз машиностроителей представил пространный доклад о военном производстве, в котором острой критике были подвергнуты те представители властей, которые уклонялись от предельных усилий, необходимых для победы в войне. В докладе говорилось: «Нельзя ни в коем случае игнорировать критику в адрес административных лиц и министерских чиновников, вызванную неэффективностью их работы и недостаточным вкладом в общие военные усилия страны». В докладе подчеркивалось, что рабочие делают все, что от них требуется. Далее отмечалось: «Мало здравого смысла в том, что в такой сложный период уделяется так много внимания вопросам управления и жалобам фирм, продолжающих заниматься выпуском продукции мирного времени и использующих значительную часть производственных площадей и квалифицированной рабочей силы для производства продукции, не имеющей первостепенной важности... Слишком много внимания уделяется планированию и производству, связанному с возможной конкуренцией в послевоенный период, и закоснелым интерпретациям неких “управленческих функций”, в результате чего отвергается сотрудничество с рабочими при решении текущих производственных проблем, причем участие рабочих в управленческом процессе кое-кто рассматривает как профанацию»⁶⁶.

Недоброжелательность рабочих объяснялась их убежденностью в некомпетентности управляющих, а совсем не тем, что рабочие выражали принципиальное несогласие с военными усилиями или со своей ролью в войне. В целом условия труда постоянно улучшались, а зарплата неуклонно росла, ибо правительство стремилось выполнить свои обязательства и поддержать высокий дух в обществе путем своевременных компромиссов. В годы войны рост заработной платы значительно опередил повышение уровня стоимости жизни. Соотношение роста зарплаты и цен можно проследить по табл. 2.

Улучшение условий труда и расширение представительства тред-юнионов при обсуждении проблем управления несомненно упрочили положение рабочего класса. Немалое значение имело и то, что рабочим в послевоенный период были обещаны дальнейшее улучшение условий труда, повышение социального обеспечения и полная занятость. Хотя Черчилль в частных беседах выражал сожаление по поводу уступок “надоедливой и ненасытной пропаганде левых”⁶⁷, такие уступки в социальной сфере способствовали укреплению связей между правящим классом и рабочими массами на протяжении всей войны. Бевин имел более ясное представление о значении изменений в общественном мнении. Он отмечал: “Индивидуализм уступает место социальной активности, соревновательности и борьбе за установление порядка, поскольку не существует иного пути для спасения страны... Только так мы сможем победить Гитлера!”⁶⁸

Экономическое развитие, связанное с переводом промышленности на военные рельсы, не было ни гладким, ни прямым. Переход осуществлялся медленно, по частям, прерываясь периодическими кризисами,

Таблица 2
Цены, зарплата и уровень потребления в 1939-1945 годах (в %)

Год	Еженедельные заработки (1938 г. = 100)	Зарплата (сент. 1939 г. = 100)	Стоимость жизни (сент. 1939 г. = 100)	Потребление на душу населения (1938 г. = 100)	Реальный уровень личного потребления (1939 г. = 100)
1939	данных нет	100	100	97,2	100
1940	130	113-114	121	89,7	90
1941	142	122	128	87,1	83
1942	160	131-132	129	86,6	82
1943	176	136-137	129	85,5	79
1944	181,5	143-144	130	88,2	83
1945	180,5	150-151	133,5	данных нет	86

которые угрожали подорвать уже проделанную работу. Истина состоит в том, что Британия в период до 1939 г. преувеличивала свои экономические возможности. Война потребовала мобилизации экономического потенциала в такой степени, на которую Великобритания в силу ограниченности своих ресурсов была просто не готова. В противном случае она погрузилась бы в пучину кризиса.

В конце 1940 г. Великобритания столкнулась с угрозой банкротства во внешнеэкономических связях, ростом инфляции внутри страны и острой нехваткой рабочей силы. Обещание Соединенных Штатов оказать помощь стало для Англии очень важным моментом. Бюджет на 1941 год был составлен таким образом, чтобы сдерживать рост инфляции. В результате концентрации производства и трудовой повинности удалось преодолеть кризис людских ресурсов.

Когда в 1941 г. разразился кризис в судостроительной промышленности, он, по словам Черчилля, стал одновременно "и душителем, и спонсором военной стратегии" Британии⁶⁹. В течение двух лет поставки важных материалов для производства продукции в Британии оставались в критическом положении, и только уменьшение угрозы со стороны подводных лодок сняло напряженность в 1943 г. Еще один критический момент возник в конце 1942 г., когда мобилизация всех ресурсов в стране достигла предела. В октябре того же года в Вашингтон с миссией отправился Оливер Литтлтон, задача которого состояла в том, чтобы убедить американское руководство в необходимости увеличить поставки в Великобританию в целях оснащения войск в связи с подготовкой к десанту на Европейский континент. Второй еще более важной задачей было добиться от американцев согласия на перевозку в Англию 7 млн дополнительно импортируемых товаров на транспортах США. Черчилль предупредил Рузвельта, что без таких поставок у Англии не останется другого выхода, кроме "снижения ее общего вклада в военные усилия за рубежом"⁷⁰.

Все кризисы удалось преодолеть, но выживание Великобритании как эффективного экономического партнера оказалось напрямую зави-

симым от помощи США и стран Британской империи. Британия превратилась в промышленный форпост западных военных усилий. Такое положение в определенной степени было обусловлено ее собственными возможностями: обширными экономическими связями на мировом рынке и высокой концентрацией ее промышленного производства. Британия в противоположность Германии никогда не была склонна к автаркии или к эксплуатации захваченных территорий. Пока сохранялись связи с заморскими поставщиками, Великобритания рационально использовала ресурсы для выпуска большого объема военной продукции и поддержания разумных стандартов уровня жизни гражданского населения. Правительство стремилось использовать такую экономическую модель, которая позволяла регулировать выпуск продукции путем контроля за ресурсами и интенсивного государственного планирования. Окончательный успех военных усилий, которые обеспечили британским вооруженным силам гибкость и выживание в борьбе на трех фронтах, возможно, во многом объясняется, как отмечал историк Корелли Барнет, “коллективной иллюзией могущества”⁷¹. Неоспоримо, что этот фактор играл важную роль в решающей победе союзных держав.

Успех в военно-экономической области обусловлен другими причинами. К 1944 г. британские силы получали достаточное количество вооружений, необходимых для ведения войны и оснащения половины тех сил, которые сражались против стран “оси” (не считая России). Британская экономика была достаточно стабильной, чтобы не допустить социальной конфронтации периода первой мировой войны и поддержать высокий моральный дух нации. Что касается третьей по важности задачи — сохранения в итоге войны экономического потенциала для развития в мирное время, — то здесь результаты оказались менее значительными. Черчилль, обращаясь к Рузвельту в 1940 г., призывал его не допустить того, чтобы Британия после победы оказалась “обглоданной до костей”, и это помогло ей избежать полного банкротства. Тем не менее не удалось предотвратить ни крах многих экспортных рынков, ни распродажу половины британских иностранных капиталовложений, ни дефицит платежного баланса, составившего 10 млрд ф. ст.⁷² Великобритания уже никогда не смогла играть в мировой экономике ту роль, которую она играла до 1939 г. Экономическая мощь сосредоточивалась в руках Соединенных Штатов.

Внутри страны британское правительство столкнулось с проблемой совокупного долга, выразившегося в 1945 г. суммой 16 млрд ф.ст. Война в значительной степени подорвала национальную хозяйственную систему Великобритании. В течение последующих пяти лет от правительства потребовались значительные усилия для подъема экономики. Хотя в целом экономический механизм вновь стал работать по капиталистическому образцу, он в очень значительной степени отличался от модели, существовавшей до 1939 г. Результатом достижений военных лет стало значительное расширение ответственности государства за функционирование национальной экономики, и это было с одобрением встречено широкой общественностью. Война усилила тенденцию к со-

зданию “смешанной экономики” и построению государства “социального благоденствия”.

Великобритания закончила войну, имея в своем активе развитые отрасли современной промышленности — электронную, радиотехническую, авиационную, фармацевтическую, — которые легко переключились на выпуск гражданской продукции. Рабочие и менеджеры были заняты на крупных современных предприятиях, оснащенных новейшим оборудованием. По сравнению с 1939 г. экономическая база Великобритании была существенно обновлена и модернизирована. Условия труда значительно улучшились, многие женщины смогли остаться на своих рабочих местах. Широко использовались американская технология и управленческий опыт. Тем временем многие конкуренты за рубежом были повержены. В течение примерно десятилетия после 1945 г. условия развития оставались весьма благоприятны для Великобритании. Страна возрождалась и динамично развивалась. Однако в конечном счете Британия не смогла обратить себе на пользу благоприятно сложившиеся обстоятельства, но это уже связано с воздействием факторов, не имеющих отношения к прошедшей войне.

¹ По вопросу о перевооружении Британии см.: *Shay R.* British Rearmament in the Thirties. Princeton, 1977; *Peden G.* British Rearmament and the Treasury 1932-1939. Edinburgh, 1979; *Gibbs N.* Grand Strategy. L., 1976. Vol. 1: Rearmament Policy.

² Public Record Office. Kew (далее — PRO), T 161/1069//Treasury to Washington Embassy on conversion to war. 1942. 9 Febr. P. 2.

³ PRO. LAB 10/161, Memorandum by the Chancellor of the Exchequer, Sir Kingsley Wood, The Wages Situation and Inflation. 1941. 4 Dec.

⁴ PRO. T 161/1069//Treasury to Embassy. P. 4.

⁵ House of Commons Debates, 361, cols. 769-770. 1941. 22 Jan.

⁶ *Scott J.D., Hughes R.* The Administration of War Production. L., 1955. P. 49-78; *Chester D.N.* The Central Machinery of Economic Policy//The Lessons of the British War Economy/Ed. D.N. Chester Cambridge, 1951. P. 7-8.

⁷ PRO. CAB 92/54, Production Executive, minutes of meetings 1941-1942.

⁸ *Parker H.M.* Manpower. L., 1957. P. 481-482.

⁹ U.S. Dept. of State. Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). Wash., 1862-1944. Vol. 2. P. 12, Winant to Hull. 1944. 23 Febr.

¹⁰ *Behrens C.B.A.* Merchant Shipping and the Demands of War. L., 1955. P. 325. О положении с запасами продовольствия и сырья дает представление следующая таблица (млн т):

Год	Продовольствие (кроме запасов сельскохозяйственных продуктов)	Импорт сырья	Всего
1941	5,36	11,57	16,93
1942	6,07	10,63	16,70
1943	6,45	10,07	16,52
1944	7,10	10,30	17,40

¹¹ *Pollard S.* The Development of the British Economy 1914-1967. L., 1969. P. 333-335; *Kimball W.F.* ‘Beggars my Neighbor’: America and the British Interim Finance Crisis 1940-1941//Journal of Economic History. 1969. № 29. P. 758-772.

¹² *Kimball W.F.* Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence. Vols. 1-3. L., 1984. Vol. 1. P. 108, Churchill to Roosevelt. 1940. 7 Dec.

¹³ Речь сэра Уильяма Лейтона в Ассоциации промышленности Массачусетса 17 октября 1940 г. (The American Speeches of Lord Lothian July 1939 to December 1940. Oxford, 1941. P. 128.

¹⁴ *Kimball W.F. Churchill & Roosevelt. Vol.1. P.139. Churchill Memorandum, 1 Mar. 1941*

¹⁵ *Hancock W., Gowing M. The British War Economy. L., 1949. P. 239-244; Reynolds D. The Creation of the Anglo-American Alliance 1937-1941. L., 1981. P. 155-167; Hurstfield J. The Control of Raw Materials. L., 1953. p. 464.*

¹⁶ *Sayers R.S. Financial Policy 1939-1945. L., 1956. Appendix 3. P. 551. В конце войны договорились о том, что Британия выплатит только 650 млн долл.*

¹⁷ *Clarke R. Anglo-American Economic Collaboration in War and Peace 1942-1949/Ed. A.Cairncross. Oxford, 1982. P. 3-9, 13-17.*

¹⁸ *Salter A. Slave of the Lamp: a Public Servant's Notebook. L., 1967. P. 151-152. По мнению Солтера, "исход всей войны зависел от поддержания необходимого морского транспорта..."*

¹⁹ *Behrens C.B.A. Merchant Shipping... P. 198.*

²⁰ *Salter A. Slave of the Lamp. P. 152-166. В действительности США предоставили Британии в 1941 г. 1 млн т, но брешь была заполнена благодаря фрахту. Тоннаж зафрахтованных иностранных судов увеличился с 2 млн т в июне 1940 г. до 4 млн т в сентябре 1941 г.*

²¹ *Behrens C.B.A. Merchant Shipping... P. 263, 363-365.*

²² *Keynes Collected Writings. XXII. 42. Paying for the War//The Times, 1939. 14/15 Nov.*

²³ PRO. T 161/1069. Treasury Minute for Sir Horace Wilson and the Chancellor of the Exchequer. 1939. 7 June. Treasury War Plan.

²⁴ *National Finances in 1944//The Banker. 1945. № 74. P. 66.*

²⁵ *Kimball W.F. The Most Unsordid Act: Lend-Lease. 1939-1941 Baltimore, 1969. P. 39.*

²⁶ PRO. T 160/1289 (проект доклада; составлен в августе 1939 г. Комитетом по контролю над сбережениями и инвестициями, который давал рекомендации о стратегии). К августу 1945 г. правительственные ценные бумаги и наличные средства составляли 83% депозитов лондонских клиринговых банков. Банки стали выполнять роль главных посредников правительственных финансов.

²⁷ PRO. BT 64/210. Board of Trade note on price control for Sir Alan Barlow. 1942. 17 Nov. P. 1-2. Рост цен во время первой мировой войны исчислялся в 85%.

²⁸ PRO. LAB 10/161. War Cabinet, Lord President's Committee: Memorandum by the Minister of Labour, The wages situation and inflation. 1941. 8 Dec. Table III. К июлю 1941 г. еженедельные заработки выросли в среднем на 42,3%; в машиностроительной промышленности — на 49,3%.

²⁹ *Keynes Collected Writings, XXII, 223. Notes on the Budget II. 1940. 28 Sept. О роли Кейнса в определении политики см.: Wilson T. Policy in War and Peace: the Recommendations of J.M.Keynes//Keynes as a Policy Adviser/Ed. A.P.Thirwall. L., 1982. P. 41-45.*

³⁰ PRO. BT 64/210. Ministry of Food. Outline of the History and Methods of Price Control under the Ministry of Food. 1943. 16 Apr.

³¹ PRO. LAB 10/161. Memorandum by the Minister of Labour. Wages Policy. 1941. 17 Dec. P. 1-8.

³² PRO. LAB 10/161. Memorandum of the Chancellor of the Exchequer. The Wages Situation and Inflation. 1941. 4 Dec.

³³ *The Memoirs of the Rt.Hon. the Earl of Woolton. L., 1959. P. 191-230. В качестве министра продовольствия Вултон настаивал на нормировании только тех товаров, поставки которых могли обеспечить паек для населения.*

³⁴ PRO. BT 64/210. Board of Trade Journal. 1944. 2 Dec. P. 435-437. К концу войны большая часть "несущественно важной" продукции составляла лишь малую долю ее довоенного объема. В приводимой ниже таблице даны индексы главных предметов потребления (кроме продовольствия):

**Личные затраты на потребительские товары в 1938-1943 гг. (в постоянных ценах)
(1938 = 100)**

Год	Одежда	Сапоги и ботинки	Мебель, домашние принадлежности	Частные автомобили и велосипеды	Топливо и освещение
1939	99	104	91	82	99
1940	82	93	84	24	93
1941	59	79	52	16	97
1942	58	77	35	10	98
1943	55	73	33	11	93

³⁵ PRO. CAB 92/103 War Cabinet, Man Power Priority Sub-Committee. Draft Report Survey of Man Power. 1941. 10 Oct. P. 3.

³⁶ *Clarke R.* Anglo-American Economic Collaboration. P. 19.

³⁷ Имеется очень мало новейших исследований по вопросу о планировании британского военного производства. В числе лучших см.: *Devons E.* Planning in Practice: Essays in Aircraft Planning in Wartime. Cambridge, 1950; *Postan M.M., Hay D., Scott J.D.* Design and Development of Weapons. L., 1964. Самое последнее исследование см.: *Cairncross A.* Planning in Wartime. L., 1991.

³⁸ *Reader W.J.* ICI: a History 1926-1952. Oxford, 1975. Vol. II. P. 256-257, 263-266.

³⁹ *Hornby W.* Factories and Plant. L., 1958. P. 69, 90; *Postan M.M.* British War Production. L., 1952. P. 23-26, 58-65.

⁴⁰ *Hornby W.* Factories...P. 338. См. также: *Kohan C.M.* Works and Buildings. L., 1952.

Ch. XIV.

⁴¹ *Barna T.* Profits During the War//The Banker. 1945. № 74. P. 68-72.

⁴² PRO. T 161/1069. Treasury telegram to Washington Embassy. 1942. 8 Febr. P. 2.

⁴³ PRO. AVIA 10/269. Ministry of Aircraft Production, Chief Executive.

⁴⁴ PRO. LAB 8/106. Labor Supply Policy since May 1940. Draft Memorandum by Minister of Labour for War Cabinet. 1941. 17 July. P. 1.

⁴⁵ PRO. BT 64/829 Board of Trade minute Contraction of Production. 1941. 11 Mar.; Statement by the President of the Board of Trade on the scheme see G.Worswick. Concentration — Success or Failure?//Oxford University Institute of Statistics. Studies in War Economics. Oxford, 1947. P. 346-355; *Allen G.C.* The concentration of production policy//The Lessons of the British War Economy. P. 166-177.

⁴⁶ *Bullock A.* The Life and Times of Ernest Bevin: Vol. II. Minister of Labour 1940-1945. L., 1967. P. 55.

⁴⁷ *Ibid.* P. 62-63. По вопросу о "разжижении" см.: PRO. LAB 8/340.

⁴⁸ *Croucher R.* Engineering at War 1939-1945. L., 1982. P. 121-122.

⁴⁹ PRO. AVIA 10/289. Memorandum by Prof. Jewkes. The Supply of Labor and the future of the aircraft industry program. 1943. 19 May. P. 4.

⁵⁰ Характеристику германского производства см.: *Overy R.J.* Mobilization for Total War in Germany. 1939-1941//English Historical Review. 1988. № 103. P. 630-638.

⁵¹ *Harrison M.* Resource Mobilization for World War II: the USA, UK, USSR and Germany. 1938-1945//Economic History Review. 1988. № 41. P. 171-192; *Overy R.J.* 'Blitzkriegswirtschaft?' Finanzpolitik, Lebensstandard und Arbeitseinsatz in Deutschland. 1939-1942//Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1988. № 3. P. 379-435.

⁵² PRO. LAB 8/106. Minister of Labour. Labour Supply Policy since May 1940. 1941. 17 July. P. 3.

⁵³ *Ibid.* P. 3.

⁵⁴ PRO. BT 64/210. Note by G.Peakes for Sir A.Barlow on price control. 1942. 17 Nov. P. 1.

- 55 Подробнее см.: *Ashworth W.* Contracts and Finance. L., 1953. P. 197-227; *Steindl J.* Economic Incentive and Efficiency in War Industry//Oxford University. Institute of Statistics. Studies in War Economics. P. 375-381.
- 56 *Woolton.* Memoirs. P. 176-177.
- 57 *Reader W.J.* ICI. P. 252-253.
- 58 PRO. LAB 10/161. Minute by E.W.Leggett. The wages situation and inflation: a note on the Chancellor's memorandum. 1942. 19 Jan. P. 2.
- 59 PRO. LAB 10/434. Ministry of Labour. Industrial Relations in Great Britain 1939-1942: History and Policy. P. 17. За период по июль 1942 г. в соответствии с новым законодательством были привлечены к ответственности 2 тыс. рабочих и объявлены незаконными 21 забастовка из 2,5 тыс. (Ibid. P. 19-20).
- 60 PRO. CAB 92/54. Minutes of the Second Meeting of the Production Executive. 1941. 8 Jan. P. 4.
- 61 PRO. BT 64/210. Board of Trade Journal. 1944. 2 Dec. P. 437.
- 62 *Croucher R.* Engineers at War. P. 373-375.
- 63 *Bullock A.* The Life and Times of Ernest Bevin. Vol. 2. P. 63.
- 64 PRO. LAB 10/132. Trade Stoppages: weekly returns of the Ministry of Labour, 1940-1944, especially reports for 28 Oct. 1942 and 26 Jan. 1944.
- 65 *Croucher R.* Engineers at War. P. 119-122, 374-375. О прогутах см.: *Inman P.* Labor in the Munitions Industries. L., 1957. P. 271-287.
- 66 PRO. LAB 8/480. Amalgamated Engineering Union. Final Report and Statistical Findings of Production Committee Enquiry, Apr. 1942. P. 4, 13.
- 67 Letter from Churchill to Kingsley-Wood, 19 Febr. 1941, reproduced in Sayers R.S.//Financial Policy. Appendix iv. P. 557.
- 68 *Bullock A.* Ernest Bevin. Vol. 2. P. 41.
- 69 *Behrens C.B.A.* Merchant Shipping. P. 263.
- 70 *Kimball W.F.* Churchill & Roosevelt. Vol. 1. P. 650. Churchill to Roosevelt, 31 Oct. 1942.
- 71 *Barnett C.* The Audit of War: the Illusion and Reality of Britain as a Great Nation. L., 1986.
- 72 *Kimball W.F.* Churchill & Roosevelt. Vol. 1. P. 108, Churchill to Roosevelt, 7 Dec. 1941.

6. Советский Союз: ФЕНИКС

Л.В.Поздеева

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия напала на страну, которая далеко продвинулась в экономическом развитии, но к войне готова не была. За годы довоенных пятилеток СССР создал крупную промышленность и механизированное сельское хозяйство. Третий пятилетний план (1938-1942) был утвержден XVIII съездом партии в марте 1939 г. Приоритетным направлением в условиях возросшей военной угрозы был объявлен рост тяжелой индустрии, особенно военных отраслей.

По уровню производства важнейших видов промышленной продукции СССР вышел в первые ряды наиболее развитых стран мира. В 1940 г. он производил 29,9 млн т железной руды, т.е. в два раза больше, чем гитлеровская Германия (в границах 1937 г.); выплавлял примерно одинаковое с ней количество стали и чугуна; намного превосходил ее в добыче нефти. Но нацистский рейх, который в 1940 г. захватил и эксплуатировал экономические ресурсы почти всей Европы, располагал мощностями по производству металла, электроэнергии и добыче угля в два с лишним раза большими, чем Советский Союз. Правда, советская экономика не находилась в такой зависимости, как немецкая, от импорта основных видов стратегического сырья. СССР имел более устойчивую базу нефтяной промышленности, развитие которой шло в относительно удаленных от центра регионах Урала-Поволжья ("второй Бак"), в Казахстане, на Сахалине¹. Эти гео- и экономические преимущества сыграли важную роль в последующие годы.

Состояние народного хозяйства СССР в условиях ужесточения тоталитарного режима было достаточно напряженным. Сказывалось влияние экономических потерь и социальных потрясений, которые пришлось испытать народу во время индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и массовых репрессий 1930-х годов. При общих довольно высоких темпах сохранялось отставание по многим видам промышленного производства (станкостроение, транспортное машиностроение и др.). Затормозилось развитие топливной и сырьевой базы черной металлургии, существенно сократились в третьей пятилетке годовые приросты мощностей в черной металлургии.

Оборонная промышленность СССР со времени гражданской войны находилась в центре внимания и развивалась с прицелом на неизбежность вооруженного столкновения с империализмом. К лету 1941 г. была в основном подготовлена материально-техническая база обороноспособности СССР, но полностью работа по подготовке страны к отражению агрессии не завершилась. Незадолго до войны группа советских конструкторов во главе с М.И.Кошкиным, А.А.Морозовым и Н.А.Кучеренко создала средний танк Т-34; тяжелый танк КВ-1 разработало конструкторское бюро Ж.Я.Котина. По основным характеристикам они

превосходили танки нацистской Германии. Но к началу войны танков Т-34 и КВ имелось в наличии всего лишь 1861². Накануне войны появились новые типы самолетов: истребители ЯК-1, ЛаГГ-3, МиГ-3, пикирующий бомбардировщик Пе-2, бронированный штурмовик Ил-2. Хотя они отвечали уровню мировых стандартов, в самолетном парке СССР их насчитывалось совсем немного.

Наиболее подготовленной к началу войны, как свидетельствует Б.Л.Ванников (нарком боеприпасов в 1942-1945 гг.), оказалась промышленность вооружения, занятая производством артиллерийского и стрелкового оружия. Она располагала значительными резервами увеличения выпуска продукции³.

В процессе перевооружения по вине И.Сталина и других руководителей не удалось избежать крупных просчетов, ошибок и запоздалых решений. К началу войны маршал Г.И.Кулик и Главное артиллерийское управление, например, не оценили такое мощное реактивное оружие, как БМ-13. Получившая в дальнейшем мировую известность боевая реактивная установка БМ-13 (“катюша”) была запущена в серийное производство по решению, которое Комитет обороны принял только 21 июня 1941 г.⁴

На экономическом планировании отражались деформации советской военной доктрины. Сталин и его ближайшее окружение упрямо придерживались мнения, что военные действия Красная Армия сможет сразу перенести на территорию напавшего врага, сумеет быстро и легко одержать победу. Недооценивались поэтому размеры требований, которые могла предъявить хозяйству страны оборонительная война в глубоком тылу. Английский экономист М.Гаррисон справедливо отмечает исключительное благодушие, проявленное в СССР при оценке экономических масштабов будущего конфликта⁵.

Отсутствие опыта в освоении производства оружия и организации массового его выпуска, просчеты в реорганизации вооруженных сил, нехватка автотранспорта, технических средств для обслуживания и ремонта техники, некомпетентность руководства — таковы лишь некоторые причины недостаточной подготовленности военно-промышленного потенциала СССР⁶.

В целом развитие отраслей промышленности и транспорта отставало от растущих потребностей страны, не были решены проблемы сельского хозяйства, не соответствовал требованиям современной войны и общий объем военных приготовлений. И все же, как утверждал Маршал СССР Г.К.Жуков, “пульс тяжелой индустрии, оборонной промышленности бился уച്ചенно...”⁷ Но труднейшие испытания были еще впереди.

Война застала народное хозяйство СССР в стадии широкой реорганизации, освоения большого массива почти нетронутых промышленных ресурсов, главным образом на Востоке. “Не вызывает сомнения, — полагает американский историк Джон Джессап, — что Советский Союз провел подготовку к быстрой и всеобъемлющей мобилизации промышленности на случай войны”⁸. Хотя экономическая подготовка СССР бы-

ла далека от завершения, потенциальные возможности в области военно-промышленной мобилизации можно считать высокими. Несмотря на то что СССР производил меньше важнейших видов стратегических материалов, чем Германия, он оказался в состоянии обеспечить военные усилия значительных масштабов. В числе преимуществ советской экономики — огромная территория, обладание всеми основными видами ресурсов, относительная независимость от внешней торговли (в отличие от Германии, Японии и Великобритании)⁹.

Но гитлеровская Германия намеревалась разбить Советский Союз в молниеносной кампании еще до того, как он успеет мобилизовать на войну свои материальные и людские ресурсы. Сумеет ли страна в кратчайший срок осуществить перестройку народного хозяйства и снабжение фронта — от этого зависели судьбы советского народа и исход его противоборства с полностью отмобилизованными войсками противника. Экстренные акции СССР в первые недели войны имели поэтому существенное значение для всего последующего хода борьбы.

23 июня 1941 г. постановлением Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР и ЦК ВКП(б) был введен в действие мобилизационный план по производству боеприпасов. За этим последовали постановления о развитии танковой и авиационной промышленности, об эвакуации из прифронтовых районов промышленных предприятий, государственных учреждений и населения. 24 июня создается Совет по эвакуации. Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. предписывала партийным и советским организациям прифронтовых областей мобилизовать все силы на разгром врага, не допустить захвата им промышленных и сельскохозяйственных ресурсов.

Общее руководство экономикой сосредоточил в своих руках Государственный Комитет Оборона (ГКО), образованный 30 июня 1941 г. во главе со Сталиным. Председатель и отдельные члены ГКО отвечали, кроме всего прочего, за производство вооружения и боеприпасов, самолетов и авиационных моторов, продовольствия, горючего, вещевого имущества, железнодорожных перевозок. Практически же все зависело от одного человека — Сталина, решения принимались без соблюдения демократической процедуры, зачастую опросным порядком.

Но едва ли можно только под этим углом зрения оценивать значение ГКО. К сфере его деятельности были причастны десятки, сотни людей, над реализацией указаний высшего органа трудились тысячи и миллионы. А постановлений и распоряжений ГКО за время своего существования (по 3 сентября 1945 г.) принял 9971, причем около $\frac{2}{3}$ из них так или иначе касались вопросов экономики и военного производства¹⁰.

Серьезные поражения Красной Армии в начальный период войны вынуждали к самым крутым мерам. Директива ГКО от 4 июля 1941 г. сформулировала стратегию перенесения главных экономических усилий в тыл страны, в создававшийся на Востоке новый военно-промышленный комплекс. Специальная комиссия во главе с Н.А.Вознесенским¹¹ разработала документ (получил одобрение 16 августа 1941 г.) под названием “Военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 года и на

1942 год по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии". План предусматривал форсирование в восточных районах производства промышленной и сельскохозяйственной продукции, вооружения и боеприпасов для армии, ВМФ и ВВС.

Перестройка экономики началась летом 1941 г. и велась в исключительно трудной для советского народа обстановке. Удары вермахта приняла на себя не только Красная Армия, вступившая в кровопролитные бои с грозным противником. Неимоверные тяготы войны легли и на плечи гражданского населения. Враг овладевал все новыми городами и селами; захватывал фабрики, заводы, оборудование, урожай полей; повсюду сеял смерть и разрушение, угонял в Германию жителей оккупированных областей. Размеры материальных потерь от оккупации были колоссальны¹².

В целях создания военного хозяйства, рассчитанного на длительный период и обеспечение экономического перевеса над Германией, намечались следующие меры: перераспределение и мобилизация материальных, финансовых и трудовых ресурсов на нужды Великой Отечественной войны; форсированное развитие военной промышленности и военно-строительных работ, достижение количественного и качественного превосходства вооружении над противником; мобилизация материальных ресурсов сельского хозяйства и труда колхозного крестьянства для удовлетворения потребностей фронта и тыла; организация работы транспорта с учетом преимущественного внимания к военным грузам, строительство новых магистралей в европейской и азиатской частях страны; перестройка государственного аппарата.

В государственном бюджете СССР резко возросли ассигнования на военные нужды (во втором полугодии 1941 г. по сравнению с первым — на 20,6 млрд руб.)¹³. Источниками финансирования военных усилий, наряду с налогами и разными сборами, стали государственные займы, добровольные отчисления и взносы населения, поступления от рабочих, служащих, крестьян, воинов Красной Армии в Фонд обороны.

Рабочий класс, крестьянство, интеллигенция проявили в основной своей массе понимание важности самоотверженного труда во имя спасения Родины. Лозунг "Всё для фронта, все для победы!" был подхвачен всем народом, от мала до велика. Подвиг тружеников тыла имел колоссальное значение для организации военной экономики и срыва гитлеровского блицкрига.

Жесткая государственная и партийная политика мобилизации людских ресурсов в сочетании с высокой активностью и массовым трудовым подъемом рабочего класса позволили к лету 1942 г. в основном удовлетворить потребности промышленности, особенно ее оборонных отраслей, в квалифицированных кадрах.

В сфере мобилизации материальных ресурсов важнейшее значение имело форсирование военной промышленности и военно-строительных работ, так же как и перевод на военные рельсы гражданских отраслей промышленности. На производство пушек, танков, боеприпасов с первых дней войны перешли все заводы тяжелой индустрии и подавляющее большинство предприятий легкой промышленности.

Работать для фронта стала практически вся страна. Во многих случаях заводы переключались на выпуск военной продукции без всяких указаний сверху — по инициативе заводского коллектива. Мощным прифронтовым арсеналом Красной Армии стала Москва. Военная техника и снаряжение столичных заводов направлялись на все фронты. Массовый выпуск пистолета-пулемета Шпагина (ППШ) был организован на автомобильном, инструментальном, станкостроительных заводах, а также на фабрике спортивного инвентаря, заводах счетно-пишущих машин и др. Троллейбусный парк Ленинградского района столицы освоил производство гранат, кондитерская фабрика “Рот-Фронт” — выпуск пищевых концентратов. Небольшие предприятия галантерейного профиля давали фронту противотанковые гранаты и взрыватели¹⁴.

В осажденном Ленинграде 116 заводов и фабрик выпускали снаряды и мины, 15 заводов — минометы. Не осталась в стороне и легкая промышленность. Пивоваренный завод “Красная Бавария” производил снаряды и зажигательные бомбы, парфюмерная фабрика — гильзы для минных зарядов, фабрика музыкальных инструментов им. Луначарского — гранаты. Даже в первую страшную блокадную зиму ленинградцы дали фронту 95 тыс. корпусов снарядов и мин, 380 тыс. гранат, 435 тыс. взрывателей. А рабочие трудились в промерзших помещениях, на скудном, голодном пайке, под непрерывным обстрелом¹⁵.

Одна из героических эпопей второй мировой войны — перебазирование производительных сил СССР в тыл из фронтовых и прифронтовых районов. Принятые в июньские дни правительственные и партийные решения об эвакуации, массовое перемещение людей и материальных ценностей отвечали одной задаче: не допустить захвата и уничтожения агрессором национального богатства страны, полного вывода из строя промышленности Европейской части СССР, дезорганизации хозяйственной жизни. Эвакуация проводилась в основном в июле-августе и в октябре 1941 г. Быстрое наступление немецких армий заставляло завершить ее в сжатые сроки, работая под обстрелом.

Всей огромной работой по перебазированию ведал Совет по эвакуации (поскольку возглавивший его вначале нарком путей сообщения Л.Каганович не смог обеспечить четкие и оперативные действия, в июле 1941 г. председателем Совета был назначен секретарь ВЦСПС Н.М.Шверник) и уполномоченные Совета при наркоматах и на местах. В тыл перебазировались авиационные заводы, предприятия наркоматов вооружения и боеприпасов, цеха ленинградского Кировского и Харьковского тракторного заводов, московских заводов “Серп и молот” и “Электросталь”¹⁶.

В Поволжье, на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию и на Дальний Восток было перебазировано больше 100 предприятий авиационной промышленности со сложным оборудованием, запасами сырья и материалов. Все это, вспоминает нарком авиационной промышленности А.И.Шахурин, требовалось демонтировать, погрузить в железнодорожные вагоны или на речные суда и баржи и отправить за тысячи километров в глубь страны. А эвакуация только одного самолетного или моторного завода означала демонтаж 3-5 тыс. единиц оборудования, их погрузку вместе с

50 тыс. рабочих с семьями. “По сути, перебрасывали в дальние дали только с одним заводом население небольшого города. На колесах и в движении оказалась почти вся авиапромышленность”¹⁷. Аналогичное положение сложилось в других военных и связанных с ними отраслях индустрии. К концу 1941 г., по данным Д.Ф.Устинова, было эвакуировано 80% всех предприятий промышленности вооружения. Многие заводы перевозились на однотипные заводы, с которыми обычно сливались¹⁸.

Не будет преувеличением сказать, что в движение пришла вся огромная страна. Люди работали круглосуточно, жили прямо в цехах заводов, готовя их в задний путь. В опасных для жизни людей условиях шла эвакуация из дальних приграничных районов, с Украины (откуда были вывезены в тыл наряду с заводами большие партии зерна, скот и пр.), из Белоруссии. Не обошлось без потерь, вызванных постоянными бомбежками и оккупацией. В Ленинграде к отправке в глубокий тыл оборонных предприятий приступили с конца июня. Блокада, в которую город оказался зажат с 8 сентября, временно приостановила этот процесс. Но уже 4 октября ГКО предписал немедленно начать эвакуацию из Ленинграда станков, оборудования, квалифицированных рабочих, инженеров, техников Кировского, Ижорского заводов и завода № 174, занятых на изготовлении танков КВ-1 и Т-50¹⁹. С начала 1942 г. Дорога жизни, проложенная по льду Ладожского озера, дала спасительную возможность частичного отхода на Большую землю.

В Москве пик эвакуации пришелся на осень 1941 г. Начатая вермахтом 30 сентября операция “Тайфун” уже к исходу 7 октября открыла, по сути дела, немецко-фашистским войскам все пути на столицу. Ожесточенные бои развернулись на всех ближних подступах к ней. Передовые танковые колонны врага продвигались вперед, но в Москве к вывозу предприятий и учреждений никто еще не приступал. Только когда ситуация стала остро критической, ГКО 15 октября принял постановление “Об эвакуации столицы СССР г. Москвы”. Оно обязало ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонительной линии в тот же день эвакуировать высшие правительственные и военные органы. В случае появления войск противника у ворот Москвы ГКО поручал “НКВД — т.Берия и т.Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию)”²⁰. Вызванные тогда же, 15 октября утром, в Кремль наркомы получили указание немедленно выехать в места, установленные для размещения руководимых ими учреждений. Наркомат вооружения эвакуировался в Пермь (основная его часть вернулась в феврале 1942 г.)²¹.

С мест повсюду стали спешно сниматься крупные заводы. Основную массу людей отправляли по железной дороге. Часть имущества вместе с рабочими и их семьями грузили на пароходы, баржи. За полгода войны в тыловые районы было эвакуировано 1523 промышленных предприятия, по железным дорогам перевезено до 30-40% рабочих, инженеров и техников. В тыл отправлялись учреждения науки — десятки

вузов, НИИ. Общее число эвакуированных составило 10 млн человек. Мир не знал еще таких грандиозных по масштабам перемещений — чуть ли не целые отрасли промышленности с миллионами людей перебрасывали на Восток. Велика заслуга в этом железнодорожников, работников речного флота и других видов транспорта²².

Необъяснимой представлялась вся ситуация многим на Западе, знакомым со слабыми сторонами советской транспортной системы. Британский маршал авиации Джон Бабингтон (глава авиационной секции при военной миссии Британии в СССР) отметил: “Всегда обычно предполагалось, — и с полным основанием, — что почти все средства русского транспорта были недостаточны и неэффективны. Это предположение в целом не изменилось. Тем не менее Советы не только вытащили значительную часть своих сил из Западной России, Польши и Прибалтийских стран, но и смогли одновременно переместить к Уралу основную массу своих промышленных предприятий и оборудования, так же как и гражданских лиц для их обслуживания”. Это “двойное и беспрецедентное” достижение, осуществленное при помощи средств, которые по обычным западным нормам казались совершенно недостаточными, Бабингтон оценивал как одно из самых значительных и важных²³.

Перебазирование производительных сил само по себе не решало, конечно, проблемы. Требовалось, опять-таки в рекордно короткий срок, разгрузить эшелоны, собрать оборудование, ввести в строй цеха и заводы, заново наладить нарушенный производственный цикл. “Чудо” быстрого перебазирования, а затем и возобновления производства оказалось бы неммыслимым без поистине беспримерного подвига эвакуированного населения и трудящихся восточных районов, которые работали, не покладая рук, при жгучих морозах, часто под открытым небом.

Последние два месяца 1941 г. — месяцы “битвы на строительных площадках” Востока, как назвал их А.И.Шахурин, — стали самыми тяжелыми и критическими для народного хозяйства СССР. В связи с концентрацией главных усилий на эвакуации и на восстановлении предприятий резко уменьшилось общее промышленное производство. Валовая продукция промышленности с июня по ноябрь 1941 г. сократилась в 2,1 раза, выпуск проката черных металлов в декабре сократился против июня в 3,1 раза; проката цветных металлов — в 430 раз; производство шарикоподшипников — в 21 раз. Остро ощущался недостаток топлива, особенно угля. В ноябре и декабре 1941 г. ни тонны угля не поступило из Донецкого и Подмосковского угольных бассейнов. В этой ситуации самые большие затруднения испытывали предприятия оборонной индустрии. До минимального уровня военное производство упало в ноябре 1941 г. В IV квартале уменьшился выпуск самолетов; критическим месяцем в производстве авиационной техники явился декабрь²⁴. Упало также производство танков Т-34.

Вопреки всем трудностям, потерям и просчетам бюрократически-командного аппарата 1941 год показал: СССР развертывает базу для оснащения армии современным оружием; он воюет, опираясь на собственный экономический потенциал. Как противника, так и союзников удивляли некоторые новые образцы советского вооружения, такие, как реак-

тивные минометы. Залпы знаменитых “катюш” впервые прозвучали на батарее капитана И.А.Флёрова в боях под Оршей 14 июля 1941 г., наводя ужас на немцев. Исключительная простота конструкции пистолета-пулемета Шпагина позволила с первых месяцев войны освоить массовое производство этого автомата, поставив его в ряд мощных орудий Красной Армии. Танки Т-34, брошенные против немецкой 4-й танковой дивизии в начале октября 1941 г. восточнее Орла, выявили бесспорное превосходство над противником в вооружении, броне и маневренности танков²⁵.

Контрнаступление Красной Армии зимой 1941/42 г. и разгром вермахта под Москвой дали новый стимул советской военной экономике. Правда, в феврале 1942 г. некоторые важные показатели (выплавка стали и чугуна, добыча угля, нефти и др.) все еще оставались самыми низкими за войну²⁶. Но в целом промышленное производство с декабря 1941 г. перестало снижаться, а с марта 1942 г. оно пошло вверх, не достигнув, впрочем, уровня второго полугодия 1941 г. Во втором полугодии 1941 г. и в первом полугодии 1942 г. было произведено соответственно: электроэнергии — 19,3 и 14,1 млрд квт/ч., нефти — 15,7 и 11,7 млн т, угля — 59,5 и 35,7 млн т, чугуна — 4,8 и 2,3 млн т, стали — 6,5 и 3,9 млн т, проката — 4,4 и 2,6 млн т, алюминия — 28,5 и 24,2 тыс. т²⁷.

Непреложный факт, что падение промышленного производства было приостановлено с конца первого квартала 1942 г. Весной 1942 г. начался быстрый рост выпуска вооружений, который основывался на завершенном в основном строительстве военных цехов, налаживании деятельности технологических служб заводов, более полном использовании вводимого в действие оборудования²⁸. К лету подавляющее большинство перебазируемых предприятий на полную мощность работало для фронта. Советская военная промышленность, сообщила 23 июня 1942 г. в Лондон посол Великобритании в СССР А.Кларк Керр, “практически полностью восстановлена после событий минувшего года”²⁹.

Усилия советского народа по переводу промышленности на Восток, быстрота восстановительных работ высоко оцениваются многими на Западе. Справедливо отмечают, с другой стороны, и долговременные негативные последствия эвакуации для народного хозяйства страны: рост продукции форсировался только в оборонном секторе, производство же промышленной продукции и продовольствия упало; сжатые сроки обусловили в ряде случаев более низкое качество военного строительства. Дополнительные трудности испытали районы тыла, принявшие эвакуированные предприятия³⁰.

В середине 1942 г. партийные и государственные органы смогли завершить перестройку народного хозяйства на военный лад. Доля национального богатства, используемого для военных нужд, в этом году составила 55%, а доля военной продукции в общем промышленном производстве — 63,9%³¹.

На Урале, в Сибири, в Поволжье, Казахстане и Средней Азии окреп военно-промышленный потенциал. Из эвакуированных в тыл в 1941 г. 1523 промышленных предприятий к лету 1942 г. были восста-

новлены и вступили в строй свыше 1200. Борьба за выживание на промышленном фронте была выиграна. Восток стал главным арсеналом Советских Вооруженных Сил, в июне 1942 г. он давал более $\frac{3}{4}$ всей военной продукции. Увеличилась доля этого региона и в сельскохозяйственном производстве. Не утратила вместе с тем своего экономического значения и Москва с прилегающими к ней промышленными районами центра Российской Федерации.

Завершение перестройки хозяйства совпало с развернувшимися летом 1942 г. ожесточенными боями на подступах к Сталинграду и Северному Кавказу. Сталинградская битва, новая волна эвакуации из южных районов осложнили развитие промышленности и сельского хозяйства. До конца года не была преодолена нехватка металлов (особенно цветных), угля, электроэнергии. Большие перегрузки испытывал транспорт, не хватало грузовых машин для армии.

Трудное положение сложилось в нефтяной промышленности. Демонтаж оборудования на нефтепромыслах Кубани и Азербайджана и его отправка в восточные районы привели в 1941 г. к сокращению добычи нефти. К середине следующего лета были восстановлены практически все нефтяные предприятия, эвакуированные на Урал, в Поволжье и Казахстан. Однако в связи с угрозой для Северного Кавказа со стороны вермахта и начатым им наступлением на Сталинград в июле 1942 г. были проведены специальные мероприятия по выводу из строя нефтепромыслов и консервации скважин, пришлось также эвакуировать на Восток около 600 вагонов с оборудованием нефтяной промышленности. Враг не смог воспользоваться ни кубанской, ни кавказской нефтью.

После захвата немецко-фашистскими войсками Северного Кавказа и их выхода к Волге главным источником снабжения фронта становится Второй Баку. Призыв нефтяников Урала и Поволжья “Чем ты сегодня помог Сталинграду?” мобилизовал их на принятие повышенных норм производства в интересах снабжения армии. Для доставки горючего на Сталинградский фронт понадобились десятки тысяч железнодорожных вагонов³².

Летом-осенью 1942 г., когда южные районы страны оказались в огне войны, армия в возрастающем объеме получала оружие. Авиапромышленность давала во второй половине года ежемесячно почти на тысячу самолетов больше, чем год назад, и этот поток все возрастал³³.

Динамику производства вооружения и боевой техники в 1941-1942 гг. иллюстрирует табл. 1.

Головным предприятием танковой промышленности, выпускавшим

Таблица 1
Производство самолетов, танков и минометов в СССР³⁴

	июль-декабрь 1941 г.	январь-июнь 1942 г.	июль-декабрь 1942 г.
Самолеты	8 200	8 300	13 400
Танки	4 800	11 200	13 300
Минометы (82-120 мм)	19 100	55 400	70 100

около 40% средних танков Т-34 от общего их производства, до сентября 1942 г. оставался Сталинградский тракторный завод. Июльскую (1942 г.) программу завод перевыполнил, работая под угрозой рвавшихся в город немецких танковых соединений. Сборка и ремонт танков на СТЗ продолжались 42 дня под бомбежкой и артиллерийско-минометным обстрелом противника, пока он не захватил 18 октября заводскую территорию, а оборудование вместе с рабочими было эвакуировано в Сибирь³⁵.

Так в тяжелых условиях военного времени усилиями рабочего класса, инженерно-технических работников было остановлено падение промышленного производства, началось наращивание выпуска военной продукции.

Важную роль в развитии военной экономики сыграла советская наука. Для нужд фронта была перестроена работа научно-исследовательских учреждений промышленности и Академии наук СССР. Академики И.П.Бардин, Б.Е.Веденев, А.В.Иоффе, П.Л.Капица, Г.М.Кржижановский и многие другие крупнейшие ученые весь свой талант и творческую энергию отдавали делу борьбы с фашизмом. Ученые и конструкторы создавали новые модели оружия; напряженно трудились над улучшением техники, ускорением внедрения технических новшеств в производство (до сих пор не превзойдены темпы внедрения и освоения новой техники, достигнутые накануне и во время войны)³⁶. Академик П.Капица — член британского Королевского общества — в статье “Наука для Красной Армии” рассказывал английским читателям о плодотворной деятельности советских математиков, геологов, химиков, других специалистов. “Сегодня, — писал он, — угроза свободе и стремление спасти страну побуждают советских ученых направить все свои усилия на решение связанных с войной проблем”³⁷.

Быстро развивались радиоэлектроника, оптика, радиолокация, другие новые области науки и техники. Было создано эффективное реактивное оружие. Группа ученых во главе с академиком С.П.Королевым и В.П.Глушко занималась разработкой теории и практических основ создания ракетного оружия и ракетных двигателей. Под руководством академика УССР Е.О.Патона была освоена автоматическая электросварка под флюсом, что имело важное значение при производстве корпусов танков, авиабомб и артиллерийского вооружения. Потенциал советской науки, ее достижения и открытия широко использовались в интересах фронта и тыла.

Начало войны с гитлеровской Германией приостановило начатые еще ранее исследования в области ядерной физики. Они возобновились, когда появились основания предположить о развернувшихся на Западе работах по созданию атомной бомбы. В конце 1942 г. молодой талантливый физик И.В.Курчатов был назначен руководителем советского атомного проекта, в Москве начала строиться Лаборатория № 2 АН СССР (впоследствии всемирно известный Институт атомной энергии им. И.В.Курчатова). К началу Потсдамской конференции, на которой Трумэн сообщил Сталину (для которого сообщение не было неожиданным) об обладании американцами новым оружием совершенно необы-

чайной силы, в лаборатории Курчатова уже работал циклотрон, был получен первый в Европе плутоний и завершалось сооружение опытного уран-графитового реактора. По-настоящему работы над созданием ядерного оружия форсировались после окончания войны. Первое испытание атомной бомбы в СССР прошло более четырех десятилетий назад — 29 августа 1949 г.³⁸.

В конце декабря 1942 г. Н.А.Вознесенский, подводя итоги работы экономики, доложил ГКО, что выпуск боевой техники в СССР по всем показателям превосходит выпуск вооружения Германией и ее союзниками³⁹.

Оснований для самоуспокоенности, разумеется, не было. Нацистское руководство в связи с крупными поражениями вермахта на Волге срочно перестраивало экономику Германии в направлении форсирования выпуска вооружения и восполнения потерь в технике. Советскому Союзу требовалось мобилизовать все резервы и возможности с тем, чтобы достичь высокого уровня экономического развития и закрепить перевес над противником в производстве основных видов военной техники.

1943 год характеризовался Н.Вознесенским как год коренного перелома в истории военной экономики СССР, год укрепления военного хозяйства с резко выраженными особенностями расширенного воспроизводства⁴⁰.

Со II квартала 1943 г. происходило неуклонное увеличение промышленного производства (в I квартале оно снизилось по сравнению с IV кварталом 1942 г.). Опережающие темпы развития сохранялись в отраслях тяжелой промышленности, особенно в машиностроении, металлообработке, что создавало основу подъема всего военного хозяйства. О росте выпуска промышленной продукции дает представление табл. 2.

В 1944 г. предприятия машиностроительной, металлообрабатывающей, химической промышленности, цветной металлургии дали стране больше продукции, чем перед войной. Индекс объема валовой промышленной продукции впервые превысил довоенный уровень. Стало возможным некоторое расширение производства товаров для гражданского населения. Повысилось внимание к пострадавшим от войны районам.

Еще после победы под Сталинградом и Курском началось восстановление народного хозяйства на освобожденной территории. Программа восстановления, включенная в государственные военно-хозяйствен-

Таблица 2
Показатели промышленного производства СССР в 1943-1945 гг.⁴¹

	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Выработка электроэнергии (млрд квт/ч.)	32,3	39,2	43,3
Выплавка стали (млн т)	8,5	10,9	12,3
Добыча угля (млн т)	93,1	121,5	149,3

ные планы СССР 1944 и 1945 гг., принимала в расчет колоссальные масштабы разрушения агрессором национального богатства страны. Часть населения оккупированных районов подверглась истреблению или была угнана в рабство. После оккупации в районах РСФСР уцелело лишь 13% промышленных предприятий, в районах Украинской ССР — 19%, Белорусской ССР — 15%⁴². В 1944 г. с освобождением всей советской территории восстановительные работы развернулись широким фронтом. К концу 1945 г. в освобожденных районах были полностью или частично вновь введены в строй тысячи промышленных предприятий. Народ этих районов внес свою долю труда в баланс военного хозяйства страны.

В 1945 г. продолжалось развитие и восстановление всех отраслей экономики. В I и II кварталах поддерживался рост военной продукции, параллельно увеличивалось производство тракторов и других видов сельскохозяйственной техники, принимались некоторые меры для расширения производства предметов потребления. На обслуживание нужд гражданской промышленности было переведено более 500 предприятий. Во II квартале 1945 г. выпуск гражданской продукции составил 45,7% общего объема производства, в III квартале — уже 59,8%⁴³. Начался переход на мирную экономику.

Развитие промышленности и сельского хозяйства (см. табл. 3) обеспечивало в основном военно-экономические потребности страны.

Однако при утвердившейся с весны 1943 г. тенденции роста производства многие отрасли промышленности СССР к моменту Победы так и не смогли достичь довоенного уровня. От запросов военного времени отставало развитие алюминиевой и медной промышленности, не хватало свинца, цинка, снизилась добыча нефти.

С неимоверным напряжением функционировал аграрный сектор. Сельское хозяйство пострадало от войны и оккупации, как ни одна другая отрасль экономики. И без того скромное богатство сел и деревень

Таблица 3
Основные показатели экономического развития СССР (1940 г. = 100%)⁴⁴

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Произведенный национальный доход	92	66	74	88	83
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства (без скота)	72	68	76	84	8
Продукция промышленности	98	77	90	103	91
Продукция машиностроения	111	119	142	158	129
Валовая продукция сельского хозяйства	62	38	37	54	60
Капитальные вложения	84	52	57	79	92
Грузооборот всех видов транспорта	92	53	61	71	76
Среднегодовая численность рабочих и служащих	88	59	62	76	87
Розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли	84	34	32	37	43

подверглось со стороны врага самому безжалостному грабежу и истреблению. К тому же для нужд Красной Армии было передано большое число автомобилей, тракторов, лошадей. Сильно сократилось с первых дней войны трудоспособное население в деревне. В армию, на военное производство и в строительство ушли миллионы мужчин — хлеборобов, механизаторов, техников. На фермах и полях работали в основном женщины, подростки и старики. Решающая роль в сельскохозяйственном производстве перешла к женщинам.

Невероятно тяжелы были условия труда и быта сельских тружениц. Техники, даже изношенной, поначалу не хватало. Приходилось пахать на коровах. В последние годы войны материальное оснащение сельского хозяйства улучшилось, но тракторов все еще не хватало, особенно в освобожденных районах. В 1944 г. в Курской области, например, на весеннем севе использовались 110-140 тыс. коров, землю вспахивали и вручную. Та же картина наблюдалась в Смоленской и других областях⁴⁵.

Главными поставщиками сельскохозяйственной продукции являлись колхозы и совхозы. Крестьяне, сидя на мизерном пайке⁴⁶, работали за двоих и за троих. Принудительный минимум трудодней был усилен, так же как и все методы регламентации и контроля за сельским тружеником. Но следует подчеркнуть и другое — труд колхозника, как и всего народа, вдохновлялся любовью к родине, стремлением очистить землю от оккупантов. Одними только методами принуждения тоталитарное государство в годы Великой Отечественной войны просто не смогло бы выполнить возложенную на село задачу — дать сельскохозяйственную продукцию, необходимую фронту и тылу.

Сельское хозяйство оказалось в состоянии преодолеть низкие показатели первых лет войны (особенно трудным оказался 1943 год) и в 1944-1945 гг. увеличить производство зерна, мяса, молока и других видов продукции. Валовый сбор зерновых всех видов составил: в 1940 г. — 95,6 млн т; 1941 г. — 55,9 млн т; 1942 г. — 29,7 млн т; 1943 г. — 29,4 млн т; 1944 г. — 49,1 млн т; 1945 г. — 47,3 млн т⁴⁷. Несмотря на временную потерю наиболее богатых в сельскохозяйственном отношении районов СССР, сокращение занятости и другие неблагоприятные факторы усилиями тружеников села, мерами самого жесткого государственного и партийного контроля удалось при максимальной экономии и минимальном рационе продуктов питания удовлетворить в основном потребности в них фронта и в меньшей степени — тыла.

Но к довоенному уровню сельскохозяйственного производства страна в конце войны лишь только приближалась. Разрушения производительных сил в аграрном секторе не полностью компенсировались мерами по возрождению хозяйства, хотя восстановление колхозов, совхозов и МТС на Украине, в Белорусии и других районах велось высокими темпами. Сокращение сельскохозяйственной техники (ко Дню Победы тракторный парк составил $\frac{3}{4}$ довоенной величины, парк грузовых автомашин — около $\frac{1}{3}$) и инвестиций усилило диспропорции в экономике. В числе других причин это не могло не отразиться на послевоенном состоянии хозяйственной системы СССР.

Развитие народного хозяйства, при том что его показатели до конца войны не превысили уровень 1940 г., дало возможность ускорить перевооружение Красной Армии новейшей военной техникой. Перелом в работе промышленности, начавшийся во 2-й половине 1942 г., был закреплен в 1943 г.: по сравнению с 1940 г. продукция оборонных отраслей возросла более чем в два раза. К июлю 1943 г. и особенно после Курской битвы увеличилось преимущество СССР перед нацистским рейхом по основным видам военной техники. Выплавляя примерно в три раза меньше стали и добывая почти в пять раз меньше угля, чем Германия (с учетом ввоза из оккупированных стран, присоединенных территорий и импорта), СССР за годы войны создал почти в два раза больше вооружения и боевой техники⁴⁸. Размеры вклада отраслей оборонной индустрии в материальное обеспечение представлены в табл. 4.

За четыре года войны действующая армия, по свидетельству Маршала Г.К.Жукова, получила не менее 100 млн т различной военной техники и снаряжения. Во время проведения крупных стратегических операций на основные фронты направлялось ежедневно до 100 поездов с войсками, боевой техникой и различным имуществом⁴⁹.

Сокращение выпуска орудий и минометов в конце войны вызывалось переходом к производству артиллерийских орудий более крупного калибра. Еще в 1942 г. производство на артиллерийских и оружейно-стрелковых заводах возросло настолько, что не потребовалось значительно увеличивать его в следующие годы. Технология и качество выпускаемых артиллерийских систем, минометов непрерывно совершенствовались. Только в 1943 г. учеными и конструкторами был создан 21 образец артиллерийского вооружения⁵⁰.

В эти годы сохранялся перевес над противником в бронетанковой технике. К концу 1943 г. вермахт, вынужденный переориентироваться на средства ведения оборонительных операций, получил более тяжелые

Таблица 4
Производство важнейших видов военной техники в СССР⁵¹

Военная техника (тыс.; корабли - ед.)	1941 г. июль-декабрь	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г. январь-август	Всего
Винтовки и карабины	1 567,1	4 049,0	3 436,2	2 450,0	637,0	12 139,3
Пистолеты-пулеметы	89,7	1 506,4	2 023,6	1 970,8	583,4	6 173,9
Пулеметы всех видов и калибров	106,2	356,1	458,5	439,1	156,0	1 515,9
Орудия всех видов и калибров	30,2	127,1	130,3	1 222,4	72,2	482,2
Минометы	42,3	230,0	69,4	7,1	3,0	351,8
Танки и САУ	4,8	24,4	24,1	29,0	20,5	102,8
Боевые самолеты	8,2	21,7	29,9	33,2	19,1	112,1
Боевые корабли основных классов	35	15	14	4	2	70

системы противотанковой и зенитной артиллерии. В СССР самый массовый средний танк (Т-34) был оснащен более мощным оружием — 85-мм пушкой⁵².

Преимущество советской авиации над немецкой стало выявляться уже во время разгрома вермахта под Сталинградом. В 1943 г. было достигнуто превосходство большинства типов советских самолетов по летно-тактическим данным. В серийное производство поступали все новые модели. Делу их создания и совершенствования посвятили себя выдающиеся авиаконструкторы. В числе боевых самолетов было произведено 40 тыс. штурмовиков конструкции С.В.Ильюшина, 37 тыс. — истребителей конструкции А.С.Яковлева, 22 тыс. — истребителей конструкции В.П.Горбунова, С.А.Лавочкина и М.И.Гудкова. В большом количестве были выпущены фронтовые бомбардировщики конструкций В.М.Петлякова, С.В.Ильюшина, А.Н.Туполева. В истребительной авиации новые самолеты составляли к концу войны 96,2% (1942 г. — 46,4%); в бомбардировочной авиации “старых” машин на 1 января 1942 г. насчитывалось 81,9%, а к началу 1945 г. — только 14,5%. Иными словами, как утверждает А.И.Шахурин, СССР в годы войны осуществил “не просто техническое оснащение Советских Военно-Воздушных Сил, а, можно сказать, их полное перевооружение новыми видами боевой техники”⁵³.

Немалый вклад в усиление военного потенциала СССР внесли судостроительная промышленность и другие отрасли индустрии.

Гарри Гопкинс, посетивший Москву в мае 1945 г., говорил Сталину: “Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на Восточном фронте”⁵⁴.

Победа над фашистской Германией была одержана советскими войсками в основном советским оружием. Какую роль для военной экономики СССР — “удивительно независимой” в сравнении с экономикой Великобритании или даже США⁵⁵ — сыграли поставки вооружения, военных материалов и продовольствия из США и других государств антигитлеровской коалиции?

Цифра 4%, которой советская сторона официально измеряла удельный вес поставок западных держав во всем объеме промышленной продукции СССР 1941-1945 гг.⁵⁶, лишь в самом общем виде раскрывает экономический аспект союзнических взаимоотношений. Если судить только по количественным показателям, то создается представление о небольшом объеме военно-экономического сотрудничества СССР и западных держав в начале Великой Отечественной войны. Это подтверждает справка Наркомата внешней торговли СССР о выполнении Англией обязательств по Первому протоколу за октябрь-декабрь 1941 г. Из 1000 обещанных Советскому Союзу танков за эти три месяца было поставлено только 487. Еще больший отрыв от обязательств наблюдался у США. За все время действия Первого протокола (1 октября 1941 г. — 30 июня 1942 г.) они поставили 267 бомбардировщиков (вместо 900), 278 истребителей (вместо 900), 363 средних танка (вместо

1125), 420 легких танков (вместо 1125), 16,5 тыс. грузовиков (вместо 85 тыс.)⁵⁷. Не были полностью реализованы обещания союзников и по Второму протоколу (1 июля 1942 г. — 30 июня 1943 г.).

Недовыполнение программы поставок в СССР и их задержки вызывались рядом причин: большими потерями при перевозке грузов через океан в связи с операциями вражеских подводных лодок; нежеланием некоторых военных организаций выделять для других стран вооружение и материалы; распространенными в некоторой части правительственных кругов Вашингтона и Лондона настроениями недоверия и вражды к Советскому Союзу.

Как бы то ни было, в военно-экономическое обеспечение побед Советских Вооруженных Сил под Москвой и Сталинградом ленд-лиз значительного вклада не внес. Поставки орудий, танков и самолетов, подчеркивает американский историк Дж.Херринг, до лета 1943 г. были небольшими в сравнении с их производством в СССР и не удовлетворяли потребности фронта; большую часть поставок составляли легкие и средние танки⁵⁸. Все это так. Но нельзя забывать, что вооружение и сырье стали поступать — пусть в скромном объеме — в тяжелейшие дни конца лета — начала осени 1941 г. Первый английский конвой прибыл опасным северным путем в Архангельск 31 августа, доставив 16 истребителей, 10 тыс. т каучука и другие материалы (под кодовым названием первого конвоя — “Дервиш” — 31 августа 1991 г. были проведены юбилейные торжества с участием ветеранов СССР, Великобритании, США и других стран). В августе — сентябре 1941 г. в составе семи союзных конвоев прибыл 51 транспорт. Из Америки в СССР до 15 сентября 1941 г. были отправлены патроны, бомбы, радиостанции, а также самолеты⁵⁹. Место и значение союзных морских конвоев в ходе Великой Отечественной и второй мировой войны были обстоятельно раскрыты в выступлениях участников Международной научной конференции в Москве (февраль 1993 г.)⁶⁰.

Московская конференция представителей трех держав (29 сентября — 1 октября 1941 г.) и подписание Первого протокола о поставках, распространение на СССР закона о ленд-лизе 7 ноября 1941 г., предоставление ему американского займа в 1 млрд долл. — все это имело место в критический момент: решалась судьба Москвы, Ленинград был взят в кольцо блокады, а положение на других фронтах вызывало серьезную тревогу. Для солдат Красной Армии, для всего советского народа решения, принятые с участием правительств США и Великобритании, имели большое психологическое значение. Поддержка Великой Отечественной войны правительствами и общественностью этих стран, такие акции, как проведенная в Британии в конце сентября по инициативе лорда Бивербрука “неделя танков” для СССР и сбор средств в общественные фонды “Помощь России”, также укрепляли моральный дух советских людей.

Но и в экономическом плане полученное в 1941-1942 гг. вооружение пошло на пользу стране, защитникам Москвы и Сталинграда. Главные пути доставки грузов в эти годы пролегли через Тихий океан и Северную Россию. После Московской конференции СССР стал уделять боль-

шое внимание сотрудничеству с Англией в освоении южного маршрута Директива ГКО по транспортировке через Иран от 13 октября 1941 г. обязала советскую железнодорожную комиссию и дипломатических представителей СССР в Тегеране “поддержать все мероприятия англичан, направленные на увеличение в короткий срок пропускной способности Транс-Иранской железной дороги до нормы полного использования однопутного пути”, так же как и английское предложение о проведении второй колеи этой дороги⁶¹. Уже в конце ноября этого года через Персидский залив прибыли первые грузы для СССР.

Из другого постановления ГКО — от 26 марта 1942 г. — видно, как тщательно планировалось распределение прибывших с 12-м караваном вооружений, оборудования и материалов. Полученные грузы направлялись либо прямо на фронт (самолеты), либо на формирование и укомплектование танковых бригад (танки “Валентин”, “Матильда” и др.). В 1942 г. через Южную Атлантику и Индийский океан ежемесячно в Персидский залив приходило в среднем 10-12 судов (в 1943-1944 гг. — 20 судов)⁶²

Поставки союзников в 1941-1942 гг. дали возможность компенсировать недостаток или отсутствие ряда необходимых для советского военного производства видов продукции и сырья. В их числе — американские поставки стали, меди, алюминия, телефонного кабеля, кожи, обуви для армии, так же как и поставки (главным образом, военные) из Британии и Канады⁶³.

О потребностях военной экономики, которые предполагалось удовлетворить за счет поставок, можно судить по советским запросам. Принимая в Кремле в августе 1942 г. Черчилля и высказав ему недовольство неполным выполнением программы помощи Советскому Союзу, Сталин заявил о желательности получения из США или Британии алюминия, а также 20-25 тыс. грузовых машин (“Посылайте нам грузовики вместо танков”). Настоятельные просьбы о снабжении Красной Армии грузовиками и транспортной авиацией Идену затем передал Майский⁶⁴. Особую заинтересованность в самолетах и грузовиках Сталин подчеркивал и в своей переписке с Рузвельтом. 7 октября 1942 г., например, он сообщил президенту, что ухудшение положения на юге, особенно в районе Сталинграда, вызвано недостатком у СССР истребителей⁶⁵. Буквально на следующий день ГКО обязал Микояна выдать в октябре Главному Авто-Бронетанковому управлению Красной Армии 1,7 тыс. импортных грузовых автомашин, в том числе 1 тыс. машин, прибывших с 18-м караваном, а также доставленных через Иран и Владивосток⁶⁶.

Поставки в СССР по Первому и Второму протоколам, предусмотренная ими взаимная помощь создали условия для практического развития военно-экономического и политического сотрудничества трех государств. Несмотря на все трудности процедуры их подготовки и осуществления, соглашения о поставках (начиная со Второго протокола, их условия выработывались в дипломатических переговорах) знаменовали новый этап в отношениях Советского государства с ведущими капиталистическими странами. Он кардинальным образом отличался от периода резкого их обострения в 1939-1941 гг.

Основная часть поставок по ленд-лизу Советскому Союзу приходится на 1943-1944 гг, т.е. на период завершения коренного перелома в ходе войны и развертывания стратегического наступления Советских Вооруженных Сил.

В период действия Первого и Второго протоколов американские и британские поставки Советскому Союзу являлись примерно равными. В 1941 г. Англия даже взяла на себя выполнение части американских обязательств; американские самолеты, построенные за британский счет в США, были переданы СССР.

В дальнейшем помощь из США превзошла по объему помощь из Великобритании⁶⁷.

В последние годы войны заметно изменился список направляемых в СССР товаров. Советская страна ощущала теперь меньшую потребность в получении видов вооружения, производимых в достаточном количестве на собственных заводах. Больше требовалось промышленного и медицинского оборудования, транспортных средств, продовольствия. Импорт, в том числе поставки по ленд-лизу, дал возможность пополнить ресурсы некоторых видов оборудования (в частности, металлорежущих станков), металлических и кабельных изделий, химикатов. Положительную роль в снабжении армии и населения сыграли ленд-лизские поставки продуктов питания и одежды. Продовольствие составило около трети тоннажа поставок по Третьему протоколу. Существенную помощь представили также направленные в СССР локомотивы, тракторы, морские суда и автомобильный транспорт, которого особенно не хватало Красной Армии. Американские поставки безусловно облегчили процесс восстановления транспортной системы СССР, а также подготовку и проведение крупных наступательных операций в глубь позиций противника⁶⁸.

Важное значение для военных операций против Германии имел в эти годы авиационный ленд-лиз. США поставили в СССР всех типов самолетов: в 1941 г. — 256; 1942 г. — 1485; 1943 г. — 5320; 1944 г. — 5007; 1945 г. — 2058. Из общей численности направленных в Советский Союз в 1941-1945 гг самолетов (14126) 76% составили истребители; наибольшее их число (3594) поступило в 1944 г. В общем объеме отечественного производства самолетов авиационный ленд-лиз достиг существенной доли: 20% — по фронтовым бомбардировщикам, 16-23% — по фронтовым истребителям⁶⁹. Советские летчики успешно использовали на фронтах истребители “Эркобра”, массовое поточное производство которых было освоено в США в конце 1943 г.

По советским данным, Соединенные Штаты поставили Советскому Союзу по ленд-лизу с 1941 г. по 1 июня 1945 г. товаров на 8864,2 млн долл.⁷⁰ Центральное статистическое бюро США оценило американские поставки в СССР за период по август 1945 г. включительно в 10670 млн долл.⁷¹, что составило 24% от общей суммы поставок по ленд-лизу. Табл. 5 дает представление о доле американского ленд-лиза в импорте СССР из США.

Необходимо отметить и вклад других союзников. Помощь вооружением и военными материалами, предоставленная Советскому Союзу

Великобританией с лета 1941 г. по 8 сентября 1945 г., составила 318 млн ф.ст.⁷², или 15% от общей суммы помощи.

Начиная с Третьего протокола (вступил в силу 1 июля 1943 г., официально подписан 19 октября 1943 г.) прямое участие в оказании помощи СССР стала принимать Канада. Канадские поставки включали вооружение, промышленное оборудование, цветные металлы, сталь, прокат, химические товары, продовольствие. На оказание помощи СССР в 1943-1946 гг. было затрачено около 167,3 млн канадских долл.⁷³, или 6,7% от общей суммы взаимопомощи.

Всего в Советский Союз с 22 июня 1941 г. по 20 сентября 1945 г. были отправлены товары по ленд-лизу (согласно американским данным) в объеме 17,5 млн длинных тонн (1 дл.т — 1,016 метрической). Маршруты следования: Персидский залив (23,8% общего объема), Советский Дальний Восток (47,1), Северная Россия (22,7), Черное море (3,9), Советская Арктика (2,5)⁷⁴. Тихоокеанский путь, как и пути через Иран и Северную Россию, открыли ленд-лизу мощный его поток, особенно в 1943-1945 гг. Для приемки судов “Либерти” и других крупнотоннажных сухогрузов был реконструирован Владивостокский порт, сооружены новые морские торговые порты — в Петропавловске-Камчатском и других городах⁷⁵.

Во время холодной войны советские авторы, как правило, необъективно освещали вопрос об американских поставках Советскому Союзу; игнорировалось обычно значение помощи со стороны Британии. Но в ходе самой войны, особенно в 1944-1945 гг., роль ленд-лиза подтверждалась в ряде официальных заявлений и материалов советской прессы. 11 июня 1944 г. Наркомат внешней торговли СССР опубликовал подробные данные об отправленных из США, Британии и Канады и прибывших в СССР товарах — вооружении, стратегическом сырье, промышленном оборудовании и продовольствии за период с начала войны и по 30 апреля 1944 г. Советское правительство заявляло в этой связи, что поставки США и других стран “содействовали успехам Красной Армии в деле освобождения родной земли от фашистских захватчиков и в деле ускорения общей победы союзников над гитлеровской Германией и ее сателлитами”⁷⁶.

Советский народ поныне высоко ценит подвиг солдат и офицеров — британцев, американцев, канадцев, — многие из которых отдали

Таблица 5

Общие итоги ввоза в СССР из США в 1943-1944 гг. ⁷⁷ (в млн американских долл.)

	1943 г.	1944 г.
1. Ввоз по ленд-лизу	2501,0	3702,2
в том числе:		
военные поставки	1264,1	1657,7
промышленное оборудование	261,4	572,7
продовольствие	503,1	687,6
2. Коммерческий импорт (через Амторг)	9,6	3,3
Весь импорт СССР из США	2510,6	3705,5

жизнь, проводя караваны с грузами для СССР через опасные военные зоны.

Экономическая помощь со стороны Запада не компенсировала отсутствие (до середины 1944 г.) второго фронта и не предредила исход войны на советско-германском фронте. Выступая на пресс-конференции в Москве 22 апреля 1943 г., генерал Дж.Бернс признал естественным, “что люди здесь считают более важным снятие 30-40 немецких дивизий с советско-германского фронта, нежели получение танков и самолетов”⁷⁸. Русские внесли вклад, несоизмеримый с долларами или тоннами американской помощи по ленд-лизу, отметил Эдв.Стеттиниус. Советский Союз оплатил дорогой ценой свою победу⁷⁹. Одни только экономические потери СССР в войне выразились величиной выше потерь всех других союзных стран. Ущерб, причиненный народному хозяйству СССР и отдельным гражданам (имея в виду только потери от прямого уничтожения и разграбления имущества), исчисляется, по официальным советским данным, в 679 млрд руб. (в ценах 1941 г.)⁸⁰.

Следует сказать и о той помощи, которую СССР оказал США на основе “ответного” ленд-лиза. Сумма ее была невелика (2139 тыс.долл. на 1 апреля 1945 г.), поскольку — это подчеркнул, кстати, Трумэн — страна располагала лишь ограниченными возможностями для оказания помощи войскам США. И все же американские суда ремонтировались в советских портах и снабжались необходимыми материалами; СССР предоставлял базы на своей территории для американских самолетов и обслуживал их команды при проведении налетов на Германию. Американскому союзнику были переданы важные стратегические материалы — хром, марганец, платина, олово и пр.⁸¹

В то же время относительно небольшие размеры поставок западных союзников Советскому Союзу (если их сопоставить с советскими потерями или военным производством) не должны умялять экономического и политического значения помощи. Ленд-лиз, по признанию участников войны, стал новой формой сотрудничества между союзными странами, впервые опробованной в годы войны с фашизмом. Успешным экспериментом международного сотрудничества американские и советские организаторы ленд-лиза считали, например, поставки в Советский Союз через Персидский залив. Не являясь в прямом смысле боевым действием, они не представляли собой, однако, простую “торговую операцию”. Командующий американскими войсками в Персидском заливе генерал Д.Коннолли, многие американские офицеры и солдаты были награждены советскими орденами и медалями⁸².

Итак, Советский Союз располагал большими, в сравнении с Великобританией или даже США, ресурсами и территорией. Как и оба его будущих союзника, он, тем не менее, оказался плохо подготовлен к начавшейся войне. Перспективные новые модели вооружения только запускались в производство, народное хозяйство пострадало от террора и перекосов сталинизма, и лишь немногие предвидели возможность длительной оборонительной войны. Вторая половина 1941 г. стала поэтому критически важным периодом для советской экономики. Почти все про-

мышленные предприятия СССР были тогда переключены на производство военной продукции, заводы и фабрики с головокружительной быстротой переводились за Урал в целях их спасения от немецкой оккупации.

Краткосрочные последствия эвакуации оказались тяжелыми — в ноябре 1941 г. выпуск продукции упал до своей низшей отметки. Но уже к лету следующего года эвакуированные на Восток отрасли промышленности заработали на полную мощность, а к лету 1944 г. валовый национальный продукт превысил довоенный уровень. С приближением победы стало даже возможным начать реконверсию и приступить к выполнению гигантских задач послевоенного восстановления.

Война дорого обошлась народному хозяйству СССР. Особенно большому опустошению подверглось сельское хозяйство. Из-за нехватки рабочих рук, оборудования и капиталовложений даже в 1945 г. не удалось достигнуть довоенного уровня производства зерна. Но выпуск военной продукции увеличился вдвое в 1940-1943 гг., около $\frac{2}{3}$ промышленного производства в те годы шло на нужды фронта. В целом СССР произвел вооружения и военных материалов почти в два раза больше, чем Германия, которая с 1940 г. опиралась дополнительно на ресурсы оккупированных стран Европы. Эти удивительные результаты поразили не только Гитлера, но и западных союзников. Лишь немногие ожидали больших успехов, и свершения советского тыла только постепенно осознавались Западом.

Недавнее окончание холодной войны позволило российским ученым более четко определить пользу западной экономической помощи — и как фактор укрепления морального духа советских людей в тяжелые дни 1941-1942 гг., и как важное дополнение к советскому производству в 1943-1945 гг. Независимые военно-экономические усилия СССР могут быть лучше оценены только в общем контексте антигитлеровской коалиции.

¹ СССР в борьбе против фашистской агрессии 1933-1945/ Отв.ред. А.Л.Нарочницкий. М., 1986. С. 243-244; Будков А.Д., Будков Л.А. Нефтяная промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 40.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. М., 1990. Т. 1. С. 308-309; Устинов Д.Ф. Во имя Победы: Записки наркома вооружения. М., 1988. С. 122-123.

³ Ванников Б.Л. Из записок наркома//Новая и новейшая история. 1988. № 1. С. 90-91.

⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 310; Устинов Д.Ф. Указ.соч. С. 123.

⁵ Harrison M. Soviet Planning in Peace and War. 1938-1945. Cambridge, 1985. P. 61.

⁶ См.: Круглый стол "Война. Народ. Победа"//Известия. 1990. 8 мая.

⁷ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 303.

⁸ Military Effectiveness/Eds. A.R.Millett, W.Murray. Vol. 3: The Second World War. Boston, 1988. P. 267.

⁹ Milward A.S. War, Economy and Society. 1939-1945. Berkeley, 1977. P. 46.

¹⁰ Комаров Н.Я. Государственный Комитет Обороны постановляет...: Документы. Воспоминания. Комментарии. М., 1990. С. 6-7, 10, 426.

¹¹ Н.А.Вознесенский — председатель Госплана СССР (1938 — март 1941 г.), первый заместитель Председателя СНК СССР с марта 1941 г. Осенью 1949 г. был арестован по "ленинградскому делу" и спустя год расстрелян.

- 12 Цифровые данные см.: *Кравченко Г.С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). М., 1970. С. 123-124.
- 13 Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны /Отв. ред. Г.А.Куманёв. М., 1988. С. 89.
- 14 Москва — фронту. 1941-1945: Сб. документов и материалов. М., 1966; Величие подвига Москвы. М., 1985; *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 222; *Устинов Д.Ф.* Указ. соч. С. 177.
- 15 Кузница победы : Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны. Очерки и воспоминания. М., 1985. С. 77-78, 86-87.
- 16 Эшелоны идут на Восток: Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941-1942 гг. М., 1966. С. 6; *Микоян А.И.* В первые месяцы Великой Отечественной войны// Новая и новейшая история. 1985. № 6. С. 103-104.
- 17 *Шахурин А.И.* Крылья победы. М., 1990. С. 149.
- 18 *Устинов Д.Ф.* Указ. соч. С. 150-151.
- 19 Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ). Ф. 644. Оп. 1. Ед.хр. 111. Л. 169.
- 20 Там же. Ед.хр. 12. Л. 155.
- 21 *Шахурин А.И.* Указ.соч. С. 151; *Устинов Д.Ф.* Указ.соч. С. 150.
- 22 Кузница победы. С. 13, 172; *Куманёв Г.А.* Война и железнодорожный транспорт СССР 1941-1945. М., 1988.
- 23 Public Record Office (PRO). Kew. Great Britain. FO 371/32960. Memorandum by Air Marshal John Babington "The Riddle of Soviet Military Successes". 12 August 1943.
- 24 *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 42-43; *Устинов Д.Ф.* Указ.соч. С. 42-43; *Шахурин А.И.* Указ.соч. С. 158, 179. План выпуска самолетов в декабре 1941 г. был выполнен лишь на 38,8%, авиамоторов — на 23,6%. См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. В 6-ти т., М., 1960-1964. Т. 2. С. 160.
- 25 *Ванников Б.Л.* Указ.соч. С. 100, 113.
- 26 *Кравченко Г.С.* Указ.соч. С. 130, 139.
- 27 История второй мировой войны 1941-1945. В 12-ти т. М., 1973-1982. Т. 4. С. 157.
- 28 *Шахурин А.И.* Указ.соч. С. 179, 201.
- 29 PRO. FO 371/32909.
- 30 От "Барбароссы" до "Терминала": Взгляд с Запада. М., 1988. С. 459; *Barber J., Harrison M.* The Soviet Home Front, 1941-1945: a Social and Economic History of the USSR in World War II. L., 1991. P. 131-132; The Impact of World War II on the Soviet Union/Ed. S.J.Linz. Totowa (N.Y.), 1985. P. 17.
- 31 СССР в борьбе против фашистской агрессии 1933-1945. С. 259.
- 32 *Будков А.Д., Будков Л.А.* Указ.соч. С. 63, 93-100.
- 33 *Шахурин А.И.* Указ.соч. С. 207.
- 34 Округленные данные. Подсчитано по: История второй мировой войны 1939-1945. Т. 4. С. 158; Т. 5. С. 48.
- 35 Кузница победы. С. 126-127, 142-143.
- 36 *Гракина Э.И.* Ученые — фронту. 1941-1945. М., 1989. С. 219.
- 37 The Soviet War News. 1942. Мар. 3.
- 38 История создания атомной бомбы в СССР изложена в статьях академика Ю.Харитона и Ю.Смирнова (Известия. 1992. 8 дек.; 1994. 21 июля). См. также: *Головин И.Н.* И.В.Курчатова. М., 1978; *Иойрьш А.И., Морохов И.Д., Иванов С.К.* А-бомба. М., 1980.
- 39 *Устинов Д.Ф.* Указ.соч. С. 197-198.
- 40 *Вознесенский Н.* Указ.соч. С. 29, 133-134.
- 41 Там же. С. 142-143, 155; История второй мировой войны 1939-1945. Т. 12. С. 166.
- 42 *Вознесенский Н.* Указ.соч. С. 55-57.
- 43 *Чадаев Я.Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). М., 1985. С. 214. Соотношение военной и гражданской продукции в общем объеме производства составляло: 1942 г. — 63,9 и 36,1%; 1943 г. — 58,3 и 41,7; 1944 г. — 51,3 и 48,7; 1945 г. — 40,1 и 59,9% (История Великой Отечественной войны. Т. 5. С. 419).

- 44 Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 43.
- 45 Чадаев Я.Е. Указ.соч. С. 328, 333; Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 74-75, 98.
- 46 В 1943 г. в расчете на душу населения колхозник получал из общественного хозяйства около 200 г зерна и 100 г картофеля в день (Чадаев Я.Е. Указ.соч. С. 326).
- 47 Вторая мировая война: Итоги и уроки. М., 1985. С. 222.
- 48 Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 44.
- 49 Жуков Г.К. Подвиг тыла в Великой Отечественной войне // Новая и новейшая история. 1987. № 5. С. 107.
- 50 Ванников Б.Л. Указ.соч. С. 91; Гракина Э.И. Указ.соч. С. 219.
- 51 Вторая мировая война. Итоги и уроки. С. 229.
- 52 Устинов Д.Ф. Указ.соч. С. 246-249.
- 53 Шахурин А.И. Указ.соч. С. 279, 287-288.
- 54 Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс/Пер. с англ. М., 1958. Т. 2. С. 626.
- 55 McNeill W.H. America, Britain and Russia. Their Co-Operation and Conflict 1941-1946. L., N.Y., 1953. P. 122.
- 56 Вознесенский Н. Указ.соч. С. 74.
- 57 История внешней политики СССР 1917-1945 гг. М., 1986. Т. 1. С. 439.
- 58 Herring G.C. Aid to Russia 1941-1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. N.Y., 1973. P. 75.
- 59 Боевая летопись Военно-Морского Флота 1941-1942. М., 1983. С. 41-42. Всего в 1941 г., по английским данным, северным морским путем в Россию было отправлено восемь конвоев в составе 64 судов. За все годы войны 40 конвоев (811 кораблей) отбыли в Северную Россию (Schofield B.B. The Russian Convoys. L., 1969. P. 212). См. также: Van Tuyl H.P. Feeding the Bear: American Aid to the Soviet Union, 1941-1945. N.Y., 1989. P. 26-27. По российским архивным данным, из Архангельска и Мурманска за эти годы было отправлено 717 транспортов. Потери от вражеских кораблей и авиации составили 90 транспортов, из них 11 советских (Кузнецов Н.Г. Накануне: Курсом к победе. М., 1991. С. 498).
- 60 Вестник архивиста. Информационный бюллетень. 1993. № 1-3.
- 61 РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Ед.хр. 12. Л. 129.
- 62 Там же. Ед.хр. 25. Л. 106; Басов А.В., Гутенмахер Г.И. Персидский коридор//Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 29.
- 63 Herring G.C. Op.cit. P. 75; Harrison M. Op. cit. P. 257, 262.
- 64 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945: Документы и материалы: В 2-х т. М., 1983. Т. 1. С. 272-273; Gilbert M. Winston S.Churchill. Vols. 1-8. L., 1971-1988. Vol. VII: Road to Victory 1941-1945. P. 201; PRO. FO 954/25 (А.Иден — А.Кларку Керру. 7 сентября 1942 г.).
- 65 Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945: Документы и материалы: В 2-х т. М., 1984. Т. 1. С. 231, 235, 249-250.
- 66 РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Ед.хр. 62. Л. 1.
- 67 Hancock W.K., Gowing M.M. British War Economy. L., 1949. P. 365; Hall H.D. North American Supply. L., 1955. P. 332; Van Tuyl H.P. Op.cit. P. 23.
- 68 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. Т. 6. С. 62; Herring G.C. Op.cit. P. 117; Erickson J. The Road to Berlin: Continuing History of Stalin's War with Germany. Boulder (Colo.), 1985. P. 405; Van Tuyl H.P. Op.cit. P. 67.
- 69 Лебедев И.П. Авиационный ленд-лиз // Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 27-29; Он же. Еще раз о ленд-лизе//США: Экономика. Политика. Идеология. 1990. № 1. С. 71-75. Генерал-майор авиации И.П.Лебедев являлся членом Правительственной закупочной комиссии СССР в США и работал по приему бомбардировщиков А-20 "Бостон".
- 70 Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 129, Оп. 29. П. 172. Д. 48. Л. 19.
- 71 Hancock W.K., Gowing M.M. Op.cit. P. 375.
- 72 Great Britain. Treasury. Mutual Aid. Third Report. Cmd. 6931. L., 1946. P. 2, 7.

⁷³ *Dziuban S.W. Military Relations between the United States and Canada 1939-1945. Wash., 1959. P. 295. См. также: Поздеева Л.В. Канада в годы второй мировой войны. М., 1986. С. 244-252.*

⁷⁴ *Motter Vail T.H. The Persian Corridor and Aid to Russia. Wash., 1952. P. 481-482 (округленные данные).*

⁷⁵ *Паперно А. Ленд-лиз: пятьдесят и пятьдесят // Начало. 1992. № 24); Она же. Ленд-лиз на Тихом океане. Опасные приключения банки тушенки//Московский комсомолец. 1992. 3 июня.*

⁷⁶ *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 2. М., 1947. С. 142.*

⁷⁷ *АВП РФ. Ф. 129, Оп. 29. П. 172. Д. 48. Л. 21.*

⁷⁸ *РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 73. Ед.хр. 173. Л. 40.*

⁷⁹ *Stettinius Edw. Lend-Lease — Weapon for Victory. N.Y., 1944. P. 228-229.*

⁸⁰ *Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 45.*

⁸¹ *Внешняя торговля. 1945. № 9. С. 41; Van Tuyl H.P. Op.cit.*

⁸² *Зорин Л.И. Особое задание. М., 1987. С. 105, 168-169; Басов А.В., Гутенмахер Г.И. Указ.соч. С. 32.*

7. Соединенные Штаты:

ЛЕВИАФАН

Т. А. Уилсон

В 1943 г., в период наивысшего подъема, Соединенные Штаты производили больше, чем все державы "оси" вместе взятые, и покрывали 60% потребностей союзников в военных материалах и снаряжении. Истинный Левиафан по своим размерам — экономика США военного времени напоминала неизвестное существо Иова, о котором в Библии сказано: "Нет на земле подобного ему: он сотворен бесстрашным". Американская экономика казалась чем-то, что выше человеческого понимания, неистово мечущейся со все нарастающей силой. Было ли это удивительное животное также «Левиафаном» (изданный в 1651 г. труд Томаса Гоббса), государством, обладавшим безграничным могуществом? За последние 50 лет создано огромное количество мифов об американской экономике времен второй мировой войны. Установить истину, пожалуй, будет так же невозможно, как узнать, что обнаружил Иов, которому Бог предложил: "Клади на него руку твою..."¹

Вероятно, никто не станет отрицать, что на жизнь в США периода войны сильное влияние оказывали политические факторы. В 1938-1945 гг. зигзагообразный курс администрации Рузвельта пролегал между вехами справедливости и экономической эффективности, максимализации объемов производства и минимизации неравенства в богатстве и влиянии, а также между определенными политическими позициями, воплощенными в девизах: "Доктор новый курс" и "Доктор победитель". Эти регулярно следующие один за другим зигзаги маскировали горячую приверженность идее экономического роста и повышения производительности труда в качестве решения трудностей и разногласий, постоянно терзавших американское общество². Был ли кто-то сторонником споров или консенсуса, предпочитал ли "государство-брокера" (где администрация поощряла соперничество) или "корпоративную" модель, исходя из убеждения, что непрерывный экономический рост гарантирует всем сидящим за банкетным столом Америки все более внушительный кусок от экономического пирога, во всех случаях высокопарное выражение "арсенал демократии" обеспечивал доминирующее, хотя и неадекватное, представление о роли США во второй мировой войне³.

В итоге то, что Америка пережила во время войны, в корне отличалось от испытаний, выпавших на долю ее главных союзников. Только американцы могли назвать вторую мировую войну "хорошей войной", поскольку она помогла значительно повысить жизненный уровень и потребовала от подавляющего большинства населения слишком мало жертв. Даже вмешательство государства в экономику оказалось умеренным и непродолжительным. И дело вовсе не в том, будто американцы менее страстно желали разгрома держав "оси"; просто, если не считать тех месяцев колебаний и сомнений и военной катастрофы зимой и

весной 1942 г., война для них оставалась довольно абстрактным понятием. Отсутствие непосредственной опасности порождало удивительно наивные воззрения на потенциальные возможности противника и на размеры относительного вклада каждого из основных участников союзнической коалиции. При этом сохранилось твердое убеждение, что американская экономика — это дремлющий гигант, Левиафан, который, однажды пробудившись, станет ковать материальные компоненты победы.

Когда нацистская Германия напала на Польшу, экономика США все еще пребывала в тисках депрессии. Миллионы американских граждан из 131-миллионного населения вот уже девять лет не получали регулярно зарплаты. У тех же, кто имел работу, она была на 20% ниже, чем в период, предшествовавший депрессии. На конференции в Белом доме, посвященной воспитанию детей, были приведены следующие цифры: 8 млн американских детей росли в семьях, существующих на пособия по безработице, и 22 млн — почти $\frac{2}{3}$ всех американцев моложе 16 лет — проживали в плохих жилищных условиях, не получали нужного образования и ложились спать голодными. И если в 1938 г. национальный доход США почти вдвое превышал национальный доход Германии, Японии и Италии вместе взятых, то через два года он всего на каких-то жалких 9% превосходил уровень 1939 г. Доля безработных в 1940 г. слегка сократилась (до 15%) с 17%, или 9,5 млн человек, в 1939 г. Расходы на оборону, хотя и возросли, составляли всего 1,24 млрд долл., или только 1,4% от ВВП. Частные капиталовложения достигали лишь $\frac{1}{5}$ уровня 1929 г., и общая стоимость промышленных производственных фондов и оборудования была ниже уровня 1926 г. Доходы фермеров и промышленное производство немногим отличались от уровня 1929 г. Вместе с тем 1940 г. также возместил, что военные заказы скоро изменят экономический ландшафт Америки.

С 1 июня и по 31 декабря 1940 г. было размещено государственных заказов на 10,5 млрд долл. Америка сумела быстро откликнуться на возросшие потребности в продовольствии и сырье. В наличии уже имелись гигантские запасы зерна и хлопка, а усовершенствованные методы выращивания сельскохозяйственных культур (гибридные семена, пестициды, широкое использование сельскохозяйственных машин) гарантировали быстрое наращивание аграрной продукции. Проблематичнее обстояло дело с производством вооружения. Постоянная безработица в промышленности и миграция людей из охваченных кризисом сельских районов в северные города обеспечивали нужным количеством трудовых ресурсов. К тому же эти рабочие имели лучшее образование и владели более широким набором специальностей, чем рабочие периода первой мировой войны. Однако военная промышленность США была весьма незначительной, заводы и оборудование — станки и тяжелые прессы, которые можно было бы приспособить для выпуска оружия, боеприпасов и т.п., — устарели или окончательно обветшали, и предприниматели соглашались обновить и расширить производство только при наличии твердых правительственных гарантий.

Не желая в дальнейшем рисковать промедлением с перевооружением, администрация Рузвельта капитулировала перед требованиями деловых кругов. Были сделаны уступки в налоговой политике. Важной мерой стало принятие в качестве стандарта таких контрактов, в которых предусматривалась оплата фактических затрат и гарантировалось фиксированное вознаграждение. Уверенность предпринимателей в том, что издержки будут возмещены и приемлемая прибыль обеспечена, способствовала быстрому развитию производства изделий, для которых пока не существовало оценочных показателей технологического процесса. В результате имели место бесконтрольность, завышение стоимости, расточительство дефицитных ресурсов.

Жалобы на предпочтительное отношение к крупным корпорациям при распределении государственных заказов привлекли к себе внимание с образованием в марте 1941 г. специального Комитета сената для изучения программы национальной обороны. Создание этого органа (известного как Комитет Трумэна) последовало после того, как сенатор Гарри С. Трумэн, по его словам, был шокирован “расточительством, фаворитизмом и отсутствием руководства”, обнаруженными им во время инспекционной поездки по военным объектам. Кроме того, у Трумэна сложилось твердое мнение, что государственные чиновники заключали специальные сделки с крупными корпорациями всего нескольких индустриальных регионов. В довершение “небольшие компании, мелкие подрядчики и механические мастерские оставались полностью за бортом”.

Военное министерство действительно имело склонность отдавать предпочтение корпорациям высшего эшелона в силу хорошей взаимной осведомленности и уверенности в том, что эти “сильные ребята” выполнят взятые на себя обязательства. Перед нападением на Пёрл-Харбор три гигантские корпорации получили 17,4% от всех государственных военных заказов, а в январе 1942 г. 100 компаний выпускали 82,6% всей связанной с войной продукции. Тот факт, что эти компании были расположены преимущественно в индустриальных штатах, простиравшихся от Массачусетса до Индианы, объясняется первоначальной концентрацией внимания на увеличении выпуска изделий, изготовление которых требовало стали. В дальнейшем, когда первостепенное значение приобрело строительство военных городков, авиационных заводов и судоверфей, приоритетными регионами сделались юг, юго-запад и Тихоокеанское побережье⁴.

7 января 1941 г. приказом президента была создана Служба управления производством, ответственная за производство, сырье и людские ресурсы. Ей предстояло обеспечить “тесное, эффективное взаимодействие” между ведомствами, занимающимися “гражданскими” проблемами, и теми, которые осуществляли распределение правительственных военных контрактов; но эта служба не имела полномочий определять общую политику. Она по-прежнему оставалась в ведении президента. В конце лета 1941 г. появились признаки кризиса. Цены росли, повсюду стало чего-то не хватать. Испытывая двойное давление, связанное с сырьем, производственными мощностями и рабочей силой, новое ведомство не хотело отдавать предпочтения военным заказам без четкого

представления о том, как производство такого-то количества стальных шлемов и такого-то числа 37-мм противотанковых пушек вписывается в общую стратегическую картину. Армия категорически отказывалась давать разъяснения, настаивая на своих правах, однако в действительности опасаясь раскрыть полную несогласованность между стратегическим планированием и военными заказами. В этих условиях возникли конфликты между различными заинтересованными группами (прежде всего между деловыми кругами и профсоюзами) относительно распределения доходов в связи с оживлением экономики. “Все требовали от правительства крепко столкнуть головами, т.е. кого-то другого”, — с кривой усмешкой заметил один чиновник из Бюджетного бюро⁵.

В этот момент Соединенные Штаты оказались внезапно втянутыми в войну. После Пёрл-Харбора многое изменилось, но многое и осталось по-прежнему. Были предприняты важные шаги, чтобы разрешить проблемы военных закупок и распределения вооружений между Соединенными Штатами и их неофициальными союзниками. Однако в условиях квазивойны и необычайной сложности американской экономики нередко возникала путаница. Борьба за приоритеты впервые дала о себе знать в вопросах, связанных с “размещением”. Кто должен распределять ограниченные запасы уже произведенного оружия? Кто должен определять набор военного снаряжения и боевой техники, которые предстоит изготовить в следующем квартале и в последующих кварталах? К концу 1941 г. большинство экспертов сошлось на том, что существует достаточно мощностей для производства исходных материалов (критерием служила сталь), а наличные заводы, станочный парк и людские ресурсы позволяют удовлетворить военные нужды, не сокращая существенно выпуск гражданской продукции⁶. Но были и другие, которые сомневались в том, что производственных мощностей, запасов основных материалов и рабочей силы достаточно для удовлетворения *всех* требований и целей американского производства. Их точка зрения привлекла внимание, когда в отдельных местах действительно возник дефицит и образовались узкие места в снабжении, например сталью.

Раздались призывы к жесткой очередности производственных задач, которую установила бы и заставила выполнять какая-нибудь энергичная личность или организация. Споры вокруг подходящего механизма контроля заняли большую часть последующих двух лет. Успех принимаемых решений зависел от сферы конкретной деятельности, в первую очередь это касалось финансирования военных нужд, контроля над заработной платой и ценами и обеспечения энергией; несколько в меньшей степени — сельскохозяйственного и промышленного производства, и меньше всего — людских ресурсов и транспорта. Попытки наладить справедливое распределение экономических ресурсов — промышленных изделий, а также прибыли на вложенный капитал и затраченный труд — были столь эпизодическими и нескоординированными, что их следует рассматривать только как зависимые переменные.

После Пёрл-Харбора был создан ряд новых ведомств и расширены полномочия уже существовавших. Служба администрации цен, которой умело руководил Леон Гендерсон, постепенно расширила свой контроль

над ценами и заработной платой. Комиссия по распределению людских ресурсов в военное время, созданная в апреле 1942 г., осуществляла общий надзор, но не руководящие функции. На протяжении всей войны трудовые ресурсы представляли для неосторожных администраторов настоящее минное поле. Когда Управление по приоритетному снабжению и распределению распалось, вице-президент Уоллес занялся вопросами координации закупок стратегического сырья в качестве председателя Управления экономической войны. Его старания выполнить добросовестно свои функции привели к конфликту с консервативными членами Конгресса и их союзниками в правительстве, которые опасались, что Уоллес намерен создать программу глобального Нового курса. Если в других ведомствах наблюдался процесс сближения правительственных и деловых кругов, то Управление экономической войны стало прибежищем в основном сторонников Нового курса. Важную роль играли также другие правительственные органы (министерства финансов, сельского хозяйства, Реконстракшн файненс корпорейшн, различные контрольные организации)⁷.

Первым среди равных в административной иерархии военного времени было Управление военного производства (УВП), созданное в январе 1942 г. вместо Управления по приоритетному снабжению и распределению. Возглавляемое Дональдом Нелсоном из “Сирз Роубак компани”, оно отвечало за общее состояние дел в экономике и, возможно, в конце концов превратилось бы в суперведомство, о котором так часто говорили, если бы Нелсон не был столь нерешителен. Резко критиковавшийся представителями военного министерства за пассивное руководство, Нелсон допустил ряд ошибок. Наиболее существенная состояла в том, что он ослабил контроль над людскими ресурсами. Со временем в самом деле произошло “примерное разделение труда”: за людские ресурсы стали нести ответственность все и никто. Армейская служба тылового обеспечения, руководимая динамичным генералом Брионом Б.Сомервеллом, взяла на себя распределение готовых изделий, а УВП стало надзирать за порядком выделения стратегического сырья и полуфабрикатов⁸.

Но даже эта задача казалась неразрешимой. Разного рода нехватки сдерживали выпуск боевой техники и снаряжения. Прежде всего не доставало меди, олова, алюминия и, разумеется, каучука. В конце концов в ноябре 1942 г. УВП приняло рабочую систему контроля за сырьем — так называемый План контроля за материалами. Он предусматривал периодическое представление в УВП своих потребностей такими производящими закупки и размещающими заказы организациями, как военное министерство, Морская комиссия, Администрация по ленд-лизу и Служба гражданского снабжения. Затем УВП выделяло каждому заказчику определенную долю имевшихся запасов стали, меди и других дефицитных материалов, а те, в свою очередь, распределяли все это между своими главными подрядчиками. На внедрение плана понадобилось шесть месяцев (за это время американское производство миновало свой пик); проблему справедливого распределения среди заказчиков этот план не затрагивал.

С этого момента и до конца войны споры касались сохранения относительного баланса между нуждами военного и гражданского производства. Комитет Трумэна сосредоточил внимание на случаях финансовых перерасходов при строительстве военных городков и выступил против такого дорогостоящего предприятия, как проект “Кэнол”, предусматривавший строительство трубопровода от Северного полярного круга через Аляску стоимостью в 134 млн долл.⁹ Когда с прилавков магазинов исчезли продовольственные и другие товары, многие усомнились в наличии гигантских запасов одежды, консервированного мяса и множества других предметов широкого потребления. Всеобщее раздражение вызвала утвердившаяся политика Пентагона заготовлять 200% от предполагаемых потребностей. Генерал Брион Б. Сомервелл и его подчиненные в порожденной войной обширной империи закупочных организаций придерживались твердого мнения, что военным нуждам всегда необходимо отдавать предпочтение.

Военное руководство даже жестоко критиковало гражданских за неспособность ту же затянуть пояса. В мае 1942 г. Сомервелл направил Нелсону записку, требуя приструнить целлюлозно-бумажную промышленность. «Наши газеты повсюду в Соединенных Штатах, — писал он, — используют очень много бумаги... и их размеры можно было бы сократить... Это особенно относится к воскресным выпускам, которые содержат мало новостей, но занимают много страниц... помещая большие статьи, объявления, разнообразные заметки, например “Советы страдающим от безнадежной любви” и т.п.» Сомервелл далее потребовал пресечь печатание подобных материалов и напомнил, что лондонские ежедневные газеты сократили свой объем до двух листков. Мол, экономленное сырье и трудовые затраты можно было бы затем направить на удовлетворение действительно насущных потребностей¹⁰. В данной записке нашло отражение мнение многих людей относительно проявления в стране “мягкотелости”. Много делалось, чтобы убедить население в необходимости чем-то жертвовать, ибо существовало опасение, что, когда потрясения весны 1942 г. пройдут, американцы сочтут победу обеспеченной и вернуться к мирному образу жизни.

Администрация Рузвельта, финансируя войну и вводя контроль над заработной платой, доходами и ценами, рассматривала эти меры как средство укрепления веры общества в американскую экономику. В то же время советники президента отлично понимали необходимость убедить каждую значительную группу населения — рабочих, деловые круги, фермеров, домашних хозяек, призывников, пенсионеров — в том, что каждый из них несет не более чем справедливую долю военного бремени и получает такую же справедливую долю (или немного большую) выгод и преимуществ. Хотя установление различных форм контроля и преимущественного права государства распоряжаться ресурсами сузили возможности выбора, рынок по-прежнему преобладал (или так казалось) почти во всех сферах хозяйственной деятельности, затравившей рядового обывателя. Нигде не была внедрена абстрактная

концепция командной экономики и никогда еще дверь к абсолютному принуждению не захлопывалась так быстро и с такой силой¹¹.

Первой привлекла к себе пристальное внимание угроза инфляции. Спираль цен могла вызвать панический спрос на товары, разрушая хрупкий гражданский консенсус, подвергая опасности процесс полной мобилизации всех ресурсов. Довоенные попытки добиться добровольной экономии дефицитных, но остро необходимых для военного производства материалов, — например, проводившаяся осенью 1941 г. текстильной промышленностью кампания по сбережению шелка путем поднятия нижней кромки платья на три дюйма — дали мизерные результаты. Намерения заморозить цены на продовольствие были заблокированы еще до Пёрл-Харбора фермерским лобби, а цены на предметы длительного пользования (автомобили, холодильники) подскочили в связи с резко возросшим спросом и нехваткой основного сырья. К концу 1941 г. индекс цен на потребительские товары превзошел индекс 1929 г.

В январе 1942 г. Служба администрации цен (САЦ) получила право устанавливать максимальные цены на все изделия, кроме продовольственных товаров. Через короткое время она опубликовала объемистый официальный список, или Общее постановление о максимальных ценах (известное как “генерал Мак”); вместе с тем невозможность включить в перечень заработную плату или цены на продукты питания делали тщетными все усилия САЦ. В 1941 г. цены на потребительские товары выросли почти на 5%, а в 1942 г. еще на 10%. Лишь весной 1943 г. правительству удалось отвести угрозу инфляции.

Рационирование действовало вполне удовлетворительно; правда, оно не было столь жестким, как у союзников или противников¹². Если какое-нибудь ведомство военного времени находило необходимым, то вводилось нормирование каучука (нужного для военного производства), бензина (чтобы сберечь резину), кофе, сахара, мяса, молочных продуктов и других товаров. САЦ создала сеть из 6 тыс. местных организаций, в которых в большинстве работали добровольные помощники; они же сообщали о выявленных нарушениях постановления о регулировании цен. Объем товаров, доступных потребителю, практически не изменился, и американский народ и питался лучше, и жил лучше, несмотря на ограничения военного времени. Книжечки с талонами и логограммой САЦ, по которым выдавались нормированные товары, символизировали “жертву”, вызванную войной, и напоминали об этом всякий раз, когда кто-нибудь отправлялся в ближайшую лавчонку за квартой молока¹³.

Данный аспект экономики военного времени несколько осложнялся спорами вокруг карточек на бензин, а также тем, что многие прибегали к помощи “серого” рынка (обменивая изъятые из свободной продажи товары) или “черного” рынка (продавая или покупая нормированные товары по спекулятивным ценам). Люди менялись талонами, платили лавочнику за дополнительную порцию мяса, закупленного непосредственно у фермера или на местной бойне и не учтенного правительственной инспекцией, выменивали полученные по талонам товары на бензин и одежду. По одним оценкам, к концу войны “черный рынок” охватывал

от 25 до 50% всех сделок¹⁴. Введение эффективного контроля над ценами и зарплатой сопровождалось серьёзными трудностями на протяжении всего 1942 г. После двух десятилетий лишений фермеры стремились воспользоваться с выгодой для себя высокими ценами на продовольствие. Столкнувшись с растущей стоимостью жизни и наслушавшись рассказов об огромных доходах корпораций, рабочие противились контролю над заработной платой. Деловые круги действовали по принципу “делай деньги сейчас”, полагая, что вот-вот произойдет резкий скачок налогов и заработной платы.

То, что в 1943-1945 гг. наблюдалось лишь умеренное повышение цен на потребительские товары, явилось результатом двух примечательных инициатив. Во-первых, САЦ решила поручить своим местным отделениям докладывать обо всех случаях нарушения с ценами на потребительские товары. Как показала практика, претворение в жизнь принятых постановлений стало главной проблемой САЦ. Изучение методов работы с законом о контроле над ценами в Канаде, а также опыта домашних хозяек, следивших за ценами в тысяче городов США, убедило САЦ в том, что контроль за реализацией постановлений по ценам на местном уровне вполне осуществим¹⁵. Во-вторых, правительству удалось выработать административный *modus vivendi*. После месяцев пренебрежительного отношения к призывам президента Белый дом занял жесткую позицию и настоял на том, чтобы члены кабинета вместе с САЦ и Бюджетным бюро выработали реальную программу цен и заработной платы и представили ее Конгрессу. Учрежденный Рузвельтом специальный “военный кабинет” привел к образованию Службы экономической стабилизации, наделенной правами определять уровни цен и заработной платы¹⁶.

Но даже и после этого эффективный контроль над заработной платой был достигнут только к середине 1943 г. Обозначившиеся летом 1942 г. нехватка рабочей силы и различия в заработной плате в промышленности в зависимости от региона угрожали нарушить военное производство. Тогда Национальное военное управление труда объявило, что так называемая “формула малой стали”, предусматривающая повышение заработной платы до 15%, чтобы компенсировать инфляцию, будет распространяться на всех работающих. Это несколько ослабило давление, направленное на повышение заработной платы, хотя некоторые профсоюзные лидеры, а прежде всего Джон Л. Льюис из Объединенного союза горняков, выступили против подобной политики. Ситуация стабилизировалась лишь после повторного вмешательства президента, издавшего приказ о замораживании заработной платы и цен. К тому времени зарплата выросла несколько больше, чем цены, но общая картина производила внушительное впечатление.

Финансы в политически сверхчувствительной среде — вещь и простая и вместе с тем чрезвычайно деликатная. Гарольд Ваттер сжато так характеризует данную проблему: “В экономике военного времени суммарный денежный доход, представляющий общую потенциальную покупательную способность, намного превосходит совокупное количество наличной гражданской продукции... Этот избыток... является по-

Таблица 1
Финансы федерального правительства в 1939-1945 годах (млрд долл.)

Год	Доходы	Расход	Дефицит	Валовая сумма долга
1939	6,6	9,4	— 2,9	48,2
1940	6,9	9,6	— 2,7	50,7
1941	9,2	14,0	— 4,8	57,5
1942	15,1	34,5	—19,4	79,2
1943	25,1	78,9	—53,8	142,6
1944	47,8	94,0	—46,1	204,1
1945	50,2	95,2	—45,0	260,1

И с т о ч н и к : Historical Statistics of the United States: Colonial Times to 1970. Wash., D.C., 1975. Vols. 1-2. Series Y 339-42.

тенциальной инфляционной угрозой... Суровая реальность такова, что нельзя получить гражданской продукции больше реально произведенного объема плюс инвентарные запасы, если они имеются... В данной ситуации было бы в высшей степени разумно, если бы правительство изъяло все излишки денег с помощью налогов или конфисковало их каким-либо иным способом. Но люди обычно неохотно идут на столь откровенные, связанные с войной жертвы... поэтому правительственные организации, как правило, используя политические манипуляции, прибегают к разного рода частичным мерам"¹⁷.

В 1939 г. валовая сумма федерального долга составила 48,2 млрд долл., причем в этот год расходы превышали доходы из всех источников на 2,9 млрд долл. Уже перед Пёрл-Харбором было ясно, что активное участие Америки в войне потребует значительных займов, хотя никто не мог даже предположить их истинные размеры. С 1941 по 1945 г. общие связанные с войной затраты федерального правительства достигли 317 млрд долл.

Теоретически с помощью налогов можно было бы покрыть все военные расходы. С 1940 по 1945 г. ВВП увеличился более чем вдвое (со 100 млрд до 212 млрд долл. в текущих ценах). Поступления от четырех основных категорий налогов (личный подоходный налог, налог с доходов корпораций, взносы в фонд страхования по безработице, налог на спиртные напитки и табачные изделия) вместе с другими сборами в бюджете еще ни разу, ни в один год не превысили 24,2% от национального дохода¹⁸. Однако министерство финансов все-таки опасалось, что чересчур крутые меры станут сдерживать частные инвестиции и вызовут недовольство по всей стране. Под влиянием кейнсианских заповедей экономисты выступали против существенного повышения налогов до достижения полной занятости населения. По оценкам некоторых специалистов, министерство финансов финансировало около 45% (от 133 до 147 млрд долл.) военных затрат за счет налогов; остальные 55%, следуя давней традиции демократических стран, за счет займов. Доход от налогообложения во время второй мировой войны был значительно выше, чем в период Гражданской или первой мировой войны, однако зна-

чительно ниже, чем в Канаде и Великобритании. Теперь платили подоходный налог около 39 млн американцев, которые прежде этого никогда не делали. Такое стало возможным с введением в 1943 г. правила удержания определенной суммы с заработной платы. Налогообложение военного времени имело революционизирующее влияние.

Налоги оказались весьма полезными в борьбе с инфляцией, помогая выкачивать деньги из экономики. Произошло также заметное изменение в соотношении налогов с доходов корпораций и индивидуальных подоходных налогов. Добавочный налог на прибыль корпораций и резкое повышение налоговой ставки на сверхприбыль значительно увеличили сумму налоговых сборов с корпораций; в 1941 г. она составила примерно 2 млрд, в 1942 г. — 4,7 млрд, в 1943 г. — свыше 9 млрд и в 1945 г. — 16 млрд долл. Индивидуальные подоходные налоги, которые в 1941 г. составляли 1,4 млрд долл., более чем удвоились в 1942 г. и достигли 19 млрд долл. в 1945 г. Поскольку 80% личных доходов приходилось на группы населения с низкими и средними заработками, всеобщее участие американского народа в финансировании войны не подлежит сомнению.

Картина с займами не столь однозначна. Около 170 млрд долл., взятых федеральным правительством в долг, т.е. более половины всех военных расходов США, были получены от продажи государственных ценных бумаг. Другими словами, в 1946 г. только 18% военных долгов было сосредоточено в сберегательных облигациях. Решимость министерства финансов поддерживать низкие нормы процентов сочеталась с фиксацией курса ценных бумаг и их изъятием из резервной квоты; при этом преследовалась цель сделать облигации и другие аналогичные бумаги эквивалентом, “приносящим проценты наличным деньгам”. Их накопление банками увеличило банковские депозиты правительства с менее чем 1 млрд долл. в 1941 г. до почти 25 млрд в 1945 г. Если бы не эффективный контроль над ценами, то подобные запасы ликвидного капитала могли бы стать причиной серьезной инфляции и сильно ослабили бы стремление к сбережению. В период войны общая сумма денег в обращении выросла на 150%.

Произошло весьма примечательное увеличение и личных сбережений, — по некоторым оценкам, на 2000%, или почти до 50 млрд долл. Однако, по-видимому, это явилось скорее результатом не проявления патриотизма, а правительственных ограничений рабочих военных предприятий (ужесточения условий получения льготных кредитов путем увеличения суммы минимального первоначального взноса, мерами, затруднявшими предоставление коммерческих кредитов потребителям, и, конечно же, нормированием товаров, что сузило для населения возможности выбора). Всего было семь военных займов и один заём победы. Известные артисты и герои войны в своих выступлениях призывали американцев всех возрастов покупать 25-центовые сберегательные марки и 20-долларовые облигации. Каждый выпуск облигаций превысил первоначальный лимит подписки, но ни один не достиг намеченных квот индивидуальных взносов. И хотя министерство финансов использовало такие трюки, как продажа с аукциона интимных предметов женского

туалета, пожалованных голливудскими звездами, большую часть облигаций купили все-таки инвесторы корпораций, банки и страховые компании. Преобладает мнение, что финансовая политика в целом была успешной, хотя и не столь энергичной, какой ей следовало бы быть. С отменой нормирования и контроля над заработной платой и ценами в военной экономике заметно усилились инфляционные тенденции.

Наиболее крупная неудача американской мобилизационной политики военного времени связана с разработкой мер по эффективному и справедливому использованию людских ресурсов. Заместитель военного министра Роберт П. Паттерсон был вынужден признать: "...на протяжении всей войны мы ... испробовали различные варианты... И к нашим серьезным недостаткам я отношу тот факт, что мы не сумели добиться подлинной мобилизации людских ресурсов"¹⁹. В значительной мере это явилось следствием широко распространенного мнения, что этих ресурсов вполне достаточно. Закон о выборочной воинской повинности 1940 г. давал право призывать мужчин на военную службу, а также предоставлять отсрочку лицам очень нужных профессий. Но только в конце 1941 г. гигантское расширение производства, подстегиваемое ленд-лизом и армейской Программой победы, заставило обратить внимание на распределение наличных кадров. Сложности обуславливались проблемами философского порядка (исторически сложившимися у американцев теоретическим представлением об обязанности всех мужчин нести военную службу и неприятием на практике всеобщей воинской повинности), деликатными социальными вопросами, связанными с использованием в промышленности черных американцев и женщин, а также партийными и бюрократическими требованиями, в основе которых лежал дефицит рабочей силы. В середине 1944 г., когда был достигнут пик мобилизации людских ресурсов, из общей численности населения (свыше 130 млн человек) 66 млн или носили военную форму, или же работали на производстве. Численность вооруженных сил увеличилась с 1,5 млн в 1941 г. до 11,4 млн в конце войны.

Что же касается их эффективного использования (а также сотен тысяч работавших в армии гражданских лиц), то этот аспект деятельности военного ведомства неоднократно подвергался вполне справедливой критике. Наиболее удачно были задействованы 50 млн американцев, трудившихся в тылу. Их деятельность имела такое же важное значение, как и любого солдата или моряка. Некоторые придавали ей даже больший вес, указывая на то, что особым вкладом Америки в союзническую коалицию было изготовление военной техники и снаряжения.

В 1940 г. в гражданском производстве было занято 47,5 млн человек, не имело работы 8,1 млн. Однако уже в 1942 г. экономика США вобрала весь незанятый резерв рабочей силы, и до самой победы в Европе отмечалась полная занятость. Чтобы преодолеть неизбежный кризис с трудовыми ресурсами в условиях, когда ежемесячно призывались сотни тысяч молодых людей, нужно было осознать неразрывную связь

Таблица 2
Людские ресурсы во время второй мировой войны (в тыс.)

Год	Общее число	Военные	Гражданские	Занятые в:		Незанятые	
				сельском хоз-ве	других сферах	% общего числа	% в других сферах
1940	56 180	540	55 640	9 450	37 980	4,6	21,3
1941	57 530	1 620	55 910	9 100	41 250	9,9	14,4
1942	60 380	3 970	56 410	9 250	44 500	4,7	6,8
1943	64 560	9 020	55 540	9 080	45 390	1,9	2,7
1944	66 040	11 410	54 630	8 950	45 010	1,2	1,7
1945	65 290	11 430	53 860	8 580	44 240	1,9	2,7

И с т о ч н и к : Historical Statistics, Series D 1-10.

между наличной рабочей силой и производственными целями. Управление военного производства еще в начале 1942 г. отказалось признать эту связь и никогда больше не возвращалось к данной теме. Правительство старалось найти подходящий механизм, который помог бы при решении проблем отсрочки от военной службы по профессиональному признаку, дифференцированных ставок заработной платы, норм труда, расовой дискриминации и других насущных вопросов.

Таким путем удалось устранить отдельные узкие места, однако межведомственное соперничество и нежелание правительства вплотную заняться проблемами трудовой деятельности в военное время (запрет на забастовки и на самовольную смену места работы) привели к тому, что конкуренция стала нормой: высококвалифицированные рабочие охотно откликались на более выгодные предложения, касающиеся заработной платы или условий труда. Еще одно следствие — многочисленные не санкционированные профсоюзами забастовки. В течение трех лет (1942-1944) произошло свыше 11 тыс. забастовок с потерей бесчисленного множества часов рабочего времени. Еще больше потерь было связано с переменой рабочих мест и неумелым распределением рабочих заданий.

Проблема трудовых ресурсов представляла собой для некоторых выбор между добровольным и принудительным участием. Такие либерально настроенные политические деятели, как Нелсон, Макнатт и Уоллес, были убеждены, что американский народ готов отдать все силы и что патриотических призывов вполне достаточно, чтобы пробудить гражданские чувства. Однако сторонники более жесткого курса, подобные Паттерсону и Сомервеллу, считали, что принуждения и жертвы настоятельно необходимы и даже полезны. В целом возобладали приверженцы метода убеждения и пассивного подхода. Трудно сказать, оказалась ли бы в Америке периода 1941-1945 гг. политика национальной принудительной службы более эффективной²⁰.

Некоторые в то время и в последующий период показывали, что вся проблема сводилась к действенному управлению на высшем уровне. В конце 1942 г. советники Рузвельта из "военного кабинета" в ходе

дискуссии признали вредное влияние увлеченности Белого дома прежде всего политическими, а не экономическими вопросами. Айседор Любин заявил Гарри Гопкинсу, что устранение несоответствий с трудовыми ресурсами не требовало специального аппарата, и указал в качестве примера на то, как были преодолены инфляционные тенденции. Гопкинс собрал соответствующих сотрудников кабинета, познакомился с сутью проблемы и предлагаемыми решениями и затем информировал обо всем президента “в такой манере, которая сэкономила многие часы его времени и помогла разделаться с этим вопросом”. Результатом стал приказ президента. “Существует немного таких наглядных примеров эффективной деятельности нашего нынешнего правительства, как противодействие инфляционным процессам, — отмечал Любин. — С трудовыми ресурсами дело обстоит совсем наоборот”. Проблема была известна уже много месяцев. Между тем все заинтересованные ведомства (армия, военно-морские силы, Морская комиссия, Управление военного производства, министерство сельского хозяйства, Национальное военное управление труда, Управление по набору на действительную военную службу, Национальное военное управление труда) шли каждый своим путем. “В итоге появились всевозможные противоречивые высказывания касательно людских ресурсов, авторами которых были различные ведомства”. По мнению Любина, институализация опыта борьбы с инфляцией привела бы “к образованию чего-то вроде экспериментального военного кабинета”. Возможно, к несчастью для военных усилий США, Гопкинс из-за болезни находился вдали от ближайшего окружения президента, и поэтому идея с военным кабинетом оказалась мертворожденным ребенком²¹.

Существенное значение бюрократической поддержки и принудительных мер достаточно отчетливо продемонстрировала отрасль промышленности, связанная с производством энергоносителей (твердого топлива, главным образом каменного угля, и нефтепродуктов). До Пёрл-Харбора надзор за их добычей и использованием для транспортировки, в промышленности, сельском хозяйстве, а также за индивидуальными потребностями осуществляла специальная структура, “в которую входили представители различных организаций, созданных волей исполнительной власти и наделенных ограниченными полномочиями”²². Министр внутренних дел Гарольд Л. Икес постоянно старался увеличить добычу энергоносителей и получить неограниченное право распоряжаться столь важными запасами угля и нефти. Но ему так и не удалось добиться статуса “царя энергии”, и на протяжении всей войны ему пришлось непрерывно испытывать как фронтальные атаки, так и бюрократические удары в спину со стороны соперников в администрации и противников в промышленности.

Тем не менее шаткая империя, которой руководил Икес, смогла сделать так, что ни одно предприятие не закрылось и ни один железнодорожный состав, груженный военным снаряжением и боевой техникой, не был отправлен на запасной путь из-за отсутствия угля, что всегда в наличии было достаточное количество нефти и нефтепродуктов — и прежде всего столь необходимого авиационного бензина, — что амери-

канцам не пришлось пойти на дополнительные жертвы, экономя энергию. В прошлом активный участник сражений вокруг Нового курса, Икес хорошо знал административный стиль президента. Кроме того, он не сохранил в своем арсенале антистретовскую идеологию поборников Нового курса. Управление по твердому топливу в военное время и Военная нефтяная администрация заимствовали свои структуры у промышленности и работали в тесном контакте с наиболее мощными угольными и нефтяными компаниями. К долговременным результатам их деятельности можно отнести высокие цены, возросшую концентрацию производства и истощение запасов, однако потребности военного времени удовлетворялись полностью.

К середине 1943 г. добыча нефти, выйдя из состояния депрессии, возросла с 2,1 млн до 3,7 млн баррелей в день, а к концу войны уже достигла 4,6 млн баррелей. Ежедневное производство жидкого топлива возросло между 1940 и 1945 гг. на треть, а со строительством трубопроводов “биг инч” и “литл инч” закончился и кризис в сфере распределения. Гигантское расширение Военной нефтяной администрацией сети нефтеперерабатывающих заводов, специализировавшихся на выпуске авиационного бензина, позволило между 1942 и 1945 гг. увеличить производство 100-октанового бензина на 600%, или до 487 тыс. баррелей в день. С ограничением гражданского потребления выпуск моторного топлива уменьшился на 20% по сравнению с довоенным периодом, однако когда в 1945 г. семейные автомобили наконец покинули их гаражи и помчались по шоссе, в наличии оказалось достаточно бензина.

Достижения в области твердого топлива в период войны были, пожалуй, не столь впечатляющими, но все же довольно примечательными. Общий объем добычи вырос с 395 млн т в 1938 г. до 681 млн т в 1944 г. И это несмотря на такие факторы, как длительные забастовки в антрацитовых угольных бассейнах, сокращение армии шахтеров на 75 тыс. человек в этой наиболее трудоемкой отрасли промышленности США, как относительно невысокая производительность труда и растущие потребности в связи с реализацией правительственной программы замены нефти углем. Открытая добыча угля безусловно наносила огромный ущерб окружающей среде, и это был сдерживающий фактор, но производство увеличилось за счет сохранения устойчивого рабочего коллектива.

Ожесточенные споры между администрацией, лидером Объединенного союза горянков Джоном Л.Льюисом и владельцами шахт побудили федеральные органы в конце 1943 г. взять угольные копи под свой контроль. Эта принудительная мера не дала желаемых результатов. Как отметил один из историков, “реакция федерального правительства на забастовки, на нехватку на шахтах рабочей силы и на политику в области ценообразования явно показала границы правительственной власти даже в условиях войны. Оказалось невозможным обращаться с рабочими как с роботами для удовлетворения потребностей военной машины”²³. Разрешить конфликт удалось только стараниями Икеса, который договорился о продлении рабочей недели (с 35 до 48 часов) в обмен на повышение заработной платы и цены на уголь. Правительство твер-

до поддерживало идею коллективных переговоров, в то же время отказываясь использовать труд военнопленных и закрывая глаза на настоячивые требования местных отделений профсоюзов чернокожих, которые стремились получить рабочие места на шахтах.

Утрату свыше 10 млн крепких потенциальных работников, призванных в вооруженные силы, восполнили женщины, представители чернокожего населения, пожилые люди, школьники старших классов и многие из тех, кого признали непригодными для военной службы. Число работающих женщин увеличилось с 13,8 млн в 1940 г. до 18,4 млн в 1944 г., причем многие замужние женщины начали трудиться впервые и поступили на предприятия²⁴. Чернокожие рабочие столкнулись с ожесточенным сопротивлением работодателей, профсоюзов и своих коллег — белых рабочих и получили весьма сдержанную поддержку администрации Рузвельта. Хотя война и стала свидетелем прежде запрещенной миграции чернокожих рабочих в промышленность, однако, как это ни прискорбно, их мастерство использовалось далеко не полностью²⁵.

Общая численность гражданской армии труда выросла лишь слегка, достигнув в 1942 г. пика в 56,4 млн человек, однако эта смешанная команда из женщин, подростков, ветеранов и новичков показала замечательные результаты. Занятые на производстве примерно 60% всех трудоспособных за эти годы удвоили объем выпускаемой продукции. Производительность труда увеличилась более чем на 25%, чему способствовало эффективное руководство, повышение качества обучения кадров, широкое использование сверхурочной и многосменной работы, технологические новшества, внедрение трудосберегающего оборудования и прогрессивных методов производства. Эти достижения охотно и часто приводились в качестве доказательства безусловного превосходства американской “системы” капитализма, опирающейся на государственную поддержку. Факторы, обусловленные объемом выпускаемой продукции, богатством природных ресурсов и дефицитом рабочей силы, давно заставили американскую экономику встать на путь механизированного массового производства и высокого уровня почасового выпуска продукции. Вторая мировая война потребовала именно таких качеств.

Чтобы проверить справедливость слов Рузвельта, объявившего США арсеналом демократии, нужно, по всей видимости, взять общие производственные показатели и сопоставить их с довоенным уровнем, а также с намеченными президентом задачами. Рассмотренные с этих позиций достижения американской экономики в период войны просто поражают. Сельскохозяйственное производство возросло на 17% (на 50% больше, чем в 1917-1918 гг., при наличии $\frac{9}{10}$ рабочей силы); вдвое увеличилась выплавка цветных металлов; более чем в два раза вырос выпуск промышленных товаров, причем на 300% увеличилось производство станков и на 600% — тяжелых транспортных средств. Значительно больше было изготовлено тканей, алкогольных напитков. Еще более примечательны количественные данные, касающиеся вооружений и других военных материалов: 300 тыс. самолетов, 315 тыс. артиллерийских орудий, 86 тыс. танков, военных кораблей общим тон-

нажем в 8,5 млн т, транспортных и грузовых судов водоизмещением в 51 млн т. В январе 1942 г. президент поставил целью ежегодно выпускать 20 тыс. зенитных орудий, 45 тыс. танков и 60 тыс. самолетов, что казалось невероятным всего несколько месяцев назад. Большинство проектов было выполнено еще до конца года, причем с трудовыми ресурсами, возросшими всего на 12%. Одновременно заметно улучшились условия жизни почти всех американцев, хотя данный вопрос все еще остается спорным.

Главная задача в сельском хозяйстве сводилась к тому, чтобы изменить манеру поведения фермеров и чиновников. Пахотных земель вполне хватало для удовлетворения любых потребностей в продовольствии и сырье. В распоряжении фермеров были необходимые знания и опыт; существовали как министерство сельского хозяйства с учеными и экономистами, так и аграрные факультеты при многочисленных колледжах и окружные консультанты по вопросам сельского хозяйства, которые стремились научить пользоваться такими передовыми методами земледелия, как механизация, гибридизация и химизация. Потенциальные возможности сельскохозяйственного производства ограничивались неэффективным использованием земли, скрытой безработицей и негативными последствиями недостаточных капиталовложений. Но прежде всего нужно было перейти от сдерживания производства к неограниченному его расширению. Американские фермеры не хотели повторения пережитых ими в 1917-1921 гг. резкого подъема и глубокого спада спроса на сельскохозяйственную продукцию²⁶.

И фермеры и федеральное правительство проявляли осторожность, стремясь сохранить наметившееся улучшение с ценами на товары аграрного сектора. В 1940 г. распахивалось 86 млн акров земли. Эта цифра увеличилась до 87 млн в 1942 г. и до 94 млн в 1944 г. Воспоминания о первой мировой войне послужили причиной того, что в период 1940-1944 гг. площадь посевов пшеницы выросла на 7 млн акров, хотя цена на пшеницу и кукурузу почти удвоилась. Но и в таком случае общий объем производства фермерских хозяйств в 1940 г. на 110% превзошел уровень 1933 г. Этот подъем наблюдался на протяжении всей войны в основном за счет увеличения поголовья домашнего скота (при наличии значительных запасов зерна и активном использовании пастбищ производство мяса возросло на 50%) и масличных культур — соевых бобов, хлопковых семян и арахиса, заменивших растительные масла, доступ к которым сделала невозможным японская агрессия на Тихом океане. Учитывая резкое сокращение рабочей силы, достижения сельского хозяйства тем более примечательны. С 1940 по 1945 г. фермы покинуло 5 млн человек для работы в промышленности или службы в вооруженных силах. В их числе было много безработных бедняков с пораженных засухой Великих равнин, фермеров-арендаторов и издольщиков с юго-востока; между тем потенциальная или фактическая нехватка рабочей силы послужила причиной освобождения многих молодых фермеров от воинской службы, призыва в армию более зрелых мужчин и женщин, а также использования на уборке урожая сезонных рабочих, солдат, немцев и итальянских военнопленных.

Фермы разрастались, а число их владельцев увеличилось более чем на 250 тыс. Труд стал по времени более продолжительным, но существенным компенсирующим фактором (вместе с активным применением удобрений) являлась механизация. За исключением одного случая заминки в 1943 г., вызванной недостатком стали, число выпускаемых тракторов и других сельскохозяйственных машин постоянно росло в течение всей войны. Важным обстоятельством были и наблюдавшиеся несколько лет подряд исключительно благоприятные погодные условия. Примерно половина всего прироста сельскохозяйственной продукции была достигнута за счет увеличения урожайности. Несмотря на общее снижение численности сельского населения, повышение производительности труда позволило одному фермеру в 1945 г. кормить в среднем не 10,7 (как это было в 1940 г.), а уже 14,6 человек²⁷.

Политика в поддержку подобного развития формировалась не без трудностей. Курсу на продолжение выпуска сельскохозяйственных машин воспротивилось Управление военного производства и его Служба гражданского снабжения; только вмешательство министерства сельского хозяйства и отдела УВП, отвечавшего за производство машин и оборудования для аграрного сектора, а также Комитета Трумэна помогло восстановить приоритеты. В общем и целом попытки федерального правительства как-то управлять сельским хозяйством оказались бесполезными и лишь мешали производству. Получив заверения относительно субсидирования в послевоенный период, фермеры стали ориентироваться на условия, которые диктовал рынок.

По аналогичной схеме можно сделать общие выводы относительно опыта промышленности США в период второй мировой войны. История мобилизации в промышленности содержит множество примеров расточительности времени и ресурсов, неэффективного использования труда и материалов, несправедливого отношения к определенным отраслям и регионам. В документе, посвященном данному вопросу и подготовленном Бюджетным бюро, говорится: «После исключительно медленного старта многие предприятия перешли на выпуск военной продукции, хотя их обычные изделия были нужнее, чем новые. Заводы, строившие локомотивы, стали выпускать танки, когда нужда в локомотивах ощущалась особенно остро, однако отдел танков об этом не ведал. Заводы грузовых автомобилей начали собирать самолеты, в результате позднее стало не хватать грузовиков... Борьба за производство, с которым мы не в состоянии были управиться, принесла только потери и убытки... Мы построили множество новых предприятий, которые не могли использовать и которые были вовсе не нужны. Многие из этих предприятий мы не могли обеспечить ни трудовыми ресурсами, ни сырьем; но даже если бы это и оказалось возможным, мы не смогли бы ни поднять в воздух самолеты, ни расстрелять боеприпасы, изготовленные на этих заводах»²⁸.

Дискуссии относительно того, можно ли было избежать всех этих потерь, неожиданных рывков и споров из-за раздела полномочий, продолжают по сей день.

Освобожденный от пут предпринимательский талант представил достаточно примеров американской способности организовывать массовое производство. Генри Форд построил в Уиллоу-Ран близ Детройта гигантский завод по выпуску тяжелых бомбардировщиков. И хотя обещание Форда — 1000 самолетов в неделю — оказалось большим преувеличением, тем не менее с конвейера Уиллоу-Ран каждые 63 минуты сходил один бомбардировщик Б-24, и в результате общее число составило 8685 самолетов. В конце 1941 г. на ближайшем кукурузном поле Крайслер соорудил производственный комплекс, из ворот которого каждую неделю выезжало 100 средних танков. Но самое удивительное произошло на западном побережье. Хотя производственные мощности судоверфей значительно возросли еще до Пёрл-Харбора, катастрофические потери в результате нападений подводных лодок и в силу потребностей глобальной войны заставили в срочном порядке заняться строительством транспортных судов. Энергичный магнат Генри Кайзер предложил строить корабли в массовом порядке поточным методом; простая, похожая на коробку конструкция сваривалась из отдельных секций, упор делался на сборные детали. В 1943 г. время на производство одного судна типа “Либерти” сократилось с 30 до 7 недель. Всего американские судоверфи спустили на воду свыше 5 тыс. грузовых судов.

Наиболее знаменательным технологическим свершением стал сверхсекретный проект “Манхаттан”, превративший мечты и размышления физиков-эмигрантов в совершенно новую отрасль индустрии. Начиная с 1941 г. на гигантские заводы, расположенные в Оук-Ридж (штат Теннесси) и в Ханфорде (штат Вашингтон), а также в других местах, повезли горы цемента, стальных конструкций, туда же съехались тысячи инженеров и ученых, чтобы изготовить смертельные компоненты атомных бомб первого поколения. Только один индустриальный комплекс в Оук-Ридже забирал значительную долю электроэнергии, которую ежедневно вырабатывала Администрация долины реки Теннесси. В данном случае для утверждения приоритета работ, связанных с созданием атомной бомбы, пришлось преодолеть многие бюрократические препоны. Порой останавливали эшелоны с войсками, чтобы пропустить грузовые составы, помеченные эмблемой проекта “Манхаттан”²⁹.

Некоторые отрасли промышленности так же вяло, как и фермеры, реагировали на призывы принять участие в военном производстве. Настаивая на том, что существующего парка грузовых вагонов и цистерн вполне достаточно для удовлетворения любых потребностей, железнодорожные компании затрудняли осуществление военных мероприятий и поощряли развитие альтернативных форм перемещения грузов. В качестве примера можно сослаться на строительство на Восточном побережье нефтепровода и на создание крупных автотранспортных компаний. В то время как деловые круги инвестировали свыше 11 млрд долл. (больше, чем затратили на обновление основного капитала в течение всех 30-х годов), федеральное правительство вложило в военное производство около 18 млрд долл.

Государственное финансирование играло особенно важную роль в создании новых отраслей промышленности и в устранении уже сложившегося монополизма. Одна из подобных инициатив существенно расширила число предприятий, выпускающих алюминий. В 1944 г. почти весь синтетический каучук вырабатывался на заводах, построенных на федеральные средства. Государственные капиталовложения имели решающее значение для развития электронной, пластмассовой, фармацевтической промышленности и уж конечно же атомной энергетики. Война побуждала к самому разнообразному новаторству в технологии. И хотя выдающиеся производственные показатели были достигнуты с использованием существовавшего индустриального потенциала, основы послевоенной научно-технической революции и “военно-промышленного и научного” комплекса, который способствовал ее развитию, закладывались именно в период второй мировой войны. Создание Национального совета по военным исследованиям означало правительственную поддержку научной деятельности, и с 1940 по 1947 г. число финансируемых частным капиталом исследовательских лабораторий почти удвоилось³⁰.

Огромные вложения капитала за 18-месячный период вызвали колоссальное напряжение. Одной из жертв возросшей экономической активности военного периода стал мелкий бизнес. Несмотря на усилия Комитета Трумэна и одобренную Конгрессом программу контрактов для мелких и средних предприятий, федеральные ведомства по-прежнему придерживались мнения, что крупные концерны более приспособлены выполнить правительственные заказы вовремя и за приемлемую цену³¹. Возможно, подобная точка зрения была и оправданна, хотя в результате не использовалась значительная часть наличных производственных мощностей и оборудования. Однако рассредоточение уникальных металлообрабатывающих станков и практика субподрядов в отдельных отраслях промышленности гарантировали мелкому бизнесу определенную долю военных заказов. Все-таки, будучи не в состоянии разобраться с таинственной правительственной системой размещения контрактов, не имея доступа к дефицитному сырью и полуфабрикатам, теряя работников, уходивших ради более высокой заработной платы, 324 тыс. небольших фирм (10% от общего числа по состоянию на 1945 г.) закрыли свои двери в течение военных лет. Их проблема не сводилась только к рентабельности, ибо общая предпринимательская прибыль (после налоговых отчислений) составляла в 1941-1945 гг. в среднем 2,8% от общей стоимости имущества; в 1940 г. — 2,2%. Сильнее всего пострадали мелкие строительные компании, фирмы, оказывающие различные услуги, и небольшие “семейные” лавочки, типичные для довоенной Америки.

Неизбежным следствием лихорадочных темпов и крена в сторону крупных производственных комплексов было такое специфическое явление, как “городской бум”, который распространился на многие регионы страны. Каждая волна правительственных заказов оставляла после себя общины, которые радовались новому предприятию по изготовлению пороха или стальных шлемов, но которым приходилось сильно напрягаться, чтобы обеспечить основными услугами значительные массы

пришедших со стороны новых рабочих или воскресных посетителей из близлежащего военного городка.

Одной из таких общин был Эвансвилл (штат Индиана), городок средней величины на реке Огайо с множеством небольших фирм и крупными предприятиями, выпускавшими холодильники, автомобили и мебель. Первые месяцы войны обернулись для Эвансвилла катастрофой³². Из-за отсутствия военных заказов, сырья и рабочей силы закрылись три самых крупных предприятия города, много других компаний было вынуждено или прекратить вовсе свою деятельность или же перейти на неполный рабочий день. В июле 1941 – январе 1942 г. было потеряно свыше 4 тыс. рабочих мест. Но вот делегация Конгресса от штата Индиана добилась крупных контрактов на строительство десантных судов, выпуск снарядных гильз и сборку истребителей P-47. Потребовались огромные капиталовложения на конверсию существующих и возведение новых предприятий, гарантировалось приоритетное снабжение металлом и другими материалами. Для экономики Эвансвилла наступили благодатные дни. Соблазненные высокой заработной платой, в город хлынули толпы работников из сельской местности штатов Иллинойс, Кентукки и Теннесси. Скоро все свободные жилые помещения оказались занятыми, а на утопающих в грязи окружающих полях возникли сбитые из фанеры жалкие лачуги и небольшие домики-трейлеры. Коммунальные предприятия, медицинские учреждения, школы, места отдыха и развлечений — все было переполнено; росла преступность, процветала проституция, усилилась расовая напряженность.

Типичным можно считать и вклад Эвансвилла в достижения военного времени. 23 декабря 1944 г. небольшая кучка местных граждан вместе с 19 тыс. рабочих судовой верфи наблюдала за тем, как десантный корабль ЛСТ-826 плавно вошел в мутные воды реки Огайо. Это был уже сотый ЛСТ, построенный на судовой верфи Эвансвилла, гигантском комплексе, возведенном там, где еще 30 месяцев назад находилось лишь муниципальное болото. Чтобы разгрузить судовой верфи побережья, морское ведомство США решило строить десантные корабли на крупных реках. Первый десантный корабль Эвансвилла был спущен на воду 31 октября 1942 г., и этот судостроительный комплекс, вскоре названный “чемпионом мира по строительству ЛСТ”, поставил всевозможные производственные рекорды. В апреле-мае 1944 г. правительство США всячески призывало увеличить производство, чтобы восполнить потери, понесенные при вторжении в Италию, и надлежащим образом подготовиться к высадке в Нормандии. В течение 60 дней судовой верфь в Эвансвилле изготовила 20 десантных судов, а всего в 1944 г. — 100 ЛСТ. Когда кончилась война, корабли, построенные в Эвансвилле, доставляли грузы к портам Северо-Западной Европы, перевозили людей и материалы в оккупированную Японию и выполняли роль плавучих электростанций от Алеутских островов до Арктического моря.

По всей территории США существенно расширялись старые и возникали новые города. Их местоположение определялось удобствами снабжения и связи, соображениями секретности (авиастроительный завод “Боинг” возвели в прериях Канзаса, а секретный атомный исследо-

вательский центр — в пустыне Нью-Мексико), наличием рабочей силы и другими факторами.

Децентрализации военного времени была присуща какая-то странная логика. Помимо других ее результатов можно указать на развитие так называемого “солнечного пояса” — во много раз улучшенной национальной системы связи и транспорта — и на ослабление регионализма. Не все общины столкнулись с теми проблемами, которые выпали на долю Эвансвилла, но все без исключения претерпели радикальные изменения.

Общий прирост населения продолжал оставаться умеренным, хотя резкое увеличение числа бракосочетаний предвещало всплеск деторождаемости. Вместе с тем произошли примечательные перемены в социальном составе общества. Миллионы людей перебрались из сельской местности в города. В то время как в большинстве регионов численность населения или сохранилась на прежнем уровне или же несколько уменьшилась, в штатах на побережье Южной Атлантики и Тихого океана она заметно возросла. Как центр самолетостроения и судостроения, Калифорния выиграла больше всех: с 1940 по 1945 г. ее население увеличилось на 37%. Оглядываясь назад, можно утверждать, что бессистемный подход правительства к мобилизации определил на последующие 50 лет конкретную форму американского общества, его экономические и расовые проблемы, его политику.

Еще одно предостережение, связанное с историей производственных “чудес”, касается количественного и временного факторов. Один из историков отмечал, что нельзя упускать из виду “высокий уровень объема производства США даже в глобальном контексте мирного времени”³³. Между тем заметное увеличение (на 22%) индекса объема промышленного производства в течение 1942 г. было значительно ниже прироста в процентах, который имел место в 1940-1941 гг. Тем не менее 50-%ное увеличение, последовавшее сразу же по окончании первой мировой войны, в 1921-1923 гг., можно вполне сравнить с достижениями 1940-1942 гг.

В середине 1943 г. экономика США начала двигаться по направлению к сокращению производства, что было обусловлено победами союзников на далеких полях сражений, одержанных еще до прибытия в войска “сделанных в Америке” самолетов Б-24, танков “Шерман” и грузовиков “Студебеккер”. Разумеется, сельскохозяйственная продукция была не столь многообразной и восприимчивой к внешним обстоятельствам, и американское продовольствие и волокно сохраняло для союзников важное значение и по окончании войны.

Всю вторую половину 1943 г. и большую часть 1944 г. компромиссы, выработанные в первый год войны, продолжали оставаться в силе. Некоторые из высших чиновников ушли со своих постов, появились новые ведомства, но причины перемен почти всегда были политического свойства. Недовольство деятельностью Нелсона и Управления военного производства, а также стремление Конгресса посадить “продовольственного царя” привели к образованию еще одного административного

органа — Службы военной мобилизации. Однако в результате мало что изменилось.

Размышления о проблемах послевоенного времени воскрешали прежнюю озабоченность концентрацией богатства и практикой монополизма. Возобновилась критика “картелей” либералами из министерства юстиции. Вице-президент Уоллес атаковал “экономических империалистов”, чем вызвал яростную контратаку консерваторов в Конгрессе и их союзников в рузвельтовской администрации³⁴. Сам президент занимал двойственную позицию. В декабре 1943 г. он объявил, что девиз “доктор Новый курс” теперь заменен на лозунг “доктор победитель”, и это было с одобрением встречено консерваторами. Однако либералы не утратили веры, что после победы президент возродит и продолжит Новый курс. В своем докладе Конгрессу “О положении государства” 11 января 1944 г. президент Рузвельт провозгласил для американского народа “Экономический билль о правах”. В довольно сильных выражениях Рузвельт обрушился на внутренних противников демократического либерализма и пообещал всем американцам после войны экономическую безопасность и постоянное преуспевание. То были главные догматы программы левого крыла Демократической партии.

Победа Красной Армии под Сталинградом и ее широкомасштабное наступление летом и осенью 1943 г. изменили ход войны. Хотя военные успехи союзников создали благоприятные условия для национального планирования и полной занятости населения, т.е. для тех приоритетов, за которые выступали Уоллес и другие либералы, экономическая политика развивалась иным путем. Уверенные в окончательной победе и убежденные в том, что ежедневно наращиваемое сельскохозяйственное и промышленное производство США сделало ее возможной, многие американцы предпочли заняться устройством личных дел, не обращая внимания на нужды опустошенных войной стран.

Американский опыт участия во второй мировой войне весьма своеобразен; ведь Соединенные Штаты не пострадали от оккупации, не пережили значительных разрушений и в целом, как нация, не испытали больших лишений. В связи с потерей близких, война принесла страдания многим американским семьям и косвенно еще миллионам друзей и родственников. Дети военного времени, неспособные до конца осознать причины отсутствия отца или отчаяние матери, а также те, кто был вынужден покинуть родные места по необходимости или соблазнившись высокими заработками, видели мало “хорошего” во второй мировой войне. Но подавляющее большинство американцев, которые хорошо помнили Великую депрессию и боялись ее повторения после победы, обычно вспоминают Америку военного времени с добрыми чувствами. Американская мобилизация оставила без изменений социальную и политическую структуру поведения и усилила влияние крупных корпораций.

Показательна для снижения хозяйственной активности федерально-го правительства была судьба политики полной занятости, одного из признаков экономического либерализма военного времени³⁵. В августе 1944 г. группа экономистов из Федеральной резервной системы, Бюджетного бюро и Службы администрации цен взялись за “Американскую

Белую книгу” о полной занятости. Они надеялись, что исследование вызовет широкие дебаты в Конгрессе, в ходе которых будут подтверждены идеи, содержащиеся в “Экономическом билле о правах”, объявленном президентом в январе 1944 г. Важную роль играла и озабоченность возможным послевоенным экономическим кризисом. Кое-кому данная инициатива представлялась эквивалентом британского “плана Бевериджа”. Было предложено, чтобы послание президента содержало программу из следующих шести пунктов: 1) приверженность политике полной занятости; 2) меры против угрозы экономического спада; 3) гарантии государственного минимума социального обеспечения, образования, здравоохранения и т.п.; 4) сохранение покупательной способности доллара (антиинфляционные меры); 5) “оживление” мелкого и вновь образованного бизнеса и т.д.; 6) обстоятельное изучение “условий, необходимых для подготовки программы полной занятости” после второй мировой войны. Из последующей дискуссии руководителей ведомств стало ясно, что призыв к полной занятости имеет такую же политическую подоплеку, что и лозунг “в каждую кастрюлю по два цыпленка”³⁶.

Следующие месяцы показали, что администрация двигалась в ином направлении. Рузвельт сосредоточился на дипломатии, довольствуясь туманными заявлениями относительно “60 млн рабочих мест” в качестве послевоенной цели. После его переизбрания данную тему предали забвению. Сказывалось влияние курса, за который выступал Комитет содействия экономическому развитию — влиятельная группа глав корпораций, которых работа в Вашингтоне в период войны научила, что при надлежащем подходе сотрудничество правительства и делового мира — вещь желательная и полезная. Были предложены некоторые временные меры, вроде “солдатского билля”, в котором предусматривались для ветеранов различные льготы, прежде всего с той целью, чтобы отсрочить их вторжение на рынок рабочей силы. В результате политического компромисса в 1946 г. на свет появился закон о безработице, который едва ли отвечал представлениям сторонников полной занятости.

Настроения, что война подошла к концу, достигли своего апогея осенью 1944 г. Росло недовольство ограничениями военного времени, заново обозначались линии соприкосновения для политических баталий. Газеты печатали истории о том, как пароходные компании, доставлявшие грузы в зоны боевых действий, надувают правительство США. Большое жюри привлекло к судебной ответственности фирму “Норден инкорпорейтед”, обвиненную в том, что она сознательно заблокировала производство сверхсекретных прицелов для бомбометания, чтобы сохранить собственную монополию. Многие тысячи рабочих, предвидя скорое окончание войны, покидали предприятия, связанные с выпуском военной продукции, в поисках постоянной работы на послевоенный период. Усилились требования более высокой заработной платы и лучших условий труда, что приводило к таким трудовым конфликтам, как забастовка 1400 рабочих на одном из заводов Нью-Джерси, где прекратился выпуск сферических орудийных башен для бомбардировщиков Б-29.

Военный министр Стимсон жаловался генералу Маршаллу: “Как только приходят известия о наших победах, все хотят надеть пиджаки и уйти с работы. Любопытная особенность наших великолепных людей в США в том, что они вовсе не чувствуют себя участниками войны и не видят необходимости в каких-либо жертвах — ну совсем как дети”³⁷.

Американцы серьезно занемогли усталостью от войны. Раздраженные задержкой с окончательной победой, они шумно требовали возвращения к мирному образу жизни. Одним из сигналов послужило объявление, что Западное побережье больше не считается военной зоной, и, следовательно, американцы японского происхождения могли свободно вернуться в свои дома, из которых их выдворили три года назад. В начале декабря 1944 г. Служба администрации цен отменила нормирование на многие сорта мяса и сократила число талонов, необходимых для приобретения широкого набора продуктов питания и предметов широкого потребления. Но население желало большего. Подобные умонастроения создавали серьезные проблемы для военного производства. Личный состав американских вооруженных сил действовал на пределе своих возможностей; все подразделения, кроме одной дивизии, активно участвовали в боях и испытывали крайнюю нужду в пополнении. Армия превысила санкционированную численность в 7,7 млн человек и уже призывала рабочих, занятых в военной промышленности. Физически пригодных для военной службы мужчин, которых можно было бы призвать в армию, явно не хватало для восполнения боевых потерь.

Немецкое наступление в Арденнах — битва за Бельгию — развеяло все иллюзии. Впервые был разрешен призыв отцов семейств. Подчеркивая серьезность кризиса, директор Управления военной мобилизации и реконверсии объявил 23 декабря о прекращении всяких соревнований, связанных с автогонками, чтобы сберечь топливо и другие необходимые материалы. На другой день, накануне Рождества, когда американцы ощипывали традиционных индеек и готовились жарить неизменную грудинку и запекать окорока, Служба администрации цен возобновила нормирование всех продуктов из говяжьего мяса. Америка с опозданием обнаружила, что война в Европе к Рождеству 1944 г. еще не закончилась.

Рассматривая функционирование американской экономики в последние месяцы второй мировой войны, можно обнаружить много парадоксального. Паническая реакция на наступление в Арденнах и на ожесточенное сопротивление японцев послужили причиной внезапного небольшого бума с военными заказами на всевозможные материалы и технику — от боеприпасов и солдатских ботинок до авианосцев. Ошибки в определении сроков военными, наличие запасов сырья и промышленных товаров, сдерживаемый потребительский спрос — все это чуть было не привело к крушению правительственной программы реконверсии, т.е. перевода военного производства на мирную продукцию. Реагируя на пожелания Конгресса и населения, правительство отменило все виды контроля. Вопреки опасениям серьезной угрозы процветанию и полной

занятости не возникло, однако неурядицы и неувязки в регионах снизили экономические показатели и увеличили темпы инфляции до уровня, которого не знали с 1919-1920 гг. Волна трудовых конфликтов, прокатившаяся по стране, и вновь появившиеся в 1946 г. консервативные тенденции, казалось, поставили под угрозу завоевания Нового курса.

Тот факт, что первые послевоенные месяцы оказались для экономики США довольно мучительными, не должен мешать разглядеть совершенно реальные ее достижения во время второй мировой войны. Америка выполнила свои обязанности, связанные с военным производством. По всем отзывам, американский народ добился невиданного процветания, и созданное богатство разделила более значительная доля населения. Американская экономика не имела себе равных в мире, разоренной войной. Во время войны заметно увеличилось потребление на душу гражданского населения молочных продуктов (за исключением сливочного масла), мяса, птицы, овощей, бобовых и зерновых культур. Потребительские расходы на продовольствие подскочили с 14 млрд до 24 млрд долл., превращая в насмешку различные кампании по сбережению. В начале 1943 г. ощущалась нехватка некоторых сортов говядины, консервированных продуктов и сыра, но это стало следствием скорее повышенного спроса, нежели подлинного устойчивого дефицита.

Распространение переедания было одним из признаков заметного повышения жизненного уровня. Средние еженедельные заработки, с учетом многих часов сверхурочной работы, возросли на 70%. Есть свидетельства, что происходило постоянное, хотя и умеренное, перераспределение доходов. В 1941 г. низшая $1/5$ часть населения получала 13,6%, а высшая $1/5$ — 48,8% от совокупного дохода. Три года спустя эти цифры составляли 15,8 и 45,8% соответственно. Сдвиг в распределении, противоречивший исторически сложившимся тенденциям, положил больше денег в кошельки беднейшей части американского общества³⁸.

Как это произошло в точности, остается открытым вопросом. Ясно одно: “чисто” экономические и стратегические цели часто смешивались с партийной и дворцовой политикой и зависели от нее. Невозможно определить даже приблизительно, сколько различного материала и драгоценного времени было растрчено впустую. По разным оценкам, было выброшено на ветер или сохранялось в виде военных запасов на 6-9 месяцев дольше, чем положено, сырья и других промышленных и продовольственных товаров на 30-50 млрд долл. Во что это обошлось людям, вообще не поддается учету. В одном из недавних исследований утверждалось, что историков и экономистов “ввели в заблуждение сомнительные и вовсе неверные статистические конструкции” и что “процветание военного периода” — это миф, если учитывать сокращение частных инвестиций, внушительную реальную инфляцию, скрытую безработицу. То главное положительное, что принесела война, в действительности относилось к сфере психологии. При наличии рабочих мест для всякого, кто хотел трудиться, и “занятости” в вооруженных силах для

многих, кто не испытывал подобного желания, война “преодолела пессимистический взгляд на будущее, который сложился почти у каждого во время казавшегося бесконечным экономического кризиса”. Скорее вновь обретенная уверенность, а отнюдь не увеличение спроса способствовали послевоенному хозяйственному росту Америки³⁹.

Согласно советам специалистов по истории экономики, страна должна мобилизоваться для войны, разумно увязывая стратегические цели и экономические возможности для удовлетворения военных нужд⁴⁰. Однако экономику США втянули во вторую мировую войну вовсе не соображения стратегического характера и материально-технического обеспечения в самом широком понимании, а краткосрочные реакции на политические и военные осложнения.

Часто говорят, что мифы — это непроверенная правда. Слов нет, история мобилизации Америки на войну полна рассказов и утверждений, которые вполне могут претендовать на статус мифа. Наиболее устойчивым оказался миф об американской мощи, сравнимой с мощью Левиафана — неистощимой и необъяснимой, как сами источники демократии.

¹ Современное определение понятия *Левиафан* включает: 1) морское чудовище, упоминаемое в Библии; 2) любое крупное животное; 3) что-то огромное, гигантское. См.: *The American Heritage Dictionary of the English Language*/Ed. W.Morris. Boston, 1969. P. 752.

² Чарльз С.Майер назвал это “предположительно аполитичной политикой в сфере производства”. См.: *Maier Ch.S. The Politics of Productivity: Foundations of American International Economic Policy after World War II*//International Organization. 1977. Autumn. № 31. P. 607-633.

³ *Milward A S War, Economy and Society. L., 1977. P. ix.* См. также: *Leuchtenburg W E The New Deal and the Analogue of War*//Change and Continuity in Twentieth Century America/Eds. J.Braeman et al. Columbus, Ohio, 1964; *Cuff R. American Mobilization for War 1917-1945: Political Culture vs Bureaucratic Administration*// Mobilization for Total War: The Canadian, American, and British Experience/Ed. N.F.Dreiszigler. Waterloo (Ont.), 1981.

⁴ Поскольку 90% американских компаний использовали менее 300 работников, но выпускали 60% общего объема продукции, рассредоточение контрактов через систему субподрядов было очень велико. В действительности родной город Трумэна, Канзас-Сити, получал достаточно выгодных военных заказов. См.: *Wilson T A. The Truman Committee, 1941*//Congress Investigates/Eds. A.M.Schlesinger (Jr.), R.Bruns 1792-1974. N.Y., 1975. P. 327-349.

⁵ Bureau of the Budget. *The United States at War. P. 28.* См. также: *Kirkpatrick Ch.E. An Unknown Future and a Doubtful Present: Writing the Victory Plan of 1941.* Wash. (D.C.), 1991.

⁶ *Monnet J. Memoires. P., 1976. P. 149-159.*

⁷ По вопросу об администрации военного времени см.: Bureau of the Budget. *The United States at War; Polenberg R. War and Society: The United States. 1941-1945.* Philadelphia, 1972.

⁸ *Vatter The U.S. Economy in World War II. P. 721.*

⁹ *Ueda H.T. et al. The Canol Pipeline Project. Wash., 1977; Wilson T.A The Truman Committee. P. 347-348.*

¹⁰ Brehon B. Somervell to Donald M.Nelson, [draft not sent]. 13 May 1942. Box 62. RG 160. National Archives [NA]. Wash., (D.C.).

¹¹ Роберт Хиггс утверждал, что Вашингтон не ввел “командную экономику” в 1942 г. См.: *Wartime Prosperity? A Reassessment of the U.S.Economy in the 1940's*//Journal of Economic History. 1991. Dec. P. 15.

¹² *Mansfield H. et al.* A Short History of the OPA. Wash. (D.C.), 1947; The OPA Under Review. Report № 18-A (Mar., 1947). Industrial College of the Armed Forces, №8467-7. Combined Armed Research Library, Ft. Leavenworth, Kans.

¹³ *Blum J.M.* V Was For Victory: Politics and American Culture During World War II. N.Y., 1976; *Leff M.H.* The Politics of Sacrifice on the American Home Front in World War II//Journal of American History. 1991. March. Vol. 77. № 4. P. 1296-1318.

¹⁴ *Perret G.* Days of Sadness, Years of Triumph: The American People. 1939-1945. N.Y., 1974. P. 303.

¹⁵ *Vatter.* The U.S.Economy in World War II. P. 92-95.

¹⁶ *Harris S.E.* Price and Related Controls in the United States. N.Y., 1945; *Evans P.* The Effects of General Price Controls in the United States during World War II//Journal of Political Economy. 1982. Oct. Vol. 90 P. 944-966; *Mills G., Rockoff H.* Compliance with Price Controls in the United States and Great Britain during World War II//Journal of Economic History. 1987. Mar. Vol. 47. P. 197-213.

¹⁷ *Vatter.* The U.S.Economy in World War II. P. 102.

¹⁸ Historical Statistics. Pt. 2. P. 1107; Economic Report of the President. 1984. Febr. P. 242.

¹⁹ Robert P.Patterson to Harold Stein. 28 Dec. 1949, Patterson Papers, Library of Congress (LC); см. также: *Nanney J.S., Gough T.J.* Manpower Mobilization for World War II. Wash. (D.C.) 1982.

²⁰ *Eiler K.E.* Robert P.Patterson and U.S.Mobilization in World War II: Lecture at U.S.Army Command and General Staff College, 30 Apr. 1984 (в архиве Т.Уилсона — Ред.).

²¹ Isador Lubin to Harry L.Hopkins, 6 Nov. 1941, Box 37, Lubin Papers. Franklin D.Roosevelt Library (Hyde Park, N.Y.); *Tuttle W.M. (Jr.)* The Birth of an Industry: The Synthetic Rubber Mess in World War II//Technology and Culture. 1981. Jan. Vol. 22. № 1. P. 35-67.

²² *Clark J.G.* Energy and the Federal Government: Fossil Fuel Policies, 1900-1946. Urbana (Ill), 1987. P. 300-301.

²³ *Ibid.* P. 347, 362.

²⁴ *Anderson K.* Wartime Women: Sex Roles, Family Relations and the Status of Women During World War II. Westport. (Conn.), 1981; *Schweitzer M.M.* World War II and Female Labor Force Participation Rates//Journal of Economic History. 1980. Mar. Vol. 41. P. 89-95.

²⁵ *Neuchterlein J.A.* The Politics of Civil Rights: The FEPC, 1941-1946//Prologue. 1978. Fall. Vol. 10; *Glenn N.D.* Changes in the American Occupational Structure and Occupational Gains of Negroes During the 1940s//Social Forces. 1962. Dec. Vol. 41; *Modell J. et al.* World War II in the Lives of Black Americans: Some Findings and an Interpretation//Journal of American History. 1989. Dec..Vol. 76. № 3.

²⁶ *Fearon P.* War, Prosperity, and Depression: The U.S. Economy, 1917-1945. Lawrence (Kans.), 1987. P. 266-268.

²⁷ *Wilcox W.W.* The Farmer in the Second World War. Ames (Iowa), 1947. P. 56.

²⁸ Bureau of the Budget. The United States at War. P. 113-114.

²⁹ О массовом производстве см.: *Perret G.* Days of Sadness, Years of Triumph. P. 174-177; Bureau of the Budget. The United States at War. О ходе работ над атомной бомбой см.: *Rhodes R.* The Making of the Atomic Bomb. N.Y., 1986.

³⁰ *Baxter J.Ph. III.* Scientists Against Time. Boston, 1946; *Redmond K.C.* World War II — A Watershed in the Role of the National Government in the Advancement of Science and Technology// The Humanities in an Age of Science/Ed.Ch.Angoff. Philadelphia, 1968.

³¹ *Vatter.* The U.S. Economy in World War II. P. 60.

³² *Hill L.* Impact of War on an Economic Area: A Case Study//Economic Problems of War/Ed. G.A.Steiner. N.Y., 1942. P. 1-19.

³³ *Vatter.* The U.S. Economy in World War II. P. 15.

³⁴ Сжатое описание конфликта между Управлением экономической войны и "Реконстракшн файненс корпорейшн" см.: The Price of Vision: The Diary of Henry A.Wallace/Ed. J.M.Blum. Boston, 1972. P. 26-29.

³⁵ *Bailey S.K.* Congress Makes a Law: The Story Behind the Unemployment Act of 1946. N.Y., 1950; *Hanby A.* Beyond the New Deal: Harry S.Truman and American Liberalism. N.Y., 1973.

³⁶ Draft Memorandum. Policies for Postwar Full Employment. Harold D. Smith [by Gerhard Colm] to FDR, 6 Oct. 1944., Employment Act Symposium folder, Gerhard Colm Papers, Harry S. Truman Library [HSTL] (Independence, Mo.); J. Weldon Jones to Director, Bureau of Budget, 10 Oct. 1944, PPF 41, FDRL.

³⁷ Henry L. Stimson to George C. Marshall, 6 Dec. 1944, Chief of Staff Folder, Secretary's "Safe" File, RG 196, NA.

³⁸ Historical Statistics (G-319, 320, 323), Pt 1. P. 301. Summarized in: *Vatter*. The U.S. Economy in World War II. P. 142-143.

³⁹ *Eiler K.E* Robert P. Patterson and U.S. Mobilization in World War II. P.19-20; *Higgs R* Wartime Prosperity? A Reassessment of the U.S. Economy in the 1940s"; *Idem*. Crisis and Leviathan: Critical Episodes in the Growth of American Government. N.Y., 1987.

⁴⁰ Судя по книге А.С. Милуорда, в стратегических выкладках США принимались в расчет не столько жертвы, сколько неудобства. См.: *Milward A.S.* War, Economy and Society. 1939-1945. L., 1977. P. 1-3, 19-23.

8. Сотрудничество: 'ТОРГОВЛЯ, ПОМОЩЬ, ТЕХНОЛОГИЯ

Р.Дж.Овери и другие

Во время второй мировой войны союзные державы достигли беспрецедентного уровня экономического и технического сотрудничества. В период войны 1914-1918 гг. также наблюдалась определенная взаимная помощь, но она и отдаленно не напоминала те обширные и систематические программы помощи, которые осуществлялись в 1941-1945 гг. Еще более примечательным является тот факт, что большая часть ресурсов поставлялась без всякой мысли об оплате и ложилась бременем на государство, оказывавшее помощь, и на его население. Так поступали, потому что делиться ресурсами в условиях совместной борьбы с державами "оси" было со стратегической точки зрения только разумно. Экономическое взаимодействие стало ключевым моментом в обеспечении окончательной победы союзников, которое так и воспринималось в то время. Никто из членов коалиции не мог полагаться только на собственную экономику, даже Соединенные Штаты, чьи огромные экономические ресурсы были предоставлены в распоряжение государств, сражавшихся с Германией, Италией и Японией. Без экономического сотрудничества и Великобритания, и Советский Союз стали бы слабее в военном отношении, а угроза поражения более реальной.

Условия войны сделали экономическую помощь чрезвычайно важным фактором. Выживание Великобритании во многом зависело от импорта значительного количества продовольствия, сырья, машинного оборудования и особенно нефти. Начиная с 1941 г. германские подводные лодки угрожали прервать жизненно важные линии снабжения из-за океана. Японское вторжение в Юго-Восточную Азию отрезало Великобританию от главных источников снабжения оловом и каучуком. Помочь с перевозками и снабдить нужными материалами могли только Соединенные Штаты.

В Советском Союзе хозяйственные проблемы были прямыми последствиями германского продвижения в глубь страны в 1941 г., в результате чего немцы захватили сельскохозяйственные и промышленные регионы Западной России и Украины, приспособив их для своих военных нужд. Хотя Советскому Союзу и удалось создать альтернативные источники снабжения за Уралом, потери первых недель войны можно было восполнить только при содействии Америки и Великобритании. Более того, эти потери являлись в то же самое время вражеским приобретением. Баланс мировой экономики сместился в сторону Германии и Японии, поскольку военные успехи позволили им взять под свой контроль богатые ресурсы Европы и Восточной Азии. Соединенные Штаты лишились доступа на важные мировые рынки и были вынуждены больше полагаться на собственный потенциал и использовать возможности Британской империи.

© Р.Дж. Овери

Характер военных технологий также сделал сотрудничество неизбежным. После 1939 г. война стала "индустриализованной", требуя резкого увеличения производства самолетов, грузовых автомобилей, танков, средств связи и судов для успешной борьбы со странами "оси". По мере того как в ходе войны оружие становилось все более сложным, возникла настоятельная потребность в техническом сотрудничестве более высокого уровня. Все лидеры союзников понимали, что современная война базируется на развитой промышленности. "Войну, — заметил Сталин членам миссии Гарримана в 1941 г., — выиграет индустриальное производство"¹. Черчилль и Рузвельт разделяли эту промышленную концепцию войны. Союзники считали экономическое взаимодействие — будь то при ведении экономической войны, предоставлении материальной помощи или при обмене технической информацией — непременным условием эффективной стратегической и военной кооперации.

И все-таки экономическое сотрудничество союзников нельзя рассматривать как нечто само собой разумеющееся. Потребовалось время, чтобы подготовить программу помощи, и она постоянно оставалась предметом трудных переговоров и политических полемик. Взаимодействие достигло высшей точки в 1943-1944 гг. и круто оборвалось в 1945 г. В 30-е и в первые годы войны на экономические отношения будущих союзников сильно влияли протекционистские и эгоистические настроения, которые преобладали и во многом вредили политическим отношениям между этими государствами. В период мирового спада производства и незначительного подъема в 30-е годы хозяйственные связи и торговля между названными странами опустели до низшей отметки. Принятый в Соединенных Штатах закон Джонсона (1934 г.) практически запрещал всякие американские инвестиции в Европе, а высокие тарифы, введенные в 1930 г. в соответствии с законом Хаули-Смута, препятствовали европейскому экспорту. Великобритания стала больше полагаться на ресурсы своей империи, отгородившись протекционистским блоком, созданным в соответствии с оттавскими соглашениями 1932 г. Хотя государственный секретарь США Корделл Хэлл призывал вернуться к более открытой и взаимосвязанной мировой экономической системе, таможенные барьеры между государствами практически не снижались. С началом гонки вооружений и борьбы за контроль над промышленными ресурсами на случай войны позиции только ужесточились и способствовали появлению склонности к хозяйственной автаркии.

До 1941 г. на характер экономических связей Советского Союза с Западом оказывали влияние политические факторы. Западные страны не доверяли и не принимали коммунизм, в котором они видели угрозу капиталистическому строю. Этот страх возрос после кризиса 1929-1932 гг., продемонстрировавшего уязвимость капитализма. В 20-е годы американцы существенно помогли модернизации советской промышленности, но эта помощь резко сократилась в 30-е годы. Западные страны торговали с Советским Союзом лишь по необходимости, чтобы удержать занятость и производство у себя дома на приемлемом уровне. Они неохотно предоставляли кредиты и обставляли торговлю всяческими ограничениями.

После заключения в 1939 г. советско-германского пакта отношения значительно ухудшились. Великобритания ввела эмбарго на экспорт машинного оборудования, а Русско-Американская торговая палата, которая способствовала торговым сделкам, прекратила свое существование². В декабре 1939 г., во время советско-финской войны, американское правительство также установило эмбарго на продажу товаров Советскому Союзу. Великобритания и Франция выработали общий план нападения на советские нефтяные промыслы на Кавказе, чтобы лишить этого важного источника сырья Германию³. Западные государства рассматривали Советский Союз как потенциального противника, снабжающего товарами нацистскую Германию. Советские руководители, в свою очередь, испытывали глубокое недоверие к Западу и его капиталистическим амбициям. В ноябре 1939 г. в Лондон поступило сообщение, что Сталин "желал бы расширить торговлю с Англией, но он с большим подозрением взирает на [британскую] политику"⁴. До самого германского нападения в июне 1941 г. Сталин, как видно, полагал, что Запад главным образом заинтересован в свержении коммунизма, а не в победе над Гитлером.

Если политические конфликты продолжали осложнять отношения с Советским Союзом, то назревшая конфронтация с гитлеровской Германией помогла улучшить экономические связи между Великобританией и Соединенными Штатами. Крупные перемены наступили вслед за Мюнхенской конференцией 1938 г. Британское и французское правительства начали форсировать военные приготовления, чтобы эффективно противостоять Гитлеру в 1939 г. Поскольку собственная индустрия не могла быстро снабдить их всем необходимым, оба государства старались разместить военные заказы в Соединенных Штатах⁵.

Положения законов о нейтралитете, касавшиеся эмбарго на экспорт оружия, США отменили в ноябре 1939 г. Рузвельт понимал, что помимо удовлетворения стратегических интересов, европейские контракты способствуют оживлению американской промышленности и сельского хозяйства; "экономика Соединенных Штатов только выиграет, независимо от того, начнется война в Европе или нет"⁶. Кроме того, военное руководство США связывало производство по заказам Великобритании и Франции с возможностью получения иностранных кредитов, необходимых для расширения американской военной промышленности. Несмотря на сопротивление Конгресса, Рузвельт смог предложить Великобритании и Франции не только сырье и машинное оборудование, но также самолеты, авиационные двигатели и другое военное снаряжение⁷. Единственное условие: с ноября 1939 г. оба государства расплачиваются наличными и сами вывозят свои товары. Весь следующий год Великобритания и Франция держали в Соединенных Штатах специальные закупочные миссии, которые заключали контракты и заботились о транспортировке грузов.

Ситуация в корне изменилась после поражения Франции в июне 1940 г. и изгнания англичан с континента. Соединенные Штаты внезапно столкнулись с возможностью немецкого господства в Европе и поражения европейской демократии. Экономическая помощь Великобрита-

нии уже не являлась лишь способом разрешения внутренних проблем, а стала очень важной для собственной безопасности Америки. 10 июня Рузвельт заявил, что Соединенные Штаты обеспечат союзников материальными ресурсами для борьбы с Германией⁸.

На данном этапе войны Великобритания хорошо понимала, что ей придется, чтобы избежать поражения, все больше и больше полагаться на ресурсы Америки. К концу 1940 г. англичане разместили в Соединенных Штатах заказов на военные материалы и промышленное оборудование на 4,5 млрд долл.⁹. По мнению Черчилля, "для Британской империи вторым по важности — после победы — делом было достижение с Соединенными Штатами согласия в экономической области"¹⁰. Главная трудность, с которой столкнулась Великобритания, касалась оплаты американских поставок. К концу 1940 г. она заключила контрактов на сумму, превышающую ее долларовые резервы. А это означало, что без выработки с Соединенными Штатами других условий платежа Великобритания уже в 1941 г. не сможет ничего купить¹¹.

Решение проблемы британских платежей заложило основы экономического сотрудничества до конца войны. У американского правительства не было выбора: если оно не найдет способа предоставить Великобритании необходимые товары займы или бесплатно, то англичанам придется сражаться, опираясь только на собственные ресурсы, и считаться с возможностью поражения или заключения мира на унижительных условиях. Но прежде чем увеличивать помощь, нужно было хорошенько проанализировать внутренние факторы. В Америке получило широкое распространение мнение, что в действительности Великобритания могла бы заплатить больше, но пытается обманом заставить Соединенные Штаты оплачивать свои военные расходы. Все свидетельствовало о том, что Рузвельт хотел бы расширить помощь Великобритании, но не мог ничего поделать до тех пор, пока положение англичан не стало со всей очевидностью крайне затруднительным.

Поворотный пункт наступил в конце 1940 г. 7 декабря Черчилль направил Рузвельту обширный меморандум, обрисовав перспективы Великобритании на 1941 г.¹². Премьер-министр ясно дал понять, что его страна нуждается в американском содействии в вопросах транспортировки и финансирования, чтобы иметь возможность продолжать войну, и указал, что собственные стратегические интересы Америки являются веским основанием для передачи, а не продажи требуемых ресурсов англичанам.

Рузвельт высказался за какое-нибудь "соглашение об аренде", позволяющее Соединенным Штатам передавать Великобритании займы застрахованные и подлежащие возврату товары¹³. Имея просьбу Черчилля на своем письменном столе, Рузвельт был полон решимости "исключить эти дурацкие долларовые бумажки" из экономических отношений между двумя государствами. 29 декабря 1940 г. он заявил по национальному радио, что Соединенные Штаты должны стать "арсеналом демократии", обеспечивать оружием и материалами все государства, оказывающие сопротивление агрессии. 2 января 1941 г. он поручил министерству финансов подготовить проект закона, который давал прези-

денту право "продавать, передавать, обменивать, сдавать в аренду или ссужать" различные изделия и материалы государствам, втянутым в конфликты, затрагивающие безопасность Америки. Утверждая, что война, которую ведет Великобритания, прямо касается Соединенных Штатов, Рузвельт надеялся заставить замолчать тех критиков, которые считали, что экономическое сотрудничество накладывает определенные финансовые и дипломатические обязательства¹⁴.

Закон о ленд-лизе, вступивший в силу в марте 1941 г., вне всякого сомнения, ознаменовал собою один из поворотных пунктов войны. Призывам Рузвельта к американским гражданам помочь англичанам в их военных усилиях предшествовали жесткие политические баталии. Когда законопроект в январе представили Конгрессу, он вызвал целую бурю политических протестов¹⁵. Чтобы его приняли, требовалось доказать, что Великобритания не в состоянии платить, а Рузвельту нужно было убедить Конгресс в том, что Соединенным Штатам при снабжении других государств оружием, возможно, удастся избежать непосредственного участия в войне. И хотя, по словам Черчилля, закон о ленд-лизе являлся бескорыстным актом, его всегда преподносили американскому народу как средство защиты собственных интересов Америки.

Известие о ленд-лизе обрадовало Черчилля. "...Это равносильно объявлению войны Соединенными Штатами", — заявил он своему личному секретарю в январе¹⁶. Однако этот закон никогда не рассматривался в качестве соглашения с односторонними обязательствами. Рузвельт, правда, не совсем внятно говорил о выработке условий компенсации после окончания военного конфликта; государственный секретарь Хэлл связывал с законом возможность заставить Великобританию и других получателей помощи пойти после войны на реформирование мировой экономики в целях установления более либеральных торговых отношений¹⁷. В конце концов с кислой миной англичане согласились на эту сделку *quid pro quo* (см. ниже).

Меньше споров вызвала экономическая помощь Соединенным Штатам, которую оказывала Великобритания в соответствии с Соглашениями о взаимной помощи, подписанными в сентябре 1942 г. В итоге Великобритания предоставила США свыше 30% поставок, необходимых для высадки войск союзников в Европе, а к концу войны выделяла на взаимную помощь почти такую же долю национального дохода, что и Соединенные Штаты¹⁸.

Сперва ленд-лиз реализовывался временным комитетом под руководством ближайшего советника Рузвельта Гарри Гопкинса. О конкретных поставках Великобритании договаривались с представителями постоянных миссий, обосновавшихся в Вашингтоне; во всех остальных аспектах программу осуществляли как чисто американское, а не союзное предприятие. 28 октября 1941 г. Рузвельт учредил Администрацию по ленд-лизу во главе с крупным бизнесменом Эдвардом Стеттиниусом. В сентябре 1943 г. ее преобразовали в Администрацию по внешней экономике под началом Лео Кроули, которая осуществляла контроль за программой ленд-лиза, за ведением экономической войны и за програм-

мой помощи иностранным государствам. На этом этапе войны поставки по ленд-лизу шли в 35 стран и на них расходовалось 17% от всех военных ассигнований Америки.

Большая часть боевой техники и материалов в соответствии с этой программой приходилась на долю Великобритании, а с осени 1941 г. и на СССР. Нападение Германии на СССР в июне 1941 г. поставило западные страны перед деликатной проблемой содействия советским военным усилиям. Как и раньше в случае с Великобританией, вопрос о помощи Советскому Союзу вызвал горячие споры среди политиков и военных как в Вашингтоне, так и в Лондоне. Черчилль сразу же высказался за предоставление Советскому Союзу всякой мыслимой помощи, независимо от характера сталинского режима. "Мы должны забыть о советской системе или Коминтерне, — заявил он, — и протянуть руку нашим братьям, попавшим в беду". Через несколько дней после начала операции "Барбаросса" Рузвельт тоже объявил на пресс-конференции: "...мы окажем России всю помощь, которая в наших силах". Однако на практике существовало глубокое расхождение между риторикой и реальной действительностью. Прошел целый год, прежде чем в Советский Союз начали поступать военные материалы в значительных размерах¹⁹.

До этого пришлось преодолеть ряд серьезных препятствий. Сам факт германской агрессии не уменьшил сильные антикоммунистические настроения многих западных политиков. Поставки по ленд-лизу Великобритании обосновывались необходимостью защиты слабых ростков демократии. Американскому правительству было трудно использовать аналогичные аргументы в случае с СССР. Чиновник Государственного департамента Брекинридж Лонг в июле записал в дневнике: "Значительное большинство наших людей привыкло считать коммунизм чем-то таким, что нужно подавлять, поскольку он является врагом нашего порядка. Они не понимают, как мы можем становиться в одну шеренгу с ними хотя бы на короткое время"²⁰.

Еще больше трудностей было связано с тем, что в первые недели немецкого наступления и британское, и американское военное руководство предсказывало скорое поражение Советского Союза. В этих условиях выдвигались веские аргументы в пользу сбережения западных военных материалов в предвидении затяжного конфликта. В Соединенных Штатах процесс вооружения только-только начался; было уже не так-то просто убедить американские вооруженные силы поделиться своим добром хотя бы с Великобританией. Помощь Советскому Союзу повсеместно считалась делом второстепенным и со стратегической точки зрения нежелательной, она привела бы, по словам командующего армейской авиацией генерала Арнольда, к "распылению боевых ресурсов"²¹. И наконец, существовала проблема доставки. Уже для Великобритании транспортировка являлась узким местом. Помощь Советскому Союзу требовала переключения части дефицитных транспортных средств на опасные маршруты.

Всем этим объясняется медленное развертывание программы содействия СССР. Вместе с тем имелись и сильные доводы, убеждавшие в

необходимости оказания помощи Советскому Союзу. Существовали опасения, что без экономической поддержки он наверняка потерпит поражение или будет вынужден искать с Гитлером сепаратного соглашения. Рузвельт также не исключал возможности, что при эффективной поддержке Советские Вооруженные Силы могут разгромить германские армии, и Соединенным Штатам не придется создавать крупные контингенты сухопутных войск. Его доверенное лицо Аверелл Гарриман позднее вспоминал, что "главным побудительным мотивом президента Рузвельта в предоставлении любой помощи было желание сделать все, чтобы русские продолжали воевать"²². Решимость Рузвельта помогать СССР, «пока он активно сражается со странами "оси"», расчитила в конце концов путь для выделения крупных средств по программе ленд-лиза²³.

На ранних этапах операции "Барбаросса" в действиях союзников преобладала импровизация. Великобритания и Соединенные Штаты отменили эмбарго на материалы для Советского Союза и ускорили доставку уже обговоренных товаров. Советские руководители с самого начала стремились получать экономическую помощь. 26 июня 1941 г. советский посол в Вашингтоне Константин Уманский подал официальную просьбу; через три дня американское посольство в Москве выслало длинный список советских пожеланий, переданный наркомом иностранных дел Молотовым. Список включал не только широкий набор современных вооружений, но также целые заводы по производству авиационного топлива, легких сплавов, колесных шин и т.д.²⁴ Однако лишь в августе Рузвельт принял окончательное решение и только благодаря твердой уверенности Гопкинса, сложившейся во время посещения СССР в июле, что страна устоит перед натиском немцев. 2 августа Рузвельт объявил, что, хотя условия ленд-лиза и не распространяются на Советский Союз, Соединенные Штаты решили "оказать ему всяческую реально осуществимую помощь". Через две недели сотрудник советского посольства Андрей Громыко вручил список на 29 страницах, уточняющий советские пожелания²⁵.

Американские и британские власти не хотели передавать оружие и снаряжение, не убедившись, что Советский Союз в состоянии их эффективно использовать. Оба западных государства направили в Москву свои миссии под руководством Аверелла Гарримана и лорда Бивербрука. Сталин повторил советские пожелания, но высказал подозрение, что Запад хочет, чтобы "Советский Союз потерпел поражение"²⁶. В итоге трехдневных трудных переговоров был наконец согласован протокол, в котором указывалось все то, что Великобритания и Соединенные Штаты смогут выделить в течение ближайших месяцев до конца июня 1942 г. Существовавшее между тремя государствами недоверие временно заглушили. Когда список утвердили, бывший нарком иностранных дел Литвинов, выполнявший роль переводчика, вскочил с места и воскликнул: "Теперь мы выиграем войну!"²⁷.

Протокол, согласованный на московских переговорах, стал базой для поставок западных товаров Советскому Союзу. В отличие от помощи Великобритании в начале 1941 г. договорились снабжать СССР без

всяких условий. От него не потребовали сведений о запасах иностранной валюты или золота. Невозможно было установить, действительно ли Советы так остро нуждались в заказанном оборудовании, особенно в фабриках и заводах. Однако и Великобритания, и Соединенные Штаты прекрасно понимали, что если они хотели, чтобы Советский Союз продолжал сражаться с Гитлером, то было бы неразумно возводить на пути поставок политические и технические барьеры. Это был, конечно же, правильный вывод, поскольку помощь Советскому Союзу даже при медленном ее наращении способствовала сглаживанию расхождений между двумя сторонами, возникших в силу взаимного глубокого недоверия. Обещание экономического содействия было высказано в самый подходящий психологический момент — немцы повели наступление на Москву. Через месяц после московской встречи Рузвельт обязался выделить на оказание помощи 1 млрд долл., а 7 ноября 1941 г. наконец согласился снабжать Советский Союз по программе ленд-лиза²⁸. СССР, безусловно, не боролся во имя демократии в американском понимании, однако Рузвельту удалось убедить Конгресс в том, что помощь России имеет "жизненно важное значение для безопасности Соединенных Штатов". На данном этапе общественное мнение в Америке изменилось в пользу такой помощи, то же самое произошло в Великобритании. Проведенный в октябре в Америке опрос общественного мнения показал, что 73% высказались за совместную с СССР борьбу против Германии²⁹.

Программы помощи Советскому Союзу действовали иначе, чем англо-американская система взаимной поддержки. В Великобритании советские поставки контролировались Администрацией союзных поставок, созданной в октябре 1941 г.³⁰. В Соединенных Штатах поставки определялись специальным протоколом, который ежегодно согласовывался в ходе переговоров между обеими сторонами. Протокол устанавливал максимальные объемы товаров и материалов, которые США могли выделить и которые не обязательно соответствовали запросам Советского Союза; кроме того, соглашение не гарантировало, что эти товары и материалы непременно будут доставлены. После передачи оборудования и техники СССР западные государства уже не могли контролировать их использование. Советские органы считали эти предметы своей собственностью; они отвергали практически все английские и американские предложения относительно технического содействия использованию помощи и оставляли без ответа их запросы о порядке ее тактического или экономического применения.

В случае и с Советским Союзом, и с Великобританией потребовалось значительное время, чтобы программа ленд-лиза заработала в полную силу. До Пёрл-Харбора большая часть поставок в Великобританию все еще оплачивалась ею наличными. Из 2400 американских самолетов, переданных англичанам в 1941 г., только 100 было направлено по программе ленд-лиза. Во время ожесточенных боев в 1941 г. на Восточном фронте Советский Союз получил из Америки лишь 140 самолетов и 180 танков. Снабжение из Великобритании было приостановлено из-за кризисной военной обстановки в Северной Африке; с великой нео-

хотой британское военное руководство согласилось передать самолеты и другие материалы на советский фронт³¹. В значительном объеме поставки по ленд-лизу в Великобританию и СССР стали обеспечиваться в 1943 и 1944 гг. Основная масса американских поставок включала готовое оружие, грузовики, военную технику, а также значительное количество продовольствия, сырья и промышленного оборудования. Данные об общих поставках по ленд-лизу и категориях материалов и изделий приведены в табл. 1.

Помощь по ленд-лизу Великобритании была более значительной, чем Советскому Союзу. Подробнее эти вопросы рассматриваются в главах 5-й и 6-й, а здесь дается лишь общая картина. В 1941 г. по линии ленд-лиза Британское Содружество получило 2,4% от общих поставок боевой техники и военных материалов. В 1943 г. эта цифра уже равнялась 24, а в 1944 г. 27%. Почти пятая часть всех вооружений, использованных Великобританией во время войны, была получена по программе ленд-лиза.

Таблица 1
Поставки по ленд-лизу в Великобританию и Советский Союз
А. В Британское Содружество

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Всего в млн долл. 30,073	1082	4757	9031	10706	4347
В %:					
Самолеты (21,0)	2,0	17,0	18,8	23,6	27,7
Перевозки (12,0)	14,1	8,5	17,9	9,3	9,2
Огнестрельное оружие и боеприпасы (10,8)	7,8	15,4	12,1	9,0	7,8
Транспортные средства (13,5)	6,7	9,5	17,0	14,6	9,4
Другое военное имущество (7,1)	1,1	2,3	4,5	11,0	10,2
Все военное имущество (64,4)	31,7	53,6	70,3	67,5	64,3
Продовольствие (12,2)	29,7	14,3	9,5	11,7	12,7
С.х.товары (2,9)	8,0	3,2	2,4	2,4	3,7
Металл (4,8)	9,3	6,4	4,9	3,5	5,4
Маш.оборуд. (3,1)	2,4	4,2	3,4	2,7	2,6
Пром. товары (1,8)	1,5	2,7	1,1	1,8	2,4
Услуги (10,8)	17,9	15,5	8,4	10,6	9,0

Б. В Советский Союз

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Всего в млн долл. 10670	20,0	1376	2436	4074	2764
В %:					
Самолеты	-	22,4	17,4	16,3	12,7
Огнестр.оружие и боеприпасы	-	15,8	12,8	5,6	2,6
Танки	-	13,1	2,6	4,9	4,0
Др. транспортные средства	-	11,0	14,1	14,7	19,3
Перевозки	-	0,8	3,2	2,5	2,1
Все военное имущество	20	63,2	49,9	43,8	40,7
Пром.товары	80	23,1	29,6	39,3	39,5
С.х.продукты	-	13,7	20,5	16,9	19,8

Источник: *Hall H.D. North American Supply. L., 1955. P. 430; Harrison M. Soviet Planning in War and Peace. 1939-1945. Cambridge, 1985. P. 258-259.*

Снабжение Советского Союза боевой техникой и военным имуществом выглядело скромнее, хотя поставки по ленд-лизу самолетов (см. главу 6-ю) были довольно существенными — пятая часть от общего парка истребителей военного периода³². Правда, что касается продовольствия и промышленного оборудования, то в этих категориях ленд-лиз имел важное значение для советских военных усилий. В 1943-1944 гг. промышленные изделия составили около 40% от общего объема поставок и включали 2,8 млн т стали, 2,6 млн т нефтехимических продуктов, 15 млн пар ботинок; кроме того, Соединенные Штаты передали СССР по программе ленд-лиза 4478 млн т продовольственных товаров³³. Машины и заводское оборудование помогли Советскому Союзу наладить собственное производство вооружений и военных материалов и меньше зависеть от нерегулярного морского снабжения. Направленное по ленд-лизу продовольствие позволило компенсировать потерю $\frac{3}{5}$ сельскохозяйственных угодий и $\frac{2}{3}$ запасов зерна, а также призвать в армию и мобилизовать для работы в военной промышленности больше крестьян. Между тем в 1944 г. около 40% всех поставок, направленных через Дальний Восток, было сосредоточено в Сибири для последующего использования в войне против Японии³⁴. Отсюда следует, что на данном этапе войны советское руководство уже в меньшей степени зависело от ленд-лиза.

От СССР западные союзники получили мало существенного. Взаимная помощь никогда не фигурировала в качестве условия в соглашениях с советскими лидерами. Американские чиновники подсчитали в конце войны, что советский "обратный ленд-лиз" не превысил 2 млн долл.³⁵. Но что касается Великобритании, то и Вашингтон, и Лондон были уверены, что при малейшей возможности англичане на правах взаимности всегда окажут США посильную помощь, прежде всего в снабжении американского воинского контингента, дислоцированного в Великобритании и в различных частях Британской империи. Особенно важное место во взаимных поставках занимали нефть и нефтепродукты. Соединенные Штаты предоставили Великобритании нефти на 2,1 млн долл., главным образом через порты восточного побережья, а Великобритания, в свою очередь, поставила американским войскам в средиземноморском регионе нефти на 1,8 млн долл. в основном с нефтяных месторождений Среднего Востока. Данные о помощи Великобритании Соединенным Штатам приведены в табл. 2.

До 1943 г. Соединенные Штаты расплачивались за поступающие из Британской империи продовольствие и сырье долларами, но в ноябре этого года Великобритания согласилась снабжать их производимой в империи продукцией (чай, сизаль, пальмовое масло, какао и др.) в качестве непосредственной помощи. К апрелю 1945 г. по новым условиям было передано товаров на 164 млн долл. На протяжении войны Соединенные Штаты выделили 4% от объема своего производства для помощи Великобритании по программе ленд-лиза, а встречный поток составил 3% от объема британского производства³⁶.

Общие цифры поставок и взаимной помощи не раскрывают различных фазы, через которые прошла программа ленд-лиза, и те политичес-

Таблица 2
Помощь Британского Содружества Соединенным Штатам в 1941-1945 гг.
 (в млн долл.)

Из Соединенного Королевства	5 667	Из Австралии	1041
в том числе:		Из Новой Зеландии	248
суда и строения	910	Из Южной Африки	1
военные склады	2 014	Из Индии	610
нефть	1 187		
услуги	1 195		
другие товары	361		
Общий итог		7 567	

Источник: *Hall H.D. North American Supply. P. 432.*

кие и экономические проблемы, которые в связи с ней возникали. Одна из главных проблем, сильно задевавших и Советский Союз, и Великобританию, — значительный промежуток времени между конкретным обещанием и фактическим предоставлением нужных стратегических материалов. В какой-то мере подобная ситуация явилась результатом трудностей, связанных с постепенным переводом промышленности США с гражданского на военное производство. Потребовалось от 18 месяцев до 2 лет, чтобы начатая в 1940-1941 гг. новая инвестиционная политика стала приносить реальные плоды.

Существовали причины и военного характера. По мере приближения Соединенных Штатов к прямому участию в войне в 1941 г. военное руководство требовало приоритетного обеспечения американских вооруженных сил. На начальных стадиях ленд-лиза каждую крупную партию грузов отправляли, преодолевая сильное сопротивление военных. Кроме того, в 1941-1942 гг. американские войска стремились взять на вооружение более современные виды оружия, что мешало выпуску устаревших моделей вооружений, предназначенных во многих случаях для Великобритании. Военное руководство США, будучи в затруднительном положении, естественно, старалось сбить за границу старую технику и военные материалы, оставляя для американских вооруженных сил новые образцы. По этой причине первые поставки по ленд-лизу включали типы вооружений, которые значительно уступали германскому оружию и, следовательно, приносили мало пользы³⁷. Особенно это относилось к английскому оружию, которое советские военные специалисты считали — обоснованно или нет — хуже американского и немецкого.

Однако из всех проблем, препятствовавших своевременной крупномасштабной помощи, ни одна не была столь важной, как проблема транспортировки грузов. В 1941 г. оказалось невероятно трудно удовлетворить даже минимальные потребности англичан. Что касается Советского Союза, то к нему не существовало ни одного достаточно безопасного морского пути, а перевозки по суше через Иран стали возможны лишь позже, когда наладили устойчивое железнодорожное сообще-

ние. Основную массу грузов приходилось завозить морскими караванами под постоянной угрозой нападения германских подводных лодок и воздушных бомбардировок. После декабря 1941 г. почти все перевозки на Тихом океане осуществлялись Соединенными Штатами.

В октябре 1941 г. советское руководство заявило о необходимости регулярно ежемесячно выделять для поставок в порты Архангельска и Владивостока транспортные суда общим водоизмещением в 440 тыс. т, из которых 90 тыс. т составляли бы долю Советского Союза³⁸. Остальной тоннаж предстояло изыскать англичанам и американцам; по этой причине в 1941-1942 гг. в снабжении СССР часто возникали перебои. Только после разгрома немецкого подводного флота в 1943 г. и перехода к обширной американской программе перевозок в том же году стало возможным своевременно выполнять обязательства по поставкам. Но к тому времени грузы уже шли по более безопасному дальневосточному маршруту или по железной дороге, построенной американскими инженерами в Иране³⁹.

Советский Союз объяснял все эти задержки политическими причинами. Американские дипломаты предупреждали Вашингтон, что советское руководство по-прежнему скептически оценивает добрую волю Запада. Поэтому Рузвельт старался изо всех сил, чтобы американский политический и военный истеблишмент уяснил себе всю важность помощи Советскому Союзу и отвел ей приоритетное место. Однако мало что можно было сделать в 1942 г. в период особой активности немецких подводных лодок, когда союзные судоверфы не успевали восполнять огромные потери в транспортных судах.

Осенью того года серьезный кризис с перевозками существенно замедлил доставку с Запада материалов и оружия и временно приостановил движение по морю до Архангельска. Народный комиссар торговли СССР заявил, что "нехватка техники и боеприпасов катастрофически отражается на стратегических планах Красной Армии", и обвинил американцев в близоруком непонимании того, что "американские интересы защищаются на русском фронте"⁴⁰. В конце концов Сталин лично попросил Рузвельта придать поставкам в СССР первостепенное значение. И вновь личное вмешательство президента помогло улучшить снабжение. С января по октябрь 1942 г., когда Сталин обратился к президенту, в среднем ежемесячно передавалось военных материалов и других товаров на 99 млн долл.; в последующие шесть месяцев эта сумма достигла 193 млн. К лету 1943 г. кризис в перевозках был преодолен и поток грузов в СССР возрос до ежемесячной средней суммы в 300 млн долл., оставаясь на этом уровне до конца войны с Германией.

Возникали разногласия по поводу приоритетов и порядка снабжения также между Соединенными Штатами и Великобританией, но в данном случае причины были связаны с экономической политикой обоих государств. Американские официальные лица, особенно в Государственном департаменте и в министерстве финансов, с подозрением взирали на британскую коммерческую политику и практику. Они не хотели, чтобы ленд-лиз воспринимался как нечто само собой разумеющееся и исполь-

зовался англичанами в качестве средства спасения собственной экономики за счет американских экспортеров.

Летом 1941 г. в Соединенных Штатах пошли разговоры, что Великобритания, опираясь на снабжение по ленд-лизу, увеличивает свой экспорт в другие страны и что бесчестные британские посредники торгуют американскими товарами⁴¹. В конце июля 1941 г. американские власти стали настаивать, чтобы британское правительство официально гарантировало использование товаров, полученных по ленд-лизу, только на цели, связанные с собственными военными усилиями. Хотя англичане и уверяли в своей невиновности, гарантии они все же дали. 10 сентября в Лондоне была опубликована Белая книга, в которой содержалось обязательство существенно ограничить экспорт тех видов товаров, которые поступали в Великобританию по ленд-лизу, а также аналогичных изделий, приобретаемых на свободном рынке или изготавливаемых из материалов, которые считались дефицитными в Соединенных Штатах⁴². В результате англичане сами наложили на себя запрет, значительно ограничивший их торговлю в период войны и открывший рынки сбыта для американского проникновения. В военное время британский экспорт сократился наполовину по сравнению с довоенным, а американский увеличился в три раза.

Великобритания могла себе позволить подобную уступку, поскольку снабжение по ленд-лизу освобождало от необходимости что-то экспортировать, чтобы на вырученные средства приобрести нужные для войны материалы. Американские поставки позволили британской обрабатывающей промышленности сосредоточиться на выпуске военной продукции и не расходовать мощности на изготовление товаров для экспорта или внутреннего потребления. Британское правительство не могло лишь смириться с использованием программы ленд-лиза для того, чтобы вынудить его согласиться с послевоенным экономическим порядком на американских условиях.

Но американское руководство жаждало не только ограничить британский экспорт военного времени, но и заручиться обещанием, что после войны англичане будут вместе с Америкой работать над восстановлением свободного мирового рынка и либеральной торговой политики. Эта цель была зафиксирована в проекте Основного соглашения о ленд-лизе, представленном англичанам летом 1941 г. Лондон направил для выработки окончательных условий экономиста Джона Майнарда Кейнса. Камнем преткновения являлась статья 7 соглашения, в которой говорилось о содействии свободной торговле. Кейнс заявил, что американцы "желают невозможного", и дал понять, что англичане не исключают возможности возвращения после войны к контролируемым протекционистским блокам⁴³. Американская сторона сразу же отвергла подобную точку зрения. По мнению Дина Ачесона, "наши усилия в масштабах программы ленд-лиза обязывают англичан продолжать добросовестно участвовать в выработке планов на будущее..."⁴⁴.

В течение последующих шести месяцев британское правительство медлило. Министры кабинета с имперским мышлением и сам Черчилль не хотели отказываться от права сохранить имперские преференции —

главный элемент британской протекционистской системы. Англичане опасались, что подобный отказ приведет к дезинтеграции империи и к господству Америки. Только после настоятельного предупреждения Рузвельта, который в феврале 1942 г. заявил, что или англичане подпишут соглашение о ленд-лизе, или им придется считаться с негативными последствиями, Великобритания уступила. Она не могла себе позволить лишиться американских поставок и 23 февраля подписала предложенный проект Основного соглашения. Точную интерпретацию статьи 7 и дискуссии по этому вопросу отложили на более позднее время⁴⁵.

Англичане посчитали все это равнозначным экономическому шантажу, но у американцев имелись причины для подобных действий. Во-первых, государственные и политические деятели США в одинаковой степени подозревали, что англичане — довольно хитрые дельцы в сфере международной коммерции. В одном из докладов сената в 1943 г. указывалось на различия между британскими ("ловкие, напористые, но патриотично настроенные") и американскими чиновниками ("наивные и неопытные")⁴⁶. Во-вторых, американская администрация и общественность не желали повторения ситуации первой мировой войны с ее невозвращенными военными долгами. Им нужна была уверенность, что на этот раз война закончится на американских условиях. И наконец, не следовало забывать, что ленд-лиз являлся, хотя и не совсем бескорыстным, однако совершенно беспрецедентным в истории США актом. Рузвельту постоянно приходилось прилагать известные усилия, чтобы обеспечить программе поддержку в Конгрессе. О необходимости подобной заботы свидетельствует поспешное аннулирование ленд-лиза в 1945 г. Уступки англичан существенно облегчили Рузвельту эту задачу.

Однако полемика по политическим и экономическим проблемам не оказывала чересчур серьезного влияния на движение товаров в различные уголки земного шара. Ленд-лиз остался тем, что сенатор Ванденберг назвал "центральным звеном в цепи международного сотрудничества во имя победы"⁴⁷. Без этой программы британские и советские военные усилия заметно бы сузились, а способность Великобритании продолжать сражаться и после 1941 г. оказалась бы более чем сомнительной. В условиях подобных реальностей трения и подозрительность среди союзников всегда считались делом второстепенным.

Совместное производство стало одним из ключевых факторов, определявших успех коалиции. С вступлением Америки в войну появились убедительные доводы в пользу объединения ресурсов и производства государств-союзников. Таким путем можно было бы избежать излишнего дублирования принимаемых мер, рациональнее использовать дефицитные материалы и людские ресурсы. Совместное производство соответствовало бы стремлению создать общие стратегические и планирующие организации. На практике, однако, удалось добиться лишь очень ограниченной интеграции национальных экономик, хотя Америка показала себя более чем готовой поделиться своей продукцией с союзниками. Несмотря на создание особой структуры для руководства совместным планированием и производством, настоящего объединения усилий

на этом поприще так и не произошло. Имелась координация планов, но никакого систематического совместного производства. Подобные идеи уходили своими корнями в дискуссии 1941 г. относительно потребностей американских и британских вооруженных сил для победы над Гитлером.

Глава Британского совета снабжения в Вашингтоне (организация, осуществлявшая руководство всеми закупочными миссиями в Соединенных Штатах) хорошо понимал, что английская стратегия в 1942 г. зависела от того, что именно оба государства смогут произвести, и он начал подсчитывать существующие запасы и планы производства на будущее, чтобы яснее представить себе общую картину. Назначенный в Вашингтоне на пост военного министра Генри Стимсон стал в 1941 г. большим энтузиастом планирования как надежного средства убедить Конгресс проголосовать за крупные кредиты на перевооружение. В начале сентября наконец-то был подготовлен сводный доклад (так называемый "баланс Стимсона") о фактических и потенциальных возможностях производства вооружений в Великобритании, Канаде и Соединенных Штатах⁴⁸. Цифры помогли вскрыть весьма тревожное обстоятельство: англо-американское производство едва удовлетворяло потребности будущих стратегических замыслов Великобритании. Почти ничего не останется для СССР или для вооружения американских сухопутных войск и военно-воздушных сил. Проблема, стоявшая перед британскими специалистами планирования и их американскими коллегами, заключалась в том, чтобы убедить администрацию Рузвельта в необходимости начать осуществление программы крупномасштабного военного производства еще до того, как Америка вступит в войну.

В сентябре 1941 г. были проведены двусторонние переговоры с целью выработки "программы победы". Это стало решающим шагом на пути к более тесному экономическому сотрудничеству, поскольку в конце концов подтвердилась американская приверженность идее общих производственных усилий. Важную роль это сыграло также для войны в целом, ибо во время переговоров американские власти осознали, что только американская, задействованная на полную мощь промышленность в состоянии изготовить все то вооружение, которое необходимо для победы над странами "оси". Поэтому в программу планирования включили поставки для Великобритании и СССР. К тому времени, когда Америка в декабре 1941 г. вступила в войну, большая часть предварительной подготовительной работы по экономическому планированию была уже выполнена. 6 января 1942 г. Рузвельт представил Конгрессу гигантскую программу промышленного производства⁴⁹.

Вступление США в войну сделало возможным образование официального механизма экономического сотрудничества, что было выгодно для обеих сторон. Во-первых, это соответствовало стремлениям создать общую структуру стратегического и военного планирования. Обе стороны хорошо понимали, насколько тесно взаимосвязаны между собой такие факторы, как военная стратегия и обеспеченность оружием. Во-вторых, это позволило американцам увидеть, какие жертвы обе стороны приносили на алтарь войны, и осознать, что, как позже сказал Рузвельт, "ни одно государство не может разбогатеть за счет военных

усилий своих союзников”⁵⁰. Соединенные Штаты желали поровну распределить тяготы войны, хотя абсолютное количество вооружений, изготовленных в США, намного превосходило то, которое выпустил любой из союзников. И наконец, каждая сторона имела нечто нужное партнеру. Америка снабжала Великобританию оружием, которое та не могла сама произвести; Британская империя располагала сырьем, необходимым для американской военной индустрии.

Первые практические шаги были сделаны именно в сфере сырьевого обеспечения. В середине декабря 1941 г. по инициативе Рузвельта собралась конференция для изучения вопроса о том, “как лучшим образом использовать мировые запасы сырья для победы над Гитлером”⁵¹. В январе 1942 г. договорились учредить ряд совместных советов, которым поручалось заниматься не только сырьем, но и его транспортировкой. 26 января 1942 г. были созданы Объединенный совет по сырью и Объединенный совет по транспорту, укомплектованные представителями обеих сторон, тесно связанными со снабженческими и транспортными органами своих правительств.

Англичане хотели бы еще сформировать и какой-нибудь общий совет, где решались бы вопросы производства и распределения вооружений. Американские официальные лица с меньшим энтузиазмом отнеслись к этой идее, отчасти потому, что сразу же возникали проблемы юрисдикции и суверенитета, а также потому, что они не видели причин, почему Великобритания должна на равных решать судьбу оружия, изготовленного в основном в Америке. В конце концов 9 июня 1942 г. был образован Объединенный совет по производству и ресурсам, которому поручили выработать “единую интегрированную программу, отвечающую стратегическим требованиям войны”⁵². Однако вопрос о том, какими правами этот совет обладал по отношению к другим советам и гражданским организациям обеих стран, так никогда и не был до конца урегулирован. То же самое можно сказать и об Объединенном совете по продовольствию, созданном 9 июня 1942 г. на базе англо-американского комитета, который возник еще в 1941 г. для решения вопросов, связанных с производством и распределением американского продовольствия⁵³.

Эти советы были учреждены в ответ на распространившееся в Вашингтоне и Лондоне мнение, что у союзников теперь “общий фонд” материальных ресурсов. Однако на практике деятельность Объединенных советов оказалась более умеренной, чем поначалу надеялись. Они так и не получили исполнительных полномочий или управленческих прав. Окончательные решения всегда принимали властные органы каждого государства, ведающие снабжением, производством и перевозками. Главная задача советов состояла в том, чтобы регулярно предоставлять точную информацию о производственных планах и потребностях обоих государств, выявлять узкие места и давать рекомендации по их устранению, выработать временные соглашения по конкретным вопросам, которые не могли быть разрешены через другие каналы. Советы служили наглядным доказательством совместных усилий и посто-

янно напоминали о том, что ни одна из сторон не действовала в изоляции. В этом было их главное назначение.

Существовали очевидные причины ограничения экономического сотрудничества. Ни одно из государств не желало полностью утратить самостоятельность в вопросах использования собственных хозяйственных ресурсов. В докладе американскому Объединенному комитету начальников штабов в 1943 г. прямо указывалось, что "контроль над производственными мощностями каждого государства остается в руках этого государства, как и право определять, что и сколько предприятия должны произвести..."⁵⁴. На практике экономическое сотрудничество союзников осуществлялось большей частью через организации ленд-лиза, которые, как правило, действовали в обход советов, а вопросы распределения боевой техники и военного имущества решались в структурах, сформированных для военного взаимодействия. Значительная доля экономического сотрудничества выражалась в форме непосредственных переговоров между государственными органами, обладавшими правом принимать решения. Что касается сырья, то британское министерство экономической войны и американское Управление экономической войны заключили между собой соглашение о приобретении и транспортировке дефицитных материалов. В вопросах снабжения продуктами питания американские власти часто игнорировали Объединенный совет по продовольствию и продолжали договариваться непосредственно с британскими властями.

Развитие "общего фонда" сдерживалось также в силу неравноправного характера отношений между двумя сторонами. Великобритания всегда в большей степени зависела от Соединенных Штатов, и это обстоятельство вынуждало ее чаще выступать в роли просителя, чем поставщика. Соединенные Штаты почти не пользовались британской военной продукцией, а после преодоления в 1942 г. сырьевого дефицита поток военной техники, снаряжения, продовольствия и других товаров сделался фактически односторонним. И если англичанам позволяли участвовать в обсуждении экономических вопросов, то исключительно благодаря их опыту, накопленному за первые два года войны, которым они охотно делились со своими американскими коллегами. Чтобы добиться благоприятных для Великобритании решений по наиболее важным вопросам, англичане были вынуждены действовать через политические каналы. Американские военные придерживались мнения, что на первом месте стояло обеспечение собственных вооруженных сил. Получение дополнительной партии грузов англичанам приходилось всякий раз обосновывать стратегической необходимостью, и это делало военную стратегию заложницей американской доброй воли.

Подобная напряженность являлась следствием глобальной войны. В 1941 г. планирующие органы не предвидели настоящих боевых действий на Тихом океане. Победы Японии в начале 1942 г. опрокинули все предварительные расчеты как в снабжении, так и в стратегии, и к концу этого года с японцами сражалось больше американских войск, чем с европейскими странами "оси". Проблемы материально-технического обеспечения в связи с войной на Тихом океане отодвинули на второй

план потребности англичан, прежде всего в районе Средиземного моря⁵⁵.

Вопросы сотрудничества стояли особенно остро в 1942 г. В летние месяцы американская армия сократила обещанное ранее Великобритании количество военных поставок. Лондон посчитал данное обстоятельство настолько важным, что направил в Вашингтон министра производства Оливера Литтлтона для прямых переговоров с американским правительством. Во время визита в октябре было выработано так называемое соглашение Уикса – Сомервелла, в соответствии с которым Соединенные Штаты должны были передать техники и военных материалов на 25% меньше того, что запросили англичане, однако гарантировали поставки остальных 75% в любом случае.

Договорились также о распределении продукции авиационной промышленности и по важным вопросам транспортировки⁵⁶. Дважды — в 1941 г. и осенью 1942 г. — Черчилль лично обращался к Рузвельту с просьбой выделить больше судов для атлантических перевозок. Оба раза, учитывая чрезвычайное положение, шли навстречу пожеланиям англичан, и на протяжении всей войны Великобритания зависела от американских транспортных средств, а также от готовности политиков США удовлетворить ее потребности. В другом случае англичане признали целесообразность концентрации производства транспортных самолетов и танков в США, поскольку это позволяло сберечь значительные средства, но и тогда британцы остались в невыгодной позиции просителя.

Хотя производство так и не стало по-настоящему совместным, тем не менее между Великобританией и США существовало довольно тесное взаимодействие при определении целей производства и его приоритетных направлений, приобретении и транспортировке грузов. Просьба СССР о включении его в комиссию по экономическому снабжению, высказанная в 1941 г., была отклонена Западом и больше не возобновлялась⁵⁷. Проблемы, связанные с обеспечением Советского Союза военными материалами и техникой, разрешались в ходе переговоров на самом высоком политическом уровне. С 1941 г. советские заявки регулярно включались в программы и планы западных государств. В данном случае "совместное производство" свелось по сути к дискуссиям относительно распределения американской продукции. В известном смысле решающим фактором экономических усилий союзников был не ленд-лиз, а восприятие американцами своей роли как союзнического арсенала и готовность США позволить Великобритании участвовать в планировании и управлении. Хотя сотрудничеству и были присущи недостатки, оно все же было намного предпочтительнее экономической изолированности друг от друга, свойственной странам "оси".

Экономическое взаимодействие во время войны поневоле подталкивало к техническому и научному сотрудничеству. В первую очередь это было связано с поставками Советскому Союзу станков и другого оборудования, что повысило технический уровень советских военных предприятий. Однако официального соглашения об обмене технической

и научной информацией в период войны не существовало, и сотрудничество в научной сфере практически не выходило за рамки совместного вклада в создание атомного оружия.

Между тем и англичане, и американцы уже в 1940 г. осознали, что у каждой стороны имеются научные исследования и технические разработки, полезные другой стороне, и что нет никаких веских оснований не обмениваться ими. Значительная степень открытости между двумя государствами отражала усиливавшееся чувство партнерства и признание того факта, что каждый располагал чем-то нужным другому. Упор в Великобритании на развитие военной технологии, который отмечался с 1939 г., позволил ей в некоторых областях обогнать американскую науку; ликвидировать этот разрыв в короткие сроки можно было только в случае готовности англичан предоставить США соответствующие образцы.

В июне 1940 г. Великобритания передала для производства в Америке авиационный двигатель “Мерлин” фирмы “Роллс-Ройс”. В сентябре в Соединенные Штаты во главе научной миссии выехал британский ученый Генри Тизард, чтобы сообщить американским исследователям секретные данные об английских радиолокаторах, зенитных установках и противолодочных устройствах, а также о многорезонаторном магнетроне, который использовался в 10-сантиметровой радиолокационной установке. В свою очередь, США вручили британской миссии бомбардировочный прицел “Сперри” и информировали об американских работах по радарной технике⁵⁸.

С 1940 г. и до конца войны оба государства активно сотрудничали и обменивались научно-технической информацией. И в Вашингтоне, и в Лондоне образовали Главные научные управления для координации усилий по техническому развитию. Единственное исключение составляла ядерная программа, вызывавшая многочисленные споры и взаимную подозрительность. Решение попытаться создать атомную бомбу первой приняла Великобритания, где в апреле 1940 г. сформировали комитет “Мауд” для надзора за ходом исследований. В июле 1941 г. комитет доложил, что идея такой бомбы практически осуществима. Почти в то же самое время американские ученые пригласили британскую научную группу к совместной работе по исследованиям урана. В октябре Рузвельт предложил Черчиллю объединить усилия обоих государств в освоении атомной энергии. Англичане отказались на том основании, что в Америке секреты могут просочиться наружу, и продолжали действовать в одиночку.

Летом 1942 г. ситуация круто изменилась. Американцы опередили англичан; кроме того, огромные затраты, связанные со строительством соответствующего производственного комплекса, заставили Великобританию искать помощи у США. На этот раз отказали американцы, опасаясь, что англичане могут использовать секретные данные, чтобы за счет Америки подготовиться к применению атомной энергии в коммерческих целях в мирное время. Только после того, как Черчилль в 1943 г. на конференции в Квебеке дал твердые гарантии, что Великобритания так не поступит, английских ученых допустили к совместным

исследовательским работам, но не к строительству самого производственного предприятия.

Обе стороны думали о послевоенном времени. Великобритании все больше тревожило, что после войны она может оказаться единственной великой державой без ядерного оружия, а американцев беспокоило, что случится с их планами относительно нового мирового порядка, если другие государства будут иметь атомную бомбу. Сталину сообщили о новом оружии только в июле 1945 г., после успешного испытания, но он не выразил удивления (см. главу 6-ю). Советский атомный проект начал осуществляться под руководством Игоря Курчатова с конца 1942 г., а демарш Трумэна лишь побудил ускорить работы⁵⁹.

Уровень научно-технического сотрудничества с Советским Союзом был значительно ниже (см. главу 4-ю). До известной степени это явилось следствием политического недоверия и коммерческих соображений. Когда от Советского Союза в июне 1941 г. поступила просьба об экономической помощи, то она сопровождалась особым желанием получить секретную военно-техническую информацию, а для советских инженеров — доступ на американские военные предприятия. Власти США не дали общего согласия, но разрешили предоставить документы, необходимые для правильной эксплуатации переданных в порядке помощи оборудования и боевой техники⁶⁰. Американские военные опасались, что секреты попадут в руки третьей стороны. В последующем ходе войны в США сформировалось сильное политическое лобби, выступавшее против оказания Советскому Союзу помощи, если окажется, что она используется для поставки дешевых советских товаров на мировой рынок⁶¹. Но ничто не смогло воспрепятствовать передаче современного военного снаряжения и станков, хотя все, что отсылалось, тщательно контролировалось. Предложения о направлении американских технических специалистов для содействия в установке и отлаживании оборудования, как правило, отклонялись. Советские власти рассматривали это как проявление неверия в способности советских специалистов; вместе с тем тот факт, что американских инженеров не пускали на советские промышленные предприятия, в значительной мере способствовал ухудшению отношений между двумя сторонами.

Из СССР также поступало очень мало технической информации. На переговорах относительно взаимного обмена сведениями, касавшимися производства синтетического каучука, советские представители игнорировали обещанную ранее советскую техническую помощь⁶². Проблемы, связанные с урегулированием процесса обмена технологиями между тремя союзниками, побудили англичан в конце 1943 г. призвать к выработке трехстороннего соглашения относительно передачи технической информации и военных секретов. Однако ни американские, ни советские власти не стремились к достижению специальных договоренностей, и предложение принято не было⁶³. США предоставляли техническую и научную информацию на повседневной основе. Правительство выдавало только те материалы, которые "могли помочь Советам убивать немцев", но в остальном сведения оставались довольно "скудными"⁶⁴.

Какое значение для Советского Союза имела техническая помощь во время войны, можно только гадать. Правда, поступали сведения о плохом использовании промышленного оборудования, однако об этом сообщали американцы, как правило, уже враждебно относившиеся к программе обширной помощи. Советские производственные достижения в военный период как-никак свидетельствуют о качестве применения американской техники. Тем не менее трудно не согласиться с доводом, что более открытая и упорядоченная система технического и научного обмена между тремя странами повысила бы эффективность военных усилий. Когда, например, американские и английские технические специалисты объединили свои силы в 1943 г. ввиду возникшей настоятельной необходимости увеличить дальность полета бомбардировочной авиации, на свет в результате сразу же появилась эффективная и целенаправленная программа действий.

С самого начала войны американские лидеры рассматривали послевоенное экономическое сотрудничество как первый шаг к новому мировому экономическому порядку. Соглашения, заключенные в соответствии с законом о ленд-лизе, содержали общие положения о более либеральной торговой политике после войны. Рузвельт считал ленд-лиз инструментом, предназначенным "играть главную роль в формировании структуры послевоенной политики Объединенных Наций"⁶⁵. В Вашингтоне бытовало мнение, что экономическое соперничество и протекционизм во многом явились причиной дестабилизации международной обстановки в 1930-е годы. "Государства, которые ведут себя как враги на рынке, не могут быть друзьями за столом переговоров, — заявил заместитель государственного секретаря Уильям Клейтон на собрании бизнесменов в Детройте в мае 1945 г. — Большинство войн имеют экономические причины"⁶⁶.

В ходе войны американским лидерам стало также ясно, что инициативу в планировании нового экономического порядка Соединенным Штатам придется взять на себя. "Мы еще больше убеждены, — сказал Стеттиниус в апреле 1944 г., вернувшись из поездки в Лондон, — что Соединенные Штаты должны проявить настойчивость в деле создания международного механизма, необходимого для обеспечения безопасности и экономической стабильности в мире"⁶⁷. Непосредственным результатом была конференция в Бреттон-Вудсе в июле 1944 г., где выработали предварительное соглашение об учреждении Международного валютного фонда для стабилизации международной финансовой системы и Банка реконструкции (впоследствии преобразован в Международный банк реконструкции и развития), которому предстояло помогать разрушенным войной странам изыскивать средства для перехода от войны к миру. И американцы и англичане очень хотели, чтобы Советский Союз участвовал в формировании нового экономического порядка, основанного на сотрудничестве военного времени. Между тем, несмотря на официальное обязательство стабилизировать послевоенную экономику, с приближением мира росла напряженность в экономических отношениях между союзниками.

Это происходило под влиянием планов по послевоенному переустройству и из-за сокращения поставок по ленд-лизу. Обе проблемы были тесно взаимно увязаны, ибо чем ближе казалась победа союзников, тем очевиднее становился тот факт, что поставки по ленд-лизу товаров и оборудования помогут не только военным операциям, но и переходу к мирной жизни. Однако эта программа всегда оставалась серьезным испытанием для политической терпимости внутри США, даже когда признавалась ее необходимость; у американской общественности, по понятным причинам, вызывала враждебные чувства мысль о том, что налогоплательщики США должны будут и в мирное время субсидировать потенциальных коммерческих конкурентов. В 1944 г. американское правительство начало переговоры с Лондоном и Москвой о сокращении поставок по ленд-лизу и переводу некоторых заказов в категорию товаров, предназначенных для послевоенного восстановления, за которые следовало расплачиваться по условиям новых соглашений о кредитах. Поток грузов по ленд-лизу, которые явно годились и для использования в мирное время, был сознательно сокращен⁶⁸.

В связи с ленд-лизом возникли и другие проблемы. Не существовало никакого официального соглашения о том, сколько союзные правительства заплатят за полученные по этой программе товары и оборудование — если вообще заплатят, — что и в каком количестве возвратят прежним владельцам. Британское правительство, по правде говоря, считало их просто подарком. Когда Стеттиниус посетил Лондон в апреле 1944 г., Черчилль ему прямо заявил: “Мы не собираемся отдавать долги по ленд-лизу”⁶⁹.

В принципе Рузвельт соглашался с подобной позицией, но ему нужна была от англичан хоть какая-то уступка, чтобы успокоить американское общественное мнение, тем более что долларové запасы Великобритании начали в 1943-1944 гг. быстро возрастать в связи с сосредоточением в стране крупных контингентов американских войск, которые готовились к вторжению через Ла-Манш. Не было договоренности о том, что случится с ленд-лизом после поражения Германии, ведь главная тяжесть войны на Дальнем Востоке легла на плечи Соединенных Штатов. В 1944 г. американское руководство пыталось утвердить новый план для так называемого “этапа II”, который отразил бы уровень боевых действий на Азиатском театре войны и ограничил возможность использования материалов и оборудования, полученных по каналам ленд-лиза, для реализации проектов послевоенного восстановления⁷⁰.

Британское правительство с большой неохотой согласилось на все эти изменения. Английская экономика переживала серьезные трудности. Долларové активы были незначительны в сравнении с дополнительным долгом в 15 млрд долл., который числился за Великобританией к концу войны. Осенью 1944 г. британскому правительству удалось убедить Рузвельта, что перспективы британской экономики довольно мрачны, но Америка тут же воспользовалась ситуацией, чтобы заставить Великобританию согласиться с либерализацией мировой торговли. В обмен ей пообещали продолжать помощь и после поражения Германии, отменить ограничения на английский экспорт, но при одновремен-

ном существенном сокращении финансирования. За все остальное необходимое Великобритании для восстановления в мирное время она должна была платить по условиям займа, которые будут выработаны на переговорах между Лондоном и Вашингтоном⁷¹.

Достичь твердого соглашения с Советским Союзом оказалось делом сложным, потому что Соединенные Штаты не располагали подходящим средством давления. С советской точки зрения дальнейшая американская помощь была не просто желательной, но и крайне важной. В ноябре 1943 г. посол Гарриман писал в Вашингтон, что "наряду с войной Советское правительство считает послевоенное восстановление исключительно важной политической и экономической проблемой"⁷². Имелось достаточно доказательств, что Советское правительство стремилось к продолжению экономического сотрудничества с Америкой и Великобританией и после войны. Однако мало что было сделано в практическом плане. Переговоры с англичанами в 1944 г. прервались, так как советская сторона отвергла условия кредитования поставок промышленного оборудования и материалов на период восстановления⁷³.

Не удалось договориться и с Соединенными Штатами ни о порядке поставок на "этапе II", ни о новых условиях снабжения товарами гражданского назначения после войны. Советская просьба в феврале 1944 г. о предоставлении кредита в 1 млрд долл. и просьба Молотова в январе 1945 г. о займе для восстановления в размере 6,6 млрд долл. удовлетворены не были, отчасти потому, что Советский Союз не согласился на перевод грузов, поступающих по ленд-лизу, в другую категорию с иными условиями финансирования, но в какой-то мере еще и потому, что советская сторона отказалась дать подробную информацию о конкретном использовании товаров и материалов и обосновать свои потребности⁷⁴.

Проще всего объяснить разрыв экономических связей с Советским Союзом ухудшением политических отношений из-за споров вокруг Восточной Европы. Однако неудача с обеспечением дальнейшего экономического взаимодействия предшествовала кризису в политической сфере; более того, можно доказать, что именно ухудшение экономических отношений привело к политическим конфликтам. Поначалу не было недостатка в доброй воле у обеих сторон. Еще в январе 1945 г. государственный секретарь США Стеттиниус обсуждал с министром финансов Моргантау различные американские экономические планы, которые "убедили бы Советское правительство в нашей решимости сотрудничать с ним...". В том же месяце Молотов ясно дал понять, какое важное значение придавал Советский Союз договоренностям "на солидной экономической основе"⁷⁵.

Разрушило же экономические связи взаимное непонимание. Американская сторона предположила, что Советский Союз будет находиться в тяжелейшем экономическом положении и настолько станет нуждаться в кредитах для восстановления страны, что непременно согласится на сокращение или перекалфикацию поставок по ленд-лизу и перевод отношений на коммерческую основу. Американские официальные лица никак не могли уразуметь, почему советские представители на перего-

ворах так упорно отказывались откровенно обосновать свои потребности или рассказать о порядке использования материалов и оборудования, поступающих по каналам ленд-лиза. Кроме того, им было трудно после столь великодушной, как они считали, экономической помощи примириться с желанием Советского Союза, чтобы с ним обращались как с равным партнером. Советская же сторона, по крайней мере с 1943 г., нисколько не сомневалась в том, что мирное время будет для капиталистических государств также очень трудным, и их стремление развивать послевоенную торговлю позволит Советскому Союзу занять на переговорах выгодную для себя позицию. Сталин считал, что, выдвигая предложения, американцы всегда руководствуются своекорыстными соображениями и что Америка нуждается в СССР никак не меньше, чем Советский Союз нуждается для восстановления в американских товарах⁷⁶.

Разрушение экономического сотрудничества обуславливалось также и слабой взаимосвязью. По мере того как переговоры затягивались, к экономическим разногласиям стали примешиваться более общие расхождения в вопросах политического и военного характера. В январе 1945 г. американские политики уже рекомендовали увязать условия предоставления СССР кредитов с советским обязательством занять "более терпимую" позицию в Восточной Европе или безоговорочно признать положения Атлантической хартии о самоопределении⁷⁷. Среди американцев возобновились недоброжелательные суждения о Советском Союзе. Москва же усматривала в спорах вокруг ленд-лиза экономический шантаж в грубой форме с целью оказать давление на советскую политику в Восточной Европе или — позднее, в 1945 г., — заставить Советский Союз вступить в войну с Японией. По крайней мере, некоторые из этих подозрений не были беспочвенными. И вся беда в том, что они основательно испортили отношения между двумя союзниками и ужесточили их позиции по целому ряду вопросов.

* Удар англичанам нанесли внезапная капитуляция Германии в мае 1945 г. и смерть Рузвельта за несколько недель до этого. Новый президент Гарри Трумэн находился под сильным влиянием экономических националистов из Госдепартамента. Помощь СССР по ленд-лизу резко сократилась, поставки Великобритании по программе "этап II" вообще прекратились. После энергичных протестов обоих союзников снабжение отдельными материалами было возобновлено. Но когда через несколько месяцев Япония потерпела поражение, Трумэн приказал немедленно покончить с ленд-лизом. Решение предварительно не обсуждалось ни с одним из союзников, хотя и не было совсем неожиданным⁷⁸. Моргентау, один из архитекторов сотрудничества, осудил политику "произвольного разрыва с нашими союзниками в то время, когда они все еще изуродованы и искалечены войной". Кейнс с мрачным видом говорил об "экономическом Дюнкерке" для Великобритании. Советское правительство реагировало с возмущенным достоинством, но за сдержанностью скрывалась глубокая горечь в связи с этим, как оно полагало, актом преднамеренного коварства; сказывалось полное непонимание лежащих в основе такого поступка политических маневров админи-

стративной бюрократии и Конгресса⁷⁹. С прекращением Америкой поставок по ленд-лизу закончилась и эра экономического сотрудничества. В связи с обострением политических разногласий СССР было отказано в кредитах на восстановление, а Великобритании пришлось в декабре 1945 г. вести переговоры о крупном займе, в обмен на который она в принципе согласилась на либерализацию торговли и ликвидацию империи.

Неудача с продолжением сотрудничества показала, что война, по выражению Адольфа Берла из Государственного департамента, породила лишь "временное совпадение интересов"⁸⁰. Все три союзных государства в одинаковой мере были заинтересованы в разгроме стран "оси". В этих условиях имело смысл со стратегической точки зрения, невзирая на жертвы, использовать экономические ресурсы полностью там, где они могли дать наибольший эффект. По сути все сводилось к распределению американских резервов. Ведь в 1941 г. только Соединенные Штаты располагали крупными незагруженными производственными мощностями. Великобритания всецело зависела от зарубежных поставок тех товаров, которые ей в военное время было невыгодно производить у себя; Советский Союз в результате германского нападения потерял значительную часть своего экономического потенциала. Соединенные Штаты очень просто могли бы употребить излишки товаров и оборудования на собственные военные нужды. Однако это было бы не только стратегически неразумно, ибо Великобритания и СССР располагали большими контингентами войск, готовыми сражаться и ожидавшими оружия и военных материалов, но и противоречило бы сложившемуся в Америке общественному мнению. В 1941 г. американский народ уже хорошо понимал, что фашизм представляет смертельную угрозу и Соединенным Штатам, и демократическим традициям и что помощь Великобритании и СССР необходима, чтобы отвести высшую опасность.

Центральное место в экономическом сотрудничестве занимали проблемы увеличения объемов выпуска и распределения дополнительной продукции США. Данное обстоятельство было чревато определенными последствиями.

Во-первых, это обеспечивало американским представителям очень выгодные позиции на переговорах об условиях оказания экономической помощи, которые использовались, — по крайней мере, в случае с Великобританией, — чтобы заставить согласиться на переустройство международного экономического порядка в пользу Америки. Причем это делалось вовсе не из безудержного эгоизма. Пережив подряд кризис, протекционизм и войну, американские лидеры пришли к убеждению, что прочный мир возможен лишь в том случае, "если страны работают вместе и процветают вместе"⁸¹. С победой связывали возможность остановить сползание в сторону экономического национализма, так отчетливо проявившегося в 30-е годы. В условиях растущей зависимости от американской экономической и военной мощи Великобритании трудно было отказаться. Советский Союз, однако, воспротивился, но только в

конец концов за счет утери послевоенного экономического взаимодействия между двумя государствами.

Во-вторых, распределение американской дополнительной продукции породило разного рода политические разногласия, касавшиеся военных приоритетов, транспортировки, использования материалов и имущества, полученных по ленд-лизу, а также по проблемам послевоенного восстановления. Более значительная взаимная зависимость, возможно, и смягчила бы эти трения, если бы существовала альтернатива американской экономической помощи, которая предоставлялась в изрядных количествах, но всегда на американских условиях.

Экономическое сотрудничество имело для военных усилий исключительно важное значение. Оно позволило союзникам добиться осуществления провозглашенной Рузвельтом цели — «превзойти страны "оси" в производстве боевой техники и военного снаряжения»⁸². К 1942 г. союзники изготовили 100 тыс. самолетов, а страны "оси" только 26 тыс.; по танкам эти цифры соответственно составляли 58 тыс. и 11 тыс. Огромное экономическое превосходство обеспечило союзникам и большую свободу маневра, что компенсировало отсутствие у них боевого опыта и высокую боеспособность немецких и японских войск. Даже при таком значительном неравенстве в производстве потребовалось целых три года жестоких сражений, чтобы это неравенство дало себя знать. Без огромных ресурсов и индустриальной мощи такого гиганта, как США, и без готовности американского правительства и народа поделиться своим богатством с воевавшими партнерами по коалиции ни о каком превосходстве не могло быть и речи. Используя ресурсы оккупированной Европы и богатые сырьевые запасы Восточной Азии, Германия и Япония вполне могли бы добиться победы над Великобританией и Советским Союзом. Американская мобилизация была исключительно важной для общего дела союзников.

Но удивительнее всего оказался тот факт, что три союзнические экономики вообще смогли взаимодействовать друг с другом. Между этими государствами существовали глубокие идеологические расхождения, отражавшие различия экономических систем. Правда, во время войны разрыв между централизованным, коллективистским народным хозяйством сталинской России и рыночной, частнопредпринимательской экономикой Запада заметно сократился. И в Великобритании, и в Соединенных Штатах государство вмешивалось в производство, регулировало экономические процессы в беспрецедентных масштабах. Коммерческие критерии были во многом отброшены ради достижения победы. В результате поддержанная правительством помощь советской системе или обмен товарами и материалами между некогда торговыми конкурентами породили меньше напряженности, чем можно было ожидать. Пока исход войны представлялся неясным, необходимость более четкого планирования и распределения ресурсов заставляла все три государства действовать в соответствии с моделью командной экономики. Неудача с продолжением сотрудничества после 1945 г. связана с возвращением к довоенной экономической практике, с возрождением жесткой политики сталинизма в Советском Союзе и в его зонах оккупации в

Восточной Европе, а также с восстановлением свободного рынка, экономического и торгового соперничества на Западе. Надежды военного времени на прочную дружбу разбились об эти фундаментальные политические различия.

¹ Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). Wash. (D.C.), 1862-. 1941. Vol. 1. P. 840; Steinhardt to Hull, 3 Oct. 1941. reporting Stalin's Speech.

² *Libbey J.K.* The American-Russian Chamber of Commerce// Diplomatic History. 1985. № 9. P. 247.

³ *Richardson C.* French Plans for Allied Attacks on the Caucasus Oil fields, Jan.-Apr. 1940//French Historical Studies, 1973. № 8; *Cook R.C., Nesbit R.C.* Target: Hitler's Oil. Allied Attacks on German Oil Supplies 1939-1945. L., 1985. P. 21-63.

⁴ *Leith-Ross F.* Money Talks: Fifty Years of International Finance L., 1968. P. 277-278.

⁵ *Ickes H.* The Secret Diary of Harold L. Ickes. Vols. 1-3. L., 1955. Vol. 2. P. 469.

⁶ *Haight J.M.* American Aid to France 1938-1940. N.Y., 1970.

⁷ *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. 1932-1945. N.Y., 1979. P. 200-205.

⁸ FRUS. 1940. Vol. 3. P. 12, Roosevelt speech at University of Virginia, 10 June 1940.

⁹ *Waley D.* Lend-Lease//McNeill W.H. America, Britain and Russia: Their Co-operation and Conflict. 1941-1946. Oxford, 1953. P. 774.

¹⁰ По данным лорда Галифакса. См.: Acheson Memo, 3 Oct 1941 (FRUS. 1941. Vol. 3. P. 38).

¹¹ *Kimball W.* Beggar My Neighbour: America and the British Interim Finance Crisis 1940-1941//Journal of Economic History. 1969. №. 19.

¹² *Kimball W.F.* Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence. Vols. 1-3. Princeton, 1984. Vol. 1. P. 102-109. Churchill to Roosevelt, 7 Dec. 1940.

¹³ *Ickes H.* The Secret Diary. Vol. 2. P. 40. Американский аспект вопроса см.: *Kimball W.F.* The Most Unsordid Act: Lend-Lease, 1939-1941. Baltimore, 1969.

¹⁴ *Reynolds D.* The Creation of the Anglo-American Alliance 1937-1941. L., 1981. P. 151-160.

¹⁵ *Schneider J.C.* Should America Go to War? The Debate over Foreign Policy in Chicago. 1939-1941. Chapel Hill, 1980. P. 57-83.

¹⁶ *Colville J.* The Fringes of Power: The Downing Street Diaries. 1939-1955. L., 1985. P. 331-332. Entry for 11 January 1941.

¹⁷ FRUS. 1941. Vol. 3. P. 13-15, Draft Proposal for a Temporary Lend-Lease Agreement, 28 July 1941; The Memoirs of Cordell Hull. Vols. 1-2. L., 1948. Vol. 2. P. 1151-1153.

¹⁸ *McNeill W.H.* America, Britain and Russia. P. 781-783.

¹⁹ *Colville J.* Op. cit. P. 404-406, entry for 22 June 1941; см. также запись от 21 июня: "он намеревается помочь России". *Dawson R.H.* The Decision to Aid Russia. 1941. Chapel Hill, 1959. P. 121; *Kimball W.F.* The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991. Ch. 2.

²⁰ The War Diary of Breckinridge Long: Reflections from the Years 1939-1944/Ed. F.L. Israel. Lincoln (Nebr.), 1966. См. также: *Eggleston G.T.* Roosevelt, Churchill and the World War II Opposition: A Revisionist Autobiography. Old Greenwich (Conn.), 1979. P. 127-128.

²¹ *McJimsey G.* Harry Hopkins: Ally of the Poor and Defender of Democracy. Cambridge (Mass.), 1987. P. 152-153.

²² *Harriman W.A., Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin 1941-1946. L., 1976. P. 74.

²³ The Roosevelt Letters 1928-1945/Ed. E. Roosevelt. Vols. 1-3. L., 1952. Vol. 3. P. 385, Roosevelt to Stimson, 30 Aug. 1941. См. также: *Heinrichs W.* Threshold of War: Franklin D. Roosevelt and American Entry into World War II. Oxford, 1988. P. 105-106, 173-175; *Herring G.C.* Aid to Russia. 1941-1945: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. N.Y., 1973.

²⁴ FRUS. 1941, Vol. 1. P. 769-770, 771-772, Memorandum of conversation with Soviet Ambassador, 26 June 1941, and Steinhardt to Hull, 29 June 1941.

²⁵ FRUS. 1941, Vol. 1. P. 815-816. Welles to Umansky, 2 Aug. 1941; Memorandum by Henderson, Division of European Affairs, 19 Aug. 1941.

²⁶ *Harriman W.A.* Special Envoy. P. 87-89; *Dawson R.H.* Decision... P 249-251.

- ²⁷ *Harriman W.A.* Special Envoy. P. 90. О деталях протокола см.: FRUS. 1941. Vol. 1. P. 841. Steinhardt to Hull, enclosing letter from Harriman to Roosevelt, 3 Oct. 1941.
- ²⁸ The Public Papers of Franklin D. Roosevelt, 1941. N.Y., 1950. P. 481, Roosevelt to Lend-Lease Administrator Stettinius, 7 Nov. 1941; FRUS. 1941. Vol. 1. P. 851, Roosevelt to Stalin, 30 Oct. 1941.
- ²⁹ *Levering R.B.* American Opinion and the Russian Alliance, 1939-1945. Chapel Hill, 1976. P. 61.
- ³⁰ The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations/Ed.G.Ross. Cambridge, 1984. P. 14; *Beaumont J.* Comrades in Arms: British Aid to Russia. 1941-1945. L., 1980. P. 62-63.
- ³¹ *Beaumont J.* Aid to Russia. P. 66-67; *Jones R.H.* The Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union. Norman (Okla.), 1969. P. 50-51, 266-267.
- ³² См. гл. 6. Подробное освещение роли ленд-лиза в военных усилиях СССР см.: *Van Tuyl H.P.* Feeding the Bear: American Aid to the Soviet Union. 1941-1945. N.Y., 1989; *Harrison M.* Soviet Planning in Peace and War. 1938-1945. Cambridge, 1985. P. 256-266; *Barber J., Harrison M.* The Soviet Home Front. 1941-1945. L., 1991. P. 189-190, 192, 221.
- ³³ *Harrison M.* Soviet Planning. P. 258.
- ³⁴ *Van Tuyl H.P.* Feeding the Bear. P. 66.
- ³⁵ *Ibid.* P. 182.
- ³⁶ *Waley D.* Lend-Lease. P. 781-782. О нефти см.: *Payton-Smith D.J.* Oil: A Study of War-Time Policy and Administration. L., 1971. P. 467.
- ³⁷ О военных позициях США см.: *Leighton R.M., Coakley R.W.* Global Logistics and Strategy 1940-1943. Wash., 1955. P. 83-96; *Craven W.F., Cate J.L.* The Army Air Forces in World War II. Chicago, 1948. Vol. 1. P. 128-134.
- ³⁸ FRUS. 1941. Vol. 1. P. 843, Steinhardt to Hull, 6 Oct. 1941.
- ³⁹ Детали см.: *Motter Vail T.H.* The Persian Corridor and Aid to Russia. Wash. (D.C.), 1957. P. 23-28. Во время войны через Иран было доставлено 4,66 млн т грузов, через Дальний Восток — 9,24 и северным морским путем — лишь 4,4 млн т.
- ⁴⁰ FRUS. 1942. Vol. 3. P. 726-727, 731. Faymonville to Stettinius, 3 Oct. 1942, and Faymonville to Hopkins, 9 Oct. 1942.
- ⁴¹ *Ibid.* P. 22, Hull to Ambassador Winant, 6 Aug. 1941.
- ⁴² *Dobson A.P.* US Wartime Aid to Britain, 1940-1946. L., 1986. P. 130-133.
- ⁴³ FRUS. 1941. Vol. 2. P. 10-12, Memorandum of Conversation between Keynes and Acheson, 28 July 1941.
- ⁴⁴ *Ibid.* P. 12.
- ⁴⁵ Остроты вопроса отражают послания и проекты, опубликованные Кимболлом (*Kimball W.F.* Churchill & Roosevelt. Vol. 1. P. 344-346, 356-358). См. также: *Idem.* The Juggler. Ch. 3.
- ⁴⁶ Washington Despatches 1941-1945: Weekly Political Reports from the British Embassy/Ed. H.G.Nicholas. Chicago, 1981. P. 257-258. Report of 9 Oct. 1943.
- ⁴⁷ *Young R.* Congressional Politics in the Second World War. N.Y., 1956. P. 180. Ванденберг выступил в Конгрессе 11 марта 1943 г.
- ⁴⁸ *Clark R.* Anglo-American Economic Collaboration in War and Peace. 1942-1947. Oxford, 1982. P. 4-7.
- ⁴⁹ *Hall H.D.* North American Supply. L., 1955. P. 328-335, 341-342.
- ⁵⁰ *Waley D.* Lend-Lease... P. 772.
- ⁵¹ *Rosen S.M.* The Combined Boards of the Second World War. N.Y., 1951. P. 11.
- ⁵² *Ibid.* P. 137.
- ⁵³ *Hall H.D.* North American Supply. P. 376-386; *Rosen S.M.* The Combined Boards. P. 193-204; *Roll E.* The Combined Food Board: A Study in Wartime International Planning. Stanford, 1956.
- ⁵⁴ *Coakley R.W., Leighton R.M.* Global Logistics and Strategy. 1943-1945. Wash., 1968. P. 283.
- ⁵⁵ *Ibid.* P. 628-631 (особенно глава 32).
- ⁵⁶ *Hall H.D.* North American Supply. P. 414-415.

- 57 FRUS. 1941. Vol. 1. P. 801, Memorandum of a conversation between Acheson and Umansky, 28 July 1941.
- 58 *Hall H.D.* North American Supply. P. 190-191.
- 59 *Gowing M.M.* Britain and Atomic Energy 1940-1945. L., 1965; *Baylis J.* Anglo-American Defence Relations. 1939-1984. L., 1984, P. 4-5, 16-32; *Milward A.S.* War, Economy and Society. 1939-1945. L., 1977. P. 194-197.
- 60 Navigating the Rapids 1918-1971: From the Papers of Adolf A. Berle/Eds. B.B. Berle, T.B. Jacobs. N.Y., 1973. Diary Entry, 31 July 1941.
- 61 The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr., 1943-1946/Eds. T.M. Campbell, G.C. Herring. N.Y., 1975. P. 206-207.
- 62 FRUS. 1944. Vol. 4. P. 1104-1105. Memorandum on Extent of Dispersal of U.S. Technical Information to Foreign Countries during World War II, 15 July 1944, Annex A "Interchange of Technical Information with USSR." См. также: *Deane J.R.* The Strange Alliance. L., 1947. P. 95-101.
- 63 FRUS. 1943. Vol. 3. P. 792-793, 794-797. Memorandum, State Dept. Division of European Affairs, 8 Dec. 1943; and Memorandum by Division of European Affairs on technical cooperation, 23 Dec. 1943.
- 64 FRUS. 1944. Vol. 4. P. 1101. "Extent of Dispersal of U.S. Technical Information".
- 65 Washington Dispatches. P. 47. Report of 20 June 1942.
- 66 *Pollard R.A.* Economic Security and the Origins of the Cold War: Bretton Woods, the Marshall Plan, and American Rearmament, 1944-1950//Diplomatic History. 1985. № 9. P. 272.
- 67 FRUS. 1944. Vol. 3. P. 1-2. Report to the Secretary of State from Stettinius on his Mission to London. 22 May 1944.
- 68 *Dobson A.P.* Wartime Aid... P. 185 ff; об отношениях с СССР см.: FRUS. 1944. Vol. 4. P. 1032-1152.
- 69 The Diaries of Edward R. Stettinius. P. 61. Entry for 19 Apr. 1944.
- 70 *Hall H.D.* North American Supply. P. 441-446.
- 71 FRUS. 1944. Vol. 3. P. 53-56. Memorandum by Secretary of State for President; Lend-Lease and General Economic Relations with the United Kingdom in Phase 2. 1944. 8 Sept.
- 72 FRUS. 1943. Vol. 3. P. 788. Harriman to State Dept., 16 Nov. 1943.
- 73 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945: Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т. 2. С. 94-95.
- 74 О запросах на заем см.: FRUS. 1944. Vol. 4. P. 1041-1042. Harriman to Hull. 1 Sept. 1944; Ibid. 1945. Vol. 5. P. 942. Harriman to Hull, 4 Jan. 1945.
- 75 FRUS. 1945. Vol. 5. P. 963. Memorandum of Conversation between Morgenthau and Stettinius. 17 Jan. 1945; and P. 942. Harriman to Hull. 4 Jan. 1945 reporting discussion with Molotov.
- 76 Подобную точку зрения изложил Сталину Дональд Нелсон на встрече в Москве в октябре 1943 г. (FRUS. 1943. Vol. 3. P. 780). Ее, конечно, разделял и посол Гарриман.
- 77 FRUS. 1945. Vol. 5. P. 945-947. Harriman to Hull, 4 Jan. 1945.
- 78 *Herring G.C.* Lend-Lease to Russia and the Origins of the Cold War 1944-1945//Journal of American History. 1969. № 61. P. 93-114; *Dobson A.P.* Wartime Aid... P. 219-221; *Martel L.* Lend-Lease, Loans and the Coming of the Cold War: a Study of the Implementation of Foreign Policy. Boulder (Colo.), 1979. P. 159-160.
- 79 *Martel L.* Lend-Lease... P. 161.
- 80 Navigating the Rapids 1918-1971. P. 375.
- 81 *Pollard R.A.* Economic Security... P. 272.
- 82 The Public Papers and Addresses of Franklin Delano Roosevelt. 1941/Ed. S.I. Rosenman. Vols. 1-13. N.Y., 1938-1950. P. 214, Message to Congress on the Operation of the Lend-Lease Act. 10 June 1941.

9. Великобритания: НАРОДНАЯ ВОЙНА?

Ж. Харрис

В современном английском фольклоре термин *тыл* периода второй мировой войны занял уникальное место. Многие рассматривают войну, возможно, как единственный период во всей истории Великобритании, когда народ ощутил свое метафизическое единство. Это единство помогло преодолеть барьеры классов, религий, эгоизма и индивидуализма, которые обычно характеризуют чрезвычайно плюралистическую и фрагментарную структуру британского общества. Считается, что эти изменения происходили на двух уровнях — в практической деятельности общества и в его морали.

Условия тотальной войны вынудили британское правительство отказаться от традиционного пристрастия к рыночной экономике и чисто условному административному вмешательству и перейти к планированию, распределению и управлению экономикой. В результате британцы в гораздо большей степени стали объектом государственного регулирования и принудительной мобилизации ресурсов, в том числе мужской и женской рабочей силы, чем в любой другой воюющей державе, за исключением Советского Союза. Кроме того, единство отчаяния, возникшее в результате общей опасности, особенно во время эвакуации из Дюнкерка и битвы за Англию, породило среди всех слоев населения доселе неизвестную и беспрецедентную этику самопожертвования, социального равенства и общности духа. В английский язык фраза “дух Дюнкерка” вошла как синоним бодрых общих усилий в борьбе с безнадежными обстоятельствами. Эту фразу часто используют молодые англичане, у которых имеется лишь смутное представление о реальных событиях при Дюнкерке. Во всех опросах общественного мнения общим рефреном звучит утверждение, что “в те дни люди были дружелюбнее”. Это чувство становится еще более заметным в 1980-е и 1990-е годы, когда британское общество резко отошло от послевоенного коллективистского согласия и вошло в эру приватизации и свободной конкуренции.

Широко распространенные воспоминания общества о войне в течение длительного времени находили отражение, а в некоторой степени и формировались на основе современных политических, журналистских и автобиографических материалов. В выступлениях политиков, как во

время войны, так и сразу после нее, постоянно насаждался образ войны как колыбели государства всеобщего благосостояния, как стартовой позиции кейнсианства, как эпохи невиданной социальной и моральной солидарности. Эвакуация, карточная система, всеобщая воинская повинность и воздушные налеты считались средством объединения людей различных классов и изменения взглядов привилегированных классов на условия жизни бедноты. Часто подчеркивалась связь между братством простого человека и возникновением новых методов организации общества. Министр труда Эрнст Бевин писал: "Как только страна оказывается в серьезном кризисе... она обязана стать коллективистской". "Индивидуализм должен уступить место социальным действиям, конкуренция и борьба — порядку, а вместо анархии должны вступить в силу законы"¹. Другой министр — лейборист Эмануэл Шинуэлл утверждал, что "в умах людей" произошла "революция". А бывший министр иностранных дел, консерватор Антони Иден, заявил, "что старый мир умер; никто из нас не сможет избежать революционных перемен, даже если бы мы попытались"².

Уильям Беверидж, автор знаменитого плана 1942 г., который впоследствии рассматривался как черновой проект британского государства всеобщего благосостояния, часто называл свой план обеспечения социальной безопасности "британской революцией"; "революционный момент в мировой истории — это время для революций, а не заплаток"³. Известный писатель Дж.Б.Пристли в комментариях по радио постоянно развивал эту тему, утверждая, что война — это "состяжание между богатством и бедностью, с одной стороны, и между общностью народа и созиданием — с другой... Это революция на базе согласия, восстание против затянувшегося правления старых людей, которые считали идеалом для своей страны уютный уходящий век"⁴.

В официальных трудах по истории войны в первые послевоенные годы высказывались аналогичные точки зрения. По мнению Р.Хэммонда, автора работы по истории системы рациионирования и контроля за распределением продуктов питания в Англии, эта система олицетворяла "революцию в отношении государства к проблеме пропитания своих граждан". Р.С.Сейерс, автор труда о британских финансах, характеризовал переход во время войны на кейнсианскую бюджетную программу, которая делала упор на принудительной экономии и конфискационном налогообложении высоких доходов, как "проявление в финансовой сфере тех изменений в национальном характере, которые произошли летом 1940 г."⁵. Ричард Титмус в труде "Проблемы социальной политики", который, возможно, является самым заслуживающим доверия и захватывающим воображение отчетом о положении тыла и гражданского общества, описывая вторую мировую войну в целом, а Дюнкерк и блиц в особенности, также утверждал, что она произвела революцию в общественных взглядах на государство. По мнению Титмуса, государство перестали рассматривать просто как гаранта личных свобод и источник помощи самым неимущим слоям населения в критические моменты. "Вместо этого существовавшей или даже обязательной функцией правительства все чаще объявлялось избавление от отчаяния и напряженно-

сти не только бедных, но и представителей почти всех классов общества... Настроения людей изменились, а вместе с реакцией сочувствия произошло изменение и ценностей". Война потребовала усиления постоянной и долговременной социальной дисциплины, которую можно было переносить только в демократическом обществе, поскольку она сочеталась с упразднением глубокого социального неравенства. Это изменение, по утверждению Титмуса, повлекло за собой не только административные и поведенческие изменения, но и интеллектуальную революцию в основных догматах социальной и политической теории⁶.

Если учесть почти полное единодушие всех авторов, дававших свои оценки во время и сразу же после войны, то только поистине смелый историк попытается оспорить эту точку зрения на социальную историю периода второй мировой войны. Но для того чтобы игнорировать память народа, нужно проявить не только храбрость, но и безрассудство. Память народа всегда должна оставаться главной отметкой для определения изменений в его чувствах и социальной структуре. Если народ Великобритании в 1940-е годы чувствовал себя более равноправным и единым, чем когда-либо раньше, то сам по себе это факт огромной важности, который не смогут опровергнуть никакие аналитические данные о неравном распределении богатства и доходов.

Однако за последние два десятилетия сочетание ряда факторов вызвало активную переоценку и изменение многих аспектов расхожей мудрости. Рассекречивание многих государственных и частных архивов военного периода; изменение идеологического климата в Великобритании в пользу более критичной оценки коллективизма и государственного контроля; фактор дистанцирования и перспективы, появляющийся по мере того, как война неумолимо уходит в полузабытую историю, — все это привело к возобновлению дебатов и споров по вопросам социальной истории войны и ее долговременного воздействия на структуру и характер британского общества. Эти дебаты касаются многих аспектов, которые нельзя адекватно рассмотреть в короткой главе, однако мы можем обобщить наиболее важные проблемы.

Во-первых, среди историков левого и правого толка все больше возрастало недоверие к якобы "революционному" воздействию войны на социальные структуры британского общества и его институты. Высказывалась точка зрения, что несмотря на высокие налоги военного времени, война оказала очень незначительное долгосрочное (а на самом деле удивительно кратковременное) влияние на распределение богатства; что небывалые, вызванные войной научные прорывы в электронике, ядерной физике и биохимии становились достоянием промышленности, которая устарела, недостаточно финансировалась, плохо управлялась и по всей своей сути была враждебна инновациям и перспективным методам производства; что несмотря на массовую мобилизацию мужчин и женщин война скорее усилила, а не подорвала традиционные различия между классами и полами и что сам факт победы в войне застопорил, а не ускорил изменения, поскольку он укрепил и узаконил устаревшие и реакционные социальные, экономические и правительственные институты⁷.

Во-вторых, стала раздаваться критика по поводу свойственного войне имиджа консенсуса (всеобщего согласия). Последние исследования по теории государства всеобщего благоденствия и планирования послевоенного восстановления страны продемонстрировали не благожелательное единство, а многочисленные расхождения в принципах и политике, которые преобладали в правительственных и партийных кругах по таким проблемам, как создание национальной системы здравоохранения, полной занятости, всеобщего среднего образования, как характер и масштабы послевоенного восстановления⁸.

Что касается позиции общества, то историки отметили такие факторы, как очень большое число забастовок во многих ключевых отраслях промышленности, особенно за последние три года войны; свидетельства массового участия населения в операциях “черного рынка” и в уклонении от государственного контроля, а также частые выражения недовольства со стороны солдат, в особенности их жен, по поводу высоких зарплат и привилегий, которыми пользовались некоторые категории рабочих гражданских профессий. Кроме того, возникало сомнение в методологии отбора и накопления фактов, хранящихся в памяти народа и составляющих основу всеобщего народного согласия. Историки стали все больше осознавать тот факт, что многие источники информации о консенсусе военного периода непосредственно участвовали в процессе создания этого мифа. Кино, радио, живопись и художественные открытки не только лишь бесстрастно отображали происходившее. Они активно способствовали выработке определенного мировоззрения у английских граждан. События поневоле искажались прессой, поскольку проходившая в стране активная пропагандистская кампания официально осуждала проявления тревоги и отчаяния; а изданная в соответствии с законом о чрезвычайном положении Инструкция 39-Б объявляла уголовным преступлением публикацию материалов, которые можно было расценить “как наносящие ущерб ведению боевых действий или обороне государства”.

Можно рассмотреть эту проблему под несколько иным углом зрения. Том Гарриссон провел повторные интервью с некоторыми людьми, с которыми он беседовал во время войны при проведении опросов “Мэсс обсервейшн” (возглавлявшаяся им организация по изучению общественного мнения). Результаты закономерно свидетельствуют, что воспоминания людей о событиях военного времени резко отличаются от восприятия тех же событий четверть века назад⁹.

В-третьих, получило широкое распространение неприятие — отчасти по идеологическим соображениям, а отчасти просто в результате изучения первоисточников — взглядов на социальные последствия второй мировой войны в британской исторической литературе, которые Дэвид Кэннадин назвал провозглашением «триумфа государства всеобщего благоденствия». Точка зрения, что участие масс в военных усилиях неизбежно вело к созданию в послевоенный период государства всеобщего благоденствия, начала вызывать сомнение у историков. Вместе с тем ряд ученых, которые все еще разделяют эту точку зрения, указывают на то, что энтузиазм военного времени относительно идеи го-

сударства всеобщего благоденствия должен был неизбежно иметь разрушительные долгосрочные последствия для послевоенного развития британского общества. Наиболее убедительно это положение доказывается в вышедшей в 1986 г. книге Корелли Барнета "Ревизия войны", который утверждает, что атмосфера сентиментальной социальной солидарности, вызванная войной, породила абсолютно нереалистичные, утопические ожидания от послевоенного мира, ожидания, которые повлекли за собой программы обеспечения занятости населения, дефицитного финансирования бюджета, обеспечения общего благосостояния, а также пренебрежение к инициативе и накладным расходам, которые неизбежно привели к экономическому спаду в послевоенной Великобритании.

Некоторые другие историки, проанализировав архивные материалы о выработке социальной политики в военное время, утверждают, что этот процесс был более сложным, чем он часто представлялся прежде. Сейчас складывается мнение, что разрыв с прошлым был менее резким, а диапазон идеологий и заинтересованных групп, участвовавших в формировании британской послевоенной государственной системы всеобщего благоденствия, был шире, что между участниками не существовало той гармонии, о которой так часто говорилось¹⁰.

Далее речь пойдет об основных сферах социальных перемен военного времени и значении этих перемен в свете рассмотренных выше противоречий. Будут намечены затем некоторые альтернативные подходы к социальной истории того периода и рассмотрен ряд других проблем, которые либо вообще не освещались, либо освещались недостаточно.

Итак, начнем с влияния войны на традиционные британские социальные структуры и институты власти. Вызвала ли война фундаментальные изменения в социальной структуре и организации общества в Великобритании, или эта видимость изменений просто отражала особые обстоятельства военного времени? А в том случае, когда были отмечены эти изменения, вызывались ли они непосредственно войной или являлись частью более длительного процесса изменений в обществе, развивавшегося и до войны, которая стала для них лишь переходным этапом?

Глубокие изменения в государственных институтах, связанные с войной, мы можем обнаружить на многих уровнях — юридическом, политическом, социальном, административном и интеллектуальном. Закон о чрезвычайных полномочиях, принятый в августе 1939 г., означал, что в период войны гражданские свободы, которыми традиционно пользовались британские граждане, были урезаны или отменены. В период между 1939 и 1945 гг. тысячи иностранных граждан (в их числе множество евреев, бежавших из нацистской Германии), сотни фашистов, коммунистов и троцкистов и небольшая горстка промышленных шпионов содержались в изоляции без суда в течение коротких и длительных периодов¹¹.

Даже в первые девять месяцев войны, которые многие историки рассматривают как последний жалобный всхлип режима Невилла Чем-

берлена, правительство гораздо быстрее, чем в 1914 г., приступило к проведению мероприятий военного времени — всеобщей воинской повинности, введению карточной системы, массовым эвакуациям населения, реквизиции и налогам на сверхприбыль.

После падения Норвегии и вступления вермахта во Францию — событий, которые ускорили замену Чемберлена Черчиллем и вхождение в коалиционное правительство лейбористов, — значительно возросла потребность в новых людях, методах, политике, и новая административная система управления стала более всеобъемлющей. Традиционная сфера высокой политики перешла во власть новых политических институтов: небольшого военного кабинета с координационными функциями, ряда специальных комитетов военного кабинета для управления ключевыми областями невоенной политики и группы новых министров, несущих ответственность за снабжение, информацию, самолетостроение, экономическую войну и восстановление.

Начиная с середины 1940 г. в Уайтхолле снова бизнесмены, представители академической науки и профсоюзные деятели, многие из которых, вооружившись “новой метлой”, собирались смести последние остатки ортодоксальной экономики и административной бездеятельности. Назначение Эрнста Бевина министром труда, а Кингсли Вуда (ведущего эксперта по коммерческому страхованию) — канцлером казначейства одновременно символизировало как новые отношения между правительством, большим бизнесом и рабочим классом, так и деятельность в обход общепризнанных партийных каналов. Именно Кингсли Вуд ввел Дж.М.Кейнса в министерство финансов, а в 1941 г. способствовал принятию первого «кейнсианского» бюджета.

Этим бюджетом утверждался принцип централизованного регулирования национальных уровней потребления и капиталовложений через механизмы низких процентных ставок, высоких налогов, дотирования уровня жизни населения с низкими доходами и принудительной экономики средних классов. Вместе с финансовыми рычагами управления вводилась разветвленная система административного контроля над рынком рабочей силы и сырьевыми ресурсами, устанавливался государственный контроль над многими заводами и предприятиями общественного пользования, а также очень жесткое государственное регулирование частного сектора промышленности.¹² Как заявил 22 мая 1940 г. народу Америки в своей ежедневной радиопередаче из Лондона Эд Мэрроу, британское правительство «берет под контроль всех англичан и всю собственность. Сейчас все в этой стране, кроме совести, подлежит конскрипции»¹³.

Изменения в правительственной структуре и экономической политике сопровождались катастрофическим нарушением социального уклада общества и беспрецедентным вмешательством государства в сферу общественных услуг. События мировой войны не менее драматично преобразили условия повседневной жизни гражданского населения, чем тех, кто был на войне. На протяжении шести военных лет от бомбежек погибло 62 тыс. человек гражданского населения и почти 250 тыс. получили ранения различной степени тяжести. Из общего жилищного

фонда страны в 10 млн зданий 250 тыс. были разрушены и почти 4 млн повреждены. В период самых тяжелых бомбежек — с августа 1940 г. по июнь 1941 г. — стали бездомными 2,25 млн человек, пятая часть английских школ и госпиталей вышла из строя, значительная часть деловых и промышленных районов городов и портов была повреждена или уничтожена¹⁴.

Эти события вызвали настоящую революцию в социальном и общественном управлении Великобритании. Как только в сентябре 1939 г. разразилась война, правительство начало проводить в жизнь довоенные планы на случай чрезвычайных ситуаций с тем, чтобы предотвратить панику в стране и защитить здоровье и безопасность гражданского населения. В течение нескольких первых месяцев войны из крупных городов было эвакуировано 1,5 млн женщин и детей, что заставило местные власти с помощью большого числа добровольных организаций создать приемные центры и склады продуктов питания и одежды, а также сеть детских домов в маленьких провинциальных городках и деревнях. Многие возвратились обратно в Лондон и другие большие города во время "странной войны", однако с переходом люфтваффе к бомбежкам в августе 1940 г. большинство из них снова вернулось в сельские районы. За весь период войны было эвакуировано более 4 млн матерей с детьми, некоторые — в лагеря и туристические базы, немногие привилегированные — в Северную Америку, а огромное число — в частные дома в сельских графствах.

С начала войны все английские госпитали — элитные частные дома, лазареты местных властей и больницы для бедных, небольшие сельские больницы и тысячи временных бараков типа "Ниссен" — были переданы единой национальной Чрезвычайной медицинской службе. Многие врачи и сестры — добровольцы впервые столкнулись с ужасными условиями существования в большинстве заведений для лечения неимущих граждан. Кроме того, большое число пострадавших от бомбежек заставило медиков основное внимание уделять тяжелораненым, что сразу же осложнило лечение долготекущих хронических заболеваний. Летом 1940 г. бомбоубежища в больших городах были переполнены бедными, хронически больными бездомными стариками, которым просто больше некуда было идти. В этой ситуации центральному правительству пришлось впервые в британской истории взять на себя непосредственную финансовую ответственность за медицинское обслуживание гражданского населения и обеспечение больничных мест¹⁵.

Постепенное усиление экономической блокады заставило правительство перейти на оптовые закупки и нормирование почти всех важнейших материалов. Еще в 1936 г. были разработаны планы нормирования продуктов питания, отчасти для предотвращения голода и недоедания, а отчасти, учитывая опыт первой мировой войны, для борьбы с чрезмерным накоплением товарных запасов, спекуляцией и безудержной инфляцией. С самого начала войны было введено нормирование бензина, в 1940 г. — масла, бекона, сахара, мяса, чая и маргарина, в 1941 г. — сыра и одежды, в 1942 г. — мыла, конфет и шоколада. Тем не менее в течение всей войны правительство смогло удержаться от

нормирования хлеба, так как это нанесло бы символический удар по моральному духу населения страны. Неотъемлемой деталью жизни англичан стали очереди за хлебом и различными товарами, которые не были известны в довоенной Англии. Для детей, кормящих матерей и работающих в тяжелой промышленности вводились особые нормы. Дотации казначейства, которые к 1945 г. достигли 200 млн ф.ст. в год, позволяли сдерживать рост цен на продукты. Эта мера казначейства была направлена не только на поддержание требуемого уровня питания населения, но и на примирение потребителей с высоким подоходным налогом. Регулируемое производство нормированной "повседневной" одежды (крайне однообразной) и мебели (изредка элегантной) постепенно пришло на смену конкурентному производству частными фирмами.

Во всех городских районах были организованы так называемые "национальные рестораны", обеспечивавшие дешевой калорийной пищей рабочих; с 1942 г. получили широкое распространение питание школьников и рабочие столовые. Повсюду — на арендуемых участках, на железнодорожных насыпях, на загородных теннисных кортах, на огородах бедняков — выращивали овощи и разводили домашнюю птицу, что помогало разнообразить пищу и одновременно подпитывало широко распространенную местную бартерную экономику. Призыв в армию мужчин в возрасте от 18 до 45 лет способствовал постепенной ликвидации предвоенной безработицы и широкому добровольному использованию женского труда (в начале 1941 г. для бездетных женщин в возрасте 20-30 лет была введена трудовая повинность). Во многих сферах жизни общества полномочия местных властей, которые традиционно составляли костяк британской социальной благотворительной системы и приходской демократии, были резко ограничены, а их функции переданы не избираемым, а назначаемым Уайтхоллом специальным региональным представителям с широкими чрезвычайными полномочиями¹⁶.

Все эти изменения сами по себе вызвали глубокий переворот в жизни и сознании обычных англичан, привыкших к несколько беспорядочной рыночной экономике, к очень ограниченной и основанной на семейных устоях социальной структуре и к ненавязчивому контролю со стороны государства. С самого начала войны во многих слоях британского общества появились определенные круги, которые утверждали, что эксперименты военного времени следует рассматривать не как временные, преходящие меры, а как стартовые позиции для постоянных и фундаментальных структурных изменений.

Достижения в таких областях, как здравоохранение, социальная и общественная деятельность, производство детского питания, заботы о материнстве и детстве, все чаще рассматривались как прообраз будущих социальных реформ. Аналогично этому правительству предлагалось считать военную экономику моделью для управления экономикой в мирное время. По мере того как от британского народа требовалось все больше жертв, все чаще раздавались требования радикальной "социальной перестройки", необходимой не только как сама по себе, но и как важное средство "дать народу Великобритании ценности, ради которых стоило бы воевать", и поддержать моральный дух нации. Во

всех партиях создавались "комитеты реконструкции", требование "британского нового курса" выдвигали все политические партии от либералов типа Кейнса и Бевериджа, социалистов, подобных Р.Х.Тоуни и Эвану Дурбину, до консервативных реформаторов общества, таких, как Хью Молсон и Квентин Хогг¹⁷.

Опросы общественного мнения в первые годы войны выявили заметный поворот в сторону довольно расплывчатого понятия — «коллективизм». Несмотря на заключение нацистско-советского пакта в британском обществе отмечался большой интерес и восхищение достижениями России в области планирования. В Великобритании задолго до нападения Гитлера на Советский Союз бытовало подспудное убеждение, что не следует «очень серьезно относиться к этому пакту» и что «на самом деле Россия на нашей стороне»¹⁸.

Настроения в пользу реформ и государственного вмешательства оказались заразительными для многих чиновников гражданской службы, и с 1940 г. Уайтхолл начинает разрабатывать далеко идущие планы расширения системы здравоохранения, образования, компенсаций рабочему классу и социального страхования. Под давлением многочисленных запросов устанавливается контроль общественности над стоимостью земли, городским и сельским планированием, организуется министерство реконструкции во главе с Артуром Гринвудом (позднее его сменил сэр Уильям Джоуитт). Скромные планы медленно вызревали в коридорах Уайтхолла, когда вдруг осенью 1942 г. произошло драматическое событие — был опубликован план социального обеспечения Бевериджа, в результате чего проблема «послевоенной реконструкции» внезапно стала предметом общественного обсуждения, в том числе и в средствах массовой информации.

В докладе Бевериджа о социальном страховании и вспомогательных службах рекомендовались далеко идущие государственные меры по подержанию постоянной полной занятости, созданию национальной системы здравоохранения, защите населения Великобритании от бедности путем денежных пособий семьям и широкого социального страхования для обеспечения прожиточного минимума. Политическая сущность плана Бевериджа состояла в том, что социальная безопасность должна не ограничиваться далее только "бедной" или "рабочим классом", а стать доступной для всех социальных групп без учета материального или социального положения и без позорного клейма зависимости. Эти принципы быстро сделали опорной точкой движения за реконструкцию общества во время войны. План Бевериджа широко обсуждался в прессе и выдавался за своего рода социальную Великую хартию вольностей.

В начале 1943 г. под давлением широкой общественности и бунта заднескамеечников в парламенте правительство весьма неохотно взяло на себя обязательство осуществить в будущем предложения Бевериджа и приступить к детальному послевоенному планированию¹⁹. За этим последовал целый ряд "Белых книг" по вопросам образования, полной занятости, социального страхования, национальной службы здравоохранения, семейных пособий и заботы о не имеющих попечения детях²⁰.

Ни один из этих более поздних документов не произвел такого поразительного впечатления, как план Бевериджа. Однако все вместе они изменили характер дебатов по вопросам внутренней политики и определили спектр проблем, вокруг которых развернулась межпартийная борьба на всеобщих выборах в 1945 г. Это легло в основу социального законодательства 1944-1948 гг., в результате которого было создано британское государство всеобщего благосостояния.

Нет сомнений, что эти события военного времени во многих отношениях повлияли на судьбы обычных граждан и на структуру и полномочия правительства. В какой мере они способствовали своего рода “социальной революции”, как это утверждали многие современники? Такой вопрос можно задавать и искать на него ответ на многих уровнях. На политическом и административном уровнях война способствовала изменению отношений между правительством и обществом, которые оказались необратимыми в течение всех послевоенных лет. К концу войны аппарат центрального правительства вырос почти вдвое по сравнению с 1939 г., местное управление никогда больше не смогло добиться такой автономии, которую оно имело в предвоенные годы, ежегодный бюджет так никогда и не утратил роли орудия управления экономикой на макроуровне, которым он был в период войны, а различные политические решения правительства более непосредственно, чем в 1930-е годы, влияли на повседневную жизнь англичан.

Во время войны правительство постоянно чувствовало себя обязанным “что-то делать” во всех сферах жизни общества вместо того, чтобы просто поддерживать, субсидировать и руководить автономными местными и частными социальными и экономическими структурами. От этого чувства оно не смогло отделаться и после 1945 г. Показательны выборы 1945 г., когда лейбористы впервые получили абсолютное большинство. Но это отнюдь не свидетельствует о резких социальных изменениях, хотя несомненно знаменует решительный отход от коалиционной политики 1930-х годов.

В то же время нельзя сказать, что война радикально повлияла на персональный состав и структуру правительства. Сама лейбористская партия, по крайней мере в палате общин, в значительно большей степени представляла средний класс, чем в 1929 г. На государственной службе в 1945 г. было лишь чуть-чуть меньше выпускников гуманитарных факультетов Оксфорда и Кембриджа, чем в 1930-е годы, а на высших государственных постах не отмечалось постоянного появления ученых, бизнесменов или представителей рабочего класса²¹. Во многих отношениях война укрепила позиции других традиционных институтов власти. Парламент, например, который в 1930-е годы подвергался нападкам слева и справа и считался безнадежно непригодным для удовлетворения потребностей современной промышленной демократии, во время войны вернул себе традиционную роль одного из величайших символов свободы и волеизъявления народа. Правда, такое изменение имиджа представляется несколько парадоксальным, если учесть, что парламентский контроль над правительством в военные годы был слабее, чем на протяжении многих столетий²². Британская монархия, пре-

бывавшая в течение большей части 1930-х годов в состоянии глубокого кризиса, во время войны стала мощным символом единства и к 1945 г. пользовалась таким всеобщим признанием, которого она не знала до того за всю почти тысячелетнюю историю своего существования.

Подобные неоднозначные изменения можно отметить во многих других аспектах социальных и властных структур. Несомненно, война несколько изменила распределение доходов. Средние реальные доходы до обложения их налогами во время войны несколько возросли, зарплата женщин возросла больше, чем мужчин, неквалифицированных рабочих — больше, чем квалифицированных, а в целом заработная плата выросла больше, чем оклады и доходы²³. Эта тенденция подчеркивалась влиянием ярко выраженного прогрессивного налогообложения, включая 100%-ный налог на военные расходы, и жизненный уровень англичан, живших на ренту, несомненно снизился в 1945 г. по сравнению с 1939 г. Во время войны практически исчез институт домашней прислуги, тем самым стерев главные традиционные классовые и социальные различия. Одновременно удивительно мало изменилась структура личных состояний — в конце 40-х годов 80% личных богатств принадлежали 10% богатейших людей страны²⁴. Несмотря на экономические успехи работающих женщин, их заработок в 1945 г. составлял лишь 55% заработка мужчин. Более того, женщины выполняли главным образом самую неквалифицированную, однообразную и скучную работу, и практически все надеялись, что замужние женщины вернуться к своим мужьям, детям и домашнему очагу как только закончится война²⁵.

Эвакуация и мобилизация разлучила многие семьи, отношения между полами (особенно в случае с молодыми женщинами) стали более свободными, рождение внебрачных детей увеличилось на 25%, а число разводов возросло с одного до пяти на сотню. Однако несмотря на все эти трудности, опросы "Мэсс обсервейшн" отмечали "постоянную и удивительную прочность семейных отношений, преданность и экономические связи" супругов, а в сравнительно недавнем исследовании семейных отношений во время войны делается вывод, что семья как ячейка общества вышла из второй мировой войны окрепшей, более сплоченной, более привязанной к своему дому, чем она была когда-либо раньше²⁶.

И на классовой структуре тоже остались отметины от ударов, но она ни в коем случае не была демонтирована. По сути, возможно, она даже окрепла, так как в определенных областях военной администрации и военной экономики открылся быстрый путь вверх честолюбивым молодым людям. К концу войны модные течения в образовании отрицали систему наследственной классовой иерархии и заменили ее новой — системой отбора по специальной шкале оценки интеллекта. Предложения прогрессивных деятелей консервативной партии интегрировать частные школы в систему государственного образования натолкнулись на сопротивление высших классов, защищавших свои привилегии, и своеобразный снобизм низших. Несмотря на уравнивающее воздействие войны, сохранялось большое неравенство в доступе к раз-

личным социальным услугам. Причем оно определялось не только классовыми различиями, а зачастую зависело от региона и местных традиций (в Шотландии, например, число медицинских работников на душу населения было выше, чем по Великобритании в целом, а в Уэльсе — значительно ниже). Более того, рост некоторых социальных служб во время войны необходимо рассматривать на фоне исчезновения других; многие школы не работали в течение длительного времени, пришли в упадок служба здоровья школьников, родильные дома, все виды медицины, не связанные с острыми заболеваниями.

И наконец, психологическое восприятие социальных изменений и приспособление к новой социальной роли было в высшей степени противоречивым и неоднозначным. Неопубликованное исследование обзора социальной перестройки, подготовленного Наффилдским колледжем в 1942-1943 гг., выявило широко распространенное стремление населения к улучшению системы здравоохранения, к обеспеченному доходу и занятости, что сочеталось с практически всеобщей враждебностью к перспективе роста вмешательства правительства в личную жизнь граждан²⁷. Несмотря на эйфорию, вызванную докладом Бевериджа, правительственные опросы общественного мнения, проведенные в более поздние годы войны, выявили глубокое безразличие или враждебность к идее планомерной социальной реконструкции²⁸.

Возможно, именно этот факт отчасти объясняет нежелание Черчилля и его ближайшего окружения заниматься проблемами социального реформирования. Более того, материалы личных архивов показывают, что именно те представители общества, которые больше всего настаивали на его структурных изменениях, меньше всего хотели рассматривать их применительно к собственным интересам. Так, врачи вели успешную кампанию за сохранение частных контрактов в рамках новой, централизованно финансируемой службы здравоохранения. Тред-юнионисты требовали от государства сохранения полной занятости и одновременно настаивали на том, чтобы сразу же после войны был отменен контроль за рынком рабочей силы; многие предприниматели были заинтересованы в дешевых государственных субсидиях и беспроцентных кредитах, но отрицали любую другую форму постоянного контроля со стороны государства²⁹.

Как же следует относиться к свидетельствам нового национального консенсуса в период войны, основанного на конвергенции политических убеждений, единстве цели и глубоком чувстве национальной социальной солидарности? Нам известно из многих источников, начиная от выступлений либералов правого толка, подобных Лайонелу Роббинсу, и кончая экс-коммунистами в лице Стивена Спендера, что многие интеллектуалы воспринимали войну как огромную опустившуюся внезапно пелену моральной ответственности, которая заслонила и сгладила идеологические битвы на всех полюсах интеллектуального противостояния 1930-х годов.³⁰ В 1939 и 1940 гг. перед лицом угрозы гитлеровской оккупации Бельгии, Нидерландов и Люксембурга многие убежденные английские коммунисты, имевшие членские билеты партии, попросту про-

игнорировали приказы из Москвы и добровольно поступили на военную службу. Политика умиротворения агрессора, которая всего лишь два года назад пользовалась всеобщей поддержкой, теперь осыпалась бранью. В течение всего периода войны — от "странной войны" до Дня Победы, от Дюнкерка и до появления самолетов-снарядов — в стране, судя по опросам общественного мнения, отмечалось полное единодушие по поводу безоговорочного сопротивления Гитлеру. Несомненно, подобно другим аспектам политики консенсуса, это единогласие до определенной степени формировалось средствами массовой информации. Но все, кому довелось ознакомиться с частными архивами того времени, не могли не заметить почти полного отсутствия выступлений о том, что Англии не стоило вести эту войну или что ей следует искать пути к заключению мира, хотя во время первой мировой войны такие выступления раздавались часто³¹. (Если иногда намек на такие мысли и появлялся у представителей привилегированных классов, то народ встречал их с единодушным презрением и возмущением³²).

Однако согласие в необходимости оказать сопротивление Гитлеру — это одно, а социальная солидарность и братская любовь к согражданам — совсем другое. После краткого затишья в 1939 г. и начале 1940 г. число преступлений против собственности резко возрастало на протяжении всей войны. Криминологи, которые раньше объясняли антиобщественное поведение людей бедностью и лишениями, теперь переклЮчили свое внимание на изобилие, высокие заработки и благоприятные условия для преступлений в условиях светомаскировки. Число установленных полицией уголовных преступлений возросло с 305 114 в 1940 г. до 478 394 в 1945 г., а количество преступников в возрасте старше 16 лет увеличилось с 150 до 223 на тысячу. Женская преступность почти удвоилась, преступность среди мальчиков-подростков возросла на 60-70%, а девочек — на 100-120% в период между 1938 и 1944 гг.³³ Число забастовочных дней никогда не достигало астрономических цифр времен первой мировой войны, хотя все же было достаточно высоким, чтобы бросить тень на имидж национальной солидарности. "Черный рынок" еще ожидает исторических исследований; почти наверняка масштабы его деятельности намного шире, чем можно судить по числу расследованных дел и вынесенных приговоров³⁴. Во многих современных отчетах высказывается мысль, что, хотя профессиональные широкомасштабные операции на "черном рынке" резко осуждались, многие самые уважаемые граждане не считали для себя зазорным сбывать "правительственные излишки" и вещи, подобранные после воздушных налетов, довольно легко воспринимая операции на "черном рынке" как вклад в военные усилия и борьбу за национальное выживание.

Историки, подчеркивающие в своих трудах тему социального единства, особое внимание уделяли четырем главным аспектам социальной жизни: массовой эвакуации населения, воинской и трудовой повинности, движению за "социальную перестройку" и поведению граждан во время воздушных налетов в больших промышленных и торговых центрах. Насколько известно, еще ни один исследователь архивов не пытался развенчать миф о глубоком всеобщем человеколюбии и исчезновении

классовых различий, которые возникли у всех англичан под воздействием налетов вражеской авиации (хотя даже в то время вынужденное единство пролетариев и богачей преподносилось с язвительной иронией и добрым юмором)³⁵.

Однако что касается других сфер жизни, то в современных исторических исследованиях (в том числе и в мемуарах бывших беженцев) классовое единство все чаще подвергается сомнению. Высказывается мысль, что массовая эвакуация отнюдь не вызывала всеобщее сочувствие, а лишь подтверждала сложившиеся у сельских жителей и представителей среднего класса стереотипы варварских и антисанитарных привычек жителей городских трущоб. Многие владельцы сельских и пригородных хозяйств всячески отказывались принимать эвакуированных, а если это было неизбежно, то относились к ним равнодушно, не сочувствуя их бедам. Вши, антисанитарные привычки и прежде всего энурез, который был частым следствием травмы у детей, насильно разлученных с родителями, являлись главными причинами растущего социального напряжения³⁶. Особенно высокомерно с детьми лондонской бедноты обращалась домашняя прислуга. Сотрудники министерства здравоохранения установили, что "найти жилье для незамужних женщин с новорожденными младенцами было практически невозможно, а по мнению работников благотворительной службы, некоторым из таких женщин и не следовало предоставлять жилье. Требовалось время на восстановление сил и обучение, прежде чем им можно было доверить заботу о ребенке"³⁷.

К тому же утверждалось, что трудовая повинность и военное производство не только не способствовали сглаживанию различий, но и были чреватые постоянными конфликтами, связанными с квалификацией, должностью, отраслью, полом, заработной платой и социальной принадлежностью. В опубликованных и архивных материалах организации "Мэсс обсервейши" можно найти множество свидетельств, подтверждающих эту точку зрения. "Жаль, что многие чиновники говорят так резко, недружелюбно, покровительственно, с искусственными интонациями на языке, которым, как им кажется, пользуется сам король Англии", — записала одна женщина, выполнявшая на добровольных началах вербовку рабочих девушек в армейскую вспомогательную службу. — По-видимому, чиновникам кажется, что если девушка говорит с акцентом жителей северных районов Англии, то она необразованна, груба, бесчувственна, и они обращаются с ней, как плохо воспитанная герцогиня с судомойкой"³⁸.

В одном из обзоров "Мэсс обсервейши" 1942 г., опубликованном как раз перед появлением доклада Бевериджа, говорилось, что во всех отраслях промышленности наблюдались глубокое недовольство администрацией и управлением, прогулы и неудовлетворенность работой, страх, что места займут женщины или неквалифицированные рабочие, и в то же время — гнев администраторов по поводу заметного падения трудовой дисциплины, которое принесла с собой война. "В некоторых отраслях промышленности различные группы рабочих настроены друг против друга более враждебно и воинственно, чем против противника —

Германии, Италии, Японии... В конфликтах между хозяевами и наёмными работниками... тщетно искать какие-либо признаки согласия, объединяющего все стороны в борьбе с Германией... Обе стороны утверждают, что их единственная цель — укрепить силы нации в борьбе с фашизмом, однако реальное противостояние сегодня — это все то же, что и до войны"³⁹.

Отсутствие консенсуса также остается ведущей темой новейших трудов по истории движения за реконструкцию общества. В 1970-е годы историки отмечали доминирующую роль широко распространенной, в основном непартийной, "прогрессивной идеологии", "святыми покровителями" которой были Беверидж и Кейнс. В отличие от них более поздние авторы подчеркивали полное нежелание коалиционного правительства поддерживать идею социальной реформы, а также наличие глубоких противоречий внутри консервативной партии по поводу целей реформы и зияющую пропасть между осторожным прагматизмом министров-лейбористов и гораздо более радикальными и утопическими взглядами рядовых членов парламента и сторонников лейбористской партии в стране в целом⁴⁰. И наконец, сами результаты выборов 1945 г., последовавших после выхода лейбористов из правительства и призыва Черчилля провести досрочные выборы, можно рассматривать как свидетельство того, что и политические деятели, и народ отвернулись от политики консенсуса после длительного существования коалиционного правительства, начиная с 1931 г.

Существует и проблема влияния войны на возникновение идеи "государства всеобщего благосостояния". Очень важно подчеркнуть, что предполагаемый путь от "войны народа" до "всеобщего социального благосостояния" никогда не был таким уж триумфальным, даже по описаниям историков 40-х и 50-х годов, как это утверждают Кэннадин и др. Наоборот, даже Ричард Титмус, первым указавший на причинную связь между высоким моральным духом нации в военное время и возникновением "заботливого общества", также подчеркивал важнейшую роль конкурирующих групповых интересов в формировании социальной политики и сохранение в послевоенном английском обществе давно сложившегося общественного неравенства⁴¹.

Титмус, однако, действительно выстроил довольно приблизительную хронологическую модель истории государства всеобщего благосостояния. Его примеру последовали многие послевоенные историки, в работах которых на смену угнетенному и несправдливому обществу 30-х годов пришло общество всеобщего социального обеспечения 40-х и 50-х годов, причем стимулом этих перемен стало центральное правительство, а катализатором — социальная и моральная революция второй мировой войны. За последние пару десятилетий такая интерпретация подвергалась сомнению и видоизменялась по целому ряду проблем. Во многих не столь давних исследованиях поднимается вопрос о соответствии истине традиционных отчетов британских социальных служб о периоде 30-х годов, хотя и сейчас "пессимистическая" точка зрения на этот период сохраняет влиятельных сторонников.

Стало известно, что расходы на социальное обеспечение в течение 30-х годов на самом деле росли быстрее, чем за любой отрезок мирного времени до конца 1960-х годов; что период между двумя мировыми войнами отнюдь не характеризовался застоем и упадком, а являлся временем экспериментов и новшеств во многих областях социальных реформ. Во многих отношениях британская система социального обеспечения в 1930-е годы была шире, чем в любом другом государстве Европы. В частности, неуклонный рост служб здравоохранения, находящихся в ведении местных властей и зарегистрированных обществ до 1939 г., был значительно выше, чем под руководством центрального правительства *после* второй мировой войны. И хотя война по-прежнему считается уникальным катализатором централизации, это само по себе больше не рассматривается как лакмусовая бумажка прогрессивных социальных перемен⁴².

И что характерно, исследования социальной политики военного времени позволяют сейчас воссоздать более сложную картину, чем была когда-то представлена официальными военными историками. Как следует из архивных источников, диапазон интересов и идеологий, задействованных в реконструкции общества, был гораздо шире, чем предполагалось ранее. Путь от "реконструкции" времен войны до послевоенного государства всеобщего благосостояния был намного более извилистым и спорным, чем это многим представлялось. Отчасти это объясняется тем, что экономические ограничения не позволяли реализовать многие планы военного времени, однако отчасти причина кроется и в том, что в значительной степени идеи реконструкции базировались на сохранении многих рычагов контроля военного времени над обществом и производством, которые довольно быстро оказались непригодными для послевоенных условий⁴³.

Привязанность к давно существующим методам и принципам, а не к "смелому новому миру", оказалась намного сильнее, чем это готовы были признать послевоенные реформаторы. Например, всеобщие семейные пособия, которые часто выдаются за непосредственный практический результат солидарности военного времени, при ближайшем рассмотрении оказались плодом определенных административных сделок.⁴⁴ Они были предприняты Уайтхоллом отчасти для того, чтобы удовлетворить милитаристское стремление повысить рождаемость, отчасти — компенсировать высокое налогообложение, а отчасти — порождены односторонним стремлением придать новой системе социального страхования гарантии старого законодательства о бедных. Не так давно высказывалось мнение, что многие историки социальной политики (включая и автора данной главы) ошибались в оценке концепции всеобщего "прожиточного минимума", содержащейся в плане Бевериджа, который, учитывая существовавшие бюджетные и финансовые ограничения, был недостаточен и носил прямо-таки спартанский характер⁴⁵. Такого рода исследования опровергли точку зрения, что социальная политика военного времени резко отошла от традиций и, наоборот, свидетельствуют о высокой степени преемственности. В социальной

политике; как и в большой стратегии, война все больше представляется продолжением политики.

Все эти новые акценты в исторических исследованиях не говорят о том, что старый тезис о "единстве тыла" абсолютно ошибочен: просто он нуждается в пересмотре и уточнениях. Сам Титмус в своей классической истории Великобритании военного периода время от времени выражал сомнения в реальности существования единства, которое можно было бы назвать "народным сознанием", или "разумом народа", а его описание жизни в условиях налетов гитлеровской авиации на самом деле часто подчеркивало и разнообразие и непредсказуемость человеческих реакций на тяготы войны. Однако эта тема в работе Титмуса занимает менее заметное место, чем тема национальной солидарности военного времени. Во многих случаях это акцентирование национального единства могло просто вводить в заблуждение. Во-первых, Титмус недооценивал тот факт, что именно защита беспорядочного, раздробленного, обветшавшего, привычного плюрализма британской социальной жизни для многих англичан вносила смысл в борьбу с врагом. И, во-вторых, он недооценивал неоднозначность и противоречивость стремления общества к послевоенным социальным изменениям.

Много было написано о том, что война укрепила глобальные тенденции к зачаточным формам коллективизма. Однако удивительно мало говорилось о противоположной тенденции — об усилении и придании законности глубоко личному и неструктурированному психологическому индивидуализму — индивидуализму, который открыто выступил против фашизма, но одновременно установил четкие барьеры на пути всякого рода коллективизации. После нападения Гитлера на Советский Союз министерство информации стало довольно тактично в положительном ключе представлять жизнь в России, что подогревало интерес широких слоев населения к политической и экономической системе Советского Союза. Однако этот интерес сосуществовал с практически всеобщим недоверием к политической власти и бюрократии в контексте повседневной жизни в Великобритании.

Стивен Спендер, популяризатор многих предвоенных левых течений, в своем дневнике очень хорошо выразил стремление англичан защитить свою личную жизнь от постороннего вмешательства. Осенью 1939 г. Спендер вдруг обнаружил, что разделяет взгляды Невилла Чемберлена. "...Мне ненавистна мысль, что мною будут командовать и я потеряю свободу действий... Я холодею при мысли, что кто-то будет распоряжаться моей жизнью и заставит меня делать то, чего я не хочу, ради дела, которое я ненавижу. Этот страх вынудил меня в какой-то мере уединиться, и я обнаружил, что личности моих собратьев зачастую определенным образом сдерживают меня и вызывают неприятное чувство принуждения. Вот оно как: вы начинаете анализировать свою ненависть к фашизму, и это приводит вас к желанию, чтобы вас никто не беспокоил"⁴⁶.

Многочисленные однообразные описания повседневной жизни во время войны, включая и дневниковые записи, позволяют сделать вывод, что чувства Спендера разделяло огромное большинство британского народа в различных жизненных ситуациях — дома, на работе, в любви и в отдыхе⁴⁷. В тяжелые дни 1940 г. многие мечтали оказаться "в маленькой деревушке, где нет телефонов, а затемнение всегда было естественным состоянием вещей"⁴⁸. Опросы "Мэсс обсервейшн" на более поздних этапах войны с некоторым неодобрением отмечали, что в послевоенном видении мира главное место занимала не социальная перестройка, а "уход в личный мир мечтаний", "стремление к простым радостям жизни"⁴⁹.

Даже среди тех доброжелательных, гостеприимных англичан, которые давали приют эвакуированным, глубоко укоренилось стремление больше никогда не принимать посетителей. Народный юмор и народная культура, нашедшие выражение в песнях, карикатурах, радиошоу и развлекательных программах для военнослужащих, носили не коллективистский, а скорее анархический характер, знаменуя не единство человечества, а скорее его глупость; не правоту национального дела, а ошибки властей предрержащих, будь то гражданские или военные, британские или немецкие, американские или русские⁵⁰. Официальным призывам остановить рост беспокойства и уныния внимали в общественных местах, но они становились предметом насмешек дома. Идеалистические и возвышенные ноты слышались только с двух направлений — от небольшого меньшинства, преданного идее бескомпромиссного принципиального коллективизма, и от тех людей, которые на себе испытали ужасы обстрелов и воздушных налетов вражеской авиации.

Мнение последней группы высвечивает еще одну слабую сторону идеи консенсуса. Весь шестилетний период войны рассматривается как единый хронологический ряд, в котором нет четких границ в колебаниях общественного мнения и поведения людей в различных ситуациях, в разные моменты войны. После падения Дюнкерка и во время ежедневных ночных, а иногда и дневных налетов, как это было в конце лета 1940 г., действительно стали появляться свидетельства того, что страх, волнения, отчаяние и постоянная близость смерти вызвали у многих людей ощущение бренности их существования и тягу к мистическому единству. "Жизнь свелась к проблеме дожить до следующей еды, следующего глотка воды. Отношения между людьми стали удивительно простыми. Исчезли барьеры классов и условий жизни... Мы прожили несколько месяцев в преддверии совсем иной истории"⁵¹. Такие настроения влияли не только на частную жизнь населения Великобритании, но и на его социальную и экономическую деятельность. Об этом свидетельствует рост производительности труда на британских заводах летом и осенью 1940 г. Однако и в личной жизни, и в производственной деятельности большинства англичан подобные настроения были преходящими; кроме того, историки иногда забывают о долгом и безотрадном ожидании открытия второго фронта.

Это время с его напряженностью, бессмысленностью и бездуховностью наглядно отобразено в дневниках, художественной литературе и

частной переписке (эта "темнота в середине туннеля" мастерски показана в романе Элизабет Боуэн "Жаркий день" — *The Heat of the Day*, — который она написала в середине войны). Интересно отметить, что в отчете "Мэсс обсервейши" осенью 1942 г. с ностальгией говорилось о "духе Дюнкерка", как будто речь шла о событии в далеком и безвозвратно ушедшем прошлом⁵².

Еще один аспект социальной истории того периода, которому, возможно, уделялось слишком мало внимания, — это многообразие опыта военного времени у разных людей, районов, организаций, социальных групп. Даже в детальных исторических трудах; написанных Калдером и Марвиком, в основном выявлены лишь общие тенденции и отмечен поступательный ход национальной социальной демократии. Однако во все периоды современной британской истории социальную жизнь характеризовали микроскопические различия наряду с широкими социальными движениями, и вторая мировая война в этом отношении не является исключением.

Несомненно, для многих людей война была "хорошим временем", а многие другие (не говоря уже о мертвых и раненых) невыносимо страдали от разлуки с домом и теми, кого они любили. Имелись люди, у которых война ассоциировалась с годами принудительного ненавистного труда, в то время как для других она означала долгожданное освобождение от бесцельного существования и скуки. Можно вспомнить об одном ученом-медиевисте: труд, над которым он работал, был уничтожен во время воздушного налета. «В состоянии неопишуемого восторга, — писал он, — я вошел в кабак и заказал тройную порцию виски с содовой. Я был готов закричать "Хайль Гитлер!", настолько я был благодарен врагу человечества №1 за то, что он снял груз с моих рук, ума и сердца»⁵³.

Для некоторых призванных на работу женщин война была связана с волнением, романтикой, путешествиями, возможностями сделать карьеру и вообще в целом укрепила их социальное положение; а для большинства других это была ежедневная борьба, они должны были справляться со службой, покупками, поездками на общественном транспорте, домашней работой, заботой о детях, потерей кормильца, причем зачастую при минимальной поддержке со стороны общественных организаций⁵⁴. Среди женщин, которые вели дневники по заданию "Мэсс обсервейши", насчитывалось немало тех, кто жил в постоянном страхе насильственной смерти их близких; но имелись и такие, для которых призыв их мужей на военную службу означал благословенную свободу от жестокостей семейной жизни⁵⁵.

Во многих районах страны война резко изменила отношение верующих к религиозному богослужению и посещению храмов; в некоторых случаях эти изменения стали необратимыми. Тем не менее роль войны в процессе развертывания борьбы за отделение церкви от государства нужно рассматривать на фоне свидетельств о широком возврате к вере, "воскрешении веры" и обращении к молитве в определенных ситуациях⁵⁶.

Если существует единая общая тема, которая постоянно возникает в письмах и дневниках (так же, как и в поэзии, и в прозе) того времени, то это не величие значительных событий, а страстная любовь к мелким, личным, домашним вещам, которые порой кажутся вдвойне важными, поскольку тяготы войны сделали их мимолетными и ненадежными. Сама природа этой единой общей темы лишь подтверждает элемент бесконечного многообразия. По результатам одного из опросов "Мэсс обсервейшн" в конце 1942 г. сделала вывод: "Не может существовать один всеобъемлющий план, цель и путь, *одно настроение, которое разделяют рабочие, менеджеры, директора и государственные служащие*... Полное изменение довоенного образа жизни может вызвать резкие перемены в режиме работы населения, ликвидировать различия между днями, ролями и правами... Однако во время войны любая страна становится зависимой от истоков своей культуры"⁵⁷.

Следовательно, автор, изучающий социальную историю второй мировой войны, должен уделять пристальное внимание не только крупным общественным "прогрессивным" силам, но и мельчайшим истокам личной культуры. Эти истоки не только были основной чертой социальной структуры британского общества того периода, но в такой же мере, как стремление к равенству и благосостоянию, они являлись молчаливым выражением целей народной войны. Пренебрежение этими истоками часто приводило к неправильным выводам тех авторов, которые рассматривали военную историю своей страны только в свете несбыточных обещаний.

Однако важность этих истоков не означает стремления слишком сильно качнуть маятник в другую сторону. Английская общественность (или по крайней мере группы давления и добровольные ассоциации) одобряла взгляды Бевериджа на коллективное социальное обеспечение, о чем свидетельствуют устные и письменные свидетельские показания перед Комитетом социального страхования Бевериджа⁵⁸. Ревизионистские суждения о войне, которые приуменьшают роль консенсуса и национальной солидарности, игнорируют серьезные архивные "умалчивания", указывающие на наличие определенных зон общего согласия, слишком глубокого и очевидного, чтобы стать предметом комментариев или дебатов. И война, несомненно, вызвала много непосредственных и долговременных социальных изменений, в том числе тех, которые не представляется возможным детально исследовать в данной главе.

Можно следующим образом выявить и обобщить ключевые моменты долгосрочных структурных изменений, которые заслуживают дальнейшего исторического исследования. Вполне вероятно, что даже сам факт государственного контроля в таких огромных масштабах привел к перманентным изменениям в британской политической культуре и сыграл важную роль в длительном процессе трансформации Великобритании из одной из наиболее местнических и волюнтаристских стран в Европе в самую централизованную и бюрократическую.

В то же время тот факт, что Великобритания осталась единственной страной среди европейских участников битвы с Германией, которая не была оккупирована врагом, возможно, обусловлен упрямой привер-

женностью определенным традиционным привычкам и ценностям — своеобразному сочетанию гражданских свобод с коллективистскими правами на получение социальных пособий, что стало отличительной чертой послевоенной жизни Британии. Ликвидация большого числа заграничных капиталовложений и частичное снижение значения лондонского Сити как международного финансового центра означали ограничение роли групп давления и финансовой элиты в период войны и нескольких месяцев после ее окончания на британскую политику и общество, что было обычным явлением на протяжении предыдущих 50 лет. (Все вернулось на круги своя, когда завершилась послевоенная эпоха.)

Весьма сомнительно, чтобы война, даже временно, могла изменить традиционное восприятие роли мужчины и женщины в обществе, несмотря на массовый приток женщин в производство, поскольку организация общества для ведения войны с большей неизбежностью укрепляет патриархат и мужественность, чем любая форма чисто экономических отношений⁵⁹. Изменение отношений между классами заслуживает дополнительного анализа. Мы наслышаны о влиянии жителей трущоб на сознание представителей среднего класса, но мы гораздо меньше знаем о воздействии тех самых представителей среднего класса на политическое сознание обитателей трущоб.

Другой важной областью социальных изменений является восприятие англичанами внешнего мира и контакты с этим миром. Впервые жители Великобритании стали объектами столь мощного влияния североамериканской культуры, сначала в результате отмены в 1942 г. довоенной официальной квоты на иностранные фильмы, а позднее из-за присутствия 2 млн американских и 500 тыс. канадских военнослужащих, дислоцированных в Великобритании.

Неудивительно, что в ходе войны отношение англичан к Америке заметно менялось; в октябре 1940 г. опросы общественного мнения показали, что американцы котируются ниже греков, поляков и евреев. Однако к марту 1942 г. "у многих англичан стала появляться мысль, что американцы — это довольно эксцентричная разновидность англичан"⁶⁰. В отчетах "Мэсс обсервейшн" встречается множество плутовских историй о столкновениях англо-американских культур, в том числе об американском военнослужащем, который, войдя в пивную в Норфолке, произнес с американским акцентом одобрительный возглас "О, да!". Его арестовали как немецкого шпиона. Военное присутствие американцев позволило многим англичанам впервые увидеть черных жителей США, к которым они отнеслись со свойственным им многообразием, — гостеприимной доброжелательностью, не обращающей внимания на цвет кожи, застенчивым и благородным либерализмом и неприкрытой расовой враждебностью⁶¹.

В результате войны в Великобритании оказалось большое число европейских беженцев и военнопленных, из которых почти четверть миллиона (в большинстве своем поляки) получили постоянное британское гражданство. Внимание историков начинает привлекать проблема влияния на британское общество и культуру этой чрезвычайно предприим-

чивой, в основном римско-католической группы населения⁶². Наиболее значительным социальным событием войны с точки зрения будущих культурных перемен стало временное переселение в Британию нескольких тысяч рабочих, матросов и солдат из Вест-Индии, многие из которых после войны вернулись в качестве постоянных поселенцев⁶³. Однако ни в 1945 г., ни много лет спустя никому не приходило в голову, что Великобритания находится на грани глубокой этнической революции.

В заключение необходимо подчеркнуть, что практически все структурные изменения, происходившие в Великобритании во время второй мировой войны, сопровождались аналогичными изменениями во всех других западноевропейских странах, союзных и вражеских, воюющих и нейтральных. Таким сравнениям не следует придавать слишком большого значения, у каждой страны была своя собственная уникальная государственная, демографическая и культурная история. Но ни одна страна Западной Европы не избежала влияния массовой социальной благотворительности, улучшения системы здравоохранения, этнической миграции, потребительства и экономических рычагов управления; и во многих странах такие тенденции были более заметными, чем в Великобритании⁶⁴. Более широкая история Европы является тем фоном, на котором взвешивается глубина, смысл и значимость социальных тенденций и событий в Великобритании в период между 1939 и 1945 гг.

¹ *Bevin E.* The Job to be Done. L., 1942. P. 10.

² Цит. по: *Fyfe H.* Britain's Wartime Revolution. L., 1944. P. 5.

³ [*Sir William Beveridge*]. Social Insurance and Allied Services. Cmd. 6404. 1942. P. 6.

⁴ *Murrow E.R.* This Is London. N.Y., 1941. P. 136.

⁵ *Hammond R.J.* Food L., 1951. Vol. 1. P. 353-359; L., 1956. Vol. 2. P. 753-759; Sayers R.S. 1941 — the First Keynesian Budget// The Managed Economy/Ed. Ch. Feinstein. Oxford, 1983. P. 108.

⁶ *Titmuss R.M.* Problems of Social Policy. L., 1950. P. 506-508; Essays on the Welfare State, 2nd ed.. L., 1963. P. 84-85.

⁷ *Revell J.S.* Income and Wealth 1911-50 Paper to the International Economic History Congress, 1970; *Barnett C.* The Audit of War. L., 1986; *Summerfield P.* Women Workers in the Second World War. Production and Patriarchy in Conflict. L., 1984; *Howard A.* We are the Masters Now//*Sissons M., French P.* The Age of Austerity 1945-51. L., 1964.

⁸ War and Social Change. British Society in the Second World War/ Ed. H.L.Smith. Manchester, 1986; *Lowe R.* The Second World War, Consensus, and the Foundations of the Welfare State//*Twentieth Century British History.* 1990. № 1. P. 152-182.

⁹ *Lawrie J.S.* The Impact of the Second World War on English Cultural Life. Sydney University Ph.D. Thesis, 1988; Britain and the Cinema in the Second World War/Ed. Ph.M.Taylor. L., 1988; *Stammers N.* Civil Liberties in Britain during the Second World War: A Political Study. L., 1983; *Harrison T.* Living Through the Blitz. L., 1976; *Summerfield P.* Mass Observation; Social History or Social Movement?//*Journal of Contemporary History.* 1985. № 20. P. 3, 439-452.

¹⁰ *Barnett C.* The Audit of War; *Smith H.* Op. cit.; *Jefferys K.* British Politics and Social Policy during the Second World War//*Historical Journal.* 1987. № 30. P. 123-144; *Jefferys K.* The Churchill Coalition and Wartime Politics. 1940-1945. Manchester, 1991.

¹¹ *Stammers N.* Civil Liberties... P. 24-25, 34-62, 66, 69-70, 117-120; *Wasserstein B.* Britain and the Jews of Europe. Oxford, 1979. P. 81-133.

¹² *Addison P.* The Road to 1945. L., 1975. Ch. 2-5; *Chester D.N.* Lessons of the British War Economy. L., 1951; *Gowing M.* The Organisation of Manpower in Britain during the Second

World War//Journal of Contemporary History. 1972. Jan.—Apr. № 1-2. P. 147-167; *Milward A.S. War, Economy and Society 1939-45. L., 1977. Ch. 4, 7, 8.*

¹³ *Murrow E.R. This is London. N.Y., 1941. P. 103-104.*

¹⁴ *Titmuss R.M. Problems... P. 324-331, 462-463, 557-561.*

¹⁵ *Ibid. P. 183-202, 442-505.*

¹⁶ *Hammond R.J. Food. Vol. 2. Passim; Parker H.M.D. Manpower. A Study of Wartime Policy and Administration. L., 1957. P. 416-423; Titmuss R.M. Problems... P. 17, 199, 275, 315-318; Lee J.M. Reviewing the Machinery of Government 1942-1952. L., 1977. P. 114-116, 129-136.*

¹⁷ *Harris J. William Beveridge. A Biography. Oxford, 1977. P. 380-381; Keynes J.M. How to Pay for the War. L., 1940; Tawney R.H. The Abolition of Economic Controls//Economic History Review. 1943. Vol. XIII. № 1. P. 1-30; Brooke St. Revisionists and Fundamentalists: the Labour Party and Economic Policy during the Second World War//Historical Journal. 1989. Vol. 32. № 1. P. 157-175.*

¹⁸ Mass Observation Archives (Sussex University Library, Sussex, England), Box 4. File A on "Russia," 1939-1941.

¹⁹ *Harris J. William Beveridge. Chs. 16, 17.*

²⁰ Educational Reconstruction. Cmd. 6458 (1943); A National Health Service. Cmd. 6502 (1944); Control of Land Use, Cmd. 6514 (1944); Employment Policy. Cmd. 6527 (1944); Social Insurance. Cmd. 6550-1 (1944); Report of the Care of Children Committee. Cmd. 6922 (1946).

²¹ *Kelsall R.K. Higher Civil Servants in Great Britain. L., 1955. P. 146-160; Eatwell R. The 1945-51 Labour Governments. L., 1979. P. 45-48.*

²² *Lee J.M. Reviewing the Machinery of Government. P. 114. Автор полагает, что приостановка выборов в палату общин и местные органы власти на период войны могла..., как это ни странно, укрепить доверие к традиционной конституционной практике.*

²³ *Carr-Saunders A.M., Jones D.C., Moser C.A. A Survey of Social Conditions in England and Wales. L., 1958. P. 136-153.*

²⁴ *Ibid. P. 173-182.*

²⁵ *Summerfield P. Women Workers... P. 185-191.*

²⁶ *Ferguson Sh, Fitzgerald H. Studies in the Social Services. L., 1954. P. 103-109; Winter J.M. The Demographic Consequences of the War//War and Social Change. P. 176.*

²⁷ *Harris J. Did British Workers Want the Welfare State? G.D.H.Cole's Survey of 1942//The Working Class in Modern British History/Ed. J.M.Winter. Cambridge, 1983. P. 200-214. Архивы обзора реконструкции хранятся в библиотеке Наффилдского колледжа в Оксфорде).*

²⁸ *Lowe R. The Second World War... P. 174-180.*

²⁹ British Library of Political Science: Beveridge Papers, IXa. 15. Employment investigation. Report of a Meeting with the TUC, 9 Febr. 1944; *Harris J. Some Aspects of Social Policy in Britain during the Second World War//The Emergence of the Welfare State in Britain and Germany/Ed. W.J.Mommsen. L., B., 1981. P. 247-260; Webster Ch. The Health Services since the War I. L., 1988. P. 107-120.*

³⁰ *Robbins L. Autobiography of an Economist. L., 1971; Spender S. September Journal//Journals 1939-1983/Ed. J.Goldsmith. L., 1985.*

³¹ Заметным исключением явился дневник Н.Митчисон (*Mitchison N. Among You Taking Notes: The Wartime Diary of Naomi Mitchison/Ed. D.Sheridan. L., 1985. P. 62-63.*)

³² *Murrow E.R. This is London. P. 71, 90, 163. Мэрроу приводит свидетельства неприязни к группе литературных беженцев в Голливуде (Оудин, Хаксли, Ишервуд) и к ряду пораженцев-космополитов, которые, как считается, окружали американского посла в Лондоне Джозефа Кеннеди.*

³³ *Mannheim H. Comparative Criminology. L., 1965. Vol. 2. P. 597-598; Idem. Social Aspects of Crime between the Wars. L., 1940. P. 105-122; Idem. War and Crime. L., 1941. P. 129-144.*

³⁴ *Smithies E. The Black Economy in England since 1914. Dublin, 1984. P. 64-84.*

- 35 Это подтверждают многочисленные карикатуры времен войны. См.: *Sinclair A. The War Decade: An Anthology of the 1940s. L., 1989. P. 21; Douglas R. The World War 1939-45: The Cartoonists' Vision. L., 1990. P. 264-279.*
- 36 *Crosby T. The Impact of Civilian Evacuation in the Second World War. L., 1986. Passim; Macnicol J. The Effect of the Evacuation of Schoolchildren on Official Attitudes to State Intervention//War and Social Change. P. 3-31.*
- 37 *Ferguson S., Fitzgerald H. Studies in the Social Services. P. 104.*
- 38 *Wartime Women. A Mass-Observation Anthology/Ed. D.Sheridan. L., 1990. P. 151.*
- 39 *People in Production: An Enquiry into British War Production: A Report by Mass Observation. Harmondsworth, 1942. P. 24-25.*
- 40 Ср., например, книгу Аддисона (*Addison P. The Road to 1945*), написанную в 1975 г., с работами Брука и Джеффриса (*Brooke St. Revisionists and Fundamentalists: the Labour Party and Economic Policy during the Second World War//Historical Journal. 1989. Vol. 32. № 1. P. 157-175; Jefferys K. Churchill Coalition. P. 221*).
- 41 См., например: *Titmuss R.M. Income Distribution and Social Change. L., 1962*, а также материалы Титмуса в кн.: *Law and Opinion in England in the Twentieth Century/Ed. M.Ginsberg L., 1959.*
- 42 *Middleton R. The Treasury and Public Investment: a Perspective on Interwar Economic Management/Public Administration. Winter 1983. Vol. 61. № 4. P. 352; Whiteside N. Private Agencies for Public Purposes: Some New Perspectives on Policy-Making in Health Insurance between the Wars//Journal of Social Policy. 1983. Vol. 12. № 2. P. 165-183.*
- 43 *Harris J. Beveridge... Ch. 17; Chapman R.P. The Development of Policy on Family Allowances and National Insurance in the United Kingdom 1942-1946//University of London M.Phil. thesis. (1990).*
- 44 *Macnicol J. The Movement for Family Allowances 1918-1945. L., 1980. P. 156, 169, 183-186, 202.*
- 45 *Veit-Wilson J. Muddle or Mendacity: The Beveridge Committee and the Poverty Line//Journal of Social Policy. 1992. Vol. 21. P. 3.*
- 46 Цит. по: *Sinclair A. The War Decade. P. 14.*
- 47 *Lawrie J.S. Impact of the Second World War. Passim; People in Production, pt C, D, and E.*
- 48 *Murrow E.R. This is London. P. 72-73.*
- 49 *Mass Observation Archives. FR, 1364, Reconstruction. People's Hopes and Expectations, July 1942. Автор отчета подчеркнул, что это представляет "главным образом уход в личный мир и шаг от ответственности в сторону собственного спокойствия".*
- 50 *PRO. INF 1/292. A Review of Some Conclusions Arising out of a Year of Home Intelligence Reports, by Stephen Taylor, Oct. 1941; People in Production. P. 63-67, and passim.*
- 51 *Symons J. Notes from Another Country (цит. по: Sinclair A. The War Decade. P. 76.*
- 52 *People in Production. P. 54-55.*
- 53 Цит. по: *Sinclair A. The War Decade. P. 90-93.*
- 54 *Summerfield P. Women Workers... Passim.*
- 55 *Wartime Women. P. 142-143.*
- 56 *Currie R., Gilbert A., Horsley L. Churches and Churchgoers. Patterns of Church Growth in the British Isles since 1700. Oxford, 1977. P. 27, 30, 35-37, 62, 114-115. "Мэсс обсервейшн" отметила сокращение числа посещений церкви, но при "усилении" веры, особенно в 1942 г. (Mass Observation archive, FR 1200).*
- 57 *People in Production. P. 178-179.*
- 58 *PRO, CAB 87/76-78 Minutes of the Social Insurance Committee, Mar.-Aug. 1942.*
- 59 "Некоторые вещи неизбежно сопутствуют войне, — писал анонимный сотрудник "Мэсс обсервейшн" в апреле 1940 г. — Главное — это бороться, побеждать, убивать и быть убитым, оставаться мужественным и агрессивным, необычайно сильным и яростным" (Mass Observation archive, FR 89).
- 60 *Mass Observation archive, FR 1095. Opinion on America. См. также: Stacey C.P., Wilson B.M. The Half-Million. The Canadians in Britain. 1939-1946. Toronto, 1987.*

⁶¹ *Smith G.* When Jim Crow Met John Bull: Black American Soldiers in World War II Britain. L., 1987.

⁶² *Sword K. et. al.* The Formation of the Polish Community in Great Britain 1939-1950. L., 1989.

⁶³ *Fryer P.* Staying Power: The History of Black People in Britain. Atlantic Highlands (N.J.), 1984. P. 330-367.

⁶⁴ *Flora P.* State, Economy and Society in Western Europe 1815-1975. Vol. 1: The Growth of Mass Democracies and Welfare States. Frankfurt, 1983; Growth to Limits: The Western European Welfare States since World War Two/Ed. P.Flora. Vol. 1, 2, 4. N.Y., B., 1987-1988.

10. Советский Союз: ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

М.М.Наринский

22 июня 1941 года газета "Правда" вышла с передовой статьей "Народная забота о школе". Для советских людей начинался летний день отдыха — воскресенье в СССР было единственным днем отдыха при семидневной рабочей неделе. Однако когда "Правда" пришла к читателям, на западных границах СССР вовсю полыхала война. Выступивший по радио в 12 часов нарком иностранных дел В.М.Молотов объявил: "Сегодня в 4 часа утра, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города"¹. Жизнь советских людей круто переломилась.

24 июня в двух газетах было напечатано стихотворение В.Лебедева-Кумача "Священная война".

Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой.
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.

Оно стало главной песней Великой Отечественной войны. Ее слова звучали призывным набатом и торжественной клятвой.

Огромная страна поднималась на борьбу против сильного, коварного врага. Какой же она, Страна Советов, встретила войну?

Ценой колоссальных усилий советского народа, громадных жертв и потерь СССР утвердился в ряду промышленных держав. К началу войны Советский Союз преодолел абсолютное отставание от главных государств Западной Европы по производству основных отраслей промышленности. В конце 30-х годов производство электроэнергии, топлива, чугуна, стали, цемента в СССР превосходило соответствующие показатели Германии, Великобритании, Франции или вплотную приближалось к ним. При бесспорных успехах производство других видов промышленной продукции, и в первую очередь товаров народного потребления, на душу населения все же оставалось заметно более низким, чем в большинстве развитых стран. Ниже были квалификация, качество и эффективность труда большинства рабочих и специалистов.

В 1940 г., к исходу первого десятилетия коллективизации, основную часть сельскохозяйственной продукции давали 4 тыс. совхозов и 237 тыс. колхозов. Общественное производство дополнялось личным подсобным хозяйством колхозников, рабочих, служащих.

Коллективизация решала важные социально-политические задачи. Однако проводилась она такими жестокими насильственными методами, а колхозная жизнь, основанная фактически на принудительном труде, обрела такие формы, что чисто экономические результаты преобразований в сельском хозяйстве оказались скорее негативными. Из деревни оказались выброшенными наиболее крепкие, умелые хозяева, навыки настоящего крестьянского труда утрачивались.

Правда, при этом доля занятых в сельском хозяйстве сократилась больше чем в полтора раза — примерно с 80% работающего населения в 1928 г. до 54% в 1940 г. В стране происходила быстрая урбанизация. Патриархальный крестьянский быт сменялся новой городской жизнью. Произошел качественный сдвиг в отношении населения к образованию, здравоохранению, культуре. И все же большинство населения проживало в деревнях — примерно $\frac{2}{3}$ в 1939 г.; оно привыкло к нелегким условиям существования, к тяжелой крестьянской работе и недоходу. Да и в городах люди жили в трудных условиях коммуналок, повседневно сталкиваясь с материальными тяготами.

И все же подавляющее большинство населения этой громадной аграрно-индустриальной страны верило в завтрашний день, в преимущества социализма, в мудрость "вождя народов". Советские люди жили как бы в осажденной крепости — враждебное капиталистическое окружение, как им внушалось, стремилось уничтожить Страну Советов, готовило военные провокации и враждебные вылазки. Сталинские репрессии создали в стране атмосферу страха и террора.

И вот грянула война!

Суровые испытания, выпавшие во время Великой Отечественной войны на долю советского народа, далеко превосходили все то, что пришлось испытать населению других крупных воюющих государств. Война означала не только колоссальную перекачку ресурсов из сферы потребления в сферу производства, из гражданского сектора экономики в военный, отказ от удовлетворения потребностей гражданского населения в пользу нужд Красной Армии. Как отмечают британские авторы Джон Барбер и Марк Гаррисон, "советский опыт был исключительно трагическим по той причине, что СССР вынужден был вести тотальную войну в значительной мере на своей собственной территории со всеми сопутствующими разрушениями, со значительным сокращением промышленного и сельскохозяйственного производства, обусловленным вражеской оккупацией западной части страны"².

Указом Президиума Верховного Совета СССР на 23 июня было объявлено начало мобилизации военнообязанных 1905-1918 гг. рождения — они должны были явиться на призывные пункты. Страна прощалась с сыновьями, братьями, мужьями, уходившими на войну. Мобилизация проходила четко и оперативно. К первому июля 1941 г. (т.е. в первые восемь дней войны) было мобилизовано 5,3 млн человек. Это были значительные людские силы. Казалось, все идет нормально.

Однако на деле все оказалось труднее и сложнее, чем в довоенных планах и предписаниях. Под мощными ударами наступавших германских войск Красная Армия несла большие потери. В августе 1941 г. в

связи с необходимостью восполнения этих потерь, комплектованием новых соединений и частей, а также созданием резервов была проведена мобилизация военнообязанных 1890-1904 и призывников 1923 г. рождения. На фронт уходили 18-летние пареньки и 50-летние мужики. Основная тяжесть работы в промышленности и сельском хозяйстве легла на плечи женщин, подростков, стариков. (Исключение составляли оборонные отрасли промышленности и важнейшие предприятия, обеспечивавшие функционирование инфраструктуры страны, — занятые на них рабочие и инженерно-технические работники не подлежали мобилизации.)

На время войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. был увеличен рабочий день, отменены очередные отпуска. При правительстве СССР был создан специальный комитет по распределению рабочей силы. Все, кто работал на военных заводах и смежных производствах, объявлялись мобилизованными и закреплялись за предприятиями. Вся жизнь страны перестраивалась на военный лад.

В духе мобилизации всех сил народа на борьбу против опасного и коварного врага было выдержано и выступление И.В.Сталина по радио 3 июля. По всей стране многие люди приникли к черным тарелкам радиорепродукторов. Слышно было, что Сталин волнуется: иногда он останавливался, пил воду. В этот опасный для Советского государства час кремлевский диктатор нашел слова, доходившие до каждого человека: "Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!". Он успокаивал, подчеркивал временный характер первоначальных неудач, внушал веру в победу. "Наши силы неисчислимы, — заявил Сталин. — Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа"³. И люди, воодушевляясь, обретали веру и силы.

В последующие недели во всех городах Европейской части СССР шел набор добровольцев в народное ополчение. Большинство ополченцев составили рабочие, среди них было также довольно много студентов, служащих, представителей интеллигенции. Как сообщалось, к осени 1941 г. по стране в ополчение вступило более 4 млн человек. Обучение их было минимальным, оружия не хватало. Ополченцы героически сражались, но их участие в боях нередко заканчивалось трагически.

Советские люди жили очень трудно, зачастую впроголодь. Потеря части продовольственных ресурсов и утрата важных сельскохозяйственных районов потребовала введения нормированного снабжения рабочих и служащих. 18 июля 1941 г. Постановлением Советского правительства была введена продажа по карточкам основных продуктов питания и непродовольственных товаров в Москве, Ленинграде и некоторых других крупных городах и прилегающих к ним районах. С 1 ноября нормированное снабжение хлебом, сахаром и кондитерскими изделиями было установлено во всех городах и рабочих поселках. Тогда же были введены карточки на мясо, рыбу, жиры, макароны. Нормы снабжения дифференцировались по четырем группам населения: для рабочих и приравненных к ним лиц (инженерно-технических работников промыш-

ленных предприятий, учителей, медиков и некоторых других); для служащих и приравненных к ним; для иждивенцев; для детей до 12 лет. Карточки рабочих и служащих подразделялись еще в зависимости от отраслей промышленности.

Поначалу нормы снабжения устанавливались в таких размерах: хлеб — 600—800 г в день на рабочего, 400—500 г — на служащего, 400 г — на иждивенца, 400—600 г — на ребенка; сахара — 600—800 г в месяц на рабочего, 600 г — на служащего, 400 г — на иждивенца, 400-600 г — на ребенка. В ходе войны эти нормы снижались. Что касается остальных продуктов, то нормы (на месяц) были следующими: мясо и рыба — 1,8 кг; жиры — 0,4 кг; крупа и макароны — 1,3 кг; сахар и кондитерские изделия — 0,4 кг. Если кто-то терял продовольственную карточку (или ее украли) задолго до конца месяца, то это зачастую обречало ослабленных лишениями людей на голодную смерть. В то же время на ряде предприятий старались подкормить наиболее производительно работавших. Так, председатель завкома авиационного завода №30 вспоминал: "Был введен метод поощрения для стахановцев. Были выпущены специальные книжки в продовольственный магазин. В столовой был открыт специальный зал для стахановцев. Все эти мотивы стимулировали к большему выпуску продукции"⁴.

В сельской местности карточки не вводились, хлеб и другие продукты питания отпускались по талонам и спискам (если они вообще попадали в деревню). В основном крестьяне питались со своих собственных приусадебных участков.

Поскольку легкая промышленность едва ли не полностью была переориентирована на нужды армии и флота, то одежду и обувь стало почти невозможно купить. В конце апреля 1942 г. была введена продажа по карточкам промышленных товаров во всех городах и рабочих поселках. Покупка нужных вещей считалась большой удачей, да и стоили они дешево. Трудности в снабжении продовольствием и промышленными товарами способствовали возникновению черного рынка. Горожане обменивали имевшиеся у них вещи на хлеб, молоко, картошку у крестьян в пригородных районах. Было очень тяжело, но большинство людей верили, что Страна Советов выстоит и победит!

Правительство боролось с любыми проявлениями упадка духа населения жестким контролем над всей информацией и суровыми наказаниями за нарушения общественного порядка. Сразу после начала войны местные власти отобрали у населения все личные радиоприемники. Единственным регулярным источником информации о событиях на фронте оставалось Совинформбюро. Однако попытки помешать распространению неблагоприятной информации имели ограниченный эффект, ибо невозможно было пресечь распространение слухов.

Жизнь советских людей была подчинена вере в победу и страху. Вся работа промышленности была милитаризована. Указом от 13 февраля 1942 г. все трудоспособные мужчины в возрасте от 16 до 55 лет и женщины в возрасте от 16 до 45 лет, не занятые в промышленности или строительстве, объявлялись мобилизованными. В сентябре было установлено, что все занятые на государственных предприятиях и в уч-

реждениях, расположенных в прифронтовой полосе, и покинувшие без специального разрешения свои рабочие места приравняются к дезертирам и подлежат суду военного трибунала. За малейшее нарушение трудовой дисциплины и невыполнение производственных заданий грозили строгие наказания. Британский экономист и историк Алек Ноув пишет: "Одна из причин, по которой русские смогли превзойти немцев по промышленному производству, — это всеобщая мобилизация всего и всех — мужчин, женщин, детей — на военные усилия в условиях суровой дисциплины, а также те жертвы, которые принесло гражданское население"⁵.

Требованием времени стало перебазирование экономики в Поволжье, на Урал, в восточные районы страны, ибо фашистские армии быстро продвигались вперед, захватывая все более обширные территории Европейской части СССР. В связи с этим уже 27 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление, определявшее порядок эвакуации населения и материальных ценностей.

Все материальные ценности, которые не успели вывезти, подлежали уничтожению, ничего не должно было доставаться врагу. "Все ценное имущество, сырьевые и продовольственные запасы, хлеба на корню, которые при невозможности вывоза и оставления на месте могут быть использованы противником, в целях предотвращения этого использования — распоряжением Военных Советов фронтов *должны быть немедленно приведены в полную негодность, т.е. должны быть разрушены, уничтожены и сожжены*". Жестокий приказ! Во исполнение его была взорвана плотина Днепрогэса, многие шахты и промышленные предприятия.

В постановлении указывалось: "В первую очередь эвакуации подлежат: а) важнейшие промышленные ценности (оборудование — важнейшие станки и машины), ценные сырьевые ресурсы и продовольствие (цветные металлы, горючее, хлеб) и другие ценности, имеющие государственное значение; б) квалифицированные рабочие, инженеры и служащие вместе с эвакуируемыми с фронта предприятиями, население, в первую очередь молодежь, годная для военной службы, ответственные советские и партийные работники"⁶.

Все, что было возможно, старались эвакуировать. По дорогам потянулись стада колхозного скота, двинулись на восток страны эшелоны с рабочими и оборудованием промышленных предприятий.

Как уже отмечалось выше (гл. 6), эвакуация промышленности на восток — одна из наиболее героических страниц в жизни советского тыла во время Великой Отечественной войны. Демонтаж и погрузка промышленного оборудования зачастую осуществлялись в кратчайшие сроки, под ударами германской авиации. Переместить металлургические предприятия, машиностроительные заводы было чрезвычайно трудно.

Сам переезд на восток занимал от двух недель до двух месяцев. Люди зачастую перебирались в товарных вагонах вместе со станками. В пути эшелоны подвергались бомбардировкам и обстрелам. Особенно трудно приходилось тем, с кем ехали дети. По приезде людей на пер-

вое время селили в клубах, столовых, иногда прямо в цехах, затем распределяли по квартирам.

Вывезенные предприятия размещались иногда в недостроенных зданиях, станки устанавливались в непригодных цехах предприятий легкой промышленности; иногда оборудование сгружали просто на открытую площадку. Нужны были чудеса смекалки, чтобы быстро перетащить его на нужное место, установить, пустить в ход. Начальник конструкторского бюро станкостроительного завода "Красный Пролетарий" И.А.Ростовцев вспоминал: "Перевозили оборудование буквально все, начиная от конторских работников и кончая высококвалифицированными рабочими... Станок, стоящий где-нибудь под откосом или просто на мерзлой земле и покрытый сеном, строился тросом и натягивался на лист. Лист прикреплялся к трактору. Вот на такой своеобразной платформе, невзирая на отсутствие дорог, приходилось перетаскивать все оборудование на расстояние 400, в некоторых случаях до 1500 метров, иногда даже больше"⁷.

Всего в течение июля—ноября 1941 г. было эвакуировано и размещено на Урале, в Сибири, Поволжье и Казахстане 1523 предприятия. По железным дорогам за пять с лишним месяцев войны было перевезено около 1,5 млн вагонов с эвакуированными грузами. При массовом перемещении промышленности на восток случались накладки, просчеты, неразбериха. Некоторые предприятия, не успев развернуться на новом месте, получали распоряжения возвратиться в Москву.

Фактически с первых дней войны началась эвакуация учреждений и материальных ценностей из Москвы. 27 июня 1941 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней, Алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля. Началась подготовка к вывозу из Москвы тела В.И.Ленина — позже в обстановке строгой секретности оно было доставлено в Сибирь. Из Москвы эвакуировался ряд предприятий и учреждений.

Столица все более явственно ощущала дыхание войны. Почти сразу же Москва была объявлена на военном положении, в городе было введено затемнение. С 22 июля начались воздушные налеты люфтваффе, за 5 месяцев немецко-фашистская авиация совершила на город 122 налета. Москвичи дежурили во дворах, на чердаках жилых домов, на предприятиях — тушили зажигалки. "Ночью на 30 октября — огромная канонада и бомбежка, — записывал в своем дневнике московский химик В.Глушнев. — Бомба на Университет — во всем новом здании Университета, библиотеки вырвало рамы, сорвало крыши, снесло памятник М.В.Ломоносову. В Манеже также сорвало рамы и двери. Выбило окна в посольстве США, в гостинице National"⁸.

Одной из форм мобилизации гражданского населения летом и осенью 1941 г. стало его массовое участие в строительстве оборонительных сооружений. Сотни тысяч жителей городов, подвергавшихся угрозе германского вторжения, были посланы в прилегающие районы рыть противотанковые рвы, траншеи, сооружать огневые точки, наблюдательные пункты.

С конца июля до конца августа около миллиона ленинградцев, примерно треть трудоспособного населения, были заняты на строительстве оборонительных сооружений, в первую очередь на Лужском рубеже. Около 600 тыс. москвичей участвовали в строительстве оборонительных рубежей на подступах к городу. Враг приближался к Москве. В октябре—декабре оборонительные сооружения строились непосредственно на улицах Москвы на случай, если немецко-фашистские войска вернутся в город. Улицы перегораживали противотанковые «ежи».

Особенно тяжелое положение на подступах к Москве сложилось в середине октября. 15 октября было принято постановление Государственного Комитета Обороны об эвакуации Москвы. В связи с неблагоприятным положением в районе Можайской оборонительной линии предписывалось немедленно эвакуировать из Москвы в Куйбышев иностранные миссии, органы Наркомата обороны и Наркомата военно-морского флота ("т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке"). В случае появления войск противника на подступах к Москве НКВД поручалось произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать⁹.

Вечером того же дня руководителей оставшихся в городе предприятий собрали в райкомах партии. Им объявили, что в связи с угрозой Москве они должны закрыть предприятия, подготовиться к тому, чтобы подорвать наиболее ценное оборудование, а рабочих и инженерно-технический персонал расчитать и побудить пешком покинуть столицу. Население Москвы охватила паника. Москвичи готовились покинуть город, оставшиеся уничтожали документы, прятали ценные вещи. Кое-где стали грабить предприятия легкой промышленности. Секретарь партийного комитета кондитерской фабрики "Рот-Фронт" М.М.Данилова рассказывала: "Самого 16 числа рабочие ждали полочки, поскандалили, порастаскали немного. Пришлось все это перенести. Тут были не только рабочие, а жители окружающих районов — сладкая фабрика, притягивала. Тут Розен (главный инженер. — М.Н.) проявил себя очень решительно. Он начал из пожарной машины поливать собравшуюся толпу, и народ разбежался... На других фабриках растаскивали, у нас — мало..."¹⁰.

16 октября наблюдался массовый исход из Москвы. Сотрудники ремесленного училища № 12 с горечью вспоминали: "Мы раздали учащимся продовольствие, и в три часа дня учащиеся во главе с директором и руководящими работниками пошли... Ребята уходили пешком, часть из них потом вернулась, так как не привыкли ходить"¹¹. Можно только догадываться, какие мытарства выпали на долю этих движущихся пешком людей!

На следующий день, 17 октября, по московскому радио выступил секретарь ЦК и МК партии А.С.Щербаков. Успокаивая москвичей, он заверил: "...за Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови. Планы гитлеровцев мы должны сорвать во что бы то ни стало..."¹². В городе был наведен порядок. 19 октября Москва была переведена на осадное положение. Ускоренными темпами осуществля-

лась организованная эвакуация предприятий. Москва укрепляла оборону, готовилась сражаться.

В эти трагические дни в Москве были организованы мероприятия по празднованию 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В столице не работал транспорт, улицы были перегорожены противотанковыми заграждениями, город подвергался налетам вражеской авиации. И все же в канун советского государственного праздника было проведено торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся совместно с партийными и общественными организациями. Только на этот раз заседание проходило под землей, на станции метро "Маяковская". Сталин выступил с докладом, он объяснил неудачи Красной Армии внезапным характером нападения коварного врага и привел мифические данные о его потерях. "Война... превратила нашу страну в единый и всеобъемлющий тыл, обслуживающий фронт, обслуживающий нашу Красную Армию, наш Военно-Морской Флот", — заявил он¹³.

На следующий день, 7 ноября, на Красной площади состоялся парад войск. Подготовка к нему осуществлялась в строжайшей секретности. Были приняты чрезвычайные меры по усилению противовоздушной обороны города. День выдался морозным и ветреным, с пургой и снегопадом. С трибуны Мавзолея В.И.Ленина к войскам и народу страны обратился с речью Верховный Главнокомандующий И.В.Сталин. Он закончил свое выступление словами: "...война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая... Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!"¹⁴.

Торжественный марш войск открыли курсанты военных училищ и полки пехоты. За ними прошли эскадроны кавалерии, пулеметные тачанки, артиллерия, танки из резерва Ставки (свыше 200 машин). Часть войск прямо с парада направлялась на фронт. Парад на Красной площади имел громадное значение для поддержания духа армии и народа. Советские люди убедились — Сталин в Москве, Москва держится!

Успешный исход битвы за Москву несколько облегчил положение города. К весне 1942 г. в Москву стали возвращаться эвакуированные предприятия. Город оживал.

В ту суровую зиму 1941/42 г. тяжелейшие испытания выпали на долю другого крупнейшего советского города — Ленинграда (ныне Санкт-Петербург).

В конце августа 1941 г. наступавшие германские войска перерезали железную дорогу Ленинград—Москва и создали непосредственную угрозу Городу на Неве. Натолкнувшись на упорное сопротивление, они не смогли с ходу ворваться в Ленинград, но фронт вплотную подошел к городу. 30 августа немецко-фашистские войска перерезали последнюю железную дорогу, соединявшую Ленинград с остальной частью страны, а 8 сентября прервали всякое сухопутное сообщение города с Большой землей. Началась страшная и героическая 900-дневная блокада Ленинграда. Враг находился в пригородах, с крыш высоких домов можно бы-

ло видеть его позиции. Трамвай шел до Кировского завода, и тут кондукторша объявляла: "Вагон дальше не идет. Дальше — фронт!"

Запасы продовольствия для войск и населения города оказались крайне ограниченны. На 12 сентября 1941 г. они составляли хлеба, крупы и мяса на 30-35 суток, жиров на 45 суток, сахара и кондитерских изделий на 60 суток. К тому же от прямого попадания зажигательных бомб сгорели Бадаевские склады продовольствия. Грузы в осажденный город осенью 1941 г. перебрасывала лишь транспортная авиация. Положение с продовольствием становилось все хуже и хуже. С 20 ноября рабочие получали только по 250 г хлеба в день, все остальные — по 125 г. Хлеб был очень плохого качества, на $\frac{2}{3}$ состоял из различных примесей. Других продуктов почти не было. В осажденном городе начался голод, которому сопутствовали цинга и дистрофия. За время блокады в Ленинграде от голода умерло более 640 тыс. жителей, десятки тысяч истощенных ленинградцев скончались во время эвакуации.

Тоненькой ниточкой, связавшей Ленинград с Большой землей, со второй половины ноября 1941 г. стала "дорога жизни" — военно-автомобильная дорога № 102, часть которой проходила по льду Ладожского озера, 30 км она тянулась по ледяным просторам. Этот участок дороги был самым тяжелым и опасным. Он представлял собой наезженную колею, отмеченную рядами черных вешек на бескрайней снежной равнине. Водителей на "дороге жизни" подстерегали бомбежки и артиллерийские обстрелы, коварные трещины и внезапные метели. В суровую блокадную зиму 1941/42 г. по "дороге жизни" в Ленинград было доставлено свыше 360 тыс. т грузов. Из осажденного Ленинграда было эвакуировано 539 400 человек.

Осажденный Ленинград страдал не только от голода, но и от холода. В ноябре запасы топлива иссякли, прекратилась подача электроэнергии. Остановился трамвай. Вышел из строя водопровод. Перестали работать коммунальные предприятия. Редкие цепочки ленинградцев брели к реке за водой. Люди умирали от голода и холода — у оставшихся в живых зачастую не было сил похоронить своих близких. К холоду и голоду прибавлялись бомбежки и артиллерийские обстрелы осажденного города. Привычными стали таблички на домах: "Внимание! Эта сторона улицы особенно опасна при артиллерийском обстреле!" В ноябре 1941 г. немецкая артиллерия обстреливала город в среднем 9 часов в день.

И все же город держался! Выступая по радио в канун 1942 г., ленинградская поэтесса Ольга Берггольц говорила: "И все-таки, вопреки всему, да будет в суровых наших жилищах праздник. Ведь мы встречаем тысяча девятьсот сорок второй — в своем Ленинграде, — наша Армия и мы вместе с ней не отдали его фашистам, не дали им вторгнуться в город. Мы остановили врага. Наш город в кольце, но не в плену, не в рабстве. Это уже безмерно много"¹⁵.

В конце марта 1942 г. все ленинградцы, которые могли держаться на ногах, приступили по призыву городских властей к очистке города. Люди вышли на пригретые весенним солнцем улицы и площади. Они обходили дом за домом, убирали трупы, скалывали лед, очищали кана-

лизацию, свозили снег в Неву и каналы. Героическим блокадникам удалось предотвратить эпидемию. Осажденный город продолжал борьбу.

Летом 1942 г. по дну Ладожского озера был проложен трубопровод для снабжения города горючим, осенью — энергетический кабель. В январе 1943 г. блокада Ленинграда была прорвана, в феврале в город пошла поезда с продовольствием, сырьем, боеприпасами. К этому времени в Ленинграде оставалось не более 800 тыс. жителей (в 1939 г. их было более 3 млн). Героическая борьба осажденного города стала символом не только беспримерных страданий, но и потрясающей стойкости, мужества советского народа!

Очень тяжело было и в деревне. Надо было прокормиться самим и сдать все необходимые сельскохозяйственные продукты государству. Вся тяжесть нелегкой крестьянской работы легла на стариков, женщин и подростков 13-15 лет. Машин и тракторов не было, работали плугами, простейшими косилками, серпами, косами. Только 20% урожая зерновых убиралось с помощью тракторов и комбайнов. Председатель сельсовета в Вологодской области А.И.Шевелева вспоминала уборку урожая в военное лихолетье: «Стала просить П.В.Тарабанова: “Дядя Петя, помоги, ты научи Шурку работать (а Шурке 12 лет), ты сиди в борозде и следи”. Отказывается: “Стар, да лошади не пойдут”. А ему, действительно, за 70 лет»¹⁶. Вот такие Шурки и дяди Пети все вынесли, отдали все силы для победы.

Во время войны в командно-приказном порядке был заметно увеличен обязательный минимум трудодней, который каждый трудоспособный колхозник обязан был заработать за год — до 80-150 трудодней, даже подростки 12-16 лет должны были отработать не менее 50 трудодней. Лица, не выработавшие необходимый минимум трудодней, исключались из колхоза и лишались приусадебных участков.

Фактически колхозники работали принудительно и бесплатно, так как оплата по трудодням почти не выдавалась (основная форма оплаты по трудодням была натуральной — зерном и картофелем). Если для горожанина важнейшей пищей являлся хлеб, то в деревне для крестьянина — картофель. Крестьяне ели картошку на завтрак, на обед и на ужин, чаще всего просто вареную с солеными огурцами или квашеной капустой. А когда не было хлеба, молока или картошки, то крестьяне ели крапиву, лебеду или отруби.

Кроме того, для выполнения необходимых колхозных поставок государству крестьян заставляли продавать (зачастую это означало бесплатно сдавать) свой личный скот. Так, в Киргизии в 1940-1944 гг. крупного рогатого скота было закуплено в 2-3 раза больше, чем предусматривалось первоначальным государственным планом. В результате в этой традиционно животноводческой республике количество крестьянских дворов, не имевших скота в личном владении, увеличилось с 10% в 1940 г. до 35% в 1944 г.

И хотя крестьяне готовы были пойти на жертвы во имя снабжения продовольствием остального населения, включая и своих близких, находившихся на фронте, тем не менее государственные изъятия их про-

дукции иногда сопровождалась проявлением недовольства и актами насилия.

Война потребовала колоссальных расходов. Важным источником пополнения государственных средств стали налоги и займы. Уже 3 июля 1941 г. были введены временные надбавки к сельскохозяйственному и подоходному налогам с населения. С 1 января 1942 г. эти надбавки были заменены специальным военным налогом, который должны были уплачивать все граждане СССР, достигшие 18 лет. От уплаты военного налога освобождались военнослужащие, члены их семей и пенсионеры. Ставки военного налога дифференцировались по категориям плательщиков с учетом их заработка за год. Например, рабочие и служащие с заработком 2400 рублей в год уплачивали 180 рублей налога. Военный налог взимался до июля 1945 г. и принес казне 72,1 млрд рублей.

Еще бо́льшую сумму — 76,1 млрд рублей — дали государству четыре военных займа, размещенные по подписке среди рабочих и служащих, а также членов колхозов и промысловых артелей. По сути подписка на займы стала принудительной мобилизацией денежных средств населения. Большинство рабочих и служащих подписывались на сумму, равную месячному заработку, а многие — полутора или двухмесячному заработку.

"Все для фронта! Все для победы!" — этот лозунг вошел в повседневную жизнь рабочих и колхозников, ученых и учащихся. Советские люди работали не жалея сил и не считаясь со временем, собирали посылки бойцам Красной Армии, отдавали на военные нужды свои денежные средства. Все ждали вестей с фронта, сопереживали военным неудачам, надеялись на победу. Секретарь партийного комитета фабрики "Рот-Фронт" Данилова рассказывала в ноябре 1942 г.: "Все очень интересуются войной. Когда придешь в цех, начинают расспросы, что нового, скоро ли мы разобьем врага. Все живут этой мыслью. У каждого на фронте есть сын или отец, брат или муж. У многих есть уже убитые..."¹⁷.

Партийные комитеты предприятий, районов, городов и областей играли весьма важную роль в период войны. Они выполняли функции политического, а зачастую и административного руководства, являлись реальной властью и организаторскими центрами.

В условиях войны заметно изменилось содержание и направленность работы партии. Она должна была отказаться от веры в близкую социалистическую революцию в международном масштабе, от чересчур оптимистического интернационализма. Фашизм продемонстрировал эффективность шовинистической националистической демагогии, апелляции к расистским предрассудкам. В ответ поднялась мощная волна советского патриотизма, готовности бороться за существование государства, нации, социалистического строя. Миллионы людей обращались мыслями к судьбе Отечества, со спасением которого связывали и спасение родного города или села, семьи и близких. Поэтому исключительно важную роль в мобилизации советского народа на борьбу с фашизмом играли героические традиции.

Обращение к традициям русского народа, его героическому прошлому стало мощнейшим оружием в Отечественной войне. Сталин психологически верно затронул эту струну массового сознания, он не прочь был и поспекулировать на исторических традициях. Не случайно в речи на параде 7 ноября 1941 г. он напомнил о великих русских патриотах и полководцах: Александре Невском, Дмитрии Донском, Кузьме Минине, Дмитрии Пожарском, Александре Суворове, Михаиле Кутузове. В стране развернулась пропаганда победоносного прошлого русского народа.

Американский профессор Роберт Такер отмечает, что война усилила националистическую и милитаристскую тенденцию в сталинском советском обществе: "Таким образом война дала дальнейший мощный импульс великорусскому национализму, который с очевидностью проявлялся в сталинском личном образе мышления с начала 30-х годов и стал важным аспектом сталинистской концепции и политики в 30-е годы. Официальное прославление русских национальных военных деятелей и полководцев досоветского периода, в особенности генералов Суворова, Кутузова и адмирала Нахимова, учреждение специальных военных академий их имени входило в число наиболее ярких проявлений этой тенденции. К тому же война усилила милитаристскую струю в сталинизме, уходящую корнями в период военного коммунизма. Она способствовала дальнейшему развитию иерархической структуры советского сталинистского общества и усилила и без того далеко зашедшую сталинистскую гипертрофию государственной машины"¹⁸.

Советское руководство стремилось использовать для мобилизации народа на отпор врагу не только историю, но и религию. В годы войны в Советском Союзе заметно изменилось отношение властей к православной церкви. Была приостановлена антирелигиозная пропаганда, "Союз воинствующих безбожников" был распущен, музеи атеизма закрыты. Со своей стороны глава русской православной церкви митрополит Сергей уже 22 июня 1941 г. призвал верующих встать на защиту Родины. «Фашистский "крестовый поход" уже разразился над нашей страной; уже заливаает ее кровью; оскверняет наши святыни; разрушает исторические памятники; изощряется в злодеяниях над безоружным населением... — утверждал митрополит Сергей. — Ясно, что Церковь раз и навсегда должна соединить свою судьбу с судьбою паствы на жизнь и на смерть»¹⁹.

Православная церковь организовала сбор средств в Фонд обороны, а также для помощи раненым, детям и семьям бойцов Красной Армии. К концу 1944 г. добровольные взносы верующих составили 150 млн рублей. В сентябре 1943 г. собор епископов русской православной церкви по согласованию с властями впервые после 1926 г. избрал патриарха — им стал митрополит Сергей. Было одобрено учреждение Синода. В том же году для связи между правительством СССР и русской православной церковью был учрежден новый орган — Совет по делам русской православной церкви. К концу войны русская православная церковь активизировала свою международную деятельность, призывая христиан всего мира к борьбе против фашистских захватчиков.

В условиях войны громадную роль играла антифашистская пропаганда. Война потребовала оперативности и доходчивости печатного слова — отсюда сближение периодических изданий и книг. Газеты искали новые проникновенные слова — они печатали на своих полосах лучшие стихотворения, повести, пьесы. На страницах газет регулярно выступали замечательные публицисты И.Эренбург и В.Гроссман. В январе 1942 г. в газете "Правда" было напечатано стихотворение К.Симонова "Жди меня", ставшее олицетворением верности и надежды, — оно заучивалось, переписывалось, шло дорогами войны. В газете Западного фронта "Красноармейская правда" начал свою большую жизнь русский солдат Василий Тёркин, образ которого создал поэт А.Твардовский. В газетах военного времени были впервые опубликованы рассказы "Русский характер" А.Толстого и "Наука ненависти" М.Шолохова, повести "Радуга" В.Василевской и "Непокоренные" Б.Горбатова, пьесы "Русские люди" К.Симонова и "Фронт" А.Корнейчука. Лучшие поэмы, повести, пьесы оперативно выпускались отдельными книжными изданиями. Стихотворения и поэмы, очерки и повести воспевали подвиг советских людей на фронте и в тылу, звали на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками.

Советские издатели и читатели и в суровые годы войны жили полноценной жизнью, сохраняли интерес к мировой культуре. Смертельно усталые, измученные люди раскупали книги Л.Толстого и А.Чехова, А.Пушкина и В.Шекспира, Г.Гейне и Данте Алигери. В самые суровые дни войны издавались книги о классической и народной музыке, исследования по истории театра и мирового кино, работы о рисунках И.Репина и фресках А.Рублева.

Пожалуй, одним из самых замечательных созданий советского искусства периода войны стала Седьмая симфония Д.Шостаковича. Она была закончена в осажденном Ленинграде и впервые исполнялась в Москве 30 марта 1942 г., а в Ленинграде — 9 августа. В измученном блокадой городе, под ударами германской авиации и артиллерии звучала непокоренная музыка! В программе симфонического концерта Д.Шостакович писал: «Есть такое крылатое выражение: “Когда грохочут пушки, тогда молчат музы”. Это справедливо относится к тем пушкам, которые своим грохотом подавляют жизнь, радость, счастье, культуру. То грохочут пушки тьмы, насилия и зла. Мы воюем во имя торжества справедливости над варварством»²⁰.

И советские люди действительно боролись во имя свободы и справедливости, гуманизма и демократии. Трагедия советского народа состояла в том, что в той самой стране, которую он защищал, не было ни подлинной свободы, ни реальной демократии. В СССР торжествовал тоталитарный политический режим. Верхушка партийно-государственно-репрессивного аппарата сконцентрировала в своих руках контроль над всеми сторонами жизни советского общества. На самой вершине пирамиды власти находился Сталин, который воспринимался как полубог, обладавший сверхчеловеческой мудростью.

Английский журналист Александр Верт, находившийся в качестве корреспондента в Москве, вспоминал первые месяцы войны: "В кино

всякий раз, когда в журнале появлялся Сталин, люди начинали громко аплодировать, что вряд ли стали бы делать в темноте, если бы действительно не испытывали таких чувств. Авторитет Сталина не вызывал никаких сомнений, особенно после его речи по радио 3 июля. Он был хозяин, босс, и люди надеялись, что он знает, что делать"²¹. Для десятков миллионов людей Сталин превратился в символ Родины, советской власти, социализма. Военный лозунг "За Родину! За Сталина!" выражал особенности массового сознания и духовной атмосферы того времени.

Рядом с мужеством и самоотверженностью существовали доношительство и страх, беззакония и репрессии. За неосторожное слово или малейшую производственную оплошность можно было оказаться в жерновах сталинского репрессивного аппарата. Ужасающая разветвленная система ГУЛАГа продолжала существовать. По состоянию на 1 марта 1940 г. ГУЛАГ насчитывал 53 лагеря, 425 исправительно-трудовых колоний и 50 колоний для несовершеннолетних. Лагерное население ГУЛАГа на 1 января 1941 г. превышало 1,5 млн человек. Правда, за войну его численность заметно сократилась — до 715 506 человек на 1 января 1945 г. Сокращение численности заключенных происходило за счет освобождения довольно большого числа людей (1 622 098 человек за 1941-1944 гг.) и массовой смерти заключенных (577 789 человек за эти же годы)²².

По другим данным, общее число заключенных к началу войны составляло примерно 2,3 млн человек. Вскоре после начала войны Президиум Верховного Совета СССР принял решение о досрочном освобождении лиц, чьи преступления "не представляли большой общественной опасности", с направлением их в действующую армию. До конца 1941 г. по этому указу в состав вооруженных сил влились 420 тыс. бывших заключенных, осужденных в основном за экономические и уголовные преступления. Затем последовали и другие правительственные постановления о "спецконтингенте". Всего за три первых года войны в армию было направлено около 1 млн ранее осужденных. Многие из них отважно сражались с врагом.

Кроме того, заключенные привлекались к строительству оборонительных сооружений, работали в промышленности и сельском хозяйстве. По имеющимся данным, около 40 тыс. заключенных изготавливали боеприпасы и оружие, 20 тыс. было занято в танкостроении, 40 тыс. работали в угольной и нефтяной промышленности. За три года войны заключенные выпустили промышленной продукции на 3 млрд 651 млн рублей, а сельскохозяйственной — на 1 млрд 188 млн. Каторжный труд и полуголодное существование в жутких условиях оставались уделом сотен тысяч заключенных.

Тяжелые испытания выпали на долю советских людей, оказавшихся на оккупированных врагом территориях, — их было примерно 60 млн человек. Большинство из них стремилось просто выжить в труднейших условиях. Они добывали себе пропитание, искали кров, волновались за своих близких, жадно ловили слухи о положении на фронте.

Часть советских людей приняла участие в партизанском движении в тылу врага. Партизанские группы и отряды создавались либо специально оставленными и брошенными в тыл врага организаторами и комиссарами, либо солдатами и офицерами, отставшими от своих частей и попавшими в окружение, либо просто местными жителями оккупированных районов. Всего за время войны насчитывалось более 6 тыс. партизанских отрядов, в которых действовало свыше 1 млн партизан. Наиболее успешно партизанское движение развивалось в лесистой и болотистой местности, в горных районах. Партизаны собирали разведывательные данные, нападали на вражеских солдат и офицеров, поджигали германские склады, совершали диверсии на линиях связи и транспортных коммуникациях. Летом и осенью 1943 г. партизаны провели важные операции против железнодорожных перевозок противника, содействуя наступлению Красной Армии. Фашистские оккупанты вынуждены были выделять значительные силы для борьбы с партизанами.

Вместе с тем на оккупированных территориях имелись отдельные личности и группы населения, сотрудничавшие с немцами. Действия сталинского режима в 30-е годы создали почву для недовольства части населения — суровые репрессивные меры, массовые депортации, жестокое осуществление коллективизации, гонения на религию и церковь, пренебрежение национальными особенностями. Это недовольство заметно проявилось в Прибалтике, на Западной Украине, на Северном Кавказе и в Крыму. Немцы со своей стороны вербовали жителей оккупированных территорий во вспомогательные части, развернули активную работу среди советских военнопленных, находившихся в тяжелейших условиях. С конца 1941 г. немцы приступили к формированию специальных воинских частей, призванных действовать совместно с германским вермахтом. В результате им удалось создать "национальные легионы" из жителей Прибалтики, Армении, Туркестана, а также Балтийскую и Галицийскую дивизии СС и "Русскую освободительную армию" во главе с пленным советским генералом А.Власовым. Во все эти формирования вступали различные люди: от убежденных противников советской власти и сталинского режима до растерянных слабовольных людей, искавших пути к собственному спасению. Общую численность коллаборационистов трудно определить, по различным подсчетам она составляла от 250 тыс. до 1 млн человек.

Некоторые националистические организации на оккупированной территории СССР пытались вести свою собственную игру. Таковой являлась, в частности, Организация украинских националистов во главе с С.Бандерой и А.Мельником. "Националистические лидеры хотели сотрудничать с немцами, но на своих собственных условиях, — пишет американский исследователь А.Даллин. — Хотя они и претендовали на то, что выступают от имени украинского народа, но вначале имели слабую поддержку населения Советской Украины. Они создали партизанские отряды, но воздерживались от нападений на немцев. Их лидеры были брошены в германские тюрьмы и концентрационные лагеря; од-

нако после их освобождения в 1944 г. они вновь объединились с нацистской стороной для возобновления борьбы против Москвы"²³. Впрочем, жесткая оккупационная политика нацистского рейха в Восточной Европе исключала возможность реализации каких-либо национальных устремлений.

Со своей стороны сталинский режим подверг целые народы принудительной депортации, что являлось преступным деянием. Первыми жертвами подобного произвола стали советские немцы. В августе 1941 г. Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья была ликвидирована, а все советские немцы подлежали насильственному переселению по ложному обвинению в пособничестве фашистскому диверсантам и шпионам. Они были депортированы в Новосибирскую и Омскую области, в Казахстан и Алтайский край. Следующая волна репрессий на этнической основе прошла в конце 1943 - начале 1944 г., после освобождения временно оккупированной фашистами территории СССР. Жертвами произвола стали карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары и некоторые другие этнические группы.

Репрессии проводили Л.Берия и его подручные под личным руководством Сталина. В начале марта 1944 г. Берия, осуществлявший депортацию чеченцев и ингушей, телеграфировал из города Грозного на Северном Кавказе: "Государственный Комитет Обороны. Тов. Сталину. В проведении операции принимали участие стянутые из различных областей 19 тыс. офицеров и бойцов войск НКВД, значительная часть которых до этого участвовала в операциях по выселению карачаевцев и калмыков и, кроме того, будет участвовать в предстоящей операции по выселению балкарцев... В результате проведенных трех операций-выселены в восточные районы СССР 650 тысяч чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев. Берия. 7.03.1944"²⁴. Многих людей отправляли в ссылку прямо с фронта, где они честно сражались за Родину. Переселенцы направлялись в Казахскую, Узбекскую, Таджикскую и Киргизскую ССР, в Сибирь.

Сама депортация осуществлялась чрезвычайно жестоко. Заведующий отделом Северо-Осетинского обкома КПСС ингуш Х.Арапиев пишет в воспоминаниях: «Это было в феврале 1944 года. В переполненных до предела "телячьих" вагонах, без света и воды, почти месяц следовали мы к неизвестному месту назначения... Пошел гулять тиф. Лечения никакого... Во время коротких стоянок, на глухих безлюдных разъездах возле поезда в черном от паровозной копоти снегу хоронили умерших (уход от вагона дальше, чем на пять метров, грозил смертью на месте)»²⁵. Многие десятки тысяч человек погибли во время принудительного переселения. Оставшиеся в живых были на долгие годы превращены в ссыльнопоселенцев, лишенных свободы передвижения и элементарных гражданских прав. Жертвами репрессий на этнической основе стали более 3 млн советских людей. Победа над фашизмом была достигнута не благодаря подобным преступным акциям, а вопреки им.

Эшелоны с депортированными двигались на восток, а основной поток людей и грузов шел навстречу, на запад, к фронту, в освобожденные от немецко-фашистских оккупантов районы. С достижением коренного перелома в войне и переходом Красной Армии в общее наступление для советских людей разгоралась заря победы: росла уверенность в собственных силах и в приближении полного разгрома коварного врага.

5 августа 1943 г. в Москве был произведен первый победный салют в честь освобождения Орла и Белгорода (12 залпов из 184 орудий). С этого дня и до конца войны москвичи видели 354 победных салюта. Они давались в темноте залпами из зенитных орудий, сопровождались фейерверком сигнальных ракет и подсветкой зенитных прожекторов. Иногда — на радость московской детворе — устраивалось несколько салютов в один вечер.

В июле 1944 г. по улицам Москвы была проведена большая колонна из примерно 60 тыс. немецких военнопленных как демонстрация поверженного противника. Германские солдаты и офицеры шли усталые, небритые, в потрепанной форме, утратившие былую самоуверенность. За колонной ехали поливальные машины и смывали оставшийся мусор.

С приближением победы становилось яснее, какую громадную цену заплатил за нее советский народ. Все более стало ощущаться сокращение общей численности сельского и городского населения. Прежде всего сказывались людские потери (включая потери гражданского населения) — за всю войну они составили 26-27 млн человек. Кроме того, сказалось резкое снижение рождаемости в годы войны.

Произошло коренное перераспределение имевшихся людских ресурсов между вооруженными силами и народным хозяйством, а в рамках самого хозяйства между его отраслями. Еще в первый период войны, в 1941-1942 гг., наиболее активная часть населения была призвана в вооруженные силы. Вместе с тем в промышленность, и в первую очередь в расширявшееся военное производство, вовлекалось большое число новых работников. Источником их пополнения стали в основном либо люди, ранее не занятые в производстве вообще, либо уходившие из сельского хозяйства. В 1943 г. колхозное население составляло 47,3 млн человек, или 62% от уровня 1940 г., а число трудоспособных в сельском хозяйстве сократилось более чем вдвое. В народном хозяйстве резко возрос удельный вес женщин и молодежи. Доля женщин увеличилась с 38% в 1940 г. до 57,4% в 1944 г. Академик Е.О.Патон, работавший во время войны на Урале, писал: «Никогда не забыть мне женщин тех лет. Сотнями приходили они на завод, часто вместе со своими сыновьями-юношами, выполняли самую тяжелую мужскую работу, стояли часами в очередях и воспитывали детей, заменяли им отцов, не сгибались под тяжестью горя, когда прибывала "похоронная" на мужа, сына или отца. Это были настоящие героини трудового фронта, достойные восхищения»²⁶.

К концу войны во всех отраслях промышленности, на стройках, на транспорте значительную часть рабочих составляла молодежь до 25 лет. Доля рабочих в возрасте от 18 до 25 лет превышала четверть всех работавших, а в военной промышленности была намного выше —

от 40 до 60%. Подростки (до 18 лет) тоже активно вовлекались в производство, особенно в начале войны — в 1942 г. они составляли 15% всех рабочих, затем постепенно их доля стала уменьшаться.

В пополнении кадров рабочих промышленности и транспорта важная роль принадлежала системе трудовых резервов, созданной еще в период подготовки к войне в обстановке закрепления жесточайшей военизированной дисциплины на производстве. В соответствии с законом 1940 г. подходящие юноши и девушки с 14 лет подлежали мобилизации для обучения в системе трудовых резервов. Тогда же было создано три вида этих учебных заведений: ремесленные и железнодорожные училища для подготовки квалифицированных рабочих со сроком обучения 2 года, школы фабрично-заводского обучения с продолжительностью занятий 8-10 месяцев для подготовки рабочих по массовым производственным профессиям. Учащиеся училищ и школ получали бесплатное питание, форменную одежду, многие обеспечивались общежитиями. В военное лихолетье это имело особое значение.

Во время войны учащиеся ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения выполняли производственные заказы, главным образом для оборонной промышленности. В 1942 г. около 80% учащихся работали непосредственно на производстве. Число училищ и школ трудовых резервов значительно возросло: примерно 1,5 тыс. перед войной — около 2,5 тыс. в 1945 г. Особенно много новых училищ создавалось в восточной части страны: в Татарии и в Сибири, в Казахстане и Узбекистане. Всего за годы войны система обучения трудовых резервов дала народному хозяйству около 2,5 млн молодых рабочих.

К концу войны вся страна стала чувствовать нехватку людских ресурсов. В 1942-1943 гг. общая численность населения на советской территории существенно сократилась в связи с потерями армии и гражданского населения, а также в связи с оккупацией обширных районов страны. Если в 1939 г. население СССР составляло примерно 170 млн человек, то в 1942 г. на неоккупированной территории осталось лишь 130 млн человек. Со второй половины 1943 г. численность советского населения стала возрастать в связи с освобождением ранее оккупированных районов страны, но все же общая убыль населения ощущалась все больше и больше.

Сталинское руководство стремилось принять меры для укрепления семьи и увеличения рождаемости. В июле 1944 г. был принят "Указ о мерах предотвращения дезорганизации семьи и снижения рождаемости". Указ отменял закон 1926 г. о равенстве фактического и юридического брака, он сильно усложнил процедуру развода. Отныне при разводе предусматривалась обязательная предварительная публикация объявления в местной газете, судебный процесс по делам о разводе должен был проходить в две стадии, повышалась судебная пошлина. Драконовские административные меры дали свои результаты — количество разводов сократилось в 14 раз. Если учесть, что аборт в СССР были запрещены еще раньше, а противозачаточные средства отсутствовали, то цели правительственных мер были совершенно ясны: укрепление официально оформленных брачных отношений для увеличения рождае-

мости. Одновременно было введено пособие матерям при рождении третьего и каждого последующего ребенка (раньше пособие получали лишь при рождении седьмого ребенка). Были увеличены пособия многодетным матерям, наполовину уменьшена плата за пребывание ребенка в яслях и детском саду, принимались меры для расширения сети дошкольных учреждений. Было установлено почетное звание "Мать-героиня" (присваивалось матерям, родившим и воспитавшим 10 и более детей), учрежден орден "Материнская слава".

В соответствии с новым законом налог должны были уплачивать не только бездетные мужчины и женщины — 6% заработка, но и имевшие одного ребенка — 1% и даже двух детей — 0,5%. Государство и стимулировало рождение детей, и одновременно изымало у своих граждан еще некоторую часть их небольших заработков.

В советском обществе возникла еще одна проблема — многих людей война сделала инвалидами. К началу 1945 г. к трудовой деятельности вернулось около 1 млн инвалидов. А сколько не вернулось? Средства помощи им были примитивными, а условия их существования очень трудными. Правда, организовывались группы пионеров для помощи инвалидам войны и семьям фронтовиков — их называли тимуровцами (по имени героя повести писателя А.Гайдара "Тимур и его команда").

С продвижением Красной Армии на запад встала труднейшая задача восстановления освобожденных от оккупантов районов. Среди задач по восстановлению хозяйства в этих районах на одно из первых мест выдвигалось восстановление Донбасса. Донецкий уголь призван был смягчить острейшую нехватку топлива в стране, создать основу для наращивания производства металла и восстановления других отраслей промышленности. В Донбассе началась гигантская, неимоверно трудная работа. Ведь хозяйство угольного бассейна разрушалось дважды: сначала во время отступления советских войск, а затем во время изгнания фашистских оккупантов. В результате основное оборудование было взорвано, шахты затоплены, электростанции и заводы разрушены, железные дороги выведены из строя.

Первоначально добыча угля возобновилась в небольших неглубоких шахтах, где все работы велись вручную. Кирка, лопата, бадья, тачка — таковы были нехитрые инструменты для тяжелого горняцкого труда. Не хватало рабочих рук, строительных материалов. И все же постепенно Донбасс оживал: возобновляли работу отремонтированные механизмы, возвращались в рабочее состояние паровые котлы и небольшие электростанции. За два года тяжелейшего труда в Донбассе удалось возобновить добычу угля на 899 средних и мелких шахтах и на 129 основных шахтах.

Грандиозные восстановительные работы на завершающем этапе войны позволили поднять из руин и пепла значительную часть предприятий, в первую очередь тяжелой промышленности, на освобожденных от немецко-фашистских оккупантов территориях. Всего было восстановлено 7500 промышленных предприятий, 116 тыс. км железнодорожных путей.

Восстановление тяжелой промышленности требовало громадных усилий и ресурсов. На сельское хозяйство и легкую промышленность их почти не оставалось. В результате большого ущерба, причиненного легкой промышленности, объем ее производства резко сократился. В трикотажной промышленности производственные мощности сократились почти на 60%, в обувной — на 40%. В 1942 г. производство в легкой промышленности упало до самого низкого уровня, затем оно стало немного увеличиваться, но все же в 1945 г. страна получала лишь от 20 до 40% основных видов ее довоенной продукции. В легкой промышленности был заметно ниже уровень заработной платы (по сравнению с тяжелой промышленностью, а уж тем более оборонной), хуже снабжение рабочих и служащих. Работали здесь в основном женщины. На многих предприятиях к концу войны они составляли 80-95% всех занятых.

Все основные товары потребления оставались острейшим дефицитом, "достать" их было чрезвычайно трудно. По некоторым показателям положение населения в середине войны еще более ухудшилось. Чтобы отоварить продовольственные карточки, нужно было подолгу, иногда всю ночь, стоять в очереди. В связи с неурожаем 1943 г. и недостаточными запасами зерна советское руководство снизило нормы продажи хлеба по карточкам всем категориям населения на 50 г. Исключение было сделано для рабочих и инженерно-технического персонала предприятий военной промышленности и особо важных предприятий тяжелой промышленности. Даже привычные к невзгодам советские люди воспринимали сокращение нормы распределения хлеба с жалобами, а иногда и с недовольством. Бригадир комсомольско-молодежной бригады Г.Семенов записывал в своем дневнике 22 ноября 1943 г.: «Идет перерегистрация хлебных карточек. Сбавляют норму хлеба. В этот период нам, агитаторам, особенно много работы. "Почему, Геннадий, норму на хлеб сбавляют?" — обращаются ко мне. Объясняя, как умею. Плохой урожай, раз, Украина хлеба не дает, два, и 700 г — это не так мало, три. Рассказываю о ленинградцах, об их беспримерном мужестве. Люди понимают, соглашаются. Все, все перетерпим мы, советские люди, ради будущего Родины. Порой, конечно, кое-кто хнычет. Мне самому не хочется затягивать ремень еще на одну дырочку. Но что делать? Мы ведем войну не на жизнь, а на смерть. И тут уж выбирать не приходится»²⁷.

Ставка делалась на способность советских людей выжить в нечеловечески трудных условиях, на их долготерпение и готовность переносить лишения ради спасения Отечества. В 1944 г. снабжение хлебом и другими продуктами начало постепенно улучшаться, стали повышаться нормы продажи продовольствия по карточкам. Некоторому смягчению продовольственных трудностей способствовали подсобные хозяйства предприятий, а также индивидуальные огороды рабочих и служащих. В целях улучшения продовольственного положения в стране Советское правительство и ЦК ВКП(б) приняли в апреле 1942 г. постановление "О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих". Промышленным предприятиям, учреждениям и воинским

частям разрешалось создать подсобные хозяйства вблизи городов и населенных пунктов, а также на пустующих колхозных землях. Кроме того, рабочим и служащим выделялись участки под огороды площадью от 675 до 1000 кв.метров. "Развитие коллективного и индивидуального огородничества — не частное дело отдельных рабочих и служащих. Это важная государственная работа", — писала "Правда" в апреле 1943 г.²⁸.

В 1942 г. огородничеством занималось примерно 5 млн человек. На огородах выращивали картофель и овощи. Эта прибавка к скудным нормам хлеба в системе государственного снабжения позволила многим пережить самое голодное военное время. Хлеб, картофель, овощи, да еще какая-нибудь крупа являлись для большинства советских людей основными продуктами питания, но и их постоянно не хватало.

Большая часть продукции подсобных хозяйств промышленных предприятий через отделы рабочего снабжения поступала к работникам соответствующих предприятий, другая часть шла в качестве обязательных поставок в общегосударственный фонд. ЦК ВКП(б) Казахстана докладывал в Москву в ноябре 1943 г.: "На сегодня нет ни одного сколько-нибудь крупного промышленного предприятия, которое бы не имело своего подсобного хозяйства... удельный вес продовольствия, получаемого из подсобных хозяйств, значительно возрос в общем питании рабочих, особенно по овощам, картофелю"²⁹. В 1945 г. подсобные хозяйства поставили рабочим и служащим 38% картофеля и 59% овощей.

Катастрофически не хватало и необходимых промышленных товаров: мыла, спичек, соли, ниток, одежды, обуви. Имевшиеся ограниченные ресурсы направлялись в первую очередь на удовлетворение нужд армии и производства, а также больниц, детских садов, общежитий, школ фабрично-заводского обучения. Нужда в одежде и обуви стала ощущаться еще острее с 1942-1943 гг., когда люди поизносили имевшиеся довоенные запасы. Не случайно рабочие и работницы на заводах Урала и Поволжья в зимние морозы стали использовать самодельную обувь, сшитую из старых ватников, полушубков, кусков сукна. На "толкучках" появились продавцы такой самодельной обуви, а то и старых галош, которые стоили дорого. Особенно острую нужду в одежде, обуви, мыле, спичках, соли и других предметах первой необходимости испытывали рабочие, служащие и крестьяне разоренных освобожденных районов.

В этих районах было очень трудно с жильем. Число людей, оставшихся без крова, достигло почти 25 млн человек. Многие жители городов и рабочих поселков вынуждены были ютиться в землянках, на развалинах. Да и в тех районах, которые не испытали оккупации, жилищные условия были ужасными. Многие рабочие и служащие жили в бараках, снимали углы на частных квартирах. В конце войны на шахтах Кузбасса, Караганды и Урала более 20 тыс. человек жили в общежитиях с койками в два яруса. Темпы жилищного строительства явно не отвечали нуждам решения этой труднейшей проблемы.

Повсюду не хватало бань, прачечных. Транспорт либо вообще не работал, либо работал очень плохо — многие рабочие и служащие добирались на работу пешком.

Условия жизни в деревне были, как правило, не легче, чем в городах и рабочих поселках. Разве что с жильем было кое-где получше. Но необходимых промышленных товаров деревня почти не получала, а кормилась в основном тем, что давало собственное крестьянское хозяйство. Продажа сахара, кондитерских изделий, консервов в сельских магазинах прекратилась.

Крестьяне жили фактически двойным трудом: в колхозе, где почти ничего не выдавали на трудодни, и в своем индивидуальном хозяйстве, которое и давало возможность существования. С громадными трудностями восстанавливалось сельское хозяйство на освобожденных от оккупантов территориях. Во многих колхозах и совхозах число трудоспособных работников сократилось вдвое. Поля заросли сорняками. Не хватало тягловой силы. Из тыловых областей в эти районы направлялись тысячи тракторов, комбайнов, других сельскохозяйственных машин. Происходила реэвакуация сотен тысяч голов скота. Тяжелейшим крестьянским трудом возрождалось сельское хозяйство в освобожденных районах. В 1945 г. их посевные площади составляли 72% довоенных, а под зерновые — 79%.

В труднейших условиях трудящиеся всей страны делали все, что могли, для помощи фронту, отдавали все, что имели, для победы. Свой вклад в достижение победы вносили жители самых дальних тихоокеанских регионов: Камчатки, Колымы, побережья Охотского моря. Жители современных Магаданской и Камчатской областей сдали в Фонд обороны 700 млн рублей, в том числе 500 млн рублей — коллектив "Дальстрой", в котором широко использовался труд заключенных. Оленеводы Чукотки сдали в Фонд обороны 12,6 тыс. оленей.

По всей стране рабочие многих предприятий ежемесячно отчисляли однодневный заработок в Фонд обороны, созданный в июле-августе 1941 г. Колхозники засеивали сверхплановые "гектары обороны". Представители интеллигенции отчисляли в Фонд обороны гонорары за произведения искусства, сборы от лекций и концертов. Движение по сбору личных средств для нужд фронта родилось из добровольного патриотического порыва советских людей, но в условиях жесткого сталинского режима приобрело организованно-принудительный характер. Всего за время войны в Фонд обороны и Фонд Красной Армии поступило свыше 17 млрд рублей наличными, 13 кг платины, 131 кг золота, 9 519 кг серебра, на 1,7 млрд рублей драгоценностей, свыше 4,5 млрд рублей облигаций государственных займов, свыше 0,5 млрд рублей вкладов в сберегательные кассы³⁰.

Советские люди отдавали для победы над немецко-фашистскими захватчиками не только свои сбережения, но и все свои силы, способности и даже жизни.

Беспримерный героизм и готовность к лишениям соседствовали в советском обществе с расшатыванием моральных устоев, ожесточением, каждой легкой наживы. Уж слишком велики были испытания, выпав-

шие на долю советских людей, уж слишком тяжка была их ноша. Да-леко не все могли нести ее с достоинством.

И в то же время в обществе была неистребима вера в победу, надежда на лучшую послевоенную жизнь. Замечательный мастер советского кино Александр Довженко записал в дневнике в январе 1944 г.: "Русский народ должен выйти из этой войны прославленным победителем, достойным самой лучшей судьбы, самого высокого уважения. Нужно думать, что послевоенный период принесет ему большие достижения в искусстве, в науке, должна начаться эпоха послевоенного ренессанса"³¹. Увы, пути развития советского общества после войны оказались вовсе не такими благоприятными, как думалось в годы величайших испытаний.

И все же жертвы и страдания были не напрасны — советский народ отстоял независимость Отечества, внес громадный вклад в разгром нацистской Германии и ее сателлитов, в освобождение народов Европы от фашистского ига. Рано утром 9 мая 1945 г. советские люди узнали, что ночью представители немецкого главнокомандования подписали акт о безоговорочной капитуляции Германии и что день 9 мая объявлен праздником Победы. В обращении Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина к народу говорилось: "Великие жертвы, принесенные во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, — увенчались полной победой над врагом"³². Советский народ ликовал: незнакомые люди обнимали друг друга, на улицах пели и плясали, солдат и офицеров качали на руках, подбрасывали в воздух. Наконец-то пришла долгожданная выстрадавшая Победа! И была эта великая Победа одна на всех.

И.Эренбург писал в июне 1945 г.: "Мы знали победу, когда она шла в наших боевых порядках, с солдатами отогревалась у костра. Теперь победа среди знамен на парадах. Скоро она войдет в каждый дом, станет ощутимой, теплой, близкой, надрежет хлеб, пригубит вино. И тогда люди почувствуют вкус победы, вкус выстрадавшего счастья"³³. Советские люди действительно выстрадали это счастье Победы, они шли к нему трудными дорогами войны и на фронте, и в тылу.

¹ Правда. 1941. 23 июня.

² Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front. 1941-1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. L.; N.Y., 1991. P. 78.

³ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953. С. 9, 16.

⁴ Отдел рукописных фондов Института российской истории РАН (далее — ОРФ). Ф. 2. Раздел V. Оп. 8. Д. 5. Л. 2.

⁵ Цит по: Stalin. Thames television, 1990. P. 17.

⁶ Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 208.

⁷ ОРФ. Ф. 2, раздел V, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁸ Цит. по: Поздеева И.В. Книга сражается: Каталог выставки. М., 1987. С. 85.

⁹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 217.

¹⁰ ОРФ. Ф. 2. Раздел V. Оп. 4. Д. 1. Л. 2.

¹¹ Там же. Оп. 6. Д. 1. Л. 1.

¹² Цит. по: Вторая мировая война. Краткая история. М., 1985. С. 144.

- 13 *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 19.
- 14 Там же. С. 40.
- 15 *Берггольц О.* Выступление по радио//Девятьсот дней. Л., 1957. С. 231.
- 16 ОРФ. Ф. 2. Раздел V. Оп. 49. Д. 2. Л. 4.
- 17 Там же. Оп. 4. Д. 1. Л. 2.
- 18 *Tucker R.C.* Political Culture and Leadership in Soviet Russia: From Lenin to Gorbachev. Brighton, 1987. P. 99.
- 19 Цит. по: *Поздеева И.В.* Книга сражается. С. 128-129.
- 20 Там же. С. 106.
- 21 *Werth A.* Russia at War, 1941-1945. L., 1964. P. 184.
- 22 Аргументы и факты. 1989. № 45.
- 23 *Dallin A.* German Rule in Russia. 1941-1945: A Study of Occupation Policies. L.; N.Y., 1957. P. 122.
- 24 *Бугай Н.Ф.* Правда о депортации чеченского и ингушского народов//Вопр. истории. 1990. № 7. С. 40.
- 25 Там же. С. 40-41.
- 26 Цит. по: Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945: Краткая история. М., 1965. С. 283.
- 27 Цит. по: Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне. Ноябрь 1942-1943/Отв.ред. А.В.Митрофанова. М., 1989. С. 327.
- 28 Правда. 1943. 10 апр.
- 29 *Козыбаев М.* Казахстан — арсенал фронта. Алма-Ата, 1970. С. 146.
- 30 Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 762.
- 31 Правда. 1989. 11 сент.
- 32 *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 193.
- 33 *Эренбург И.* Летопись мужества: Публицистические статьи военных лет. М., 1983. С. 339.

11. Соединенные Штаты: ХОРОШАЯ ЛИ ЭТО БЫЛА ВОЙНА ДЛЯ АМЕРИКИ?

Ч.С.Александр

Мы узнали об этом в полдень 7 декабря 1941 г. в маленькой протестантской церквушке, расположенной в северо-восточном районе Техаса, где мои родители и я были участниками фестиваля церковных песнопений (песни "общего согласия", как их называли по местному обычаю). Музыка внезапно оборвалась и кто-то резко выкрикнул: "Япошки бомбили Пёрл-Харбор! Япошки бомбили Пёрл-Харбор!". После этого церковь моментально опустела: люди бросились к своим машинам и разъехались по домам.

В то время мне было только 6 лет, я еще не ходил в школу. Значительную часть времени я проводил, играя в войну. У меня был довольно внушительный арсенал игрушечных пистолетов и маленьких солдатиков. И конечно, я смутно представлял себе, что же действительно произошло. Вечером того же дня я наблюдал, как мои родители с напряженным вниманием слушали новости, передаваемые по радио. Без сомнения, подобное происходило в миллионах домов и квартир по всей Америке. Помню, я спросил: "А они не могут прийти сюда и напасть на нас?" Отец ответил мне: "Нет, сынок, не беспокойся, они никогда не смогут прорваться сюда!".

Через несколько месяцев после сообщения об атаке на Пёрл-Харбор распространились слухи о том, что мощные военно-морские силы японцев высадились на Тихоокеанском побережье. Это вызвало настоящую панику среди калифорнийцев. А утром 8 декабря того же года 16-летний Фрэнк Киган и пятеро его товарищей отправились из Санта-Розы за 20 миль в залив Бodega, где они, вооруженные ружьем 22-го калибра и двумя небольшими дробовиками, приготовились к отпору японского вторжения. "Мы зарядили наши ружья, — вспоминал Киган 40 лет спустя, — спрятались в дюнах и стали ждать... Мы всматривались вдаль, но ничего не видели, однако нам было хорошо известно, что японцы отличаются хитростью и ловкостью. Мы ждали и ждали до тех пор, пока не стемнело". После этого им пришлось снова забраться в свой "Форд" и отправиться домой. Их бдительность осталась невольной гражданной¹.

Через несколько дней поступило сообщение о налете каких-то самолетов, предположительно японских, что заставило зенитные батареи, расположенные вокруг Лос-Анджелеса, направить тысячи снарядов в пустое ночное небо. В феврале 1942 г. японская подводная лодка в сумерках всплыла на поверхность и выпустила несколько снарядов по нефтеперерабатывающему заводу около Санта-Барбары, причинив незначительный ущерб. Подобный же обстрел произошел около форта Стивенс, расположенного вблизи Астории (штат Орегон).

Между тем жители Атлантического побережья опасались того, что люфтваффе может организовать "самоубийственные" вылеты (полеты в один конец без возврата обратно) с территории Западной Африки или еще откуда-нибудь. Американские граждане штатов Среднего Запада получили предостережение о том, что Миннеаполис может подвергнуться бомбардировке германских самолетов со стороны Северного полюса. На побережье от Техаса до Новой Англии океанские волны выбрасывали большое количество обломков кораблей и иногда даже утопленников. Это были мрачные свидетельства страшной дани, которую германские подводные лодки вжимали с флотов союзных государств на протяжении 1942 г. В городах, расположенных на обоих побережьях Америки, не зажигались уличные огни. В соответствии с приказом о светомаскировке бойцы гражданской обороны в белых шлемах патрулировали в микрорайонах, наблюдая за тем, чтобы все окна были занавешены плотными шторами.

И все же мой отец уверял меня, что "они" никогда не смогут "прорваться сюда". В отличие от Советского Союза или даже Великобритании, испытания, выпавшие на долю Соединенных Штатов в войне, были не велики: два эпизода с обстрелами в штатах Калифорния и Орегон, позже — несколько бомб, подвезанных японцами к воздушным шарам, опустившимся на северо-востоке страны и не причинившим никакого вреда. И это все. Территория США не была затронута враждебными действиями противника. Причастность американцев к войне могла выражаться двумя способами: отправкой за пределы страны для участия в боях (погибло около 400 тыс. человек) или сидением дома, без какого-то серьезного риска.

В конечном счете на военную службу в США призвали 11 млн мужчин и 2 млн женщин.

Огромные изменения в распределении людских ресурсов в сочетании с наращиванием военного производства привели к кардинальным переменам на рынке труда. В конце 1940 г. все еще ощущалось воздействие Великой депрессии, 9 млн человек не имели работы, что составляло 15% от общей численности рабочих и служащих. Однако к тому моменту, когда Пёрл-Харбор подвергся нападению, правительство США расходовало на перевооружение уже 2 млрд долл. в месяц. В течение следующих 6 месяцев свыше 30% экономического потенциала страны использовалось для выпуска военной продукции. К 1945 г. федеральный бюджет превысил 100 млрд долл. (против 9 млрд в 1938 г.), между тем как валовый национальный продукт (т.е. совокупный объем товаров и услуг за год) возрос с 91 млрд долл. до 166 млрд.

Выпуск промышленной продукции за годы войны практически удвоился, причем было создано 17 млн новых рабочих мест.

Несмотря на экстренные усилия, связанные с поставкой продуктов и материалов не только американским вооруженным силам, но также и союзникам, американский народ не испытывал острых лишений. В ходе самой опустошительной в истории человечества войны американцы в целом лучше питались, лучше одевались и лучше жили, чем в предшествовавшее войне десятилетие. Большинству граждан пришлось испы-

тывать какие-то лишения и неудобства. Приведем пример, связанный с псевдокритической ситуацией. После того как в середине лета 1941 г. из Японии прибыла последняя партия неочищенного шелка, Служба управления производством дала указание переориентировать все фабрики, производящие шелковые чулки, на выпуск военной продукции. Впоследствии правительство монополизировало производство нового синтетического материала — нейлона. Таким образом, в течение всех военных лет американки были вынуждены носить чулки из хлопка или вообще обходиться без таковых (дело доходило до того, что некоторые дамы разрисовывали себе ноги, чтобы создать видимость надетых капроновых чулок!).

Обществу, чрезвычайно привыкшему к личным автомобилям, которые использовались как для работы, так и для отдыха, определенные неприятности доставило рacionamento бензина и применение искусственных шин после того, как были прекращены поставки натурального каучука. Люди были вынуждены чаще оставаться дома, пользоваться одной машиной на несколько семей, городским транспортом (там, где это было возможно) или даже прибегать к "голосованию", чтобы сесть в попутный транспорт. Распределение и периодическая нехватка свежего мяса, сахара, масла, консервированных напитков и сигарет — все это создавало массу неудобств и привело к процветанию экономики "черного рынка".

Можно сказать, что нехватка продуктов или дороговизна вряд ли причиняли американцам страдания, хотя впоследствии более здравомыслящее поколение относилось к такого рода потребительству неприязненно. Непреложным фактом остается то, что многие американцы для удовлетворения своих потребностей охотно пользовались нелегальными источниками, включая высокоценные продуктовые карточки (которые в изобилии продавались на "толкучках", причем как настоящие, так и поддельные).

Ни для кого не секрет, что осуществленная Рузвельтовской администрацией программа перевооружения позволила в конечном счете преодолеть последствия Великой депрессии. Между тем как многосторонние (но плохо координируемые) усилия, предпринимавшиеся до этого внутри страны в рамках программы Нового курса, привели только к скромному улучшению экономических показателей. После того как доходы фермеров достигли небывало высокого уровня, предусматривавшаяся Новым курсом формула сельскохозяйственного паритета — равенства покупательной способности фермеров и всех других граждан — потеряла всякий смысл. Министерство сельского хозяйства и Служба ценообразования были вынуждены тщетно бороться против роста цен на товары потребления, чтобы они не опережали уровня, предусматриваемого формулой паритета. Один из чиновников, которому пришлось участвовать в реализации программы Нового курса, а во время войны служить администратором в европейском Красном Кресте, вспоминает: "До войны мы облегчали положение фермеров в Южной Дакоте тем, что выделяли каждой семье на пропитание кусок говядины и четыре доллара в неделю. После того как я вернулся домой, я узнал, что со-

стояние любого из фермеров составляет не менее четверти миллиона долларов. Неплохо? И так обстояло дело почти по всей Америке"².

Хотя военные контракты распределялись главным образом среди крупнейших корпораций, военная экономика способствовала развитию многих тысяч мелких фирм и предприятий — бакалейных лавок, баров, ремонтных мастерских и т.д., — участвовавших в обслуживании новых процветающих слоев общества. Один из предпринимателей, основавших ряд доходных бакалейных магазинов в Калифорнии, заметил: "Не надо быть гением для того, чтобы получить доходы во время войны. Все, что от вас требуется, — это открыть магазин и не напиваться до чертиков. Покупатели готовы платить и берут буквально все, что вы предлагаете. Для этого вовсе не нужна особая сметка или напряженная работа"³.

В новых условиях работу мог получить буквально каждый. Более того, острая нехватка рабочих рук привела к тому, что на работу были приняты почти 4 млн юношей в возрасте до 18 лет и около 14 млн женщин, многие из которых никогда даже и не занимались поисками работы. Хотя они выполняли тяжелую работу практически на всех участках военного производства, их "чуткие руки и пунктуальность" особенно пригодились там, где изготавливались детали повышенной точности⁴. В авиационной промышленности работающие женщины составили 65% от общего числа занятых (по сравнению с 1% до событий в Пёрл-Харборе). Девушка из фильма "Клепальщица Роза", одетая в комбинезон и обмотавшая раненую голову шарфом, стала любимым персонажем пропаганды и неизменным действующим лицом американского фольклора.

Маргарита Киршнер, устанавливавшая электрооборудование на заводе фирмы "Боинг", производящем бомбардировщики в Сиэтле, и Алиса Вагнер, работающая на авиационном заводе "Вега" в Бербенке (Калифорния), — типичные представители тех, кто трудился на военных предприятиях. До войны обе они выполняли "женскую работу", получая небольшую плату. Киршнер была продавцом, затем администратором в кинотеатре и оператором на элеваторе. Вагнер трудилась в прачечной. К середине 1942 г. Киршнер получала 93 цента в час и была занята на работе 70 часов в неделю. Вагнер работала обычно 48 часов в неделю, получая 75 центов в час. Обе были вполне удовлетворены своей работой, хотя их заработная плата составляла лишь треть того, что получали мужчины. В заметке, помещенной в еженедельном журнале "Лайф", описывалось, как выглядела Киршнер к концу рабочего дня: "Ее руки были в синяках, под ногтями грязь, лицо в пятнах пыли, волосы растрепаны". Тем не менее она не собиралась никуда уходить. Вагнер настолько нравилась ее работа, что она не скрывала своего желания трудиться в течение всей войны и "может быть, даже после ее окончания"⁵.

Будучи не замужем и получая вдвое больше того, чем они располагали до войны, Киршнер и Вагнер могли тратить добываемые тяжким трудом деньги на все, что заблагорассудится, по крайней мере в той степени, в какой обеспечивала товары отечественная экономика. Не-

возможно было, например, приобрести новые автомобили, холодильники, электропечи и стиральные машины, а также другие товары длительного пользования. Между тем совокупные доходы населения составляли в 1944 г. 150 млрд долл., и американцы тратили рекордные суммы на оплату счетов в ресторанах, часто посещали театры и ночные клубы, принимали участие в азартных играх в казино и на скачках, а также выбрасывали деньги на покупку драгоценностей, парфюмерии и меховых изделий.

Несмотря на рacionamento бензина и переполненные поезда, в зимние месяцы богатые американцы посещали курорты Флориды и прекрасно проводили там время в казино, на скачках или на пляжах. Подобное стремление наслаждаться жизнью во время войны было широко осуждено прессой, в частности журналом "Лук", который отмечал, что некоторые американцы ведут "самодовольный и безмятежный образ жизни во время бойни, охватившей весь мир". "Если бы наши солдаты, участвующие в битвах в Анцио и на о.Кваджелейн, могли видеть, что творится в Майами или Майами-Бич, — сурово констатировал журнал "Лайф" в начале 1944 г., — то гнев, который они испытывают к врагу, возможно, обернулся бы против соотечественников"⁶.

В целом для американцев, не покидавших страну, это было хорошее время, настолько хорошее, что многие из них впоследствии вспоминали о нем как о самом замечательном периоде своей жизни, едва ли не периоде "божественного спасения". Джин Бартлет из Беркли (штат Калифорния) во время войны была подростком. Она вспоминает, как однажды буквально все в жизни их семьи переменялось к лучшему. Отец семейства, который пошел работать на судовой верфь в Оклэнде, вернувшись домой, радостно сказал: "Теперь, наконец, у нас будут деньги. Мы заживем совсем по-другому... Нам не придется думать о том, кто из ребят будет в этом месяце надевать единственные целые ботинки. Мы сможем оплатить все счета. Мне не придется больше выслушивать жалобы моей матери..."⁷.

Семья Браукмиллеров, включая мать, отца, взрослых детей, их супругов и других родственников, насчитывала 25 человек. Они переехали из сельской местности в Айове в Портленд (штат Орегон), где взрослые стали работать на верфи "Кайзер". Там выпускались пользовавшиеся широкой известностью торговые суда класса "Либерти". К середине 1943 г. совокупный доход 13 работающих членов семьи Браукмиллеров достиг 996 долл. в неделю, или почти 52 тыс. в год.

И все же надо заметить, что счастливым, подобно Бартлету или Браукмиллерам, приходилось трудиться по многу часов в день, причем нередко работа была связана с серьезным риском. В 1945 г. около 1 млн американцев получили серьезные травмы и увечья на производстве, т.е. почти столько же, сколько американских солдат было ранено на полях сражений.

Американки, мужья которых надели военную форму, были вынуждены выполнять мужскую работу и, кроме того, на их плечах часто лежала главная забота по обеспечению семьи. Лили Уэллс в то время было 22 года, она работала оператором сверлильного станка в Эльмире

(штат Нью-Йорк) на заводе "Беникс-эклипс мэшин", а ее муж служил в армейском медицинском корпусе. У них было двое маленьких детей. Шесть дней в неделю Лили оставляла детей под присмотром бабушки и отправлялась в расположенное в 20 милях от ее дома местечко Эльмира, где она работала с 6.30 утра до 3 часов дня. За весь рабочий день она могла сделать лишь 30-минутный перерыв на обед и использовать два 5-минутных "перекура". После работы ей приходилось позаботиться о детях, покормить стайку кур, которых она держала, и поработать в одной из миллионов "оранжерей победы", которые были созданы при поддержке правительства.

Конечно, многие женщины после того, как их мужья были взяты на военную службу, продолжали вести домашнее хозяйство, но и им приходилось выполнять обязанности, о которых они никогда и не помышляли в мирное время. 30-летняя Барбара Холмс Друм, мать четырех детей, была самой типичной домохозяйкой, о судьбе которой поведал нью-йоркский городской журнал "Соушиал реджистр". Ее муж служил в чине капитана в армии. Ей пришлось взять на себя все заботы по содержанию фермы в Фар Хиллс (штат Нью-Джерси). В 1943 г. она рассказывала: "Внезапно мне пришлось столкнуться со множеством не известных мне дотоле вещей". На ферме осталась лишь одна помощница по хозяйству, а до этого их было пятеро. Вдвоем им пришлось бегать по разным лавкам и даже участвовать в местных аукционах, где продавалась подержанная сельскохозяйственная утварь, чтобы продолжать выращивать овощи на ферме⁸.

Журналисты, специализировавшиеся на репортажах об одиноких женщинах, мужья которых ушли на фронт, таких, как Уэллс или Друм, советовали одиноким дамам ограничиться какой-либо одной небольшой комнатой, а в остальных хранить мебель и разную утварь. Этим женщинам советовали найти себе друзей по несчастью и чаще посещать церковь, а при случае колледж или школу. Пуще всего им рекомендовали опасаться "одиноких волков" — мужчин, не призванных в армию и живущих холостяками⁹. Некоторые женщины, соблюдая своеобразный обет, приобрели себе специальные ночные рубашки, модель которых разработала жена морского офицера Ивора Бонет Итон. Эта модель называлась "В ожидании отпусковников".

Многие жены сопровождали мужей-военнослужащих, когда тех перебрасывали с места на место. Делли Хан, молодая жена сержанта военно-воздушных сил, многократно переезжала на новое место жительства, следуя за мужем от штата Флорида до штата Мичиган и далее в Техас. "Именно тогда я поняла, что война — это несчастье, а не развлечение, — рассказывала она много лет спустя. — Беременные женщины с трудом могли стоять в переполненных, лихорадочно мчащихся вагонах, когда они направлялись к новому месту службы своих мужей или для того, чтобы в последний раз обнять их перед отправкой на фронт. Возвращались обратно после встречи с мужьями женщины, путешествовавшие с маленькими детьми. Они старались вовремя покормить и перепеленать их. Мне было жаль их. Внезапно я поняла: происходящие события совсем не похожи на то, что предсказывали в шутли-

вой форме. И я благодарила Бога за то, что у меня тогда не было маленьких детей"¹⁰.

Хотя на продуктовые карточки можно было получить больше продуктов, чем раньше, и многие люди могли лучше питаться, а также тратить больше денег на свои прихоти, следует признать, что рабочие и их семьи, как правило, имели неблагоустроенные жилища, нередко расположенные на значительном расстоянии от места работы. Десятки тысяч людей, которым пришлось мигрировать на север из Западной Виргинии, Теннесси или Кентукки для того, чтобы работать на знаменитом детройтском заводе "Виллоу Ран", производившем бомбардировщики и принадлежавшем компании "Форд", были вынуждены поселиться в хижинах, прозванных "курятниками". Многие жили даже в палатках в условиях достаточно суровой мичиганской зимы.

Убожество жизни, порожденное войной, описывает известный писатель Джон Дос Пассос на примере городка Мобайл (штат Алабама), где располагалась крупная летняя школа, а также растянувшаяся на многие сотни миль судовой верфь. В 1943 г., отмечает он, транспорт, кинотеатры и закусочные этого городка были постоянно переполнены. На улицах толкалось множество пешеходов и валялось огромное количество консервных банок. В многочисленных трейлерах или узких бараках теснились люди, сменяя после 8-часового рабочего дня друг друга на "походных койках". Тем не менее, замечает Дос Пассос, людям, прибывшим в Мобайл в поисках высокооплачиваемой работы, "все казалось новым и замечательным... Они покупали радиоприемники, они посещали кинотеатры, встречались в пивных залах, ходили стрелять в тир, катались на пони, играли в шары (боулинг)... Некоторым женщинам, хозяйничающим в трейлерах, куда были подведены свет и водопровод, казалось, что они ведут роскошную жизнь, поскольку до этого им пришлось ютиться в малосеньких кабинах со щелями в перекошенном днище, заменявшем пол... По ночам на улицах ярко горели электрические лампы. Девушки посещали салоны красоты, делали маникюр и покупали модные платья"¹¹.

С 1943 г. в соответствии с беспрецедентным положением о доходах, скрывааемых от налогов, все отчетности о еженедельных и месячных доходах подлежали проверке. Новое налогообложение было введено Конгрессом вместо ряда других радикальных предложений (в том числе предложения президента Рузвельта ограничить годовой доход любого гражданина США суммой 25 тыс. долл.). Оно было нацелено на получение почти постоянного источника средств для финансирования военных расходов. В связи с резким увеличением доходов граждан и образовавшейся значительной налоговой задолженностью доходы практически всех американцев впервые стали подлежать федеральному налогообложению. Механизм общенационального подоходного налогообложения, хотя отдельные его положения вызывали разногласия, оказался простым и доступным; он продолжает действовать на протяжении всего послевоенного периода.

Почти все американцы оказались вовлеченными в военные усилия: одни руководствовались патриотическими чувствами, другие стреми-

лись хорошо заработать. Они выращивали овощи в "оранжереях победы", подписывались на облигации военного займа, еженедельно и ежемесячно покупали дополнительные облигации, что позволяло добиться снижения налоговых выплат. Патриотически настроенные граждане занимались также сбором всех видов отходов и утильсырья, поскольку правительство считало это важным вкладом в дело победы. Кухонные жиры, использованные электрические батарейки, любые виды металлов, включая фольгу, в которую упаковывали жевательную резинку, — все это тщательно собиралось и сдавалось на специализированные приемные пункты, организованные властями. Сбором металлолома, которым обычно увлекаются школьники, стали заниматься буквально все граждане. Моя память сохранила груды металлических отходов высотой почти 15 м во дворе нашей школы в городке Чайна (штат Техас). На вершине этой металлической груды возвышался совершенно проржавевший кузов из первых моделей "Форда".

Те, кто с неохотой участвовали в таких мероприятиях, сталкивались со всеобщим осуждением и административным принуждением. Например, в начале 1942 г. в Вальпараисо (штат Индиана) торговец утильсырьем Фрэнк Шумак заявил, что собранный им металлолом — это его "сбережения" на черный день в старости, поэтому он не собирается его сдавать или продавать по дешевке (по установленной Управлением военного производства цене — 18,75 долл. за т). Однако военная полиция, действуя на основе законодательства Конгресса, принятого в октябре 1942 г., конфисковала все его запасы — около 90 т.

Такие люди, как Шумак, возмущались, но в конце концов были вынуждены подчиниться. Однако имелись и такие, которые категорически не хотели подчиняться и участвовать в объединении усилий нации, начавшемся после нападения на Пёрл-Харбор. Около 43 тыс. мужчин отказались от военной службы и стали официально именоваться "отказниками по совести". Многие из них впоследствии были привлечены к тем или иным общественным работам. Нередко они становились обитателями полувоенизированных лагерей общественной гражданской службы. Однако около 6 тыс. непреклонных "отказников", большинство которых принадлежало религиозной секте "свидетелей Иеговы", попали за решетки федеральных тюрем.

Другие "отказники" подвергались судебному преследованию в соответствии с законом о шпионаже, законом об обязательной регистрации иностранцев и другими федеральными актами. В конце 1944 г., после кончины председателя суда, судебный процесс, который министерство юстиции США в течение двух лет вело против 26 откровенных профашистов, закончился тем, что мнения присяжных заседателей разделились и обвиняемые остались на свободе (однако под тщательным надзором властей). ФБР вело пристальное наблюдение за деятельностью небольшой левацкой троцкистской Социалистической рабочей партии (СРП). В конце концов министерство юстиции возбудило уголовное дело против нескольких членов СРП, обвинив их в подрывной деятельности. Однако суд признал виновным только одного члена этой партии, который и был препровожден в тюрьму.

За немцами и итальянцами, получившими в США право на постоянное место жительства, велась постоянная слежка, некоторые из них были интернированы в первые месяцы после нападения на Пёрл-Харбор. Однако в целом отношение американцев к этим лицам можно охарактеризовать как вполне терпимое. В годы первой мировой войны каждый третий американец был иммигрантом либо родился в иммигрантской семье. В начале 40-х годов после снижения иммиграционных потоков на протяжении почти двух десятилетий (вследствие правовых ограничений, принятых в 20-е годы и экономического спада в 30-е годы) число иммигрантов значительно снизилось. Среди них насчитывалось 256 тыс. немецких и 599 тыс. итальянских иммигрантов. Они не имели американского гражданства, но большинство их детей уже считалось гражданами США. Необходимо отметить, что пропагандистские усилия администрации Рузвельта были направлены на то, чтобы возбуждать ненависть не к немцам или итальянцам, а только к нацистским и фашистским режимам, под пятой которых те оказались. (Тот факт, что некоторые военные лидеры носили такие фамилии, как Эйзенхауэр, Нимиц, Спаатс и Эйхелбергер, подтверждает в целом лояльность американцев немецкого происхождения.)

После событий в Пёрл-Харборе лица японского происхождения, напротив, стали рассматриваться как самая многочисленная и отъявленная группа нарушителей гражданских свобод, охраняемых американским правительством. Больше всего японцев проживало на Гавайских островах, где они составляли неотъемлемую часть рабочей силы. Почти все они смогли оставаться там, где проживали. Как правило, за ними сохранялись рабочие места, хотя их деятельность строго ограничивалась законом военного времени. На Тихоокеанском побережье США проживало 110 тыс. японцев и американцев японского происхождения. $\frac{2}{3}$ из них родились на территории Соединенных Штатов, а $\frac{1}{3}$ — родившиеся в Японии — в соответствии с законом 1924 г. не имела американского гражданства; именно эти лица стали рассматриваться как нежелательный элемент.

Местные и федеральные чиновники опасались возможных актов шпионажа и саботажа. К этим страхам примешивались устойчивые расовые предрассудки, а также недовольство на экономической почве. В феврале 1942 г. генерал Джон ДеВитт, командующий армейской группировкой на Тихоокеанском побережье, беседуя с группой белых сограждан на общие темы, заявил: "Японец остается японцем. Не имеет никакого значения, является ли он американским гражданином или нет... Я не хочу иметь дело ни с одним из них". Японцы, отмечалось в одной из статей, опубликованной в журнале "Лайф", "имеют особую склонность к морским базам, докам, линиям передач, крупным резервуарам и военным заводам". Кроме того, они "живут крайне обособленно и их общины на 100% недоступны для граждан иной национальности"¹².

В марте 1942 г. только что сформированная военно-эвакуационная служба, выполняя приказ президента Рузвельта, предприняла усилия для полной изоляции всех японцев и американцев японского происхождения путем высылки их в отдаленные районы на территории США. К

середине того же года почти все упомянутые лица были размещены в 11 лагерях, расположенных восточнее горной гряды Сьерра. Они жили одиноко в легких деревянных бараках (одна комната на семью), отгороженные от всех колочей проволокой. Совершенно очевидно, что интернированные испытывали горькие чувства, поскольку они оказались в тяжких условиях и были вынуждены ввиду стремительности эвакуационных мер расстаться с собственностью, стоимость которой исчислялась сотнями миллионов долларов.

К 1943 г. военно-эвакуационная служба разработала программу проверки на лояльность, предназначенную для обитателей этих лагерей. Прошедшим такую проверку разрешалось устраиваться на работу за пределами лагерей, в том числе на службу в вооруженных силах США. Однако почти четверть мужчин-нисеев (японцев, родившихся в США) отказались подчиниться требованиям службы селективной проверки. Они были направлены в самый худший лагерь для интернированных, расположенный в районе озера Тули, в восточной части калифорнийской пустыни. Между тем из нисеев, проживавших как на континентальной территории Штатов, так и на Гавайях и согласившихся сотрудничать с властями, были сформированы воинские подразделения. Самым известным среди них стал 442-й боевой полк, личный состав которого получил множество наград в ходе итальянской кампании. Заслуги полка широко отмечались в печати. В начале 1945 г. власти военно-эвакуационной службы разрешили всем японцам покинуть лагерь для интернированных лиц.

Несмотря на стремление многих японцев продемонстрировать полную лояльность, основная масса американских граждан в течение ряда лет относилась к ним весьма подозрительно. Сельскохозяйственный рабочий Джордж Ямамото, исей (т.е. родившийся в Японии), в 1944 г. был выпущен из калифорнийского лагеря и поселился в местечке Ригобот-Бич (штате Делавэр). Но и там повторилось то же самое. Ямамото был вынужден вновь переехать, на этот раз подальше, в Бакскаунти (штат Пенсильвания).

Трудно передать ту ненависть, которую американцы испытывали, — а часто и выражали — к своим врагам-японцам. Многие американцы, чье детство прошло в годы войны (включая автора данной главы), были воспитаны в духе непримиримости и готовности "в урочный час прикончить япошку". Одна женщина, работавшая на военном заводе в Падуке (штат Кентукки), производившем снаряды, впоследствии вспоминала: "Мы были готовы буквально стереть их в порошок... Они представлялись нам маленькими желтыми человечками, которые смеялись, когда сбрасывали бомбы на наших ребят. Я помню, как в Падуке возникла однажды идея собрать и сжечь все вещи, которые были импортированы из Японии. Жители города развели большой костер. Люди приносили предметы быта японского производства и швыряли их в огонь"¹³.

Учитывая все обстоятельства войны на Тихом океане — в высшей степени вероломное нападение противника (именно так его оценивали американцы), широкое распространение расовой неприязни с обеих сто-

рон, активное воздействие пропаганды, создававшей образ фанатичного и злобного врага, — лишь очень немногие добропорядочные и терпимые американцы призывали оставить в покое японцев и американцев японского происхождения, проживавших на Тихоокеанском побережье США. Практика их переселения и интернирования осуществлялась на основе санкций, поддержанных Верховным судом США, и исходила из сомнительного предположения о том, что расовая идентичность в большей мере определяет поведение какой-либо группы людей, чем географический фактор или гражданство, в данном случае американское.

Крупнейшим расовым меньшинством в стране оставались черные американцы. В 1940 г. их численность составляла от 10 до 11% от общего числа американских граждан — от 135 млн человек. Война оказала противоречивое воздействие на жизнь черных граждан. С одной стороны, появилось множество рабочих мест, возросшая зарплата привела к значительному повышению жизненного уровня, причем у черных он повысился более существенно, чем у белых. После трудного десятилетнего периода возобновилась миграция черных американцев из южных штатов. Их численность в штате Калифорния за годы войны удвоилась.

Однако, с другой стороны, в годы войны сохранилась глубоко укоренившаяся дискриминация черных, которая проявлялась в любом секторе экономики при найме на работу и начислении зарплаты. Комисия по справедливому найму на работу, учрежденная приказом президента Рузвельта в 1941 г., чтобы пресечь массовый "Марш на Вашингтон", организованный А.Филиппом Рэндалфом, членом профсоюза проводников спальных вагонов, оказалась неэффективной. В конце войны "джимкромизм" (традиционный американский термин для обозначения расовой сегрегации, связанный с именем рабовладельца Джима Кроу) был по-прежнему распространен в американском обществе и проявлялся как официально (в законах ряда южных штатов), так и неофициально, на бытовом уровне.

На протяжении всей войны в вооруженных силах США существовали подразделения, укомплектованные по расовому признаку. В военно-воздушных силах действовала лишь одна эскадрилья черных пилотов. Несколько черных офицеров служили в военно-морских силах. Небольшое число черных служило в пехотных и моторизованных частях. Основная группа черных добровольцев и призванных на военную службу проходила ее в строительных и различного рода вспомогательных подразделениях или обслуживала армейские кухни.

Трения между черными и белыми рабочими или между черными военнослужащими и белыми гражданами привели к безобразным столкновениям, которые, правда, не были массовыми. Такого рода столкновения произошли в Мобайле (Алабама), Александрии (Луизиана), Габбарде (Огайо) и Кэмп-Шенанго (Пенсильвания). Кроме того, летом 1943 г. наблюдались три вспышки беспорядков, которые были квалифицированы как небольшие расовые бунты.

Один из них произошел в августе 1943 г. в Гарлеме — районе Нью-Йорка с черным населением. Все началось после распространившегося

слуха о том, что белый полицейский убил черного солдата. Взбешенные чернокожие, особенно молодежь, учинили погромы. Они разграбили и сожгли десятки торговых лавок и палаток в Гарлеме. Прежде чем удалось навести порядок, в результате стычек погибли 6 человек.

В ходе погромов в Гарлеме черные владельцы торговых лавок нередко выступали против погромщиков-черных. Однако когда через два месяца расовые беспорядки вспыхнули в Детройте (Мичиган) и Бимонте (Техас), они превратились в настоящую расовую войну. Расовая враждебность накапливалась на протяжении более чем года по мере того, как в Детройт прибывали отовсюду, но в основном из южных штатов черные и белые рабочие. Весной 1942 г. по указанию мэра Детройта сотни военнослужащих внутренних войск штата Мичиган были задействованы, для того чтобы обеспечить безопасность 20 черных семей, которые после неоднократных отлагательств и насмешек все же вселились в новые дома, построенные для рабочих военных предприятий и членов их семей.

Воскресным вечером 18 июня 1943 г. распространились слухи о расовых изнасилованиях и убийствах, в результате чего черные разгромили лавки белых торговцев. В ответ белые начали избивать черных и стрелять в них. Это происходило на улицах, в троллейбусах, театрах, словом повсюду, где черные оказывались за пределами своих микрорайонов. После нескольких дней бойни и разрушений в город были введены воинские части. Итоги волнений: убито 25 черных и 9 белых граждан, материальный ущерб превысил 2 млн долл., так оценили стоимость всего разграбленного, разрушенного и сожженного.

Несколькими днями позже в Бимонте, известном своими судостроительным и нефтеочистительным комплексами, вспыхнули и продолжались в течение четырех дней расовые волнения, в ходе которых толпы вооруженных пистолетами и дубинками белых терроризировали микрорайоны черных. Было убито 12 человек, после чего бойцы национальной гвардии штата Техас, действовавшие по приказу губернатора, подавили беспорядки.

Приведу несколько примеров из того, о чем помню лично. В то время мой отец по возрасту уже не был военнообязанным. Кроме того, у него была изуродована правая рука — не хватало трех пальцев. Тем не менее он вступил в техасскую национальную гвардию и, будучи гвардейцем, организовал отряд самообороны, состоявший из старшеклассников и пожилых мужчин, которые проходили в нашем городке военную подготовку вечером на школьных площадках. Во время волнений в Бимонте, который располагался в 15 милях от нашего городка, отряд самообороны был мобилизован для несения дежурства. Ранним утром в субботу после почти недельного отсутствия отец совершенно изможденный вернулся домой. Измотанный, с глазами, слипавшимися от бессонницы, с опухшими от многочасовых и интенсивных переходов ногами, он едва добрался до постели и упал как подкошенный.

Еще одно крупное расовое волнение в то кровавое лето произошло в Лос-Анджелесе, куда съехались десятки тысяч американцев мексиканского происхождения и членов их семей в поисках работы. (Если в

1941 г. на местной верфи не было ни одного испаноговорящего рабочего, то в 1944 г. их численность составила 17 тыс. человек.) По вечерам собирались банды молодых "пачуко" (сморчки) в широкополых шляпах, одетые в фирменные "пижонские" широкоплечие жакеты и брюки с заклепками, широкие в коленях и суженные у лодыжек, с цепочками от часов, спускавшимися до самых колен. Для местных американцев англосаксонского происхождения их облик, язык, манеры мелких воришек были крайне отталкивающими. В июне 1943 г. "пижоны" стали объектами нападений матросов, действовавших большими группами. Они хватали испаноамериканцев в барах, кафетериях и кинотеатрах, вытаскивали их на улицу, раздевали и избивали. Местные полицейские, как правило, лишь наблюдали за происходящим. Бесчинства прекратились только тогда, когда морская полиция возвратила матросов к месту их службы.

Тревоги, возбуждаемые политическими и религиозными диссидентами, как и судебное их преследование, насильственное переселение граждан японского происхождения, расовые и этнические беспорядки внутри страны, как, впрочем, и столкновения на расовой почве среди американских служащих за рубежом — все это служило суровым напоминанием, что несмотря на широковещательные заявления о демократии и терпимости, Соединенные Штаты продолжали оставаться страной, где преобладало мнение белого большинства в вопросах о том, к чему следует быть терпимым, особенно в условиях военного времени.

Тем не менее остается фактом, что нападение на Пёрл-Харбор, приведшее к окончанию "больших дебатов" по поводу политики Рузвельтовской администрации — "оказания всей возможной помощи, кроме участия в войне" в Европе и Азии, — привело к возникновению 45-месячного периода, в течение которого все люди, проживающие на территории Соединенных Штатов, были практически объединены общей целью в большей степени, чем в любой другой период истории страны. Продолжались споры по вопросам военного планирования (широко распространились настроения в пользу стратегии "наступления на Токио", которая расходилась с мнениями и обязательствами Рузвельта в рамках стратегии, уделявшей первостепенное внимание разгрому Германии). Однако большинство американцев соглашалось с тем, что война, которую вела их страна, была не только необходимой, но и справедливой и морально оправданной.

Если Великая депрессия способствовала классовому разделению и идеологическому разобщению, то война породила чувство общей цели. Люди проявляли готовность вести борьбу с врагами до тех пор, пока они не будут принуждены к "безоговорочной капитуляции". Именно такая цель была провозглашена в Касабланке Франклином Рузвельтом и несговорчивым Уинстоном Черчиллем.

Война содействовала процессу переосмысления американскими интеллектуалами сущности национальных ценностей и институтов и примирению с ними. Этот процесс происходил по крайней мере с середины 30-х годов, когда в сформированный Народный фронт вошли либералы, радикалы немарксистского толка, коммунисты и их попутчики, объеди-

нившиеся в широкую коалицию "прогрессивных" антифашистов. Нацистско-советский договор, заключенный в августе 1939 г., разрушил Народный фронт, однако вторжение Германии в пределы СССР за пять с лишним месяцев до нападения японцев на Пёрл-Харбор способствовало возрождению консолидации левых сил. США и Советский Союз стали союзниками в борьбе против нацистской Германии. Деятельность возрожденного Народного фронта достигла своего пика в конце 1943 г., во время Тегеранской конференции.

Опросы общественного мнения в годы войны показывали, что большинство американских граждан по-прежнему враждебно относилось к коммунистической партии и марксистско-ленинской идеологии, которую американцы воспринимали как "коммунизм". Это не помешало, однако, поразительно большому числу американцев восхищаться военными успехами Советского Союза. Например, в ноябре 1942 г. 20 тыс. человек собрались в крупнейшем нью-йоркском зале "Мэдисон-сквер-гарден" на митинг, устроенный Конгрессом советско-американской дружбы. Основным докладчиком на этом митинге был вице-президент США Генри Уоллес. Война, заявил Уоллес, должна способствовать установлению "демократии для простых людей", которая соединила бы черты американской политической демократии и советской экономической демократии¹⁴.

Публика, посещавшая концерты нью-йоркского филармонического оркестра, бостонского и филладельфийского симфонических оркестров, с удовольствием слушала музыку русских композиторов, особенно современных — Сергея Прокофьева и Дмитрия Шостаковича. Американские композиторы Рой Харрис и Мортон Гоулд написали симфонические произведения, прославлявшие Красную Армию и советский народ.

Голливуд выпустил серию фильмов, воспевавших успехи советских людей в борьбе против фашистских захватчиков. Дело доходило до того, что некоторые киностудии обращались за помощью в советское посольство, когда создавали подобные фильмы.

Советский посол Максим Литвинов и его жена англичанка Айви Лоу щедро принимали гостей и пользовались радушием широкой публики. На одном из приемов, устроенных Литвиновым в советском посольстве (за день до проведения большого митинга советско-американской дружбы в Нью-Йорке), среди гостей находились такие высокие сановники, как вице-президент Уоллес и пять других членов кабинета Рузвельта, глава Управления военного производства Дональд Нелсон, несколько сенаторов, а также члены Верховного суда США судьи Хьюго Блэк и Уильям Дуглас.

Народный фронт испытывал огромный духовный подъем, что отражали не только либеральные издания типа журналов "Нейшн" или "Нью Рипаблик", но и другие, более популярные, ранее находившиеся в оппозиционном лагере, и среди них такие еженедельные и ежемесячные издания, как "Тайм", "Лайф", "Ньюсуик", "Сатэрдэй ивнинг пост", "Бизнес уик" и др. Коммунистическая партия США находилась в самых благоприятных условиях за всю ее историю. Реорганизованная после роспуска Сталиным весной 1943 г. Коминтерна, КП США возглавляла

нетерпеливые усилия левых, требовавших открытия американо-британского второго фронта в Западной Европе. Она осуждала забастовки или любые другие выступления, которые могли бы помешать выпуску военной продукции и рьяно поддерживала администрацию Рузвельта, более рьяно, чем многие американцы, не являвшиеся коммунистами. В 1944 г. Эрл Браудер, генеральный секретарь КП США, открыто призвал к переизбранию Рузвельта президентом на четвертый срок. (Рузвельт действительно победил на выборах, но с самым небольшим преимуществом — менее 3,6 млн голосов.)

С конца 1942 г. имидж Сталина претерпел удивительную трансформацию. До этого его воспринимали как безжалостного диктатора, организатора репрессий 1936-1938 гг., циничного партнера по нацистско-советскому пакту, агрессора и поджигателя советско-финской войны. Теперь же в журналах "Тайм" и "Лайф", принадлежащих Генри Люсу, во многих других изданиях, а также в кино (в частности, в фильме "Миссия в Москву", снятом по материалам мемуаров Джозефа Дэвиса, посла США в Москве в 1937-1938 гг.) Сталин предстал как потягивающий трубку "дядюшка Джо", твердый, но милостивый лидер нации, объединившей свои усилия в решимости выбросить фашистских захватчиков со священной земли матушки России. "Вполне вероятно, — писал американский журналист Кеннет Дэвис (и это было одним из типичных для того времени предположений), — что, когда будет написана заключительная страница величайшего мирового кризиса, выяснится, что именно Сталин спас цивилизованный мир, возможно вопреки своим желаниям"¹⁵.

Рассматривая сталинский Советский Союз как одну из "демократий", противостоящих фашистскому варварству, американцы все активнее поддерживали концепцию создания Организации Объединенных Наций, основу которой должны были составить державы Великого союза. Эта организация должна была стать самым надежным инструментом обеспечения мира в послевоенные годы. Осенью 1942 г. миллионы американцев покупали и читали книгу Уэнделла Уилки "Единый мир", написанную им после того, как он на самолете облетел земной шар в качестве личного эмиссара президента Рузвельта. На выборах 1940 г. кандидат в президенты от Республиканской партии в своем программном заявлении заявил, что американцы должны покончить с изоляционистским национализмом и начать действовать и думать, руководствуясь понятиями глобального сообщества. Это предложение казалось бесспорным, так же как многие другие аналогичные призывы. С ними выступали такие влиятельные люди, как владелец журналов Генри Льюс, руководитель Совета по международным отношениям и Фонда Вудро Вильсона, известный журналист Уолтер Липпман, выдающийся юрист Джером Фрэнк и др.

В художественном фильме "Вильсон", самой дорогостоящей по тем временам кинокартине, выпущенной в 1944 г., растянутой и сумбурной, в упрощенном виде демонстрировалась тщетная борьба президента Вудро Вильсона за членство США в Лиге наций после первой мировой войны. Этот фильм послужил серьезным предупреждением, что амери-

канцы не должны снова отказаться от "второго шанса для установления прочной системы мира", как выразился вице-президент Уоллес¹⁶.

Пестрая смесь мрачной решимости и самонадеянной надежды, реализма и наивности была во многом характерна для произведений искусства военного периода. Хотя военной тематике в период 1942—1945 гг. было посвящено менее половины фильмов, выпущенных Голливудом, в них (а их было несколько сотен) в соответствии с установками Управления военной информации, главным пропагандистским агентством, доминировал дух нового национального фронта.

В этих кинофильмах японцы всегда были коварными, немцы — жестокими, англичане — немногословными и смелыми, а русские — могучими и бесстрашными. Черные американцы редко оказывались действующими лицами в подобных фильмах — они появлялись обычно в сценах религиозного, этнического и местного характера. В типичной военной группе, действовавшей в каком-либо фильме, будь то на море, на суше или в воздухе, обязательно оказывались парни из Бруклина (порой американцы итальянского происхождения, всей душой болеющие за бруклинскую бейсбольную команду); какой-нибудь выходец из аграрных штатов Юга, мужественный работник (зачастую выходец из Восточной Европы), интеллигентный или поэтически настроенный молодой человек (обычно еврей по происхождению, которому суждено одним из первых погибнуть), неуклюжий ветеран (нередко имеющий прототипом какого-нибудь ирландца), а также представители национальных меньшинств — индеец, американец мексиканского и порой даже китайского происхождения.

Создатели таких картин исходили из убеждения, что основа американской мощи заключена в том, что выражено в девизе этой страны "e pluribus unum" ("во множестве — едины"). У подобных фильмов были "близнецы" на радио. Наибольшее распространение получили радиоспектакли Нормана Корвина, самого любимого писателя в истории средств массовой информации. В фильмах, посвященных военным будням, в радиопередачах, песнях и журнальных статьях и даже в детских книжках-комиксах (которые с удовольствием читали и солдаты) красной нитью проходило следующее: американцы, облагодетельствованные свободой, но вынужденные отстаивать ее с оружием в руках, должны объединить силы со всеми свободолюбивыми народами, чтобы разгромить фашистов и установить прочный длительный мир.

Документальные картины порой оставляли большее впечатление, однако они не давали более полного объяснения, почему и каким образом была развязана война и что оказалось поставлено на карту в результате конфликта. Люди с захватывающим интересом следили за действиями Джона Гарфилда и членов его экипажа самолета В-17 в фильме "Военно-воздушные силы", за игрой Роберта Гейлора в кинокартине "Батаан" и Джона Уэйна в фильме "Возвращение в Батаан". Но зрителей в равной степени захватывали документальные кадры голливудского режиссера Фрэнка Капры из сериала "Почему мы воюем?", режиссера Джона Форда, блестяще осуществившего съемку бит-

вы за атолл Мидуэй, работы советских документалистов — "Контрнаступление под Москвой", "Сталинград".

Можно усомниться в качестве массового кинопроизводства Голливуда в годы второй мировой войны, но фактом остается то, что рекордное число зрителей посмотрело эти картины и рекордное число посетило кинотеатры страны. Конечно, во многом это произошло потому, что американцы стали получать больше денег за свою работу, а также потому, что в то время было затруднительно осуществить длительную поездку на отдых или увлекательный круиз.

Вследствие тех же обстоятельств огромное число болельщиков посещало стадионы, хотя уровень спортивного мастерства значительно снизился. Спортивные команды университетов теряли своих игроков, которых призывали в армию, и были вынуждены ставить в основной состав студентов второго курса или "белобилетников", не пригодных к военной службе. Усиливались военно-спортивные команды. Лучшие мастера американского футбола в годы войны выступали в командах, представляющих гарнизоны Военно-морского учебного центра "Великие озера", расположенного близ Чикаго, военно-морской базы Норфолк (штат Виргиния), морского центра Эль-Торо (штат Калифорния). В 1944-1945 гг. команды военной академии Вест-Пойнт (штат Нью-Йорк) доминировали в национальном чемпионате по американскому футболу.

Баскетбольные команды университетов и колледжей также испытывали нехватку талантливых игроков. Преимущество получили команды университетов Сент-Джонса, Де-Пола и Оклахомы, в состав которых входили игроки ростом свыше двух метров, освобожденные от призыва в армию. Война, таким образом, способствовала усиленному поиску высокорослых игроков для баскетбольных команд.

Хотя военное министерство зимой 1944-1945 гг. распорядилось закрыть ипподромы, в течение всего военного времени постоянно проводились скачки и рысистые бега. Продолжались бои на ринге боксеров-профессионалов, где именитые мастера, включая чемпиона мира в тяжелом весе Джо Луиса, встречались с третьеразрядными соперниками.

Активно и напряженно проходили матчи национального первенства по бейсболу, любимой и привлекавшей большое число болельщиков игре американцев, несмотря на то, что в течение четырех лет 60% игроков довоенных команд было призвано на военную службу. Можно было бы заняться поиском талантов среди чернокожих игроков, однако спортивная ассоциация "Организованный бейсбол" по-прежнему игнорировала цветных, и в этой официально признанной профессиональной лиге продолжали играть только белые. И только в 1946 г. в первом послевоенном бейсбольном чемпионате появился спортсмен, преодолевший расовый барьер. Им оказался Джеки Робинсон. (Национальная футбольная лига точно так же на протяжении всех военных лет довольствовалась ветеранами или "белобилетниками", но не допускала к участию в чемпионате людей с черным цветом кожи.)

Многие люди по разным причинам не могли попасть на стадионы и с удовольствием слушали трансляции спортивных репортажей по радио.

В начале 40-х годов трансляции со спортивных арен занимали большую часть радиопрограмм, особенно местных радиостанций с ограниченным радиусом вещания. Три общенациональные радиостанции в течение пяти дней в неделю передавали специальные 15-минутные передачи о наиболее "драматических" событиях на спортивных аренах. (Эти передачи называли "мыльными операми", поскольку их обычно субсидировали компании, рекламирующие мыло.)

По вечерам, когда у радиоприемников собиралась наиболее многочисленная аудитория слушателей, как правило, передавалась легкая музыка, проводились радиовикторины, транслировались разного рода драматические и комедийные спектакли. В годы войны необычайную популярность приобрели артисты комедийного жанра Джек Бенни, Боб Хоуп, Фред Аллен. А сногшибательные шутки из передачи "Выдумщик Макги и Молли" повторяла потом вся Америка.

Кроме того, радио давало возможность американцам, владельцам 85 млн радиоприемников, узнавать о событиях, происходящих на фронтах. Радио оказывало в годы войны на американцев такое воздействие, какого оно не могло оказать ни до, ни после. Норман Корвин после войны отмечал: "Начиная с предмюнхенского периода и до Дня победы над Японией происходили события, связанные с величайшей за всю историю концентрацией драматических событий, и радио играло ведущую роль в распространении информации и в передаче новостей миллионам людей"¹⁷.

Неустрасимые корреспонденты, которые со своими микрофонами вели репортажи с места опасных событий, становились настоящими романтическими героями. Одним из них стал Эдвард Мэрроу, корреспондент "Коламбия бродкастинг систем", который вел репортажи о вражеских налетах на Лондон в 1940 г. прямо с крыши этого города. Вместе с британскими летчиками он участвовал в авианалете на Германию и вел репортаж из кабины бомбардировщика, транслировавшийся прямо на Соединенные Штаты. Эрик Сиверейд прыгнул с парашютом в джунгли Бирмы, чтобы сообщить оттуда о боевых действиях против японцев. Ричард Хоттелет выбросился с парашютом из горящего бомбардировщика, летевшего над Германией. Ему удалось спастись и вернуться в Лондон. Буквально через несколько часов после возвращения он возобновил свои радиопередачи и рассказал о событиях, очевидцем которых он стал.

В Соединенных Штатах активно работали такие радиожурналисты, как Г. Кальтенборн, Лоуэлл Томас, Уолтер Винчел, Рэймонд Свинг и многие другие. Они анализировали события, давали им свои оценки и комментарии, делали обобщенные выводы о том, что США и союзники предпринимают для разгрома врага или, наоборот, чего они не делают. Любая сфера политической жизни комментировалась радиорепортерами, специализирующимися именно по данным проблемам. Некоторые из них занимали откровенно антирузвельтовские, антибританские и антисоветские позиции, например, Алтон Клоуз и Фултон Льюис. Другие, напротив, выступали с проружвельтовских, просоюзнических позиций, в том числе Эдвард Мэрроу и Уильям Ширер. Норман Корвин утверж-

дал, что радиопостановки становятся "особым разделом" драматургии. Его пьесы стали синонимом новаторства в средствах массовой информации. Корвин был истинным либералом и настоящим патриотом и открыто добивался того, чтобы люди знали, за что они сражались в этой войне¹⁸.

Через неделю после нападения на Пёрл-Харбор все радиостанции Америки транслировали выступление Корвина, посвященное юбилею принятия Билля о правах в США. Кроме того, было еще несколько случаев, когда его лирические и идеалистические выступления транслировались по всей стране. В мае 1945 г. все радиостанции передавали его выступление "На волне триумфа", посвященное победе в Европе. В своем выступлении "14 августа" незадолго до поражения Японии он говорил о мире взаимопонимания и сотрудничества, который будет построен на руинах войны.

Радио в годы войны для большинства людей было источником первоочередной информации. Однако более полные сведения о текущих событиях и возможных перспективах граждане получали из ежедневных газет. Беглый взгляд на газеты, выходившие в 1942-1945 гг., показывает, что они сохранили свой довоенный формат, хотя их содержание несколько изменилось: они были заполнены сообщениями и размышлениями о военных действиях. Вместе с тем на их страницах находилось место спортивным репортажам, веселым шуткам, рассказам о новых модах, слухам о том, что происходит в "высшем обществе", и, конечно, сообщениям о скандалах, убийствах и различного рода катастрофах и несчастьях. Так, в 1942 г., когда союзники высадились в Северной Африке и когда шла яростная битва за Сталинград, в Бостоне сгорел ночной клуб. Во время этого пожара погибло 49 человек, и сообщения об этом несчастье фигурировали на первых страницах газет. На следующий год, когда советские войска перешли в наступление и когда германские части были вынуждены покинуть Северную Африку, внимание читателей в значительной мере было приковано к сообщениям об убийстве английского богача Гарри Оакса, жившего в Нью-Йорке, а также к личным отношениям знаменитых кинозвезд Чарли Чаплина и Эррола Флинна. А в 1944 г. статьи, в которых обсуждался вопрос о том, имеет ли право правительство запрещать бега на ипподромах, занимали в газетах такое же важное место, как и репортажи об освобождении Парижа.

Популярные журналы также почти не изменились, ни по форме, ни по содержанию. Самый популярный журнал "Лайф", общий еженедельный тираж которого составлял около 5 млн экземпляров (в действительности его читало или просматривало гораздо больше людей), был равноценен самым лучшим киножурналам, демонстрировавшимся на экранах страны. "Лайф" был основан в 1936 г. как иллюстрированное издание, поскольку большинство людей предпочитают словам фотографии. Журнал стремился к тому, чтобы не просто иллюстрировать текстовый материал, но и расположить фотографии наилучшим образом, чтобы они сами свидетельствовали о событиях. В то время как еженедельник "Тайм", принадлежавший Генри Люсу, сообщал новости и ин-

терпретировал их, "Лайф", журнал того же Люса, передавал драматизм тех или иных событий с помощью иллюстраций.

"Лайф" (так же как и соперничавший с ним еженедельник "Лук") стремился отображать события, но следует иметь в виду, что редакторы этого иллюстрированного журнала, так же как и любые другие представители американской прессы, работали, соблюдая установленные правительством ограничения на то, что можно и что нельзя показывать.

Только через год после бомбардировки Пёрл-Харбора морское министерство разрешило напечатать снимки о гибели линкора "Аризона" и других потерях, вызванных действиями японских налетчиков. До начала 1943 г. "Лайф" не публиковал снимки погибших в боях американских солдат. Фотографии матросов, погибших в сражении за атолл Тарава, произвели столь угнетающее впечатление на сотрудников Управления военной информации, что после этого до 1945 г. не публиковались никакие снимки американцев, погибших на войне.

Издатели, редакторы и репортеры, так же как радиорепортеры, комментаторы и продюсеры Голливуда, могли бы жаловаться на тяготы военной цензуры, но они этого не делали и обычно охотно соглашались с цензурными ограничениями. При этом они руководствовались интересами поддержания высокого морального духа среди военнослужащих и гражданских лиц. Натянутые, а часто антагонистические отношения между представителями власти и средств массовой информации в том виде, в каком они существуют в Америке в настоящее время, тогда еще не сложились.

Чтобы выжить, газеты и журналы в Соединенных Штатах вынуждены зарабатывать на рекламе. Рекламная индустрия, действовавшая под эгидой только что основанного Совета по рекламе, развивалась самыми быстрыми темпами, какие только возможны в военное время. До 1944 г. корпорации рекламировали абсолютно все виды своих услуг и товаров — от самолетов, танков и полевых телефонов до пастеризованного молока и выключателей, считая, что этим они способствуют делу победы. Американцев убеждали в необходимости экономить и жертвовать, а также проникнуться пониманием того, что промышленники так же, как и потребители вынуждены считаться с ситуацией. В 1942 г. производящая шины и другие резиновые изделия компания "Гудрич" поместила в одном из журналов рекламу: четыре американца стараются остановить одну из проезжающих мимо машин путем голосования, т.е. поднятием вверх большого пальца. Подпись гласила: "Это самый настоящий патриотический жест!"¹⁹.

Совет по рекламе работал в тесном контакте с такими организациями, как Служба ценообразования, Управление военной информации, министерство финансов, убеждая американцев избегать покупок на "черном рынке", собирать металлолом и использованную резину, становиться донором, выращивать собственные овощи, а также поддерживать любые другие патриотические починны. Кроме того, Совет по рекламе оказал правительству большую помощь в деле распространения облигаций военного займа. К 1944 г. около 85 млн американских граж-

дан приобрели ценные бумаги, выпущенные федеральным правительством.

К середине 1944 г. союзники наступали на всех фронтах, и вопрос об окончательной победе был предрешен. Рекламный бизнес вовсю стремился пропагандировать прелести послевоенного времени, когда потребительские товары посыпятся, как из рога изобилия. После разгрома Германии, вспоминает один из управляющих рекламной индустрии, "началась такая безудержная реклама благоденствия мирного времени, что Совет по рекламе, памятуя о продолжающейся схватке с японцами, издал распоряжение, в котором напомнил, что ратный труд еще не завершен"²⁰.

В течение последующих трех с половиной месяцев "ратный труд" был завершен. К нам во Франклин (штат Луизиана), где я жил с родными дядей и тетей, в то время как мать лежала после операции в госпитале в Техасе, пришло наконец известие (после двух ложных сообщений), что Япония капитулировала. Читая одну из местных газет, я наткнулся на фотографию, на которой император Хирохито был аккуратно отмечен крестиком. Я вырезал ее и послал в письме родителям. Через две недели мы вновь переехали в родной город. Мы узнали, что военный лагерь, в котором содержалось 200 немцев (а по всей стране в таком положении находилось 200 тыс. немцев), опустел, и его начали демонтировать.

В октябре 1945 г. журнал "Лайф" сообщил: "Соединенные Штаты наконец-то расслабились". Демобилизованные военнослужащие возвращались по домам, но они не торопились приняться за работу²¹. Не спешили делать это и рабочие военных предприятий, которым после высокой зарплаты грозил переход на низкую. Увольняли миллионы женщин, поскольку на свои рабочие места возвращались мужчины. Многие из уволенных женщин навсегда оставляли производство и начинали выполнять чисто женские обязанности хозяйек дома и матерей. Домоводство и материнство всячески превозносились послевоенной пропагандой.

По правде сказать, очень многие американцы, находившиеся в тылу и получавшие самую высокую в своей жизни зарплату, не очень-то стремились к скорейшему окончанию войны, хотя было рискованно говорить об этом открыто. За годы войны практически у всех американских граждан появились приличные сбережения. В целом к 1945 г. общий объем накоплений граждан составлял 100 млрд долл. И почти все американцы опасались угрозы нового экономического спада или даже крупномасштабной депрессии.

Однако выяснилось, что многократное увеличение спроса на потребительские товары, связанное с огромными сбережениями населения, создало условия для беспрецедентного экономического подъема в мирное время. Началось стремительное разрастание среднего класса, а также эпохальное движение жителей городов в пригороды. В послевоенный период американцы стали лучше питаться и получили различного вида медицинские услуги, были открыты антибиотики. Все это в значительной мере способствовало укреплению здоровья нации.

Произошла существенная реорганизация системы высшего образования. Университеты были переполнены, поскольку на студенческую скамью сели многие бывшие фронтовики, которым по закону военного времени (его называли "Биллем о правах для солдат") были предоставлены специальные льготы. Расовые трения продолжались, однако стало очевидным, что все больше черных американцев — как фронтовиков, так и гражданских лиц, накопивших во время войны немало денег, — будут требовать равных с белыми гражданских прав.

Последствия войны сказывались и в демографической сфере. Уровень рождаемости, возросшей в 1941-1942 гг., когда заключалось большое число браков, продолжал подниматься до конца 50-х годов. Рост бракоразводных процессов также начался в военные годы. В начале 1944 г. в округе Лос-Анджелеса было зафиксировано 18 тыс. разводов, что составило 53% от общего числа браков, зарегистрированных в то же время.

В Лонг-Бич (штат Калифорния) местная жительница, вспоминая о войне, сказала, что это было время "несгибаемого патриотизма". Один из ее соотечественников заявил: "Почти весь мир во время этой войны испытал страшные потрясения, ужасы и был почти уничтожен. Мы же вышли из войны, имея в наличии невероятную технику, орудия труда, рабочую силу и деньги. Для большинства американцев война оказалась забавой... Я не говорю о тех несчастных, которые потеряли своих сыновей и дочерей. Однако для всех остальных это было чертовски хорошее время"²².

Это, конечно, преувеличение. Прямым следствием войны стал рост расового и этнического насилия. Возросла нетерпимость антимилитаристски настроенных радикалов (как левых, так и правых). Большинство граждан японского происхождения пришлось побывать в тюрьмах. Распались многие семьи и невиданно высокого уровня достигло число разводов. Необычайно возросла юношеская преступность (или, как выражаются социологи и психологи, молодежная делинквентность).

И все же, хотя вторую мировую войну нельзя назвать ни полностью справедливой, ни моральной, она обеспечила возрождение американской экономики и американской мечты, в которую охотно и горячо верило большинство граждан. Во многих отношениях это действительно была "хорошая война". Так или примерно так оценивал ее американский народ.

¹ *Terkel S. "The Good War": An Oral History of World War Two. N.Y., 1985. P. 34.*

² *Ibid. P. 575.*

³ *Ibid. P. 312-313.*

⁴ *Look. 1942.. 5 May. № 7. P. 42.*

⁵ *Life. 1942. 8 July. № 15. P. 41; Look. 1942. 30 June. № 6. P. 24.*

⁶ *Look. 1945. 20 Mar. № 9. P. 33; Life. 1944. 21 Febr. № 16. P. 40.*

⁷ Цит. по: *Terkel S. "The Good War". P. 239.*

⁸ *Look. 1943. 15 June. № 7. P. 25.*

⁹ *Gorman E. So Your Husband's Gone to War. N.Y., 1942. Passim.*

¹⁰ *Terkel S. "The Good War". P. 116.*

¹¹ *Dos Passos J. State of the Nation. Boston, 1944. P. 95.*

- ¹² Life. 1942. 16 Mar. № 12. P. 34. ДеВитт цит. по: *Winkler A.M.* Home Front USA: America during World War II. Arlington Heights (Ill.), 1986. P. 72.
- ¹³ Цит. по: *Terkel S.* "The Good War". P. 107.
- ¹⁴ Life. 1942. 30 Nov. № 13. P. 138.
- ¹⁵ *Davis K.* Have We Been Wrong about Stalin?//Current History. 1941. Sep. № 1. P. 6-11.
- ¹⁶ *Divine R.A.* Second Chance: The Triumph of Internationalism in America during World War II. N.Y., 1967. P. 48.
- ¹⁷ *Corwin N.* The Radio//While You Were Gone: A Report on Wartime Life in the United States/Ed. J.Goodman. N.Y., 1946. P. 386.
- ¹⁸ *Kaplan M.A.* Radio and Poetry. N.Y., 1949. P. 11.
- ¹⁹ Life. 1948. 6 July. № 13. P. 1.
- ²⁰ *Rubicam R.* Advertising//While You Were Gone. P. 444.
- ²¹ Life. 1945. 15 Oct. № 19. P. 29.
- ²² *Terkel S.* "The Good War". P. 234, 575.

12. Взаимные представления: ИМИДЖИ, ИДЕАЛЫ, ИЛЛЮЗИИ

М.М.Наринский, Л.В.Поздеева и другие

Деятели культуры и науки стран антигитлеровской коалиции отдавали талант, интеллект, знания сопротивлению фашизму, отпору агрессии. В один из самых трудных моментов Великой Отечественной войны, в октябре 1941 г., советские ученые обратились к своим коллегам во всем мире с призывом объединиться против фашизма: "Долг всех деятелей культуры и науки — активно включиться в борьбу и помочь окончательно сорвать план Гитлера — поработать народы по одиночке. На полях сражений решается сейчас вопрос о независимости, свободе, о самой жизни народа. Решается вопрос — победит ли наука варварство, победит ли мировой прогресс гитлеровскую реакцию"¹.

С призывом ученых перекликалось слово писателей. Отвечая на приветствие Организации молодых американских писателей антифашистскому митингу в Москве в октябре 1941 г., его участники утверждали: "В решающей борьбе за уничтожение кровавого фашизма радостно чувствовать рядом с собой плечом к плечу писательскую молодежь США... Пусть правдивое перо всех честных писателей мира острее разит подлого, злобного врага человечества, свободы, культуры и демократии"².

Важной задачей мастеров слова и пера, блокнота и кинокамеры стало также сближение государств-участников антигитлеровской коалиции, преодоление накопившихся негативных представлений и стереотипов мышления. Для советских людей это был сложный и трудный процесс. Ведь они воспитывались на идеях грядущей мировой революции, были пропитаны враждебностью к империализму, жили в обстановке "осажденной крепости". При этом империалисты Антанты изображались в 20-30-е годы как главная антисоветская сила, видную роль в ней играли правящие круги Великобритании. Советские люди помнили ультиматум Керзона, разрыв О.Чемберленом дипломатических отношений с СССР, политику умиротворения и Мюнхен. "Английские колонизаторы", "британские империалисты" — таковы были советские пропагандистские клише и негативные стереотипы обыденного сознания.

Что касается Соединенных Штатов Америки, то отношение к ним в массовом советском сознании было более сложным. США воспринимались как страна громадных научно-технических достижений, достойная уважения. Вместе с тем советская пропаганда подчеркивала наличие в США глубоких социальных контрастов, расовых противоречий. При этом в международной сфере США воспринимались скорее как потенциальный партнер, чем как враждебная сила.

С фашистской агрессией против СССР и началом складывания антигитлеровской коалиции советское руководство и пропаганда попыта-

лись отделить народы Великобритании и США от их политических лидеров и правящих кругов. Тон был задан Сталиным в выступлении по радио 3 июля 1941 г. — он заявил: "Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу, против порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г-на Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, — являются вполне понятными и показательными"³.

Советская пропагандистская машина послушно выполняла указания политического руководства и манипулировала массовым сознанием. Все сообщения печати подвергались строгой цензуре. Никаких опросов населения в СССР тогда не проводилось, но по сохранившимся воспоминаниям о войне нет оснований утверждать о наличии каких-либо расхождений общественного мнения с официальной позицией в отношении союзников.

Советские журналисты высоко оценивали характерные черты британского и американского народов, их волю к борьбе против фашистской агрессии. "...Гитлер недооценил этой способности английского народа к сопротивлению", — писала "Правда" в августе 1941 г., воздавая должное свойственным англичанам упорству и хладнокровию⁴. Популярный публицист Илья Эренбург отмечал: "Люди, не знакомые с Англией, часто принимают спокойствие англичан за отсутствие решимости. А между тем мало народов упорней английского. Они спокойно выходят из себя, спокойно ожесточаются, спокойно, но яростно дерутся"⁵.

"Вольнолюбивый американский народ находится в рядах противников фашистских варваров и мракобесов..." — утверждала та же газета "Правда". "Американский народ проникнут ненавистью к фашизму. Эта ненависть проявляется все более энергично"⁶. Известный советский летчик Г.Байдуков, участник беспосадочного перелета через Северный полюс в США в 1937 г., делился с читателями впечатлениями: "Интересно отметить, что среди американских обычаев жизни есть много обычаев, сходных с нашими русскими. Как и русский, американец приветлив, разговорчив, общителен"⁷.

Во время войны расширилось знакомство советских людей с культурой Великобритании и, пожалуй, еще больше США. Трудным летом 1942 г. в Москве были организованы вечера английского и американского кино⁸. Примерно в это же время известный советский кинорежиссер С.Эйзенштейн писал: "С каждым днем растет и крепнет взаимный интерес кинематографистов американских и советских. В этом как бы отражаются чувства, которые наши великие народы испытывают друг к другу"⁹. На советских экранах демонстрировались американские фильмы "Миссия в Москву", "Северная звезда" (о сопротивлении одной из советских деревень нацистскому нашествию).

В июне-июле 1942 г. в Московском государственном музее нового искусства был организован цикл лекций об искусстве Соединенных Штатов Америки¹⁰.

Вместе с тем нет оснований преувеличивать значение всех этих явлений и рисовать идиллическую картину. В действительности советские люди по имевшейся у них информации не могли представить военные усилия Великобритании и США, повседневную жизнь англичан и американцев во время войны. На первое место в советской пропаганде выдвинулась тема русского патриотизма, показ героических усилий советского народа в борьбе с фашистскими захватчиками.

Что касается помощи СССР со стороны союзников и поставок по ленд-лизу, то она не замалчивалась, но и не пропагандировалась. В советской печати публиковались выступления Ф.Рузвельта и У.Черчилля, а также заявления руководителей американской Администрации по внешней экономике. Однако советскому читателю довольно трудно было разобраться, много или мало поставляют союзники. Советские средства массовой информации на первый план выдвигали продовольственную помощь, хотя по стоимости поставки вооружений и военных материалов намного превосходили поставки продовольствия и сельскохозяйственных продуктов. Тем самым факт помощи со стороны США вроде бы и признавался, но она изображалась какой-то несерьезной.

Характерен эпизод из популярной военной повести Константина Симонова "Дни и ночи", в котором действуют командир батальона Сабуров и его начальник штаба Масленников. Дело происходит во время ожесточенных боев в Сталинграде. "...Не снимая шинели, они с Масленниковым сели друг против друга за стол, и Сабуров налил в самодельные стопки водки. Они выпили и только тогда хватились, что нечем закусить... Пошарив по столу, Сабуров дотянулся до красивой четырехугольной банки с американскими консервами: на всех четырех сторонах ее были изображены разноцветные блюда, которые можно приготовить из этих консервов. Сбоку была припаяна аккуратная открывалка"¹¹. Эта яркая красивая американская банка выглядит полезной, но вместе с тем странной и нелепой в сталинградском пекле.

В рамках антигитлеровской коалиции ощущались элементы напряженности и недоверия. На первое место здесь выступала проблема второго фронта. Тон опять-таки задавал И.Сталин. Стремясь как-то объяснить серьезные неудачи советских войск в 1942 г., он заявил 6 ноября в докладе на торжественном заседании в связи с 25-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции: "Стало быть, главная причина тактических успехов немцев на нашем фронте в этом году состоит в том, что отсутствие второго фронта в Европе дало им возможность бросить на наш фронт все свободные резервы и создать большой перевес сил на юго-западном направлении"¹².

За открытие второго фронта энергично агитировал союзников Илья Эренбург. В сентябре 1942 г. он настойчиво обращался к британским читателям: «На месте моих собратьев, английских и американских кор-

респондентов, находящихся в России, я передавал бы очень коротко: "Пора. Пора..." Пятьдесят дивизий на побережье Атлантики сыграли бы ббльшую роль в борьбе за Волгу и Кавказ, чем все поставки. Одно другому не мешает, но одно не заменяет другого»¹³. В марте 1943 г. Эренбург уже писал о затянувшемся ожидании второго фронта с горькой иронией: «Несколько недель тому назад я сидел в избе с танкистами. Старшина Васильченко, красавец с двумя орденами на груди и с детской улыбкой, готовил ужин. Он взял жестянку с американской колбасой и сказал: "Давай откроем второй фронт..." Я засмеялся, но у Васильченко глаза были грустные»¹⁴. Должно быть, шутка эта действительно ходила среди советских солдат и офицеров. Она фигурирует и в упоминавшейся уже повести Симонова "Дни и ночи". Командир батальона Сабуров во время сражения за Сталинград принимает у себя на передовой приехавшего из Москвы журналиста. "Вот американские консервы, — сказал Сабуров, — прошу. Мы тут между собой, шутя, вторым фронтом их называем"¹⁵.

Учитывая повышенное (можно сказать, болезненное) внимание советской стороны к проблеме второго фронта, нетрудно понять огромный резонанс высадки союзников в Нормандии. Через несколько дней после начала этой операции все советские газеты напечатали на первой полосе ответ Сталина на вопрос корреспондента "Правды" об оценке десанта союзников в Северной Франции: "Подводя итоги семидневных боев освободительных войск союзников по вторжению в Северную Францию, можно без колебаний сказать, что широкое форсирование Ла-Манша и массовая высадка десантных войск союзников на севере Франции удалась полностью. Это — несомненно блестящий успех наших союзников. Нельзя не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения". Отметим, что ни "непобедимый Наполеон", ни "истерик Гитлер" так и не смогли преодолеть Ла-Манш, Сталин подчеркнул: "Только британским и американским войскам удалось с честью осуществить грандиозный план форсирования Ла-Манша и массовой высадки десантных войск. История отметит это дело как достижение высшего порядка"¹⁶.

"Великому маршалу" вторили военные специалисты и обозреватели, публицисты и поэты. Демьян Бедный сочинил даже басню-притчу, в которой были и такие бездарные строчки:

...Внедряясь в лес фашистский,
Отбив уж край опушки,
В Нормандии грохочут
Союзные нам пушки...¹⁷

Это был, пожалуй, период максимально благоприятного отношения к союзникам со стороны государственного руководства и общественности СССР. Споры о послевоенном устройстве мира были еще впереди, а те, что уже возникали, скрывались в тайне правительственных кабинетов и дипломатических канцелярий.

Позитивное восприятие США и Великобритании в какой-то степени переносилось и на лидеров этих стран Ф.Д.Рузвельта и У.Черчилля.

Советские газеты помещали на первых полосах фотографии руководителей трех держав во время их встреч в Тегеране и Крыму, а также Сталина и Черчилля во время визита британского премьер-министра в Москву в октябре 1944 г. Пожалуй, при этом более благоприятным было отношение к Франклину Рузвельту. В связи с его переизбранием президентом газета "Правда" писала в ноябре 1944 г.: "Рузвельт плодотворно работал над тем, чтобы Соединенные Штаты Америки заняли в боевом союзе демократических держав подобающее им место и внесли ценный вклад в дело борьбы с гитлеровской Германией. Надо признать, что Рузвельту это удалось"¹⁸.

Теплое уважительное отношение к Ф.Рузвельту проявилось в откликах на его неожиданную кончину. И.Сталин послал телеграммы соболезнования президенту Г.Трумэну и Элеоноре Рузвельт. В официальной советской информационной справке отмечалось: "Скончавшийся 12 апреля президент Соединенных Штатов Америки Франклин Делано Рузвельт являлся одним из крупнейших и популярнейших политических американских деятелей на протяжении всей истории страны"¹⁹. Пожалуй, никогда ни один крупный политик капиталистического мира не удостоивался столь лестных советских оценок. "Мы потеряли одного из величайших государственных деятелей, которых когда-либо знал мир, и великого человека", — заявил посол СССР в США А.Громыко. "Величайший политик мирового масштаба", "выдающийся борец за дело демократии и прогресса" — так писали советские газеты²⁰.

Да и в целом США пользовались большей симпатией и уважением, чем Великобритания. Советская печать сочувственно цитировала впечатления председателя торговой палаты США Э.Джонстона о его визите в СССР: "...русские больше всего восхищаются американским производственным гением. Любому человеку, символизирующему это производство, каково бы ни было его отношение к советской системе, обеспечен сердечный прием". Это высказывание как бы дополнялось словами тогдашнего советского посла в Вашингтоне А.Громыко: "Наука, искусство и литература Соединенных Штатов завоевали признание и уважение в Советском Союзе"²¹.

Можно утверждать, что к союзным народам и армиям сохранялось благожелательное отношение и уважение до конца войны. Однако это был очень тонкий и неустойчивый слой массового сознания. В его основе лежал ограниченный узкоклассовый подход. К тому же победа в войне как бы заново легитимизировала сталинский политический режим, который, прикрываясь словами о советском народе, фактически приписал себе основную заслугу в достижении победы. Что касается советских руководителей, то они в полной мере сохраняли недоверие и подозрительность в отношении союзников. По словам публициста Ф.Чуева, В.М.Молотов так вспоминал май 1945 г. (он тогда находился в США): "8 мая они меня поздравили. Но праздник у них небольшой был. Как полагается, минута молчания. Но не чувствовалось... Не то, что их не касается, но они настороже в отношении нас, а мы в их отношении еще более..."²². В этой настороженности и подозрительности угадывались семена холодной войны.

Перед второй мировой войной позиция общественного мнения Британии в отношении СССР определялась рядом факторов. Картины ужасов сталинизма уживались в массовом сознании англичан со взглядами на советское государство — защитника системы коллективной безопасности, на его экономические и социальные достижения. Большую популярность приобрела идея англо-советского сотрудничества. За заключение военного союза между Англией, Францией и СССР в целях сдерживания Гитлера в апреле 1939 г. высказались 87% англичан²³.

Подписание договора о ненападении между СССР и Германией, так же как и война против Финляндии внесли сумятицу в умы британских сторонников сближения с СССР. Тем не менее у большинства англичан сохранялось стремление к нормализации отношений с СССР — вероятным союзником в борьбе с нацистами; англичан с нетерпением ожидали появления симптомов разлада между Сталиным и Гитлером²⁴. В одном из документов общественной организации "Мэсс обсервейшн" говорилось: "...несмотря на направленную против России прямую и косвенную пропаганду, позиция общественного мнения в отношении России и русских в последние годы отличалась необычайным постоянством, при том даже в самые мрачные периоды русско-германского договора и финской войны... Присутствовало постоянное глубокое ощущение того, что Россия выражает интересы простого человека... Но это чувство было далеко от какой-либо настоящей симпатии или понимания коммунизма"²⁵.

Широкое одобрение в Британии получило заявление Черчилля по радио 22 июня 1941 г.; взятое им обязательство о помощи СССР рассматривалось как "практический и логический шаг". В первые дни боев на советско-германском фронте большая часть британской общественности, по некоторым данным, скептически оценивала военный потенциал СССР и придерживалась того мнения, что в лучшем случае Россия "окажется в состоянии продержаться достаточное время, чтобы дать нам какое-то реальное преимущество". По другим же сведениям, многие простые англичане сразу уверовали в силу советского сопротивления, считали Россию непобедимой, хотя и не видели возможностей для ее легкой победы над рейхом. Лишь 25% лиц, опрошенных в Лондоне за неделю (27 июля - 4 августа 1941 г.), полагали, что война на востоке продлится менее года. "В первые дни только 7% допускали мысль о возможности успеха Германии"²⁶.

Кровопролитные сражения Советской Армии с вермахтом, поражения и потери СССР, поведение его народа на фронте и в тылу имели живейший отклик в сердцах англичан. Уже с начала июля нота скептицизма стала ослабевать, уступая место уверенности в конечной победе СССР. В дни грозной опасности, нависшей над советской столицей в октябре 1941 г., опросы общественного мнения в Британии не обнаруживали каких-либо намеков на ожидание капитуляции СССР. 15 октября, например, были отмечены чувства глубокой общественной симпатии к России, "растущего восхищения огромными усилиями советских войск и гражданского населения"²⁷. "Мэсс обсервейшн" зафиксировала в тот день следующие фрагменты разговоров об СССР: "...русские, не-

сомненно, продолжают борьбу, даже если они потеряют Москву"; "...они не сдадутся, даже если Гитлер достигнет Москвы. Они перевели многие важные отрасли промышленности на восток и вполне могут продолжать войну. Они гораздо лучше организованы, чем мы думаем..." В конце декабря 1941 г. анализ реакции англичан на контрнаступление советских войск под Москвой показал: "Все больше людей считает, что Россия спасла Англию от уничтожения немцами; проявляется очень глубокое чувство благодарности"²⁸. Сопrotивление СССР к тому времени заметно укрепило моральный дух англичан, их веру в победу.

Еженедельные сводки об отношении населения к событиям внутри страны и за рубежом, поступающие в министерство информации в Лондон, так же как и другие данные о состоянии общественного мнения свидетельствуют: самый сильный и длительный энтузиазм в Британии проявлялся в связи с подвигами Красной Армии и советского народа. Во второй половине 1941 г. и в 1942 г. во всех докладах отдела внутренней информации этого министерства подчеркивалось прежде всего чрезвычайное беспокойство англичан за судьбы советского фронта и тыла²⁹.

На Британских островах развернулось широкое движение солидарности с СССР, в первых рядах которого шли рабочие и профсоюзные организации. Британские ученые также выступили в поддержку патриотических усилий советских коллег. С благодарностью отмечалась ими честь, оказанная советским союзником крупнейшим деятелям науки Британии. Даже в тяжелейшую пору лета 1941 г. Академия наук СССР не прервала публикацию материалов по истории русской и мировой науки. Велась, в частности, подготовка к печати собрания писем Исаака Ньютона, приуроченная к 300-летию со дня его рождения³⁰. В январе 1944 г. британский поверенный в делах в СССР Джон Бальфур передал в Москве Академии наук дар Королевского общества — первое издание "Принципов" Ньютона и его личный манускрипт. Позже Королевское общество преподнесло Академии наук также экземпляр первого издания "Математических начал" Ньютона и собственноручно написанный им проект письма по-латыни, которое он отправил Александру Меньшикову — первому русскому, ставшему членом Королевского общества, с сообщением об его избрании. Вручая 23 июля 1944 г. эти бумаги академику В. Комарову, президент Королевского общества Генри Дэйл просил рассматривать это как знак неограниченного восхищения блестящим участием АН СССР в достижении общей победы в войне за свободу³¹.

Многое для укрепления дружественных связей с Советским Союзом сделала британская творческая интеллигенция. Герберт Уэллс, Джон Бойнтон Пристли, Джеймс Олдридж и другие известные писатели присоединили свой голос ко всем тем, кто выражал восхищение мужественным подвигом советского народа. Роман Л. Толстого "Война и мир" стал бестселлером. Переводы военных стихов русских поэтов, в том числе многих обладателей сталинской премии, регулярно печатались в британской прессе — газетах "Трибюн" и "Спектейтор". "Русские комментарии" Александра Верта — цикл его воскресных передач по Би-

Би-Си — собирали у приемников 12-13 млн слушателей только в одной Англии. В общественных фондах помощи СССР сотрудничали представители разных политических партий (лейбористы, либералы, коммунисты, консерваторы), деятели театрального искусства — Сибил Торндайк, Вивьен Ли, Лоуренс Оливье, Майкл Рэдгрейв, Марго Фонтейн. Самый крупный фонд помощи России возглавила супруга премьер-министра Клементина Черчилль³².

Популяризации советского союзника способствовали лекции и беседы по истории русской литературы, музыкальные передачи, художественные выставки. Удовлетворяя широкий интерес англичан к жизни и борьбе СССР, обширные материалы о нем публиковали журналы "Трибюн", "Нью стейтсмен энд нейшн", "Лефт ньюс", консервативная пресса. Многие левые лейбористы и либералы, так же как и коммунисты, говоря о внутренней и внешней политике СССР, избегали касаться негативных сторон советской действительности.

Обеспокоенный сильным креном влево в общественном мнении, Черчилль еще осенью 1941 г. предписал министерству информации противодействовать наметившейся у англичан тенденции "забывать об опасностях коммунизма, заслоняемых сопротивлением России"³³.

Вся область "паблисити" (организация выставок и митингов в поддержку СССР, распространение литературы, плакатов, книг, кинофильмов) была поэтому сосредоточена главным образом в руках министерства информации.

Беспокойство премьер-министра было обоснованным, но не на все 100%. По утверждению "Мэсс обсервейшн", беспорный оптимизм в связи с Великой Отечественной войной советского народа³⁴ и восхищение борьбой СССР не означали "применимости" советской системы к условиям Британии. Коммунисты — прекрасные бойцы, говорил один англичанин вскоре после Сталинградской победы. «Они лучше дерутся, чем все другие нации, потому что знают, за что они воюют. Но я сомневаюсь, чтобы русская система могла "заработать" в Англии». Стремление пойти на все жертвы для оказания помощи СССР, спасшему Англию, так же как и движение за открытие второго фронта в Европе не имели ничего общего с одобрением коммунизма; «"русская лихорадка" (т.е. подъем просоветских настроений. — *Ред.*) едва ли означала, что испытывается энтузиазм по поводу коммунизма». "Ничто не доказывало, что народ в своей массе хотел радикального изменения политической системы"³⁵.

Наметилась, впрочем, и тенденция противоположного рода. В материалах "Мэсс обсервейшн" содержатся признания того очевидного факта, что героическая оборона Москвы, Ленинграда, Сталинграда, сотен других городов и сел заставила многие группы британского общества изменить свои взгляды на СССР. Оно отошло от стереотипного представления о слабости и разобщенности советской страны; в качестве одной из главных черт авторитарной системы СССР стало даже подчеркиваться — с явным преувеличением — "полное национальное единство". В обобщающем материале, подготовленном в ноябре 1942 г., организатор и руководитель "Мэсс обсервейшн" Том Гарриссон

приводил ряд типичных английских высказываний о силе советской системы, одобрении "русского примера" и бесспорных достижениях в социальной сфере. Восхищение русскими, отметил он, распространилось даже на советского лидера. Англичане, как писал Гарриссон по другому поводу, перестали верить антисоветской пропаганде и стали теперь преувеличивать возможности и эффективность России³⁶.

Победы Советской Армии над вермахтом, особенно под Москвой и на Волге, создавали у многих на Западе несколько идеализированный имидж СССР, пробуждая вместе с тем чувства искренней симпатии, благодарности советскому союзнику и стремление оказать ему помощь. В сводках министерства информации часто упоминалось о стремлении англичан к "большей поддержке" СССР, о глубоких симпатиях, особенно в среде рабочих. Россия рассматривалась как "подлинная страна простого народа". В представлении некоторых англичан Сталинград как бы являлся "их собственным родным городом"³⁷. "Что касается Британии, то Советская Россия никогда не была столь популярна там, как сейчас"³⁸, — писал 20 января 1943 г. в своих "Военных комментариях" Джордж Оруэлл, которого даже и в тот момент трудно было заподозрить в симпатиях к советскому строю. "Общественный апофеоз" Сталинграда достиг своего пика во время празднования Дня Красной Армии 23 февраля 1943 г.

Опросы института Гэллапа в марте-апреле того года обнаружили понимание британцами, что военные усилия СССР во имя победы превосходят усилия США и Великобритании. Известные опасения по поводу послевоенных намерений СССР высказывались, правда, некоторыми кругами, в частности католической прессой, особенно при освещении массового убийства польских офицеров Советами в Катынском лесу, близ Смоленска³⁹. Но в дальнейшем, как правило, подавляющее число жителей Британских островов поддерживало идею послевоенного сотрудничества Великобритании, США и СССР, воплощенную в межсоюзнических договорах и соглашениях 1941-1945 гг. В апреле 1944 г., по данным Британского института общественного мнения, 76% англичан высказались за сотрудничество трех стран в вопросах европейской политики. И только 9% предпочли, чтобы СССР занимался после войны делами Восточной Европы, а Британия и США — делами Западной Европы. В октябре 1944 г. 90% респондентов одобряли курс послевоенного сотрудничества⁴⁰.

К концу второй мировой войны британская общественность в основном ориентировалась на развитие дружественных отношений с Советским Союзом и несмотря на сохранявшиеся подозрения была убеждена в возможности сотрудничества с ним. Настроения доброжелательности преобладали и у британского, и у советского народов. Последняя за годы войны встреча Большой тройки — в Потсдаме — не привела к открытому расколу между союзниками. Английский дипломат и философ И. Берлин вспоминает: "...общее настроение в официальных кругах Вашингтона и Лондона было оптимистическим, хотя и настороженным; у широкой публики и у прессы оно было куда более радужным и даже восторженным"⁴¹.

Образы и представления американского народа о советской стране не отличались ясностью и определенностью. Даже образованный американец, как заметил в 1941 г. известный журналист Уильям Г. Чемберлин, редко обладает тем знанием основных фактов русской истории, которое он обнаруживает в случае со странами Западной Европы⁴².

Вступление СССР во вторую мировую войну усилило у американцев оптимистический взгляд на ее исход, несколько снизив в то же время число людей, которые считали неизбежным участие в войне США⁴³. У значительной части американского населения не исчезли предрассудки, подозрения, даже враждебность в отношении СССР, утвердившиеся под влиянием тенденциозной пропаганды, пакта 1939 г. и других событий недавнего прошлого. Но в конечном счете взяли верх чувства удивления и уважения, прагматические оценки роли СССР в войне с нацистской Германией. Это обстоятельство наряду с усилением агрессивности рейха помогло американскому президенту и поддерживавшим его группировкам выиграть "битву за общественное мнение".

К моменту Атлантической конференции Рузвельта и Черчилля в августе 1941 г. сопротивление СССР, несмотря на все его потери и поражения, освещалось большей частью американской прессой как стойкое и непоколебимое, вызывающее сильнейшее напряжение ресурсов нацистской Германии. Резко антисоветские выпады херстовской печати не производили большого впечатления на читателей. Р. Дрэммонд обоснованно утверждал, что американский народ решительно поддержал правительственный курс сотрудничества с СССР. "Народ признал, что американская демократия и русский коммунизм не имеют ничего общего, но у них сегодня общий враг"⁴⁴.

Политика оказания помощи СССР и решение о созыве в Москве конференции представителей трех держав рассматривались американцами как необходимые меры содействия "главному интересу" США — разгрому держав "оси". Опрос журнала "Форчун" в октябре 1941 г. показал: 51,4% респондентов настроены сотрудничать с Россией и помогать ей, пока эта страна будет способствовать поражению нацистов; лишь 13,5% отказали СССР в предоставлении какой-либо помощи или в поощрении⁴⁵.

Существенную роль в сближении США с Советским Союзом сыграли контакты между общественными организациями, между учеными, писателями, журналистами, деятелями искусства. Американский совет по вопросам отношений с СССР (с 1943 г. — Национальный совет американо-советской дружбы; возглавлялся видным публицистом и общественным деятелем Корлиссом Ламонтом), певец Поль Робсон, художник и скульптор Рокуэлл Кент, Теодор Драйзер и руководимая им Лига американских писателей, сотни других деятелей американской культуры участвовали в движении за оказание помощи советскому союзнику⁴⁶. Представители американской творческой интеллигенции оказали большое влияние на формирование благоприятной позиции общественного мнения США в отношении Великой Отечественной войны⁴⁷.

Материалы об СССР в "Совьет Раша тудей" и других журналах, "Московский дневник" Генри Кэссиди, демонстрация советских художе-

ственных и документальных фильмов на экранах США, исполнение произведений Дмитрия Шостаковича, Сергея Прокофьева и других крупных композиторов — все это раскрывало для американцев богатство духа и культуры советских людей.

После Пёрл-Харбора восторги американцев по поводу советского сопротивления даже усилились. Но в США энтузиазм никогда не проявлялся с той силой, как в Британии и в оккупированной нацистами Европе.

Плюралистическое американское общество не могло быть, конечно, абсолютным единым в восприятии советской страны. В оппозиции к сотрудничеству с СССР находились различные социальные группы и политические силы. В то же время в 1942-1943 гг. постоянно возрастало число американцев — сторонников сотрудничества как во время войны, так и после ее окончания. Причем этот процесс развивался в основном благодаря большей информированности о Советском Союзе людей, ранее не имевших о нем сколь-нибудь четкого представления⁴⁸. Академические и военные круги США начали тогда серьезное ознакомление с Советским Союзом; широким фронтом русские и советские исследования развернулись после 1945 г. С конца января 1942 г. в Корнеллском, а затем и в других американских университетах открылись курсы "сверхинтенсивного" изучения русского языка⁴⁹.

В пользу того, чтобы США выступали вместе с Россией полноправными партнерами в ведении войны, в июне 1943 г., по данным общенационального опроса "Форчун", были настроены 80,7% американцев; против — 9,4%. СССР, судя по данным Национального центра по исследованию общественного мнения, считался страной, предпринимавшей наибольшие, по сравнению в Англией, США и Китае, усилия для достижения победы⁵⁰. Доблести советских воинов отдавали дань почти все периодические издания США.

Самый широкий резонанс в США получила битва на Волге. Сообщения о начале мощного контрнаступления советских войск (19 ноября 1942 г.) вселили в американцев уверенность в благоприятном исходе войны с рейхом. Практически все газеты, освещавшие события на советско-германском фронте, высказали убеждение в том, что наступательными операциями у Сталинграда положен конец продвижению нацистов в России. "Нью-Йорк таймс" даже объявила (24 ноября 1942 г.): "Началась осада Берлина". Крупнейшие еженедельники от "Бизнес уик" (28 ноября) до "Нью мэссиз" (1 декабря) в оптимистических тонах комментировали развитие контрнаступления русских армий, а "Нью рипаблик" (20 ноября 1942 г.) назвала его еще одним "поворотным пунктом" войны⁵¹.

Победа под Сталинградом оказала влияние на самые различные круги американского общества. "Твердолобые" изоляционисты, как и весь народ, открыто приветствовали ее. Характерно, что в обстановке просоветских симпатий средства массовой информации США лишь умеренно реагировали на проявившиеся разногласия с СССР (второй фронт, ленд-лиз и пр.). В британском обзоре общественного мнения США отмечалось: «Несмотря на неизбежное беспокойство по поводу

территориальных амбиций России в Европе, в стране не была развернута широкая кампания под лозунгом "Остановить Россию теперь". Фактически высказывалось больше критики в адрес империалистических военных целей Британии, чем в адрес целей России». Осенью 1943 г. при показах фильма "Битва за Россию" (в серии "Почему мы воюем?" Фрэнка Капры) были изъяты найденные в оригинале кадры о вступлении советских войск в прибалтийские государства после подписания нацистско-советского пакта. К моменту Московской и Тегеранской конференций (осень 1943 г.) просоветские настроения американцев достигли апогея⁵².

Восторгаясь советским союзником, общественное мнение США (так же как Британии) не получало, впрочем, всей информации о военных операциях и не в состоянии было полностью оценить роль советско-германского фронта. "...Представления американцев о военных действиях на Восточном фронте на протяжении всей войны были смутными и неточными..."⁵³.

В 1942-1943 гг. американские средства массовой информации создавали часто приукрашенный образ Сталина. Изменив тон на дружественный, о нем с энтузиазмом стали писать журналы Генри Р.Люса ("Тайм" 4 января 1943 г. напечатал на своей обложке портрет Сталина. Он назвал Сталина с его "лицом из гранита" "человеком года" (1942 г.)). Советского руководителя славили известные публицисты и политические деятели, и мало кто сомневался в возможности либерализации сталинской тоталитарной системы. По словам У.Уилки, Сталин после Тегерана превратился "в самого могущественного государственного деятеля в международной политике". По мере роста трений и разногласий между СССР и западными участниками антигитлеровской коалиции образ Сталина постепенно тускнел, американскому читателю и зрителю уже не говорили о тех привлекательных чертах, которыми его недавно наделяли авторы статей и фильмов⁵⁴. Это не сказалось, однако, на дружественном отношении большей части американского народа к советскому союзнику. Общественное мнение США всегда было хорошо осведомлено о наличии расхождений с СССР. Обострение разногласий не побудило американцев отказаться от мысли о послевоенном сотрудничестве с СССР⁵⁵.

Прослеживая перемены в общественном мнении США, американский историк Р.Леверинг подчеркивает, что на протяжении весны 1942 г. — осени 1943 г. число респондентов, положительно оценивавших возможность сотрудничества с СССР после войны, возросло от "определенного меньшинства до четко выраженного большинства". С марта 1945 г., однако, американское расположение к СССР начало падать. Леверинг объясняет это тем, что "почти все американцы были просто не подготовлены к реальностям быстро приближавшегося послевоенного мира"⁵⁶. Добавим, что к победе в Европе народы союзных стран шли, не отрешившись полностью от взаимных подозрений и страхов. Уровень информированности оставался в целом недостаточно высок. Примерно треть американцев испытывали в 1944-1945 гг. сомнения по поводу намерений СССР.

И все же результаты опросов общественного мнения в западных странах коалиции и другие свидетельства дают основание утверждать: в конце войны доминировало стремление к сохранению взаимопонимания и сотрудничества. 8 августа 1945 г., по данным Американского института общественного мнения (АИОМ), 54% респондентов в США склонны были верить советским намерениям о послевоенном сотрудничестве, и только 30% выразили недоверие⁵⁷. Британское посольство в Вашингтоне отметило в ежеквартальном отчете за июль-сентябрь 1945 г.: "...несмотря на то, что крайне правые продолжают свои обычные нападки на советскую политику и ее цели в Восточной Европе... общим чувством в отношении Советского Союза остается ограниченный оптимизм. Русофобов, которые говорят о неизбежной войне между Соединенными Штатами и СССР, широко осуждают"⁵⁸

Формирование общественного мнения Британии в отношении США исторически облегчалось в силу общности языка, традиций, культуры англосаксов. Англичанин склонен был рассматривать американца в несколько ином свете, нежели всех других иностранцев, считая его как бы своим родственником. В 1920-1930-е годы наиболее тесные контакты между двумя странами развивались не на государственном уровне, а именно по линии общественных связей, искусства, некоторых отраслей науки (юридической, экономической и др.), журналистики. Сильное воздействие на британское общество, особенно на молодежь, оказывал экспорт американской массовой культуры (кино, джаз)⁵⁹. Накануне второй мировой войны британский народ сближалось с американским осознание фашистской угрозы для демократии и национального суверенитета обеих стран.

Тем не менее к 1939 г., как и в годы становления версальской системы, в Старом Свете сохранялось большое недоверие к США. Британцы держали в памяти: Америка "покинула" Европу и замкнулась в изоляционизме, "американский Шейлок" несправедлив в своих требованиях выплаты военных долгов. Частые выступления изоляционистских деятелей против рузвельтовского курса оказания помощи Англии в 1939-1940 гг. подогревали антиамериканские чувства у многих жителей Британских островов.

Ощутимый сдвиг в настроениях британской общественности произошел весной 1941 г. после принятия закона о ленд-лизе. В апреле этого года "Мэсс обсервейшн" зарегистрировала "огромное большинство лиц, благожелательно расположенных к американцам". Акт о ленд-лизе довел число таких англичан от одной четвертой их части до почти двух третей⁶⁰.

Известие о вступлении Америки во вторую мировую войну было, естественно, встречено с большим облегчением на Британских островах. Ежедневные сводки лондонского министерства информации о состоянии общественного мнения показывали: британцы ожидают установления тесного военного сотрудничества с США на Дальнем Востоке; они выражают надежду на выработку в самое ближайшее время США, Британией, доминионами и СССР совместной стратегии войны.

Вместе с тем в сводках встречались и такие утверждения: «В то время как общество готово пойти на любые жертвы для оказания помощи России, оно не выказывает такого желания в отношении Америки. Широко распространено, по-видимому, то мнение, что Америка "слишком богата", что американцы слишком своекорыстны, что тяжести и страдания войны "пойдут им на пользу" ...»⁶¹.

Трагедия Пёрл-Хавора и американские неудачи в первые месяцы боев на Тихоокеанском театре военных действий видоизменили взгляды британцев на "эффективную Америку". Большое изумление вызвала демонстрация неподготовленности США к войне. Только незначительное число лиц, опрошенных на Британских островах в начале 1942 г., выразило удовлетворение американскими военными усилиями. "Впрочем, — признал автор доклада "Мэсс обсервейши", — удовлетворенность нашим собственным ведением войны была в тот момент также на самой низкой отметке"⁶².

В дальнейшем оценки военной роли американского союзника менялись в выгодную для него сторону. Но многие политико-дипломатические акции Вашингтона воспринимались европейцами с явным неодобрением. Большинство британцев высказало, например, удивление и недовольство в связи с проявленной Вашингтоном решимостью иметь дело с адмиралом Дарланом. Нельзя допустить того, считали они, чтобы сделка с этим предателем поставила под угрозу положение Сражающейся Франции⁶³.

Отсутствие постоянного и полного обмена информацией на высшем политическом и военном уровнях обусловило наличие лишь незначительного объема доводившихся до сведения солдат и матросов союзной коалиции подлинных фактов о ходе боевых действий на различных фронтах. Все три правительства организовали "информационные" кампании с целью обеспечить безоговорочную поддержку национальной политики и приоритетов. Насколько известно, британские усилия в США по установлению связей с общественностью преследовали наиболее честолюбивые цели. По иронии судьбы они оказались наименее успешными⁶⁴.

Позднее англичане признали, что установление связей с общественностью "было трудной задачей для всех миссий на всех этапах войны". Британские информационные программы "не выработали у американской общественности правильной оценки роли Великобритании в войне", хотя британские информационные службы и Объединенный комитет по связям с общественностью проделали "полезную работу". В качестве примеров неверной оценки британские источники называли представления о том, что в десанте в Салерно участвовали только американцы, что процент британских войск во время высадки в Нормандии был "почти ничтожен" и что вся война с Японией велась силами Соединенных Штатов Америки⁶⁵.

Правительство США сосредоточило свои усилия на формировании общественного мнения главным образом внутри страны, хотя американские информационные службы пытались воздействовать на восприя-

тие русских и англичан во всем диапазоне официальной пропаганды и неофициальной рекламы⁶⁶.

Серьезные сложности в англо-американских отношениях возникли в результате дислокации войск США на территории Великобритании. Озабоченность по поводу возможной враждебности между британскими и американскими военнослужащими возросла с прибытием большого контингента американских войск в 1942 г. в процессе подготовки к операции "Болеро". Присутствие американцев вынудило англичан прибегнуть к самым различным мерам для сокращения конфликтов между военнослужащими Америки и стран Британского Содружества Наций, а также между американскими солдатами и населением Англии — от призывов к гостеприимству до создания в 1943 г. совместного комитета по борьбе с венерическими болезнями, призванного заняться проблемой неразборчивых в половых связях американских солдат и хищных проституток. Масштабы и продолжительность пребывания столь большого контингента американских войск на Британских островах неизбежно порождали трудности. К тому же ситуация еще больше усложнялась тем, что американская армия принесла с собой практику расовой сегрегации, а командование жестко настаивало на сохранении абсолютной юрисдикции над американским персоналом⁶⁷. Дискриминация черных американских солдат вызвала озабоченность британской общественности, не привыкшей к наличию цветных и существованию расового барьера.

Однако в целом присутствие американских войск на Британских островах (в июне 1944 г. оно достигло максимума — 1750 тыс. офицеров и солдат) помогло укрепить связи между народами обеих стран⁶⁸. Личные контакты между британцами и американцами, установленные во время войны, имели долговременные последствия. Вместе с тем, как отмечалось в докладе об опросе населения Южной Англии, возникло понимание того, что американцы "являются другой нацией, имеющей иные стандарты поведения, обычаи, манеру общения"⁶⁹.

Позитивный имидж американского союзника у британцев постепенно укреплялся со второй половины 1942 г. В первую очередь это объяснялось признанием большого военно-экономического вклада Америки в борьбу с державами "оси", особенно на Дальнем Востоке, где военные позиции и политическое влияние самой Британии были заметно подорваны. "Мэсс обсервейшн" отметила в январе 1943 г.: "Оборона войсками генерала Макартура полуострова Батаан, а затем организованная им защита Австралии во многом способствовали возрождению доверия к американским военным усилиям; оно постоянно усиливалось на протяжении последних восьми месяцев; в данный момент удовлетворение выражают 74%, а если иметь в виду тех, кто проявляет наибольший интерес к этому, — 80%..."⁷⁰.

Положительные оценки британской общественностью опыта взаимодействия с вооруженными силами США находили отражение в многочисленных опросах на Британских островах. При всем различии цифровых данных, методики их исчисления, масштабов охвата и социальной принадлежности участников опросов четко проявилась одна тенден-

ция, а именно: рост в 1944-1945 гг. числа респондентов, выразивших благожелательное отношение к американцам. Велико было восхищение американскими государственными деятелями, — имена Рузвельта, Уоллеса и Нокса упоминались чаще всего⁷¹.

Ф.Рузвельт привлекал симпатии самых широких масс британского народа и еще с довоенных лет рассматривался как один из главных лидеров оппозиции державам “оси”. Рейтинг президента всегда был выше, чем американцев в целом. В 1943 и 1944 гг. благожелательное мнение о нем высказали, соответственно, 85% и 76% англичан. Известие о кончине Рузвельта глубоко потрясло британцев. Г.Трумэн для большинства из них был малоизвестной фигурой⁷².

С именем Рузвельта Британия связывала надежды на прочный послевоенный мир. На первых порах большей популярностью пользовались идеи англосаксонской солидарности. Затем предпочтение стали отдавать планам широкого международного сотрудничества с участием как США, так и СССР. По данным опроса Британского института общественного мнения, проведенного в апреле 1942 г. для журнала “Форчун”, 54% респондентов высказались за сохранение двусторонних обязательств взаимопомощи в послевоенный период и характеризовали США как “нацию-фаворит”⁷³. На вопрос “Мэсс обсервейшн”, считают ли они более важным сотрудничество с Америкой или с Россией, — большинство опрошенных (в том числе 54% мужчин) в январе 1943 г. ответили, что жизненно важным является сотрудничество с обеими странами; 17% мужчин предпочли только США, 20% — только СССР. В конце войны, судя по этим же опросам, лишь немногие их участники проявляли озабоченность по поводу возможного возвращения Америки на позиции изоляционизма; почти всеобщим было стремление к сохранению на длительный срок дружественных отношений с США⁷⁴.

Американские оценки государственного строя и политической системы Британии, ее народа также менялись в зависимости от конкретной ситуации и были противоречивыми. С одной стороны, убежденные в неоднозначности американской и британской моделей демократии (что отвечало действительному положению вещей), американцы склонны были идеализировать собственные порядки, критиковали “махинации” и “неспособность” правящего класса Британии. Довольно часты в 1939—1940 гг. были проявления англофобии, порожденной колониальным прошлым Америки, идеей превосходства США над европейскими странами и другими стереотипами изоляционистского мышления (англофобия составляла если не главную, то весьма характерную черту американского изоляционизма)⁷⁵.

С другой стороны, британские традиции и институты служили для американцев предметом неослабного интереса. Американская пресса и радио не случайно освещали жизнь на Британских островах гораздо шире, чем британские средства массовой информации жизнь США⁷⁶.

У американской общественности все более утверждался взгляд на Британию как на “первую линию” обороны США. В сентябре 1939 г. большинство американцев заняли сторону Англии и Франции. В даль-

нейшем они с тревогой и сочувствием следили за самоотверженной борьбой французского народа против Германии; сдвиги в общественном сознании стали очевидны после капитуляции Франции. В июне 1940 г. 80% опрошенных американцев выступали за оказание помощи Англии; 65% сочли неизбежным участие США в войне, не желая, однако, немедленного вступления в нее своей страны⁷⁷.

Битва за Англию усилила американские симпатии к стране, которая в одиночестве (если не считать колоний и стран Содружества) противостояла нацистам. Все опросы общественного мнения показывали, что около 85-90% американского электората выступали за оказание широкой помощи Англии, но без участия в войне. Правительство США, ссылаясь на общественное мнение, время от времени оказывало решающее воздействие на членов палаты представителей и сената в тех случаях, когда они проявляли колебания. Нужно иметь в виду и то, что по указанию Белого дома Государственный департамент сам организовывал опросы общественного мнения по темам, представлявшим, с его точки зрения, большой интерес⁷⁸.

С лета 1940 г. на общественное мнение США сильное воздействие оказывали возглавляемый У.А.Уайтом Комитет защиты Америки путем оказания помощи союзникам, группа “Сенчюри” и другие британские организации.

Принятие закона о ленд-лизе и другие шаги администрации демократов по оказанию поддержки Британии (но лишь в рамках официального нейтралитета США) отражали настроения большинства простых американцев. Это видно из результатов ряда опросов. 6 мая 1941 г. АИОМ поставил вопрос так: “Некоторые люди говорят, что если США продолжат оказание помощи Англии, Германия сможет начать против нас войну. Полагаете ли Вы, что нам следует, даже подвергаясь такому риску, и дальше помогать Англии?” 76% высказались за, 21% — против. 24 июня 1941 г. у респондентов спросили: “Считаете ли Вы, что Рузвельт зашел слишком далеко в своей политике оказания помощи Британии или нет?” Только 20% ответили “слишком далеко”; 17% — “недостаточно далеко”; 57% сочли положение более или менее нормальным⁷⁹.

Став в декабре 1941 г. воюющим партнером Британии, США еще более сблизилась с ней. Но процесс укрепления американско-британских связей не был свободен в сознании масс от всякого рода предубеждений и наслоений прошлого. Публичные дебаты по ряду вопросов, в частности о судьбе колоний, подпитывали у общества прежний негативный имидж британских политиков. Журналы “Нейшн”, “Пасифик афферс” и средства массовой информации резко осуждали британских руководителей за их отказ от предоставления независимости крупнейшей колонии — Индии. Американские газеты, заметил лондонский “Экономист”, рассматривают Индию как “дело Америки”, а британскую политику — как отрицание “четырёх свобод”⁸⁰.

Большинство американцев поддерживали требование о ликвидации колониализма⁸¹. В комментариях на “открытое письмо” журнала “Лайф” (12 октября 1942 г.), в котором содержался призыв к британцам

расстаться с империей, лорд Галифакс отметил: распространено мнение, что Англия, владея колониальной империей, обязана "оправдываться перед США и всем миром... Это чувство, хотя и не в равной мере, безусловно присуще почти всем американцам. Оно служит препятствием для взаимного доверия и создает большую опасность для развития будущего англо-американского сотрудничества на условиях, которые мы сочли бы для себя приемлемыми"⁸².

С большой долей скептицизма, далеко не оправданной, многие американцы оценивали военный вклад Британии в совместную борьбу с державами "оси". Заниженные оценки военных и экономических усилий Британии были зафиксированы в ряде опросов общественного мнения. 22 июня 1943 г. АИОМ предложил высказаться по вопросу: какая из названных стран, по Вашему мнению, сделала до сих пор больше всего для достижения победы? Ответили: Россия — 32%; Китай — 4%; Британия — 9%; США — 55%. Вопрос, заданный 24 августа того же года, гласил: судя по тому, что Вы читали, в какой стране, по Вашему мнению, народ — не солдаты — трудится напряженнее всего для победы в войне? Ответили: в Британии — 13%; в США — 26%; в России — 45%; не высказались — 16%⁸³.

Трансатлантические выпады против Британии не меняли, как правило, ориентации США на союз с ней. В этом убеждают выводы доклада "Американская позиция в отношении британцев", который был составлен в апреле 1943 г. в Управлении военной информации на основе опроса 3,6 тыс. американцев. Как наиболее характерные в докладе подчеркивались следующие моменты: 1) расположение американского народа к британцам существенно перевешивает их антипатии к ним; 2) хотя большинство американцев низко оценивают военные усилия Британии по сравнению с вкладом России, Китая и США, они считают, что Британия предпринимает все в ее силах возможное; после победы над Германией Британия продолжит войну с Японией; 3) даже среди тех, кто недолюбливает Британию, огромное большинство считает необходимым сохранение сотрудничества после окончания войны. "Фактом чрезвычайной важности является то, что девять из каждых десяти американцев решительно поддерживают продолжение англо-американского сотрудничества после войны". В пользу этого настроены 88% респондентов, против — только 7%; не выразили своего мнения — 5%⁸⁴.

С начала 1945 г. в общественном мнении США укреплялся имидж послевоенного биполярного мира, при котором наибольшим влиянием будут пользоваться США и СССР. Однако это не означало, что американцы вообще "списали" Британию как международный фактор⁸⁵.

Окончание войны в Европе и Азии, процесс размежевания между СССР и западными странами с новой силой выдвинули вопрос о союзе с Британией на авансцену общественной и политической дискуссии в США.

Опросы общественного мнения в англосаксонских странах, репортажи прессы не регистрировали, конечно, с абсолютной точностью "температуру" климата в Британии и США, но позволяли все же определять главные тенденции и зигзаги общественных настроений. Большинство американцев и англичан, как показывает анализ различных материалов, были дружелюбно расположены к другим участникам антигитлеровской коалиции, со второй половины 1941 г. они выказывали положительное отношение к советскому союзнику. Однако известная часть американского и британского общества оставалась на враждебных к СССР позициях и открыто выражала ему свое неодобрение. Подозрения в отношении советского тоталитаризма не исчезали и у тех многих людей на Западе, которые являлись сторонниками сотрудничества с СССР. Это, безусловно, объясняет непрочность позитивного имиджа СССР и быстрый переход к "образу врага" после 1945 г.

Закрытость советского общества, система сверхсекретности, отсутствие свободы слова, чрезвычайный контроль над прессой и всей сферой общественно-политической жизни — вот еще одна из причин, ограничивавших возможности формирования более полных и достоверных взаимных представлений.

Таким образом, несмотря на успех наиболее мощной и эффективной в истории военной коалиции, народам Большого союза были свойственны различные представления друг о друге, а зачастую и ошибочные взгляды. В то время как правительства вели войну и пытались согласовать дипломатию, позиция общества, его предрассудки и стереотипы, которые бытовали еще до войны, а затем испытали на себе ее влияние, формировали условия жизни, военных усилий и битвы за победу. Совместная борьба против нацистской Германии способствовала выдвижению на первый план всеми тремя странами положительных характеристик своих союзников. Однако это не ликвидировало, а лишь замаскировало старые стереотипы, ожившие после победы, особенно в отношениях между Востоком и Западом.

¹ Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение против фашистской агрессии, за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938-1945). М., 1962. С. 361-362.

² Там же. С. 357-358.

³ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1949. С. 16.

⁴ Правда. 1941. 12 авг.

⁵ Там же. 1941. 13 июня.

⁶ См.: Там же. 1941. 7 авг.; 12 окт.

⁷ Там же. 20 дек.

⁸ Литература и искусство. 1942. 22 авг.

⁹ Там же. 15 авг.

¹⁰ Там же. 20 июня.

¹¹ Симонов К. Дни и ночи. М., 1945. С. 63.

¹² Сталин И. Указ. соч. С. 67.

¹³ Эренбург И. Летопись мужества: Публицистические статьи военных лет. М., 1983. С. 164-166.

¹⁴ Там же. С. 218.

¹⁵ Симонов К. Указ. соч. С. 93.

¹⁶ Правда. 1944. 14 июня.

- 17 Там же. 1 июля.
- 18 Правда. 1944. 11 нояб.
- 19 Известия. 1945. 13 апр.
- 20 См.: Красная звезда. 1945. 14 апр.; Известия. 1945, 14 апр..
- 21 Правда. 1944. 10 сент., 22 окт.
- 22 Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 65.
- 23 *Wybrow R.J.* Britain Speaks Out. 1937-1987: A Social History as Seen through the Gallup Data. L., 1989. P. 6. Анализ изменений в позиции общественного мнения Британии в отношении СССР посвящено специальное исследование английского историка: *Bell P.M.H.* John Bull and the Bear: British Public Opinion, Foreign Policy and the Soviet Union 1941-1945. L., 1990.
- 24 Sussex University Library, Brighton, England: Mass Observation Archive (далее — MO). File Report 848/19. P. 6-8, 12 (*Harrison T.* Public Opinion about Russia. 1941, 27 Aug.).
- 25 MO. File Report 1623 (Some Notes on Feelings about Russia. 1943, 10 Mar. P. 1).
- 26 Public Record Office (PRO), Kew. INF1-292. Home Intelligence (HI) Weekly Report 39. June 25th to July 2nd, 1941. P. 2); MO. File Report, 848/9. P. 15.
- 27 PRO. INF1-292. HI Weekly Report 54. 15th Oct. 1941. P. 1.
- 28 MO. Topic Collections. Political Attitudes and Behaviour. Box 4, 4F.
- 29 *Smith B.F.* The War's Long Shadow: The Second World War and Its Aftermath. China, Russia, Britain, America. N.Y., 1986. P. 70.
- 30 Известия. 1941. 6 авг.
- 31 Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 69. Оп. 28. П. 93. Д. 93. Л. 5, 10-11.
- 32 Английские писатели о Стране Советов. Л., 1984. С. 78; *Майский И.* Воспоминания советского посла: Война 1939-1943. М., 1965. С. 298-299.
- 33 *McLaine I.* Ministry of Morale: Home Front Moral and the Ministry of Information in World War II. L., 1979. P. 199.
- 34 "Совершенно определенный оптимизм" в отношении войны СССР 22 февраля 1943 г. выразили 95% жителей лондонского предместья, и лишь 5% не высказали своего мнения (MO. File Report. 1623. P. 3).
- 35 Ibid. P. 7; *Smith B.F.* Op. cit. P. 71; *Lewis P.* A People's War. L., 1986. P. 202; *McLaine I.* Op. cit. P. 208.
- 36 MO. File Report 1623, p. 6; File Report 1492 (Tom Harrison. Feelings about Russia. 1942, 20 Nov.); *Idem* Public Opinion about Russia (Political Quarterly, 1941, Nov.-Dec.).
- 37 PRO.. INF 1-291. HI Weekly Report. 114. 1942, 10 Dec.
- 38 *Orwell G.* The War Commentaries/Ed. with an Introduction by W.J. West. L., 1987. P. 22.
- 39 *Bell P.M.H.* Censorship, Propaganda and Public Opinion: the Case of the Katyn Graves//Transactions of the Royal Historical Society. 1989, 5th Series. Vol. 39. P. 69-70.
- 40 Public Opinion 1935-1946/Ed. by H. Cantril. Princeton (N.J.), 1951. P. 367.
- 41 *Берлин И.* Встречи с русскими писателями в 1945 и 1956 годах//Звезда. 1990. № 2. С. 129.
- 42 *Levering R.B.* American Opinion and the Russian Alliance. 1939-1945. Chapel Hill, 1976. P. 57.
- 43 *Cantril H.* Gauging Public Opinion. Princeton, 1944. P. 228.
- 44 Christian Science Monitor. 1941. 13 Sept.
- 45 *Herring G.C.* Aid to Russia 1941-1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. N. Y., 1973. P. 22.
- 46 См.: Дорога на Смоленск: Американские писатели и журналисты о Великой Отечественной войне советского народа 1941-1945. М., 1985.
- 47 *Позняков В.В.* Американское общественное мнение и проблема сотрудничества СССР и Соединенных Штатов (июнь-декабрь 1941 г.)//Американский ежегодник 1988. М., 1988. С. 117-126.
- 48 *Позняков В.В.* Советско-американские отношения и общественное мнение в Соединенных Штатах (декабрь 1941 г. — октябрь 1943 г.)//Американский ежегодник 1989. М., 1990. С. 12-13, 27.

- 49 American Research on Russia/Ed. by H.F.Fisher. Bloomington. (Ind.), 1959. P. 6-7, 21.
- 50 Public Opinion 1935-1946. P. 372, 1063.
- 51 PRO. FO 371/34167. Copy of Office of War Information Weekly Media Report No. 44. 5 Dec. 1942. P. 9-10; см. также *Kimball W.F.* Stalingrad und das Dilemma der amerikanisch-Sowjetischen Beziehungen//Stalingrad. Ereignis, Wirkung, Symbol/Hrsg. von J.Förster. München, Zürich, 1992. S. 327-349.
- 52 PRO. FO 371/37005. British Information Services. Survey by A.McKenzie "American Attitude to Russia", May 1943. Об изменениях в фильме "Битва за Россию" сообщила газета "Нью-Йорк таймс" 15 ноября 1943 г. (см.: *Kimball W.F.* Stalingrad... S. 328-329.
- 53 *Гленци Д.М.* Представления американцев об операциях на Восточном фронте в годы второй мировой войны//Вопр. истории. 1987. № 8. С. 33.
- 54 *Александр Ч.С.* "Дядя Джо": образ Сталина в период наивысшего развития антигитлеровской коалиции//Американский ежегодник 1989. М., 1990. С. 32-41; *Alexander Ch.C.* The US and the USSR: Views from America. 1933-1942//Soviet-US Relations 1933-1942/Ed. G.N.Sevost'janov, W.F.Kimball. Moscow, 1989. P. 24-25.
- 55 См. опросы 1942-1945 гг. (Public Opinion 1935-1946. P. 370).
- 56 *Levering R.B.* Op. cit. P. 127, 203.
- 57 Public Opinion 1935-1946. P. 371.
- 58 Confidential Dispatches: Analyses of America by the British Ambassador, 1939-1945/Ed. T.E.Hachey. Evanston (Ill.), 1974. P. 302.
- 59 *Nicholas H.G.* The United States and Britain. Chicago, 1975. P. 86.
- 60 MO. File Report 1569. Report of Feeling about America. 1943, (22 Jan.); File Report 2548. Attitudes to Americans and Russians.
- 61 PRO. INF1-292. HI Weekly Report 64. 1941. 24 Dec.; Appendix: Public Attitude towards the USA.
- 62 MO. Reports 2548, 1569.
- 63 PRO. INF1-292.HI Weekly Report 112. 1942, 26 Nov.
- 64 Confidential Dispatches; Washington Dispatches: Weekly Political Reports from the British Embassy/Ed. H.G.Nicholas. Chicago, 1981.
- 65 PRO. WO 202/917 Historical Record, British Army Staff, Wash.
- 66 *Winkler A.M.* The Politics of Propaganda: The Office of War Information, 1942-1945. New Haven (Conn.), 1978; *Blum J.M.* V Was for Victory: Politics and American Culture during World War II. N.Y., 1976; *Koppes C.R., Black G.D.* Hollywood Goes to War. N.Y., 1987; *Shulman H.D.* The Voice of America: Propaganda and Democracy, 1941-1945. Madison (Wis.), 1990.
- 67 *Longmate N.* The G.I.'s: The Americans in Britain 1942-1945. L., 1975; *Smith Gr.* When Jim Crow Met John Bull: Black American Soldiers in World War II Britain. L., 1987; *Reynolds D.* GI and Tommy in Wartime Britain: the Army "Interattachment" Scheme of 1943-1944 //Journal of Strategic Studies. 1984. № 7; *Idem.* The Churchill Government and the Black American Troops in Britain during World War II//Transactions of the Royal Historical Society. 5th Ser. 1985. № 35.
- 68 *Dimbleby D., Reynolds D.* An Ocean Apart: The Relationship between Britain and America in the Twentieth Century. L., 1988. P. 150.
- 69 *McLaine I.* Op. cit. P. 268.
- 70 MO. File Report 1569.
- 71 По данным "Мэсс обсервейшн", в 1941 г. 45% опрошенных британцев заявили о своем положительном отношении к американцам; в 1942 г. — 47%; в 1943 — 34%; в 1944 г. — 45%; в 1945 г. — 58% (MO. File Report 2454 (Anti-Americanism. Note. 1947, 26 Jan.); 1669/Q (Attitude to Foreigners. Apr. 1943).
- 72 MO. File Report 2454.
- 73 PRO. INF1-293. HI Special Reports.
- 74 MO File Reports: 1569, 2222 (MO Panel on the Americans. Febr. 1945).
- 75 *Reynolds D.* The Creation of the Anglo-American Alliance 1937-1941: A Study in Competitive Co-Operation. L., 1981. P. 23; *Jonas M.* Isolationism in America 1935-1941. Ithaca; N.Y., 1966. P. 194-195, 202.
- 76 *Reynolds D.* The Creation of the Anglo-American Alliance. P. 23.
- 77 *Наджафов Д.Г.* Нейтралитет США 1935-1941 гг. М., 1990. С. 134.

- 78 *Smith B.F.* Op. cit. P. 123.
- 79 *Public Opinion 1935-1946.* P. 976, 1162.
- 80 *The Economist.* 1942. 19 Nov. P. 360-361.
- 81 *Поздеева Л.В.* Англо-американские отношения в годы второй мировой войны 1941-1945. М., 1969. С. 263, 272-273.
- 82 PRO.PREM 4/26/8 (Галифакс — Форин офис. 30 октября 1943).
- 83 *Public Opinion 1935-1946.* P. 1065.
- 84 PRO. FO 371/34121 (Р.Кемпбелл — Форин офис. 20 октября 1943 г.).
- 85 *Documents on British Policy Overseas/Ed. R.Butler, M.E.Pelly. Ser. 1. Vol. 3. L., 1986.*
P. 10, 13-15.

13. Великобритания: ИМПЕРСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Д. Рейнолдс

В 1940 г. население Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии насчитывало 48,2 млн человек. Для сравнения укажем, что численность населения Советского Союза составляла 195 млн, а Соединенных Штатов — 132,1 млн человек¹. Для понимания сущности британской дипломатии эти различия существенно важны. США и СССР являлись огромными континентальными державами, практически независимыми в экономическом отношении. Великобритания в отличие от них представляла собой небольшой европейский прибрежный остров и в огромной степени зависела от торговли с государствами неевропейского мира. Тем не менее в значительной степени этот неевропейский мир находился под контролем и влиянием Великобритании, масштабы которых сегодня вызывают удивление. В 1933 г. Британская империя объединяла государства, включая субконтинент Индии, Австралазию и значительную часть Южной Африки, с общим населением 502 млн человек, т.е. почти четвертью населения земного шара². Именно империя сделала Британию мировой державой. Еще в 1903 г. лорд Керзон, вице-король Индии, разглагольствовал: “До тех пор, пока мы правим Индией, мы остаемся величайшей державой мира. Если мы ее потеряем, мы сразу же превратимся в третьестепенное государство”³.

Итак, Великобритания была островным государством и одновременно государством мирового ранга. Это первое основополагающее положение необходимо учитывать, потому что оно определяло в значительной степени дипломатию Великобритании во время войны. Важно также принять во внимание отличие британских структур принятия политических решений от аналогичных структур ее союзников того периода. Не в пример другим крупным державам в Великобритании существовала глубоко укоренившаяся система профессиональной гражданской службы, которая охватывала самые верхние эшелоны власти, независимые от превратностей судьбы политических министерств⁴. В США приход новой администрации означал увольнение большинства высокопоставленных чиновников, назначенных правящей партией и ответственных за принятие политических решений. В Советском Союзе наркомат иностранных дел всецело зависел от Сталина. А британский Форин

офис с его многочисленными региональными департаментами оказывал своеобразное влияние на правительственную политику и определял мировоззрение обоих министров иностранных дел военного времени — лорда Галифакса (1938-1940) и Антони Идена (1940-1945). Это не означает отрицания роли премьер-министров того периода — Невилла Чемберлена, а с мая 1940 г. — Уинстона Черчилля, которые имели твердые убеждения в вопросах внешней политики и готовы были действовать в соответствии с ними. Однако это означает, что британская дипломатия в большей степени являлась результатом взаимодействия премьер-министра и Форин офис, нежели в рузвельтовской Америке или в сталинской России.

Третья характерная черта обстановки в Великобритании — наличие партий с разного рода интересами. При Сталине в Советском Союзе не было эффективной независимой законодательной власти; в Соединенных Штатах, где такая власть была, две соперничающие партии — демократы и республиканцы — не соблюдали той жесткой партийной дисциплины, которая была характерна для консервативной (тори) и лейбористской партий в Великобритании. В США президент и Конгресс избираются по отдельности, зачастую одна партия контролирует Белый дом, а другая — Капитолийский холм. В Британии премьер-министром становится лидер партии, получивший рабочее большинство на выборах в палату общин. Кроме того, между американскими партиями даже во времена конфронтации в годы Нового курса Рузвельта не было столь четких идеологических разногласий, которые свойственны английским политическим партиям. Тори представляют интересы бизнеса и земельной аристократии, а лейбористы опираются на поддержку тредюнионов. Номинально правительство Чемберлена с 1937 по 1940 г., а также предшествующие кабинеты Рамсея Макдональда и Стенли Болдуина считались “национальными”, но в действительности по составу они были консервативными, а лейбористы ненавидели Чемберлена не только за его резкий характер, но и за проводимую им политику. В мае 1940 г. было создано настоящее коалиционное правительство, в котором Черчилль взял на себя ответственность за ведение войны, а лейбористским политическим деятелям во главе с Клементом Эттли была предоставлена почти полная свобода выносить на обсуждение предлагаемые ими внутренние реформы. Однако Эттли и его коллеги имели собственную четкую позицию в вопросах внешней политики Великобритании, и важное место, которое они занимали в коалиционном правительстве Черчилля, дало им возможность, как мы впоследствии убедимся, воздействовать на политику в отношении Германии и Индии.

И наконец, необходимо остановиться на опыте Великобритании этого периода. Разговоры о “второй мировой войне” могут скрыть тот факт, что у каждого из трех союзников был свой, абсолютно несхожий опыт войны. Что касается британцев, то для них отличительными особенностями были, во-первых, участие в военных действиях против Германии с сентября 1939 г.; во-вторых, капитуляция их главного союзника — Франции — в июне 1940 г., что создало для Британии угрозу вре-

менного вторжения немецких войск или возможного мира путем переговоров; в-третьих, трудности борьбы в течение года практически в одиночку до второй половины 1941 г., когда постепенно выковался военный союз трех держав. Кризис 1940 г. и коалиция 1941 г. определили характер британской дипломатии военного периода.

В данной главе я предполагаю рассмотреть основные темы, которые вобрали в себя все главные направления британской дипломатии, а именно: политику в отношении Германии на ближайший и более отдаленный период; концепцию объединения усилий великих держав, направленных на достижение победы и сохранение мира; отношение к союзам со странами континентальной Европы, особенно с Францией; поощрение глобальных интересов Великобритании в границах ее официальной и неофициальной империи.

С точки зрения Великобритании, вопрос о месте Германии в Европе стал основной причиной, из-за чего велась война. Великобритания придерживалась двух противоречивших друг другу взглядов, когда она вступила в войну в сентябре 1939 г. Первый взгляд определялся ее многолетним, появившимся еще в конце первой мировой войны убеждением, что существование сильной и процветающей Германии необходимо для мира и стабильности в Европе. В отличие от Франции Британия не рассматривала Германию как неизбежную угрозу своим интересам. Британская дипломатия в течение почти всего периода между войнами была направлена на сдерживание французского реваншизма. В 1932 г. один из руководителей Форин офис, Александр Кадоган, определил цель британской политики следующим образом: «Положить конец “послевоенному периоду”» и «позволить Германии снова занять место великой державы на равных условиях с другими странами»⁵.

С другой стороны, начиная с 1933 г. постепенно становилось очевидным, что Германия Адольфа Гитлера превратилась в силу зла. Вначале Чемберлен и его окружение верили, что претензии нацистов касаются главным образом Восточной Европы. Они остались безучастными, когда в марте 1938 г. Гитлер аннексировал Австрию, а затем решил вопрос о судетских районах в Чехословакии в основном на собственных условиях. Однако еврейские погромы в ноябре 1938 г., военная тревога начала 1939 г. и, наконец, нацистская оккупация в марте 1939 г. Праги убедили Великобританию, что баланс сил в Европе находится в опасности. И более того, в Лондоне крепла уверенность, что именно Великобритания является главной целью Гитлера. Постоянный заместитель министра иностранных дел Кадоган сказал: “Я полагаю, что больше всего на свете он хотел бы, если бы смог, разгромить Британскую империю”⁶. В результате последовала серия панических гарантий странам Восточной Европы, которые принимали из рук англичан решения о войне и мире. Вторжение Гитлера в сентябре 1939 г. в одну из этих стран, Польшу, стало непосредственной причиной войны, а будущее Польши — одним из основных вопросов дипломатии военного времени.

Следовательно, британское правительство с запозданием вступило в войну, будучи убежденным, что Гитлер неисправим, но что существо-

вание сильной Германии тем не менее неизбежно и желательно. Спустя неделю после начала войны Чемберлен писал: "...все беды из-за самого Гитлера. Не может быть мира, пока он не исчезнет, а его режим не падет. Но мои надежды не связаны с военной победой — я очень сомневаюсь в ее реальности, — я рассчитываю на падение режима в Германии"⁷. Это помогает объяснить пассивность британской политики в течение так называемой "странной войны" зимой 1939/40 г. и настойчивые попытки Уайтхолла установить контакты с представителями немецкой оппозиции. У Великобритании было мало надежд на разгром нацистского рейха, да с ее точки зрения это и не было желательно. Ее целью была сильная, но миролюбивая Германия без нацистов.

Во время бедственного лета 1940 г. иногда на короткое время всплывал вопрос о переговорах с гитлеровским режимом. В первые дни эвакуации из Дюнкерка, когда казалось, что удастся переправить только 50 тыс. солдат, министр иностранных дел лорд Галифакс предложил военному кабинету обратиться к Муссолини с просьбой выяснить у Гитлера условия мира. Министр утверждал, что если эти условия не затронут целостности и независимости Великобритании, то их следует серьезно изучить. Черчилль не возражал против такого подхода, заметив, "что он был бы рад выпутаться из создавшихся затруднений на подобных условиях, если удастся сохранить устой и элементы жизненной силы нации, даже ценой некоторых территориальных уступок"⁸. Он даже упомянул Мальту, Гибралтар и некоторые южноафриканские колонии в числе территорий, от которых Великобритания могла бы отказаться.

Однако Черчилль расходился с Галифаксом по поводу целесообразности таких переговоров. Он полагал, что едва ли можно рассчитывать на такие благоприятные условия и что Великобритания "могла бы добиться не менее выгодных условий в случае, если бы продолжила борьбу, и даже в случае поражения"⁹. В битве за Британию англичане, считал Черчилль, смогут нанести Германии достаточно серьезный ущерб, чтобы добиться от нее более выгодных условий мира. Исходя из этой уверенности, Англия вела боевые действия против Германии летом 1940 г., и Черчилль дал твердый отпор Галифаксу и его парламентскому помощнику Р.А.Батлеру, когда они заявили в июне послу Швеции (в расчете на то, что это будет доведено до сведения Германии), что будущая британская политика будет диктоваться "здравым смыслом, а не бравадой"¹⁰.

В течение трех последующих лет сколько-нибудь серьезных дебатов, связанных с Германией, не велось. Подготовка к мирным переговорам до тех пор, пока военная ситуация не примет более благоприятный для Великобритании характер, представлялась несущественной. Внутри самого министерства иностранных дел надежда на сопротивление гитлеровскому режиму в Германии ослабевала, а идея прихода к власти Геринга в качестве приемлемой альтернативы Гитлеру, с которой носились в 1939-1940 гг., утратила свою привлекательность после налетов люфтваффе на Лондон в 1940-1941 гг. К 1942 г. отношение Форин офис к Германии стало более жестким, и это облегчило приня-

тие публичного заявления Рузвельта с требованием "безоговорочной капитуляции", которое он сделал в январе 1943 г.¹¹. Однако цель Великобритании оставалась неизменной — "Германия жирная, но бессильная" (выражение Черчилля), т.е. двигатель процветания Европы, а не военная машина, угрожающая соседям¹².

Серьезное планирование будущего Германии началось летом 1943 г. Поскольку Черчилль был поглощен проблемами большой стратегии, Эттли стал председателем двух важных комитетов — по выработке условий перемирия и послевоенного урегулирования (в 1944 г. комитеты были объединены). При поддержке других лейбористских членов кабинета — Эрнста Бевина и Хью Долтона — Эттли использовал свое положение для обоснования жестких требований к Германии. Они выступали за разрушение центрального немецкого правительства и расчленение страны. Бевин предлагал вернуться к добисмарковским дням — лоскутной конфедерации, в то время как Эттли отстаивал создание на смену Германии трех-четырех государств. Не менее важно с их точки зрения было провести внутреннюю реформу: искоренить "пруссский вирус" милитаризма и разрушить мощные промышленные комплексы¹³.

Форин офис не разделял такого подхода. Он выступил против расчленения, считая его противоестественным, учитывая немецкий национализм, и неосуществимым без определенных репрессий, которые будет трудно проводить в жизнь длительное время в мирных условиях. Не поддерживалась идея деиндустриализации в том виде, как она предлагалась в плане Morgenthau. В соответствии с концепцией Германии "жирной, но бессильной" Форин офис утверждал, что Британия нуждается в богатой Германии в качестве торгового партнера и стимула восстановления Европы. Министерство иностранных дел возлагало свои надежды на мирную Германию, находящуюся под эффективным внешним надзором со стороны "протектората" союзников, который бы контролировал правительство Германии, используя угрозу сдерживания путем быстрых военных акций, если она выйдет из подчинения. Этот подход предполагал сохранение коалиции союзников после войны¹⁴.

Против этого энергично выступали начальники штабов и их советники из Комитета по планированию послевоенного устройства. Они высказывались в пользу расчленения Германии, и не только в целях предотвращения ее возрождения в будущем, но и с целью помешать Советскому Союзу использовать немецкие ресурсы. И если бы у Советского Союза "в конце концов возникли враждебные намерения по отношению к Великобритании... то нам потребовалась бы вся возможная помощь со стороны всех сил, в том числе Германии"¹⁵.

Такие идеи предавались анафеме в министерстве иностранных дел Великобритании. Считая военных оголтелыми антисоветчиками, оно предупреждало об опасности "просмотреть непосредственную угрозу — возрождение Германии", сосредоточившись на более отдаленной угрозе со стороны СССР. Кроме того, оно боялось пророчеств, которые сбываются. Если эти идеи начнут распространяться, русские могут о них

узнать, и это подтолкнет их к созданию тех условий, которых опасаются начальники штабов¹⁶.

Взгляды самого Черчилля лежали где-то посередине между взглядами Форин офис и Комитета начальников штабов. Он выступал за частичное расчленение Германии, особенно, по его выражению, за "изоляцию Пруссии"¹⁷, а в сентябре 1944 г. на Квебекской конференции под нажимом американцев заигрывал с идеей деиндустриализации. Однако мышление и Черчилля, и министерства иностранных дел сформировалось в контексте союзнической дипломатии, в соответствии со взглядами Рузвельта и Сталина. В конечном итоге Черчилль и Форин офис не смотря на расхождение во взглядах согласились: германский вопрос можно решить только в том случае, если Великобритания будет рассматривать его в контексте Большого союза с Соединенными Штатами и СССР.

С начала столетия многие британские политические деятели рассматривали тесное англо-американское сотрудничество как важный компонент защиты чрезмерно рассредоточенных интересов Великобритании. Это сотрудничество в период 1917-1918 гг. было многообещающим, но впоследствии нежелание США включиться в запутанные дела Европы зачастую становилось для Лондона постоянным источником раздражения. В 1937 г. Чемберлен, суммируя опыт своего поколения, писал: "Всегда лучше и безопаснее не ожидать от американцев ничего, кроме слов"¹⁸. Эту аксиому, по-видимому, подтверждали американские законы о нейтралитете, которые начиная с 1935 г. запрещали поставки оружия и предоставление кредитов воюющим странам. В период между двумя мировыми войнами зачастую возникали серьезные трения по поводу паритета военно-морского флота обеих стран, а также экономического соперничества в разных частях земного шара. В Вашингтоне особую озабоченность вызывала британская система имперских преференций и находившаяся в зародыше идея стерлинговой зоны, которые представляли собой протекционистскую реакцию на депрессию. Хотя с началом войны отношения между странами несколько улучшились, в 1939-1940 гг. они все же оставались прохладными и недоверчивыми. В январе 1940 г. Чемберлен писал: "Видит Бог, я бы не хотел, чтобы американцы воевали на нашей стороне, так как нам пришлось бы заплатить за это слишком высокую цену, если бы они получили право участвовать в выработке мирных условий..."¹⁹.

Положение резко изменилось с падением Франции. Оставшись без союзников на континенте и оказавшись перед угрозой вторжения германских войск, Великобритания не имела иного выхода, кроме как надеяться на быструю и щедрую помощь Соединенных Штатов. Это признавал даже Чемберлен, который весьма цинично отзывался об американцах. 10 мая 1940 г. на смену Чемберлену в качестве премьер-министра пришел Уинстон Черчилль, наполовину американец, что способствовало переменам в политике. Создание военного альянса с США стало главной целью Черчилля в 1940-1941 гг., и он старательно культивировал свои отношения с Рузвельтом. Новая политика принесла пер-

вые плоды — в сентябре 1940 г. было заключено соглашение об обмене американских эсминцев на британские базы, в результате чего Великобритания в конечном итоге получила 50 устаревших кораблей этого класса. Рузвельт, чтобы предотвратить грозивший Британии долларový дефицит, провел в марте 1941 г. через Конгресс акт о ленд-лизе, а в течение последующих месяцев он постепенно распространил патрулирование американских военных судов на большую часть Атлантики. Хотя к декабрю 1941 г. Америка уже находилась в состоянии, близком к "необъявленной войне на море", потребовалось внезапное нападение Японии на Пёрл-Харбор, чтобы сделать Америку участницей войны²⁰.

При выработке планов войны и мира Черчиллю были абсолютно необходимы, как он их называл, "естественные англо-американские особые отношения"²¹. Его концепция была сугубо личной. "Вся моя система основана на партнерстве с Рузвельтом", — признался он Идену в ноябре 1942 г.²², поэтому внезапная смерть американского президента в апреле 1945 г. была для Черчилля тяжелым политическим и личным ударом. Тем не менее его концепция отношений с США приняла четкую организационную форму. Черчилль неоднократно ссылаясь на необходимость сохранения Объединенного комитета начальников штабов и совместного использования военных баз в соответствии с условиями соглашения "эсминцы за базы" 1940 г.

В феврале 1944 г. Черчилль писал: "Я глубоко убежден в том, что если между Великобританией и США не установятся особые отношения, включая наличие объединенного штаба и широкое совместное использование военных баз, причем в рамках всемирной организации, то может случиться еще одна чудовищная война"²³.

Британская политика в отношении Советского Союза развивалась по совершенно иным законам²⁴. Если отношения с Америкой в период между войнами были прохладными, то с Москвой они были просто ледяными. Начиная с 1917 г. на исторические споры по поводу границ Индии наложился страх перед угрозой большевистской революции. Великобритания установила дипломатические отношения с Советским Союзом только в 1924 г., а в 1927-1929 гг. они были прерваны правительством тори, которое обвинило СССР в шпионаже. В конце 30-х годов, после сталинских репрессий, Англия мало верила в возможности Красной Армии и не имела намерения брать на себя твердые обязательства по отношению к странам Восточной Европы. Летом 1939 г. в надежде остановить Гитлера правительство Чемберлена было готово заключить с Москвой политический пакт общего характера, но отнюдь не тесный военный союз. Это подтолкнуло Сталина на подписание в августе 1939 г. пакта с Гитлером, а в феврале следующего года — широкого торгового соглашения с Германией. Зимой 1939/40 г. англичане даже рассматривали возможность бомбардировки советских нефтяных установок, чтобы прекратить поставки нефти нацистской Германии. Падение Франции не способствовало улучшению ситуации, а попытки британского посла сэра Стаффорда Криппса заключить с Москвой торго-

вое соглашение, которое вывело бы из ее экономической орбиты Гитлера, в 1940-1941 гг. оказались безуспешными²⁵.

Вторжение нацистских войск в Россию в июне 1941 г. послужило как бы сигналом к изменению отношений с СССР. Подобно англо-американским отношениям после падения Франции, общие интересы диктовали необходимость сотрудничества. Черчилль был постоянным критиком "зловонной чумы большевизма", как он выразился в 1919 г.²⁶, однако в июне 1941 г. он однозначно заявил, что его главной задачей является уничтожение нацизма: "Если бы Гитлер захватил ад, то выступая в палате общин, я бы по меньшей мере благосклонно отозвался о самом сатане"²⁷. Но Советское правительство нуждалось не только в добрых словах — ему особенно нужны были поставки для армии и открьгие второго фронта, а именно этого Великобритания не могла предоставить в том виде, в котором хотел Сталин. В течение 1941-1942 гг. в Лондоне дебатировался вопрос, не проявить ли Англии добрую волю, уступив требованию Сталина в вопросе о признании захвата прибалтийских государств в 1940 г. Иден и ряд руководящих деятелей Форин офис, за исключением Кадогана, готовы были пойти на уступки, так же как и лорд Бивербрук, который позднее ушел в отставку в связи с этим вопросом. Однако Черчилль, Эттли и многие члены парламента, особенно ввиду предупреждения Рузвельта, резко возражали против таких уступок. Только изменение тактики Сталиным и Молотовым сделало возможным подписание англо-советского договора о союзе в мае 1942 г.

К этому времени была выработана общая линия британской дипломатии в отношении Советского Союза. Несмотря на непредсказуемость советской политики и изменчивость настроения в Лондоне, Форин офис в вопросах умиротворения СССР был обычно готов идти дальше, чем Черчилль. В частности, по мнению Форин офис, для того чтобы "облегчить и обеспечить сотрудничество с СССР в послевоенном урегулировании... существенно важно, чтобы правительство Его Величества при всякой возможности обращалось с Советским правительством как с партнером и взяло в привычку обсуждение с ним своих планов и взглядов. Только таким образом мы сможем пробиться через панцирь недоверия, сложившийся в результате предшествующих отношений между странами и огромных различий в наших институтах власти"²⁸. В некоторых коридорах Форин офис бытовало убеждение, что в лице Франклина Делано Рузвельта Черчилль "видит большего друга, чем в дядюшке Джо" и что несмотря на все разговоры премьер-министра по поводу сотрудничества Большой тройки на практике он сначала "советуется с американцами", а потом "информирует русских"²⁹.

Такая практика считалась неразумной в значительной степени по той причине, что многие в Форин офис, памягуя об англо-американских отношениях после 1918 г., опасались, что после окончания войны США "вернутся к... экспансионистскому изоляционизму крайне нежелательного толка"³⁰. В частности, бытовало мнение, основанное на различных заявлениях самого президента США, что после победы американские войска не останутся в Европе более, чем на два года³¹. Это оз-

начало, что Великобритания будет серьезно зависеть от помощи Советского Союза в деле послевоенного сдерживания Германии.

Разногласия между Черчиллем и Форин офис были реальными, однако в вопросах конкретной политики их не следует преувеличивать³². Черчилль не сомневался в жизненной необходимости для будущего хороших рабочих отношений между участниками Большой тройки, хотя его личные симпатии были на стороне США. Опасения перед коммунизмом нейтрализовались верой премьер-министра в свои способности личной дипломатии. У Черчилля складывалось благоприятное впечатление о советском лидере после всех встреч со Сталиным, за исключением, может быть, встречи в Тегеране, и он надеялся, что их личные добрые отношения крепнут. Так, например, возвратившись из Москвы в августе 1942 г., он заявил кабинету, что у него "сложилось самое высокое мнение о дальновидности Сталина"³³. Более того, страхи Черчилля за будущее то усиливались, то ослабевали. В январе 1944 г. он сказал Идену, что склоняется к признанию захвата Сталиным стран Прибалтики теперь, спустя более двух лет с того момента, когда этот вопрос был впервые поднят. "Значительные победы русского оружия, глубокие изменения в характере русского государства и правительства, окрепшее у нас чувство веры в Сталина — все это оказало свое влияние. Но самое важное — это то, что русские, вероятно, очень скоро снова вернут себе эти территории, и я абсолютно уверен, что нам никогда не следует пытаться изгнать их оттуда"³⁴.

Эта смесь желаемого и действительного объясняет стремление Черчилля и Идена найти "модус вивенди" с Советским Союзом. Попытки Идена в октябре 1943 г. добиться в Москве какого-либо "декрета о самоотречении" относительно сфер влияния в Европе окончились неудачей. В 1944-1945 гг. Великобритания всеми средствами пыталась ограничить сферу влияния Советского Союза, оказавшись перед лицом победоносного марша Красной Армии через страны Восточной и Юго-Восточной Европы. В мае 1944 г. между Иденом и советским послом в Великобритании Федором Гусевым было заключено неофициальное соглашение о том, что Советский Союз возьмет на себя инициативу вывести из войны Румынию, а Великобритания — Грецию. Это составило основу печально известного "процентного соглашения", выработанного между Черчиллем и Сталиным в октябре: на 90% Греция будет находиться под британским влиянием, а на 10% — под советским; с Румынией все будет наоборот; Болгария подпадает на 75% под советское влияние, а в Югославии и Венгрии влияние разделится поровну — 50 на 50. Хотя Рузвельт согласился с таким разделом, но место США в этих соглашениях и точное значение процентного распределения сфер влияния оставались неопределенными. Однако главные намерения Черчилля были ясны — заключение соглашения о разделе сфер влияния на Балканах, причем в данном случае внимание было сосредоточено на Румынии и Греции³⁵.

В феврале 1945 г. Черчилль отправился в Ялту главным образом с такими же намерениями. Благодаря непреклонности позиции польского правительства в Лондоне и советским военным победам вопрос о грани-

цах Польши давно уже был решен де-факто. Черчиллю хотелось бы иметь польское правительство, которое было бы дружественно настроено по отношению к СССР и учитывало озабоченность русских проблемами своей безопасности, но не находилось бы в то же время под господством коммунистов и открыто не нарушало бы принципов Атлантической хартии. Важно не забывать, что Польша была непосредственной причиной, заставившей Великобританию вступить в войну в 1939 г., и Черчилль понимал озабоченность рядовых членов парламента в палате общин. На тот момент он, казалось, был удовлетворен соглашениями о проведении выборов в Польше и Декларацией об освобожденной Европе. После совещания в верхах со своим обычным оптимизмом он сделал примечательное заявление в кабинете министров: "Бедный Невилл Чемберлен полагал, что он может доверять Гитлеру. Он ошибался. Но я не думаю, что ошибаюсь в Сталине"³⁶.

Ялтинские соглашения совершенно по-разному трактовались Черчиллем и Сталиным, и как только Советы отказались придерживаться британских взглядов на демократические процессы, Черчилль и Форин офис заняли заметно более жесткую позицию. Польша стала для них пробным камнем советской послевоенной политики. Начиная с первых чисел марта 1945 г. Черчилль засыпал Вашингтон телеграммами, настаивая, чтобы американцы заняли более твердую позицию в свете неуступчивости русских. 12 мая он написал Трумэну, "что на их фронте опущен железный занавес", и спросил: "Не правда ли, сейчас жизненно необходимо добиться соглашения с Россией или определить свои позиции прежде, чем мы смертельно ослабим свои армии?"³⁷. Даже в этой ситуации в его намерения входили переговоры с позиции силы — он пытался заставить Советский Союз действовать в соответствии с собственным пониманием соглашений о разделе сфер влияния в Восточной Европе, которое не предусматривало создания замкнутого сталинистского блока.

Это говорит о том, что во все времена, кроме самых тяжелых, Черчилль надеялся добиться согласия в Большой тройке. Сам он и Форин офис считали, что эту проблему необходимо решать в рамках новой международной организации и она должна заменить дискредитировавшую себя Лигу наций. Но и в этом вопросе между участниками Большой тройки существовали серьезные противоречия³⁸. В 1942 г. Иден и Форин офис стремились получить какие-либо конкретные предложения, чтобы помешать Рузвельту выступить с неожиданными сюрпризами, подобными Атлантической хартии 1941 г. Черчилль, обычно всегда готовый пространно излагать свои взгляды, отклонил необходимость проведения анализа до тех пор, пока день победы не станет ближе. В октябре 1942 г. он сказал Идену, что Форин офис не должен пренебрегать советом кулинарной книги миссис Гласс насчет того, как приготовить тушеного зайца — "сначала поймайте зайца"³⁹.

Более того, вначале Черчилль рассматривал новую организацию как орудие контроля в руках великих держав, в то время как Форин офис стремился создать полномочный международный орган. Дипломатическое ведомство возражало также против идеи Черчилля о регио-

нальных советах — в Европе, в Западном полушарии и в зоне Тихого океана, с помощью которых великие державы могли бы осуществлять свое господство в этих регионах. Для Форин офис, который чутко реагировал на озабоченность Госдепартамента США, это предложение имело неприкрытый вкус силовой политики. К середине 1944 г. общими усилиями Форин офис, США и британских доминионов план Черчилля о региональных советах был похоронен. Однако его идеи о создании "Совета Европы" и "Соединенных Штатов Европы"⁴⁰ затрагивали еще один аспект британской дипломатии, по которому у Черчилля не было единого мнения с Форин офис, — о взаимоотношениях Великобритании со странами Европейского континента.

Великобритания, подобно Соединенным Штатам Америки, питала историческую неприязнь к договорам с европейскими странами, причем по тем же, что и США, причинам. Безопасность островного государства в эпоху морской мощи не зависела в такой мере от баланса сил на континенте, как, скажем, безопасность Франции. Хотя "блестящая изоляция" викторианской эпохи явно преувеличена⁴¹, в течение большей части XIX в. Великобритания держалась в стороне от континента, а соглашения, которые она заключила с Францией и Россией в течение десятилетия перед началом первой мировой войны, не являлись в полном смысле союзами. Война все изменила, но ненадолго, поскольку после 1918 г. Великобритания вновь избегала брать на себя обязательства, связанные с безопасностью Франции. И только в зиму после Мюнхена, когда восприятие Гитлера изменилось, Великобритания приступила к переговорам на уровне штабов и затем заключила военный союз с Францией.

С этого момента политика начинает набирать темпы. К началу 1940 г. ведущие специалисты Форин офис, напуганные полным крахом британской политики в период между войнами, пришли к заключению, что только постоянный послевоенный альянс с Францией мог бы явиться основой для мира и стабильности в Европе. Сэр Орм Сарджент, помощник заместителя министра иностранных дел, представил проект документа, в котором он призывал создать "такую систему тесного и постоянного сотрудничества между Францией и Великобританией — политического, военного и экономического, — которая превратила бы обе страны в единый блок в послевоенной Европе при любой международной ситуации. По его мнению, это представит "самый эффективный противовес единению 80 млн немцев в сердце Европы..."⁴². Министр иностранных дел Галифакс и премьер-министр Чемберлен разделяли взгляды Сарджента, однако падение Франции полностью перечеркнуло эти радикальные идеи. В свете этого кардинального изменения международной обстановки в Европе Галифакс в июле 1940 г. высказывает мысль "о возможности установления какой-либо формы особых отношений с США... которые, я думаю, должны заменить идею англо-французского союза в наших многочисленных планах на будущее"⁴³.

Влияние событий мая-июня 1940 г. на изменение отношения Великобритании к Европейскому континенту трудно переоценить. В 1939 г.

она была вынуждена неохотно признать, что ее изоляционизм способствовал началу войны, а теперь она испытывала гнев и презрение к Франции, Нидерландам, Бельгии и Люксембургу за неспособность оказать сопротивление Гитлеру. Таким образом, выживание, не говоря уже о победе над державами "оси", могло зависеть от ресурсов самой Британии и империи, а с 1941 г. все в большей степени от возможностей ее новых союзников — Америки и России. И, как мы видели, британские политические лидеры считали постоянное сотрудничество великих держав существенно важным для послевоенного мира. Только это могло бы поставить Германию на место.

Такова была позиция Черчилля в его отношениях с французами во время войны. В 1939-1940 гг. Франция отнюдь не была главным украшением британской дипломатии, а к 1942 г. перешла на положение страны второго ранга в новом международном государственном устройстве. Отчаяние проблема касалась лидера Свободной Франции генерала Шарля де Голля. В тяжелые дни 1940 г. Черчилль поддержал де Голля, единолично возглавившего французские силы в изгнании, которые не признали немецкую оккупацию Франции и режим Виши. Однако сам Черчилль, подобно многим англичанам, с трудом выносил высокомерие де Голля. "Его воодушевляют диктаторские инстинкты, и он поглощен личными амбициями... он проявляет многие симптомы нарождающегося фюрера", "он враждебно настроен по отношению к Англии" — так писал Черчилль в июле 1943 г.⁴⁴

У Форин офис не было такой ярко выраженной аллергии на де Голля, и основная причина напряженности отношений с Черчиллем определялась не на личностном уровне, а характером политики. Теоретически Черчилль по-прежнему утверждал: "Моя неизменная цель — сильная Франция, дружественная к Великобритании и США"⁴⁵. Однако как только оба полюса его политики приходили в противоречие, Черчилль склонялся на сторону США. Накануне высадки союзников в Нормандии во время нелицеприятного обмена мнениями с де Голлем Черчилль сказал: "Каждый раз, когда мне придется выбирать между Вами и Рузвельтом, я выберу Рузвельта"⁴⁶. В отличие от Черчилля, Форин офис возлагал меньше надежд на Америку и поэтому проявлял заинтересованность в создании основ самостоятельного европейского сотрудничества, в котором Франция играла бы значительную роль.

Эти различия в подходе стали заметны летом 1943 г., когда между Лондоном и Вашингтоном шел спор о признании Сражающейся Франции в качестве будущего правительства Франции и ее империи. Черчилль выступал против этой идеи, чувствуя и разделяя неприязнь Рузвельта к де Голлю, однако Иден настаивал на признании, выдвигая следующие доводы: "После войны нашей основной задачей будет сдерживание Германии. Наш договор с Советским Союзом... заключенный с этой целью... необходимо уравновесить соглашением с сильной Францией на Западе... Решая европейские проблемы будущего, мы скорее всего вынуждены будем более тесно сотрудничать с Францией, чем даже с США, и хотя мы, естественно, насколько это представится возможным, будем согласовывать свою французскую политику с Вашинг-

тоном, существуют пределы, дальше которых мы не должны позволить Соединенным Штатам управлять нашей политикой"⁴⁷.

Эта проблема вновь встала осенью 1944 г., когда в Уайтхолле обсуждалась идея создания западноевропейского блока. Начальники штабов поддерживали идею блока, видя в нем орудие сдерживания Германии и долговременные гарантии против России. По их мнению, "включение сильной Франции приобретает величайшую важность"⁴⁸. Форин офис соглашался с этой точкой зрения, однако подчеркивал угрозу со стороны Германии и отклонял любые ссылки на Россию как на возможного потенциального противника. Однако по поводу Франции он был единодушен с начальниками штабов. Иден заявил Черчиллю: "Мне всегда казалось, что уроки поражений 1940 г. как раз свидетельствуют о необходимости создания общей оборонительной организации в Западной Европе... Очевидно, что самый лучший способ создания такой организации — укрепление позиций Франции..."⁴⁹.

Черчилль, однако, относился к этому проекту скептически. В 1940 г. мысли о предательстве европейских стран продолжали мучить его. "До тех пор, пока не будет сформирована действительно сильная французская армия, а на это может потребоваться более пяти лет, эти страны будут безнадежно беспомощными... Мысль о том, что Англия должна взять на себя защиту этих стран... прежде, чем у Франции появится вторая по мощи армия в Европе, представляется мне противоречащей здравому смыслу и даже простой осторожности". В этом вопросе премьер-министр оставался непреклонен. Как и начальники штабов, он периодически высказывал свои опасения насчет СССР, которого называл "единственной другой державой, которая после поражения вооруженных сил Германии сможет угрожать Западной Европе"⁵⁰.

Однако было бы ошибочно считать эти взгляды окончательными. Комментарии Черчилля по поводу мрачного меморандума британского посла в Москве об англо-советских отношениях и замечаний Форин офис о западном блоке прекрасно отражают его надежды и цели. Прочитав эти документы в феврале 1945 г. в Ялте, он следующим образом подвел итог: 1. "Единственное, что связывает победителей, это их общая ненависть. 2. Чтобы обеспечить безопасность Великобритании, нужно возложить на нее ответственность за безопасность группы слабых государств". Затем он добавил: "Нам надо придумать что-нибудь получше". С его точки зрения, "что-нибудь получше" — это опять-таки Объединенные Нации как орудие сохранения Великого союза. Он сделал одобрительную пометку по поводу предложения в меморандуме посла: "Русские видят будущий мировой порядок в согласии трех главных союзников"⁵¹. Пятью неделями раньше, критикуя идею западного блока, он настаивал на том, "что прежде всего необходимо создать всемирную организацию, от которой все будет зависеть"⁵².

Хотя дипломатические дискуссии между Черчиллем, Иденом и Форин офис в основном касались Европы, их взгляды имели глобальный характер. Существование Британской империи для всех этих людей, являвшихся продуктом поздней викторианской эпохи, было аксиомой:

Хотя Ирландия в 1939 г. объявила о своем нейтралитете, Канада и другие так называемые белые доминионы активно помогали Великобритании в войне, а Австралия и Новая Зеландия, в частности, в вопросах обороны, особенно на море от Японии, по-прежнему главным образом зависели от Великобритании. Однако большая часть империи в Азии и Африке состояла из колоний, которые управлялись английскими губернаторами, опиравшимися на местную знать, без сколько-нибудь значительного участия демократических сил. Самым уязвимым звеном была Индия — главный источник пополнения войск, которая к 1939 г. имела представительное правительство на уровне провинций, но по-прежнему управлялась английским вице-королем. Единоличное объявление им войны в 1939 г. спровоцировало кампанию протеста со стороны основной политической партии Индийский национальный конгресс (ИНК).

Британская дипломатия была направлена на сохранение этой глобальной империи, способствуя одновременно ее эволюции в сторону большей местной автономии. Местные автономии не только стали бы ответом на рост националистических движений, но и облегчили бы британскому казначейству бремя косвенного управления. В идеале Великобритания стремилась пользоваться привилегиями империи (особенно доступом к базам и источникам сырья), не беря на себя расходы по управлению Индией. Как отмечал один историк, «правление империей будет осуществляться неофициально, если возможно, и официально, если потребуются»⁵³. Однако в свете глобального характера войны реализация обоих элементов этой политики стала проблематичной. Перед лицом итальянской и японской экспансии стало труднее осуществлять неофициальное правление, а официальное зачастую являлось слишком тяжелым бременем для Британии.

В 1940 г. международная политика практически свелась к проблемам выживания страны. Поскольку Италия вступила в войну и угрожала позициям Великобритании на Средиземноморье, ВМС уже не могли выделять боевые корабли для действий в зоне Тихого океана. В конце июня Великобритания уведомила правительство Австралии и Новой Зеландии, что в ближайшем будущем они должны будут полагаться на собственные силы в случае возникновения конфликта с Японией⁵⁴.

В 1940-1941 гг. несмотря на периодические вспышки военного психоза Япония не участвовала в конфликте, что позволяло Британии до конца 1941 г. держать в водах вблизи Сингапура лишь чисто символический флот из двух боевых кораблей. Однако после Пёрл-Харбора японцы предприняли полномасштабную кампанию против владычества Запада, в результате чего эти корабли были уничтожены за несколько часов и что повлекло за собой потерю Малайи, Сингапура, Гонконга и большей части Бирмы. К весне 1942 г. угроза нависла над Австралией, Новой Зеландией и Индией. Не располагая военными ресурсами для ведения боевых действий в Тихом океане, Британия была вынуждена вернуться к дипломатии, чтобы сохранить остатки своей дальневосточной империи.

Основным полем битвы стала Индия. Черчилль являлся стойким защитником британского владычества в Индии, однако отчаянное военное положение диктовало необходимость максимальной активизации ее военных усилий. Эту линию отстаивал и Рузвельт. Частые советы президента и деятельность американских представителей в Индии становились предметом серьезной озабоченности Черчилля⁵⁵. Поражения в Азии вынудили его провести перестановки в кабинете, предоставив лейбористам большее право голоса. Лейбористы давно требовали проведения более прогрессивной политики в отношении Индии, в том числе предоставления ей статуса доминиона, и в начале 1942 г. Эттли настойчиво поднимал эти вопросы. Он заявил Черчиллю: «Настало время проявить искусство управлять государственными делами. Тянуть время — значит потерять Индию»⁵⁶.

В марте 1942 г. один из наиболее влиятельных деятелей лейбористской партии, сэр Стаффорд Криппс, выступавший по вопросам Индии, был отправлен в Дели с предложением об участии в правительстве и предоставлении Индии определенной независимости по окончании войны. Миссия Криппса потерпела неудачу, запутавшись в разногласиях между Черчиллем, партией ИНК и ее соперником — нарождавшейся Мусульманской лигой. Тем не менее Британия в принципе взяла на себя обязательство передать Индии сразу же после войны властные полномочия. То, что Черчилль счел вмешательством Рузвельта не в свои дела, в конце концов побудило его пригрозить отставкой с поста премьер-министра.

Одним из шагов новой имперской дипломатии стало обнародование Атлантической хартии в августе 1941 г. Черчилль рассматривал этот документ, хотя и составленный по подсказке американцев, как способ заставить Рузвельта теснее объединиться с союзниками в тот период, когда США еще сохраняли нейтралитет. Положения хартии о самоопределении касались в основном оккупированной Европы, но администрация Рузвельта скоро использовала их для атаки на колониализм в целом. Лейбористские политические деятели и чиновники в министерстве колоний, выступавшие за проведение реформ, оказали дополнительный нажим внутри страны, как это было и при обсуждении проблем Индии.

Таким образом, в 1942-1943 гг. Великобритания более четко сформулировала свою имперскую политику, в частности, опубликовав в июле 1943 г. Декларацию о колониях и создав несколько региональных консультативных советов, через которые США могли бы косвенно приобщиться к колониальной реформе. Министерства иностранных дел и колоний также выступали за более энергичное развитие и улучшение условий жизни в регионах, охваченных депрессией, например в районе Карибского моря, испросив у казначейства на эти цели 120 млн ф.ст. (500 млн долл.) в 1945 г.⁵⁷.

Во время войны возобновились нападки на неофициальную торговую и финансовую империю Британии. Несмотря на англо-американский союз, Госдепартамент США не приостановил кампанию против имперских преференций и стерлинговой зоны. В 1941-1942 гг. Госдепар-

тамент попытался заставить Англию отказаться от них в обмен на ленд-лиз, однако британскому кабинету удалось избежать компромиссных обязательств. Этот вопрос вновь встал во время дискуссий о послевоенной международной экономической системе. Часть консерваторов, некоторые представители казначейства и Английского банка считали существовавшую в Великобритании в военное время систему коммерческого и финансового контроля пригодной и для послевоенного периода. Однако большинство британских политических деятелей стремились сделать ее менее жесткой, особенно в финансовых вопросах, и вернуться к многосторонней международной торговле, если американцы сделают шаг навстречу. Соглашения, которые в конечном счете были заключены в Бреттон-Вудсе в 1944 г., в большей степени отразили интересы американцев, чем англичан. Однако с точки зрения Лондона США, будучи главным мировым кредитором и вторым в мире импортером, начали осознавать свою ответственность за международную ликвидность⁵⁸.

В 1942 г. возникла реальная угроза азиатской империи Великобритании. США по-прежнему оказывали нажим, добиваясь уничтожения неофициального империализма. Однако осенью 1945 г. можно было гордо заявить, что "ни одна британская колония не была безвозвратно утеряна в результате захвата иностранным государством"⁵⁹. Внезапное поражение Японии в августе 1945 г. дало возможность небольшой группировке британских войск в результате быстрых действий вернуть захваченные японцами территории, не ожидая, пока их приберут к рукам американцы и затем предъявят собственные антиимпериалистические требования. Более того, удалось сдержать, если не остановить, нападки США на систему имперских преференций и стерлинговой зоны.

Однако несмотря на все эти успехи, Великобритания не вернула себе былой мощи. Индия стала политизированной и все труднее управляемой. В 1947 г. перед лицом растущей религиозной вражды между общинами Великобритания отказалась от попытки удержать Индию. Критика официальной империи со стороны США и внутри страны нарастала, и послевоенное лейбористское правительство Эттли не могло к ней не прислушиваться. Тем не менее не следует рассматривать войну просто как средство, ослабившее узы империи. Неофициальный империализм набирал силу, используя сырьевые ресурсы колоний под прикрытием торговых и финансовых соглашений. Акт о развитии колоний 1945 г. стал предвестником активных беспрецедентных послевоенных усилий, направленных на эксплуатацию природных богатств колоний. Малайский каучук, западноафриканское какао и родезийский табак стали усиленно выращивать, учитывая их долларовое значение, в стерлинговой зоне. Таким образом военная дипломатия империализма — роспуск официальной империи и одновременная эксплуатация неофициальной — четко определяла направления ее развития после 1945 г.⁶⁰.

К концу войны британские политики остро осознали, что мир безвозвратно изменился. Позиции официальной британской империи были по-

дорваны; ведущими мировыми державами стали Соединенные Штаты и Советский Союз. Как заметил Черчилль после Ялты, "маленький лев идет между огромным русским медведем и большим американским слоном"⁶¹. Более того, британский лев утратил большую часть мускулов, израсходовав за время военного конфликта 28% своих активов⁶².

Это, однако, не означает, что после войны Великобритания утратила свое международное значение. Она, несомненно, оставалась самой сильной европейской державой в послевоенное десятилетие, поскольку ее основные соперники на континенте, в особенности Франция и Германия, понесли в этой войне гораздо более тяжелые потери. Кроме того, англичане разработали дипломатическую стратегию, позволявшую максимально использовать свои преимущества. В глобальном масштабе они были готовы ослабить имперские связи там, где они ложились на Великобританию тяжелым бременем, и укрепить их в тех регионах, где они обещали выгоды. Они надеялись, что тесные связи с Вашингтоном позволят Великобритании, как об этом говорилось в одном из меморандумов Форин офис, "воспользоваться мощью Америки для достижения целей, которые мы считаем для себя полезными"⁶³. В намерения Великобритании входило поддержание сотрудничества с СССР в пределах возможного, чтобы сдерживать восстановление Германии.

Разумеется, во взглядах политических деятелей Великобритании наблюдались заметные разногласия. Иден и Форин офис в меньшей степени, чем Черчилль, стремились к расчленению Германии. Кроме того, они более активно выступали за тесное сотрудничество с Францией и ее соседями. Со своей стороны Черчилль больше полагался на англо-американские "особые отношения" и так же, как и начальники штабов, опасался Советского Союза. Однако основные цели британской дипломатии ясны. Запись выступления Черчилля в мае 1943 г. в Вашингтоне перед ведущими американскими политическими деятелями свидетельствует: "Нашей первейшей заботой должно быть предотвращение дальнейшей агрессии со стороны Германии или Японии в будущем. Для достижения этой цели необходимо существование союза между Соединенными Штатами, Великобританией и Россией... Реальная ответственность за сохранение мира ложится на эти державы"⁶⁴. В последней главе данной книги рассматривается вопрос о том, каким образом, почему и с какими последствиями этот союз раскололся и наступила эра холодной войны.

¹ Статистические данные см.: *Cipolla C.M. The Fontana History of Europe. Vol. 5: The Twentieth Century. Brighton (England), 1977. Part 1. P. 22; Bagwell Ph.S., Mingay G.E Britain and America. 1850-1950: A Study of Economic Change. L., 1970. P. 1.*

² *Fieldhouse D.K. The Colonial Empires: A Comparative Survey from the Eighteenth Century. L., 1982. P. 242.*

³ *Dilks D. Curzon in India. L., 1969. Vol 1. P. 113.*

⁴ *Steiner Z.S. Decision-Making in American and British Foreign Policy: An Open and Shut Case//Review of International Studies. 1987. № 13. P. 1-18.*

⁵ *Memo of May 1932 (Bialer U. The Shadow of the Bomber: The Fear of Air Attack and British Politics. 1932-1939. L., 1980. P. 10).*

- ⁶ The Diaries of Sir Alexander Cadogan, O.M. 1938-1945/Ed. D.Dilks. L., 1971. P. 152. См. в особенности серьезное исследование Дональда Камерона Уотта (*Watt D.C. How War Came: The Immediate Origins of the Second World War. 1938-1939. L., 1989.*)
- ⁷ Neville Chamberlain to Ida Chamberlain. 10 Sept. 1939 (Neville Chamberlain Papers, NC 18/1/1116. Birmingham University Library).
- ⁸ CAB 65/13. P. 179-180, 27 May 1940 (Public Record Office, London — (далее — PRO); *Reynolds D. Churchill and the British "Decision" to Fight on in 1940: Right Policy, Wrong Reasons// Diplomacy and Intelligence during the Second World War/Ed. R.Langhorne. Cambridge, 1985. P. 147-167.*
- ⁹ PRO. CAB 65/13, folios 180 (27 May) and 187 (28 May).
- ¹⁰ *Munch-Petersen T. "Common Sense not Bravado": The Butler-Prytz Interview of 17 June 1940//Scandia. 1986. № 52. P. 73-114.*
- ¹¹ См. также: *Rothwell V. Britain and the Cold War. 1941-1947. L., 1982. P. 26-28.*
- ¹² Hugh Dalton diaries. Vol. 25. 26 Aug. 1941 (British Library of Political and Economic Sciences. LSE. London).
- ¹³ *Burridge T.D. British Labour and Hitler's War. L., 1976. P. 94-95, 168-169; Idem. Great Britain and the Dismemberment of Germany at the End of the Second World War//International History Review. 1981. № 3. P. 565-579.*
- ¹⁴ *Rothwell V. Britain and the Cold War. P. 33. По поводу экивоков Идена в вопросе о расчленении Германии см.: Sainsbury K. British Policy and German Unity at the End of the Second World War//English Historical Review. 1979. № 94. P. 797-792 ff.*
- ¹⁵ Chiefs of Staff Memo of 9 Sept. 1944, цит. по: *Deighton A. The Impossible Peace: Britain, the Division of Germany and the Origins of the Cold War. Oxford, 1990. P. 19.*
- ¹⁶ Minutes of FO/COS Meeting, 4 Oct. 1944, in FO (Foreign Office) 954/22A, Pwp/44/29. PRO.
- ¹⁷ Churchill Annotation. 26 Jan. 1944, on Attlee to Churchill. 25 Jan. 1944. PREM 3/197/2. PRO.
- ¹⁸ Neville Chamberlain to Hilda Chamberlain. 17 Dec. 1937, (Chamberlain papers, NC 18/1/1032).
- ¹⁹ Neville Chamberlain to Ida Chamberlain. 27 Jan. 1940, (Chamberlain papers, NC 18/1/1140).
- ²⁰ Общий обзор см.: *Reynolds D. Roosevelt, Churchill, and the Wartime Anglo-American Alliance, 1939-1945: Towards a New Synthesis//The "Special Relationship": Anglo-American Relations since 1945/Eds. Wm.R.Louis, H.Bull. Oxford, 1986. P. 17-41. Историю личных взаимоотношений см.: Kimball W.F. Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence. Princeton, 1984. Vols. 1-3.*
- ²¹ Churchill to Attlee and Eden, tel. 14 Sept. 1943 (FO 954/22A).
- ²² Churchill to Eden. 5 Nov. 1942 (PREM 4/27/1).
- ²³ Churchill to Richard Law. 16 Febr. 1944 (PREM 4/27/10). Несмотря на цветистую прозу Черчилль не был сентиментален в оценке отношений. Это ясно видно на примере его политики в вопросе об атомной бомбе. Историю англо-американского сотрудничества и разногласий по этому вопросу см. в гл. 8.
- ²⁴ *Northedge F S., Wells A. Britain and Soviet Communism: The Impact of a Revolution. L., 1982; Anderson to Churchill, 30 July 1942. PREM 3/139/8A.*
- ²⁵ Главными исследованиями по этому периоду являются книги Г.Городецкого и С.Майнера: *Gorodetsky G. Stafford Cripps' Mission to Moscow. 1940-1942. Cambridge, 1984; Miner S.M. Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain, and the Origins of the Grand Alliance. Chapel Hill (N.C.), 1988.*
- ²⁶ Цит. по: *Gilbert M. Winston S.Churchill. L., 1975. Vol. 4. P. 257.*
- ²⁷ См. эссе Джона Колвилла в кн.: *Action This Day: Working With Churchill/Ed. Sir J.Wheeler-Bennett. L., 1968. P. 89.*
- ²⁸ Eden to Sir Archibald Clark Kerr. 4 Feb. 1943 (The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations. 1941-45/Ed. G.Ross. Cambridge, 1984. P. 121). Большое введение к этой книге, а также работы М.Китчена (*Kitchen M. British Policy towards the Soviet Union during the Second World War. L., 1986*) и Ф.Белла (*Bell P.M.H. John Bull and the Bear: British Public Opinion, Foreign Policy and the Soviet Union, 1941-1945. L., 1990*) являются главными исследованиями темы союза времен войны.

- ²⁹ Geoffrey Wilson to Clark Kerr. 8 Aug. 1943 (см.: The Foreign Office and the Kremlin. P. 134-135).
- ³⁰ Richard Law, Jan. 1945 (цит. по: *Thorne Chr. Allies of a Kind: The United States, Britain and the War against Japan. 1941-1945. L., 1978. P. 502*).
- ³¹ Приведем, например, следующее замечание постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании: «Президент Рузвельт полон решимости... не дать “вовлечь себя” в европейские дела: это означает, что нам достанется вся “головная боль”, а президенту — безопасные и спокойные беседы» (Cadogan, Minute, 22 Jan. 1945, FO 371/44595, AN 154/32/45).
- ³² Плодотворное обсуждение см.: *Barker E. Churchill and Eden at War. L., 1978. Ch. 16 and ff.*
- ³³ Цит. по: *Kitchen M. Winston Churchill and the Soviet Union during the Second World War/Historical Journal. 1987. № 30. P. 424* (полезная статья обзорного характера).
- ³⁴ Churchill to Eden. 16 Jan. 1944 (PREM 3/399/6).
- ³⁵ См. в особенности запись переговоров Черчилля со Сталиным в Кремле 9 октября 1944 г. (PREM 3/434/2). О переговорах см. также: *Resis A. The Churchill—Stalin Secret Percentages Agreement on the Balkans. Moscow, October 1944//American Historical Review. 1978. № 83. P. 368-387; Siracusa J.M. The Meaning of Tolstoy: Churchill, Stalin, and the Balkans, Moscow, October 1944//Diplomatic History. 1979. № 3. P. 443-463.*
- ³⁶ Hugh Dalton diaries. Vol. 32. 23 Febr. 1945.
- ³⁷ *Churchill W.S. The Second World War. Vols. 1-6. L., 1948-1954. Vol. 6. P. 498-499.*
- ³⁸ *Hughes E.J. Winston Churchill and the Formation of the United Nations Organization//Journal of Contemporary History. 1974. № 9. P. 177-194; Sir Llewellyn Woodward. British Foreign Policy in the Second World War. Vols. 1-5. L., 1970-1976. Ch. LXI.* Эти тома, в которых часто в точности пересказываются официальные документы Форин офис, остаются основным источником для изучения дипломатии Британии времен войны.
- ³⁹ Churchill to Eden. 18 Oct. 1942 (PREM 4/100/7).
- ⁴⁰ *Churchill W.S. The Post-War World Settlement. 8 May 1944 (CAB 99/28, PMM (44), 5).*
- ⁴¹ *Reynolds D. Britannia Overruled: British Policy and World Power in the Twentieth Century. L., 1991. P. 19-20.*
- ⁴² Sargent, minute. 28 Febr. 1940 (FO 371/24298. C4444/9/17).
- ⁴³ Halifax to Hankey, 15 July 1940 (FO 371/25206, W8602/8602/49). Более полное изложение см.: *Reynolds D. 1940: Fulcrum of the Twentieth Century?//International Affairs. 1990. № 66. P. 329-333.*
- ⁴⁴ Churchill, draft memo for Cabinet. United States Policy towards France. 13 July 1943 (PREM 3/181/8); *Kersaudy F. Churchill and de Gaulle. L., 1983.*
- ⁴⁵ Churchill to Duff Cooper. 14 October 1943 (PREM 3/273/1).
- ⁴⁶ *Gaulle Ch. de. War Memoirs: Unity. 1942-1944/Tr. R. Howard. L., 1956. P 227.*
- ⁴⁷ FO draft memo for Cabinet. US Policy towards France. Enclosed with Eden to Churchill. 13 July 1943 (PREM 3/181/8).
- ⁴⁸ Chiefs of Staff Committee. Policy towards Western Europe. COS (44) 955 (0). 8 Nov. 1944 (FO 371/40725, U8652/180/70).
- ⁴⁹ Eden to Churchill. 29 Nov. 1944 (PREM 4/30/8).
- ⁵⁰ Churchill to Eden. 25 Nov. 1944 (PREM 4/30/8).
- ⁵¹ Clark Kerr to Eden. 19 Nov. 1944; Churchill, minute, 8 Febr. 1945 (FO 371/40725, U8736/180/70).
- ⁵² Churchill to Eden. 31 Dec. 1944 (PREM 4/30/8).
- ⁵³ *Gallagher J. The Decline, Revival and Fall of the British Empire/Ed. A. Seal. L., 1982. P. 99.*
- ⁵⁴ *Day D. The Great Betrayal: Britain, Australia and the Onset of the Pacific War. 1939-1942. L., 1988. Ch. 4.*
- ⁵⁵ *Moore R.J. Churchill, Cripps, and India, 1939-1945. Oxford 1979. P. 56.*
- ⁵⁶ См. проект телеграммы Рузвельта от 12 апреля 1942 г., переданный устно эмиссару президента Гарри Гопкинсу: *Kimball W.F. Churchill & Roosevelt. Vol. 1. P. 447-448 (C-68, draft A). См. также: Thorne Chr. Allies of a Kind. Ch. 8.*

⁵⁷ *Louis Wm.R. Imperialism at Bay, 1941-1945: The United States and the Decolonization of the British Empire.* Oxford 1977. См. также: *Kimball W.F. The Juggler.* Princeton, 1991. Ch. 7.

⁵⁸ Главными работами являются следующие: *Gardner R.N. Sterling-Dollar Diplomacy in Current Perspective.* N.Y., 1980; *Dobson A.P. US Wartime Aid to Britain, 1940-1946.* L., 1986; *Woods R.B. A Changing of the Guard: Anglo-American Relations. 1941-1946.* L., 1990.

⁵⁹ *Darwin J. Britain and Decolonization: The Retreat from Empire in the Post-War World.* L., 1988. P. 43.

⁶⁰ *Reynolds D. Britannia Overruled.* P. 185-192.

⁶¹ *Gilbert M. Winston S. Churchill.* Vol. 7. L., 1986. P. 1233.

⁶² *Matthews R.C.O , Feinstein C.H , Odling-Smee J.C. British Economic Growth. 1856-1973.* L., 1982. P. 129-130.

⁶³ FO American Dept. memo. The Essentials of an American Policy. 21 Mar. 1944 (FO 371/38523, AN1538/16/45).

⁶⁴ Record of conversation at British Embassy. Wash., 22 May 1943 (CAB 66/43, WP (43) 233).

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Л.В.Поздеева

В августе 1939 г. Советский Союз, не уверенный в том, что Великобритания и Франция, творцы политики умиротворения, предпримут решительные шаги для сдерживания нацизма, подписал договор о ненападении с Германией с целью выиграть время для подготовки к войне. Секретный дополнительный протокол (оригинал его найден в российском архиве) позволил СССР вернуть территории бывшей Российской империи в Прибалтике, Восточной Польше и Румынии, утраченные после первой мировой войны. Они рассматривались как заслон против возможного нападения со стороны Германии. Но в июне 1941 г. Гитлер нарушил договор и бросил свои армии на восток, против СССР. Сталин поэтому, несмотря на все свое недоверие к западным капиталистическим странам, решил заключить с ними союз. Главной его задачей было получение военной и материальной поддержки для борьбы с Германией — второй фронт и протоколы о поставках. Но не упускались из виду также и задачи, связанные с сохранением новых границ СССР и их расширением в Восточной Европе в интересах как создания буфера против возможной в будущем агрессии, так и подтверждения имперской мощи. Дипломатические отношения с союзниками должны были способствовать проведению этой политики.

Отношения СССР с Великобританией до нападения на него Германии, по словам советского посла в лондоне И.М.Майского, "отличались чрезвычайной холодностью и даже враждебностью", но 22 июня 1941 г. в них произошел резкий и крутой перелом¹. Приняв в этот день в 12 часов дня советского посла, А.Иден от имени своего правительства обещал Советскому Союзу все возможное содействие и подтвердил готовность немедленно отправить в СССР военную и экономическую миссии². Одновременно с этой в Москве состоялась встреча заместителя наркома иностранных дел СССР А.Вышинского с британским поверенным в делах в СССР Г.Баггалеем. Британский дипломат поднял вопрос о возможности снабжения через Владивосток или Персидский залив, а также о посылке в СССР британских офицеров, имеющих опыт борьбы против германских танков. Вышинский ограничился обещанием информировать об этом свое правительство³.

Выступив 22 июня в 9 часов вечера по Би-Би-Си, глава британского правительства объявил о намерении предоставить Советскому Союзу "всю возможную помощь". "Опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам", — заявил Черчилль. Он, однако, не оставил никаких сомнений на тот счет, что сохраняет антикоммунистические взгляды и что война не является "классовой"⁴.

Позицию, во многом сходную с позицией Великобритании, заняли

США. В заявлении для прессы Госдепартамента с осуждением агрессии против СССР, зачитанное заместителем государственного секретаря С.Уэллесом 23 июня, Ф.Рузвельт вписал заключительную фразу: "Армии Гитлера представляют сегодня главную опасность для Америки". В текст своего выступления 24 июня президент включил обещание всей возможной помощи России в ее борьбе против Германии, оговорив приоритет задач снабжения Британии⁵.

Британские и американские руководители не конкретизировали ни объем, ни характер, ни сроки предоставления помощи. При всей неопределенности сделанные официальные заявления имели важное политическое значение. Были опрокинуты расчеты нацистов на образование общего антисоветского фронта капиталистических государств, открывалась реальная перспектива сотрудничества СССР со странами, противостоявшими фашистскому агрессивному блоку.

На пути объединения антигитлеровских сил существовало немало трудностей, обусловленных взаимным предубеждением и открытой враждой. В США объявленный Рузвельтом курс помощи СССР подвергся резким нападкам со стороны видных представителей правого крыла. Большинство американцев настороженно относилось к тоталитарному режиму СССР. В США, а также в Великобритании руководством были обозначены ограниченные пределы сотрудничества с СССР. И до и после 22 июня 1941 г. британские военные и дипломатические группировки не проявляли склонности к широкому сотрудничеству, особенно в военной области⁶.

Очень осторожным оставалось и отношение Кремля к этому сотрудничеству. Стойкое недоверие советского руководства к западным демократиям усилилось в мае 1941 г., когда Р.Гесс внезапно появился в Шотландии. Опасения перед возможным миром между Британией и Германией отражены в беседах, которые в начале Великой Отечественной войны советские дипломаты вели в Москве, Лондоне и Вашингтоне. Весьма характерной была первая реакция главы внешнеполитического ведомства СССР на выступления Черчилля и Рузвельта: В.М.Молотов кратко извещил Майского, что Советское правительство "не возражает" против приезда британской военной миссии и экономических экспертов (обе миссии прибыли в Москву 27 июня). Беседуя с британским послом Ст.Криппсом после того, как тот представил членов миссий, Молотов прежде всего просил информировать его о "деле Гесса". Еще раньше Майский, говоря о прилете Гесса на Британские острова, добивался от Черчилля (через Идена) заверений в том, что "Англия тверда в своей решимости вести войну до конца"⁷.

Неверие Сталина в решимость британцев воевать, желание выяснить размеры и характер поставок вооружения для СССР, стремление привлечь военно-морской флот Британии к операциям в районе Петсамо и Мурманска и к оказанию других видов помощи — все это определяло позицию СССР в начале войны с Германией. О необходимости создания политической базы для сотрудничества СССР и Британии Молотов заявил британскому послу еще 27 июня⁸. В дальнейшем это стало одной из главных тем переговоров.

Сталин был вынужден подавить свои личные антипатии к западным державам. В речи по радио 3 июля 1941 г. он — впервые с сентября 1939 г. — назвал войну освободительной и сослался на "историческое выступление" премьер-министра Черчилля и на декларацию правительства США о готовности оказать помощь СССР. Приняв 8 июля Криппса (до этого они более года не встречались), Сталин в категорическом тоне предложил Англии заключить соглашение, основанное на обязательствах взаимной помощи в войне против Германии и отказа от сепаратного мира⁹.

Британская дипломатия хотела бы ограничиться общей декларацией, но в конце концов военный кабинет в Лондоне решил принять предложение Сталина, сочтя, что и оно носило общий характер. 12 июля 1941 г. Молотов и Криппс подписали в Москве Соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии. Оно обязывало обе страны, во-первых, оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода и, во-вторых, не вести переговоров с Германией без обоюдного на то согласия¹⁰. Объем и содержание взаимной помощи, как и ранее, не определялись. При всем том, соглашение от 12 июля явилось первым межправительственным документом, зафиксировавшим начало формирования антигитлеровской коалиции с участием СССР.

С правительством США, которые официально сохраняли позицию нейтралитета, СССР вначале был связан в основном переговорами по вопросам поставок и экономического содействия¹¹. Для принятия решений, касавшихся военно-экономической помощи СССР, и для улучшения общей атмосферы межсоюзнических отношений большое значение имели энергичное вмешательство Рузвельта, усилия многих американских дипломатов и политиков, искренне стремившихся к сотрудничеству с СССР. Трудно переоценить в этой связи деятельность Г. Гопкинса, убежденного сторонника тесного сотрудничества с Советским государством. Его визиты в Москву в качестве личного представителя президента, переговоры в Кремле (30-31 июля 1941 г.) убедили Сталина в реальности создания единого фронта СССР, США и Британии¹².

Тем не менее недовольство Кремля не было изжито. 9 августа Вышинский сказал Криппсу, что Америка "раскачивается медленно", выразив, впрочем, надежду, что "после посещения Гопкинсом Москвы будет обеспечена большая быстрота и эффективность в проведении необходимых мероприятий со стороны США"¹³.

Если эти советские упреки действительно имели веские основания, то первая — резко негативная — реакция на Атлантическую хартию, обнародованную Рузвельтом и Черчиллем 14 августа 1941 г. во время их встречи близ Ньюфаундленда, представляется не вполне оправданной. Несмотря на то что документ носил неконкретный характер, общие его принципы были созвучны борьбе народов против фашизма и их требованиям об объявлении демократических целей войны. Но когда Иден предложил, чтобы СССР на созываемой в Лондоне межсоюзнической конференции принял декларацию Рузвельта и Черчилля, то С.А. Лозовский (тогда он занимал пост заместителя наркома иностран-

ных дел СССР) пришел в сильное возбуждение; "Англичане и американцы, — написал он 23 августа Молотову, — хотят нас поставить на положение находящихся в Лондоне эмигрантских правительств и подвластных Англии доминионов"¹⁴.

Инструкции Молотова, направленные 24 августа Майскому, как можно предположить, были составлены с учетом советов Лозовского. Послу поручалось известить британское правительство: СССР не имеет возражений против принципов Атлантической хартии, но считает необходимым включить в нее более решительные требования к Германии; возможность присоединения к декларации исключена, ибо она подготовлена без всякой предварительной информации и без учета мнения СССР, а также потому, "что наши товарищи страшно раздражены тем, что СССР хотят превратить в бесплатное приложение других держав". В своей беседе с Иденом 26 августа Майский выразил эту критику в форме дружеских советов¹⁵.

Между тем официальное заявление Советского правительства в поддержку Атлантической хартии, если бы оно было сделано сразу же после ее обнародования, могло снять излишнее напряжение, которое в этом и других случаях возникало в переговорах с Западом. Сталин, к настроениям которого подстраивались Молотов и Лозовский, часто выносил только негативные суждения о британской политике. Англичане, телеграфировал Сталин Майскому 30 августа, "хотят, кажется, нашего ослабления. Если это предположение правильно, нам надо быть осторожными в отношении англичан"¹⁶ (интересно, что Криппс записал в дневнике 21 октября 1941 г.: "Нужно быть дьявольски осторожным в делах с русскими, так как старые подозрения еще живы и дают о себе знать"¹⁷).

24 сентября 1941 г. в Лондоне открылась межсоюзническая конференция, на ней были представлены СССР, Великобритания и эмигрантские правительства оккупированных европейских стран. В декларации, зачитанной Майским, Советское правительство выразило согласие с основными принципами хартии. Важнейшей целью государств, воевавших против Германии и ее сообщников, оно провозгласило окончательную победу над гитлеризмом¹⁸. Совместное выступление в поддержку Атлантической хартии, так же как и успешное завершение миссии Гарримана—Бивербрука в Москве и распространение правительством Рузвельта 7 ноября 1941 г. ленд-лиза на СССР явились свидетельством упорочения позиций антигитлеровских сил.

С осени того же года советская дипломатия наряду с вопросами военного сотрудничества и снабжения стала настойчиво акцентировать необходимость оформления союза с Великобританией. На Московской конференции 30 сентября Сталин поднял вопрос о превращении советско-английского соглашения (от 12 июля) в союзный договор, охватывающий как военный, так и послевоенный период¹⁹. 8 ноября в послании Черчиллю, выдержанном в резком тоне, он предложил внести ясность в советско-английские отношения, подчеркнув два обстоятельства: "Первое — не существует определенной договоренности между нашими странами о целях войны и планах организации дела мира после

войны; и второе — не существует договора между СССР и Великобританией о военной взаимопомощи в Европе против Гитлера"²⁰.

Правительство Великобритании не торопилось связывать себя точными обязательствами в адрес СССР в политической области. Ссылаясь на сильное противодействие со стороны членов парламента и консервативных кругов в своей стране и со стороны правительства США, Черчилль и другие министры отказывались до момента общего мирного урегулирования признавать де-юре "политические изменения, произведенные в ходе войны". Британское правительство, предупредил Майский, предпочитает не уточнять свои послевоенные планы, так как хочет сохранить свободу действий до времени заключения мира²¹.

Советско-английские отношения безусловно осложнились по причине задержки поставок и отсутствия военной помощи со стороны Запада, а также нерешенности ряда политических проблем, в том числе из-за затягивания Британией объявления войны Румынии, Венгрии и Финляндии. Однако немецкие войска стояли возле Москвы, а Ленинград находился в кольце блокады. Поэтому едва ли своевременной в такой ситуации выглядела постановка столь важных проблем послевоенного урегулирования. Попытка оказания давления на британское правительство (послание Сталина Черчиллю от 8 ноября) успеха не имела, вызвав вспышку гнева у премьер-министра. До конфронтации, правда, дело не дошло. В ответе Сталину Черчилль выразил готовность направить в СССР Идена для обсуждения всех касающихся войны вопросов, но дал понять, что рассмотрение послевоенного устройства может иметь место только "за столом конференции победы"²². Этим определялись ограниченные рамки миссии министра иностранных дел.

Переговоры Идена со Сталиным и Молотовым проходили в Кремле 16-20 декабря 1941 г.²³. На первой же встрече Сталин представил на рассмотрение проекты двух договоров — о взаимной военной помощи и о разрешении послевоенных проблем. Кроме того, он предложил приложить ко второму договору секретный протокол с изложением общей схемы реорганизации европейских границ после войны²⁴. Этим предусматривалась, в числе прочего, необходимость признания границ СССР с Финляндией, прибалтийскими государствами и Румынией в том виде, как они существовали до 22 июня 1941 г. Граница СССР с Польшей, как пояснил Сталин, "в общем и целом могла бы идти по линии Керзона". Практически, как показывает один из проектов секретного протокола, обсуждение вопроса о советско-польской границе отодвигалось на будущее²⁵.

Поскольку британское правительство не сочло возможным, особенно имея в виду свои обязательства перед США, рассмотреть вопросы об изменениях границ немедленно, еще до окончания войны, то Сталин заявил, что подписание советско-английского договора не может состояться. Иден согласился.

Отсрочка с подписанием договора, как предупредил Криппс Молотова 19 декабря, могла нанести удар тем силам, которые стремились к налаживанию хороших отношений с СССР, и дать стимул враждебным ему элементам. Молотов же повторил, что без договоренности о запад-

ных границах СССР союза с Англией быть не может. "Тов. Сталин прямо сказал, что ни он, ни Правительство не могут явиться с таким ответом перед народом"²⁶. Отчитываться перед народом о конфиденциальных беседах ни Сталин, ни его приближение, разумеется, не собирались. Как видно, сталинское руководство добивалось согласия Англии на те изменения границ СССР, которые были осуществлены им в 1939-1940 гг.

К концу 1941 г., несмотря на многие пункты расхождений, главные государства антигитлеровской коалиции могли записать в свой актив ряд достижений. Были заключены несколько официальных соглашений о сотрудничестве между СССР, США и Великобританией; предпринята совместная советско-английская акция в Иране; налаживалось сотрудничество военно-морских сил обеих стран; обозначены пути снабжения Советского Союза; поведена документальная база под поставки (Первый Московский протокол), без которой немислимо было бы дальнейшее развитие военно-экономических связей союзников.

Успешное контрнаступление советских войск под Москвой зимой 1941/42 г. и вступление в войну Соединенных Штатов ускорили консолидацию антигитлеровской коалиции. Ее основополагающим документом стала Декларация Объединенных Наций. Большое значение приобрел тогда вопрос о согласовании целей войны. Администрация Рузвельта, приступившая к составлению проекта Общей декларации, принимала во внимание условия советско-английского соглашения от 12 июля 1941 г.²⁷. Советское правительство в принципе одобрило американский проект, хотя и внесло ряд поправок. В частности, оно возражало против формулировки, которая могла связать СССР обязательством вступить в войну против Японии в момент, когда почти все его силы были сконцентрированы на фронте борьбы с Германией²⁸.

Президент США, некоторые его советники с пониманием отнеслись к позиции СССР в вопросе о вступлении в войну против Японии. Британское посольство в Вашингтоне сообщило в Лондон: "Признается, что Россия, выдержав основную тяжесть германской атаки, не сможет в данный момент начать войну на втором фронте"²⁹. Утром 30 декабря Рузвельт поставил "О.К." на тексте Общей декларации, в котором были учтены все внесенные советской стороной поправки. На следующий день он предложил озаглавить документ "Декларация Объединенных Наций". Термин *союз* не употреблялся, так как он создал бы для президента конституционные трудности³⁰.

1 января 1942 г. в Вашингтоне Рузвельт, Черчилль, Литвинов и представитель Китая Сун Цзывень первыми поставили свои подписи под Декларацией Объединенных Наций. Затем ее подписали в алфавитном порядке представители других 22 государств (отсюда название — Декларация 26 государств, или Вашингтонская декларация). В числе подписавших были Польша и другие оккупированные Германией страны, британские доминионы и некоторые латиноамериканские государства, объявившие войну державам "оси". 1-м пунктом правительства каждого из 26 государств обязалось употребить все свои экономиче-

ские и военные ресурсы против тех членов Тройственного пакта и присоединившихся к нему государств, с которыми эти правительства находились в состоянии войны. В заключение говорилось о возможности присоединения к Декларации других государств, "которые оказывают или могут оказать материальную помощь и содействие борьбе за победу над гитлеризмом". К 1 мая 1945 г. к Декларации присоединилось еще 21 государство³¹.

Но до победы еще было далеко. Нацистский рейх собирал и перегруппировывал силы, обрушив весной 1942 г. мощные удары на Советский Союз. Второй фронт являлся жизненно важной необходимостью для СССР. Сталин охотно принял предложение Рузвельта направить в Америку Молотова для обмена мнениями по этому вопросу³². Было условлено, что до поездки в Вашингтон Молотов нанесет визит в Англию.

С самого начала переговоров Молотова с британскими руководителями, открывшихся в английской столице 21 мая, тема союзных договоров между СССР и Англией (военного и политического) и тема второго фронта тесно переплелись между собой. Особую важность и срочность создания второго фронта, его политическое значение настойчиво подчеркивал Молотов. Это диктовалось тяжелым положением советских войск в ходе Харьковского сражения, оборонительных боев за Севастополь и на других участках советско-германского фронта. Черчилль в беседах с наркомом 21-22 мая уклонился от обещания провести высадку на континент в 1942 г., сказав лишь, что британское правительство планирует эту операцию на 1943 г.³³

Обсуждение проекта двух договоров вначале также не продвигалось вперед. На утреннем заседании 21 мая Черчилль подчеркивал необходимость для Англии "идти в ногу" с США и их нежелание нарушать Атлантическую хартию. Он ссылался и на трудности с принятием советских проектов договоров парламентскими кругами. Молотов отстаивал "минимальные условия", изложенные в этих проектах, т.е. возвращение оккупированной Гитлером территории и предоставление СССР "минимальных" гарантий безопасности, прежде всего на северо-западе и юго-западе от его границ. Без этого, утверждал Молотов, "общественное мнение в СССР не поймет и не признает каких-либо договоров..."³⁴. До самого начала переговоров в Лондоне Советское правительство исключало всякую мысль о подписании договоров в случае, если они не обеспечат признания западных границ СССР 1941 г. "Без протокола [содержащего такое обязательство] мы не пойдем на уступки", — инструктировал Молотов Майского³⁵.

23 мая 1942 г. Иден вручил Молотову альтернативные предложения — вместо двух договоров заключить один сроком на 20 лет, определяющий обязательства обеих стран на военный и послевоенный периоды. Вопрос о границах не включался в предлагаемый текст договора. Молотов сообщил Сталину новые британские предложения со следующими замечаниями: премьер-министр предпочитает последний вариант; по сведениям Черчилля и Идена, американское правительство и Рузвельт также одобряют этот вариант и не хотят, чтобы Великобритания

тания и СССР заключили договор, содержащий спорные пункты; американский посол в Лондоне Дж.Вайнант подтвердил, что мнение Рузвельта именно таково. Нарком просил дать ему указания для немедленного обсуждения этого вопроса и подписания договора³⁶.

24 мая Сталин ответил Молотову, что британский проект в Москве не считают пустой декларацией, а признают важным документом. Проект не затрагивает вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как "мы" сохраняем свободу рук. Вопрос о границах или, скорее, о гарантиях безопасности советских границ будет решаться силой. Таким образом, в позиции Сталина произошел крутой поворот: он предписал Молотову снять все прежние советские предложения и вести переговоры на базе нового британского проекта. О готовности рассмотреть новые пункты и статьи договора нарком сообщил Идену 25 мая³⁷. Практически Советское правительство сняло в тот момент свое требование о границах.

Есть все основания считать, что Сталин пришел к такому решению в расчете повлиять на американское правительство в вопросе о втором фронте. Из послания Рузвельта (от 12 апреля 1942 г.) Сталин знал о намерении президента предпринять летом 1942 г. конкретные шаги для облегчения критического положения советских войск. А Вайнант прямо сказал Молотову 24 мая, что Рузвельт считает второй фронт важнее договоров³⁸. Как справедливо заметил английский историк М.Бальфур, с помощью рузвельтовского обещания открыть в этом году второй фронт Москву поощряли воздержаться от упоминания в тексте договора вопроса о границах³⁹.

26 мая 1942 г. Молотов и Иден подписали в Лондоне Договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. Оба государства обязались оказывать друг другу военную и другую помощь в войне против Германии (ч.1, ст.1); не вступать, кроме как по взаимному согласию, ни в какие переговоры с гитлеровским правительством (ст. 2); не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой стороны (ст.7); оказывать друг другу после войны всякую взаимную экономическую помощь (ст. 6). Действие 2-й части Договора (ст. 3-8), касавшейся послевоенного периода, определялось сроком в 20 лет⁴⁰.

В справке НКВД СССР отмечалось, что договор был значительно важнее соглашения от 12 июля 1941 г., которое было подписано двумя правительствами, тогда как договор 26 мая 1942 г. заключили государства, причем в случае с Британией оформление всякого договора предполагало согласие доминионов⁴¹. В ретроспективе восторги по поводу подписания договора о союзе выглядят несколько преувеличенными, — его действие в связи с холодной войной прекратилось на много лет раньше запланированного. Но в свете длительного периода недружественных отношений между СССР и Британией после 1917 г. он в самом деле казался "важной исторической вехой", как писал 15 июня 1942 г. И.М.Майский в отчете за январь-май 1942 г. "Как пойдут эти сотрудничество и дружба, — оговорил посол, — покажет будущее. На-

до ожидать, однако, что не все тут будет мед и что достаточно будет также дегтя"⁴².

Согласие снять из текста договора упоминание границ облегчило, в числе прочего, для Молотова во время его визита в Вашингтон (29 мая — 4 июня 1942 г.) договоренность по главным обсуждавшимся вопросам. Советско-американское коммюнике 12 июня 1942 г. подтвердило, что была достигнута "полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году"⁴³.

В разговоре с наркомом 1 июня Рузвельт сообщил, что передал советскому послу проект соглашения о займе и аренде. 11 июня 1942 г. М.М.Литвинов и государственный секретарь К.Хэлл подписали в Вашингтоне Соглашение между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии⁴⁴. С заключением Советским Союзом договора о союзе с Великобританией и соглашения с США в 1942 г. завершилось оформление связей между главными тремя странами антигитлеровской коалиции. Если вспомнить об их взаимных подозрениях и враждебности 1920-1930 гг., изменение характера отношений действительно было поразительным.

Однако летом 1942 г. отсрочка западными союзниками второго фронта в Европе и задержка с поставками Советскому Союзу вызвали напряжение в его отношениях с США и Британией. В переговорах с Черчиллем в Кремле, который в августе 1942 г. прибыл в Москву, чтобы оправдать эту отсрочку, Сталин в повышенных тонах выразил свое недовольство, но затем, взяв примирительную ноту, признал, что расхождения "в порядке вещей, ибо между союзниками бывают разногласия"⁴⁵. Немецко-фашистские войска в это время, прорвав фронт, развернули наступление на Северный Кавказ и в сторону Сталинграда и Воронежа, и открытый разрыв с британским правительством не был, конечно, в интересах СССР. Об ущербе общим интересам в случае публичных споров предупредил Черчилль.

В Москве британский премьер получил от Сталина информацию о тяжелом положении на фронте и убедился в решимости русских продолжать войну. "Ни в одном случае не было сделано ни малейшей ссылки на прекращение ими борьбы..." — телеграфировал Черчилль Рузвельту⁴⁶. Это был важный вывод, если учесть, что в июле советской стороной делались намеки на возможность прекращения правительством и Красной Армией сопротивления в случае, если не будет открыт второй фронт и у СССР не окажется более сил для продолжения борьбы (такой намек делал, например, 16 июля 1942 г. Вышинский, беседуя с новым британским послом в СССР А.Кларком Керром)⁴⁷.

Советские победы под Сталинградом, Курском и Орлом неизмеримо повысили военный и международный престиж СССР. Вооруженные Силы страны прочно взяли в свои руки стратегическую инициативу. Подрыву военной мощи фашистских держав содействовали завершающие операции западных союзников в Северной Африке и их кампания в бассейне Средиземного моря и в Южной Италии. Все это создало предпо-

сылки для принятия тремя ведущими государствами антигитлеровской коалиции ряда важных решений по вопросам войны и мира. Но путь к их согласованию на конференциях в Москве и Тегеране в конце 1943 г. был отнюдь не легок.

Отношения СССР с США и Великобританией в начале 1943 г. оставались сложными. Как и прежде, главной причиной этого являлось отсутствие второго фронта и неполное выполнение обязательств по протоколам о поставках. Недовольство Москвы вызвало также заявление посла США У. Стэндли на пресс-конференции 8 марта 1943 г. относительно необъективности советской информации о помощи СССР по ленд-лизу. Дополнительные трудности появились после предания гласности истории с массовым расстрелом советскими органами польских офицеров в Катынском лесу и в связи с разрывом СССР дипломатических отношений с польским эмигрантским правительством.

Рузвельт, озабоченный состоянием американско-советских отношений, искал возможности их улучшения. В послании Сталину (5 мая 1943 г.), которое последнему вручил в Кремле направленный в СССР бывший посол в Москве Дж. Дэвис, президент предложил провести летом доверительные неофициальные переговоры ("встречу умов" — без Черчилля)⁴⁸. В Москве Дэвис был принят также Ворошиловым, Молотовым Уманским и Вышинским. Согласно записи беседы (21 мая), сделанной Уманским, личный представитель президента заявил, что "по его мнению, в советско-американских отношениях еще не создана должная атмосфера взаимного доверия и близкого личного контакта между правительствами... Создание этого контакта и доверия — самое важное, и этой задаче он себя посвящает"⁴⁹. Отсюда — приглашение Рузвельта на встречу вдвоем.

Послание Сталина с выражением благодарности президенту за письмо, переданное Дэвисом, было сдержанным. На первый план ставилось положение на советско-германском фронте и ожидавшееся начало крупного наступления гитлеровцев, что, как писал Сталин, не позволяет дать вполне определенного ответа⁵⁰. Еще раз он упустил шанс установить личный контакт как с Рузвельтом, так и с Черчиллем — британский премьер-министр предложил переговоры Большой тройки в Скапа-Флоу (Шотландия).

Некоторые решения сталинского руководства, однако, интерпретировались западными лидерами как свидетельство его стремления к большему взаимопониманию. Как раз во время пребывания Дэвиса в Москве была опубликована резолюция президиума исполкома Коминтерна с рекомендацией о прекращении деятельности этой организации⁵¹. Официальная реакция США была благоприятной. К. Хэлл заявил на пресс-конференции 24 мая, что отстранение Коминтерна от международной жизни и прекращение его деятельности "безусловно будут способствовать большей степени доверия между Объединенными Нациями" и развитию их сотрудничества. Положительная оценка резолюции ИККИ содержалась также в редакционной статье лондонской "Таймс" (24 мая), в высказываниях некоторых британских и американских дипломатов. В позитивном плане рассматривался и письменный от-

вет Сталина на вопросы корреспондента агентства Рейтер Гарольда Кинга⁵² (Сталин подчеркнул своевременность роспуска Коминтерна в числе прочего по той причине, что этот шаг облегчит организацию совместных выступлений свободолюбивых народов против общего врага — гитлеризма)⁵³.

Однако некоторые западные политики расценили роспуск Коминтерна как попытку укрепить позиции СССР на будущей мирной конференции. С большим скептицизмом на этот счет высказался, например, председатель Британского конгресса тред-юнионов У.Ситрин. Он был убежден в том, что Москва, как и ранее, будет снабжать деньгами иностранных коммунистов и что Коминтерн фактически не прекратит своего существования. Его подозрения оказались не беспочвенными: теперь очевидно, что деятельность Коминтерна продолжалась, хотя и в других формах⁵⁴.

Отношения СССР с западными державами не улучшились летом 1943 г. Советская дипломатия продолжала настаивать на открытии второго фронта во Франции. Личное секретное послание Сталина Рузвельту от 11 июня 1943 г. (копия одновременно была передана и Черчиллю) содержало самую резкую критику принятого ими в Вашингтоне в мае того года решения об откладывании вторжения в Западную Европу на весну 1944 г.⁵⁵.

В совместном послании Сталину, направленном 19 августа с Квебекской конференции, Рузвельт и Черчилль вновь вернулись к теме встречи трех, на этот раз в Фербенске (Аляска), а в качестве альтернативы предложили устроить переговоры между дипломатическими представителями трех стран. Сталин одобрил только это альтернативное предложение⁵⁶. Этим обменом посланиями Большой тройки (19-14 августа 1943 г.) предreshалась договоренность о созыве конференции министров иностранных дел трех государств.

Период подготовки конференции совпал с выходом из войны и фашистского блока Италии. Сталин, считая себя обделенным в переговорах англичан и американцев с правительством Бадольо о капитуляции и не желая быть на положении, как он выразился, "третьего пассивного наблюдающего", предложил Рузвельту и Черчиллю создать военно-политическую комиссию из представителей трех стран "для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии". Вместе с тем Сталин поддержал установку западных держав на безоговорочную капитуляцию Италии. Ознакомленное с условиями перемирия, Советское правительство дало полномочия генералу Эйзенхауэру на его подписание⁵⁷. "Краткие" условия капитуляции, а затем "пространные" условия были подписаны соответственно от имени правительств трех стран 3 сентября и 29 сентября 1943 г. Еще раньше был урегулирован вопрос об учреждении военно-политической комиссии в составе представителей США, СССР, Великобритании и Французского комитета национального освобождения (на Московской конференции этот орган получил название Консультативного совета по вопросам Италии).

В переговорах с западными державами, связанных с выходом Италии из фашистского блока, советская дипломатия проявила большую напористость. Британская и американская дипломатия согласились провести консультации с СССР об условиях перемирия с Италией. Пойдя навстречу СССР, западные союзники тем не менее сохранили преимущественное влияние на итальянские дела⁵⁸.

Накануне Московской конференции министров иностранных дел и в преддверии встречи на высшем уровне СССР, так же как США и Великобритания, проявил стремление к согласованным международным акциям. Такими акциями, помимо подписания условий капитуляции Италии, явились Декларация глав трех правительств о признании Италии совместно воюющей стороной от 13 октября 1943 г., договоренность о признании ФКНО (несмотря на разные формулировки этого признания), оформленная в переписке 25-26 августа 1943 г., одобрение текста Третьего протокола о поставках⁵⁹.

На Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании 19 октября по предложению Советского правительства первым пунктом повестки дня было определено рассмотрение мероприятий, направленных к сокращению сроков войны против Германии и ее союзников в Европе. Этот вопрос был окончательно согласован только в Тегеране.

Вторая по значимости проблема была связана с подготовкой к организации послевоенного мира и безопасности. На Московской конференции Молотов совместно с Хэллом, Иденом и послом Китая в СССР Фу Бинчаном 30 октября подписали предложенную США Декларацию четырех государств по вопросу всеобщей безопасности, где был зафиксирован принцип безоговорочной капитуляции держав "оси" и провозглашена (п. 4) "необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания мира и безопасности" на основе суверенного равенства и членства всех миролюбивых государств — больших и малых⁶⁰. С опубликованием этого документа в печати (2 ноября 1943 г.) и образованием по советской инициативе комиссии трех держав для предварительной совместной разработки связанных с этим вопросов были ускорены переговоры о создании будущей Организации Объединенных Наций.

На первой своей конференции министры иностранных дел СССР, США и Великобритании приняли ряд других общих документов — Декларацию об Италии, Декларацию об Австрии, Декларацию об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства. Для рассмотрения европейских вопросов, связанных с окончанием военных действий, и выработки совместных рекомендаций, была образована Европейская консультативная комиссия (ЕКК) из представителей трех держав с местопребыванием в Лондоне.

Принятие в Москве в значительной степени согласованных решений позволило сгладить шероховатости в отношениях СССР с западными державами. В СССР была начата пропагандистская кампания в связи с 10-летием со дня установления дипломатических отношений между СССР и США. А.Гарриман, новый американский посол, 17 ноября

1943 г. высказал наркоминделу большое удовлетворение по поводу публикации в советских газетах дружественных передовых статей, посвященных этому событию⁶¹.

В результате сложилась благоприятная обстановка для встречи Большой тройки — первой за годы войны. Она состоялась в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г. Важнейшим итогом Тегеранской конференции было принятие в последний день переговоров Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем военных решений, зафиксировавших точную дату проведения операции "Оверлорд". Они отразили усиление позиций СССР в антигитлеровской коалиции, так же как и существенное ослабление военно-экономического влияния Британии в союзе с США⁶².

Важное значение западная дипломатия придавала тогда привлечению СССР к вооруженной борьбе с Японией. С конца 1943 г., по официальным американским данным, возможность разгрома сухопутных сил Японии на Азиатском театре военных действий США связывали с участием в войне против нее не столько Китая или Британии, сколько Советского Союза. Будущий вклад СССР оценивался американцами, по всей вероятности, как самый крупный⁶³.

СССР, чье внимание всецело поглощала война с Германией, не располагал достаточными силами для одновременного ведения наступательных операций и на западе и на востоке. Но еще во время Московской конференции, на обеде в Кремле 30 октября 1943 г., Сталин поручил В.М.Бережкову сделать для Хэлла перевод следующего конфиденциального заявления: "Советское правительство рассмотрело вопрос о положении на Дальнем Востоке и приняло решение сразу же после окончания войны в Европе, когда союзники нанесут поражение гитлеровской Германии, выступить против Японии. Пусть Хэлл передаст это президенту Рузвельту как нашу официальную позицию. Но пока мы хотим держать это в секрете". В Тегеране на первом заседании глав государств 28 ноября Сталин заявил, что выступление Советского Союза против Японии может начаться после капитуляции Германии⁶⁴. Советское обещание, хотя оно и не вошло в официальные секретные решения конференции, повлияло, в числе прочего, на принятие американским руководством твердых сроков проведения операции "Оверлорд".

По вопросам послевоенного урегулирования конкретных постановлений в Тегеране принято не было. Обмен мнениями выявил как нюансы позиции каждого из лидеров, так и их склонность по собственному усмотрению и исходя из собственных интересов определять судьбы будущего мира. Согласие Сталина на создание международной организации безопасности было в Тегеране главной политической целью американского президента⁶⁵. Сталин предполагал поэтому в основном выслушивать планы Рузвельта и Черчилля. Одобрив рузвельтовскую схему ООН (Ассамблея — Исполнительный комитет в составе 10-11 стран — "полицейский комитет" в составе 4-х стран), он заметил, что для предотвращения агрессии необходимо будет, кроме создания намечаемых органов, занять наиболее важные стратегические пункты в Европе и на Дальнем Востоке. Президент выразил свое согласие с маршалом

Стал чным "на все сто процентов". Декларация трех держав, подписанная 1 декабря 1943 г. Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем, лишь в общей форме подтвердила их решимость "работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время"⁶⁶.

Предварительный характер носило и обсуждение германского вопроса (было решено передать его в ЕКК для детального изучения), вопросов о Польше, послевоенных границах. Сталин очертил контуры некоторых зон советских интересов и зон безопасности в Восточной Европе и Азии, получившие развитие в дальнейших планах правительства СССР и в его международных переговорах. Главные пункты и смысл советских требований в том виде, как они были намечены или изложены в Тегеране, — это ликвидация основ милитаризма в Германии и предотвращение возможностей ее агрессии, в том числе путем установления союзнического контроля над основными стратегическими пунктами; признание включения прибалтийских республик в состав СССР; восстановление границ (1939 г.) СССР с Польшей. СССР претендовал, кроме того, на передачу ему незамерзающих портов на Балтийском море и части территории Восточной Пруссии. В случае одобрения Британией передачи СССР этой территории, заявил Сталин, Советский Союз согласится на предложенную Черчиллем формулу относительно границ Польши (по линии Керзона и по линии р. Одер)⁶⁷.

Оба западных лидера высказали в Тегеране готовность считаться с устремлениями СССР. Черчилль, например, 30 ноября 1943 г. в присутствии Рузвельта и Сталина признал совершенно очевидным "тот факт, что Россия должна иметь выход в теплые моря". Говоря на завтрак Большой тройки 1 декабря о послевоенных границах между СССР, Польшей и Германией, британский премьер также поддержал необходимость гарантии западных границ СССР⁶⁸.

Решения Тегеранской конференции, в первую очередь военные, облегчили выполнение главной задачи — обеспечение быстрейшего разгрома противника. Были определены также и контуры послевоенных планов. Тегеран обозначил крупный успех антигитлеровских сил.

Активность советской дипломатии на Московской и Тегеранской конференциях, опубликование согласованных там решений, а главное, продолжавшийся мощный натиск Советских Вооруженных Сил на запад (к началу 1944 г. Красная Армия на протяжении более 400 км вышла на государственные границы СССР) способствовали дальнейшему упрочению международных позиций Советского Союза. В период до и особенно после начала операции "Оверлорд" в отношениях СССР с западными союзниками преобладала тенденция к расширению военного сотрудничества. Руководители американской политики, выступившие главным инициатором создания международной организации безопасности, были заинтересованы в смягчении разногласий с СССР, в частности из-за Польши. Рузвельт призывал Сталина во имя интересов международного сотрудничества "избегать каких-либо действий, которые могли бы помешать достижению нашей главной цели". Гарриман, находясь в Лондоне по пути в Москву, в беседе с советским послом Ф. Гусевым

26 мая 1944 г. отметил, что американско-советские отношения "развиваются под знаком расширения и укрепления сотрудничества". Конечно, в этих отношениях, признал Гарриман, имеются некоторые трудности, но они могут быть преодолены⁶⁹.

Ужесточая свой курс в польских делах (послевоенные границы Польши, отношение к эмигрантскому правительству, варшавское восстание), Сталин, судя по всему, намерен был поддерживать американские усилия по созданию международной организации безопасности. 9 июля 1944 г. Советское правительство изъявило готовность участвовать в переговорах о создании международной организации. Американское правительство положительно оценило это сообщение и в ответ напомнило, что главной целью будущей организации считает процедуру мирного урегулирования споров. Было решено, что предварительные переговоры трех держав будут проведены в Вашингтоне в августе⁷⁰.

В процессе подготовки к переговорам каждая из сторон выработала предварительные предложения. В разделе I меморандума о международной организации безопасности (от 12 августа 1944 г.) Советское правительство подчеркнуло в числе основных целей организации следующие: "1. Поддержание всеобщего мира и безопасности и принятие с этой целью коллективных мер для предотвращения агрессии и организации подавления осуществляемой агрессии". Формулировка данного пункта I раздела шла дальше варианта, предложенного британским правительством, который не предусматривал принятия коллективных мер по подавлению агрессии. В п.2 раздела о целях организации советская сторона, приняв во внимание американские предварительные предложения (вручены 18 июля) о мирном урегулировании споров, к числу целей организации отнесла "разрешение и устранение мирными способами международных конфликтов, могущих привести к нарушению мира"⁷¹.

В вопросах определения прав и функций "Общего собрания" (раздел IV) предложения СССР также были ближе к американским. В вопросе о голосовании в Совете Советское правительство, в отличие от британских предложений, отвергавших принцип единогласия, излагало свою позицию так: "Решения по вопросам, относящимся к предупреждению или подавлению агрессии, принимаются большинством голосов, при условии согласия всех постоянных представителей в Совете"⁷².

Вопрос о порядке голосования в Совете Безопасности, наряду с вопросом о первоначальном членстве в будущей организации, вызвал главные споры на проходившей в Думбартон-Оксе (пригород Вашингтона) 21 августа — 28 сентября 1944 г. конференции представителей трех держав. Принцип единогласия в Совете Безопасности одобрили на конференции все участники переговоров. Основное расхождение СССР с западными союзниками состояло в том, что они высказались против участия в голосовании в Совете стран, непосредственно затронутых конфликтом. Договоренность в принципе была достигнута, когда 5 декабря 1944 г. Рузвельт предложил Сталину компромиссную формулировку, согласно которой единогласие постоянных членов будет необходимо по вопросам процедуры, а страны, затронутые конфликтом, не

примут участия в голосовании в Совете Безопасности при принятии решений по всем другим вопросам⁷³.

В Думбартон-Оксе СССР, США и Великобритания смогли, за несколькими исключениями, прийти к соглашению по большому числу пунктов. 1-10 октября 1944 г. в Москве, Вашингтоне и Лондоне были опубликованы коммюнике об итогах конференции и текст разработанного документа ("Предложения относительно создания Всеобщей международной организации безопасности")⁷⁴.

В целом 1944 год был годом упрочения антигитлеровской коалиции. Это стало возможным, в первую очередь, благодаря скоординированным военным кампаниям участников коалиции на востоке и западе Европы. Операция "Оверлорд" и ее поддержка мощным наступлением Красной Армии усилила политический авторитет Большой тройки. Объединенные Нации окрепли после того, как союзники Германии — Финляндия, Румыния, Болгария — были выведены из войны и присоединились к антигитлеровской коалиции. Незадолго до новой встречи Большой тройки — на этот раз в Крыму — Советское правительство еще раз подтвердило свою заинтересованность в сотрудничестве с западными державами, значение решений думбартон-окской конференции и тот факт, что "в основе союза СССР, Великобритании и США лежат не случайные и преходящие моменты, а жизненно важные и длительные интересы"⁷⁵. Это заявление было с удовлетворением встречено правительством Рузвельта. Президент, близкие ему по духу политики и военные США считали, что продолжение сотрудничества с СССР необходимо в интересах завершения войны с Германией и Японией и организации послевоенного мира⁷⁶.

К концу года в определенной мере разрядилась напряженная атмосфера в советско-английских отношениях. Совещание Черчилля и Идена с советскими руководителями в Москве (9-18 октября 1944 г.) не решило, правда, спорных вопросов о границе между СССР и Польшей и о составе польского правительства. Открытым оставался и вопрос о будущем Германии. Однако переговоры, по заявлению Сталина, были проведены "в дружественной обстановке и в духе полного единодушия". Ссылка Черчилля на атмосферу доброжелательности московской встречи тоже не являлась, как отмечает Р.Эдмондс, преувеличением⁷⁷. О почти полном единодушии в самом деле можно говорить, особенно если иметь в виду конфиденциальный обмен мнениями относительно разграничения сфер ответственности на Балканах. (На первой же встрече в Кремле 9 октября Черчилль передал Сталину свое "процентное" предложение). Было ясно, что оба лидера готовы к разделу сфер влияния в Восточной Европе. Они беседовали так, как будто решение вопросов этого региона находится исключительно в их собственных руках⁷⁸.

Крымская (Ялтинская) конференция руководителей СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.) стала кульминационным пунктом, вершиной сотрудничества трех ведущих стран антигитлеровской коалиции. Сильные позиции сталинской дипломатии убедительно подкреплялись темпом наступления Красной Армии: советские войска по-

дошли к Берлину на расстояние в 60 км. Главы правительств и другие члены делегаций скоординировали в Ялте военные планы армий трех союзных стран с целью окончательного разгрома Германии, определили точные сроки и масштабы новых мощных ударов по врагу на Европейском ТВД. Сталин и Рузвельт договорились — под соглашением (от 11 февраля) поставил свою подпись также Черчилль, — что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников. По настоянию Сталина в текст документа были включены советские условия участия СССР в войне против Японии. В числе прочего, они предусматривали восстановление принадлежавших России прав, нарушенных нападением Японии в 1904 г., включая возвращение южной части Сахалина и всех прилегающих к ней островов⁷⁹.

В Ялте рассматривались, кроме того, политические и экономические аспекты послевоенного урегулирования в Европе. Главным являлся германский вопрос. В итоге переговоров были выработаны основы совместной политики в отношении Германии на принципах ее демократизации, демилитаризации и денацификации. Союзные державы согласовали выработанные их представителями в ЕКК условия безоговорочной капитуляции Германии, положения о зонах ее оккупации, об управлении "Большим Берлином", о контрольном механизме. В заявлении, опубликованном 13 февраля 1945 г., Черчилль, Рузвельт и Сталин своей непреклонной целью объявили "уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира". "В наши цели, — подчеркивалось вместе с тем в заявлении, — не входит уничтожение германского народа"⁸⁰.

В переговорах затрагивался вопрос о разделе Германии. Было только решено создать комиссию по изучению процедуры расчленения Германии в составе представителей трех держав. На своем первом заседании в Лондоне 7 марта 1945 г. члены комиссии — Иден (председатель), Гусев и Вайнант — заявили, что вопрос находится в стадии проработки. Спустя несколько дней Гусев отправил в Москву для одобрения составленный им проект директивы. Однако он не получил четких инструкций по вопросу о расчленении Германии, а Молотов оценил его проект директивы как неудовлетворительный. 24 марта нарком поручил Гусеву внести в комиссию следующее предложение: "Советское правительство понимает решение Крымской конференции о расчленении не как обязательный план расчленения Германии, а как возможную перспективу для нажима на Германию с целью обезопасить ее в случае, если другие средства окажутся недостаточными". 26 марта Гусев направил Идену письмо с этими разъяснениями⁸¹.

На втором заседании комиссии 11 апреля Иден заметил, что все ее члены согласны с британским проектом директивы и с советской интерпретацией решения Крымской конференции. После этого заседания комиссия больше не собиралась. Сталин в обращении к советскому народу 9 мая 1945 г. заявил, что Советский Союз "не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию"⁸².

Каковы были мотивы, побудившие советских лидеров фактически снять вопрос о расчленении Германии с повестки дня дипломатических переговоров? Трудно дать точный ответ без изучения документов архива Сталина. Мы можем предположить, впрочем, что один из мотивов изменения советской позиции (в Ялте Сталин одобрил решение о расчленении Германии "в принципе") был связан с нежеланием проявлять инициативу выдвижения какого бы то ни было плана расчленения. В телеграмме Гусеву от 24 марта Молотов сообщил "для ориентации", что англичане и американцы, первыми поставившие вопрос о расчленении Германии, теперь хотят свалить на СССР всю ответственность за расчленение⁸³.

Раздраженный тон этой телеграммы, как можно судить, соответствовал характеру жесткого советского демарша по поводу переговоров американских и британских представителей с нацистским генералом Вольфом в Берне (см. письма Молотова Гарриману от 16 и 22 марта и послание Сталина Рузвельту от 29 марта)⁸⁴.

Но вернемся к Ялте: переговоры, связанные с созданием ООН, оказались весьма успешными. Во-первых, это касалось процедуры голосования в Совете Безопасности. Советская делегация одобрила выработанные в Думбартон-Оксе "Предложения" вместе с дополнениями американского президента (имелась в виду формула Рузвельта от 5 декабря 1944 г.). Тем самым был решен один из принципиальных вопросов — о единогласии постоянных членов Совета. Во-вторых, по инициативе советской стороны был рассмотрен вопрос об участии двух или трех тогдашних Советских Республик в учреждении международной организации безопасности. Делегаты Великобритании и США обязались поддержать на учредительной конференции Объединенных Наций предложение о допуске УССР и БССР к первоначальному членству. Была также достигнута договоренность о дате, месте созыва учредительной конференции (25 апреля 1945 г., Сан-Франциско) и составе ее участников⁸⁵.

Наиболее длительная дискуссия в Ялте развернулась вокруг Польши. Советское руководство смогло настоять на своем варианте будущей советско-польской границы: по решению конференции восточная граница Польши должна была "идти вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши". Установление восточной границы Польши — одно из важных решений Крымской конференции, касающихся послевоенного урегулирования⁸⁶. Окончательное определение западной границы Польши было отложено до мирной конференции.

В вопросе о правительстве Польши после острой полемики удалось достигнуть лишь того решения, что действующее Временное польское правительство (создано в Люблине польскими коммунистами, в январе 1945 г. получило признание со стороны СССР, но не со стороны США и Британии. — *Л.П.*) должно быть "реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы". Новое правительство получило бы название Польское Временное правительство национального един-

ства⁸⁷. Однако различное истолкование ялтинского решения Советским Союзом, с одной стороны, и США и Британией — с другой, стимулировало разногласия.

Неодинаковой была и интерпретация составленных в общей форме положений Декларации об освобожденной Европе, которая была принята в Крыму и предусматривала создание правового международного порядка и демократических учреждений по собственному выбору народов. СССР пошел дальше того, на что готовы были согласиться обе западные державы: Сталин ставил целью утверждение в странах Восточной Европы советской модели социализма и включение их в орбиту советского влияния. Американские и британские лидеры считали неизбежным признание сфер влияния СССР на востоке и в центре Европы, но они не хотели допустить прихода к власти в этом регионе коммунистических режимов. Черчилль был полон решимости предотвратить в Польше и других странах Восточной Европы "русскую версию" демократии. Рузвельт до конца дней своих пытался сглаживать разногласия с Москвой, но и он в послании, полученном Сталиным 1 апреля, предупредил, что для США было бы неприемлемо "любое такое решение, которое привело бы к несколько замаскированному продолжению существования нынешнего варшавского режима". Польский вопрос являлся пробным камнем будущих взаимоотношений трех держав. Польша, скажет 27 мая Гопкинс Сталину, "стала символом нашей способности разрешать проблемы с Советским Союзом"⁸⁸.

Как советские руководители, так и западные лидеры (особенно после кончины Рузвельта) несут ответственность за обострение отношений между СССР и западными союзниками весной 1945 г. Едва ли удачным можно, например, считать первоначальное решение Сталина не направлять Молотова на открывавшуюся в конце апреля 1945 г. в Сан-Франциско конференцию (советскую делегацию поручалось возглавить менее представительной по рангу фигуре). В этой связи А.Кларк Керр в неофициальном порядке 29 марта дал понять Вышинскому, что Советское правительство допускает "большую ошибку". Вышинский парировал грубым замечанием: "...было бы правильнее не говорить об ошибках, а позаботиться самому не делать ошибок". О болезненной реакции американцев на объявленный состав делегации СССР, об их беспокойстве по поводу состояния польских дел и развития событий в Румынии советскую сторону информировал 5 апреля Гарриман⁸⁹. Позже Сталин пересмотрел свое решение, и Молотов отправился в Сан-Франциско в качестве главы советской делегации. Но действия наркома, по свидетельству очевидца, способствовали отчуждению государств Запада и Востока. К примеру, в первые дни конференцию лихорадило из-за того, что советские делегаты не соглашались избрать ее председателем Стеттиниуса⁹⁰.

Расхождения по ряду вопросов (Польша, переговоры в Сан-Франциско и др.) обусловили близкое к кризисному состояние советско-американских отношений. Напряженность усилилась после того, как исполнявший обязанности госсекретаря США Дж.Грю передал 12 мая в Советское посольство в Вашингтоне ноту, которая фактически означала,

что в связи с окончанием военных действий в Европе дальнейшие поставки Советскому Союзу по ленд-лизу будут прекращены (за исключением поставок для советских операций на Дальнем Востоке). Американское решение, как не без оснований пришел к выводу поверенный в делах СССР в США Н.Новиков, имело характер репрессивного мероприятия. Внезапная приостановка поставок, сообщил он в НКВД СССР на основе информации генерала Дж.Йорка (заместитель председателя президентского Комитета по поставкам в СССР. — Л.П.), находится "в прямой связи с последней перепиской Сталина с Трумэном по польским делам"⁹¹. В официальном советском ответе на ноту Грю прекращение поставок расценивалось как полная неожиданность. После протеста американские власти возобновили погрузку вооружения и материалов, но вся история насторожила советское руководство. Позже Сталин высказал сильное недовольство Гопкинсу, а нарком внешней торговли СССР А.И.Микоян — Гарриману⁹².

Прекращение поставок по ленд-лизу и попытка использовать это для оказания давления на СССР были ошибочной, не достигшей своей цели мерой⁹³. Правительство США решило направить в Москву Гопкинса для обсуждения всего комплекса вопросов, прежде всего польского. В Кремле с 26 мая по 6 июня 1945 г. состоялось шесть бесед Сталина с Гопкинсом, в ходе которых была частично снята напряженность в связи с ленд-лизом. Главное же — Сталина удалось уговорить на введение в состав польского правительства семи "не-люблинских" поляков (три из них, впрочем, отказались). Обсуждались и другие важные международные проблемы, в том числе германская и дальневосточная. Были намечены примерная дата и место (середина июля 1945 г., район Берлина) встречи руководителей трех союзных государств. Трумэн и Гарриман признали новую миссию Гопкинса успешной, а Кларк Керр даже заявил Майскому (13 июня): "Я хотел бы, чтобы Гопкинс был англичанином"⁹⁴.

Конечно, не все разногласия могли быть преодолены в дипломатических переговорах. Победоносное окончание войны в Европе укрепило сталинский режим и его стремление консолидировать зону своего влияния в регионе Восточной и Центральной Европы. В западных демократиях же активизировались сторонники политики с позиции силы. Мир, еще окончательно не отвоеванный у агрессоров, уже начинал вползать в эру холодной войны.

Летом 1945 г., однако, тенденция к прямой конфронтации и свертыванию межсоюзнических связей не стала преобладающей. Советский Союз пострадал слишком сильно, чтобы идти на риск новой войны; Сталин рассчитывал обеспечить свои ближайшие цели в рамках сотрудничества с Америкой и Британией⁹⁵. Три державы согласовали тексты ряда важных документов, прежде всего Акта о военной капитуляции германских вооруженных сил (8 мая 1945 г.), Декларации о поражении Германии и взятии союзниками на себя верховной власти в отношении Германии (5 июня 1945 г.)⁹⁶. СССР занял в целом конструктивную позицию в вопросе создания ООН, он сыграл активную роль в разработке положений Устава международной организации и принципов дееспособности

собной системы по защите всеобщего мира и безопасности народов. На конференции в Сан-Франциско, принявшей 26 июня Устав ООН, советские представители дали высокую оценку антигитлеровской коалиции и ее вклада в разгром гитлеровского фашизма⁹⁷. Сталин в послании Трумэну незадолго до отъезда на Берлинскую конференцию подтвердил позитивную роль ленд-лиза с точки зрения перспектив международного сотрудничества⁹⁸.

Администрация Трумэна, хотя и пыталась с помощью опробования нового, ядерного оружия усилить свои позиции на переговорах со Сталиным, не намеревалась идти на разрыв с СССР. А Форин офис, считая СССР трудным партнером, все же не исключал возможности сотрудничества с ним. Конференция глав правительств трех держав открылась отнюдь не в обстановке прямой конфронтации⁹⁹.

В центре переговоров в Потсдаме (17 июля — 2 августа 1945 г.) находилась германская проблема. Союзники достаточно быстро пришли к договоренности относительно политических принципов обращения с Германией в начальный контрольный период. Правительства СССР, США и Великобритании (к ним вскоре присоединилось правительство Франции) обязались искоренить германский милитаризм и нацизм, навсегда предотвратить их возрождение и принять все меры к тому, "чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире"¹⁰⁰.

СССР и другие участники конференции согласовали цели, которыми должен был руководствоваться Контрольный Совет — верховный орган власти четырех держав в Германии в составе главнокомандующих вооруженными силами этих стран (советский представитель — Маршал Г.К.Жуков). За время своей работы (30 июля 1945 г. — март 1948 г.) Контрольный Совет провел 85 заседаний, причем половину вопросов, которые предстояло решить, он рассмотрел в период до июля 1946 г. Именно тогда были приняты законы о прекращении деятельности и ликвидации нацистских организаций, о наказании военных преступников, директива о демобилизации и роспуске немецких вооруженных сил¹⁰¹.

В Потсдаме длительная дискуссия развернулась в связи с проблемой репараций. Советская делегация отказалась от фиксирования определенной суммы репарационных платежей, на чем СССР настаивал в Ялте. По достигнутому соглашению, репарационные претензии СССР должны были удовлетворяться путем изъятия из советской зоны оккупации Германии и из соответствующих германских вложений за границей, а также за счет получения от западных зон 25% промышленного капитального оборудования. СССР обещал удовлетворить за счет собственной квоты репарационные требования Польши¹⁰². Только после принятия советской стороной американского плана о репарациях делегация США согласилась с предложением СССР относительно западной границы Польши.

Решением Потсдамской конференции западная граница Польши устанавливалась по линии р.Одер и р.Западная Нейсе. В состав Польши включалась часть территории Восточной Пруссии, а также город Дан-

циг (Гданьск). Американская и британская делегации подтвердили принятое в Тегеране решение о передаче СССР Кёнигсберга (с 1946 г. — Калининград) с прилегающим к нему районом¹⁰³.

Вопросы Дальнего Востока в официальной повестке дня переговоров в Потсдаме не значились. Однако Сталин 17 июля на первой же встрече с Трумэном перед открытием конференции по своей инициативе завел речь о войне против Японии. После замечания президента ("США ожидают помощи Советского Союза") Сталин ответил, что Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа и что он сдержит свое слово¹⁰⁴. Некоторые американские лидеры, особенно после успешного испытания атомной бомбы в Аламогордо, склонялись к тому, чтобы закончить войну на Дальнем Востоке без помощи советского союзника. Сам Трумэн теперь не видел настоятельной необходимости вступления СССР в войну. Но на том этапе Америка не могла предотвратить военное участие СССР¹⁰⁵. Западные политики не в состоянии были и отстранить СССР от принятия решений, связанных с политическим урегулированием в этом регионе.

5 апреля 1945 г. Советское правительство денонсировало договор 1941 г. о нейтралитете с Японией. В беседе с Дж.Бирнсом 27 июля Молотов высказал недовольство тем, что Потсдамская декларация глав правительств США, Великобритании и Китая о Японии была опубликована накануне без уведомления СССР. 28 июля Сталин, со своей стороны, адресовал руководителям западных держав аналогичный упрек: "...нас не информируют как следует, когда какой-нибудь документ составляется о Японии..."¹⁰⁶. Тем не менее, принимая во внимание что Потсдамская декларация имела целью быстрое достижение мира, Советское правительство официально одобрило этот документ 8 августа и объявило состояние войны СССР с Японией с 9 августа 1945 г. Акт о капитуляции Японии, подписанный 2 сентября 1945 г. представителями США, СССР, Великобритании и других стран, положил конец второй мировой войне.

К осени 1945 г. СССР значительно усилил свое влияние на международной арене. В первую очередь это было обусловлено внушительными военными победами страны. Внешнеполитическая деятельность Советского правительства также содействовала росту авторитета СССР (теневые стороны процесса принятия решений в области внешней политики были не известны обществу). Широкая пропаганда антифашизма, кампании за открытие второго фронта, другие дипломатические акции, направленные на сокращение сроков войны и привлечение СССР к сфере послевоенного урегулирования, — все это встречало поддержку со стороны прогрессивной общественности мира и отвечало национальным интересам и чаяниям большинства населения СССР.

Руководство внешней политикой СССР держал в своих руках один человек — Сталин. Можно сказать, что он смог с успехом политически использовать участие СССР в войне и в антигитлеровской коалиции, свои связи с западными лидерами в интересах усиления режима личной власти. Трудно отрицать в то же время вред "блокового", имперского

мышления сталинского руководства, ту долю ответственности, которую оно несет за раскол мира после войны на противостоящие друг другу военные группировки. Сталин и его окружение не только грубо попирали права народов собственной страны, но и навязали свой диктат странам Восточной Европы. Еще в 1942 г. они по соображениям безопасности поставили перед Западом вопрос о расширении границ СССР, и эти территориальные требования возрастали в дальнейшем ходе войны. Что бы ни говорилось об Объединенных Нациях и Атлантической хартии, безопасность путем территориальных приращений и максимально возможное влияние — вот что значило больше всего для Сталина и его советников. Не осознав необходимости принципиально новых международных подходов в связи с наступлением ядерной эры, они, как и политические деятели Запада, встали на путь нагнетания международной напряженности и холодной войны.

Критическое переосмысление сталинской внешней политики не должно, однако, умалить значение позитивных аспектов программы, выработанной в годы войны с помощью СССР. Именно лозунгами антифашистской борьбы, которые нашли выражение в решениях Московской, Тегеранской, Крымской, а затем Сан-Францисской и Берлинской (Потсдамской) конференций, вдохновлялись участники антигитлеровской коалиции. Принципы межгосударственных отношений, разработанные на этих международных конференциях, вписывались в систему общечеловеческих ценностей свободы, справедливости, устойчивого мира.

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 69. Оп. 26. П. 78. Д. 49. Л. 7-8.

² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945: Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т. 1: 1941-1943. С. 45-47, 513 (далее — Советско-английские отношения).

³ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3. П. 3. Д. 29. Л. 60.

⁴ Churchill W.S. The Second World War. Vols. 1-6. L., 1948-1954. Vol. 3. P. 332-333.

⁵ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее — FRUS). 1941. Vol. 1. P. 767-768; New York Times. 1941. 25 June.

⁶ Gorodetsky G. Stafford Cripps' Mission to Moscow, 1940-1942. Cambridge, 1984. P. 177; Lawlor Sh. Britain and the Russian Entry into the War//Diplomacy and Intelligence during the Second World War: Essay in Hon. of F.H.Hinsley/Ed. R.Langhorne. L., 1985. P. 182-183; Miner S M Between Churchill and Stalin. The Soviet Union, Great Britain. and the Origins of the Grand Alliance. Chapel Hill, 1988. P. 169.

⁷ Советско-английские отношения. Т. 1. С. 46-48.

⁸ Там же. С. 48-52.

⁹ Там же. С. 62-63, 69-70.

¹⁰ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы: В 3-х т. М., 1946-1947. Т. 1. С. 131-132.

¹¹ Советско-американские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941-1945: Документы и материалы. В 2-х т. М., 1984. Т. 1. С. 46, 71, 81 (далее — Советско-американские отношения).

¹² Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Т. 1/Пер. с англ. М., 1958. С. 547; Kimball W.F. The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton (N.J.), 1991. P. 21-41.

¹³ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 25. П. 70. Д. 4. Л. 72.

¹⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 3. П. 21. Д. 281. Л. 57-58.

- 15 Советско-английские отношения. Т. 1. С. 104-109.
- 16 Там же. С. 109.
- 17 Из дневника и писем посла Великобритании в СССР в 1941-1942 гг. С. Криппса/Публикация Г. Городецкого//Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 134.
- 18 Советско-английские отношения. Т. 1. С. 128-130.
- 19 Там же. С. 138.
- 20 Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В 2-х т. М., 1989. Т. 1. С. 42.
- 21 *Gilbert M Winston S. Churchill. Vol. 7: Road to Victory: 1941-1945. L., 1986. P. 112; Miner S.M. Op. cit. P. 173-174; АВП РФ. Ф. 48з. Оп. 11ж. П. 64. Д. 1. Л. 20-21.*
- 22 Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 1. С. 43-44.
- 23 Ряд касавшихся этих переговоров документов был в 1983 г. включен в советский сборник (Советско-английские отношения. Т. 1. С. 184-198).
- 24 Тексты двух проектов секретных протоколов, а также неизвестные ранее в полном объеме записи советско-английских переговоров хранятся в особых папках архива Сталина. Публикацию этих документов и комментарии к переговорам см.: *Ржевицкий О.А. Визит А.Идена в Москву в декабре 1941 г.: Переговоры с И.В.Сталиным и В.М.Молотовым//Новая и новейшая история. 1994. № 2-3.*
- 25 Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 90-92, 101.
- 26 АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3. П. 8. Д. 82. Л. 77.
- 27 FRUS. 1942. Vol. 1. P. 1.
- 28 FRUS: The Conferences at Washington, 1941-1942, and Casablanca, 1943. Wash., 1968. P. 368; FRUS. 1942. Vol. 1. P. 22.
- 29 Washington Despatches, 1941-1945. Weekly Political Reports from the British Embassy/Ed. H.G.Nicholas. Wash., 1981. P. 5.
- 30 FRUS. 1942. Vol. 1. P. 22.
- 31 Советско-американские отношения. Т. 1. С. 146-147; FRUS. 1942. Vol. 1. P. 38.
- 32 Советско-американские отношения. Т. 1. С. 160, 164.
- 33 Советско-английские отношения. Т. 1. С. 221-222, 227.
- 34 Там же. С. 222; *Miner S.M. Op. cit. P. 238-239.*
- 35 АВП РФ. Ф. 48з. Оп. 11ж. П. 64. Д. 1. Л. 38.
- 36 Советско-английские отношения. Т. 1. С. 232; *The Foreign Office and the Kremlin. British Documents on Anglo-Soviet Relations, 1941-45/Ed. Gr.Ross. Cambridge, 1984. P. 105-106.*
- 37 О позиции Сталина см.: Дискуссия «У истоков "холодной войны"»//Международная жизнь. 1990. № 10. С. 132; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 232, 519; *Майский И.М. Воспоминания советского посла: Война. 1939-1943. М., 1965. С. 247; Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vols. 1-5. L., 1970-1976. Vol. 2. P. 251.*
- 38 Советско-американские отношения. Т. 1. С. 158, 160; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 519.
- 39 *Balfour M. The Adversaries: America, Russia and the Open World 1941-1962. L., 1981. P. 8.*
- 40 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 270-273.
- 41 АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3. П. 8. Д. 88. Л. 8.
- 42 Там же Ф. 69. Оп. 26. П. 78. Д. 49. Л. 12.
- 43 Советско-американские отношения. Т. 1. С. 203.
- 44 Там же. С. 188, 198-202.
- 45 Советско-английские отношения. Т. 1. С. 279.
- 46 *Kimball W.F. Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence. Vols. 1-3. Princeton (N.J.), 1984. Vol. 1. P. 566.*
- 47 *The Foreign Office and the Kremlin. P. 111-112.*
- 48 Советско-американские отношения. Т. 1. С. 315-317. О миссии Дэвиса в СССР (19-29 мая 1943 г.) см.: *Мальков В.Л. Франклин Рузвельт: Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988. С. 251-256; MacLean E. Joseph Davies and Soviet-American Relations, 1941-1943//Diplomatic History. 1980. Vol. 4 P. 73-93.*

- 49 АВП РФ. Ф. 129. Оп. 27. П. 148. Д. 3. Л. 108.
- 50 Советско-американские отношения. Т. 1. С. 323.
- 51 Правда. 1943. 22 мая.
- 52 FRUS. 1943. Vol. 3. P. 532-534, 536-537; Советско-американские отношения. Т. 1. С. 323, 326.
- 53 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 104-105.
- 54 Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ). Ф. 495. Оп. 73. Д. 173. Л. 61, 64-65; *Лебедева Н., Наринский М* Роспуск Коминтерна в 1943 году//Международная жизнь. 1994. № 5, 7-8.
- 55 Советско-американские отношения. Т. 1. С. 330-331; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 393-394.
- 56 Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 1. С. 174-176.
- 57 Там же. С. 175-176; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 441-442, 448-449.
- 58 *Edmonds R.* The Big Three: Churchill, Roosevelt and Stalin in Peace and War. L., 1991. P. 338.
- 59 Советско-английские отношения. Т. 1. С. 425-426, 440; Советско-американские отношения. Т. 1. С. 364-365.
- 60 Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19-30 октября 1943 г.): Сб. документов. М., 1978. С. 346-348.
- 61 АВП РФ. Ф. 129. Оп. 27. П. 148. Д. 3. Л. 51, 95-96.
- 62 *Kimball W F.* Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol. 2. P. 609; *Sainsbury K.* The Turning Point: Roosevelt, Stalin, Churchill and Chiang-Kai-Shek, 1943. Oxford, 1986. P. 1; *Поздеева Л.В* Америко-английские отношения (конец 1943 — начало 1944 г.)//Американский ежегодник 1990. М., 1991. С. 61-63.
- 63 *Coakley R.W., Leighton R.M.* The Global Logistics and Strategy. 1943-1945. Wash., 1968. P. 688.
- 64 *Бережков ВМ* Рождение коалиции. М., 1975. С. 125-127; Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.): Сб. документов. М., 1978. С. 95.
- 65 *Harriman A, Abel El* Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941-1946. N.Y., 1975. P. 279.
- 66 Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав... С. 116-118, 169, 175.
- 67 Там же. С. 144, 165, 167-169.
- 68 Там же. С. 142, 164.
- 69 Переписка Председателя Совета Министров СССР. Т. 1. С. 124; АВП РФ. Ф. 169. Оп. 28. П. 86. Д. 10. Л. 161.
- 70 Советско-американские отношения. Т. 2. С. 156-157, 167-169.
- 71 Конференция представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе (21 августа — 28 сентября 1944 г.): Сб. документов. М., 1978. С. 102-103, АВП РФ. Ф. 129. Оп. 28. П. 160. Д. 47. Л. 98.
- 72 Конференция в Думбартон-Оксе. С. 105; АВП РФ. Ф. 129. Оп. 28. П. 160. Д. 47. Л. 100-101.
- 73 Конференция в Думбартон-Оксе. С. 128, 178-179, 181; *Трухановский В.Г* Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939-1945). М., 1965. С. 557; Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 181-183.
- 74 Конференция в Думбартон-Оксе. С. 228-241.
- 75 Советско-американские отношения. Т. 2. С. 252, 256.
- 76 Ялтинская конференция 1945: Уроки истории. М., 1985. С. 102-103.
- 77 Советско-английские отношения. Т. 2. С. 229; *Edmonds R.* Op. cit. P. 389.
- 78 *Kimball W F.* Naked Reverse Right: Roosevelt, Churchill, and Stalin: Eastern Europe from Tolstoy to Yalta — and a Little Beyond.//Diplomatic History. Vol. 9. 1985. P. 1-6; *Idem* Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol. 3. P. 349.
- 79 Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.): Сб. документов. М., 1979. С. 273; FRUS: The Conferences at Malta and Yalta. 1945. Wash., 1955. P. 970-971.

- 80 Крымская конференция руководителей трех союзных держав. С. 266.
- 81 АВП РФ. Ф.48з. Оп. 11ж. П. 64. Д. 2. Л. 52-54, 56-57.
- 82 Там же. Л. 58-59; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. С. 45.
- 83 АВП РФ. Ф.48з. Оп. 11ж. П. 64. Д. 2. Л. 56-57.
- 84 Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 212-214, 314-315.
- 85 Крымская конференция руководителей трех союзных держав. С. 120-121, 267, 274.
- 86 Там же. С. 270; *Роцин А.А.* Послевоенное урегулирование в Европе. М., 1984.
- 87 Крымская конференция руководителей трех союзных держав. С. 269.
- 88 Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 215; *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 628; *Gilbert M. Winston S.Churchill. Vol. 7: Road to Victory. 1941-1945. P. 1198.*
- 89 АВП РФ. Ф. 69. Оп. 29. П. 94. Д. 6. Л. 23; Оп. 29. П. 66. Д. 4. Л. 15.
- 90 *Роцин А.А.* Организация Объединенных Наций и "холодная война"/Новая и новейшая история. 1991. № 5. С. 76.
- 91 Советско-американские отношения. Т. 2. С. 388-389.
- 92 Там же. С. 392; *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 622-626; FRUS. 1945. Vol. 5. P. 1021.
- 93 *Herring G.C Aid to Russia 1941-1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. N.Y., 1973. P. 206-211.*
- 94 *Edmonds R. Setting the Mould: The United States and Britain 1945-1950. Oxford, 1986. P. 47; FRUS. The Conference of Berlin (the Potsdam Conference) 1945. Vols. 1-2. Wash., 1960. Vol. 1. P. 61; АВП РФ. Ф. 129. Оп. 29. П. 116. Д. 4. Л. 41.*
- 95 *Reynolds D. The "Big Three" and the Division of Europe, 1945-1948: An Overview//Diplomacy and Statecraft. 1990. Vol. 2. P. 115.*
- 96 *Лебедева Н.С.* Безоговорочная капитуляция агрессоров. М., 1989. С. 257-287.
- 97 Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.): Сб. документов. М., 1980. С. 123-124; *Израэлян В.Л.* Дипломатия в годы войны (1941-1945). М., 1985. С. 325-326.
- 98 Советско-американские отношения. Т. 2. С. 437.
- 99 *Ross G. The Great Powers and the Decline of the European State System 1914-1945. L., 1983. P. 145.*
- 100 Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). Сб. документов. М., 1980. С. 484.
- 101 АВП РФ. Ф. 48з. Оп. 11ж. П. 70. Д. 15. Л. 22.
- 102 Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 250, 411-412, 489-490. Общая стоимость всех репарационных изъятий, произведенных в пользу СССР со 2 августа 1945 г. по 1 января 1948 г., составила 2675,8 млн долл. Всего из западных зон Германии в СССР и Польшу было вывезено 239,3 тыс. т оборудования с 40 заводов на общую сумму 81,7 млн германских марок (оборудование 17 заводов из 40 стоимостью в 10,3 млн марок было передано Польше). АВП РФ. Ф. 48з. Оп. 11ж. П. 70. Д. 16. Л. 273-276.
- 103 Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 331-332, 417, 473, 494, 471, 491-492. Нерушимость границ, установленных в Европе, так же как и территориальная целостность всех европейских государств были подтверждены спустя много лет в серии договоров, в том числе в Московском договоре между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 г. Признание послевоенного политического и территориального статуса нашло выражение также в хельсинкском Заключительном акте от 1 августа 1975 г., подписанном 33 государствами Европы, а также США и Канадой.
- 104 Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 43.
- 105 *Mee Ch.L. Meeting at Potsdam. N.Y., 1975. P. 93.*
- 106 Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 218, 222.

15. Соединенные Штаты: ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Л.С.Гарднер, У.Ф.Кимболл

Формирование внешней политики любого государства — сложная вещь. Даже в условиях диктаторских режимов внутренние события и процессы отражаются на внешней политике и наоборот. Подобная взаимозависимость проступает еще более отчетливо в демократических государствах. Внешняя политика Соединенных Штатов обусловлена влиянием целого ряда самых разнообразных факторов. Если исходить из традиции, прецедента и нескольких довольно двусмысленных судебных решений, то право президента вырабатывать внешнеполитический курс как будто не вызывает сомнения. Фактически же это право всегда ограничено практическими соображениями. Президенты, конечно же, никогда не хотят рисковать возможностью не быть переизбранными. И тем не менее порой они делают то, что считают правильным, и расплачиваются за последствия. Настойчивая поддержка Вудро Вильсоном Версальского договора, а Линдоном Джонсоном войны во Вьетнаме — два типичных примера. В то же самое время на определенную роль постоянно претендует и Конгресс. Пользуясь своим контролем над финансами и законодательством, он оказывал существенное влияние на внешнюю политику. Законы, подобные ленд-лизу или плану Маршалла для восстановления Европы после второй мировой войны, были связаны с огромными денежными ассигнованиями. Президент лишь предлагает, а Конгресс располагает.

Помимо прочего, на формирование американской внешней политики постоянно оказывают влияние и средства массовой информации, и деловые круги, и фермеры, и многое другое, и коль скоро несколько из этих групп со своими особыми интересами объединяют силы, то давление избирателей и общественности на президента может оказаться непреодолимым. Такая система приводит в смущение и ставит в тупик другие страны. То, что структурно строже организованные европейские государства воспринимают как "отсутствие всякой внешней политики", в действительности и есть внешняя политика, которая несет на себе печать общественного, бюрократического и группового давления. Этим объясняются смена позиций (противоречия?), публичные споры и сильное воздействие внутривнутриполитических проблем, но все это та цена, которую приходится платить демократии. Президенты пытаются с переменным успехом как-то влиять на этот процесс. История американской внешней политики в период второй мировой войны — во многом история усилий Франклина Рузвельта, направленных на формирование этой политики в соответствии с его собственными представлениями.

Для изложения всех перипетий внешней политики Соединенных Штатов во время второй мировой войны потребуются тома. Но, возможно, для ее понимания достаточно рассмотреть пять самостоятель-

ных тем, иллюстрирующих сложный и взаимоувязанный характер путей и методов выработки внешней политики. "Торжествующий национализм" периода между двумя мировыми войнами уступил место стратегии "сначала Германия". Такой подход получил всеобщее одобрение в Европе и породил мечты о продолжении после войны Большого союза, причем несмотря на то что это угрожало разделом сфер влияния, — концепция, которую американцы связывали с прочной европейской силовой политикой и войной. Продолжение коалиции военного времени также осложняли и, по-видимому, делали невозможным "колониальная проблематика" и "предвестники атомной военной мощи". Что бы ни представляла собой холодная война, силы, определившие ее природу и размах, оказались неподвластными трем великим державам.

Одна из главных внешнеполитических целей американцев — и руководителей, и широкой общественности — в период от окончания Парижской мирной конференции после первой мировой войны и до нападения Японии на Соединенные Штаты в Пёрл-Харборе в декабре 1941 г. состояла в том, чтобы избежать участия в еще одной "европейской войне". Вера, что США могут и должны держаться подальше от нее, основывалась на простых и упрощенных представлениях: 1) Атлантический океан как исходный географический фактор уверенности Америки надежно отделял ее от Европы (так называемый изоляционизм); 2) высокая степень самообеспеченности американской экономики позволяла ей функционировать вполне автономно; 3) разочарование американцев по поводу отказа Европы поддержать кампанию Вудро Вильсона после первой мировой войны, нацеленную на то, чтобы сделать мир "безопасным для демократии". В результате США решили предоставить европейцев самим себе.

Это вовсе не означает, что Соединенные Штаты никак не участвовали в международных делах. Американские дипломаты вели активные переговоры в Тихоокеанском регионе, в то же время давая понять, что Атлантический океан является не только географическим, но и психологическим барьером. Морское разоружение — любимая тема либеральных реформаторов, а также главный элемент стратегического баланса на Тихом океане — стало основным направлением внешней политики Соединенных Штатов¹. Но даже эту ведущую роль в Тихоокеанском регионе ограничивало нежелание, прежде всего Конгресса и общественности, объединить усилия с другими имеющими интересы в данном районе державами, которые, за исключением Японии, являлись главными европейскими государствами.

В то же самое время Соединенные Штаты играли активную, хотя и несколько противоречивую роль в мировой экономике, превратившись в 1920-е годы в основного экспортера капитала и одновременно продолжая повышать протекционистские тарифы. Должник Европы перед первой мировой войной, Соединенные Штаты превратились в гигантского кредитора. Тем временем сельскохозяйственный сектор, оберегая свои интересы, оказывал политическое давление, выступая против понижения таможенных пошлин, хотя число фермерских хозяйств постоянно сокращалось. Кроме того, партийная политика в сочетании с него-

дованием американской общественности по поводу, как казалось, неблагодарности европейцев воспрепятствовали разумному урегулированию военных долгов Великобритании и Франции Соединенным Штатам; со временем проблема приобрела эмоциональный оттенок и стала почти неразрешимой. Характер американской политической структуры — демократии, — обусловленной географическими факторами и различными интересами, затруднял и в период процветания 1920-х годов, и во время Великой депрессии выработку четкой внешнеэкономической политики.

Угроза нарушения статус-кво со стороны экспансионистской Японии, фашистской Италии и гитлеровской Германии, возникшая в 1930-е годы с началом кризиса, только усилила желание американцев искать в одиночку, а не совместно способы снижения международной напряженности. Японские военные акции в Маньчжурии, вооружение Германии, итальянское нападение на Эфиопию и иностранное вмешательство в гражданскую войну в Испании лишь укрепили американцев в стремлении избежать войны путем сокращения до минимума участия государства в международной политике.

В тесной взаимосвязи с вышесказанным в кризисные годы наблюдалась еще одна несообразность: тезис о заговоре экономических детерминистов как причине первой мировой войны. Утверждалось, что решение Америки вступить в войну — следствие манипуляции особых заинтересованных групп, которые стремились защитить свои инвестиции. Подобные предположения побудили Соединенные Штаты позаботиться о собственной безопасности; в результате в 1936 г. был принят закон о нейтралитете, который имел целью не допустить, чтобы банкиры и фабриканты оружия вновь вовлекли США в европейскую войну, как это, по мнению "изоляционистов" (националистов) в Конгрессе, случилось в 1917 г. Но подобные законы являлись фактически признанием, что европейские конфликты невозможно удержать вдали от берегов Америки. Соединенные Штаты могли только надеяться решить эти конфликты на собственных условиях.

В течение 1930-х годов постоянно ухудшались отношения с экспансионистской Японией. В связи с оккупацией японцами в 1931 г. Маньчжурии появилась на свет так называемая доктрина невмешательства Стимсона, согласно которой не признавались "государства", созданные с помощью военной силы. Затем в 1937 г. Япония напала на Китай. Традиционные прокитайские симпатии американцев определили тональность протестов США. В июле 1939 г. Государственный департамент объявил, что заключенный в 1911 г. торговый договор с Японией продлеваться не будет. Государственный секретарь Корделл Хэлл особо подчеркнул, что эта акция не означает немедленных перемен, а только желание приобрести известную гибкость; однако истинное значение подобного шага было совершенно ясно — с этого момента Соединенные Штаты станут использовать экономическое давление для поддержки своего дипломатического представительства в Токио. "Любопытная вещь, — размышлял один из сотрудников Государственного департамента, — что Соединенные Штаты, которые шарахаются прочь как

испуганный кролик даже при незначительном соприкосновении с Европой, охотно предпринимают шаги, которые могут вполне реально привести к настоящей дальневосточной войне"².

Хэлл при поддержке Рузвельта с энтузиазмом отстаивал идею экономического "либерализма" — собственную версию британских принципов свободной торговли XIX столетия — и пытался подтолкнуть в этом направлении как иностранные государства, так и сторонников Нового курса. Даже после начала войны в Европе в сентябре 1939 г. Хэлл старался убедить японцев в ошибочности избранного ими пути, обещая, что с окончанием войны в международной торговле наступит золотая эра. Японский посол адмирал Номура совершенно верно заметил, что Хэлла не интересуют конкретные японские действия в Китае, "он думает о реорганизации экономической ситуации в мире после завершения войны..." Сам государственный секретарь заявил: "Все это время я боролся с преференциальной системой Британской империи... и сейчас мы обсуждаем этот вопрос с Англией. Я прошу никому не говорить об этом, но знаете ли вы, что в последнее время Великобритания начинает разделять мою точку зрения". Одним из результатов войны, сказал в заключение Хэлл, будет возвращение и Германии, и Великобритании к золотому стандарту и "всеохватывающие" многосторонние торговые отношения. Странно выглядели эти откровения с потенциальным противником накануне войны, но они прочно отражали сдвиг в мышлении Вашингтона в тот момент, когда нация освобождалась от иллюзий нейтралитета, становилась на путь вмешательства и старалась смотреть в будущее³.

Хотя Рузвельт и поздравил премьер-министра Невилла Чемберлена в связи с итогами Мюнхенской конференции 1938 г., которая помогла сохранить мир в Европе за счет Чехословакии, ни он, ни другие американские лидеры не испытывали радости по поводу случившегося, и они не верили, что мирный период будет продолжительным. Главные европейские противники Гитлера — Франция, Великобритания и Советский Союз — не сумели сдержать немецкой агрессии. Боязнь военного захвата, социальных волнений у себя дома и по всей Европе побудили Великобританию и Францию пойти на умиротворение Германии. В августе 1939 г. Советский Союз осуществил свой вариант умиротворения, подписав с Гитлером пакт о ненападении. Через несколько дней в Европе началась война.

В конце весны 1939 г. Конгресс США, помня о сопротивлении населения всякому участию в европейской войне, отказался изменить законодательство о нейтралитете, что должно было бы позволить продажу воюющим сторонам военной техники и снаряжения и их оплату наличными. Но объявление Францией и Англией войны Германии изменило ситуацию, и американцы с этого момента в течение двух лет пытались предотвратить победу Германии, не вступая непосредственно в войну. В ноябре 1939 г. законы о нейтралитете модифицировали, предоставив президенту больше прав и позволив деловым кругам продажу участникам войны товаров и изделий невоенного назначения за наличность и

при условии их вывоза на суда заказчиков. Таким путем были обеспечены прибыли и некоторое политическое влияние при сохранении видимости нейтралитета — классический пример демократической дипломатии.

В то же самое время Рузвельт старался обезопасить фланги, налаживая дружеские отношения с латиноамериканскими государствами. Еще раньше он начал проводить свою политику добрососедства и объявил об отказе Соединенных Штатов от права силой вмешиваться во внутренние дела других стран Западного полушария. По мере того как тучи войны сгущались над Европой, страх перед немецко-итальянской подрывной деятельностью (перед "пятой колонной") заставил президента поручить послам урегулировать все давние споры и разногласия. Наиболее глубокими они были с Мексикой из-за национализации американской собственности (главным образом это касалось шахт, домашнего скота и интересов в нефтяной промышленности). К началу войны отношения США со странами Латинской Америки значительно улучшились, хотя Вашингтон продолжало беспокоить немецкое влияние в Бразилии, Чили и Аргентине.

Когда Гитлер вторгся в Нидерланды, Бельгию, Люксембург и Францию, американские лидеры (как и руководители Советского Союза) полагали, что история повторится и военные действия будут вестись в стиле первой мировой войны, т.е. из окопов, оставляя им достаточно времени для соответствующей реакции на развивающиеся события. Но капитуляция Франции в июне 1940 г. и эвакуация британских войск с континента разбили в пух и прах эти надежды. Англичанам, ожидавшим неизбежного немецкого вторжения еще до наступления зимы, реакция Рузвельта представлялась слишком замедленной, но большинству американцев чересчур скорой. Президент принял меры, чтобы увеличить военное производство и дать возможность Великобритании закупить все, что ей по карману. Но этого оказалось недостаточно.

Британскому премьер-министру Уинстону Черчиллю необходим был какой-то красноречивый жест, который не только помог бы в военном отношении, но и способствовал бы укреплению английской морали. Он знал, что пока нацистско-советский пакт продолжал оставаться в силе, единственная реальная надежда Великобритании на выживание была связана с Соединенными Штатами. Его просьбы в конце концов увенчались успехом, и в середине лета 1940 г. Рузвельт санкционировал передачу ряда боевых кораблей (эсминцев, построенных в годы первой мировой войны) Великобритании, которая, в свою очередь, по неофициальному соглашению предоставила США в аренду некоторое число своих находящихся в Западном полушарии военных баз. Эти корабли почти не сыграли никакой роли в решающей и жестокой войне с немецкими подводными лодками в Атлантике, однако имидж взаимной поддержки приободрил англичан и еще больше приблизил Америку к тому, что один из составителей речей для Рузвельта назвал "неузаконенным браком".

Но и в этих условиях, несмотря на демонстрацию солидарности странами "оси", которая проявилась в подписании Тройственного пакта

между Германией, Италией и Японией, президент Рузвельт сделал реверанс в сторону "изоляционистов", пообещав во время предвыборной кампании, что "американские парни никогда не будут направлены участвовать в чужих войнах". Обязательство помогло президенту при избрании на третий срок, отразив также и его надежду на то, что участие Америки может ограничиться боевыми кораблями и самолетами.

В декабре 1940 г. Черчилль предупредил, что финансовые ресурсы Великобритании почти на исходе, и, поскольку выборы уже состоялись, Рузвельт взял на себя инициативу и объявил о программе ленд-лиза, которая, по его словам, сделает Соединенные Штаты "арсеналом демократии". Военные материалы, оплаченные США, должны были предоставляться тем странам, которым президент считал нужным помочь. Закон, принятый в Конгрессе значительным большинством, позволил Рузвельту уклоняться от прямой конфронтации по вопросу вступления в войну, поскольку зафиксированная в нем главная цель сводилась к тому, чтобы "способствовать обороне Соединенных Штатов"⁴. Президент получил также возможность избежать чреватых неприятностями военных долгов, ибо закон наделял его правом по своему усмотрению устанавливать (или не устанавливать) условия оплаты.

Ленд-лиз означал фактическое объявление Германии экономической войны, но этого было мало, чтобы хотя бы сдержать Гитлера. Какая могла быть польза от ленд-лиза, если германские подводные лодки сеяли смерть и разрушения на трансатлантических коммуникациях? Даже в условиях, когда англичане получили доступ к немецкому военному шифру (кодовое название "Ультра"), потери торговых судов были огромны. Таким образом, уже летом 1941 г. Соединенные Штаты медленно, но верно втягивались в подлинную борьбу. Боевые корабли США начали эскортировать американские транспортные суда; американские войска взяли на себя оборону Исландии и Гренландии (продвинув границы Западного полушария довольно далеко на восток); правительство заморозило немецкие и итальянские активы.

С решением Японии присоединиться в Тройственном пакту, несмотря на "сигналы" из Вашингтона, завершилась расстановка политических сил. Заключенный странами "оси" пакт усилил угрозу войны, но он же помог оправдать сопротивление японским поползновениям в Юго-Восточной Азии. Каковыми бы ни были амбиции Японии, ее альянс с Гитлером имел решающее значение и для сплочения американского народа, и для определения войны как борьбы либеральной и демократической политики и экономики со всемирным "фашистским" блоком. В условиях серьезного изменения, которое содержание понятия *либерализм* претерпело в Америке в годы Нового курса (то же самое произойдет и в послевоенной Европе), и сторонники, и противники этого курса полагали, что степень государственного вмешательства в международный и внутринациональный экономический порядок в будущем во многом будет зависеть от исхода борьбы с автократическими государствами: Германией, Японией и Италией⁵.

Таким образом, когда Соединенные Штаты в апреле 1941 г. попытались вести с Японией "переговоры", Корделл Хэлл потребовал от

другой стороны заверений, что Токио остановит свое продвижение в Юго-Восточной Азии, согласится с экономическими и политическими принципами "открытых дверей" (американская традиционная политика предоставления равных прав всем государствам в Китае) и отречется от всяких обязательств по отношению к Германии и Италии в случае, если Америка окажется втянутой в европейскую войну. После нападения Германии на Советский Союз в июне 1941 г. Вашингтон пожелал также, чтобы Япония обязалась не наносить удар на севере по советскому Дальнему Востоку⁶.

К середине 1941 г. Соединенные Штаты применили к Японии целый ряд экономических санкций, однако добавление в июле к этому перечню еще и нефти вынудило Токио сделать трудный выбор. Начавшаяся 22 июня война между Германией и Советским Союзом открывала возможность захватить территорию в Восточной Сибири, однако природные ресурсы, в которых так нуждались японские военные, находились в Юго-Восточной Азии, контролируемой европейскими колониальными странами. Более того, именно США, а не СССР угрожали блокировать японские планы в Китае. Поэтому японское руководство решило двигаться на юг в направлении Индокитая и Ост-Индии.

Соединенные Штаты не могли примириться с господством Японии в Восточной Азии. Япония же, в свою очередь, не соглашалась на меньшее. Для обоих государств конфронтация явилась следствием опасной комбинации из интересов и эмоций, имперских амбиций и национализма. Никакая третья сторона не могла фигурировать в качестве посредника, и без драматических перемен в ситуации война стала неизбежной. Оставалось лишь определить место и время.

В действительности место и даже приблизительное время были обозначены уже в сентябре 1941 г. Японцы приняли план, предусматривавший нападение на тихоокеанский флот США, в то время базировавшийся в Пёрл-Харборе. Япония, осознавая размеры Америки и ее потенциальную мощь, надеялась повторить то, что удалось 40 лет назад в войне против России. Если, мол, американский флот будет уничтожен и японские военные цели в юго-западной части Тихого океана реализованы, то Соединенные Штаты могут прийти к выводу, что дальнейшая война с Японией — слишком дорогостоящее предприятие, и начать переговоры на японских условиях, особенно учитывая озабоченность Америки событиями в Европе.

Логика подобных рассуждений привела к воздушному нападению 7 декабря 1941 г. японской авиации на Пёрл-Харбор, расположенный на Гавайских островах. Предприняв смелый рейд на расстояние в 3800 миль (6200 км, дистанция, равная расстоянию от Лондона до Вашингтона или от Москвы до мыса Дежнева) и использовав благоприятные обстоятельства (прежде всего, сплошная облачность обеспечила хорошую маскировку), японские самолеты с большой точностью вышли на цель и причинили американскому флоту огромные потери. Было потоплено 8 линейных кораблей, значительное число других военных кораблей потоплено или повреждено, убито более 2400 американцев. Разведке США до этого удалось разгадать японский дипломатический

шифр, но сообщения содержали только информацию о неудавшихся переговорах. Руководство США, опасавшееся продвижения японцев в Юго-Восточную Азию и даже нападения на свою колонию — Филиппины, было застигнуто врасплох⁷.

Объявление Германией 11 декабря 1941 г. без всякого видимого повода войны Соединенным Штатам предоставило Рузвельту полную свободу действий, и он ответил на Пёрл-Харбор решением сначала нанести поражение Гитлеру⁸. Какими бы соображениями президент ни руководствовался, он тем самым сохранил англо-американский альянс и сделал возможной советско-англо-американскую коалицию против Германии и Италии, заверив Черчилля, посетившего Вашингтон, что США по-прежнему руководствуются в своей политике принципом "Германия сначала".

В англо-американской реакции на нападение Германии 22 июня 1941 г. на Советский Союз (операция "Барбаросса") сочетались скептицизм с молитвенной надеждой. Военные советники докладывали Черчиллю и Рузвельту, что СССР не выдержит натиска, что Москва падет еще до зимы и что всякая помощь была бы пустой тратой ресурсов. Но оба лидера не исключали возможности, что Советский Союз все-таки устоит или, по крайней мере, заставит немцев понести большие потери, и высказались за предоставление помощи. Ведь в конце концов, заявил Черчилль, "Гитлер наш враг, которого мы должны одолеть". Сталин ответил просьбами относительно военной техники, снаряжения и открытия второго фронта, который мог бы оттянуть значительное число немецких войск с Востока. Черчилль, который испытывал недоверие к большевикам, пессимистически оценивал советские шансы и был озабочен опасным положением самой Великобритании, отверг всякую возможность вторжения через Ла-Манш и отложил отправку военной помощи.

Рузвельт, опираясь на факты, собранные его ближайшим помощником Гарри Гопкинсом в Лондоне и Москве, предпринял шаги, чтобы выполнить свое обещание. На Атлантической конференции в августе он и Черчилль договорились послать в Москву специальную снабженческую миссию, а в ноябре 1941 г. президент распространил действие закона о ленд-лизе и на Советский Союз. Программа помощи России преследовала, с точки зрения Рузвельта, и определенные политические цели, содействуя развитию доброжелательных отношений с этой страной; и программа хорошо справилась со своей задачей. Однако проблема второго фронта будет до конца войны вносить раздор в отношения союзников и одолевать историков еще многие десятилетия⁹.

После вступления в войну Соединенных Штатов и СССР на внешнеполитическом ландшафте в 1942 г. доминировала трехсторонняя дипломатия. Внимание политических деятелей было сосредоточено на выработке большой стратегии или, скорее, на попытках ее формирования. Но американская дипломатия не отказалась и от своих собственных, национальных целей. В Лондоне и Вашингтоне опасались, что Россия пойдет на сепаратный мир с Германией и это не только продлит войну, но и лишит Соединенные Штаты возможности добиться полной

(т.е. безоговорочной) победы и реализовать свои общие военные цели. Одного "сдерживания" Германии было недостаточно для перестройки мира на либерально-демократических основах.

Рузвельт прекрасно понимал, что его туманное предложение о полном партнерстве при создании того послевоенного порядка, который ему виделся, не удовлетворит Иосифа Сталина. Реагируя на подобные высказывания, русские дипломаты обычно со своей стороны в качестве ответного хода заявляли, что задержка с открытием второго фронта в 1942 г. может окончиться тем, что Западу придется принять на себя главный удар армий Гитлера. Они не говорили, что Россия выйдет из войны, но, намекая на возможность развала Восточного фронта, добились желаемых результатов. Достаточно ли прояснилась ситуация, "чтобы можно было сказать мистеру Сталину, что мы уже готовим второй фронт?" — спросил Рузвельт генерала Джорджа Маршалла, когда советский народный комиссар иностранных дел В.М.Молотов в мае 1942 г. прибыл в Вашингтон. "Да", — гласил ответ. "И тогда президент попросил мистера Молотова информировать мистера Сталина о том, что мы предполагаем создать второй фронт уже в этом году"¹⁰.

Маршалл сразу же попытался несколько ослабить взятое президентом обязательство, указывая на необходимость преодоления серьезных проблем с транспортировкой. У него ничего не вышло. Рузвельт сказал даже не о "подготовке" второго фронта, а о его "создании... уже в этом году"¹¹. А Молотов на встрече, состоявшейся на следующий день, вынудил повторить обещание. Когда Рузвельт заметил, что второй фронт в ближайшее время может означать сокращение морских поставок по ленд-лизу в Россию, то Молотов ответил, что второму фронту только пойдет на пользу, если грузы будут регулярно поступать, и далее "с преднамеренным сарказмом" поинтересовался, что произойдет, если русские согласятся на сокращение поставок, а второго фронта так и не будет. Проявляя настойчивость, он затем прямо спросил: "Каков ответ президента относительно второго фронта?" И Рузвельт, спрошенный в такой манере, был вынужден ответить: "Мы рассчитываем создать второй фронт"¹².

Поверили ли Молотов и Сталин заверениям президента США или нет, не имеет значения — Рузвельт не мог делать одновременно две взаимоисключающие вещи. Он был не в состоянии ослабить советскую подозрительность и в то же время сохранить полный контроль над мирным процессом. Реакция Рузвельта на советскую дипломатию обнаруживала его пристрастие откладывать долговременные решения, если они не способствовали реализации его представлений о послевоенном устройстве мира. Сталин стремился, чтобы англичане и американцы признали границы, обозначенные в советско-германском пакте. Англичане не отказывались обсудить проблему, но Рузвельт был категорически против того, чтобы заниматься территориальными вопросами в самый разгар войны; отчасти потому, что подобные договоренности уже доставили Вильсону немало неприятностей, но главным образом потому, что он надеялся сконструировать здание мира в соответствии с соб-

ственными общими концепциями. Между тем в 1942 г. еще было невозможно знать, как воплотить эти идеалы в жизнь.

Во всяком случае, Рузвельт неизменно уклонялся от конкретного обещания начать вторжение уже в 1942 г. Но ничто не мешало Молотову предположить, что президент имел в виду именно этот год, хотя это произошло только в июне 1944 г., и споры вокруг нарушенных обязательств постоянно обременяли дипломатию военного времени и доставляли много хлопот историкам. Отдельные американские политики с такой же подозрительностью, как и Советский Союз, воспринимали побудительные мотивы Британии, и они поспешили возложить вину за задержку открытия второго фронта в 1942 г. на Черчилля, однако истина в том, что ни британские, ни американские войска в тот год не были готовы к подобной операции.

Беседа Рузвельта и Молотова лишь усугубила недоверие между союзниками (в этом ее главное значение), тем более что через несколько месяцев американцы как будто согласились с "британской периферийной стратегией" победы над Гитлером, которая предусматривала в первую очередь обеспечение безопасности империи путем вторжения в Северную Африку¹³. Рузвельту приходилось считаться и с теми из своих ближайших политических и военных советников, которых до такой степени раздражала кажущаяся неспособность президента отойти от стратегических конструкций Черчилля, что они даже поговаривали о перемене стратегии США и выдвигании на первый план войны в Тихом океане. Только в 1943 г. американским специалистам военного планирования удалось заручиться твердыми обязательствами относительно второго фронта в Европе.

Данное обязательство, устанавливавшее дату вторжения в Западную Францию, было зафиксировано на так называемой конференции "Трайден" в Вашингтоне в мае 1943 г. Независимо от стратегического значения договоренностей, они поведали об изменении расстановки сил в англо-американском альянсе. Черчилль и его военные руководители уже не могли больше навязывать свои идеи войны с Германией на истощение. Американская экономическая и военная мощь обрела господствующее положение, а это означало ведение войны уже на американских условиях.

Как обстояло дело с пушками, так и с политикой. Следующая поездка Черчилля — третья — в Вашингтон была совершена на американских условиях; ответного визита Рузвельта в Лондон не последовало. Переговоры касались только военных проблем, но в основе всех главных решений лежали политические соображения. Просьбы англичан об интенсификации итальянской кампании не только противоречили стремлению американцев ускорить вторжение в Западную Францию, но угрожали связать Соединенные Штаты с регионом Средиземного моря, куда Рузвельт не имел намерения вмешиваться после окончания войны. Его приоритетной целью оставалась Германия. Лишь доводы англичан, что прекращение итальянской кампании сократит активную англо-американскую помощь СССР почти на целый год, побудили под-

держат планы развития наступления вслед за ожидаемым захватом Сицилии.

Вторжение в Нормандию в июне 1944 г. явилось фоном для дальнейшего политического курса США. Американцы вновь вернулись в континентальную Европу, приобретя реальные и психологические рычаги. И все-таки Франклин Рузвельт постоянно предупреждал своих партнеров по коалиции, что военное присутствие Соединенных Штатов в Европе не продлится более двух лет по окончании войны, а быть может, и значительно меньше¹⁴. Вместе со многими американцами своего поколения (а также англичанами и русскими) он не любил немцев и не доверял им. Сомнений не было: немцев следовало приструнить, но весь вопрос состоял в том, как это сделать?

Ответ нашелся, когда министр финансов Генри Моргентау, узнав о планах армии США восстановить Германию в таком виде, чтобы уменьшить затраты и трудности, связанные с послевоенной оккупацией, в сердцах обратился к Рузвельту. Между прочим, эти планы совпадали со схемой Государственного департамента, который имел в виду реинтеграцию Германии в европейскую экономику. Практически все планы предусматривали денацификацию, демилитаризацию и расчленение Германии; между тем призыв Моргентау еще и к деиндустриализации представлял собой долговременную программу перевоспитания зараженного "пруссачеством" немецкого населения путем возвращения его к сельскому образу жизни. Какой бы абсурдной ни казалась эта мысль, она содержала определенные практические аспекты.

Не представляющая опасности Германия позволила бы быстро вывести американские войска и избежать участия в послевоенных политических дрязгах, которые Рузвельт предвидел во Франции. Ликвидация немецкой промышленности открыла бы Великобритании новые рынки — веский аргумент, который помог убедить Черчилля принять этот план на конференции в Квебеке в сентябре 1944 г. Превращение Германии в страну мелких фермеров исключило бы всякие споры о репарациях, которые имели место после первой мировой войны. Но более всего увлекала возможность для своего рода социального эксперимента, который буквально зачаровал сторонников Нового курса Рузвельта. Посвятили в эти планы и Сталина, однако протесты, раздававшиеся как внутри самой администрации, так и за ее пределами, вынудили президента все-таки отказаться от идеи аграризации Германии¹⁵.

Ялтинская конференция в феврале 1945 г. в последний раз собрала вместе Рузвельта, Сталина и Черчилля. Президент изо всех сил старался создать атмосферу согласия по германской проблеме, однако без всякого успеха, и важные вопросы, касавшиеся репараций и послевоенных границ, были вновь отложены. На конференции в Потсдаме в июле того же года после многодневных дискуссий союзники договорились получить львиную долю репараций в своих оккупационных зонах и выработали специальные правила межзональной транспортировки других грузов. Через несколько месяцев эта договоренность перестала действовать, причем обе стороны возложили вину друг на друга. Советские требования репараций заставили Трумэна выбирать между твердым

контролем над западной зоной и совместным контролем над всей Германией. Он остановился на первом варианте, предопределив раздел Европы на четкие сферы влияния, чего Рузвельт старался избежать. В то же время американцы пришли к заключению, что расчленение Германии лишь дестабилизирует ситуацию в Европе, и Сталин может оказаться лицом к лицу с объединенной, антисоветски настроенной Германией. Реакция Москвы была вполне предсказуемой, хотя и довольно грубой.

Разногласия относительно форм правления в освобожденной Восточной Европе явились первыми признаками того, что Большой союз не удался, но начальные этапы холодной войны были напрямую связаны с неспособностью разрешить германский вопрос. В военной стратегии союзников Германия занимала первое место, после же войны политическая реальность оказалась такова, что решение германской проблемы отложили на будущее.

Зачатки Большого союза — как Черчилль называл коалицию военного времени — появились, когда англичане и американцы пришли к единодушному мнению, что Гитлера нужно остановить; нападение немцев на Советский Союз сделало альянс вероятным, а после советской победы под Москвой и вступления Соединенных Штатов в войну, последовавшего за Пёрл-Харбором, он стал реальностью. Однако прежде всего его корни кроются в смутной надежде, что сотрудничество военных лет перерастет в гармонию мирного времени. Каждый из трех главных лидеров когда-нибудь да упоминал об этом, однако неизменно выдвигая условия, благоприятствующие интересам собственного государства. Черчилль маневрировал, чтобы сохранить Британскую империю и обеспечить Великобритании статус великой державы; Сталин добивался территориальных приобретений и безопасности для своего режима; Рузвельт, исходя из превосходства американских институтов управления, старался распахнуть двери для распространения этой системы по всему миру. Несмотря на различие целей, Большая тройка предпринимала немалые, хотя и безуспешные усилия в стремлении перенести взаимодействие военного периода в послевоенный мир. Франклин Рузвельт был твердо убежден, что только соблюдение законных интересов великих держав поможет в будущем избежать мировых войн.

Надежды на сотрудничество во время и после войны появились еще в августе 1941 г., когда Черчилль и Рузвельт встретились в первый раз за годы войны. Проведенная на борту военного корабля, бросившего якорь в заливе Пласенция у юго-восточного побережья острова Ньюфаундленд, встреча оказалась экстраординарным событием. Рузвельт и Черчилль сразу же нашли общий язык, установили хорошие личные отношения, которые играли решающую роль в большой стратегии времен войны. Оба согласились, чтобы их военные руководители работали в тесном контакте друг с другом, сведя тем самым до минимума ту напряженность, которая отличала некоторые аспекты отношений с Советским Союзом. По словам Черчилля, Рузвельт пообещал (скорее все-

го намекнул), что постарается найти предлог принять участие в войне против Германии¹⁶.

Наиболее разрекламированным результатом встречи стала Атлантическая хартия. Что бы она ни означала для Черчилля, для Рузвельта это было заявление о том, как война будет способствовать делу реформ. Президент заметил, что "если наступит война, мы превратим ее в войну за Новый курс", и хартия являлась шагом в этом направлении¹⁷. Сформулированные довольно туманно положения содержали перечень общих задач войны и мира, которые должны были преобразовать в послевоенный период мировое сообщество. Самоуправление сменит колониализм. Все народы будут иметь равный доступ к мировым рынкам и источникам сырья (политика "открытых дверей") и работать вместе, чтобы улучшить условия труда, способствовать экономическому прогрессу и социальному обеспечению. И наконец, они создадут постоянно действующую систему общей безопасности, в которой отказ от применения силы и разоружение станут главными принципами¹⁸. Рузвельт говорил о "полной экономической, торговой и пограничной свободе", хотя предупредил, что "Америке и Англии придется заботиться о поддержании мира". Он никогда потом не отказывался от этих слов, даже когда считал необходимыми краткосрочные компромиссы и долговременные корректировки¹⁹.

Когда советский нарком иностранных дел Молотов в мае 1942 г. прибыл в Вашингтон, то Рузвельт предпринял первые серьезные шаги для привлечения Советского Союза к формированию послевоенного мирового порядка. Как президент заявил Молотову, по его мнению, Советскому Союзу следует вместе с Великобританией и Соединенными Штатами образовать нечто вроде консорциума великих держав, который займется важными проблемами побежденных держав "оси". Но одновременно имелось в виду, что каждый из участников будет иметь и известные региональные обязательства, связанные со стратегическими областями земного шара, над которыми предполагается установить международную опеку.

Ни один американский политик еще не говорил таким языком с каким-либо представителем Советского Союза. Однако Молотов не очень-то откликнулся на подобную инициативу. Он прибыл в Вашингтон совсем с другими целями. Сталин считал, что рассуждения Рузвельта — слишком высокая материя, а ему нужно было договориться о более земных делах; прежде всего, о числе дивизий, которые Соединенные Штаты и Великобритания собираются выделить для открытия в 1942 г. второго фронта в Европе.

Возможно, Сталин не верил заявлениям союзников, особенно Великобритании, относительно трудностей с созданием второго фронта, но он, безусловно, сыграл на страхе перед сепаратным миром на Востоке, чтобы потребовать признания русских послевоенных претензий в Восточной Европе. Еще в декабре 1941 г. Сталин стремился привлечь своих союзников к выработке общих контуров дипломатического урегулирования в послевоенной Европе. На данном этапе русский лидер имел гораздо более точные представления о европейском послевоенном уст-

ройстве, чем Рузвельт когда-либо имел относительно решения вопросов колониализма. Учитывая характер войны и природу Большого союза, трудно было ожидать чего-либо другого. Россия была всецело поглощена борьбой с Германией и необходимостью обороняться на фронтах огромной протяженности. Перед Рузвельтом стояла сложнейшая задача: как-то примирить мечту американцев о либеральном и демократическом мире с реальным мировым сообществом, в котором не все готовы принять американские принципы.

Черчилль и Рузвельт отказались рассматривать первоначальную инициативу Сталина относительно определения "сфер влияния". Тогда Сталин попытался возобновить предложение в форме "или... или", а именно: западные союзники или соглашаются открыть второй фронт в 1942 г., или подписывают договор о разделе сфер влияния. Перечень государств, подпадавших под действие такого договора, начинался со стран Прибалтики, однако предварительные англо-русские переговоры показали, что Сталин желал бы получить свободу рук при определении и границ Польши²⁰.

Понимал или нет советский лидер, что Великобритания в тот момент была действительно не в состоянии осуществить форсирование Ла-Манша, он, видимо, пришел к заключению, что может по крайней мере приобрести некоторые дипломатические преимущества. Как бы там ни было, но англо-русские дискуссии привлекли внимание американских политиков, которым они пришлось совсем не по душе. Помимо решения судьбы отдельных государств, создавался прецедент: если сферы влияния будут зафиксированы в официальном англо-русском договоре, они, без всякого сомнения, станут главным пунктом всех послевоенных переговоров, и мир вновь окажется ввергнут в хаос довоенного десятилетия. В Вашингтоне преобладало чувство, что "если мы свяжем себя хотя бы одним обязательством относительно условий мира, то утратим всякую возможность действовать как свободные посредники... показателем нашей веры в Россию является передача ей товаров, которые мы обещали... Тем временем Сталин попытался ускорить ход вещей, намекая на возможность заключения договора с Германией"²¹.

Именно на этом тревожном фоне Рузвельт попросил Молотова прервать лондонские переговоры относительно договора об англо-русском союзе с его одиозными положениями и приехать в Вашингтон, чтобы выслушать альтернативное предложение, касающееся военных акций. Британские политики приветствовали это вмешательство, хотя результаты деятельности Молотова в американской столице не доставили им большой радости.

Переговоры Черчилля и Рузвельта в январе 1943 г. в экзотической атмосфере Касабланки, на Атлантическом побережье Марокко, касались военных решений, однако всегда, когда кто-то из Большой тройки встречался друг с другом, политика постоянно незримо при этом присутствовала. Сталин отклонил предложение принять участие в переговорах, упустив возможность напомнить о необходимости открытия второго фронта в 1943 г. и облегчив создание представления об англо-амер-

риканском кондоминиуме. Между тем эта иллюзия не могла сохраняться долго, поскольку американцы проводили свою собственную линию. Рузвельт неожиданно для Черчилля объявил во всеуслышание о том, что они договорились в частной беседе добиваться безоговорочной капитуляции стран "оси". Инициатива Рузвельта была рассчитана на то, чтобы успокоить американских либералов и рассеять страхи Сталина относительно сепаратного мира на Западе. Но что еще важнее — подобная политика позволяла отложить решения по конкретным вопросам послевоенного урегулирования до окончания войны, когда военный и экономический потенциал США раскроется в полную силу²².

Наибольший накал страстей вызвал вопрос об отношениях с Советским Союзом после войны, хотя здесь оставалось много неясного. Военная мощь СССР постоянно возрастала. За победой под Москвой последовало зимнее (1942/43 г.) наступление, в ходе которого русские вытеснили немцев с Кавказа, отогнали от Сталинграда и стабилизировали фронт. Все было готово к разгрому под Курском летом 1943 г., который открыл тяжелую, но верную дорогу на Берлин. Чувствуя перемены, Рузвельт с удвоенной энергией принялся убеждать Сталина в том, что они могут работать вместе как в период войны, так и в послевоенном мире. Он старался разрушить план Великобритании — действовать в качестве посредника между США и СССР — и предложил Сталину встретиться в частном порядке; позднее он неловко солгал Черчиллю, уверяя, что идея родилась в Москве.

Весной 1943 г., когда британский министр иностранных дел Антони Иден посетил Вашингтон, Рузвельт в общих чертах обрисовал ему свое видение послевоенного устройства мира. Великие державы — в Большую четверку он тогда включил и Китай — выступят "полицейскими" на мировой арене. Такой подход требовал ответа на два вопроса: какими методами они будут выполнять свои обязанности и кто будет надзирать за надзирателями? Ответы Рузвельта наглядно продемонстрировали тот туго натянутый канат, на котором он пытался балансировать. Каким-то образом Большая четверка возьмет на себя ответственность за конкретные регионы, в то же время не допуская, чтобы они превратились в прежние исключительные сферы влияния. Кроме того, великие державы, и особенно Советский Союз, должны быть уверены, что их безопасность и жизненные интересы будут гарантированы. Поддержание порядка будет осуществляться по регионам; преобладающей формой отношений станет взаимовыгодное сотрудничество. "Семейный круг" — так называл позднее это образование Рузвельт — "тесно взаимодействовал бы не только в период войны, но и сохранил бы прочные связи на многие поколения в будущем"²³.

Осенью президент направил Корделла Хэлла в Москву на встречу министров иностранных дел трех союзных стран. Какие бы ни были у государственного секретаря расхождения с президентом, он успешно отстаивал концепцию Рузвельта относительно устройства мирового сообщества, защищаясь от попыток англичан или воссоздать так называемый санитарный кордон, или же втянуть США в обсуждение деталей и запутанных вопросов политического урегулирования в Восточной Ев-

ропе. Первая конференция Большой тройки, проходившая в конце ноября — начале декабря в иранской столице Тегеране, стала идеальной стартовой площадкой для кампании Рузвельта за создание послевоенной реформированной международной системы.

Переговоры в Тегеране, их пролог и эпилог, — в частности две встречи в Каире с участием Рузвельта, Черчилля и китайского лидера Чан Кайши, — предоставили Рузвельту чрезвычайно заманчивую возможность придать миру желаемую конфигурацию. Убедить Черчилля и Сталина принять идеи, которые еще сам Рузвельт не продумал до конца, было непросто. Практическая реализация концепции "четырёх полицейских", создающих атмосферу взаимного доверия и безопасности, представляла собой задачу, которая привела бы в отчаяние самого Соломона. Независимо от советских амбиций, миролюбивая Польша, видимо, являлась неперемнным условием послевоенного мира. Более того, осталась общая проблема советских государственных границ.

Президент был твердо убежден в том, что только сотрудничество великих держав может помочь избежать проблем, которые одолевали Лигу наций Вудро Вильсона. В то же время Рузвельт и его советники неоднократно заявляли о своем неприятии идеи сфер влияния, и они действительно так думали, хотя Черчилль полагал, что американские возражения — всего лишь пустая фраза, и советовал Сталину не употреблять этого выражения, чтобы не "шокировать" американцев²⁴.

На конференции в Бреттон-Вудсе (проходила в Нью-Гемпшире, чтобы уберечься от июльской жары в Вашингтоне) имелось в виду создать всеобъемлющую международную валютную систему. Предполагалось отказаться от всякого контроля над валютой и от двусторонних соглашений об обменном курсе, которые ограничивали денежные расчеты и препятствовали либерализации торговли. Банк реконструкции и развития Объединенных Наций учредит "стабилизационный" фонд, который будет смягчать слишком резкие колебания валютного курса. Английский экономист Джон Майнард Кейнс представил свою блестящую, хотя и несколько необычную альтернативную схему, однако американцы настояли на своем плане, который на последующие 25 лет превратил доллар США в международное платежное средство. Выступая на конференции, Рузвельт со всей откровенностью заявил: "Коммерция — источник жизненной силы, кровь свободного общества. И мы должны позаботиться о том, чтобы артерии вновь не оказались закупоренными"²⁵. Выделяя коммерцию в качестве предпосылки *свободного* общества, Рузвельт еще раз продемонстрировал свои либеральные убеждения, а также определил средства претворения их в жизнь.

Предстояло еще уточнить весьма расплывчатые обязательства по отношению к международной организации, изложенные в Атлантической хартии и неоднократно упоминавшиеся впоследствии. Прелестная вилла в Думбартон-Оксе (район Джорджтаун в Вашингтоне), уютная даже в августовскую и сентябрьскую жару, стала тем местом, где американцы взяли на себя определенные обязательства и назвали пути достижения поставленных целей. Как и в Бреттон-Вудсе, Большая тройка оставила проработку деталей своим сотрудникам, хотя эксперты

столкнулись с проблемами, которые только их высшие руководители могли разрешить. Не исключено, что разногласия относительно права вето (например, допустимо ли использовать его для запрета на обсуждение вопроса, который затрагивает одну из великих держав?), проблемы "X" (дополнительного членства для ряда Советских Республик) или регионализма можно было бы тут же уладить, не позволяя им затягиваться и создавать напряженность. Однако всем этим решениям пришлось ждать встречи Большой тройки в Ялте. Более того, американские представители не совсем правильно поняли концепцию Рузвельта, поскольку он сам ее не очень ясно изложил.

План президента предусматривал Организацию Объединенных Наций, в которой ведущая роль принадлежала бы великим державам. Он сумел добиться поддержки у себя в стране идеи американского членства, теперь предстояло убедить остальные страны в необходимости действовать сообща. Их разоружение только уменьшило бы напряжение, а ООН обеспечила бы форум, где они смогли бы, как выразился Рузвельт, выпускать пар. Однако ООН составляла лишь незначительную часть рузвельтовского грандиозного замысла, ибо, по его мнению, руководить всем и вся должны были великие державы. Опасность крылась в возможности перехода их правления в форму исключительных сфер влияния; именно такой вариант имел в виду Черчилль, когда предлагал разместить региональный совет для Европы в Лондоне, и именно такую участь уготовил Сталин Восточной Европе. Англо-американские переговоры по выработке соглашения относительно послевоенного сотрудничества в области гражданской авиации ясно показали, что торговлю и коммерческую деятельность нельзя ограничить рамками сфер влияния; то же самое можно было сказать об обмене идеями и информацией²⁶.

Отвечая на пророчества, что лидерство великих держав приведет к обособленности, Рузвельт указал на свою политику добрососедства с государствами Западного полушария. По мнению президента, руководящая роль Соединенных Штатов в этом регионе сделала применение силы ненужной. Большинство этих государств стали демократическими и действуют вполне ответственно. Процветание, мол, последует за либерализацией торговли и интеграцией экономик. Рузвельт утверждал, что во время Тегеранской конференции провел со Сталиным собеседование о добрососедской политике²⁷. Ему и в голову не приходило, что отношения США со странами Латинской Америки нисколько не походили на те, которые у Великобритании и Советского Союза сложились с остальной Европой. Не думал он и о национализме в Латинской Америке, бросавшем вызов даже самому благосклонному покровителю.

Между Америкой и Советским Союзом существовал ряд сложностей, которые затрудняли решения и угрожали сотрудничеству. С самого начала программа ленд-лиза для России имела две цели: удерживать эту страну в состоянии войны и заложить основы новых отношений с Советским Союзом в послевоенный период. Теснее всех с решением о предоставлении России крупномасштабной помощи был связан Аверелл Гарриман. После своего первого визита в Советский Союз в 1941 г. он

вернулся твердо убежденный в том, что обе цели вполне достижимы. "Я уехал с чувством, что он [Сталин] был с нами откровенен, и если мы сделаем, как обещали, и если личные отношения со Сталиным сохранятся, то подозрительность, существовавшая между Советским правительством и нашими двумя правительствами, исчезнет"²⁸.

Гарриман был доволен, когда Рузвельт в конце 1943 г. назначил его послом в Советском Союзе. Его первое поручение заключалось в том, чтобы информировать Сталина о заинтересованности президента в нахождении путей оказания помощи России после войны. Беседуя официально с английскими и американскими журналистами 4 ноября 1943 г., новый посол в СССР заявил, что вопрос, "заслуживающий самого пристального внимания, сводится к помощи России после окончания войны... У нас будут планы производства машин и оборудования, которые понадобятся Советскому Союзу, и, поступая таким образом, мы поможем своему народу переключиться с военного на гражданское производство"²⁹.

Однако в течение всех месяцев от Московской конференции 1943 и до лета 1944 г. ничего не предпринималось для того, чтобы подвести под эти рассуждения — верные или неверные — реальный фундамент. Отчасти это объяснялось спорами вокруг места ведения переговоров (Вашингтон или Москва), в какой-то мере нежеланием просить Конгресс о выделении крупного кредита Советскому Союзу, но главным образом тем, что Рузвельт по каким-то причинам отказался от прежних намерений обойти все бюрократические процедуры и использовать "личные контакты", как действительно с 1941 г. советовал Гарриман. 13 марта 1944 г. посол вновь попросил отсрочить рассмотрение столь важного вопроса. "Я хорошо понимаю, что экономическая помощь — одно из наиболее эффективных орудий, которым мы располагаем, чтобы влиять на европейские политические события в желательном для нас направлении и не допустить образования сферы влияния Советского Союза в Восточной Европе и на Балканах"³⁰.

Русско-американские переговоры в Вашингтоне об условиях предоставления дальнейшей помощи по ленд-лизу были прерваны в середине сентября 1944 г. Характеризуя советскую позицию в этот период, Гарриман заявил, что, по его мнению, наблюдается все меньше и меньше готовности идти навстречу желаниям США. К тому времени, когда вопрос об экономической помощи вновь встал на повестку дня в начале 1945 г., собственная позиция Гарримана заметно ужесточилась. Как это ни парадоксально, сразу же после смерти Рузвельта в 1945 г. Гарриман превратился в одного из главных зачинателей жесткого курса, советуя Гарри Трумэну быть твердым с Советским Союзом.

Реакция Рузвельта на переговоры Черчилля и Сталина в Москве в октябре 1944 г. (кодовое название "Толстой") наглядно показала увеличивающийся разрыв между надеждами и реальностью. Черчилль и Сталин обсуждали политику каждой из сторон в Восточной Европе, договаривались о линии раздела интересов, тем самым определяя характер и состав правительств в странах региона. Рузвельт выразил протест в послании, переданном через посла Гарримана, и заявил, что

Америка может признать эти договоренности лишь как временные, имеющие силу до следующей встречи Большой тройки. Однако, когда два европейца закончили переговоры, — об их содержании Гарриман информировал Вашингтон, — президент, как видно, уже согласился с процентным распределением сфер влияния, которое стало результатом обсуждения. Но каким образом он собирался совместить раздел Восточной Европы с собственной идеей совместного, регионального руководства и лидерства великих держав?

В какой-то степени это противоречие объяснялось отсутствием у него всякого интереса к конкретным условиям урегулирования в Восточной Европе. Какая польза для мира от соглашений, которые сделают поляков или эстонцев счастливыми, если это затруднит послевоенное сотрудничество с Советским Союзом? Но в основном дело было в том, что Рузвельт видел в концепции сфер влияния два самостоятельных аспекта. Взаимодействие великих держав во многом зависело от наличия у них чувства безопасности, а это было связано со способностью осуществлять политический контроль над сопредельными регионами. Однако такое политическое господство не должно сопровождаться закрытыми дверями и высокими заборами. Миру следует быть открытым для любого обмена: товарами, людьми, идеями и информацией. В Западном полушарии демократия и либерализм шли рука об руку. Но в Восточной Европе для такой пары еще не пришло время. Рузвельт старался придумать какой-нибудь красивый жест, который американский народ воспринял бы за символ демократии, а когда это не удалось, он все-таки продолжал свой курс на уклонение от политической конфронтации и с Советским Союзом из-за Восточной Европы, и с Великобританией из-за Греции, куда Черчилль направил войска, чтобы предотвратить захват власти левыми силами и восстановить монархию.

Элементы данной стратегии президент США повторил через несколько месяцев на Ялтинской конференции, на которой была принята много критикованная Декларация об освобожденной Европе с ее туманными обещаниями самоопределения и демократии. Высказанные Рузвельтом обещания либерального и демократического мира породили у общества надежды, которые не могли быть реализованы; они создали внутри страны определенное давление, которое его преемник направил по другому пути, обвинив Советский Союз в нарушении ялтинских соглашений³¹.

Гарри Трумэн занял пост президента, почти не имея опыта во внешней политике. Рузвельт — сперва занятый ялтинскими проблемами, затем серьезно больной — не имел времени ввести своего вице-президента в курс дела, даже если бы и хотел это сделать. Подобно Джону Адамсу после Вашингтона и Линдону Джонсону после Кеннеди, Трумэн стал наследником легенды; поэтому он заявил, что всего лишь продолжает политику Франклина Рузвельта. Трумэн, как видно, мнил себя практическим приверженцем курса Вудро Вильсона, однако это был в действительности интернационализм истинного националиста; его девиз: "Или вы делаете так, как мы хотим, или же мы сделаем по-своему без вас". Конечно же, он почерпнул эти идеи от людей, которых избрал

в качестве советников сразу же после смерти Рузвельта. Порой, правда, случалось, что Трумэн становился жертвой собственной импульсивности. К великому сожалению Аверелла Гарримана, его главного советника, новый президент сердито отчитал Молотова в связи с советской политикой в Восточной Европе и заявил, что русские не сдержали своих обещаний³².

После капитуляции Германии в мае Трумэн внезапно прекратил поставки по ленд-лизу в Советский Союз, утверждая, что закон не оставляет ему выбора, поскольку-де русские не находятся в состоянии войны с Японией³³. Но главная перемена произошла во взглядах. Наступило время проявить жесткость, провести разграничительную черту. Американцы больше не стремились убедить Сталина в том, что США можно доверять и что Запад не пытался ослабить его режим с помощью всевозможных тайных происков. Теперь почувствовали угрозу уже Трумэн и его ближайшее окружение, когда Советский Союз грубо навязал собственные условия внутри сферы своего влияния, которую еще раньше определили на переговорах с Черчиллем. Сложная тонкость рузвельтовского сочетания политической безопасности с политикой открытых дверей — практического или нет — была утрачена или отброшена новыми политиками в Вашингтоне и их избирателями, которые начали удивляться, почему США, "выиграв" войну, вновь, как и в 1919 г., оказались не в состоянии "выиграть" мир.

На Потсдамской конференции Трумэн заметил одному из своих помощников: "Джимми, вы понимаете, что мы находимся здесь уже семнадцать дней? За семнадцать дней можно решить все, что угодно!"³⁴. Конференция Большой тройки в Потсдаме в июле 1945 г. закончилась серией "решений", которые почти тотчас же потребовали дополнительных разъяснений. Возникли дебаты относительно состава правительств в освобожденных странах Восточной Европы и того, что им нужно будет сделать для получения признания Соединенных Штатов. Разгорелись споры вокруг плана Трумэна, касавшегося интернационализации водных путей в данном регионе; появились разногласия по поводу механизма составления мирных договоров; эти и другие проблемы разъединили победителей.

Не уверенный в своих способностях справиться с международными делами и испытывая страх перед компанией, в которой оказался, Трумэн был только счастлив покинуть Потсдам.

Во время войны Рузвельт получил множество советов о том, что делать с европейской "отсталостью" в колониальном вопросе. Обычно он занимал уклончивую позицию. Одному из членов кабинета Рузвельт писал: "Вы правы насчет Индии, но это будет похоже на игру с огнем, если Британская империя посоветует мне не совать свой нос в чужие дела"³⁵. Испытывал ли Рузвельт воздействие враждебности американского общества к европейским империям или он просто использовал эти чувства, чтобы продвинуть собственную политику? В демократической дипломатии подобные различия не имеют какого-либо существенного значения.

Рузвельт так же твердо, как и любой американец, верил, что европейское господство в Азии и Африке подходит к концу, что война значительно ускорила этот объективный процесс. Его сознательная сдержанность ради единства союзников в военное время не мешала ему при случае "размышлять вслух". Колониальные неудачи французов стали его особой темой, прежде всего их поведение в Индокитае; отчасти это было обусловлено возмущением Рузвельта тем способом, к какому французское правительство Виши прибегло при практической передаче этой колонии Японии в 1941 г.: правда, он с одинаковым презрением осуждал и британское колониальное правление в Западной Африке³⁶.

Но сначала о наиболее важном. Премьер-министра Черчилля как-то спросили, касается ли Британской империи положение Атлантической хартии о самоопределении. И он ответил, что не касается, что прогрессивное развитие самоуправления в рамках империи — чисто внутреннее дело, никак не связанное с хартией. Но Рузвельт не мог ответить подобным образом. В 1942 г., в день рождения Вашингтона, он заявил, что "Атлантическая хартия имеет силу не только для стран, граничащих с Атлантическим океаном, но для всего Земного шара"³⁷. Правда, всего за месяц до этого, в январе 1942 г., при подписании Декларации Объединенных Наций во время встречи с Черчиллем, когда американские дипломаты добивались от англичан позволения для Индии поставить подпись под документом, Рузвельт всякий раз отступал, если чувствовал (или ему напоминал Черчилль), что он зашел слишком далеко в своих попытках заставить Лондон уступить националистическим требованиям Индии. Во время войны и после нее Большой союз оставался для него превыше всего.

Вместо того чтобы конфликтовать с премьер-министром по поводу судеб колониальных империй, Рузвельт методично проповедовал идеи подотчетного международным организациям опекунства в качестве переходного этапа к полной независимости, причем часто делал это в небрежно-импровизированной манере, маскировавшей его глубокий интерес к данной проблеме. В начале августа 1942 г., например, он сказал британскому поверенному в делах сэру Рональду Кэмпбеллу, что на свете есть такие места, как Корея, Малайя и Голландская Ост-Индия, где люди "просто еще не готовы управлять собственными делами". Попечителями Кореи должны, мол, стать Соединенные Штаты, Россия и Китай; Малайю стали бы опекать Китай, Соединенные Штаты и Великобритания; пришлось бы привлечь, по его словам, и Нидерланды для опеки над Ост-Индией, и т.д.³⁸.

Когда Кэмпбелл попробовал выявить детали механизма опеки, которую имел в виду Рузвельт, тот просто "отмахнулся от вопроса". Неопределенность президента была понятной в 1942 г., но война продолжалась, а Рузвельт, невзирая на неумолкающую критику колониализма, все больше колебался по поводу принятия резолюции, которая, он знал, приведет к опасной конфронтации метрополий с колониями и протекторатами (позже их будут называть "третьим миром"). Проблема состояла в том, что представления президента о послевоенном взаимодействии великих держав, опирающемся на альянс военного времени,

подразумевали полномасштабное сотрудничество Великобритании, которое, видимо, могло быть обеспечено только при условии восстановления европейских империй.

Конференция в Касабланке в январе 1943 г. обеспечила Рузвельту возможность расширить свои предложения о деколонизации. Он говорил о международном контроле над стратегическими "опорными пунктами" (например, над Дакаром на западном выступе Западной Африки). Слегка упрекнув своего дипломатического представителя в Северной Африке Роберта Мерфи за обещание воссоздать в прежнем виде Французскую империю, Рузвельт дал понять, что он, напротив, планирует "существенное сокращение" этой империи³⁹.

Во время конференции Черчиллю едва ли удалось хоть раз спокойно пообедать без того, чтобы не слушать Рузвельта, рассуждающего на данную тему. Так, в присутствии султана французского протектората Марокко он высказал свои симпатии стремлению колониальных народов к независимости и заметил весьма многозначительно, что надеется расширить экономические связи со всеми районами Земного шара⁴⁰. В голове Рузвельта эти идеи вместе с его убежденностью, что французская политика — это бездонное болото, стали исходным пунктом большого проекта для Объединенных Наций.

Вернувшись в Вашингтон после конференции в Касабланке, президент обрисовал британскому послу характер послевоенной организации безопасности из трех составных частей: генеральной ассамблеи, исполнительного комитета (Большая четверка без Франции) и консультативного совета, который будет собираться время от времени и вырабатывать рекомендации для Большой четверки. Исполнительный комитет возьмет на себя главную ответственность за "принятие наиболее важных решений и руководство полицейскими силами Объединенных Наций". Генеральная ассамблея станет заседать один раз в год, чтобы позволить "небольшим государствам... выпустить пар"⁴¹.

Вместе с тем, несмотря на уверенность президента, что колониализм представляет угрозу стабильности, он не мог себе позволить оттолкнуть Великобританию, тем более что это несколько не ускорило бы процесс деколонизации. А англичане постоянно стремились к восстановлению Франции в качестве главной европейской и колониальной державы.

Что же касается Китая, то его человек в Чунцине был слишком слаб, чтобы на него можно было опереться. Чан Кайши не только неохотно воевал с японцами, но на встрече в Каире, предшествовавшей Тегеранской конференции, холодно воспринял лидерство Рузвельта и игнорировал призывы президента создать что-то вроде коалиции с китайскими коммунистами⁴².

Вашингтон надеялся, что каким-то образом в итоге войны на Дальнем Востоке Китай превратится в главную стабилизирующую силу в Азии, заменив Японию. Было одинаково неприятно думать и о возможном русском господстве и о борьбе за власть между различными вновь образовавшимися государствами Азиатского региона. Рузвельт хотел, чтобы союзники поддержали его планы. Государственный департамент,

как обычно, более пессимистически настроенный в отношении России, чем Белый дом, пристально следил за советскими маневрами на Дальнем Востоке, подозревая, что Кремль рассчитывает вмешаться в дела Китая и его соседей. Один эксперт по Азии высказал мнение, что помощь со стороны России движению "Свободная Корея" — это способ расширения советского влияния⁴³.

Будучи до войны скептиком относительно возможности разрешения китайских проблем еще при жизни, Франклин Рузвельт энергично взялся за эту задачу, как только началась война. Он в разное время говорил британским политикам, включая и министра иностранных дел Антони Идена, что жест с возвращением Гонконга под эгиду Китая очень поможет формированию благоприятного политического климата в послевоенной Азии. Китайцы, пророчествовал Рузвельт, позволят и дальше развеваться над Гонконгом государственному флагу Соединенного Королевства и станут ежедневно приветствовать его салютом из 20 залпов. Возражая, Иден однажды довольно язвительно заметил, что ему еще не приходилось слышать, чтобы Рузвельт то же самое предлагал в отношении таких территорий США, как зона Панамского канала⁴⁴.

Между тем Рузвельт и его советники со всей серьезностью занимались судьбой Китая, а это диктовало необходимость привлечения Чан Кайши в коалицию. Государственный секретарь Корделл Хэлл пояснил на конференции министров иностранных дел в Москве, что точка зрения Соединенных Штатов весьма проста: слишком опасно для стабилизации послевоенного мира, если Китай останется за рамками консорциума великих держав. По мере того как продолжалась война, страх, что Китай может потерпеть сокрушительное поражение, побуждал встревоженного Рузвельта торопиться с разными обещаниями; он, в частности, заявил о возвращении Китаю всех территорий, захваченных японцами во время войны — своего рода дебютный гамбит, который он испробовал с Россией в 1942 г. Черчилль не мог помешать Рузвельту обращаться с Чан Кайши как с равноправным партнером; хотя Черчилль и не очень доверял китайскому благородству и опасался его региональных амбиций, но был в состоянии и в самом деле блокировал планы военных операций в поддержку Чан Кайши, используя в качестве аргумента взятое на Тегеранской конференции обязательство: открыть второй фронт в 1944 г.⁴⁵

Когда надежды Рузвельта на китайское "возрождение" обратились в дым, рухнули и его планы включения Китая в четверку "мировых полицейских". Более того, военные схемы США уже не предусматривали вторжения в Японию из Китая, исключая возможность, что присутствие здесь американских войск повлияет на события завершающей фазы войны, и вынуждая Рузвельта играть роль посредника, а не третейского судьи. В конце 1944 г. президент еще раз тщательно проанализировал свое прежнее предложение относительно компромисса с лидером китайских коммунистов Мао Цзэдуном, злейшим соперником Чан Кайши. Речь шла о так называемой "миссии Дикси", имевшей целью воспрепятствовать гражданской войне в Китае, сотрудничая с обеими сто-

ронг ии. Но как Соединенные Штаты могли поддержать сразу оба китайских правительства? Отвечая на этот вопрос, Рузвельт сказал журналисту Эдгару Сноу, что он уже работает с двумя правительствами и "намерен продолжать так поступать до тех пор, пока нам не удастся свести их вместе"⁴⁶. Бассейн Тихого океана остается, мол, одним из четырех главных регионов, но китайского "полицейского" придется обучать, конечно, Соединенным Штатам, прежде чем ему можно будет доверить надзор⁴⁷.

Вернувшись домой с Ялтинской конференции в феврале 1945 г., Рузвельт шокировал корреспондентов заявлением о том, что Атлантическая хартия — это, пожалуй, всего лишь "прекрасная мечта". Очевидно рассчитывая умерить слишком большие ожидания американской общественности, он утверждал, что ему якобы даже не известно, где находится документ и содержит ли он в самом деле подписи Рузвельта и Черчилля. Затем он перешел к Индокитаю. Французы, сказал президент, толкуют о возвращении силой этой колонии, но у них нет транспортных средств, чтобы доставить туда войска. Наиболее приемлемым решением была бы опека, но против этого станут возражать англичане. "Лучше, — заметил Рузвельт, — пока ничего не предпринимать"⁴⁸.

Черчилль придерживался той же самой стратегии, когда речь шла о планах Рузвельта: сохранять спокойствие и следить за развитием событий, в подходящий момент принимая свои решения. Он был убежден, что в конце концов Соединенные Штаты одумаются, официально одобрят и окажут нужную помощь в возвращении колоний их законным владельцам. Столкнувшись с необходимостью как-то сочетать курс на деколонизацию с обеспечением прочного сотрудничества в послевоенной системе с Великобританией (и Францией, поскольку англичане настаивали на ее участии), Рузвельт предпочел отказаться от каких бы то ни было радикальных мер. Если европейцы не хотели прислушаться к его предостережениям, что он мог еще поделаться? Рузвельт верил или надеялся, что его планы, касавшиеся международной опеки, при которой политические развитые страны будут руководить колониями наподобие управляющих, не допустят, чтобы неизбежные преобразования приняли насильственные, антизападные формы; однако отсрочка часто равнозначна поражению. Не открыл Рузвельт детали своих проектов и ближайшим советникам даже в частной беседе. Поэтому, когда Франклин Рузвельт 12 апреля 1945 г. умер от кровоизлияния в мозг, его преемник Гарри Трумэн всегда имел возможность, независимо от своих действий, с легким сердцем утверждать, что следует курсом Рузвельта.

Подобные неясности скоро дали о себе знать. Но на конференции в Сан-Франциско в апреле-мае 1945 г. Соединенные Штаты объединились с колониальными державами, выступив против попыток Египта предоставить Генеральной Ассамблее ООН право решать, когда следует объявить регионы, переданные под опеку Организации, готовыми к самоуправлению, и содействовать им в этом процессе. Такой оборот дела сбил с толку американских представителей на местах, которые за-

хотели знать, что происходит в Вашингтоне. "Не могли бы Вы проинформировать меня о нашей нынешней политике по отношению к Индокитаю? — запрашивал дипломат из пограничного китайского города Куньмина. — Превратил ли покойный президент это в постоянную политику или обстоятельства диктуют подобный подход?"⁴⁹. Осенью 1945 г. американская политика в Индокитае сделалась "нейтральной", в то время там высадились британские войска, чтобы вернуть французов в Сайгон.

И вышло так, что не столько настойчивость Америки, сколько требования самих колониальных народов вынудили Великобританию отказаться от империи, что потребовалось оказание значительного нажима со стороны США на Нидерланды, а Франция неизменно и с успехом ссылалась на условия холодной войны, чтобы противостоять американскому давлению. И это продолжалось до тех пор, пока Вашингтон не убедился в необходимости поддержать французов.

Факторы, которые могли осложнить, если не исключить совсем, межгосударственное сотрудничество, проявились на переговорах Черчилля и Рузвельта в сентябре 1944 г., проходивших на вилле Рузвельта у реки Гудзон в Гайд-парке (штат Нью-Йорк).

Когда Америка приступила к проекту "Манхаттан", намереваясь создать атомную бомбу, Советский Союз и Германия все еще жили под эгидой пакта о ненападении 1939 г. Но и после того, как США и СССР стали союзниками, англо-американские усилия по созданию бомбы держались в строгом секрете от русских. Военного министра Генри Л.Стимсона особенно тревожило то, что англо-русское соглашение об обмене информацией, касающейся новых видов вооружений, заключенное в конце 1942 г., могло распространяться и на научные исследования, связанные с атомной бомбой; Рузвельт согласился с ним, сказав, "что это было бы неверной политикой"⁵⁰.

Однако им не следовало беспокоиться об англичанах, ибо Черчилль был в такой же мере, если не больше, полон решимости сохранить англо-американскую монополию на атомную энергию как для военных, так и послевоенных хозяйственных нужд. Когда датский ученый Нильс Бор, бежавший из нацистской Германии, высказался за многонациональный контроль над атомной энергией, его резко осаждали и Черчилль и Рузвельт. Они пришли к выводу, что за Бором следует установить строжайшее наблюдение и "принять меры", чтобы он не выдал секретов русским, и затем 19 сентября 1944 г. подписали соглашение об обмене ядерной информацией после войны"⁵¹.

Поскольку советская разведка получила кое-какие данные о проекте "Манхаттан", Сталин уже в середине войны знал, что англичане и американцы занимаются разработкой нового вида оружия. Но несмотря на партнерство, никто из союзников не обмолвился ему об этом ни единым словом. Подозрительность и недоверие, которые заставляли держать в секрете сведения о бомбе, остались и после исчезновения общего врага.

Почти незамеченным прошел эпизод, когда президент Трумэн попытался в Потсдаме, не раскрывая деталей, информировать Сталина о существовании нового оружия. Он хотел избежать в дальнейшем критики за "утаивание" важных сведений от союзника, хотя всеми силами старался именно утаить. Из индифферентной реакции Сталина Трумэну трудно было заключить, понял ли советский руководитель, о чем речь.

Потсдам ознаменовал конец дипломатии военного времени, а у лидеров Соединенных Штатов и всей американской общественности появление веры в мир, который они в состоянии контролировать и преобразовать в соответствии со своими либеральными и демократическими представлениями. В разгар конференции генерал Джордж Маршалл однажды оставил Трумэна во второй половине дня, чтобы встретиться с генералами Максвеллом Тейлором и Джорджем Паттоном, которые ожидали его в бывшем нацистском убежище Берхтесгадене. Наблюдая за солдатами, занимавшимися на улице спортом, Маршалл рассказал им об испытании атомной бомбы. Его короткий комментарий полностью раскрыл потенциал этого оружия как для войны, так и в мирное время. "Джентльмены, — сказал он, — в первую же лунную ночь августа мы сбросим эти бомбы на японцев. Не думаю, что понадобится более двух"⁵². В августе 1945 г. Трумэн отказал Шарлю де Голлю в просьбе заключить франко-американский союз, заметив, что мировое сообщество не нуждается больше в особых отношениях или секретных договорах, ибо теперь есть атомная бомба⁵³. Наконец-то Новый Свет как будто восторжествовал над Старым.

¹ Об этом свидетельствуют Вашингтонская морская конференция 1924 г. и последовавшие за ней менее удачные конференции в Женеве (1927 г.) и в Лондоне (1930 г.). См.: *Dingman R. Power in the Pacific: The Origins of Naval Arms Limitations.* Chicago, 1976.

² *Langer W.L., Gleason S.E. The Challenge to Isolation.* N.Y., 1952. P. 158.

³ *Nomura to Tokyo.* 1941. 18 Nov. Reprinted in US, Congress. Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack. Hearings, 79th Congress, 1st sess. 39 parts. Wash., 1948. Pt. 12. P. 148-150.

⁴ Полное название документа: "Закон о содействии укреплению обороны Соединенных Штатов и о других задачах". Public Law 11.77th Congress, 1st Session (1941). Ch. 11.

⁵ Слово *либерал* сделалось ругательным в американской политике в годы Рональда Рейгана. Но понятия *демократия* и *новый мировой порядок* Джорджа Буша — это то, что имел в виду Франклин Рузвельт, когда говорил о либеральном мире — свободе торговли, защите собственности и выборном правительстве.

⁶ *Schroeder P. The Axis Alliance and Japanese-American Relations,* 1941. Ithaca (N.Y.), 1958; *Utely J. Going to War with Japan.* 1937-1941. Knoxville (Tenn.), 1985.

⁷ Долгим, ожесточенным спорам о том, знало ли или должно ли было знать американское руководство заранее о готовившемся нападении Японии, подвел итог Д.Кан: *Kahn D. The Intelligence Failure of Pearl Harbor//Foreign Affairs.* 1991. № 70. P. 138-152.

⁸ Истинные причины, заставившие Гитлера объявить войну, остались скрытыми завесой фанатизма, бравады и коварства, характерных для его мышления. Он наверняка предположил, что раздраженные Соединенные Штаты направят все усилия на войну с Японией и Германия сможет объявить войну без всяких серьезных последствий для себя.

См.: Führer Conferences on Matters Dealing with the German Navy/Tr. and mimeographed by the Office of Naval Intelligence. Wash., 1947. 1941. II. P. 79.

⁹ *Wilson Th.A.* In Aid of America's Interests: The Provision of Lend-Lease to the Soviet Union. 1941-1942//Soviet-US Relations. 1933-1942/Eds. G.N.Sevost'ianov, W.F.Kimball. Moscow, 1989. P. 121-139; *Kimball W.F.* The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991. Ch. 2.

¹⁰ Memorandum of Conference. 30 May 1942. United States, Department of State//Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). Wash., 1862-. 1942. Vol. 3. P. 575-578.

¹¹ Harry L. Hopkins Papers. Sherwood Collection. Franklin D.Roosevelt Library (Hyde Park, N.Y.).

¹² Memorandum of Conference. June 1 1942//FRUS. 1942. Vol. 3. P. 578-583.

¹³ Правда, как показано в 3-й главе, причины, побуждавшие Рузвельта настаивать на вторжении в Северную Африку, имели чисто политическую подоплеку — отчасти, чтобы заставить замолчать тех, кто требовал наступления на Тихом океане, и в какой-то мере, чтобы успокоить русских ввиду задержки с открытием второго фронта.

¹⁴ См., например: FRUS. Tehran. P. 256; *Kimball W.F.* Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence. Vols. 3. Princeton, 1984. Vol. 2. R-483/1.

¹⁵ *Kimball W.F.* Swords Or Ploughshares? The Morgenthau Plan for Defeated Nazi Germany. Philadelphia, 1976.

¹⁶ *Kimball W.F.* Churchill & Roosevelt. Vol. 1. P. 229-230.

¹⁷ *Kimball W.F.* The Juggler... P. 3.

¹⁸ *Wilson Th.A.* The First Summit: Roosevelt and Churchill at Placentia Bay. 1941. Rev. ed. Lawrence (Kans.), 1991. Ch. 9; The Atlantic Charter/Eds. D.Brinkley, D.Facey-Crowther. N.Y., 1993.

¹⁹ Unfinished Notes (Aug. 1941). Belle Willard Roosevelt Papers, Library of Congress. Wash., (D.C.) (Courtesy of Theodore Wilson). Комментарии Рузвельта последовали в беседе на обеде с британскими и американскими высокопоставленными лицами.

²⁰ См., например: Anthony Eden to Clark Kerr. 1 May 1942. Foreign Office (FO) 371/32880, (N2336/86/G). Public Record Office (далее — PRO). Kew. England.

²¹ Diary Entries, 2, 3, 4 Mar. 1942, J.Pierrepont Moffat Papers. Houghton Library. Harvard University. Cambridge (Mass.).

²² По-видимому, Рузвельт не предполагал, что советская система рычагов окажется при благоприятных условиях не менее действенной (*Kimball K.W.* The Juggler... Ch. 4).

²³ FRUS. Tehran. P. 487.

²⁴ FO 800-302/7505 (PRO), 4.

²⁵ Цит. по.: *Burns J.MacG.* Roosevelt: The Soldier of Freedom. N.Y., L., 1970. P. 514.

²⁶ *Dobson A.P.* Peaceful Air Warfare: The United States, Britain and the Politics of International Aviation. Oxford, 1991; *Kimball W.F.* The Juggler... P. 102-182.

²⁷ *Davis F.* What Really Happened at Teheran//Saturday Evening Post. 1944. № 116. 13 and 20 May; *Kimball W.F.* The Juggler... P. 110-111.

²⁸ Цит. по: *Gardner L.C.* Architects of Illusion: Men and Ideas in American Foreign Policy. 1941-1949. Chicago, 1970. P. 29.

²⁹ FRUS. 1943. Vol. 3. P. 586-589.

³⁰ Ibid. 1944. Vol. 4. P. 951.

³¹ Книга Ллойда Гарднера (*Gardner L.C.* Spheres of Influence: The Great Powers Partition Europe, from Munich to Yalta. Chicago, 1993) представляет собой обстоятельное исследование темы, обозначенной в заглавии.

³² Другими советниками Трумэна были Джеймс Бирнс, Дин Ачесон и Кларк Клиффорд. Опасения Гарримана упоминаются в его книге (*Harriman W.A., Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941-1946. N.Y., 1975. P. 453-454).

³³ Трумэн также прекратил помощь по ленд-лизу Великобритании, когда капитулировала Япония. Но Британия вскоре получила другую помощь, а СССР — нет.

³⁴ *Murphy R.* Diplomat Among Warriors. Garden City (N.Y.), 1964. P. 278-279.

³⁵ Ickes to Roosevelt. 10 Aug. 1942; Roosevelt to Ickes. 12 Aug. 1942//Franklin D.Roosevelt Papers, PPF 3650. Общее освещение рузвельтовской "колониальной политики" см.: *Kimball W.F., Pollock F.E.* In Search of Monsters to Destroy: Roosevelt and Colonialism//*Kimball W.F.* The Juggler... P. 127-158.

- 36 Когда военное сопротивление Франции прекратилось в июне 1940 г., правительство заключило с Гитлером перемирие и переехало в Виши (Центральная Франция), а немцы оккупировали северную часть страны. После же того как англо-американские войска высадились в Северной Африке, немцы покончили с фиктивной французской независимостью и захватили всю страну. Однако в Индокитае прежние французские власти сохранялись до начала 1945 г., пока японцы не взяли под свой контроль всю территорию. См.: *Tonnesson S. The Vietnames Revolution of 1945.* Oslo, 1991.
- 37 *Sherwood R. Roosevelt and Hopkins.* N.Y., 1950. P. 507.
- 38 *Gardner L.C. Approaching Vietnam: From World War II through Dienbienphu.* N.Y., 1988. P. 30-31.
- 39 *Murphy R. Diplomat among Warriors.* P. 192.
- 40 FRUS. Casablanca Conference. P. 701-704; *Kimball W.F. The Juggler...* P. 70-71.
- 41 Lord Halifax to the Foreign Office, 28 March 1943 (FO 371/35366, U 1430/G (PRO)).
- 42 *Snow E. Fragments from F.D.R.— Part II//Monthly Review.* 1957. Mar. № 8. P. 396.
- 43 The USSR in the Far East. 18 Aug. 1943 (Charles Bohlen Papers. National Archives. Wash. (D.C.)).
- 44 История упоминается в ряде книг, но см.: *Eden A. The Memoirs of Lord Avon: The Reckoning.* Boston, 1965. P. 433.
- 45 Относительно англо-американских споров по поводу политики в Китае см.: *Thorne Ch. Allies of a Kind: The United States, Britain, and the War Against Japan. 1941-1945.* N.Y., 1978.
- 46 *Snow E. Journey to the Beginning.* N.Y., 1958. P. 347-348.
- 47 У президента была мысль предложить Австралии купить некоторые близлежащие европейские колонии, например португальский Тимор (Roosevelt to Churchill. 21 June 1943//*Kimball W.F. Churchill & Roosevelt.* Vol. 2. R-292. См. также: *Day D. The Reluctant Nation.* South Melbourne (Australia), 1992. P. 137).
- 48 *Gardner L.C. Approaching Vietnam.* P. 50-51.
- 49 William Langdon to Ellis O. Briggs. 18 May 1945 (Record Group 84. National Archives. Wash. (D.C.)).
- 50 Diary Entry. 27 Dec. 1942 (Henry L. Stimson Papers. Sterling Library. Yale University. New Haven (Conn.)).
- 51 *Kurzman D. Day of the Bomb: Countdown to Hiroshima.* N.Y., 1986. P. 218-219.
- 52 *Taylor M.D. The Uncertain Trumpet.* N.Y., 1959. P. 3.
- 53 Note by Henry Bonnet of conversations between de Gaulle and Truman. 22 August 1945//*Gaulle Ch. de War Memoirs: Salvation. 1944-1946: Documents.* L., 1959. P. 286. См. также: *Knebel F., Bailey Ch.W. No High Ground.* N.Y., 1960. P. 2-3.

16. Наследие: СОЮЗНИКИ, ПРОТИВНИКИ, ПОТОМКИ

Д. Рейнолдс и другие

Последствия войны для Соединенных Штатов, Великобритании и России оказались весьма многообразны. О некоторых из них сказано в главах по вопросам стратегии, экономики и внутренних проблем. Рассмотрение других факторов сможет завести нас в дебри политической истории этих трех государств. Это касается, в частности, рассуждения о том, в какой мере одержанная победа укрепила соответствующие институты — американский демократический капитализм, сталинистский бюрократический коммунизм и британский парламентаризм, испытавшие потрясения на протяжении 1930-х годов.

Во всех трех странах в период войны в значительной степени усилились структуры исполнительной власти. В Соединенных Штатах, например, в событиях тех лет усматривают причину возникновения современного "имперского президентства"¹. Однако основное внимание в этой главе уделено вопросам значения войны для развития дипломатии и международных отношений. Данные вопросы анализируются с учетом временного периода, ибо многое зависит оттого, рассматриваем ли мы события долгосрочного или краткосрочного характера. Тем не менее в процессе обсуждения будут затрагиваться также и отдельные сюжеты, рассматриваемые в других главах, чтобы по возможности создать наиболее полную картину участия союзников в войне.

Для специалистов, изучающих историю дипломатии, вторая мировая война связана с началом современной дипломатии на высшем уровне. Безусловно, главы государств встречались и прежде. Вспомним о "тильзитском заторе", как выразился Ф. Рузвельт в послании У. Черчиллю в 1942 г., имея в виду свидание в 1807 г. российского императора Александра I с французским самодержцем Наполеоном Бонапартом, в ходе которого они в общих чертах поделили всю Европу².

Спустя немногим более 100 лет "Большая тройка" — Вудро Вильсон, Джордж Клемансо и Дэвид Ллойд Джордж — играли ведущую роль в мирном урегулировании после окончания первой мировой войны. Дальнейшее развитие событий по двум специфическим направлениям привело к тому, что период 1939-1945 гг. стал новым этапом в международной истории. Во-первых, война этих лет по своим масштабам и многообразию была, в отличие от войны 1914-1918 гг., в подлинном смысле мировой. Во-вторых, в годы второй мировой войны впервые происходили масштабные схватки в воздухе, вследствие чего она качественно отличалась от "великих баталей", которые вели европейские государства против Франции с 1792 г. по 1815 г. Действия победоносной Четвертой коалиции европейских стран против Наполеона в 1813-1815 гг. потребовали продолжительных личных контактов глав этих государств. К примеру, Александр I, возглавлявший в антинаполеонов-

ском походе русскую армию, отсутствовал на родине с января 1813 г. по август 1814 г. Лорд Каслри, премьер-министр Великобритании, "находился на континенте почти все 18 месяцев после января 1814 г..."³

Ни один демократический лидер в XX веке не может позволить себе отсутствовать на родине в течение нескольких месяцев. В этом на собственном горьком примере убедился Вильсон в 1919 г., когда он пытался рекомендовать Лигу наций сенату США. Между тем воздушные сообщения открыли совершенно новые возможности для дипломатических контактов. В 1941-1945 гг. это обстоятельство особенно явственно проявилось на конференциях с участием Черчилля, Рузвельта, Сталина и сопровождавших их лиц.

История трехсторонних отношений не была ни легкой, ни спокойной. "Мюнхен" и британская политика умиротворения подтолкнули Сталина к заключению злополучного пакта с Гитлером. Этот пакт, в свою очередь, ухудшил отношения Великобритании и США с Советским Союзом в 1939-1941 гг. В то же время сомнения, существовавшие и в Лондоне, и в Москве относительно американских военных обязательств, способствовали укреплению межвоенного изоляционизма США. В годы войны взаимная подозрительность не исчезла. Порой каждый из лидеров испытывал опасения по поводу того, что новые союзники могут отмежеваться от него. Но временами каждый пытался сыграть на сомнениях, которые испытывали другие по отношению к нему самому. В мае и июне 1940 г., например, Черчилль намекал Рузвельту, что если США не окажут немедленно помощь Великобритании, то она может попытаться пойти на замирение с Германией.

Продолжающий оставаться загадочным перелет Рудольфа Гесса, заместителя Гитлера, в мае 1941 г. в Британию привел Сталина к убеждению, что назревает направленный против него англо-германский пакт. Через три месяца Сталин писал советскому послу в Лондоне: "По сути дела, английское правительство своей пассивно-выжидательной политикой помогает гитлеровцам... Понимают ли это англичане? Я думаю, что понимают. Чего же хотят они? Они хотят, кажется, нашего ослабления"⁴.

В середине 1942 г. американцы разыгрывали ту же самую карту. Подвергаясь отчаянному нажиму в вопросе об открытии второго фронта во Франции в этом году, генерал Джордж Маршалл, начальник штаба американской армии, поддержанный флотскими коллегами, угрожал перебросить все силы США на войну против Японии, если отвергнут предлагаемую им и его коллегами стратегию боевых действий в Европе⁵.

Отсрочка с открытием второго фронта до 1944 г. служила главной причиной недоверия СССР к его англо-американским союзникам. Это недоверие еще более возросло после приостановки летом 1942 г. опасных арктических конвоев. Телеграммы Сталина, содержавшие такие выражения, как "несостоятельные доводы" или "необъяснимые действия", отражают его подозрительность⁶. Черчилль и Рузвельт со своей стороны постоянно опасались, что Сталин может пойти на заключение нового пакта с Гитлером. Российско-германские контакты в

Стокгольме, осуществлявшиеся после Сталинграда, хотя Гитлер постоянно отрицал это, вызывали серьезную тревогу в Лондоне и Вашингтоне по мере того, как становились известны новые факты⁷.

Что касается планов на послевоенный период, то следует отметить неприязнь Государственного департамента США ко всему имевшему какое-либо отношение к британо-российской договоренности о разделе "сфер влияния", например к переговорам о судьбе прибалтийских государств, которые велись в 1941-1942 гг., а также к пресловутому "процентному соглашению", достигнутому в 1944 г. Подобным же образом во второй половине войны Черчилль испытывал острые подозрения в отношении российско-американских контактов, осуществлявшихся, как он считал, за его спиной и за счет Британской империи.

Таким образом, "ведение хозяйства втроем" не могло обеспечить счастливую семейную жизнь. В действительности, как отметил в 4-й главе Теодор Уилсон, до последнего года войны трудно было говорить о полном союзе. Британия со времени падения Франции и до июня 1941 г. сражалась фактически в одиночку. Соединенные Штаты только в декабре 1941 г. наконец-то официально вступили в войну. Лишь в июне 1944 г. Америка и Британия объединились с Советским Союзом в качестве равных партнеров в борьбе против "гитлеровской крепости" в Европе. И только летом 1945 г. Советский Союз оказался готовым примкнуть к "подлинной войне" Соединенных Штатов против Японии. Образовавшийся примерно симметричный альянс, включая согласованное планирование и проведение операций, оказался недолговечным.

Между тем в области внешней политики три лидера с самого начала стремились прийти к взаимопониманию, и "дипломатия авиарейсов" между тремя лидерами сыграла здесь важнейшую и, без сомнения, благотворную роль. Состоялись две встречи лидеров Большой тройки: в Тегеране (конец ноября 1943 г.) и Ялте (начало февраля 1945 г.). Кроме того, Черчилль, Сталин и сменивший Рузвельта Гарри Трумэн встретились в Потсдаме (июль 1945 г.). Черчилль и Рузвельт в период с августа 1941 г. по февраль 1945 г. имели семь встреч на двусторонней основе. К тому же они вели беседы на конференциях в Каире, состоявшихся до и после Тегерана, а также на Мальте перед Ялтой.

Черчилль также дважды встречался со Сталиным во время визитов в Москву в августе 1942 г. и в октябре 1944 г. Рузвельт, однако, к своей досаде так и не смог провести двусторонние переговоры со Сталиным. Из трех лидеров Черчилль был наиболее динамичным и инициативным деятелем. По словам историка Робина Эдмондса, он являлся "стержневой фигурой Большой тройки" в период 1941-1942 гг., когда совершал поездки то к одному, то к другому политическому партнеру. Сталин (бывший семинарист) в 1944 г. в шутку заметил: если допустить, что Большая тройка является Святой троицей, то "Черчиллю должна быть отведена роль Святого духа, ведь он так много летает повсюду"⁸.

Рузвельту, безусловно, мешала его болезнь — развивавшийся наследственный полиомиелит. Сталин же был всецело поглощен схваткой не на жизнь, а на смерть, которая велась на советско-германском

фронте. Кроме того, он смертельно боялся летать на самолетах, как, впрочем, и любых поездок за рубеж, где он оказался бы вне охранной сети Лаврентия Берии. После революции он впервые совершил поездку за границу — в Тегеран в ноябре 1943 г.⁹

Помимо упомянутых визитов существовала устойчивая почтовая связь. Черчилль в военный период направил Рузвельту 1161 послание, получив от него в ответ 788. Черчилль и Сталин обменялись в общей сложности 504 посланиями, а Сталин и Рузвельт — 290¹⁰. Связующая сеть личных встреч и посланий поддерживалась также поездками доверенных лиц. Гарри Гопкинс и Аверелл Гарриман представляли интересы Америки, Макс Бивербрук и Антони Иден — интересы Черчилля, а нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов действовал от имени Сталина. На конференции министров иностранных дел трех держав, состоявшейся в Москве в октябре 1943 г., не только были заложены основы для встречи в Тегеране, но и выработаны некоторые основополагающие решения относительно будущего Европы.

Что касается личностных отношений, то контакты между Рузвельтом и Черчиллем были значительно более тесными, но и они имели свои характерные особенности, определявшиеся прежде всего условиями военного времени. До войны оба лидера были лишь представлены друг другу. Это произошло в 1918 г., когда Черчилль пользовался в Вашингтоне репутацией нестабильного и невоздержанного человека. Однако в силу необходимости в 1941–1942 гг., во время глобального кризиса, они оказались вынуждены установить прочные личные связи. После длительного визита Черчилля в Белый дом на рубеже 1941–1942 гг. Рузвельт провожал его со словами: "Можете до конца жизни полагаться на меня"¹¹.

Для Рузвельта, однако, в отличие от Черчилля, поддержание тесных отношений не являлось неременным условием. К середине 1943 г. личная приязнь к Черчиллю, совершенно очевидная в 1941 г., несколько притупилась. После победы СССР под Сталинградом и Курском у Рузвельта возникло острое желание лично познакомиться со Сталиным, которое к тому же подкреплялось осознанием его важной роли в установлении послевоенного порядка. Поэтому президент просто хотел сделать то, что уже осуществил Черчилль — встретиться с глазу на глаз со Сталиным, в частности для того, чтобы развеять страхи последнего перед возможностью организации американо-британской "оси" и не дать осуществиться замыслам Черчилля относительно роли посредника между лидерами двух выдвигавшихся на авансцену сверхдержав. Черчилль настолько тонко чувствовал обстановку, что президент "решительно соврал" ему в июне 1943 г., заявив, будто идея встречи Рузвельта со Сталиным была предложена "дядюшкой Джо"¹².

Тегеранская конференция подтвердила некоторые опасения Черчилля по поводу того, что его страна может оказаться самой короткой стороной складывавшегося треугольника и что несмотря на его новые визиты в Москву и Вашингтон прямые русско-американские контакты будут иметь важное значение. Поездки Рузвельта в Персию [Иран] и Крым, которые потребовали от него огромных физических усилий, по-

казали, насколько далеко он готов пойти по пути "встречи умов" с советским лидером. Интенсивное американско-английское взаимодействие, наглядно проявившееся в ходе планирования высадки десанта на Европейский континент в 1944 г., а также трудности общения со Сталиным, особенно после того, как обсуждение проблем устройства послевоенного мира стало преобладать над решениями военных вопросов, убедительно показали, что контакты Рузвельта и Черчилля будут продолжаться. Тем не менее в последние месяцы войны в отношениях между ними наблюдалось определенное охлаждение, по крайней мере со стороны президента. По мере того как его здоровье ухудшалось, многие из его посланий после Ялты готовились главным образом его помощниками. Черчилль же по-прежнему сам оставался автором личной переписки.

Что касается Сталина, то он в 1943-1945 гг., по-видимому, стремился реализовать свои цели в рамках сотрудничества великих держав. Тегеран и Ялта показали, что прямые контакты и теплые отношения не являются уже преувеличением. Для Сталина уровень доверия к Америке и Британии зависел от их готовности выполнить свои обязательства по открытию второго фронта. Когда осенью 1943 г. стало очевидно, что они действительно готовы к этому, его настроение переменялось самым радикальным образом. Профессионалы-советологи Форин офис, например, вспоминали, что после приема, устроенного по завершении Московской конференции министров иностранных дел, было "действительно замечательно": Сталин на виду у всех гостей поддразнивал Молотова и предложил выпить за предстоящую встречу американских, британских и советских войск в Берлине¹³.

На Тегеранской конференции Сталин провозгласил тост в честь консервативной партии Великобритании, а Черчилль опустошил бокал за здоровье "пролетарских масс". Трудно предположить, как в действительности Сталин воспринимал своих западных союзников. Похоже, он более уважительно относился к президенту Рузвельту, если вспомнить его шутку о том, что, хотя подглядывать нужно за обоими, можно быть уверенным, что Рузвельт не возьмет ничего из вашего кармана меньше рубля, в то время как Черчилль выгребет все до последней копейки. Цель Рузвельта в ходе встреч со Сталиным состояла в том, чтобы убедить его в своем дружелюбии и добрых намерениях. Однако реплика Сталина — "Мы предпочитаем отъявленных врагов притворяющимся друзьям" — показывает, что он знал цену Черчиллю и что добросердечие президента не изменяло сложившиеся идеологические реальности¹⁴. Переход к жесткому Трумэну на политической сцене от мягкого Рузвельта тем более не способствовал ослаблению подозрительности советского руководства. Прекращение поставок по ленд-лизу и сообщение о появлении у американцев атомной бомбы вызвало у Москвы чувство горечи.

Но если дипломатия Большой тройки складывалась в таких условиях, то каковы же были ее достижения?

Одним из позитивных результатов стали политические заявления, имевшие долгосрочное значение. Первая в военные годы встреча Руз-

вельта и Черчилля — близ Ньюфаундленда в августе 1941 г. — ознаменовалась принятием декларации о совместных намерениях, которая быстро получила наименование Атлантической хартии. В статье 2 этого документа говорилось о непризнании территориальных изменений, осуществленных в противоречии с пожеланиями населяющих их народов. В статье 3 признавалось право "всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить". В статье 8 содержалось упоминание о более широкой и постоянно действующей системе поддержания общей безопасности, в чем угадывается первый намек на Организацию Объединенных Наций¹⁵.

Отношение Британии и СССР к этой хартии до некоторой степени было прохладным. Черчилль считал, что хартия стала своего рода суррогатом объявления Соединенными Штатами войны. В Лондоне советский посол И. Майский заметил: "То, что произошло, создало впечатление, будто бы Англия и США воображают себя всемогущим господом богом, который призван судить весь остальной грешный мир, в том числе и мою страну"¹⁶. Как Великобритания, так и СССР стремились оговорить условия в тех случаях, когда могли затрагиваться их коммерческие или территориальные интересы. Но в конечном счете речь шла лишь о принципах, а не о выработке определений. Так, в Декларации об освобожденной Европе, подписанной лидерами Большой тройки в Ялте в 1945 г., содержались ссылки на Атлантическую хартию и определялись условия для проведения свободных выборов в странах, находившихся ранее под пятой нацистского рейха. Хартия стала моральным эталоном урегулирования положения в послевоенный период как в Европе, так и в колониях¹⁷.

На конференциях в годы войны также обсуждались вопросы, связанные с созданием международных институтов, которые продолжают действовать до сих пор. В январе 1942 г., во время визита Черчилля в Вашингтон, представители США, Великобритании, СССР, а также 23 других стран подписали Декларацию Объединенных Наций. В последующие годы лидеры трех великих держав затратили очень много времени на проработку деталей, связанных с деятельностью новых международных институтов, о чем, в частности, напоминает глава 14. Несмотря на некоторые разногласия по вопросам использования права вето и количества представительских мест, им удалось в 1945 г. создать действенную организацию, в которую вошло 51 государство, причем страны Большой тройки заняли 3 места из 5 постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Большое значение для будущего имели также такие организации, как Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР), основанные в Бреттон-Вудсе (штат Нью-Гэмпшир) в июле 1944 г. И вновь США и Англия играли роль главных организаторов, в то время как Советский Союз был одним из членов-основателей. На закрытии конференции советский делегат М. С. Степанов заявил: "Стабилизация денежных систем различных стран, расширение мировой торговли, сбалансирование международной системы платежей, долгосрочные капиталовложения для реконструкции

и развития демократических наций и особенно для восстановления экономики тех государств, которые в наибольшей степени пострадали от вражеской оккупации и военных действий, — все эти устремления исключительно важны для послевоенной организации мирового сообщества, а также для поддержания и укрепления мира и безопасности¹⁸.

Такие документы, как Атлантическая хартия и Декларация об освобожденной Европе, а также такие институты, как ООН и МВФ, зафиксировали долговременные основы наследия дипломатии военного периода. Однако наследием стали и акценты на разрыв, а не на взаимоприятие. Возникшие институты превратились в арену конфликтов, а не в инструменты примирения. В конечном счете СССР не ратифицировал соглашения Бреттон-Вудса и не стал участником МВФ и МБРР.

Еще более серьезное значение имели существенные расхождения в толковании Декларации об освобожденной Европе, которые стали причиной возникновения холодной войны в 1945 г. Советско-американское соперничество вскоре привело к тупиковой ситуации в Совете Безопасности ООН. Любые оценки дипломатического наследия времен военного союза должны учитывать как достижения, так и провалы — победу во второй мировой войне и раскол, приведший к холодной войне. Это темы следующих двух разделов данной главы. Только после их рассмотрения мы сможем наконец подойти к вопросу о значении наследия военного союза для наших дней.

Ключевой момент в истории союза Америки, Великобритании и России — их победа во второй мировой войне. Можно предположить, что если бы победу одержали страны "оси", а союзники потерпели поражение, то обстановка в мире во второй половине XX в. весьма отличалась бы от той, которая нам известна. Было бы намного хуже. Идеология Германии и Японии в военное время была пропитана смертью и разрушением. Для Гитлера конфликт был естественным состоянием, а мир — лишь временным отклонением от него. Он заявлял: "Один всегда пьет кровь другого. Умирающий обеспечивает пищу для оставшихся в живых. Нам не пристало болтать о гуманизме"¹⁹. Его "новый порядок", в основу которого положено превосходство арийской расы, предполагал бесчисленные жертвы. В особенности это относится к уничтожению большинства евреев в Европе и миллионов славян.

В Азии победы Японии постоянно использовались для разрушения "комплекса загадочности" белых людей и подъема националистических движений. Токио пропагандировал "новый порядок" в Азии, основанный на принципе "хакко ичиу" ("Hakko Ichiu") — "все нации — одна семья, и каждая должна довольствоваться своим местом". Однако вскоре обнаружилось, что это всего лишь обман. Японцы зверски эксплуатировали "освобожденные" народы, многие жители Юго-Восточной Азии стали расценивать разговоры о "ведении священной войны в интересах всех азиатов" как циничную ложь²⁰.

Нельзя сказать, что действия союзников были безупречными. Как уже отмечалось, каждая страна вела войну в значительной степени исходя из собственных интересов. Сталин проявлял жестокость в отно-

шении Восточной Европы. Британия нередко относилась к своим вассалам в империи с циничным безразличием. Америка же сбросила атомные бомбы на Японию, отчасти руководствуясь расовой ненавистью, что в моральном плане всегда вызывало споры. Тем не менее союзники сражались не только во имя победы. Документы, подобные Атлантической хартии и Декларации Объединенных Наций, даже несмотря на все оговорки к ним, были созданы как для замены "нового порядка" стран "оси", так и для упразднения старого довоенного порядка.

Победу союзников ни в коем случае нельзя считать предопределенной. В 30-е годы страны "оси" представляли динамичную глобальную силу. "Международный фашизм" выступал как объединенное и мощное формирование, для которого были характерны такие черты, как крайне правый милитаризм, презрение к парламентской демократии и злобная ненависть к коммунизму. Антикоминтерновский пакт между Германией и Японией, заключенный в ноябре 1936 г., усилился после присоединения к нему через год Италии. В мае 1939 г. был заключен "Стальной пакт" между Гитлером и Муссолини, а в сентябре 1940 г. — Тройственный пакт Германии, Италии и Японии, направленный, в частности, на сдерживание Соединенных Штатов. В декабре 1941 г., незадолго до нападения Японии на Пёрл-Харбор, три державы подписали соглашение, обязавшись не заключать сепаратного мира.

Противники же Германии и ее партнеров с трудом притирались тогда друг к другу. Отношения между США и Великобританией продолжали оставаться настороженными, даже в 1941 г., а со 2-й половины этого года только устанавливались ограниченные контакты со Сталиным. С идеологической точки зрения страны "оси" выглядели значительно более объединенными, чем их соперники, причем никому не было доподлинно известно, какие же действительно военные секреты спрятаны за ширмой риторики.

В конце 30-х годов Германия и Япония были безусловно лучше подготовлены к войне, чем колеблющаяся Великобритания, безоружная Америка или подвергнувшаяся репрессиям Красная Армия. Наступление Германии на Восток в середине 1941 г. и впечатляющие победы Японии обеспечили, казалось, зимой 1941 г. странам "оси" исходные позиции для нового раздела мира.

Произошедшие опустошающие перемены настолько шокировали американцев, англичан и русских, что они начали более тесно сотрудничать между собой. "Живые закрывали глаза умершим. Мертвые открывали глаза живым"²¹. Весьма поучительно провести беглое сравнение сотрудничества союзников в период 1941-1945 гг., документально отраженного в предыдущих главах, с растущей изоляцией стран "оси". К примеру, союзники в 1942 г. значительно совершенствовались в области раскодирования вражеских шифров. Дешифровальные системы "Энигма" и "Мэджик" позволили американцам и англичанам читать закодированные сообщения стран "оси", получая надежные сведения о замыслах противника. По словам Черчилля, в руках союзников оказалась птица, несущая "золотые яйца". К 1943 г., например, англичане прочитывали до 3 тыс. германских информсообщений в день, в то время как

для Германии, Италии и Японии "шифры союзников остались неразрешимой загадкой". Очень важным было также и то, что "птица, несущая золотые яйца, никогда не кудахтала"²². В конце 30-х годов секретные службы США и Британии допустили ряд ужасных ошибок. На этот раз все было по-иному, и технология раскодирования содержалась в полном секрете. Несмотря на предупреждение итальянцев, Германия и Япония не поколебались в своей убежденности, что "их кодовые системы остаются неуязвимыми"²³.

Англо-американское сотрудничество в этой сфере, как и во многих других областях, было наиболее интенсивным. Но и Советский Союз получил немало информации, собранной с помощью "Энигмы", прежде всего в 1941-1942 гг., когда наступление германских войск было особенно яростным. Впрочем эти материалы иногда лишь дублировали информацию, которую Москва получала от своей разведывательной группы "Кольцо Люси", действовавшей в Швейцарии. В 1944 г. разведывательные службы трех государств тесно сотрудничали в осуществлении мер по дезинформации противника о времени и месте готовившегося англо-американского десанта (эти меры имели кодовое название "Бодигард")²⁴.

Экономические связи между США, Великобританией и СССР также были намного обширнее и многозначнее тех, которые существовали в среде их противников. В 1941-1945 гг. взаимные поставки США и Великобритании исчислялись суммой, составившей 4,75% их национального дохода. Хотя это свидетельствует о примерно эквивалентной взаимопомощи, очевидно, что американская поддержка была особенно необходима британской экономике. Кредиты США покрывали почти 54% платежного дефицита Англии на протяжении всего военного периода²⁵.

Что касается англо-американской помощи России, то в 1941-1942 гг. она была очень небольшой, осуществлялась крайне медленно и поэтому не могла служить важной материальной поддержкой, направленной на то, чтобы остановить нацистские орды, однако после Сталинграда положение изменилось. В 1943-1944 гг., судя по современным оценкам, эта помощь составила примерно 20% от объема производства СССР. Благодаря этой помощи была значительно повышена мобильность развивавшейся наступление Красной Армии, которая получила в свое распоряжение грузовики, джипы и другую технику²⁶.

В этой области усилия стран "оси" просто несопоставимы. Основные экономические связи Японии до 1939 г. опирались на США и Великобританию. Различные соглашения между странами "оси" мало чем способствовали развитию их экономических контактов. Блокада, установленная Англией, разрушила в основном германо-японские торговые пути, проложенные в 1939-1940 гг. А осуществление плана "Барбаросса" оборвало торговые связи, осуществлявшиеся через Россию во время действия нацистско-советского пакта²⁷.

С экономической точки зрения Япония не представляла большой ценности для Германии, а Италия и вовсе была обузой. Италия испытывала острый дефицит практически во всех важнейших видах сырья.

Поэтому многие германские планировщики в 1939-1940 гг. были даже заинтересованы в сохранении Италией нейтралитета. Пока Гитлер одерживал победы, захватывая обширные территории на протяжении всего 1940 г., было нетрудно поддерживать участие в войне Муссолини. Однако с 1942 г. итальянская экономика начала в буквальном смысле разваливаться, несмотря на помощь Германии. К 1945 г. уровень валового национального продукта Италии составлял 60% от уровня 1939 г., а экономические показатели многих отраслей хозяйства были близки к уровню, существовавшему до первой мировой войны²⁸. Возможно, что экономическое сотрудничество союзных держав было ограниченным и непропорциональным, но по сравнению с деловыми контактами стран "оси" оно было действительно впечатляющим и действительно вносило важный вклад в достижение окончательной победы.

Внутри Великого союза осуществлялись также широкие личные связи, что было совсем не характерно для стран "оси". Вследствие географической близости Германии и Италии Гитлер и Муссолини встречались довольно часто, и, похоже, фюрер испытывал симпатию к Муссолини, памятуя о его поддержке в период зарождения нацистского движения. Поэтому Гитлер поддерживал его любой ценой, даже когда военные усилия Италии потерпели полный крах. Однако с японскими лидерами Гитлер не встречался и до 1943 г. держал их на почтительном расстоянии. Странам "оси" не удалось организовать и провести крупные конференции, сколько-нибудь сравнимые с теми, какие были проведены союзными государствами в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Эти конференции демонстрировали всему миру единство союзников, такое единство, которое странам "оси" даже не снилось.

Между тем встречались и переписывались не только главы союзных государств. Происходили интенсивные встречи военных и гражданских чиновников, причем особенно часто между американцами и англичанами. Подобные отношения имели очень важное значение для будущего, о чем свидетельствуют карьеры Джорджа Маршалла, Дуайта Эйзенхауэра, Антони Идена, Гарольда Макмиллана и Гастингса Исмея (военного секретаря Черчилля, который затем стал первым генеральным секретарем НАТО). Для советских деятелей, например Вячеслава Молотова и Андрея Громыко, встречи с западными коллегами имели неоценимое значение с точки зрения перспектив послевоенной дипломатии.

Осуществлялось множество встреч и на массовом уровне. Накануне высадки союзных войск в Европу в Великобритании находилось 1,7 млн американских солдат и офицеров, тесно общавшихся с англичанами. Энтузиазм и симпатии к советскому народу и к его героическим усилиям уже с 1941 г. стали отличительной чертой общественного мнения Великобритании и США. В стане стран "оси" не было ничего подобного, что могло бы с этим сравниться.

Развитие личных отношений делало возможным формирование стратегического консенсуса или, по крайней мере, компромисса и еще больше укреплялось по мере расширения связей. Под воздействием на-

глядного примера страны "оси" также пытались выработать совместную стратегию. В ответ на Вашингтонскую (1941-1942 гг.) конференцию Черчилля и Рузвельта и поездку министра иностранных дел Великобритании Антони Идена в Москву для встречи со Сталиным в Берлине было подписано 18 января 1942 г. германо-итало-японское военное соглашение. В соответствии с этим актом мир был поделен между ними вдоль линии, совпадавшей с 70-м градусом восточной долготы (проходившей, грубо говоря, через Омск, Кабул и Бомбей). Германия и Италия действовали в зоне к западу от этой линии вплоть до Атлантического побережья Америки, в то время как Япония, действовавшая к востоку от этой линии, имела дело со странами Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна. Соглашение предусматривало помощь со стороны Японии в том случае, если американцы и англичане сосредоточат свой флот в Атлантике, или соответствующую помощь Японии со стороны Германии и Италии в случае, если союзники сконцентрируются на Тихом океане²⁹. В соглашении также предусматривалось объединение усилий стран "оси" в области торговли и военных поставок. Однако, несмотря на высокопарную риторику, эти планы сотрудничества не были реализованы. Гитлер старался "взять на поруки" Муссолини. Что же касается отношений между Германией и Японией, то никакого крупного сближения стратегии так и не возникло. Токио было посвящено в план "Барбаросса" только за две недели до начала операции, а министр иностранных дел Германии Риббентроп узнал о нападении японцев на Пёрл-Харбор из сообщений британского радио³⁰.

На имперской конференции в Токио, состоявшейся 2 июля 1941 г., было принято важное решение о невступлении Японии в войну против СССР на стороне Германии. Вместе с тем решения этой конференции предусматривали продвижение на юг, допуская риск вступления в войну с Америкой и Великобританией. Таким образом, Япония сохраняла свой нейтралитет по отношению к Советскому Союзу. Что касается Сталина, то он, всецело занятый ожесточенной войной на западе, не проявлял никакого желания обеспечить себе еще одного врага, пока главную опасность представляла Германия.

Зимой 1941/42 г. командование германского и японского флотов обсуждало возможные условия проведения совместных боевых операций против Британской империи, избрав в качестве объектов нападения наиболее уязвимые позиции англичан на Ближнем Востоке и осуществляя свои действия соответственно из Средиземного моря и Индийского океана. Однако эти проекты не получили поддержки, поскольку они шли вразрез с основной стратегией Берлина и Токио. Начиная с 1941 г. главные заботы Гитлера были связаны с Россией, в то время как главным врагом Тодзио и его окружения на Тихом океане стали Соединенные Штаты.

Примечательно, что страны антигитлеровской коалиции также сохранили свои различные стратегические приоритеты: для России основным оставался германский фронт; для США (хотя в немалой степени в эмоциональном плане) таким врагом являлась Япония; внимание Черчилля всегда было обращено на Средиземноморье. Однако в последний

год войны Большой тройке удалось объединить свои усилия и выработать единую стратегию³¹.

Гитлер и Тодзио, напротив, вели абсолютно отдельные войны, в то время как Италия после 1941 г. стала не столько надежным союзником, сколько придатком нацистской Германии. Глубокие идеологические разногласия только усиливали различия в геополитических интересах. Несмотря на то что Германия и Япония воспринимались мировым общественным мнением как страны с диктаторскими или тоталитарными режимами, обе они были глубоко разделены расовыми предрассудками. И такое разделение было намного более сильным, чем любые размежевания в стане союзников. Одержимость Гитлера войной против России во многом объяснялась расовыми предрассудками. Он стремился уничтожить тех, кого рассматривал как славянских "недочеловеков" с их еврейским, большевистским руководством. Гитлер категорически отвергал любые предложения Японии о посредничестве³².

Более того, Гитлер, в отличие от Риббентропа, не желал участия "желтокожих японцев" в эпохальной борьбе арийской нации. За исключением одного мимолетного эпизода в июле 1941 г. и вплоть до поражения под Сталинградом в январе 1943 г. германский лидер лично не просил Японию вступить в войну против Советского Союза. Однако когда он обратился за помощью, Япония уже была вынуждена перейти к обороне, и просьба Гитлера повисла в воздухе.

Гитлеровские воззрения как бы повторились в аналогичном восприятии Японии. Несмотря на официальный союз с Германией, японская пропаганда часто освещала вторую мировую войну как битву рас и различных культур. Японцы представляли в виде ведущей мировой расы (shido minzoku), которой надлежало очистить Азию от разлагающего западного влияния. Типичная журнальная карикатура того времени изображала Японию в виде огромного пресс-папье, промокающего грязные кляксы западного присутствия на географической карте³³. Такая пропаганда, постоянно подпитываемая японскими концепциями об исключительности и чистоте желтой расы, оставляла мало надежд на участие ее европейских союзников в азиатских делах.

Вне всякого сомнения, идеологические разногласия осложнили отношения и между странами антигитлеровской коалиции. Нельзя упускать из виду ни англо-американские споры по поводу империализма, ни общей подозрительности капитализма в отношении коммунизма. Однако союзникам удалось преодолеть эти разногласия. Советы Рузвельта по поводу того, как надо обращаться с Индией, и его угрозы в адрес имперской опеки никогда не ставили под сомнение развитие его отношений с Черчиллем. Со своей стороны Сталин не позволял, чтобы идеология марксизма-ленинизма препятствовала деловому сотрудничеству.

Без сомнения, окончательная победа союзников в ходе войны была одержана благодаря их значительному перевесу в экономической области. В 1943 г. промышленное производство держав антигитлеровской коалиции по меньшей мере вдвое превышало общий уровень производства стран "оси", а объемы национальных доходов соотносились как 3:1 в пользу союзников. Их выпуск вооружения втрое превосходил анало-

гичный выпуск вражеской коалиции. В том же году авиазаводы союзников выпустили 151 тыс. самолетов, тогда как в странах "оси" совокупный выпуск составил 43 тыс. самолетов. В 1944 г. только СССР произвел танков на 60% больше, чем Германия³⁴.

Тем не менее экономический потенциал, хотя и *необходимое*, но все же *недостаточное* условие для победы. Потенциал следует эффективно реализовать. Весной 1942 г. страны "оси" контролировали 13% территории всей планеты, 35% населения Земного шара и свыше 30% всех минеральных ресурсов³⁵. Они обладали устрашающим потенциалом, который, однако, оказался разбросанным в значительной степени из-за отсутствия общей программы расходования этих ресурсов. Превосходство англичан и американцев на море, безусловно, мешало реализации планов стран "оси", но в еще большей степени они сами были повинны в своих неудачах. Их разведывательные службы плохо координировали свои усилия, их экономические связи оказались явно недостаточными, как и личностные контакты. Кроме того, наблюдались подчеркнутые расхождения в области стратегических приоритетов и идеологических устремлений. Все это помешало этим странам объединиться в подлинный союз.

В противоположность этому Америка, Британия и Россия гораздо более успешно провели объединение усилий в военно-экономической области. Их действия были отнюдь не безупречны, о чем уже не раз говорилось выше. Однако они оказались достаточно весомыми в этом мире, где все относительно и несовершенно. И если победу приносят "большие батальоны", то ее одерживает также тот, кто совершает меньше ошибок.

К сладости победы вскоре примешался неприятный привкус: мировая война закончилась, но началась холодная война. Одно вытекало из другого. Нельзя было не замечать существования серьезной напряженности и глубокой пропасти между коммунизмом и капитализмом, как нельзя было игнорировать давние ожидания того, что Америка и Россия выдвинутся в ряд сверхдержав. Точно так же нельзя отрицать, что холодная война во многом возникла вследствие насаждения сталинской системы в Восточной Европе и окончилась тогда, когда эта система распалась, причем как в восточноевропейских странах, так и в СССР. Тем не менее как необходимы две стороны для ведения "горячей" войны, так нужны они и для ведения холодной войны. Возникновение и распространение биполярной враждебности после 1945 г. в значительной степени связано с изъятиями, которые были присущи коалиции союзников в военное время.

Союзники предприняли неимоверные усилия, чтобы согласовать политические курсы, но им дипломатическим путем не удалось достигнуть согласия по ключевым проблемам. Сталин, Рузвельт и Черчилль, например, решительно расходились в своих интерпретациях ялтинских решений о Польше. Это выяснилось буквально через несколько недель после подписания ялтинских соглашений. Еще более существенным было то, что они расходились во мнениях об отношении к Германии. Во-

просы, связанные с репарациями, расчленением страны и установлением новой, денацифицированной администрации, оставались нерешенными в мае 1945 г. Германский вопрос стал одним из центральных в спорах, приведших к возникновению холодной войны.

Эти разногласия в значительной степени обуславливались различием интересов трех союзных держав. Советский Союз потерял в войне от 27 до 28 млн человек, или 14% своего населения (от общей численности, зафиксированной в 1939 г.). Великобритания потеряла убитыми 350 тыс. человек (0,75% от общего числа граждан страны), а США — 300 тыс. человек (0,25% от численности всего американского населения)³⁶. Жертвы только одного осажденного Ленинграда превышают потери США, Великобритании и всех стран Британской империи вместе взятых. Обеспечение безопасности перед лицом угрозы возрожденной Германии было, таким образом, вопросом жизни и смерти для Советского Союза. Для США и даже для Великобритании вопрос так не стоял.

Необходимо признать, что несмотря на расхождение интересов, союзные державы с недостаточной серьезностью подошли к решению некоторых дипломатических вопросов. Поразительно, как мало внимания Большая тройка уделила в Тегеране и Ялте тщательному обсуждению кардинальной проблемы, связанной с судьбой послевоенной Германии. Отдельные "решения" зачастую принимались на основе беглого обмена мнениями. Так было, например, в случае с недолговечным планом Morgenthau, необдуманно принятым в ответ на выдвинутые идеи. Три союзные державы, хотя и в разной степени, были убеждены, что их безопасность зависит скорее от территориального вопроса, нежели от дипломатических усилий.

Позиция Сталина в этом плане наиболее характерна. На протяжении всей войны он стремился создать в Восточной Европе буферную зону в качестве защиты против возрождения Германии. В 1941-1945 гг. эта политика сочеталась с усилиями добиться единства действий всех великих держав. Однако по мере ухудшения отношений с союзниками в 1945-1946 гг. такая политика взяла верх над дипломатическим сотрудничеством. На примере его знаменитой речи, произнесенной в Большом театре 9 февраля 1946 г. и получившей печальную известность в США, можно убедиться в том, как был совершен открытый переход от официальной партийной линии на "безопасность путем сотрудничества" к курсу обеспечения "безопасности в одной стране"³⁷.

Но Сталин явился лишь наиболее агрессивным сторонником проведения политики безопасности с акцентом на территориальный вопрос. Для Черчилля (об этом можно наглядно судить, ознакомившись с главой 13) безопасность Великобритании была нерасторжимо связана с сохранением Британской империи. Хотя война ускорила упадок этой империи, она не разрушила ее окончательно. Более того, неформальные имперские торговые и финансовые связи ненадолго даже упрочились в итоге войны. По различным причинам британский империализм был неприемлем как для американцев, так и для русских. Молотов, к примеру, утверждал в сентябре 1945 г., что англичане "сохранили монополь-

ное владение Средиземноморьем". Может быть, они "смогут найти хотя бы уголок" для русских? В конечном счете, русские имеют более непосредственный интерес к этому морю, чем англичане³⁸.

Даже американцы, несмотря на неприятие общественностью идеи о сферах влияния в Европе, умудрились создать неформальные сферы своего влияния в зоне Карибского моря и в Южной Африке, закрепив их за собой на десятилетия. Когда Рузвельт стал в 1944-1945 гг. выступать за введение международной системы опеки, он натолкнулся на яростное сопротивление Объединенного комитета начальников штабов США, которые требовали установления безоговорочного политического контроля США над Японскими островами для обустройства там в послевоенные годы военно-воздушных и военно-морских баз³⁹.

При проведении политики безопасности путем удержания и расширения территорий все три союзника были готовы пренебречь интересами малых государств. Глобальное руководство военными усилиями сулило пьянящую перспективу. Избранный триумвират был более восприимчив и более управляем, чем все международное сообщество. Черчилля возмущало намерение Рузвельта причислить Китай к числу великих держав. Рузвельт, со своей стороны, неохотно соглашался на включение в их число Франции.

С точки зрения более общей перспективы, политика безопасности путем удержания и расширения территорий означала превращение малых стран в пешки в руках великих держав. Самоочевидно, что эта политика базировалась на имперской философии. В годы войны в Лондоне было широко распространено убеждение в том, что небольшие колониальные анклавы, подобные Адену, Гибралтару или Британскому Гондурасу, никогда не станут способны к получению независимости⁴⁰. США, хотя и в менее открытой форме, демонстрировали те же склонности, как в этом убеждались небольшие соседние страны, например Куба. Рузвельт неоднократно высказывался на тот счет, что великие державы будут играть роль "наставников" колоний, ведя их к полной независимости.

Что касается Сталина, то он официально распустил Коминтерн в мае 1943 г. Однако функции управления коммунистическими партиями за рубежом в интересах Москвы частично перешли к созданному отделу международной информации ЦК ВКП(б)⁴¹.

Короче говоря, каждый член триумвирата взирал сверху на мировое сообщество. В Ялте Черчилль призывал Сталина к тому, чтобы предоставить небольшим государствам свободу: "Орел должен разрешить маленьким птичкам петь песни, не беспокоясь о том, что они поют"⁴². Однако он в не меньшей степени, чем Сталин и Рузвельт, был убежден, что "маленькие птички" могут летать и распевать, как им вздумается, только в клетке, которую соорудит Большая тройка.

Таким образом, мы подошли к самому уязвимому пункту союза. Пренебрежение к дипломатии, утверждение безопасности путем удержания и расширения территорий, недооценка малых государств — все это свидетельствует о том, что Большая тройка слишком полагалась на военную силу. В конце концов Британская империя удерживалась

силой или угрозой силы. Поэтому падение Сингапура в 1942 г., а позже в 1956 г. фиаско в Суэце нанесли такие болезненные удары по благонадежности британского империализма.

Сталинское правление в Восточной Европе еще более открыто полагалось на непререкаемый авторитет Красной Армии. События в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г. напоминают об этом. Когда угроза военной интервенции в 1989 г. отпала, реформы быстро вылились в революцию.

Политика США после 1945 г. в наибольшей степени была нацелена на "достижение военного превосходства"⁴³ с опорой на американскую экономическую мощь. Она была сформулирована в концепциях "государства национальной безопасности", и ее кульминация пришлось на период вьетнамской войны. Целое поколение американских лидеров, воспитанное на победном опыте, было убеждено в своей силе и правоте. Этот синдром британский историк Денис Броган охарактеризовал в 1952 г. как "иллюзию всемогущества"⁴⁴.

Основу мощи крупнейших государств стало определять ядерное оружие. Послевоенная Америка, первая обладательница ядерного оружия, отвергла предложение о международном сотрудничестве в ядерной области. Британия, младший партнер в осуществлении проекта "Манхаттан", была отторгнута от дальнейшего сотрудничества в 1946 г., и ей пришлось в одиночку продолжать исследования и самостоятельно провести испытания собственной атомной бомбы в 1952 г. Советский Союз всегда официально держали в стороне от этих дел, даже в военное время. Подозрения Кремля на этот счет, особенно принимая во внимание то, что начиная с 1942 г. его разведка интенсивно следила за американскими работами над атомной бомбой, привели Сталина к решению осуществлять собственную ядерную программу, также не сообщая об этом Западу. Первое испытание атомной бомбы русские провели в 1949 г. Таким образом, для каждого члена Большой тройки производство и владение самым разрушительным оружием превратилось в символ и инструмент могущества.

Можно понять, почему США, Великобритания и СССР уделяли первостепенное внимание военной силе. Этим державам пришлось пройти через горнило большой войны, в которой их армии сыграли решающую роль, а армии малых стран потерпели поражение. Моральная правота Большой тройки, казалось, подтверждалась победой над жестокой, расистской идеологией. Однако превосходство союзников в годы войны было в значительной степени искусственным, в чем с разной степенью душевных переживаний может убедиться буквально каждый.

Крушение империй представляло собой потрясающую трансформацию, особенно для Великобритании и России. Можно спорить о том, насколько активно США подрывали Британскую империю или, скорее, способствовали ее упадку, который обуславливался воздействием глубоких внутренних и внешних причин⁴⁵. Атлантическая хартия 1941 г. послужила критерием для оценки всех форм империализма. Эта "кислота" почти немедленно начала разъедать статус Британской империи,

возбуждая вопросы о судьбе Индии и Вест-Индии. Не считая стран Южной Азии, освободившихся в 1947 г., процесс деколонизации неактивно шел до 1960 г., когда он ускорился после ухода Франции из большинства ее колоний в Африке. Однако затем последовал обвал. Между 1960 и 1968 гг. 27 бывших колоний Великобритании получили независимость⁴⁶.

Крушение российского империализма происходило в течение более длительного времени, но окончательный его крах оказался более драматичным. Империя Романовых, создававшаяся в течение трех столетий, попала под власть большевиков и пережила, хотя и в усеченном виде, кровавую гражданскую войну 1918-1921 гг. При репрессивном режиме Сталина и его последователей этнические трения и соперничество между республиками заглашались вследствие жесткого контроля. Советское влияние распространилось также на большую часть Восточной Европы. Однако в более открытую эпоху при Горбачеве империя развалилась. Сначала в 1989 г. от нее отошли страны Восточной Европы, а затем, двумя годами позже, распался и Советский Союз. Его гибель означала конец последней из крупных европейских империй и завершение дебатов, начатых Вудро Вильсоном три четверти века назад.

Среди стран – участниц антигитлеровской коалиции только у США в первый послевоенный период в области внешней политики все обстояло более благополучно. Неформальная империя основывалась на инвестициях, торговле, военных базах и подкреплялась экономикой, которая обеспечивала в 1945 г. половину мировой промышленной продукции. Эта американская империя создавала основу политического и экономического порядка для большей части развитого мира. Осуществлялись программы экономического восстановления европейских государств, ведущую роль несомненно играл план Маршалла.

В 50-е годы постепенно начала воплощаться в жизнь идея, выдвинутая Вильсоном, более открытой международной экономики. В этих условиях Германия и Япония смогли осуществить свое возрождение и занять такие позиции в мировой торговле, которые они не могли завоевать в межвоенный период в силу противодействия блока колониальных и протекционистских государств. Более того, эти страны смогли добиться экономического процветания, находясь под защитой Америки, которая взяла на себя тяготы по обеспечению их обороны.

Распространение неформальной американской империи на третий мир было менее благотворным. США пытались сохранить дистанцию в отношениях с бывшими колониями, как это продемонстрировал Суэцкий кризис 1956 г., но антиколониальные аспекты их политики занимали второстепенное место, поскольку главным оставался антикоммунизм. Национализм представлял угрозу стабильности; нестабильность благоприятствовала усилению советского влияния; следовательно, национализм угрожал интересам США. Этот алогизм стал привычным, отражая положение вещей от Гватемалы до Ливана и от Индокитая до Чили. Господствовало мнение, что "поскольку существует возможное совпадение целей у Советов и «радикальных» движений, Соединенным

Штатам следует возглавить оборону консервативного статус-кво⁴⁷. По иронии судьбы, однако, сама нанеся себе серьезный ущерб Америка — мощный бичеватель империализма — была в 1970-е годы заклеена как ведущая империалистическая держава мира.

Крах империи означал одновременно самоутверждение малых государств и зарождающихся наций. Международная олигархия второй мировой войны (США, Великобритания и Россия, принявшие на себя роль "мирового полицейского") вскоре обнаружила свою искусственность. Несмотря на все надежды Рузвельта, Китай не стал "доверенным лицом" Америки, между тем как Франция, особенно в период правления де Голля, открыто выражала радость по поводу неудач Британии и США.

Конец имперского века совпал также с быстрым увеличением числа государств — членов ООН. В момент своего основания в 1945 г. эта организация объединяла 51 государство, среди них 15 европейских и 20 латиноамериканских. В 1970 г. в ООН входило уже 127 государств, в том числе 42 африканских и 30 азиатских. В результате Генеральная Ассамблея стала менее восприимчивой к руководству Соединенных Штатов. В 1945 г. около 40 государств считались союзниками или клиентами США. Четверть века спустя большинство государств — членов ООН проявляли враждебность к Соединенным Штатам или к их союзнику — Израилю⁴⁸. Разочарование правительства США деятельностью ООН в 70-е и 80-е годы во многом объяснялось тем фактом, что эта организация не являлась более инструментом американского влияния. К началу 90-х годов, после завершения холодной войны и крушения СССР, Генеральная Ассамблея ООН перестала быть орудием какой-либо великой державы. В марте 1992 г. в ООН насчитывалось 175 стран-участниц, причем $\frac{2}{3}$ из них составляли развивающиеся государства, которые подвергали сомнению международное владычество тех, кого они называли "Западом" или "Севером".

За последние полвека США, Великобритания и Россия наглядно убедились в ограниченности военной силы, которую они так успешно использовали в 1941-1945 гг. К 1952 г. все эти страны уже владели ядерным оружием; каждая из них рассматривала его как основу своей оборонительной политики, направленной на поддержание мира путем угрозы ядерного возмездия.

Независимо от того, сыграло ли ядерное оружие свою роль в предотвращении войны между сверхдержавами, оно несомненно способствовало гонке вооружений, которая в конечном счете нанесла ущерб главной цели — поддержанию национальной мощи. Британия первой вышла из игры, поскольку уже в 1960 г. она не могла поддерживать свои силы ядерного сдерживания без помощи американцев. Советскому Союзу удалось продолжить "ядерную игру" только благодаря командной экономике, в результате выделения военно-промышленному комплексу от 15 до 20% ВВП, что наносило колоссальный ущерб развитию технологии, производству потребительских товаров и состоянию окружающей среды. Михаил Горбачев и Борис Ельцин пришли к выводу, что такое бремя и экономически, и политически непосильно для стра-

ны. В результате начался процесс реформ, который в конечном счете подорвал сталинскую систему.

Вновь как будто было продемонстрировано американское "превосходство силы", особенно впечатляющее на фоне краха СССР, но оно было мнимым. Лимиты этой мощи стали совершенно очевидными в ходе катастрофы во Вьетнаме. К 1967 г. при администрации Джонсона на Вьетнам по тоннажу было сброшено больше взрывчатых веществ, чем США использовали их на всех театрах военных действий в ходе второй мировой войны. При администрации Никсона объем использованных бомб превысил показатели периода правления Джонсона⁴⁹. Впечатляющая демонстрация пиротехники в ходе операции "Буря в пустыне" в 1991 г. до некоторой степени рассеяла "вьетнамский синдром".

Стало ясно, что американское военное могущество в начале 1990-х годов базировалось на шатком фундаменте. Быстрое экономическое развитие Германии, Японии и стран "тихоокеанского кольца" подорвало относительное преимущество США в области экономики. Громадные затраты на вооружение, осуществленные в 1980-е годы администрацией Рейгана, благодаря которым стало возможным осуществление операции "Буря в пустыне", во многом оказались "расходами в долг". Образовался огромный бюджетный дефицит, который уже не могли и не хотели контролировать ни Конгресс, ни президент.

В 1990-е годы мы живем в таком мире, который Черчилль, Рузвельт и Сталин не могли себе даже представить. Рухнули империи и появилось большое число новых государств. Развалился Советский Союз, а марксизм-ленинизм оказался дискредитированным. Развитие ядерного оружия и гонки вооружения породили новые философские подходы к проблемам войны и мира. В наше время мир не стал более безопасным. Окончание холодной войны способствовало размораживанию некоторых застарелых национальных конфликтов и создало условия для обострения специфических региональных трений. В результате этого обострились и другие проблемы, такие как нераспространение ядерного оружия, загрязнение окружающей среды, проблемы экономической зависимости.

Вместе с тем в новых исторических условиях возник шанс того, чтобы позитивные элементы наследия Большой тройки, замороженные в годы холодной войны, получили простор для реализации. По крайней мере, появились условия для всестороннего использования дипломатии.

Большая тройка, действуя зачастую не лучшим образом, пыталась в период 1941-1945 гг. реализовать возможности дипломатии. В отличие от стран "оси", союзники старались согласовать не только свою военную стратегию, но и послевоенные цели. Для этого они создали такие институты, как Организация Объединенных Наций и Международный валютный фонд. Хотя их функционирование и было заморожено или заторможено в годы холодной войны, после ее окончания они приобрели больший вес. Наглядным примером этого является активная роль ООН в поддержании мира, что становится возможным только при условии международного консенсуса. С января 1988 г. по март 1992 г. вооруженные силы ООН были использованы 11 раз в различных регио-

нах мира от Камбоджи до Югославии, включая операции в Ираке и Кувейте в 1991 г. За предыдущие же 40 лет эти силы использовались всего 13 раз⁵⁰.

Возвращаясь к концепции "мирового полицейского", выдвинутой Франклином Рузвельтом, мы не должны забывать о том, что ныне этот "полицейский" заметно изменился, а те, среди кого он должен наводить порядок, и подавно совершенно переменялись. Тем не менее в 90-е годы действительно стало возможно эффективно использовать те институты, которые были основаны Рузвельтом и его коллегами.

Итак, каково же дипломатическое наследие Большой тройки и ведомой ею военной коалиции? Очевидно, что многое при ответе на этот вопрос будет зависеть от того, какой период времени имеется в виду. Больше всего союзники преуспели в деле разгрома государств и идеологий, которые, окажись они победителями, как отмечал Черчилль, ввергли бы весь мир в пучину мрачного века, наиболее зловещего и продолжительного, поскольку их деяния подкрепляла бы извращенная наука⁵¹. Союзники осуществили такой разгром благодаря тому, что они постепенно создали коалицию, которая была не только более мощной, но и лучше управляемой, чем блок их противников. Координация усилий находилась в центре действий глав трех государств, которые смогли добиться взаимопонимания и впервые использовать новый инструмент — челночную дипломатию путем воздушных сообщений.

В среднесрочном плане, однако, их наследие является расколотым и трагичным. Победа была достигнута дорогой ценой, в том числе ценой укрепления сталинистской системы в СССР и ее распространения на страны Восточной Европы. В этом заключается главная причина холодной войны. Но конфронтация в определенной степени возникла также потому, что дипломатия союзников оказалась недостаточно успешной, безопасность обеспечивалась путем удержания и расширения территорий, а не путем сотрудничества, ущемлялись права малых стран и делался слишком большой упор на военную силу.

Негативные последствия холодной войны сказывались на протяжении почти 50 лет. Окончание холодной войны и крах коммунизма в России в определенном смысле ознаменовали триумф предсказания Вудро Вильсона о мире, "безопасном для демократии". Однако американская мощь, оцениваемая по шкале холодной войны, оказалась по существу бесполезной. Соглашения о радикальном и беспрецедентном сокращении вооружений, заключенные между двумя сверхдержавами в 1988 г. и в последующий период (особенно соглашение Старт, ратифицированное в 1992 г.), не только стали важным шагом к установлению более безопасного мира. Они отражали совершенно иной подход к оценке концепции безопасности по сравнению с философией военного превосходства, развитой в годы холодной войны. Более того, философия 90-х годов оказалась объемной и более сложной в сравнении с той, которую представлял себе Вильсон в 1917 г. Как продемонстрировали события во Вьетнаме, попытки Америки конструировать "демократию" по собственному образцу способны привести к подавлению и трагедии. Более

подходящим можно назвать призыв Джона Ф.Кеннеди в июне 1963 г., прозвучавший за несколько месяцев до его гибели. Он призвал к построению мира, "безопасного для многообразного развития"⁵². Кеннеди, безусловно, был поборником американской демократии, однако его подход, более универсальный, чем вильсонизм, оказался более приемлемым для многообразного мирового сообщества. Дипломатия же, как известно, является посредником при переходе к многообразию.

Последнее слово должно принадлежать нашим главным действующим лицам. 30 ноября 1943 г. Черчилль, Рузвельт и Сталин вместе обедали в Тегеране, отмечая 69-летие британского премьер-министра. В конце этого застолья Рузвельт затронул тему сотрудничества между странами с различными политическими системами. Он сказал: "Мне нравится размышлять об этом, представляя радугу. Существует много различных цветов, каждый своеобразен по-своему, но все вместе они соединяются в великолепное сияние. То же происходит и с нашими странами. Мы отличаемся обычаями, философией и стилем жизни. Каждый из нас работает по-своему, руководствуясь пожеланиями и идеями своих народов. Однако здесь, в Тегеране, мы доказали, что различные идеалы наших государств могут гармонично сочетаться для неуклонного продвижения вперед на благо нас самих и всего мира. И даже покинув это место нашей исторической встречи, мы будем видеть в небе, может быть, по-настоящему впервые в истории, традиционный символ надежды — радугу"⁵³.

На обедах, которые устраиваются в ходе конференций, дипломаты, подобно ученым, склонны к гиперболам. Президент Рузвельт хорошо знал, что "союз трех" страдает существенными недостатками. Однако в крайне несовершенном мире даже такой союз был более эффективным и созидательным, чем противоборство.

В эру, которая наступила по окончании холодной войны, рузвельтовская "радуга" выглядит скорее как несколько преждевременное сияние. Но этот символ по-прежнему остается привлекательной целью.

¹ *Schlesinger A.M. (Jr.) The Imperial Presidency. N.Y., 1974. Ch. 5; Walter LaFeber, "American Empire, American Raj//America Unbound: World War II and the Making of a Superpower/Ed. W.F.Kimball . N.Y., 1992. P. 55-72.*

² *Kimball W.F Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence. Vols. 1-3. Princeton, 1984. Vol. 2. P. 55.*

³ *Bridge R. Allied Diplomacy in Peacetime: The Failure of the Congress "System". 1815-23//Europe's Balance of Power. 1815-1848/Ed. A.Sked. L., 1979. P. 34.*

⁴ *Kimball W.F. Churchill & Roosevelt. Vol. 1. P. 40, 49-50; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945: Документы и материалы: В 2-х т. М., 1983. Т. 1. С. 109.*

⁵ *The Papers of George Catlett Marshall/Eds. L.I.Bland, Sh.R.Stevens. 3 vols to date. Baltimore, 1981-1991. Vol. 3. P. 269-280.*

⁶ См. послание Сталина Черчиллю 23 июля 1942 г.//Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. В 2-х т. М., 1989. Т. 1. С. 67-68.

⁷ *Martin B. Deutsch-sowjetische Sondierungen über einen separaten Friedensschluss im Zweiten Weltkrieg//Felder und Vorfelder Russischer Geschichte/Eds. I.Auerbach et al. Freiburg, 1985. S. 284-287; Mastny V Russia's Road to the Cold War. N.Y., 1979. P. 73-84.*

- ⁸ *Edmonds R. The Big Three: Churchill, Roosevelt and Stalin in Peace and War. L., 1991. P. 298; Harriman W.A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941-1946. N.Y., 1975. P. 362.*
- ⁹ *Bullock A. Hitler and Stalin: Parallel Lives. L., 1991. P. 44; Volkogonov D. Stalin: Triumph and Tragedy. L., 1991. P. 488.*
- ¹⁰ *Kimball W.F. Churchill & Roosevelt. Vol. 1. P. 3; Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 1. С. 373; Т. 2. С. 214. См. также обмен 12-ю посланиями между Сталиным и Эттли и 94-мя — между Сталиным и Трумэнном.*
- ¹¹ *War Cabinet Minutes, WM 8 (42) 1, 17 Jan. 1942. CAB 65/25 (Churchill quoting FDR).*
- ¹² *Kimball W.F. Churchill & Roosevelt. Vol. 2. P. 283.*
- ¹³ *John Balfour, draft letter to Christopher Warner. 1 Nov. 1943, and Warner to Clark Kerr. 11 Nov. 1943 (quotation) (FO 800/301, 235-36, 248).*
- ¹⁴ *Edmonds R. The Big Three. P. 455; McNeal R.H. Stalin: Man and Ruler. L., 1988. P. 254-255.*
- ¹⁵ *US Department of State. Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). Wash., 1862-. 1941. Vol. 1. P. 368.*
- ¹⁶ *Майский в НКВД СССР//Советско-английские отношения. Т. 1. С. 108.*
- ¹⁷ *The Atlantic Charter: Then and Now/Eds. D. Brinkley, D. Facey-Crowther. N.Y., 1993.*
- ¹⁸ *Van Dormael A. Bretton Woods: Birth of a Monetary System. L., 1978. P. 220-221.*
- ¹⁹ *Fest J.C. Hitler/Tr. by Richard and Clara Winston. N.Y., 1975. P. 209.*
- ²⁰ *См.: Thorne Ch. The Far Eastern War: States and Societies 1941-1945. L., 1986. P. 145, 160.*
- ²¹ *Rzheshesky O. Europe 1939: Was War Inevitable?/Tr. by Stepan Apresian. Moscow, 1989. P. 178.*
- ²² *Hinsley F.H. British Intelligence in the Second World War//Intelligence and International Relations, 1900-1945/Eds. Ch. Andrew, J. Noakes. Exeter, 1987. P. 210; Gilbert M. Finest Hour: Winston S. Churchill. 1939-1941. L., 1983. P. 612.*
- ²³ *Chapman J.W.M. Japan, Germany and the International Political Economy of Intelligence// Deutschland-Japan in der Zwischenkriegszeit/Eds. J. Kreiner, R. Mathias. Bonn, 1990. S. 60.*
- ²⁴ *Smith B.F. The Ultra-Magic Deals: And the Most Secret Special Relationship. 1940-1946. Novato (Calif.), 1992. См. также выше гл. 4.*
- ²⁵ *Sayers R.S. Financial Policy. 1939-1945. L., 1956. P. 498, 522, 543.*
- ²⁶ *Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front. 1941-1945. L., 1991. P. 189-193, 221.*
- ²⁷ *Pauer E. Die wirtschaftlichen Beziehungen zwischen Japan und Deutschland, 1900-1945// Deutschland-Japan: Historische Kontakte/Ed. J. Kreiner. Bonn, 1984. S. 161-210.*
- ²⁸ *Milward A. War, Economy and Society. 1939-1945. Berkeley, 1977. P. 97.*
- ²⁹ *Конвенция полностью опубликована в книге Б. Мартина (Martin B. Deutschland und Japan im Zweiten Weltkrieg: Vom Angriff auf Pearl Harbor bis zur deutschen Kapitulation. Göttingen, 1969. S. 232-234).*
- ³⁰ *Krebs G. Japan und der deutsch-sowjetische Krieg, 1941// Zwei Wege nach Moskau: Vom Hitler-Stalin Pakt bis zum "Unternehmen Barbarossa"/Ed. B. Wagner. Munich, 1991. S. 569-570; Martin B. Deutschland und Japan... S. 43.*
- ³¹ *Butow R.J.C. Tojo and the Coming of the War. Stanford, 1961. Ch. 8.*
- ³² *Martin B. Deutschland und Japan... S. 284.*
- ³³ *Dower J.W. War without Mercy: Race and Power in the Pacific War. L., 1986. P. 229.*
- ³⁴ *Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict, 1500-2000. L., 1988. P. 352-356.*
- ³⁵ *Eckes A.E. (Jr.) The United States and the Global Struggle for Minerals. Austin (Tex.), 1979. P. 84.*
- ³⁶ *Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front. P. 40-41 (27-28 million). О США и Британии см.: Parker R.A.C. Struggle for Survival: The History of the Second World War. Oxford, 1989. P. 131, 281, 285. Российские цифры пересматриваются. По оценке Бориса Соколова, относящейся к апрелю 1991 г., общие потери убитыми во время войны составили 37-38 млн человек, включая жертвы сталинского террора. См.: Rudensky N. War as a Factor of Ethnic Conflict and Stability in the U.S.S.R// Effects of War on Society/Ed. G. Ausenda. San Marino, 1992. P. 187-188.*

- ³⁷ Война и мир в 20-м столетии/Отв. ред. А.О.Чубарьян. М., 1992. С. 73-79.
- ³⁸ The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations. 1941-1945/Ed. G.Ross. L., 1984. P. 240.
- ³⁹ Louis Wm.R. Imperialism at Bay: The United States and the Decolonization of the British Empire. 1941-1945. Oxford, 1977. См. главы 16, 22-23, 30-32.
- ⁴⁰ Lord Moyne [Colonial Secretary] to Leopold Amery, 26 Aug. 1941, CO 323/1858, file 9057/4.
- ⁴¹ Лебедева Н.С. Тень Коминтерна (1943-1945) // Ялта. 1945. Проблемы войны и мира/ Под ред. А.Н.Баженова, О.А.Ржешевского. М., 1992. С. 73-79.
- ⁴² FRUS. Conferences at Malta and Yalta. P. 590.
- ⁴³ Leffler M.P. A Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration, and the Cold War. Stanford (Calif.), 1992.
- ⁴⁴ Brogan D.W. American Aspects. L., 1964. Ch. 2.
- ⁴⁵ См. оценки Макса Белофа и Роджера Луи в кн.: The "Special Relationship": Anglo-American Relations since 1945/Eds. Wm.R.Louis, H.Bull. Oxford, 1986. Chs 15-16.
- ⁴⁶ Porter B. The Lion's Share: A Short History of British Imperialism, 1850-1983. L., 1984. P. 335.
- ⁴⁷ Stivers W. Eisenhower and the Middle East//Reevaluating Eisenhower: American Foreign Policy in the Fifties/Eds. R.A.Melanson, D.Mayers. Chicago, 1987. P. 194.
- ⁴⁸ Armstrong D. The Rise of the International Organisation: A Short History. L., 1982. P. 60-61.
- ⁴⁹ Herring G.C. America's Longest War: The United States and Vietnam. 1950-1975. N.Y., 1986. P. 145, 256.
- ⁵⁰ Access Security Information Service. Wash. "Resource Brief". Mar. 1992. Vol. 6. № 1.
- ⁵¹ Churchill W.S. The Second World War. Vols. 1-6. L., 1948-1954. Vol. 2. P. 198.
- ⁵² Public Papers of the Presidents of the United States: John F.Kennedy, 1963. Wash., 1964. P. 462.
- ⁵³ FRUS. Conferences at Cairo and Tehran. 1943. P. 585.

ОБ АВТОРАХ

Александр О. ЧУБАРЬЯН — член-корреспондент Российской Академии наук, специалист в области истории Европы XIX и XX вв. Заведующий сектором истории международных отношений в Институте всеобщей истории РАН (Москва) и директор этого же института. Является также заместителем председателя Национального комитета российских историков, вице-президентом Международной ассоциации современной истории Европы, вице-президентом Международной комиссии по истории международных отношений, членом бюро Международного комитета исторических наук. Его перу принадлежит свыше 150 научных работ, в том числе монографии “Брестский мир” (1964), “Европа XX века: проблемы мира и безопасности” (соавтор и ответственный редактор, 1985), “Европейская идея в истории: проблемы войны и мира” (1987).

Чарльз С.АЛЕКСАНДЕР — почетный профессор истории в университете Огайо (США). Его перу принадлежат работы по вопросам истории ку-клукс-клана, а также развития американской космической программы. Является автором большого числа монографий по интеллектуальной и культурной истории США, особенно периода второй мировой войны, в том числе: “Национализм в американской общественной мысли. 1930-1945” (1969); “Вот эта страна: Национализм и искусство Америки XX столетия” (1980). Им написана, кроме того, книга “Придерживаясь намеченной цели: эра Эйзенхауэра. 1952-1961” (1975), две биографии (“Тай Кобб”, 1984; “Джон Макгроу”, 1988); книга “Наша игра: история американского бейсбола” (1991).

Ллойд ГАРДНЕР — профессор американской истории университета Ратгерс (штат Нью-Джерси). Автор множества работ по истории внешней политики США, в том числе: “Экономические аспекты дипломатии Нового курса” (1964); “Архитекторы иллюзий: люди и идеи в американской внешней политике. 1941-1949” (1970); “Ради демократии: англо-американский ответ на революцию. 1913-1923” (1984); “Подступая к Вьетнаму: от второй мировой войны к Дьен-Бьен-фу” (1988); “Сферы влияния: Раздел Европы великими державами” (1993).

Алекс ДАНЧЕВ — профессор истории международных отношений в университете города Кили (Великобритания). Обучался в Оксфордском, Кембриджском, Лондонском университетах. В течение нескольких лет служил в британской армии, читал лекции в Королевской военной академии в Сандхерсте и других городах; являлся научным сотрудником отдела военных исследований в Королевском колледже (Лондон) и колледже Сент-Энтони (Оксфорд); работал в Центре Вудро Вильсона в Вашингтоне. Автор

и редактор двух книг по истории англо-американских отношений во время второй мировой войны, а также работ по истории конфликта в Персидском заливе. Одна из последних книг — о деятельности философа и государственного деятеля Оливера Фрэнкса.

Уоррен Ф. КИМБОЛЛ — профессор истории университета Ратгерс (штат Нью-Джерси). По программе Фулбрайта читал лекции по американской истории в Кембриджском университете в 1988-1989 гг.. Автор множества трудов по истории внешней политики Франклина Рузвельта; в числе последних: “Черчилль и Рузвельт: полное собрание переписки” (в 3-х томах, 1984); “Фокусник: Франклин Рузвельт — государственный деятель времен войны” (1991). Под его общей редакцией в серии дипломатической и экономической истории вышла книга “Развязанная Америка: вторая мировая война и рождение сверхдержавы” (1992).

Михаил М.НАРИНСКИЙ — доктор исторических наук РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, заведующий отделом новейшей истории Западной Европы. Специалист по международным отношениям и истории Европы XX в. Его перу принадлежат книги: “Англия и Франция в послевоенной Европе. 1945-1949” (1972); “Классы и партии во Франции. 1945-1958” (1983). Один из авторов ряда коллективных трудов, в том числе “Вторая мировая война: Краткая история” (1984); “Движение Сопrotивления в Западной Европе. 1939-1945” (1990).

Ричард Дж. ОВЕРИ — профессор новой истории в лондонском Королевском колледже. Автор книг “Воздушная война. 1939-1945”; “Железный Геринг”; “На пути к войне”. В настоящее время завершает труды по истории второй мировой войны и истории нацистской экономики.

Лидия В.ПОЗДЕЕВА — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Специалист по истории и дипломатии периода 1930-х годов и второй мировой войны. Ее перу принадлежат монографии “Англия и ремилитаризация Германии. 1933-1936” (1956); “Англо-американские отношения в годы второй мировой войны (2 тома, 1964, 1969); “Канада в годы второй мировой войны” (1986). Является также одним из авторов различных коллективных трудов, в том числе “Вторая мировая война. Краткая история” (1984); “1939 год: уроки истории” (1990); “Движение Сопrotивления в Западной Европе 1939-1945” (1990).

Дэвид РЕЙНОЛДС — научный сотрудник Крайст-колледжа (Кембриджский университет). Автор монографии “Создание англо-американского альянса: 1937-1941. Исследование конкурентного сотрудничества” (1981) (отмечена премией Берната в 1982 г.); книги “По две стороны океана: отношения между Великобританией и Америкой в XX веке” (1988). Материалы этой

книги активно использовались британскими радиовещательными и телевизионными корпорациями в серии передач, в которых он являлся главным консультантом по истории. Книга “Чрезмерно управляемая Британия: британская политика и мировая держава в XX веке” (1991).

Олег А.РЖЕШЕВСКИЙ — доктор исторических наук, профессор, специалист по истории второй мировой войны. Заведующий сектором истории войн XX в. в Институте всеобщей истории РАН; вице-президент Международного комитета истории второй мировой войны. Автор нескольких научных работ, в том числе монографий: “Война и история” (1976, 1984); “Мифы и реальности второй мировой войны” (1984); “Европа 1939: была ли война неизбежной?” (1989). Является также одним из авторов многих коллективных трудов, в том числе: “1939 год: уроки истории” (1990); “Генералы Сталина” (1993)

Марк А.СТОЛЕР — профессор истории Вермонтского университета (США). Автор книг: “Политика второго фронта: американское военное планирование и дипломатия в коалиционной войне 1941-1943” (1977); “Джордж Маршалл: солдат и государственный деятель американского столетия” (1989). Его перу принадлежит большое число статей по вопросам американской стратегии и дипломатии периода второй мировой войны. Читал лекции в Военно-морском колледже США; по программе Фулбрайта преподавал в университете в Хайфе.

Теодор А.УИЛСОН — профессор истории в Канзасском университете. Его монография “Первая встреча на высшем уровне: Рузвельт и Черчилль в Пласеншиа-Бэй. 1941” (1969, 1991) получила премию Френсиса Паркмена. Автор и ответственный редактор ряда книг, в том числе: “Вторая мировая война: важнейшие проблемы” (1974); “Архитекторы американской дипломатии” (1974), “Три поколения Америки XX века” (1976); “План Маршалла. 1947-1951” (1977). В настоящее время завершает монографию, посвященную вопросам подготовки американских наземных войск в период второй мировой войны.

Жози ХАРРИС — преподаватель новой истории в Оксфордском университете, научный сотрудник колледжа Святой Екатерины. Автор биографии Уильяма Бевериджа, основателя британского государства всеобщего благосостояния. Ее перу принадлежат также многочисленные статьи по социальной истории периода второй мировой войны. Книга “Социальная история Великобритании: 1870-1914” была издана двумя крупными британскими издательствами: “Оксфорд Юниверсити пресс” и “Пенгуин букс” (1992). В настоящее время работает по тематике интеллектуальной истории современного социального обеспечения и общественной мысли немецкого философа Фердинанда Тонни.

Указатель ИМЕН

- Адамс Д. 412
 Айронсайд Э. 42
 Александр Г. 48
 Александр Невский, князь 290
 Александр I 422
 Аллен Ф. 320
 Андерсон Дж. 145
 Андерсон К.М. 20
 Антипенко Г. 75
 Антонов А.И. 81, 82
 Арапиев Х. 294
 Арнольд Г. 92, 114
 Ачесон Д. 237, 419
- Бабингтон Дж.** 179
 Баггaley Г. 368
 Байдуков Г. 327
 Бальфур Дж. 332
 Бальфур М. 374
 Барбер Дж. 280
 Бардин И.П. 182
 Баркер Ф. 20
 Барнет К. 168, 258
 Бартлет Дж. 307
 Батлер Р.А. 350
 Бачер Г.К. 134
 Беверидж У. 159, 219, 255, 262, 263, 265, 267-269, 273
 Бевин Э. 41, 144, 154, 159, 160, 162, 164, 165, 255, 259, 352
 Бедный Д. 329
 Белл Ф. 365
 Берггольд О.Ф. 287, 302
 Бережков В.М. 380
 Берл А. 249
 Берлин И. 334
 Берлинг Э. 79
 Бернс Дж. 192
 Бивербрук, лорд 116, 144, 145, 188, 231, 355, 370, 371, 424
 Бирнс Дж. 389, 419
 Блэк Х. 316
 Блюм Л. 61
 Блюментриг Г. 63
 Бок Ф. 68
 Болдуин С. 349
 Болл С. 20
 Бор Н. 418
 Боуэн Э. 272
 Брайант А. 50, 52
 Браудер Э. 317
 Браун Т. 20
 Бродан Д. 437
 Бродель Ф. 36
 Брук А. 39, 40, 42-45, 52-55, 277
 Брэдли О. 102
 Буденный С.М. 73
- Буллок А. 68
- Вагнер А.** 306
 Вайнант Дж. 146, 373, 374, 375, 384
 Ванденберг А. 238
 Ванников Б.Л. 174
 Василевская В.Л. 291
 Василевский А.М. 74, 80
 Ваттер Г. 204
 Ватутин Н.Ф. 74
 Вашингтон Дж. 413
 Веденев Б.Е. 182
 Верт А. 291, 332
 Вильсон В. 30, 317, 394, 395, 402, 409, 412, 422, 423, 437, 441
 Винчел У. 320
 Власов А. 293
 Вознесенский Н.А. 175, 183, 193
 Волкогонов Д.А. 25
 Ворошилов К.Е. 377
 Вуд К. 259
 Вултон, лорд 144
 Вышинский А.Я. 368, 375, 377 386
- Гайдар А.** 297
 Галифакс, лорд 343, 349, 350, 358
 Гарриман У.А. 116, 226, 231, 247, 370, 371, 379, 381, 382, 384-387, 410-413, 419, 425
 Гаррисон М. 174, 233, 280
 Гарриссон Т. 257, 333, 334
 Гарфилд Дж. 318
 Гейне Г. 291
 Гендерсон Л. 200
 Гесс Р. 423, 469
 Гитлер А. 22, 26, 28, 29, 32, 36, 40, 62, 63, 97, 104, 121, 130, 156, 166, 227, 231, 232, 239, 240, 266, 270, 272, 326, 327, 329, 331, 332, 350, 354, 355, 358, 367, 398-403, 418, 423, 428, 429, 431, 432, 433
 Глушко В.П. 182
 Глушнев В. 284
 Глэнтц Д. 80, 346
 Гоббс Т. 197
 Говард М. 46, 47, 55, 133
 Говоров Л.А. 77
 Голиков Ф.Н. 115
 Голль Ш. де 359, 419, 439
 Головки А.Г. 69
 Горбатов Б.Л. 291
 Горбунов В.П. 187
 Гормли Р.Л. 112
 Гопкинс Г. 30, 115, 187, 195, 209, 229, 231, 369, 386, 387, 401, 425
 Горбачев М.С. 438, 439
 Городецкий Г. 365

- Гоулд М. 316
 Гринвуд А. 262
 Гринфилд К.Р. 125
 Гриффис Т. 116
 Громыко А.А. 231, 330, 431
 Гроссман В. 291
 Грю Дж. 386, 387
 Гудков М.Н. 187
 Гусев Ф.Т. 381, 384, 385
- Дайкс В. 44
 Даллин А. 293
 Данилова М.М. 285, 289
 Данкен Э. 164
 Данте Алигьери 291
 Дарлан Ж.-Л. 339
 ДеВитт Дж. 311, 325
 Джекоб И. 43
 Джессап Дж. 174
 Джефрис К. 277
 Джонсон Л. Б. 394, 412, 440
 Джонстон Э. 330
 Джоуитт У. 262
 Дилл Дж. 40-44, 120
 Дин Дж.Р. 19, 126
 Довженко А. 301
 Долтон Х. 144, 352
 Донской Дмитрий Иванович 290
 Дос Пассос Дж. 309
 Достоевский Ф.М. 45
 Драйзер Т. 335
 Дрэммонд Р. 335
 Дуглас У. 316
 Дурбин Э. 262
 Дэвис Дж. 317, 377
 Дэвис К. 317
 Дэйл Г. 332
- Ельцин Б.Н. 439
 Еременко А.И. 74, 75
- Жданов А.С. 79
 Жуков Г.К. 72, 78-81, 131, 174, 186, 388
- Зорге Р. 132
- Иванов С.П. 81
 Иден А. 31, 39, 46, 128, 189, 195, 255,
 349, 354-357, 359, 360, 365, 367, 369,
 370, 371, 372, 374, 375, 379, 382, 384,
 416, 425, 431, 432
 Икес Г.Л. 30, 209, 210
 Ильюшин С.В. 187
 Иоффе А.В. 182
 Исмей Г. 431
- Йорк Дж. 387
- Каганович Л.М. 177
- Кадоган А. 350, 355
 Кайзер Г. 29, 214
 Кальтенборн Г. 320
 Кан Д. 418
 Каннингхэм Э. 42, 43
 Капица П.Л. 182
 Капра Ф. 318, 337
 Каслри, лорд 423
 Кейнс Дж.М. 151, 153, 237, 248, 259, 262,
 268, 409
 Кеннеди Дж.Ф. 412, 442
 Кент Р. 335
 Керзон, лорд 180, 195, 326, 348, 371, 380,
 384
 Керр А.К. 180, 195, 375, 386, 387
 Керр Г.Р. 119
 Кессельринг А. 49
 Киган Ф. 303
 Кинг Р.Г. 378
 Кинг Э. 92, 122
 Кирпонос М.П. 69
 Киршнер М. 306
 Киссинджер Г.А. 134
 Китчен М. 365
 Кларк М. 97
 Клаузевиц К. 37, 43, 106
 Клейтон У. 245
 Клемансо Дж. 422
 Клементс С. 20
 Клифф Э. 20
 Клиффорд Кл. 419
 Клоуз А. 320
 Клюге Г. 76
 Ковальченко И.Д. 20
 Коззэнс Д.Г. 38
 Комаров В.Л. 332
 Конев И.С. 72, 78-80
 Коннолли Д. 192
 Корвин Н. 318, 320, 321
 Корнейчук А.Е. 291
 Королев С.П. 182
 Котин Ж.Я. 173
 Кошкин М.И. 173
 Кржижановский Г.М. 182
 Кристиансен Дж. 125, 126
 Криппс С. 354, 362, 368-372
 Кроу Дж. 313
 Кроули Л. 229
 Кузнецов Н.Г. 66
 Кузнецов Ф.И. 69
 Курчатов И.В. 182, 183, 244
 Кутузов М.И. 290
 Кучеренко Н.А. 173
 Кэмпбелл Р. 414
 Кэннадин Д. 257, 268
- Лавочкин С.А. 187
 Ламонт К. 335
 Латтр де Тассиньи Ж.М.Г. 79

- Лебедев И.В. 20
 Лебедев-Кумач В. 279
 Леверинг Р. 337
 Леги У.Д. 92
 Лееб В. 68
 Лейтон У. 148, 170
 Ленин В.И. 24, 29, 32, 284, 286
 Ли В. 333
 Лиддел Гарт Б. 43
 Линкольн А. 25
 Липпман У. 317
 Лист В. 73
 Литвинов М.М. 125, 231, 316, 372, 373, 376
 Литтлтон О. 145, 167, 242
 Ллойд Джордж Д. 422
 Лозовский С.А. 369, 370, 371
 Ломоносов М.В. 284
 Лонг Б. 230
 Лоу А. 316
 Луис Д. 319
 Льюис Дж.Л. 204, 210
 Льюис Ф. 320
 Лэнгхорн Р. 20
 Любин А. 209
 Люс Г.Р. 317, 321, 322, 337
- Майнер С. 365**
 Майский И.М. 128, 189, 368-371, 374, 375, 387, 422, 426
 Макартур Д. 80, 95, 96, 98, 99, 103, 105, 118, 340
 Макдональд Р. 349
 Маккензи Л. 20
 Макмиллан Г. 431
 Макриди Д.Н. 120
 Малиновский Р.Я. 80
 Манштейн Э. 74, 76
 Мао Цзэдун 416
 Мардер А. 42
 Мартель Г. 127
 Маршалл Дж. 32, 40, 44, 55, 88, 92-94, 98, 118, 122, 124, 125, 134, 220, 402, 419, 423, 431, 438
 Масленников И.И. 75
 Мельник А. 293
 Меньшиков А. 332
 Мерецков К.А. 67, 77, 80
 Мерфи Р. 415
 Месон-Макфарлан Н. 115
 Микоян А.И. 189, 387
 Минин Кузьма 290
 Митчелл У. 88
 Молотов В.М. 94, 122, 231, 247, 279, 330, 345, 355, 369-372, 373-377, 379, 384, 385, 386, 389, 402, 403, 405, 406, 413, 426, 431, 435
 Молсон Х. 262
 Моннэ Ж. 115
- Монтгомери Б.Л. 39, 56, 102
 Моргентгау Г. 247, 248, 352, 404, 434
 Морозов А.А. 173
 Муссолини Б. 97, 350, 429, 431, 432
 Мэрроу Р. 31, 259, 320
 Мэхен А.Т. 88, 113
- Наполеон Бонапарт 329, 422**
 Нахимов П.С. 290
 Нелсон Д. 201, 208, 217, 253, 316
 Нельсон Г. 42
 Нимиц Ч. 99, 103-105, 311
 Новиков Н.В. 387
 Нокс Ф. 89, 341
 Номура К. 397
 Ноув А. 283
 Ньюолл С. 42
 Ньютон И. 332
- Оакс Г. 321**
 Окинлек К. 39
 О'Коннор Р. 43
 Октябрьский Ф.С. 69
 Олдос Р. 20
 Оливье Л. 333
 Оруэлл Дж. 333
 Осима Х. 132
- Павлов Д.Г. 66, 69**
 Патон Е.О. 182, 295
 Паттерсон Р.П. 207, 208
 Паттон Дж.С. 419
 Паулос Ф. 74, 123
 Паунд Д. 42, 43
 Пауэлл А. 44
 Першинг Дж. 114
 Петляков В.М. 187
 Петров И.Е. 75
 Пожарский Дмитрий, князь 290
 Понд А. 20
 Попов М.М. 69, 77
 Портал Ч. 42, 43
 Пристли Дж.Б. 56, 255, 332
 Прокофьев С.С. 316, 336
 Пуркаев М.А. 80
 Пушкин А.С. 291
- Рейган Р. 440**
 Репин И.Е. 291
 Риббентроп И. 432, 433
 Роббинс Л. 265
 Робинсон Дж. 319
 Робсон П. 335
 Рокоссовский К.К. 74, 79, 80
 Роммель Э. 38, 39, 123
 Роскилл С. 42
 Ростовцев И.А. 284
 Рублев А. 291
 Рузвельт Т. 30

- Рузвельт Ф.Д. 9, 19, 29-33, 37, 46, 71-73, 78, 86, 88-90, 92-95, 98, 100, 101, 106, 111, 113, 115-117, 119, 121, 122, 124-127, 148-150, 167, 168, 189, 195, 197, 198, 202, 203, 208, 211, 218, 219, 226-232, 236, 238-240, 242, 243, 245, 246, 248, 250, 315, 317, 328-330, 335, 341, 342, 349, 350, 353-354, 359, 362, 369, 370, 372-385, 394, 396-398, 400-419, 422-427, 432-436, 439-442
 Рузвельт Э. 330
 Рундштедт Г. 68
 Рэдгрейв М. 333
 Сарджент О. 358
 Сверчевский К. 79
 Свинг Р. 320
 Севостьянов Г.Н. 19
 Сейерс Р.С. 255
 Семенов Г. 298
 Сергей, митрополит 290
 Сиверейд Э. 320
 Симонов К.М. 291, 328, 329, 344
 Ситрин У. 378
 Смирнов Ю. 194
 Смит У.Б. 44
 Сноу Э. 417
 Солтер А. 150
 Сомервелл Б.Б. 201, 208
 Спаатс К. 79, 311
 Спендер С. 265, 270, 271
 Сталин И.В. 6, 9, 10, 12, 14, 15, 18, 24-29, 31-33, 39, 45, 70, 71, 73, 82, 100, 101, 103, 111, 115, 117, 121-126, 130, 132, 174, 175, 182, 187, 189, 226, 227, 231, 236, 244, 248, 281, 285, 286, 290-294, 301, 302, 316, 317, 327-331, 337, 344, 348, 349, 353, 355-357, 368-378, 380-390, 400, 402, 404-413, 418, 423-426, 428, 431, 433-437, 439-442
 Старк Г.Р. 88, 89, 92, 112
 Стендли У.Г. 125, 377
 Степанов М.С. 427, 428
 Стеттиниус Э. 192, 229, 245, 246, 386
 Стилуэлл Дж. 98, 103, 106
 Стимсон Г.Л. 89, 91, 98, 220, 239, 395, 418
 Суворов А.В. 290
 Сун Цзывень 373
 Такер Р. 290
 Тарабанов П.В. 288
 Твардовский А.Т. 291
 Теддер А. 79
 Тейлор М. 419
 Тейлор Р. 318
 Тизард Г. 128, 243
 Тимошенко С.К. 65
 Титмус Р. 255, 268, 270
 Тодзио Х. 423, 432
 Толбухин Ф.И. 81
 Толстой А.Н. 291
 Толстой Л.Н. 291, 332
 Томас Л. 320
 Торн К. 40
 Торндайк С. 333
 Тоун Р.Х. 262
 Трибуц В.Ф. 69
 Трумэн Г. 182, 192, 198, 202, 213, 215, 244, 248, 330, 341, 357, 387-389, 404, 411-413, 412-420, 423, 426
 Туполев А.Н. 187
 Тюленев И.В. 69, 73
 Уайт Г.А. 342
 Уилки У. 317, 337
 Уимисс К. 119, 120
 Уманский К. 231, 377
 Уоллес Г. 201, 208, 218, 316, 318, 341
 Уотт Д.К. 365, 368
 Устинов Д.Ф. 178
 Уэйвелл А. 118
 Уэйн Дж. 318
 Уэллес С. 307, 369
 Уэллс Г. 332
 Фабий Квинт 51, 52
 Флёрвон И.А. 180
 Фонтейн М. 333
 Форд Г. 214
 Форд Дж. 318
 Фридрих Великий 64
 Фрэнк Дж. 317
 Фу Бинчан 379
 Хан Д. 308
 Харигтон Ю.Б. 194
 Харрис Р. 316
 Харламов Н.М. 115, 129
 Хейг Д. 49
 Хейнрици Г. 79
 Хеллер Дж. 51
 Хемминг Ф. 20
 Херринг Дж. 188
 Хинсли Ф.Г. 132, 133
 Хирохито 323
 Хогг К. 262
 Ходжес К. 79
 Хосфорд Д. 20
 Хоттелет Р. 320
 Хоуп Б. 320
 Хэлл К. 146, 226, 229, 375, 377, 378, 380, 396, 397, 399, 408, 416
 Хэлси У.Ф. 99
 Хэммонд Р. 255
 Чандлер А.Д. 118
 Чан Кайши 98, 99, 103, 409, 415, 416

- Чаплин Ч. 321
Чейни Дж. 118
Чемберлен Н. 26, 31, 39, 144, 159, 163, 258, 259, 270, 326, 349, 353, 354, 357, 358, 397
Чемберлин У.Г. 335
Ченнолт К. 103
Черевиченко Я.Т. 72
Черчилль К. 333
Черчилль У.Л.С. 7, 9, 12, 19, 21, 31-33, 36-40, 42-46, 49-51, 56, 72, 78, 86, 90, 92-94, 98, 100, 102, 109, 111, 113, 115-117, 121-125, 127, 130, 143-145, 148-150, 159, 163, 166-168, 189, 226, 228-230, 237, 242, 243, 246, 259, 265, 268, 315, 327-331, 333, 335, 349-351, 353-364, 368-383, 385, 398, 399, 401-418, 422-427, 429, 432-437, 439-442
Чехов А.П. 291
Чойбалсан Х. 80
Чув Ф. 330, 345
- Шапошников Б.М. 82
Шахурин А.И. 177, 179, 187
Шверник Н.М. 177
Шевелева А.И. 288
- Шекспир В. 291
Шеридан Д. 21
Шёрнер Ф. 79
Шинуэлл Э. 255
Ширер У. 320
Шолохов М.А. 291
Шостакович Д.Д. 291, 316, 336
Шпагин Г.С. 177
Шуман Ф. 310
- Щербаков А.С. 178, 285
- Эдмондс Р. 383, 424
Эйзенхауэр Д.Д. 39, 47, 53, 93, 95, 97, 102-106, 118-120, 127, 129-131, 134, 311, 378, 431
Эйзенштейн С.М. 327
Эренбург И.Г. 291, 301, 302, 327-329, 344
Эриксон Д. 75
Эттли К. 349, 352, 355, 362, 363
- Юмашев И.С. 80
- Яковлев А.С. 187
Ямамото Дж. 312

Научное издание

**Союзники в войне
1941–1945**

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН*

Заведующая редакцией
"Наука – история"
Н.Л. Петрова

Редактор издательства
Н.Ф. Лейн

Художник
В.Ю. Яковлев

Оригинал-макет
изготовлен в Институте
всеобщей истории РАН

ИБ № 1562

Л.Р. № 020297 от 27 ноября 1991 г.

Подписано к печати 09.02.95
Формат 60 × 90 1/16
Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл. печ.л. 28,5 Усл.кр.отт. 28,5
Уч.-изд.л. 31,9

Тип. зак. 2 4 3 3

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90

Московская типография № 2 РАН
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ДЛЯ ЗАМЕТОК

